This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

B 865,697

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES · SCIENTIA · VERITAS
1817
LIBRARIES

ЛЕКЦІИ ПО НОВОЙ ИСТОРІИ

Профессора В. В. Бауера.

ЧИТАННЫЯ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

Подготовленныя къ печати, редактированныя и изданныя
Графомъ **А. А. Мусинъ-Пушкинымъ**.

ТОМЪ II.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія брат. Пантелеевыхъ. Казанская ул., д. № 33
1888.

D
209
.B34
V.2

Inv № 10455

ПРОВ. 19

0965131-230

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
I.	Отъ издателя	I—V
II.	Вѣкъ Людовика XIV (вторая половина XVII столѣтія)	1—60
III.	Исторія Западной Европы въ XVIII столѣтіи (До революціонная эпоха)	61—438

Общая характеристика XVIII столѣтія стр. 61—76. Положеніе Европы послѣ Утрехтскаго мира до 40-хъ годовъ столѣтія стр. 76—82. Политическое положеніе Германіи послѣ Утрехтскаго мира стр. 82—103. Обзоръ исторіи Швеціи въ первой половинѣ XVIII столѣтія стр. 103—120. Обзоръ исторіи Испаніи въ первой половинѣ XVIII столѣтія стр. 120—128. Обзоръ исторіи Англіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтій стр. 128—205. Обзоръ исторіи Франціи по смерти Людовика XIV стр. 205—226. Очеркъ постепеннаго развитія просвѣтительной литературы XVIII столѣтія стр. 226—306. Очеркъ исторіи Пруссіи съ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія стр. 306—325. Политическое положеніе Австріи при Маріи-Терезіи и Іосифѣ II стр. 325—369. Обзоръ политическаго положенія второстепенныхъ государствъ Западной Европы во второй половинѣ XVIII столѣтія стр. 369—384. Отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ Англіи стр 384—398. Краткое обозрѣніе исторіи Англіи съ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія стр. 398—407. Очеркъ исторіи Франціи наканунѣ революціи конца прошлаго столѣтія стр. 407—438.

IV.	Критическая статья В. В. Бауера по поводу книги «Louis XIV et Strasbourg», par Legrelle, 3-me édition Paris 1883	439—483
V.	Историческое изслѣдованіе В. В. Бауера: сношенія Россіи съ Германскими императорами въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій	483—531
VI.	Статья В. В. Бауера: Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи, матеріалы для исторіографіи XVI столѣтія . .	531—566

ДЕРЖАВНА КЛАСИЧНА ГІМНАЗІЯ

Отъ издателя.

Выпуская въ свѣтъ второй томъ лекцій по новой исторіи покойнаго профессора С.-Петербургскаго университета Василія Васильевича Бауера, я считаю необходимымъ предпослать ему нѣсколько словъ.

По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я вынужденъ былъ отложить на цѣлыхъ два года появленіе въ печати нынѣ выпускаемаго втораго тома. Первый томъ отпечатанъ въ 1886 г. Продолжительное отсутствіе мое изъ Петербурга и многочисленныя другія занятія помѣшали мнѣ привести до сихъ поръ въ исполненіе первоначальное мое намѣреніе — немедленно же за первымъ томомъ лекцій издать и второй и такимъ образомъ предоставить въ распоряженіе студентовъ-историковъ, занимающихся новою исторіею, учебное пособіе, обнимающее болѣе или менѣе законченный періодъ, заканчивающійся французскою революціею прошлаго столѣтія.

Излагать же самый курсъ революціи по оставленнымъ В. В. Бауеромъ запискамъ я считалъ излишнимъ въ виду, какъ мною уже упомянуто въ предисловіи къ I тому, существованія на русскомъ языкѣ перевода лекцій о французской революціи бывшаго учителя Бауера, профессора Гейссера, въ обработкѣ профессора Онкена.

Относительно содержанія втораго тома необходимо замѣтить слѣдующее: въ него вошли два курса новой исторіи,

озаглавленные: „Вѣкъ Людовика XIV“ и „Исторія Западной Европы въ XVIII столѣтіи“ (до революціонная эпоха) *).

Первый изъ нихъ представляетъ скорѣе краткій очеркъ исторіи Франціи второй половины XVII столѣтія, въ кототоромъ на первомъ планѣ выступаетъ грандіозная личность великаго короля Франціи и вся капитальная ошибка его государственной системы, воплощенной въ самой личности монарха и вмѣстѣ съ нимъ старившейся и разрушавшейся.

Второй курсъ—исторія XVIII столѣтія до революціи также какъ и первый читался покойнымъ Василіемъ Васильевичемъ для студентовъ III и IV курса, для спеціалистовъ-историковъ, тогда какъ исторія реформаціонной эпохи составляла изъ года въ годъ предметъ его общаго, обязательнаго курса для всѣхъ студентовъ историко-филологическаго факультета. Къ сожалѣнію, и въ данномъ случаѣ матеріалъ, доставшійся мнѣ послѣ смерти Василія Васильевича былъ далеко не полонъ и не представлялъ ничего цѣльнаго, ничего законченнаго.

Матеріалъ этотъ представлялъ ничто иное, какъ конспектъ, болѣе или менѣе подробный, мѣстами совершенно отрывочный, въ которомъ встрѣчались даже весьма существенные пробѣлы. Тѣмъ не менѣе, несмотря на всю его отрывочность, въ конспектѣ этомъ ясно и опредѣленно выступалъ весьма обдуманно составленный и строго выдержанный планъ изложенія; рельефно обозначался взглядъ Василія Васильевича на излагаемыя событія, при чемъ, онъ какъ всегда, главное вниманіе обращалъ на внутреннее значеніе событій, стараясь выяснить внутреннія характерныя черты извѣстной эпохи, того или другаго періода развитія исторической жизни западно-европейскихъ народовъ.

Моя задача заключалась въ томъ, чтобы изъ этого кон-

---

*) Эти лекціи никогда не были литографированы.

спекта, могущаго мнѣ служить исключительно только какъ весьма цѣнная руководящая нить, — воспроизвести живую рѣчь покойнаго Василія Васильевича, составить связное повѣтствованіе событій, придавъ этому повѣствованію внѣшнюю форму историческаго курса и значительно пополняя и видоизмѣняя конспектъ тамъ, гдѣ это было необходимо, для полученія болѣе цѣльнаго изложенія.

Еще нѣсколько словъ по поводу употребленной мною въ этомъ томѣ орѳографіи собственныхъ именъ. Я привожу почти вездѣ собственное имя на иностранномъ языкѣ, какъ только оно представляетъ малѣйшее затрудненіе по своей орѳографіи, хотя это значительно и пеститъ самый текстъ книги, но я предпочелъ это сдѣлать, имѣя въ виду удобство большинства нашихъ студентовъ, большею частью затрудняющихся въ орѳографіи новыхъ иностранныхъ языковъ. Я полагалъ, что транскрипція собственнаго имени на иностранномъ языкѣ облегчитъ имъ всевозможныя справки въ словаряхъ и прочихъ учебныхъ пособіяхъ.

Въ концѣ II тома я помѣстилъ три статьи профессора Бауера, изъ которыхъ только одна — его рецензія на книгу Легреля — „Louis XIV et Strasbourg“ стр. 439, строго говоря, должна была быть помѣщена въ этомъ томѣ, имѣющемъ предметомъ изложенія исторію XVII и XVIII столѣтій.

Остальныя двѣ, помѣщенныя здѣсь статьи — „Сношенія Россіи съ Германскими императорами въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтія“ стр. 483 и „Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи“ стр. 531, конечно, должны были-бы быть напечатаны въ I томѣ, содержащемъ изложеніе исторіи преимущественно XVI столѣтія. Къ сожалѣнію, по независящимъ отъ меня причинамъ, онѣ не были въ моемъ распоряженіи при печатаніи перваго тома моего изданія, а потому я вынужденъ былъ помѣстить ихъ во второмъ томѣ. Всѣ

эти три статьи появились въ разное время на страницахъ Журн. Мин. Народн. Просв. Если будетъ у меня возможность, я постараюсь въ непродолжительномъ времени издать еще третій и послѣдній томъ лекцій В. В. Бауера, въ который войдутъ его курсъ древней исторіи, читанный имъ на Высшихъ женскихъ (Бестужевскихъ) курсахъ и обѣ его диссертаціи тоже по древней исторіи: магистерская „объ Аѳинской гегемоніи", представленная имъ въ 1858 году и докторская — „Эпоха древней тиранніи въ Греціи", — въ 1863 году.

Мнѣ остается надѣяться, что своимъ изданіемъ, принося дань уваженія и благодарности памяти моего учителя, я вмѣстѣ съ тѣмъ принесу и посильную помощь студентамъ-историкамъ и вообще всѣмъ, занимающимся новою исторіею. Осуществленіе этой надежды было бы для меня лучшею наградою.

Гр. А. Мусинъ-Пушкинъ.

С.-Петербургъ,
24-го Марта 1888 г.

Примѣчаніе издателя. По непростительному недосмотру въ первомъ томѣ настоящаго изданія вкрались двѣ грубѣйшія ошибки, а именно: 1) на 67 стр. I тома революція въ Римѣ, во главѣ которой стоялъ Коло-ди-Ріензи отмѣчена подъ 1143 годомъ вмѣсто 1347 года; 2) на 86 и 87 стр. I же тома—какимъ-то чудовищнымъ образомъ спутаны въ одну біографіи двухъ современниковъ, отчасти дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи — кардинала Николая изъ Куза (Cusanus) и Энея Сильвія Пикколомини. Nicolas de Cusa — кардиналъ римской церкви, родился въ 1401 году въ Трирскомъ курфюршествѣ и умеръ въ 1464 году; онъ никогда не былъ папой. Aeneas Sylvius Piccolomini, впослѣдствіи папа подъ именемъ Пія II съ 1458—1464, родился въ 1405 году и умеръ въ одинъ годъ съ

кардиналомъ Кузанусомъ. Грубѣйшіе эти недосмотры, къ крайнему сожалѣнію, замѣчены были мною уже по напечатаніи книги, поэтому я поставленъ былъ въ невозможность устранить ихъ и принужденъ былъ ограничиться вставкою въ каждый экземпляръ перваго тома перепечатанныхъ страницъ, съ исправленіями соотвѣтствующихъ мѣстъ текста.

Кромѣ того, въ оглавленіи перваго тома не оговорена крупная ошибка: вмѣсто Исторія Германо-Романскаго міра напечатано: Исторія Германо-Романскаго мира.

ВѢКЪ ЛЮДОВИКА XIV-го.

Вторая половина XVII столѣтія.

Мы въ предъидущемъ курсѣ разобрали (*) періодъ реакціи, періодъ борьбы между отживавшимъ средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, основанномъ на церкви и ея господствѣ и воплощенномъ въ папствѣ и между новымъ реформаціоннымъ направленіемъ, явившимся, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и революціоннымъ началомъ.

Періодъ этой борьбы продолжался въ каждомъ государствѣ различно — гдѣ менѣе долго, гдѣ болѣе; но примѣрно около столѣтія эта ожесточенная борьба разоряла Европу.

Не смотря на усилія обновившагося до нѣкоторой степени католичества, очистившаго церковь отъ злоупотребленій, оно всетаки въ концѣ концевъ не могло побѣдить.

Исходъ борьбы долго колебался между обѣими сторонами; но одержать верхъ ни католичество, ни протестантство окончательно не могло. Католичество—потому, что не смотря на свое обновленіе, всетаки представляло отживающій принципъ, не удовлетворявшій болѣе человѣчество; протестантство—потому, что еще не достаточно окрѣпло, и не имѣло достаточно силы, чтобы бороться съ могущественнымъ врагомъ, съ вѣками освященною традиціею. Въ изнеможеніи и истощеніи оба врага сознали это послѣ почти вѣковой борьбы; проте-

---

(*) По независящимъ отъ меня обстоятельствамъ, я не могъ достаточно подробно и вполнѣ обстоятельно изложить въ предъидущемъ курсѣ „періодъ католической реакціи", вслѣдствіе недостаточной полноты оставленныхъ покойнымъ Василіемъ Васильевичемъ записокъ, относящихся къ этой эпохѣ. *Прим. издателя.*

стантство было уравнено въ правахъ съ католичествомъ и папство должно было поневолѣ примириться съ дарованнымъ протестантамъ, по Нантскому эдикту и Вестфальскому миру, правомъ свободнаго отправленія богослуженія, съ уравненіемъ ихъ съ католиками въ гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, новые принципы протестантства если и не восторжествовали, то всетаки встали рядомъ съ принципами католичества и распространеніе ихъ сдѣлалось только вопросомъ времени и бо́льшаго, постепеннаго развитія человѣчества.

Вмѣстѣ съ поколебавшимся папствомъ и католичествомъ, поколебались, естественно, и все средневѣковое воззрѣніе, вся сумма понятій и взглядовъ, всѣ идеалы человѣчества, основанные до тѣхъ поръ на церкви и папскомъ авторитетѣ. Они перестали исключительно господствовать въ Европѣ; рядомъ съ ними существовали теперь и другія воззрѣнія, другія понятія, сильныя не вѣковымъ своимъ господствомъ, а разумностью и соотвѣтствіемъ современнымъ требованіямъ и развитію тогдашняго общества.

Вмѣстѣ съ ними поколебались и политическій строй, соціальный бытъ и всѣ условія жизни, основанныя до тѣхъ поръ на исключительномъ господствѣ папства и церковнаго авторитета. Естественно, что новыя воззрѣнія, понятія и идеалы должны были себѣ выработать и новыя формы для своего проявленія; жизнь должна была сложиться иначе, чѣмъ прежде, сообразно съ новыми убѣжденіями.

Подобно тому какъ нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ распространившееся христіанское ученіе, переродившее своими высокими, нравственными истинами человѣчество, преобразило и общество въ политическомъ и соціальномъ отношеніяхъ, точно такой же процессъ, хотя и въ меньшемъ видѣ, долженъ былъ совершиться и теперь.

Послѣ періода возникновенія и распространенія новаго реформаціоннаго ученія, послѣ періода борьбы за существованіе и наконецъ признаніе его законности, естественно долженъ былъ слѣдовать періодъ выработки новыхъ формъ для этихъ новыхъ идей, новыхъ основаній для политическаго, государственнаго и соціальнаго строя общества. Съ XVII столѣтія началась эта работа; она не докончена и до нынѣ.

Великія міровыя задачи человѣчества, къ разрѣшенію которыхъ приступлено было тогда, еще не разрѣшены окончательно и до нынѣ. Французская революція прошлаго столѣтія была только однимъ изъ самыхъ потрясающихъ и знаменательныхъ актовъ этого длиннаго развитія человѣчества.

XIX столѣтіе находится еще, какъ бы, подъ зыбью этой политической бури и продолжаетъ разрѣшеніе историческихъ задачъ, завѣщанныхъ ему предъидущими вѣками.

Въ предшествующемъ курсѣ „Реформаціонной эпохи" я намѣренно такъ долго останавливался на разъясненіи основныхъ понятій и воззрѣній, руководившихъ средневѣковымъ обществомъ; мы говорили тогда и о политическихъ и соціальныхъ явленіяхъ, какъ о результатѣ преобладанія церкви.

Мы говорили тогда, что въ средніе вѣка не существовало государства, какъ мы его понимаемъ въ настоящее время, какъ органическое цѣлое, въ которомъ точно опредѣлены были бы функціи каждаго органа.

Въ средніе вѣка было безчисленное множество крупныхъ и мелкихъ земельныхъ владѣтелей, признававшихъ въ политическомъ отношеніи законнымъ только свою личную волю, въ духовномъ отношеніи—авторитетъ церкви и его представителя, папы.

Не смотря на часто высказываемую оппозицію, теорія объ одной христіанской семьи, глава которой, самимъ Богомъ поставленный, есть папа, была общепринята всѣми вѣрующими.

Папа, церковь, ея догматы — вотъ центры изъ которыхъ все выводилось, которые все обусловливали, какъ въ области явленій отвлеченнаго, духовнаго, умственнаго міра, такъ и въ области явленій видимыхъ, осязаемыхъ, политическихъ.

Императоръ, король не могъ ослушаться папы, не рискуя быть отлученнымъ отъ церкви и лишиться власти; ученый не могъ выступить противъ неосновательности папскаго авторитета, не рискуя быть сожженнымъ на кострѣ, какъ безбожникъ и еретикъ.

Папство было политическою и духовною силою, безъ разрѣшенія которой нельзя было жить, ни политическою, ни умственною жизнью, нельзя было даже молиться.

Реформація поколебала и подорвала эту главную основу всего средневѣковаго зданія; она освободила свѣтскую власть

отъ гнета духовной; она провозгласила, что государь возведенъ точно также Богомъ на престолъ для блага своихъ подданныхъ; она дала государству равноправность съ церковью; въ нѣкоторыхъ государствахъ, какъ напримѣръ въ Англіи она подчинила даже церковь государству, сдѣлавъ, какъ мы видѣли, церковное устройство необходимою вѣтвью государственной администраціи.

Реформація, признавая только одинъ авторитетъ—священнаго писанія, освободила человѣчество отъ умственнаго гнета, въ которомъ держало его папство. Такимъ образомъ совершилось освобожденіе человѣческаго ума и государства отъ опеки церкви.

Но это освобожденіе было только высказано, провозглашено; надо было теперь выработать для этихъ новыхъ понятій и новую форму; надо было прежде всего придать государству независимую отъ церкви форму, опредѣлить границы власти церковной и политической; надо было найти новую, сообразную съ потребностями времени государственную идею, порядокъ управленія и администрацію; надо было, однимъ словомъ, на практикѣ осуществить то, къ чему ученые стремились въ теоріи.

Это была первая насущная потребность XVII вѣка; безъ организованнаго на новыхъ началахъ государства нельзя было идти впередъ на пути умственнаго и нравственнаго прогресса.

Казалось бы, что эту организацію государства, эту выработку новыхъ идей въ политическомъ мірѣ, можно было ожидать отъ народа протестантскаго, отъ того народа, который съ такимъ влеченіемъ и такъ единодушно выступилъ въ XVI столѣтіи противъ папства—т. е. отъ Германіи.

Но вышло иначе. Для этой организаціи была необходима сила политическая, сплоченность интересовъ и нуждъ, а Германія именно въ этомъ отношеніи была всегда слаба. Она ослабла еще болѣе во время борьбы за признаніе протестантскихъ идей, а по окончаніи этой борьбы, впала въ совершенное политическое ничтожество.

Эта роль выпала на долю другой націи, которая, хотя большею частью и осталась католическою, но, тѣмъ не менѣе, приняла въ себя элементы протестантскіе и провела въ жизнь,

осуществила первая, идею протестантства—эманципацію государства отъ церкви.

Страна эта была Франція.

Блистательное время этого періода, лучшее выраженіе его есть вѣкъ Лѣдовика XIV, обнимающій вторую половину XVII столѣтія.

Франція, организованная внутри, господствуетъ и преобладаетъ въ Европѣ, даже и надъ папствомъ, какъ нѣкогда преобладала Германская Имперія.

Вотъ почему при обозрѣніи этого періода монархическаго абсолютизма, мы кладемъ въ основаніе исторію Франціи, какъ въ курсѣ „Реформаціонной эпохи" мы клали въ основаніе исторію Германіи. Но чтобы понять вѣкъ Людовика XIV и его значеніе, чтобы понять это пріобрѣтенное Франціею преобладаніе въ Европѣ, мы должны прослѣдить постепенное политическое развитіе Франціи съ конца религіозныхъ войнъ, т. е. съ Генриха IV Бурбона, съ котораго, собственно, и начинается это преобладаніе и который, собственно, и подготовилъ послѣдующую дѣятельность Ришелье и Людовика XIV. Такимъ образомъ опредѣляется ясно и самая программа нашего предстоящаго курса.

Мы сперва прослѣдимъ исторію Франціи со вступленія на престолъ Генриха IV до самодержавнаго правленія Людовика XIV; за симъ перейдемъ ко внутреннимъ реформамъ, предпринятымъ Людовикомъ XIV, къ его роли преобладающаго въ Европѣ монарха, предписывавшаго законы другимъ государствамъ, представимъ краткое обозрѣніе сосѣднихъ государствъ въ эту эпоху и, наконецъ, закончимъ нашъ курсъ характеристикою правленія Людовика XIV, его системы и выяснимъ значеніе его вѣка. Для этого мы должны начать свое изложеніе исторіи Франціи съ первой половины XVII столѣтія.

Съ возвышеніемъ Генриха IV (1589—1610), началась и для Франціи новая эпоха, эпоха, въ которой, послѣ прекращенія продолжительныхъ религіозныхъ распрей, положено было Генрихомъ IV, заявившимъ, что онъ будетъ королемъ для всѣхъ французовъ и что онъ будетъ выше всякихъ партій, основаніе для новой организаціи государства въ смыслѣ единаго, національнаго цѣлаго. Ему пришлось съ самаго начала бороться съ фанатизмомъ религіозныхъ партій католиковъ и гугенотовъ; ему пришлось бороться съ своеволіемъ силь-

ныхъ аристократическихъ родовъ, стремившихся къ власти и къ обращенію Франціи въ аристократическую монархію, подобно Германіи.

Эти аристократическіе роды, привыкшіе во время религіозныхъ войнъ не признавать другой власти, кромѣ своей воли, опирались постоянно, для достиженія своей цѣли, на враждебную Франціи—Испанію.

Генриху IV приходилось, наконецъ, и въ массѣ вкоренять постоянно ослабѣвавшее во время религіозныхъ войнъ уваженіе къ монархической власти.

Всѣ эти затрудненія Генрихъ IV успѣлъ побѣдить.

Нантскій эдиктъ 13 Апрѣля 1598 года примирилъ религіозныя партіи и даровалъ протестантамъ почти полную свободу вѣры и богослуженія и полное право гражданства.

Миръ въ Vervins 1598 года отнялъ отъ своевольной французской аристократіи иностранную поддержку. Энергическое и справедливое управленіе обезоружило аристократію; соглашеніе съ папою прекратило иноземное подстрекательство. Но осуществленіе національной политики т. е. заступничество за Нидерланды и протестантовъ, какъ естественныхъ враговъ Испаніи, погубило Генриха IV. Религіозный фанатизмъ не успѣлъ еще остыть во Франціи и опасеніе видѣть ее на сторонѣ еретическихъ государствъ, противъ Рима и Мадрида, побудила фанатика Равальяка отстранить казавшагося ему вреднаго для человѣчества и церкви государя.

Генрихъ IV, слѣдовательно, умеръ 14 Мая 1610 года, когда задача его правленія далеко еще не была выполнена. Начало замиренію партій было положено, начало организаціи государственнаго единства было установлено, но еще ничего не было окончено.

Къ тому же онъ умеръ, оставивъ малолѣтняго наслѣдника,—впослѣдствіи Людовика XIII, подъ опекою матери Маріи Медичи, женщины совершенно неспособной вести энергически начатое Генрихомъ IV дѣло.

Настало тяжелое время для Франціи.

Сдерживаемые единственно энергіею Генриха IV, всѣ враждебные ему элементы снова поднялись и слабая женщина, привыкшая вращаться до тѣхъ поръ исключительно среди мелкихъ козней и придворныхъ интригъ, съ трудомъ могла

высвободиться изъ этого хаоса поднявшихся противъ нея политическихъ сплетеній. Казалось, все такъ удачно начатое Генрихомъ IV, будетъ скоро совершенно уничтожено.

Средневѣковые аристократическіе роды со своими претензіями на независимость въ своихъ провинціяхъ и на участіе въ управленіи, снова выступили впередъ. Они опирались на Испанію, которая имъ охотно помогала, чтобы только отвлечь Францію отъ помощи Нидерландамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, затаившаяся было на время злоба католиковъ, преимущественно духовенства, на полученныя протестантами по Нантскому эдикту права, снова пробудилась и заставляла правительство принять мѣры противъ гугенотовъ, которые поэтому тоже становились въ ряды враговъ правительства. Послѣднее не въ состояніи было сдерживать всѣхъ этихъ элементовъ оппозиціи; не обладая энергіею и умѣніемъ, оно само подрывало уваженіе къ себѣ въ массѣ и въ среднемъ сословіи, которое когда-то такъ тѣсно сблизилось съ Генрихомъ IV.

Между тѣмъ Марія Медичи вполнѣ сознавала всю справедливость политики послѣдняго и желала ее продолжать, но не имѣла на то ни силы, ни дарованія.

Она поручила управленіе государствомъ италіанцу Concini, возведенному ею въ marquis d'Ancre и въ маршалы Франціи, который былъ хотя и ловкій человѣкъ, но не государственный умъ и къ тому иностранецъ, успѣвшій уже вооружить противъ себя и регентши всѣ національные французскіе элементы. Все что сдѣлано было хорошаго и полезнаго для Франціи Генрихомъ IV, теперь, при такомъ неспособномъ и неумѣломъ правительствѣ, систематически и послѣдовательно разрушалось, частью изъ надежды, уступками примирить партіи, частью изъ слабости, и результатъ всего этого былъ тотъ, что оппозиція противъ правительства все усиливалась.

Такъ, напримѣръ, начали снова раздавать цѣлыя провинціи въ полное управленіе крупнымъ дворянскимъ родамъ, чѣмъ подкапывались опять подъ, только что начинавшійся устанавливаться при Генрихѣ IV во Франціи, принципъ правительственной централизаціи. Государственные финансы между тѣмъ расточались, а долги все увеличивались.

Никто во Франціи не удовлетворялся этимъ положеніемъ

вещей, а главное—французская аристократія негодовала на всемогущаго иностранца, самовольно управляющаго страною. Оппозиція противъ существовавшаго порядка вещей сгруппировалась около молодаго, достигшаго въ то время совершеннолѣтія, короля.

Concini палъ въ 1617 году жертвою заговора, народъ надругался надъ его трупомъ.

Король Людовикъ XIII разсчитывалъ теперь добиться самостоятельности, но онъ ошибся въ своихъ разсчетахъ. На политическую арену выступилъ знаменитый политическій дѣятель XVII столѣтія—бывшій эпископъ Люсонскій—Ришелье.

Въ теченіе 20 лѣтняго правленія Ришелье съумѣлъ заставить уважать королевскую власть, съумѣлъ провести и утвердить идею государства, какъ высшаго принципа, предъ которымъ должны исчезать всѣ частные интересы и которому должны быть принесены въ жертву всѣ личныя соображенія.

Не легко ему было достигнуть этихъ результатовъ въ постоянной борьбѣ съ врагами Франціи, съ врагами государственной идеи, что было въ то время тождественно, съ врагами внѣшними и внутренними, т. е. съ Испаніею и французскими аристократами, которые не могли примириться съ этой новой идеею государства, такъ какъ это было равносильно для нихъ отказу отъ своихъ средневѣковыхъ правъ, привилегій и политической независимости.

Не смотря на эту постоянную оппозицію, онъ съумѣлъ заставить умолкнуть эти голоса своею личною энергіею, неутомимою дѣятельностью и глубокою любовью къ Франціи.

Не смотря на суровость и строгость его правленія, не смотря на политическія казни, заточеніе, тюрьму и ссылку, народъ примирился съ его дѣйствіями, такъ какъ блестящіе результаты его политической дѣятельности были дѣйствительно для всѣхъ ощутительны.

Внутри утвердился порядокъ, развиваться стало благоденствіе; извнѣ Франція начинала дѣлаться законодательницею Европы и выступала въ рядъ первенствующихъ державъ.

Передъ нею преклонялись европейскія державы и даже папа подчинялся ея предписаніямъ. Слава, блескъ и внутренній порядокъ достигались этой системою.

Такимъ образомъ побѣдою системы абсолютной монархіи

завершилась средневѣковая разрозненность, осуществилась форма правленія, которую ранѣе еще старалась осуществить Испанія. Но Испанія, стремясь къ идеалу абсолютной монархіи, какъ мы видѣли, убила вмѣстѣ съ тѣмъ націю, привела ее къ духовной смерти, отъ которой она и до нынѣ не можетъ очнуться. Испанія черезъ эту систему совершенно утратила свое, нѣкогда блестящее, политическое значеніе. Между тѣмъ Франція, тою же системою монархическаго абсолютизма, какъ бы возродилась и стала законодательницею для всей остальной западной Европы.

Причина этого различія въ результатахъ одной и той-же системы лежала въ томъ обстоятельствѣ, что Карлъ V и Филиппъ II, какъ мы знаемъ, домогались чуждыхъ народу и не отвѣчающихъ тогдашнимъ потребностямъ, цѣлей, а именно: первый изъ нихъ—всемірной монархіи; второй-же—всемірнаго господства католичества, тогда какъ Ришелье домогался своею системою сильной монархической власти — одного только блага народа и девизъ его былъ древній девизъ Рима— „salus populi suprema lex esto". Въ этомъ благѣ видѣлъ онъ осуществленіе своей завѣтной политической цѣли.

Правда сурово, жестоко и даже деспотически проводилъ онъ свою государственную систему, но его поддерживала большая часть націи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ элементовъ.

Мы уже видѣли, что Маккіавелли, хотя правда только для своей Италіи, видѣлъ въ началѣ XVI столѣтія единственный исходъ изъ средневѣковаго хаоса въ абсолютной монархіи; тоже, хотя и ни въ такихъ жестокихъ и коварныхъ формахъ, а на основаніи строго и глубоко обдуманныхъ доводовъ, говорилъ и французскій юристъ Bodin (1530—1595) въ своемъ сочиненіи „De la République". Для него, послѣ продолжительныхъ религіозныхъ войнъ лиги, тоже единственнымъ исходомъ изъ политическаго хаоса, представлялась абсолютная монархія. Эта государственная форма была политическимъ идеаломъ всѣхъ благомыслящихъ людей во Франціи той эпохи, особенно послѣ удачнаго начала, положеннаго Генрихомъ IV. Ее провести было легко во Францію, вполнѣ возможно въ то время, такъ какъ всѣ средневѣковыя учрежденія, какъ то „états généraux", парламенты, уже въ

XV и XVI столѣтіяхъ были совершенно почти обезсилены и, кромѣ того, у правительства во времена Ришелье было уже въ распоряженіи сильное постоянное войско.

Такимъ образомъ Ришелье удалось достигнуть своего политическаго идеала потому, что таково было требованіе времени, таковъ былъ вопросъ, стоявшій на очереди и онъ явился только энергическимъ истолкователемъ этой назрѣвшей потребности времени.

И дѣйствительно, какъ ни сурово было его правленіе, оно было полезно въ то время для Франціи; изъ этого хаоса средневѣковыхъ формъ и могла ее вывести только желѣзная воля и желѣзная энергія.

Средневѣковыя формы утратили свое значеніе, соціальныя отношенія между сословіями измѣнились; все старое, однимъ словомъ, было разрушено, между тѣмъ ничего новаго еще не существовало.

Вторая половина XVI столѣтія вполнѣ доказала, куда можетъ привести государство полное отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ учрежденій, гдѣ одна личная воля и своеволіе играютъ роль и гдѣ, слѣдовательно, идея общаго блага и общей пользы совершенно отсутствуютъ. Исходъ такого положенія вещей—полная анархія, существовавшая напримѣръ въ то время въ Германіи.

Вся Европа это сознавала и мы увидимъ какъ изъ Франціи система абсолютной монархіи вліяла постепенно и на другія страны и какъ она тамъ примѣнялась.

Но спрашивается, все ли сдѣлалъ Ришелье для блага Франціи?

Можемъ ли мы сказать, что осуществленіе идеала современнаго общества имъ было достигнуто вполнѣ, что достигнутый имъ идеалъ государственнаго устройства былъ послѣднею возможною формою для Франціи и человѣчества?

Что абсолютная монархія была единственная возможная форма для тогдашней Франціи и для будущей Франціи, такъ думали тогдашнее общественное мнѣніе и лучшіе люди эпохи. Франція, благодаря этой формѣ правленія, наконецъ отдохнула отъ вѣковой безурядицы.

Современники Ришелье не могли, какъ мы въ XIX столѣтіи, смотрѣть на эту форму, какъ на необходимое пере-

ходное звено, какъ на форму, только соотвѣтствовавшую тогдашнему времени, тогдашнему развитію общества.

Но въ этомъ мы ихъ и не можемъ упрекать.

Мы можемъ только, изучая ходъ развитія западно-европейскаго общества, сказать, что система Ришелье была дѣйствительно полезна для современной ему Франціи, но что въ самой его системѣ кроились зародыши неминуемой для нея близкой гибели.

Капитальная ошибка его системы заключалась въ томъ, что онъ проводилъ новую государственную форму, строилъ новое государственное зданіе, но не позаботился въ то же время о созданіи и новыхъ учрежденій ,опираясь на которыхъ, эта новая система могла бы усовершенствоваться постепенно и измѣниться со временемъ, если къ тому общество достаточно созрѣетъ.

Въ его системѣ государственнаго управленія все зависѣло отъ личности правителя, отъ его воли, энергіи, пониманія; но кто могъ поручиться за будущее, кто могъ сказать, что цѣлый рядъ способныхъ дѣятелей послѣдуетъ за нимъ, дѣятелей, которые, подобно ему, съумѣютъ вести также энергически, также благородно всю Францію?

Въ этомъ отсутствіи учрежденій и заключалась ошибка системы Ришелье; въ этомъ и заключалась причина отклоненія, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, Людовика XIV отъ вѣрнаго пути, причина господства его личнаго произвола, а не закона и блага страны, причина перехода его правленія отъ абсолютной монархіи къ крайнему деспотизму восточныхъ правителей.

Въ этомъ, наконецъ, таились зародыши и послѣдующей великой французской революціи.

Ришелье самъ сознавалъ, что имъ однимъ все держится. Умирая 4 Декабря 1642 года, рекомендовалъ онъ въ преемники своей политики Мазарини.

Онъ понималъ, что лишь только его опустятъ въ могилу, лишь только не будетъ его сильной, сдерживающей руки, оппозиція, еще не совсѣмъ убитая, снова поднимется и разрушитъ плоды его многолѣтней политической дѣятельности.

Тѣмъ болѣе это было неизбѣжно, что наслѣднику престола было въ это время всего 5 лѣтъ, а король Людовикъ XIII, по болѣзненности, врядъ ли могъ долго еще прожить.

Мазарини былъ италіанецъ по рожденію. Король его принялъ въ свой совѣтъ, по смерти Ришелье. Мазарини уговорилъ его составить на случай смерти духовное завѣщаніе. По этому завѣщанію регентшею до совершеннолѣтія Людовика XIV назначена была жена Людовика XIII—королева Анна Австрійская, сестра Филиппа IV Испанскаго. Главнымъ руководителемъ ея оставался Мазарини.

14 Мая 1643 г. умеръ Людовикъ XIII.

Въ торжественномъ засѣданіи парламента вскрыто было его завѣщаніе. Анна провозглашена была полновластною регентшею сына. Вокругъ ея стали группироваться теперь всѣ недовольные элементы въ государствѣ, до сихъ поръ тщетно выступавшіе противъ государственной системы Ришелье. Они надѣялись теперь играть при дворѣ роль и раздѣлить власть между собою, отнявъ ее совершенно изъ рукъ Анны. Во Францію стали опять являться эмигранты и изгнанники эпохи Ришелье, и повторялось, казалось, печальное время регентства Маріи Медичи.

Эти аристократы, окружавшіе теперь дворъ и искавшіе власти, ставившіе благо Франціи въ зависимость отъ своего управленія, хвалились своими заслугами отечеству, что впрочемъ было отчасти справедливо; они совершенно оттѣснили и съ презрѣніемъ смотрѣли на дѣятелей эпохи Ришелье, отъ которыхъ они и получили прозваніе „les importants“. Но скоро эти „importants“ убѣдились, что всѣ ихъ разсчеты не вѣрны, что надежда на власть для нихъ тщетна и что Анна Австрійская совершенно и не намѣрена отступить отъ программы Ришелье. Она назначила въ государственный совѣтъ всѣхъ тѣхъ лицъ, на которыхъ указывало завѣщаніе Людовика XIII, въ томъ числѣ и Мазарини.

Тогда разыгралась долго затаенная ненависть противъ Мазарини и самаго правительства.

Борьба эта извѣстна подъ именемъ „Фронды“; она продолжалась съ 1648—1653 годъ.

Фронда—послѣдняя попытка аристократіи противъ монархіи, послѣднее усиліе, въ которомъ соединились парламентъ, третье сословіе и крупное дворянство—совершенно противоестественное соединеніе.

Кардиналъ Retz, великій Condé, даже одно время Turenne были вожаками этого антиправительственнаго движенія.

Одно время дворъ даже бѣжалъ изъ Парижа; Мазарини два раза бѣжалъ изъ Франціи. Но монархія всетаки въ концѣ концовъ побѣдила. Послѣ баррикадъ, воздвигнутыхъ въ faubourg St. Antoine, оппозиція сложила оружіе и только Condé одно время еще держался на югѣ, поддерживаемый испанцами, но и онъ скоро примирился съ правительствомъ и въ духовномъ своемъ завѣщаніи наказывалъ дѣтямъ своимъ никогда не подымать оружія противъ короля.

Абсолютная монархія, такимъ образомъ, восторжествовала для блага Франціи надъ сепаративными стремленіями аристократіи.

Теперь она могла организоваться внутри, теперь она могла приступить къ выполненію второй части своей программы—къ политическому преобладанію въ Европѣ.

Абсолютная монархія сдѣлалась во второй половинѣ XVII столѣтія политическимъ вѣрованіемъ для современниковъ; въ королѣ, въ личности его воплотилась государственная идея; блестящая аристократія стала домогаться теперь какъ чести служить при дворѣ; въ милости или немилости короля видѣла она теперь свое счастіе, значеніе и достоинство.

Какъ передъ государствомъ исчезали всѣ частные, личные интересы, такъ передъ королемъ теперь исчезали всѣ индивидуальности, воля, воззрѣнія и убѣжденія частнаго лица.

Эта новая государственная доктрина стала развиваться въ противоположность прежней лиги; если народъ терпитъ отъ ошибки или недостатковъ своего государя, онъ не имѣетъ нравственнаго права, учила эта новая доктрина, браться за оружіе, чтобы возстановить свои права; государя нельзя осуждать, а тѣмъ болѣе отстранять, какъ частнаго человѣка, подобно тому, какъ нельзя же помышлять объ осушеніи рѣки только потому, что она иногда выходитъ изъ береговъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что эта система абсолютной монархіи выработалась совершенно по образцу абсолютнаго авторитета католической церкви.

Какъ папство постепенно выработало себѣ абсолютное положеніе въ средніе вѣка, подчинивъ себѣ всѣ враждебные ему элементы, такимъ же образомъ во второй половинѣ XVII

столѣтія и королевская власть замѣнила собою прежнее феодальное устройство и стала властвовать самодержавно. На этихъ воззрѣніяхъ монархическаго абсолютизма выросталъ Людовикъ XIV и достигалъ совершеннолѣтія; удивительно ли что онъ воплотилъ въ себѣ эту доктрину, что онъ привыкъ глубоко вѣрить въ истину впослѣдствіи сказанныхъ имъ словъ „l'état c'est moi".

Впрочемъ, по первымъ его дѣйствіямъ, по достиженіи имъ совершеннолѣтія, нельзя было еще предвидѣть его послѣдующей роли могучаго монарха.

Венеціанскіе послы въ своихъ донесеніяхъ высказывали въ то время мысль, что онъ будетъ похожъ на отца и заставитъ министровъ за себя работать. Но вышло иначе. Пока живъ былъ Мазарини, онъ и не вмѣшивался въ управленіе Франціею. Онъ уважалъ его и вполнѣ ему довѣрялся. Послѣднимъ политическимъ дѣломъ Мазарини былъ Пиринейскій миръ 1659 года.

Но лишь только Мазарини умеръ, Людовикъ XIV самъ взялъ въ руки бразды правленія.

Перваго министра онъ имѣть не хотѣлъ; онъ имѣлъ около себя совѣтъ, состоявшій изъ людей, имъ самимъ избранныхъ, изъ людей, выросшихъ въ новыхъ идеяхъ монархическаго абсолютизма, исчезавшихъ, такъ сказать, лично передъ нимъ, не искавшихъ ни власти, ни почестей для себя, а работавшихъ неутомимо изъ за королевскаго престижа.

Съ подобными помощниками приступилъ онъ къ внутренней организаціи Франціи.

Задача предстояла ему не легкая.

Получивъ отъ предшественниковъ своихъ въ наслѣдіе уже намѣченный ими планъ къ достиженію цѣли, заключавшейся въ утвержденіи сильной центральной монархической власти на развалинахъ феодальнаго строя, и въ возвышеніи Франціи надъ другими европейскими державами, Людовику XIV предстояло завершить завѣщенную ему программу—создать учрежденія, которыя бы упрочили за Франціею этотъ монархическій строй вмѣстѣ съ преобладаніемъ въ Европѣ.

Людовикъ XIV вполнѣ сознавалъ всю трудность выпавшей на его долю задачи, и въ первую половину своего правленія, примѣрно до Нимвегенскаго мира 1679 года — съ энергіею

выполнялъ ее, имѣя постоянно въ виду благо Франціи и благоденствіе своихъ подданныхъ; но успѣхами и удачами своими Людовикъ XIV слишкомъ скоро возгордился и увлекся ими до того, что уже во второй половинѣ своего правленія онъ стремился болѣе къ собственному прославленію, приносилъ въ жертву своему эгоизму благосостояніе подданныхъ, подрывалъ уваженіе къ монархіи и подготовлялъ такимъ образомъ для Франціи полное внутреннее разореніе и ослабленіе ея значенія въ политическомъ мірѣ Европы.

Послѣ смерти Мазарини Людовикъ заявилъ, что онъ самъ будетъ управлять, говоря „le roi et celui qui règne ne seront pas deux personnes différentes".

Многіе изъ аристократовъ, которые во время фрондской войны успѣли пріобрѣсти вліяніе, какъ напримѣръ Condé и кардиналъ Retz, были удалены отъ двора; о послѣднемъ Людовикъ выразился: „il ne rentrera pas, tant que je vivrai". Этимъ онъ прямо заявилъ, что онъ не потерпитъ болѣе, чтобы личныя стремленія играли какую либо роль въ государствѣ.

Первое мѣсто въ его совѣтѣ занималъ Le Tellier, которому поручена была внутренняя администрація Франціи. Для внѣшнихъ сношеній былъ у него Lionne, замѣчательный дипломатъ, хорошо знакомый съ внутреннимъ состояніемъ сосѣднихъ государствъ.

Наконецъ, была еще одна личность весьма замѣчательная, но которую вскорѣ Людовикъ XIV удалилъ — это былъ Fouquet, человѣкъ чрезвычайно способный, но не совсѣмъ безкорыстный.

Еще при Мазарини Фуке занимался финансовою частью, отраслью столь важною для выполненія обширныхъ плановъ французскаго правительства. Самъ Мазарини, умирая, просилъ короля удалить Фуке отъ должности, что скоро и было исполнено Людовикомъ по слѣдующему поводу.

Государственные доходы во Франціи не собирались извѣстнымъ присутственнымъ мѣстомъ, а отдавались на откупъ.

Правительство брало у богатыхъ капиталистовъ (partisans) деньги впередъ и взамѣнъ выдавало имъ бланки для собиранія государственныхъ податей съ подданныхъ.

Этотъ способъ сбиранія податей былъ самымъ больнымъ мѣстомъ тогдашней финансовой системы Франціи, такъ какъ

сборщики эти стремились сбирать съ населенія сумму, гораздо большую, чѣмъ ту, которою ссудили правительство, и съ этою цѣлью, разумѣется, грабили и разоряли несчастный народъ, отнимая у него часто послѣднее его имущество.

Фуке участвовалъ, конечно, не лично въ этихъ денежныхъ операціяхъ, завѣдывая въ то же время финансовою частью въ государствѣ; такъ что въ этой сферѣ нельзя было ожидать никакой существенной реформы, пока во главѣ финансовой администраціи стоялъ человѣкъ, принимавшій, хотя и косвенно, участіе въ злоупотребленіяхъ.

Удалить же или отставить его отъ должности представлялось королю дѣломъ не легкимъ, такъ какъ за него стояла многочисленная партія, щедро имъ награждаемая.

Однажды Людовикъ XIV былъ приглашенъ къ Фуке на празднество, во время котораго король приказалъ его арестовать и нарядить надъ нимъ слѣдствіе. Онъ былъ заключенъ въ 1661 году въ отдаленную крѣпость и продержанъ тамъ до конца жизни. Для суда надъ Фуке учреждена была финансовая комиссія, подъ предсѣдательствомъ Кольбера, человѣка необыкновенно дѣятельнаго, обладавшаго громадными финансовыми познаніями и при этомъ еще отличавшагося необыкновенною скромностью.

Подобный человѣкъ былъ настоящимъ кладомъ для Людовика XIV.

Ему-то теперь и поручено было разобрать финансовыя дѣла Франціи, пришедшія въ настоящій хаосъ за время управленія его предшественника.

Исполнилъ онъ вполнѣ удовлетворительно выпавшую на его долю трудную задачу.

Подъ его предсѣдательствомъ комиссія (conseil de finances) раскрыла значительныя злоупотребленія (*). Оказалось, что партизаны, ссужая правительство напримѣръ тысячью ливровъ, взимали съ народа въ пять разъ больше. Вновь учрежденная: „chambre de justice“ присудила партизановъ за ихъ

---

*) См. Шерюэль—„Histoire de l'administration monarchique en France“. Въ пять лѣтъ изъ секретныхъ фондовъ государственной кассы расхищено было до 380 мил. ливровъ. Государственный долгъ въ то время простирался до 430 мил. ливровъ.

злоупотребленія къ уплатѣ штрафа въ 70 милл. ливровъ. Этимъ казна поправилась, государственные, весьма значительные, долги были выплачены, хотя и по уменьшеннымъ процентамъ, налоги облегчены и затѣмъ тщательно просмотрѣны были всѣ за послѣдніе 30 лѣтъ дарованные дворянскіе патенты, которые и были отмѣнены королевскимъ указомъ. Они также имѣли вліяніе на общегосударственный доходъ, такъ какъ дворянское сословіе освобождено было отъ уплаты податей. Во время предшествовавшей анархіи и безденежья фрондской войны было легко получить за незначительную сумму такой дворянскій дипломъ, и получившій его, освобождался отъ платежа податей. Такихъ фальшивыхъ дипломовъ къ тому времени появилось весьма много: Кольберъ уничтожилъ ихъ до 10.000. Затѣмъ поземельный налогъ (la taille) былъ увеличенъ и обращенъ изъ личнаго въ поземельный, а налогъ на соль (la gabelle), какъ на предметъ первой необходимости, былъ уменьшенъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кольберъ увеличилъ налоги на вино, табакъ, карты и т. д. Прямымъ слѣдствіемъ устраненія этихъ финансовыхъ злоупотребленій, было обогащеніе государственной казны съ полутора милліона ливровъ до 21 милліона. Онъ первый учредилъ во Франціи заемный банкъ для мелкихъ капиталистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кольберъ обратилъ серьезное вниманіе на развитіе новой экономической системы въ государствѣ, Кольберъ принадлежалъ къ такъ называемой, „меркантильной школѣ“ экономистовъ, появившейся въ XVII столѣтіи. Послѣдователи ея считали источникомъ богатства не трудъ, а деньги, исходя изъ той идеи, что бо̀льшее или меньшее количество звонкой монеты въ странѣ обусловливаетъ бо̀льшее или меньшее богатство въ государствѣ.

Съ этой цѣлью Кольберъ долженъ былъ придумать такія мѣры, которыя сосредоточили бы какъ можно больше звонкой монеты въ государствѣ; для достиженія чего необходимо было развить, по возможности, внутреннюю мануфактурную промышленность и производительность края.

Во Франціи въ то время существовало много учрежденій, препятствовавшихъ развитію внутренней промышленности.

Къ числу послѣднихъ принадлежали многочисленныя таможни, которыя Кольберъ пытался уничтожить, но не вездѣ

успѣшно, такъ напримѣръ въ Эльзасѣ,—области, хотя и присоединенной къ Франціи, но съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ, принадлежавшихъ ей правъ и привилегій. Во всѣхъ же сѣверныхъ и центральныхъ провинціяхъ Франціи внутреннія таможни были уничтожены. Остался въ силѣ только такъ называемый „octroi", взимавшійся съ жителей, при ввозѣ въ городъ сельскихъ и мануфактурныхъ продуктовъ.

Съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, по крайней мѣрѣ въ 12 провинціяхъ Франціи, необходимо было, конечно, усилить внѣшнія, пограничныя, для охраненія туземной промышленности, которая, благодаря Кольберу, значительно расширилась, вслѣдствіе высокихъ пошлинъ, наложенныхъ на заграничные товары.

Изъ Голландіи и Англіи вызваны были ткачи для мѣстнаго шерстянаго производства, изъ Венеціи — мастера для шелковаго издѣлія (*).

Благодаря этимъ мѣрамъ, мануфактурная дѣятельность до того увеличилась во Франціи, что скоро весь заграничный привозъ, въ особенности шерстяныхъ издѣлій, изъ Германіи совершенно прекратился.

Со времени этого рѣзкаго поворота французской торговли городъ Ліонъ начинаетъ играть выдающуюся роль въ ряду промышленныхъ городовъ не только Франціи, но и Европы.

Само правительство учредило Севрскую мануфактуру и возобновило Гобеленовскую ткацкую фабрику для ковровъ, существовавшую еще при Францискѣ I и при Генрихѣ IV. Многочисленныя торговыя компаніи способствовали удешевленію сырыхъ матеріаловъ, привозимыхъ изъ колоній. Внѣшняя торговля Франціи значительно расширила кругъ своей эксплоатаціи; такъ, напримѣръ, такъ называемая „Compagnie du Levant" сильно оживилась; „Compagnie du Nord" создана вновь; „Compagnie de la nouvelle France" открыла свои торговые обороты для эксплоатаціи французской колоніи Канады. Всѣ эти компаніи, встрѣчаемыя, впрочемъ, не сочувственно торговою рутиною во Франціи, были гарантированы значи-

---

(*) См. Клеманъ. „Histoire du système protecteur en France". Около 1670 г. надъ одною выдѣлкою шерстяныхъ матерій работало слишкомъ 44.000 станковъ и до 60.000 рабочихъ.

тельнымъ количествомъ выпущенныхъ акцій, принадлежавшихъ правительству. Нѣкоторыя изъ компаній все таки не могли долго удержаться вслѣдствіе соперничества, возникшаго въ половинѣ XVII столѣтія съ ганзейскими городами.

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, во Франціи закипѣла торговая, промышленная жизнь, которая сосредоточилась преимущественно въ рукахъ средняго сословія, гдѣ нашли широкое распространеніе гугенотскія идеи.

Гугеноты во второй половинѣ XVII столѣтія держали въ своихъ рукахъ всю торговлю и промышленность Франціи и потому находили въ Кольберѣ ревностнаго защитника и могущественнаго покровителя.

При немъ также началъ приводиться въ исполненіе обширный планъ канализаціи; между прочимъ, прорытъ былъ такъ называемый „Лангедокскій каналъ", соединяющій посредствомъ Роны и Гароны Средиземное море съ Атлантическимъ океаномъ.

Кольберу же Франція обязана созданіемъ торговаго флота, вызвавшаго въ свою очередь необходимость возникновенія и военнаго флота для его защиты (*).

Расширеніе существовавшихъ уже въ то время колоній и пріобрѣтеніе новыхъ—составляло одну изъ главныхъ заботъ тогдашняго французскаго правительства.

Въ судебной сферѣ были предприняты также большія реформы, подъ руководствомъ другаго совѣтника Людовика XIV—Le Tellier.

До этихъ-же поръ господствовалъ страшный хаосъ во французскихъ судахъ, происходившій главнымъ образомъ оттого, что чуть ли не каждая провинція и каждый городъ тогдашней Франціи, пользовались своими особыми правами, своею особою юрисдикціею.

Особыя права эти и привилегіи назывались—„coutumes". Все судопроизводство находилось исключительно въ рукахъ провинціальнаго дворянства, дѣйствовавшаго и руководившагося преимущественно своимъ личнымъ произволомъ. Подобныя сепаративныя стремленія мелкаго французскаго дво-

(*) До Кольбера Франція обладала не болѣе 30 военными судами; умирая, онъ оставилъ Франціи военный флотъ въ 275 кораблей.

рянства шли очевидно въ разрѣзъ съ государственною политикою Людовика XIV, стремившагося къ крайней централизаціи всѣхъ государственныхъ органовъ и потому неизбѣжно вызывали съ его стороны желаніе кореннымъ образомъ переформировать все судопроизводство во Франціи. Отнынѣ законодательная власть принадлежала всецѣло одному только королю (*), на долю же судебныхъ инстанцій выпадала только задача—приводить въ исполненіе его рѣшенія, примѣнять къ каждому частному случаю принципъ королевской судебной автономіи.

При этомъ обращено было серьезное вниманіе на одно изъ главныхъ больныхъ мѣстъ до-реформеннаго французскаго суда—на необычайную медленность судопроизводства.

Установлены были сроки для вызова сторонъ и отсрочки въ судахъ всѣхъ инстанцій.

Строго стало преслѣдоваться крайнее лихоимство, господствовавшее до тѣхъ поръ. Въ то время во Франціи существовало еще много провинцій, особенно удаленныхъ отъ центра, гдѣ еще свирѣпствовало полное безправіе; гдѣ новый возникшій принципъ строгой королевской власти, еще далеко не получилъ своего осуществленія, гдѣ, вмѣсто зависимости и тѣсной связи отдаленной окраины съ административнымъ центромъ, слишкомъ ясно замѣтно было полное подчиненіе провинціи произволу и сепаративнымъ стремленіямъ мѣстнаго дворянства, прямо враждебно относившагося къ монархическому принципу и своими злоупотребленіями угнетавшаго мѣстное населеніе.

Подобный порядокъ вещей вызывалъ частыя возмущенія въ провинціяхъ. Въ особенности сильны были эти возмущенія въ отдаленныхъ судебныхъ округахъ, какъ напримѣръ: въ Оверни, гдѣ всѣ судебныя реформы, вводимыя правительствомъ, встрѣчали систематическую оппозицію въ лицѣ мѣстнаго дворянства, имѣвшаго въ своихъ рукахъ все судопроизводство страны, и вызывавшаго своимъ лихоимствомъ и насиліями, повсемѣстный народный ропотъ. Людовикъ XIV,

---

(*) См. Гальярденъ—Histoire de Louis XIV, а также Ранке—Französiche Geschichte im Zeitalter der Reformation.

для прекращенія этихъ злоупотребленій, рѣшился назначить особую слѣдственную комиссію, которой поручено было изслѣдовать на мѣстѣ вопіющія злоупотребленія. Засѣданія этой комиссіи происходили въ городѣ Клермонѣ и получили въ исторіи Франціи названіе: „les grands jours de Clermont en Auvergne". Во главѣ мѣстной дворянской партіи находился ненавистный народу, запятнавшій себя многими злодѣяніями, Vicomte de La Motte de Conillac. Онъ былъ приговоренъ комиссіею, не смотря на его родовитость и многочисленныя связи, къ смертной казни. Этими рѣшительными мѣрами правительство привлекло на свою сторону народную массу, которая стала отнынѣ видѣть въ королевской власти и въ монархическомъ принципѣ надежную и сильную опору противъ вѣковыхъ притѣсненій дворянскаго сословія.

Къ этому же приблизительно времени относится и обнародованіе устава „о рѣкахъ и лѣсахъ", (въ Августѣ 1669 года), положившаго предѣлъ безконтрольной эксплоатаціи лѣснаго хозяйства и водяныхъ сообщеній. Уставъ этотъ просуществовалъ во Франціи до 1826 года.

Одновременно также обнародованъ былъ и новый торговый уставъ (въ 1673 г.), который легъ въ основаніе современнаго французскаго коммерческаго кодекса 1807 года.

Уставъ этотъ имѣлъ цѣлью упрочить развитіе отечественной торговли, оградивъ ее отъ всевозможныхъ рискованныхъ спекуляцій и случайностей, а главное, устранивъ прежнюю медленность коммерческаго суда, тормазившую и убивавшую въ зародышѣ всякія торговыя операціи.

Самый составъ служащихъ въ банковыхъ учрежденіяхъ правительства былъ тщательно обновленъ; для поступленія въ чиновники въ эти учрежденія требовался съ тѣхъ поръ нѣкоторый спеціальный, образовательный цензъ; особенно строго стали преслѣдовать такъ называемыхъ въ торговомъ мірѣ „злостныхъ банкротовъ". Если злостность ихъ обнаруживалась, ихъ ожидала даже смертная казнь.

Подобными мѣрами французское правительство сильно улучшило судопроизводство во Франціи.

Сынъ совѣтника Людовика XIV, Le Tellier, ознаменовавшаго свою дѣятельность только-что разсмотрѣнными нами судебными реформами, носившій титулъ маркиза де-Лувуа,

прославился на другомъ поприщѣ государственной службы въ царствованіе знаменитаго короля Франціи—на поприщѣ необходимыхъ въ то время военныхъ реформъ, обновившихъ совершенно тогдашнее французское войско и способствовавшихъ ему занять въ Европѣ, во второй половинѣ XVII столѣтія, то первенствующее мѣсто, которое до того времени занимало испанское войско. Это первенствующее мѣсто среди боевыхъ силъ Европы занимало французское войско, благодаря реформамъ Лувуа, до второй половины XVIII столѣтія, когда оно въ свою очередь должно было уступить передъ военнымъ геніемъ Фридриха Великаго.

Лувуа былъ человѣкъ высокомѣрный, честолюбивый, заносчивый; своею безпощадною строгостью внушалъ онъ всѣмъ ужасъ. Но подъ этою суровою, непривлекательною оболочкою скрывалась въ немъ богатая, въ высшей степени талантливая натура, безграничная твердость характера и неутомимая, колоссальная энергія. Онъ былъ почти ровесникъ королю и съумѣлъ своими необыкновенными способностями рано обратить на себя вниманіе Людовика и сдѣлаться ему совершенно необходимымъ.

При этомъ обладалъ онъ всѣми свойствами ловкаго царедворца, благодаря чему удалось ему долго удержаться на скользскомъ пути придворной жизни.

Реформы, введенныя Лувуа во французской арміи, сохранили въ ней силу до самой революціи 1789 г. Въ основаніи этихъ реформъ лежала таже идея строгой государственной централизаціи, которою проникнуты были и всѣ прочія реформы царствованія (*). Онъ прежде всего обратилъ вниманіе на болѣе равномѣрное и цѣлесообразное производство военнаго набора, падавшаго, до него, далеко не равномѣрно на различные классы населенія; вмѣстѣ съ тѣмъ регулированъ былъ квартирный постой и различные другіе поборы, взимаемые правительствомъ на содержаніе войска.

Онъ первый предложилъ значительно увеличить численность войска въ мирное время, дабы не быть принужденнымъ въ случаѣ войны къ поспѣшной и не всегда удачной мобили-

---

(*) См. соч. Дареста—Histoire de France, а также соч. Шерюэль—Histoire de l'administration monarchique en France. 2 тома.

заціи. Само собою разумѣется, что подобная мѣра—увеличеніе болѣе чѣмъ вдвое численности войска въ мирное время, могло осуществиться во Франціи только благодаря полезнымъ финансовымъ реформамъ Кольбера; но, несомнѣнно, она придала всей военной организаціи болѣе прочный и устойчивый характеръ.

Подъ вліяніемъ этихъ реформъ мѣнялся самый взглядъ современниковъ на военную службу, на военное дѣло: послѣднее становилось серьезнымъ занятіемъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ существованіе постояннаго войска развивало въ населеніи, отбывающемъ воинскую повинность, чувство военной дисциплины, пріучало его къ военной выправкѣ и обезпечивало правительству хорошо организованное войско, всегда готовое къ бою, сильное своею дисциплиною и своими боевыми традиціями; для боевой славы этого войска реформы Лувуа открыли широкое поле, при завоевательныхъ планахъ первой половины царствованія Людовика XIV.

Самая существенная военная реформа Лувуа заключалась въ томъ, что онъ совершенно преобразовалъ внутреннюю организацію французскаго войска. До него почти все войско было вполнѣ независимо отъ короля, завися вполнѣ отъ мѣстныхъ губернаторовъ провинцій, часто находившихся въ прямой оппозиціи къ королевской власти. Отъ короля же непосредственно зависѣли только два или три полка, носившіе названіе „gens d'armes", сохранившееся и до сихъ поръ.

Естественно, что подобная военная организація, съ точки зрѣнія государственной централизаціи, требовала немедленной реформы, которая и была введена въ войска по иниціативѣ Лувуа.

Необходимо было сосредоточить всѣ военныя силы страны въ рукахъ короля, направить ихъ къ одной конечной цѣли, къ поддержанію и усиленію монархическаго принципа.

Еще при Людовикѣ XIII, Ришелье, имѣя въ виду туже государственную цѣль, назначилъ въ войскахъ нѣсколькихъ полковниковъ, которые являлись послушными орудіями въ рукахъ короля, и отъ которыхъ вполнѣ зависѣли отдѣльные отряды. Лувуа въ свою очередь еще болѣе развилъ эту систему; онъ впервые назначилъ жалованье отъ короля офицерамъ и солдатамъ, которые такимъ образомъ оказывались

прямо на королевской службѣ. Въ полковники, въ начальники отдѣльныхъ отрядовъ стали преимущественно назначаться принцы крови и приближенные короля, что конечно еще болѣе связывало войско съ престоломъ.

Всѣ назначенія и перемѣщенія на военной службѣ стали зависѣть прямо отъ личной воли короля, а также и вся военная администрація была подчинена непосредственно королю и его министру. Лувуа этимъ воспользовался, чтобы по возможности искоренить великое зло, пустившее глубокіе корни—практиковавшуюся въ громадныхъ размѣрахъ продажность военныхъ должностей, являвшуюся такимъ образомъ неизсякаемымъ источникомъ безконечныхъ злоупотребленій. Если не удалось ему вполнѣ искоренить это зло, то по крайней мѣрѣ оно значительно уменьшилось, благодаря строгимъ принятымъ имъ мѣрамъ; онъ не дѣлалъ при этомъ никакого различія между сословіями и происхожденіемъ подчиненныхъ, подводя всѣхъ подъ одну и туже дисциплинарную мѣрку.

Для молодыхъ людей, вышедшихъ изъ знатныхъ родовитыхъ семействъ, привыкшихъ съ дѣтства къ нѣгѣ и роскоши, подобная суровая дисциплина представлялась, конечно, весьма тяжелою и ненавистною; но строгія мѣры эти всетаки въ скоромъ времени имѣли весьма благотворное вліяніе на духъ арміи, и своимъ новымъ принципомъ—общаго равенства передъ военною дисциплиною, они постепенно совершенно обновили французское войско.

Лувуа также обратилъ серьезное вниманіе на спеціальное военное образованіе. Такъ, имъ созданы были впервые во Франціи инженерный корпусъ и артиллерійскія училища (въ Мецѣ и Страсбургѣ). Въ этихъ училищахъ, по справедливому выраженію извѣстнаго современника Людовика XIV Сенъ-Симона, „дворянская молодежь научалась повиноваться, прежде чѣмъ командовать“.

Онъ же первый учредилъ въ войскахъ особую администрацію, на обязанности которой лежало правильно снабжать войска всѣмъ необходимымъ продовольствіемъ. Учрежденіе это обратилось впослѣдствіи въ наше теперешнее интендантство.

Ему же обязана Франція и осуществленіемъ гуманной и патріотической мысли объ устройствѣ постояннаго убѣжища

для престарѣлыхъ воиновъ. Въ прежнее время во Франціи существовалъ обычай помѣщать инвалидовъ въ монастыри, которые обязаны были ихъ содержать на свой счетъ. Но эта мѣра была въ высшей степени не удобна; монастыри весьма неохотно исполняли эту обязанность, стараясь отдѣлаться отъ нея мелкими денежными пособіями инвалидамъ, что, естественно, только еще болѣе увеличивало бродяжничество и нищенство.

Генрихъ IV первый организовалъ въ 1606 году двѣ богадѣльни для инвалидовъ (въ предмѣстьѣ Сенъ-Марсо), но тамъ оставались они не долго и только въ 1670 году Лувуа удалось воздвигнуть знаменитый инвалидный домъ, построенный извѣстными архитекторами того времени (Мансаромъ и Брюяномъ). Пока живъ былъ Кольберъ, вліяніе Лувуа на Людовика XIV было имъ отчасти парализовано, но послѣ его смерти, Лувуа сталъ весьма близкимъ къ королю; послѣдній, имѣя въ своемъ распоряженіи реорганизованное и строго дисциплинированное войско, могъ, поддаваясь своему тщеславію, своему властолюбію, увлечь Францію въ продолжительныя, разорительныя для нея войны, погубившія ея внѣшнее могущество и престижъ въ Европѣ и окончательно разорившія ея внутреннія богатства, которыя при Кольберѣ такъ разумно эксплоатировались.

Переходя къ состоянію церкви во Франціи въ правленіе Людовика XIV, слѣдуетъ замѣтить, что послѣдній всегда былъ ревностнымъ сыномъ католической церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ всегда имѣлъ въ виду подчиненіе папской политики интересамъ и цѣлямъ своей монархической власти.

Въ Римѣ папа хорошо понималъ силу и значеніе новаго монархическаго принципа, котораго Людовикъ XIV являлся такимъ блистательнымъ выразителемъ, и потому неоднократно явно выражалъ ему знаки своего сочувствія и старался, по возможности, отстранять съ своей стороны всѣ поводы къ недоразумѣніямъ; такъ, напримѣръ, когда возникло довольно крупное столкновеніе между папскимъ правительствомъ и французскимъ посланникомъ, по поводу избіенія въ Римѣ нѣсколькихъ французовъ, папа поспѣшилъ прислать въ Парижъ своего кардинала съ офиціальными извиненіями. Поводомъ къ постояннымъ столкновеніямъ съ Римомъ служило,

между прочимъ, то обстоятельство, что французскій король еще съ XVI столѣтія присвоилъ себѣ право своею властью, независимо отъ Рима, назначать кандидатовъ на вакантныя епископскія каѳедры. Между тѣмъ это право, уже впродолженіе двухъ столѣтій, предоставленное во Франціи монархической власти, не распространялось на нѣкоторыя южныя провинціи Франціи, что вызывало постоянныя недоразумѣнія, обращавшіяся часто въ явный временный разрывъ между свѣтскою и духовною властью.

Въ борьбѣ своей съ римской куріей Людовикъ XIV дѣйствовалъ чрезвычайно систематично: онъ секулизировалъ подъ разными предлогами церковныя земли, закрывалъ многіе монашескіе ордена, обременялъ церковныя бенефиціи военными постоями, широко пользовался такъ называвшимся правомъ „régale", правомъ, предоставлявшимъ правительству пользоваться доходами свободныхъ, незамѣщенныхъ епископскихъ каѳедръ и старался распространить это право и на провинціи, гдѣ оно до него никогда не имѣло силы. Въ этой строго проводимой антипапской политикѣ Людовикъ XIV находилъ опору въ національной, галликанской церкви, всегда стремившейся къ самостоятельному развитію и съ этой цѣлью охотно поддерживавшей монархическіе принципы Людовика, расчитывая при его помощи, осуществить наконецъ свое фактическое отдѣленіе отъ Рима.

Для разсмотрѣнія и рѣшенія различныхъ вопросовъ, касающихся внутренней организаціи галликанской церкви и для узаконенія нѣкоторой ея автономіи отъ Рима, созванъ былъ Людовикомъ XIV въ 1682 г. національный соборъ галликанской церкви. Всѣ пренія на этомъ соборѣ были ведены подъ непосредственнымъ вліяніемъ французскаго правительства. Соборъ этотъ постановилъ четыре основныхъ положенія, юридически упрочивавшія на будущее время автономію галликанской церкви.

Основныя положенія, выработанныя на этомъ соборѣ, были слѣдующія: 1) независимость свѣтской власти отъ духовной; 2) подчиненіе папы постановленіямъ собора, 3) неприкосновенность выработанныхъ галликанскою церковью особенностей церковнаго управленія, и 4) постановленіе, имѣвшее большую важность по своимъ послѣдствіямъ, заклю-

чавшееся въ томъ, что рѣшеніе папы, даже въ чисто церковныхъ вопросахъ, только тогда становится обязательнымъ и входитъ въ законную силу, когда на то послѣдуетъ согласіе свѣтской власти. Такимъ образомъ, если обѣ власти—духовная и свѣтская, взаимно поддерживали другъ друга, то они же взаимно и съуживали сферы своей юридической компетентности.

Эти постановленія церковнаго собора, созваннаго Людовикомъ XIV, обнародованныя офиціально, сдѣлались обязательными для цѣлой Франціи; ученые богословы и юристы должны были, при полученіи ученой степени, торжественно присягать имъ.

Положеніе папскаго авторитета въ ту пору во Франціи было таково, что, какъ выражается Ранке, „современники находили, что если Франція и остается еще въ лонѣ католической церкви, то только на порогѣ къ выходу изъ нея" (*). Этотъ союзъ между свѣтскою и духовною властью былъ направленъ въ то время къ одной желанной для церкви цѣли—къ искорененію во Франціи гугенотскаго ученія. Эта цѣль тщательно скрывалась и маскировалась различными другими, выставляемыми на видъ мотивами, клонившимися, казалось, къ поддержанію столь полезнаго для современной Франціи монархическаго принципа, но въ сущности, искорененіе, при помощи королевской власти, ложныхъ, съ точки зрѣнія католической церкви, ученій, служило главнымъ стимуломъ этого сближенія церкви съ правительствомъ Людовика, выразившагося, между прочимъ, въ крупныхъ денежныхъ суммахъ (dons gratuits), пожертвованныхъ католическою церковью французскому правительству. Впослѣдствіи пришлось-таки Людовику, изъ политическихъ цѣлей, уступить притязаніямъ папской политики, стремившейся, конечно, къ уничтоженію знаменитыхъ четырехъ постановленій церковнаго собора галликанской церкви 1682 года, и выразить папѣ даже сожалѣніе о случившемся; въ началѣ же борьбы своей съ Римомъ религіозный фанатизмъ эпохи увлекалъ Людовика въ религіозное

(*) См. Ранке—Римскіе папы. 2 тома.

Знаменитый принцъ Конде высказывалъ въ то время мысль, что если бы Людовикъ XIV захотѣлъ тогда обратиться въ протестантизмъ, то галликанское духовенство первое послѣдовало бы за нимъ.

преслѣдованіе приверженцевъ протестантскихъ ученій, нашедшихъ себѣ убѣжище во Франціи, и между ними, преимущественно, кальвинистовъ.

Но задолго еще до открытаго преслѣдованія послѣднихъ французскимъ правительствомъ, крайній религіозный фанатизмъ, охватившій западную Европу со временъ развитія католической реакціи, успѣлъ вполнѣ высказаться въ знаменитомъ религіозномъ спорѣ іезуитскаго ордена съ приверженцами, такъ называемаго, „янсенитскаго ученія", къ изложенію сущности котораго мы теперь и переходимъ.

Въ 1635 году въ Бельгіи, въ гор. Лувенѣ (Louvin), жилъ профессоръ богословія Янсеній, первый въ то время рѣшившійся открыто возстать противъ безнравственныхъ принциповъ, проводимыхъ въ католическій міръ іезуитскимъ орденомъ.

Съ раннихъ лѣтъ Янсеній зачитывался книгами духовнаго содержанія, проповѣдями и поученіями отцевъ церкви и преимущественно тѣхъ изъ нихъ, которые обличали безнравственность духовенства и нравственное паденіе церкви. На него имѣлъ большое вліяніе блаженный Августинъ; его ученіе о благодати посредствомъ одной только вѣры открыло ему, какъ и Лютеру, совершенно новый міръ религіозныхъ убѣжденій; онъ сталъ искать въ религіи нравственной опоры, духовнаго обновленія.

Особенно возмущали его безнравственныя теоріи, распространяемыя іезуитскимъ орденомъ, подкапывавшіяся подъ всякое глубокое религіозное чувство.

Онъ сталъ открыто бороться съ этими безнравственными принципами, открыто проповѣдывать свои религіозныя убѣжденія. Ученіе его быстро распространялось преимущественно въ Голландіи и Бельгіи, въ тѣхъ странахъ, гдѣ находили себѣ пріютъ, въ этотъ вѣкъ монархическаго абсолютизма, всѣ либеральныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ проводимою французскимъ правительствомъ строгою системою государственной централизаціи и откуда впослѣдствіи, уже въ XVIII столѣтіи, исходила всякая серьезная умственная и политическая оппозиція, подъ вліяніемъ проникшей туда французской просвѣтительной литературы.

Но и въ самыхъ предѣлахъ Франціи ученіе Янсенія не

оставалось безъ послѣдователей. Центромъ религіознаго движенія, возникшаго подъ его вліяніемъ, былъ знаменитый женскій монастырь Port-Royal въ окрестностяхъ Парижа, куда стекались даже представительницы высшаго свѣта, какъ напримѣръ, сестры принца Конде. Понятно, что подобное религіозное движеніе, выдвигавшее на первый планъ внутреннее христіанство, требовавшее нравственнаго обновленія, должно было обратить на себя вниманіе іезуитскаго ордена, зорко слѣдившаго за тайными и явными врагами римской куріи.

Іезуиты справедливо почуяли въ новомъ, возникающемъ ученіи, опасную оппозицію противъ папскаго авторитета и потому скоро добились отъ папы обнародыванія буллы „execrabilis", громившей янсенитское ученіе и въ особенности тѣ пункты его, которые приводили его въ нѣкоторую связь съ богословскими догматами Лютера о благодати, и съ ученіемъ Кальвина о предопредѣленіи.

Въ лагерѣ янсенитовъ въ то время мы находимъ лучшіе умы тогдашней Франціи, какъ-то: Арно, Паскаль, Николь. Началась ожесточенная богословская полемика между ними и приверженцами папскаго авторитета и въ особенности іезуитскимъ орденомъ. Объ этой борьбѣ можно судить по относящейся къ этой эпохѣ богатой богословской и свѣтской французской литературѣ, рисующей намъ тогдашнее настроеніе умовъ. Одно изъ лучшихъ сочиненій Паскаля — „Lettres provinciales", относящееся къ этой же эпохѣ, наноситъ рѣшительные удары католическому лагерю.

Въ этой политической борьбѣ приняли участіе даже знаменитая парижская Сорбонна и французскій парламентъ, рѣшительно высказавшись за янсенитскія воззрѣнія.

Только въ 1680 г. заключенъ былъ между обѣими партіями религіозный миръ, примирившій ихъ на время, а именно до начала XVIII столѣтія, когда эта борьба снова возгорѣлась съ необыкновеннымъ фанатизмомъ, раздѣляя религіозныя убѣжденія французовъ на два враждебныхъ лагеря; но, хотя къ восьмидесятымъ годамъ столѣтія и наступило, какъ мы только что видѣли, нѣкоторое перемиріе въ этой религіозной борьбѣ, терзавшей тогдашнюю Францію, тѣмъ не мѣнѣе она имѣла весьма печальныя послѣдствія для Франціи уже и по-

тому, что не могла не оказать серьезнаго вліянія на самый взглядъ Людовика XIV на янсенитское ученіе и вообще на приверженцевъ религіозныхъ протестантскихъ ученій.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, сѣмена іезуитскаго ученія принесли свои плоды. Людовикъ, какъ мы увидимъ впослѣдствіи, росъ и воспитывался подъ вліяніямъ монархическихъ идей, поддерживавшихъ въ немъ убѣжденіе въ необходимости и законности для Франціи крайняго абсолютизма. Соединяя съ понятіями о своей монархической власти представленіе о единственномъ источникѣ права, истины и справедливости для всей Франціи, а значитъ и для всей западной Европы конца XVII столѣтія, Людовикъ XIV, естественно, не могъ равнодушно сносить того обстоятельства, что нѣсколько тысячъ его подданныхъ исповѣдывали другую, не государственную религію, считали послѣднюю религіознымъ заблужденіемъ, и въ церковномъ отношеніи оказывались даже совершенно самостоятельными, такъ какъ имѣли свои синоды и свое отдѣльное, независимое отъ правительства, церковное управленіе.

Съ раннихъ лѣтъ воспитанный іезуитами и ревностными приверженцами католическаго единства, Людовикъ XIV не могъ иначе смотрѣть на янсенизмъ и на все возбужденное имъ религіозное движеніе, какъ на опасную для католической церкви ересь, искоренить которую сдѣлалось священною задачею его фанатически настроенной совѣсти.

Въ этихъ воззрѣніяхъ особенно поддерживалъ его знаменитый проповѣдникъ и духовникъ его père Lachaise—ярый католикъ.

Эти воззрѣнія на вредъ и опасность для спокойствія государства со стороны различныхъ религіозныхъ сектъ, идущихъ въ разрѣзъ съ исповѣдываемой въ государствѣ религіею, не возникли, впрочемъ, только въ эпоху Людовика XIV; они существовали уже давно, съ половины XVI столѣтія, со времени такъ называемаго „политическаго періода“ Реформаціи. Съ того времени уже установилась знаменитая политическо-религіозная формула, „cujus regio, ejus religio“, въ истинѣ которой никто въ то время не сомнѣвался и осуществленіе которой становилось обязательнымъ для всякаго вѣрноподданнаго.

Эта формула считалась всѣми въ то время за лучшій и единственный залогъ государственнаго единства.

Пока Кольберъ былъ еще живъ, онъ отстаивалъ кальвинистовъ и янсенитовъ, понимая все ихъ значеніе въ торговомъ и промышленномъ отношеніи для Франціи, такъ какъ почти вся міровая промышленность, а тѣмъ болѣе французская, находилась въ то время въ ихъ рукахъ. Понимая ихъ значеніе для Франціи, для осуществленія задуманныхъ имъ финансовыхъ и торговыхъ реформъ, Кольберъ всѣмъ своимъ сильнымъ вліяніемъ отстаивалъ гугенотовъ, защищалъ ихъ отъ притѣсненій и гоненій католической церкви.

Своими симпатіями къ нимъ Кольберъ возбудилъ противъ себя могущественную партію во Франціи и въ особенности при дворѣ Людовика, гдѣ выступили противъ его образа мыслей такія лица, какъ напримѣръ, знаменитый полководецъ Тюрень, человѣкъ кроткій въ частной жизни, но необыкновенно рѣшительный въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ; министръ Людовика—Лувуа, личный, какъ мы знаемъ, врагъ Кольбера и знаменитый проповѣдникъ, воспитатель дофина—Боссюэтъ, ярый защитникъ римской куріи и, eo ipso, съ негодованіемъ и презрѣніемъ относившійся къ протестантскимъ воззрѣніямъ.

Пока живъ былъ Кольберъ, гугеноты и янсениты могли еще спокойно проживать во Франціи, занимаясь своими торговыми оборотами, улучшая и распространяя ея богатую промышленность; но съ его смертью они потеряли могущественнаго и даровитаго покровителя. Къ тому же приходилось имъ теперь выносить тяжелое отношеніе къ нимъ французскаго народа, вообще не любившаго Кольбера. О степени этой нелюбви можно судить, между прочимъ, по тому обстоятельству, что въ день его смерти появились на улицахъ Парижа, расклеенныя саркастическія объявленія на его счетъ, насмѣхавшіяся надъ его личностію и приписывавшія ему всѣ экономическія невзгоды, которыя, какъ естественныя послѣдствія безпрерывныхъ войнъ Людовика XIV, начали къ восьмидесятымъ годамъ столѣтія, поражать французскую націю.

Ко времени же Нимвегенскаго мира, закончившаго голландскую войну, во время которой, симпатіи французскихъ гугенотовъ, сражавшихся въ рядахъ французскаго войска,

ясно обнаружились по отношенію къ ихъ единовѣрцамъ— голландскимъ гугенотамъ, ставшимъ ихъ временными и невольными врагами на полѣ брани, придворная партія, ненавидѣвшая гугенотовъ, какъ явныхъ враговъ религіознаго единства во Франціи, и во главѣ ея Боссюэтъ и père Lachaise, открыто стали подстрекать Людовика принять противъ гугенотовъ и янсенитовъ репрессивныя мѣры, съ цѣлью, мало по малу, убѣдить его въ необходимости уничтожить всѣ тѣ права и привилегіи, которыя были дарованы гугенотамъ по нантскому эдикту еще при Генрихѣ IV.

И дѣйствительно, мы замѣчаемъ съ этого времени систематически предпринимаемыя французскимъ правительствомъ мѣры, клонившіяся всѣ къ постепенному уничтоженію прежде дарованныхъ протестантамъ льготъ. Такъ, напримѣръ, была у нихъ отнята, такъ называемая, „chambre mi parti", т. е. смѣшанная судебная палата, состоявшая изъ членовъ католиковъ и протестантовъ, для рѣшенія тяжебныхъ церковныхъ дѣлъ.

Съ закрытіемъ этой палаты, подобныя дѣла поступали на разсмотрѣніе общихъ королевскихъ судовъ, гдѣ засѣдали одни только католики.

Предпринятъ былъ цѣлый рядъ мѣръ, клонившихся къ уменьшенію во Франціи числа протестантскихъ церквей и дозволявшихъ свободное отправленіе богослуженія по протестантскому обряду только въ немногихъ, указанныхъ правительствомъ городахъ; самая автономія церковнаго протестантскаго управленія была значительно измѣнена; существовшіе прежде, для управленія церковными дѣлами, синоды были совершенно уничтожены. Но правительство Людовика не ограничилось этими законодательными мѣрами. Оно стало открыто преслѣдовать всѣхъ должностныхъ лицъ, исповѣдывавшихъ протестантскую религію, закрывая для нихъ всякую служебную карьеру и даже увольняя ихъ съ государственной службы.

Одновременно съ этимъ шла церковная пропаганда, преимущественно подъ руководствомъ іезуитскаго ордена; эта пропаганда всѣми средствами поддерживала и поощряла переходъ протестантовъ въ католичество, производившійся часто насильственно. Было постановлено, что переходъ въ католи-

чество дѣтей, даже ниже 10 лѣтняго возраста, имѣетъ законную силу.

Не смотря на всѣ эти репрессивныя мѣры, предпринятыя противъ приверженцевъ протестантскихъ ученій, переходъ ихъ въ католичество совершался весьма медленно и неохотно; весьма не многіе изъ нихъ, подъ гнетомъ этихъ мѣръ, рѣшились отказаться отъ вѣры своихъ предковъ. Видя малую успѣшность церковной католической проповѣди, окружавшіе Людовика XIV, ярые фанатики католицизма, наконецъ убѣдили его поддержать эту проповѣдь съ оружіемъ въ рукахъ. Началась въ нѣкоторыхъ, преимущественно южныхъ, провинціяхъ Франціи и въ особенности въ провинціи Беарнъ, гдѣ пріютилось особенно много гугенотовъ, ужасная рѣзня, извѣстная въ исторіи подъ названіемъ „драгоннады", такъ какъ для избіенія протестантовъ послано было нѣсколько полковъ драгунъ, которые получали военный постой исключительно въ домахъ протестантовъ, гдѣ они не только не подвергались наказанію за производимыя ими неистовства, но еще поощрялись въ нихъ.

Естественно, что подобныя мѣры, предпринятыя правительствомъ, для искорененія протестантскихъ ученій посредствомъ огня и меча, возбудили въ той мѣстности страшныя волненія и ропотъ, скоро смѣнившійся негодованіемъ. Но такъ какъ на сторонѣ французскаго правительства была сила физическая и административная власть, а на сторонѣ гугенотовъ—только сила убѣжденія, то послѣднимъ оставалось только или переходить противъ воли въ католичество, или бѣжать изъ Франціи, ища себѣ пріютъ въ протестантскихъ странахъ и преимущественно въ Голландіи и Англіи; что они и начали дѣлать, покидая Францію въ громадномъ количествѣ, и тѣмъ нанося смертельный ударъ французской промышленности и торговли, такъ какъ Франція въ лицѣ ихъ лишалась громадныхъ ихъ капиталовъ и массы опытныхъ рабочихъ рукъ. Для того чтобы разомъ покончить съ гугенотами и лишить ихъ всякой законной почвы, на которой они могли бы рано или поздно снова развиться, совѣтники Людовика XIV уговорили его въ 1685 г. отнять у гугенотовъ всѣ дарованныя имъ прежде права и привилегіи, и подписать знаменитую „révocation de l'édict de Nantes", актъ,

имѣвшій весьма печальныя и гибельныя послѣдствія для всей дальнѣйшей исторіи Франціи, и результаты котораго, даютъ себя чувствовать даже и въ современной Франціи.

Успѣли они склонить Людовика XIV къ этой мѣрѣ, представивъ ему, что будто число исповѣдующихъ еретическія, съ точки зрѣнія католической церкви, ученія, весьма незначительно, и что все общественное мнѣніе во Франціи сильно возстановлено противъ нихъ.

Прямымъ слѣдствіемъ уничтоженія Нантскаго эдикта было—повсемѣстное запрещеніе богослуженія по протестантскому обряду, закрытіе протестантскихъ церквей, изгнаніе пасторовъ и лишеніе протестантовъ всѣхъ личныхъ и общественныхъ правъ, съ увольненіемъ ихъ съ государственной службы. Тайное же отправленіе богослуженія въ протестантскихъ храмахъ считалось отнынѣ государственнымъ преступленіемъ.

Эти мѣры въ свою очередь, очевидно, вызвали новое, еще болѣе сильное переселеніе гугенотовъ изъ предѣловъ Франціи, на этотъ разъ преимущественно въ Швейцарію и въ курфюршество Бранденбургское, гдѣ господствовала въ то время полная свобода совѣсти и религіи.

Видя, что эти выселенія все усиливаются и совершенно лишатъ скоро Францію столь нужнаго ей промышленнаго, торговаго населенія, правительство издало рядъ мѣръ, совершенно запрещающихъ выселеніе изъ предѣловъ Франціи, подъ страхомъ ссылки на каторжныя работы; но эти мѣры, не смотря на всю свою суровость, мало помогли; выселенія все продолжались тайнымъ путемъ; среди неимовѣрныхъ лишеній и опасностей покидали гугеноты негостепріимную страну, предпочитая вѣрную смерть измѣнѣ религіи предковъ.

Такимъ образомъ уничтоженіе Нантскаго эдикта имѣло слѣдствіемъ удаленіе изъ Франціи болѣе полумилліона французскихъ гугенотовъ, принужденныхъ бросить всѣ свои торговыя дѣла и обороты. Между тѣмъ, искоренить совершенно протестантскія ученія, отмѣна Нантскаго эдикта не могла; многіе протестанты остались въ предѣлахъ Франціи, скрываясь въ отдаленныхъ ущельяхъ Севенскихъ горъ, представляющихъ для нихъ почти неприступное физическое убѣ-

жище противъ преслѣдованій католиковъ, которыя продолжались до 1704 года, пока наконецъ Людовикъ XIV, утомленный безконечною борьбою съ ними и безплодными войнами съ сосѣдями, длившимися почти безпрерывно въ продолженіе большей части его царствованія, не рѣшился наконецъ предоставить имъ свободный выходъ изъ Франціи, не вернувъ, впрочемъ, остающимся въ ея предѣлахъ прежнихъ ихъ политическихъ правъ и преимуществъ.

Но отмѣна Нантскаго эдикта имѣла весьма вредное вліяніе для Франціи и въ чисто нравственномъ отношеніи. Она породила крайнее ханжество, исключительно наружное соблюденіе обрядовой стороны католической религіи, не согрѣтое глубокимъ религіознымъ чувствомъ.

Религія сдѣлалась, преимущественно въ высшихъ и придворныхъ слояхъ французскаго общества, маскою, подъ которою скрывались часто религіозный индеферентизмъ и крайняя нравственная распущенность. Между тѣмъ эта маска была очень выгодна для тѣхъ, которые хотѣли прислужиться Людовику XIV и его морганатической супругѣ m-me de Maintenon, для которой наружное благочестіе и ханжество замѣняли религію и нравственность. Подобное отношеніе къ нравственнымъ, религіознымъ основамъ, на которыхъ развивается общество, не могло остаться безслѣднымъ для послѣдующей судьбы Франціи. Оно породило въ интеллигенціи крайнее равнодушіе къ нравственнымъ принципамъ и къ религіознымъ вопросамъ, мало по малу перешедшее и въ массу; а этотъ индеферентизмъ, въ свою очередь, былъ только предвѣстникомъ совершеннаго безвѣрія и атеизма, охватившихъ французское общество въ XVIII столѣтіи, въ эпоху философской мысли, нашедшихъ свое осуществленіе въ твореніяхъ энциклопедистовъ.

Мы до сихъ поръ разсматривали реформы, произведенныя Людовикомъ XIV, въ административныхъ, финансовыхъ, судебныхъ и военныхъ сферахъ; мы познакомились также и съ его церковною политикою, съ его отношеніями къ Риму и съ его взглядомъ на различныя протестантскія секты, проникшія во Францію.

Франція, благодаря предпринятымъ Людовикомъ реформамъ, значительно окрѣпла внутри и, чувствуя свою силу,

Другаго сильнаго въ то время государя въ Германіи еще не было, къ которому мелкіе князья могли бы примкнуть въ видахъ политическихъ.

Пруссія только что начала возвышаться въ концѣ XVII столѣтія; оставалось, естественно, только примкнуть къ сильной иностранной державѣ — къ Франціи, которой это было выгодно и которая своею политикою и довела Германію до совершенной политической слабости.

Франція такимъ образомъ во второй половинѣ XVII столѣтія преобладаетъ вполнѣ въ Германіи, руководитъ политикою мелкихъ дворовъ, платитъ пенсіи и жалованіе ихъ министрамъ и Людовикъ XIV играетъ роль протектора Германіи, какъ полтора столѣтія спустя, эту роль игралъ Наполеонъ I, эксплоатируя, конечно, это протекторство въ свою пользу.

Ослѣпленные блескомъ его царствованія, мелкія князья, не замѣчая своего униженія, охотно поддавались этой опекѣ, радостно служили своему же врагу. А національный духъ, общій интересъ совершенно исчезали въ народѣ; даже французскій языкъ и литература господствовали въ Германіи до самаго конца XVIII столѣтія. Понятно, что такое разъединенное государство, не проникнутое общей государственной цѣлью, безъ общаго національнаго самосознанія, не могло быть опасно для Людовика, а напротивъ, служило еще его планамъ.

Столь же политически слабою была и другая, нѣкогда могущественная держава,—Испанія.

Ложная политика Карла V и Филиппа II, съ ихъ преслѣдованіемъ всякой самостоятельной мысли, всякаго проявленія народной жизни, нанесла въ концѣ концовъ Испаніи духовную смерть, повлекшую за собою и политическую.

Пиринейскій миръ 1659 г. узаконилъ эту политическую смерть и тѣмъ самымъ исключилъ ее изъ ряда первенствующихъ державъ. Слѣдовательно и Испанія не могла противодѣйствовать въ то время Франціи.

Италія была раздроблена, какъ Германія. Неаполь и Ломбардія принадлежали въ то время Испаніи, ненавидимой въ Италіи, что скорѣе влекло маленькихъ итальянскихъ владѣтелей къ союзу съ Франціею противъ Испаніи, чѣмъ на обо-

ротъ. Папа былъ слабъ, не пользовался болѣе прежнимъ значеніемъ въ Европѣ, и изъ чувства самосохраненія, долженъ былъ искать защиты у сильнѣйшаго католическаго государя. Швеція, сдѣлавшаяся на сѣверѣ сильною державою, послѣ Вестфальскаго мира, пріобрѣвъ даже значительныя земли на прежней германской территоріи, на побережьяхъ Балтійскаго моря, имѣла одинаковые съ Франціею интересы, т. е. прямою цѣлью ея политики было ослабленіе Германіи, и слѣдовательно она являлась, въ этомъ отношеніи, также естественною союзницею Франціи.

Признанные по Вестфальскому миру независимыми, Генеральные Штаты, т. е. нынѣшняя Голландія, хотя была и незначительною республикою въ территоріальномъ отношеніи, тѣмъ не менѣе, какъ юная республика, не могла воспротивиться наступательной политикѣ Людовика XIV и первое время считала для себя выгоднѣе поддерживать съ нимъ мирныя отношенія.

Только впослѣдствіи, какъ мы увидимъ, изъ нея вышла серьезная и стойкая оппозиція, задержавшая завоевательныя стремленія Людовика XIV и спасшая Европу на время отъ монархическаго деспотизма Франціи.

Оставалась одна Англія, которая, защищаемая своимъ географическимъ положеніемъ, могла бы выступить на защиту Европы, сгруппировавъ около себя всѣ недовольные элементы. Но Англія, въ то время, была тоже слаба, или лучше сказать, занята была своею внутреннею политикою, не позволявшею ей обращать вниманіе на внѣшнюю—континентальную политику.

Въ Англіи съ XVII столѣтія совершался знаменательный государственный процессъ. Я разумѣю опредѣленіе главныхъ основаній ея политическаго и государственнаго строя; отъ разрѣшенія этого, стоявшаго въ то время въ Англіи на очереди вопроса, зависѣло дальнѣйшее политическое существованіе всего государства.

По окончаніи этого процесса, Англія, обновившись силами, въ концѣ XVII столѣтія выступаетъ, какъ посредница, въ европейской политикѣ и вмѣстѣ съ Голландіею дѣлается соперницею Франціи и защитницею Европы отъ чрезмѣрнаго преобладанія въ ней абсолютной монархіи Людовика XIV.

Вездѣ въ Европѣ, во второй половинѣ XVII столѣтія, выступаетъ на историческую арену новая государственная система—абсолютной монархіи, смѣнившая средневѣковой феодализмъ и нашедшая апогею своего осуществленія въ личности Людовика XIV и въ его блестящемъ вѣкѣ.

Къ нему мы теперь и переходимъ.

Ознакомившись нѣсколько съ состояніемъ западной Европы во второй половинѣ XVII столѣтія, мы должны разобрать теперь значеніе для самой Франціи правленія Людовика XIV; тогда намъ уяснится положеніе западной Европы въ началѣ XVIII столѣтія и самый характеръ всего XVIII столѣтія, вѣка энциклопедистовъ, вѣка новаго просвѣщенія, вѣка революціи, какъ его различно называютъ.

Вѣкъ Людовика XIV и его правленіе обсуждались и обсуждаютъ различно, смотря по субъективному настроенію авторовъ и отношенію ихъ къ самому разбираемому ими вопросу.

То прославляли „le siècle de Louis XIV“ и „le grand Louis“ до небесъ, то уничтожали совершенно и дѣятельность и значеніе его для Франціи и считали его виновникомъ всѣхъ послѣдующихъ бѣдствій. Съ памятью Людовика XIV въ этомъ случаѣ, поступали какъ съ Наполеономъ I, которому воздвигали памятники и тріумфальныя колонны и обоготворяли, какъ провидѣніемъ ниспосланнаго генія, то въ какой-то нравственной оргіи разрушили Вандомскую колонну, нѣкогда украшенную вѣнками и лаврами тѣмъ же народомъ, съ какимъ то святымъ благоговѣніемъ. Такія одностороннія сужденія, конечно, не историческія; примѣшивать свои симпатіи и антипатіи XIX вѣка къ событіямъ XVII вѣка не достойно науки.

Всякое историческое явленіе, какъ результатъ предъидущаго, должно быть оцѣниваемо по его отношенію къ этому предъидущему, и въ связи съ нимъ; всякое историческое лицо должно быть разсматриваемо, какъ продуктъ своей эпохи, а не нашей. Мы можемъ только, прослѣдивъ его дѣятельность, сказать, что это историческое лицо оставалось вѣрнымъ своему призванію и назначенію и не отклонилось отъ истиннаго пути; или что оно, не вникнувъ вполнѣ въ свою высокую задачу, свернувъ на другой путь, погубило и себя и своихъ современниковъ.

Человѣчество развивается по законамъ, составленнымъ не людьми, а потому историческимъ лицомъ можемъ мы назвать только того дѣятеля, который въ извѣстные моменты кризиса человѣчества, въ извѣстные переходные фазисы его развитія, по силѣ своей воли и ума, дѣлается истолкователемъ общественнаго, смутно сознаваемаго стремленія, который находитъ средства къ осуществленію и выполненію этого стремленія и который своею энергіею иногда ускоряетъ событія, т. е. самый переворотъ, стоящій на очереди.

Современникъ напр. Людовика XIV, курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ Вильгельмъ, предокъ нынѣшнихъ прусскихъ королей, оттого и прозванъ въ исторіи „Великимъ", что созналъ будущее значеніе Пруссіи въ средѣ германской семьи и, обладая выдающимся умомъ и силою воли, съумѣлъ сдѣлать первые шаги къ осуществленію высокаго значенія Пруссіи.

Если историческіе факты приводятъ насъ къ такой характеристикѣ великихъ геніевъ и историческихъ дѣятелей, то эти же факты доказываютъ намъ, что и великіе люди все-таки остаются людьми, и что не всѣ изъ нихъ съумѣли уловить смыслъ своей исторической роли, не всѣ вполнѣ поняли свое назначеніе, не проникнулись идеею, что они не болѣе какъ исполнители и орудія высшаго закона.

Нѣкоторые изъ нихъ, въ слѣпой самоувѣренности, не помышляя о томъ, что историческая жизнь народа развивается постепенно и послѣдовательно, прерывали это естественное теченіе и хотѣли сами предписывать законы развитія и самовольно вести человѣчество по проложенному ими пути.

Такое самообольщеніе, иногда удававшееся въ началѣ, приводило въ концѣ концевъ къ страшнымъ катастрофамъ, къ нескончаемымъ войнамъ и кровопролитію, не принося, конечно, человѣчеству ни малѣйшей пользы.

Съ восторгомъ, напримѣръ, подчинилась Франція, послѣ страшнаго періода террора военной диктатурѣ Наполеона; въ немъ видѣла она человѣка, способнаго ввести въ свое прежнее ложе выступившій изъ береговъ, волнующійся потокъ народныхъ страстей, способнаго установить твердый порядокъ, осуществить учрежденія, выработанныя революціею. Это было назначеніе и историческое призваніе Наполеона I;

но никогда Франція, никогда Европа не мечтала и не стремилась къ осуществленію всемірной монархіи, къ водворенію военнаго деспотизма, попирающаго національность и права отдѣльныхъ государствъ.

Изъ продолжительныхъ войнъ и крайняго деспотизма Наполеоновскаго режима Франція и Европа вынесли одинъ результатъ—новое государственное устройство, систему представительной монархіи. Осуществился такимъ образомъ тотъ самый вопросъ, который стоялъ на очереди, уже въ концѣ XVIII столѣтія, и который былъ только прерванъ на время Наполеоновскими походами и его фантастическими планами.

Приступить къ безпристрастной оцѣнкѣ личности Людовика XIV мы можемъ только, имѣя въ виду эти общія соображенія.

Мы должны такимъ образомъ отвѣтить на слѣдующіе вопросы: созналъ ли свою задачу Людовикъ? Насколько онъ ее привелъ въ исполненіе? Не увлекся ли онъ самоувѣренностію и самообольщеніемъ, и не отклонился ли онъ отъ пути, начертаннаго ему непреложнымъ историческимъ закономъ человѣческаго развитія?

Мы уже говорили, что задача, выпавшая на долю XVII вѣка, послѣ реформаціонной эпохи, было созданіе новаго государственнаго строя на развалинахъ разрушеннаго феодализма, осуществленіе новыхъ идей, возвѣщенныхъ Реформаціею.

Общество западно-европейское, разочаровавшись послѣ многократныхъ попытокъ, во времена лиги и фронды, выработать учрежденія, гарантировавшія политическія права народа, смутно сознавало, что это преобразованіе могла совершить только монархія, что только она могла объединить государство, сплотить его въ единый политическій организмъ, согласить средневѣковыя учрежденія съ требованіями времени и создать такимъ образомъ новыя формы, новыя отношенія между государствомъ, церковью и обществомъ.

Смутное общественное мнѣніе было даже готово подчиниться добровольно одному лицу, отказаться на время отъ своихъ естественныхъ правъ, лишь бы только выйти изъ этой неурядицы, общаго безпорядка и полнаго хаоса.

Вотъ слѣдовательно задача, выпавшая на долю XVII вѣка

Разрѣшеніе ея приняли на себя Англія и Франція; одна подъ вліяніемъ протестантскихъ идей, другая—католическихъ.

Генрихъ IV, Ришелье, Мазарини являются во Франціи истолкователями этого общественнаго мнѣнія, съ восторгомъ поддерживаемые большинствомъ, не смотря на крутыя, принимаемыя ими мѣры, не смотря на постоянную борьбу съ меньшинствомъ, не желавшимъ отказаться отъ прежняго порядка вещей.

Людовику XIV выпало на долю продолжать начатое его великими предшественниками дѣло; ему предстояло утвердить, осуществить программу Ришелье, посредствомъ новыхъ учрежденій и соотвѣтствующихъ законовъ; ему предстояло, объединивъ и укрѣпивъ Францію внутри, пріобрѣсти ей значеніе въ Европѣ и сдѣлать ее провозвѣстницею новаго порядка вещей.

Людовику слѣдовало главнѣйшимъ образомъ проникнуться мыслью, что онъ существуетъ для Франціи, а не она для него; что есть высшій законъ, передъ которымъ человѣкъ безсиленъ; онъ долженъ былъ, воплотивъ въ себѣ идею блага Франціи, жить ея жизнью, для нея, а не для собственнаго блеска и прославленія.

И дѣйствительно, въ началѣ своего правленія, Людовикъ XIV проникнутъ былъ этими высокими побужденіями.

Высшіе классы невольно подчинялись его всеобъемлющей дѣятельности и уму; народъ благоговѣлъ передъ монархомъ, который защищалъ его отъ притѣсненій, при которомъ водворился порядокъ, развивалось благоденствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось значеніе Франціи въ глазахъ Европы. Хотя подчасъ и тяжело было отказываться отъ той или другой привилегіи, но въ виду общей пользы охотно соглашались на эти жертвы. Его окружали такіе государственные дѣятели, какъ Colbert, Lionne, Le Tellier, Louvois, посвятившіе жизнь свою Франціи и монарху.

И Франція, дѣйствительно, внутри окрѣпла и извнѣ расширилась, сдѣлавшись первенствующею державою въ западной Европѣ въ XVII столѣтіи. Эта мудрая политика начала царствованія Людовика XIV, его заботы о водвореніи порядка и правосудія, имѣли результатомъ величіе Франціи, внѣшнее и внутреннее (*).

---

*) См. Sybel—Revolutionszeit I. стр. 5—6—sq.

Но почему же этотъ монархъ, принятый съ такимъ восторгомъ и общею любовью и поддерживаемый въ началѣ своего правленія лучшими людьми эпохи, былъ провожаемъ народомъ въ могилу проклятіями? Почему смерть его произвела во всей Франціи взрывъ радости и восторга? (*).

Причину этого явленія слѣдуетъ искать въ томъ обстоятельствѣ, что успѣхи, одержанные Людовикомъ XIV во внутренней и внѣшней политикѣ, въ первой половинѣ его правленія, примѣрно до Нимвегенскаго мира 1679 года, имѣли весьма дурныя послѣдствія для него лично, такъ какъ превратили прирожденное ему честолюбіе въ безграничный эгоизмъ.

Неограниченная его власть, полезная въ началѣ для Франціи, имѣла со временемъ для него лично, а слѣдовательно и для цѣлаго государства, самыя вредныя послѣдствія.

Людовикъ XIV не устоялъ противъ искушенія, искать своей славы и удовлетворенія своего честолюбія, не въ патріотической дѣятельности на пользу своей родины, а лишь въ достиженіи личныхъ своихъ стремленій, въ удовлетвореніи своей безграничной воли и своихъ страстей. Онъ не устоялъ противъ искушенія возвести волю монарха въ обязательный законъ для подданныхъ, вполнѣ слѣдуя разъ высказанному имъ взгляду: „la loi est le vouloir du souverain“, вмѣсто того, чтобы наоборотъ, законъ сдѣлать господствующимъ надъ личною волею каждаго и самаго короля. Вотъ почему первоначальный его планъ—внѣшними завоеваніями пріобрѣсти значеніе въ Европѣ для Франціи, обратился скоро въ достиженіе преобладанія Франціи, для осуществленія въ Европѣ универсальной монархіи, съ Людовикомъ XIV во главѣ; вотъ почему благое его желаніе—свою неограниченную власть употребить на внутреннее устройство и организацію Франціи, выродилось скоро въ истощеніе всѣхъ жизненныхъ и экономическихъ силъ страны, для достиженія своего личнаго ка-

---

(*) См. Sismondi—Histoire de France, гдѣ онъ между прочимъ говоритъ: „L'annonce de la mort du grand roi ne produisit chez le peuple français qu'une exploision de joie.

См. также Duvernet—Vie de Voltaire, гдѣ говорится: „le peuple était ivre de vin et de joie de la mort de Louis XIV.

приза, своей прихоти или внѣшняго блеска и прославленія своего имени.

Конечно, если мы будемъ смотрѣть только поверхностно на дѣятельность второй половины царствованія Людовика XIV, мы должны будемъ повторять за панегиристами его, что это былъ золотой вѣкъ для Франціи.

Если мы будемъ судить о Людовикѣ, гуляющемъ въ роскошныхъ версальскихъ паркахъ, при плескѣ фонтановъ, освѣщенныхъ бенгальскими огнями, и перенесемся мысленно къ его роскошному двору, блиставшему красотою дамъ, изяществомъ и остроуміемъ, мы конечно согласимся съ его панегиристами, что это былъ золотой вѣкъ для Франціи и что монархъ, на котораго обращены были взоры всей Европы второй поливины XVII вѣка — былъ великимъ монархомъ — le grand Louis.

Но если мы обратимся къ историческимъ документамъ, рисующимъ намъ настоящее, не прикрашенное положеніе вещей; если мы, напримѣръ, прочтемъ документально вѣрныя записки извѣстнаго современника Людовика XIV St. Simon'a; или если мы познакомимся съ обширною, современною ему публистическою литературою, между прочимъ, съ брошюрою эмигранта Jurien, нѣкогда имѣвшею значительную извѣстность, озаглавленною „Les soupirs de la France esclave, qui aspire a la liberté", въ которой проводится теорія о „souveraineté du peuple", то этотъ наружный блескъ, эта роскошная придворная обстановка представятся намъ совершенно иными.

Мы узнаемъ изъ этой обличительной литературы, что любовницы Людовика, и между прочимъ знаменитая маркиза de Montespan, проигрывали въ одинъ вечеръ до 1/2 милліона франковъ, въ то время какъ, по словамъ, напримѣръ, извѣстнаго сподвижника Людовика, инженера Вобана, 1/10 часть населенія Франціи, доведенная до совершенной нищеты, питалась древесною корою, а изъ остальныхъ 9/10—5/10 не были въ состояніи ничего имъ предложить; мы узнаемъ, что наслѣдникъ престола Дофинъ боялся пріѣзжать въ Парижъ, чтобы не видѣть страшнаго зрѣлища, бѣгущаго за его каретою народа, требовавшаго хлѣба (*).

(*) См. Duclos; Petitot, II. 76, p. 59.

Если мы взвѣсимъ эти отзывы людей честныхъ и добросовѣстныхъ, этотъ блескъ и это величіе его царствованія вполнѣ затмятся народными бѣдствіями, вытекавшими изъ ложно понятой имъ государственной задачи.

Самобоготвореніе и ложное тщеславіе погубили Людовика XIV послѣ первыхъ же его успѣховъ; онъ забылъ высокую свою задачу—доставшуюся ему неограниченную власть употребить на внутреннюю организацію Франціи, на упроченіе ея политическаго могущества, и вмѣсто этого, возвелъ личную свою волю въ обязательный для всей Франціи законъ, себя сдѣлалъ источникомъ истины, справедливости, права, даже самыхъ религіозныхъ убѣжденій своихъ подданныхъ. Еще въ то время, въ началѣ его правленія, существовали во Франціи различныя учрежденія, какъ-то: états généraux, парламенты, городскіе совѣты и другія мелкія сословныя и корпоративныя учрежденія. Они составляли сложную систему, безъ строго выработанной программы и сферы дѣятельности; но въ нихъ все-таки были задатки лучшаго государственнаго и общественнаго устройства; на этихъ, преобразованныхъ согласно съ потребностями времени и общества, учрежденіяхъ, можно было возвести стройное и удовлетворяющее современнымъ потребностямъ Франціи, зданіе новой государственной организаціи (*).

Это было трудно, но вполнѣ возможно и вполнѣ необходимо.

Между тѣмъ Людовикъ XIV ихъ не отмѣнилъ, потому что тогда явилась бы необходимость замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь другимъ. Поэтому онъ предпочелъ ихъ вовсе не трогать и не приступать ни къ какимъ реформамъ. Они и остались со всѣми своими прежними правами и привилегіями; Людовикъ просто на нихъ не обращалъ никакого вниманія, просто ихъ вполнѣ игнорировалъ, и если они ему подъ часъ противорѣчили, онъ прямо употреблялъ противъ нихъ силу.

Онъ свою систему не основалъ на соотвѣтственныхъ учрежденіяхъ, а оставилъ старыя, которыя между тѣмъ вполнѣ игнорировалъ, и тѣмъ завѣщалъ преемнику своему непосильную задачу.

(*) См. Sybel—Revolutionszeit, I, 5 sq.

Онъ всю администрацію, все государственное управленіе и его органы поставилъ въ зависимость отъ себя, забывая, что человѣкъ не вѣченъ и не безсмертенъ. Потому-то мы замѣчаемъ въ продолженіе его правленія слѣдующее явленіе: вмѣстѣ съ нимъ старѣть стала и его государственная система и сама монархія; пока онъ былъ молодъ, полонъ силъ, правительственная власть была сильна во Франціи. Когда же онъ сталъ старѣть, сталъ слабѣть съ нимъ вмѣстѣ и весь государственный механизмъ. Послѣ же его смерти, преемники его должны были начинать его государственную и политическую задачу съ начала; но Людовикъ XV не имѣлъ на то ни дарованій, ни нравственной силы.

Вотъ это-то отсутствіе учрежденій въ государственной системѣ Людовика XIV и было основною ошибкою его царствованія; обладая необходимою силою и дарованіями, для выполненія предстоявшей ему задачи, поддерживаемый въ началѣ своего правленія всѣми лучшими элементами во Франціи, Людовикъ XIV не позаботился строго разграничить и опредѣлить свои права и права подданныхъ, установить границы между централизаціею и самоуправленіемъ, узаконить права сословій и назначить каждому отдѣльному органу государственнаго управленія опредѣленную сферу дѣятельности.

Онъ увлекся своимъ монархическимъ абсолютизмомъ, не признавалъ ничьихъ правъ, все ставилъ въ зависимость отъ самаго себя и тѣмъ самымъ ослабилъ и даже уничтожилъ постепенно въ массѣ уваженіе къ самому монархическому принципу и подготовилъ такимъ образомъ свою націю къ страшной катастрофѣ конца прошлаго столѣтія.

Изъ этой основной ошибки всего его царствованія, изъ этого личнаго возвеличенія и крайняго самообольщенія Людовика XIV, и произошли всѣ народныя бѣдствія, которыя заставили впослѣдствіи народъ его возненавидѣть.

Предпринятая, напримѣръ, Кольберомъ реорганизація финансовъ, начала уже приносить плоды, когда Людовикъ бросился въ рядъ совершенно ненужныхъ войнъ, только съ цѣлью водворенія своего деспотизма въ Европѣ. Войны эти стоили Франціи страшныхъ денегъ; народъ уже подъ конецъ платить не могъ, его насильственно разоряли безчисленными податями, прибѣгали къ средствамъ, крайне пагубнымъ для

престижа монархической власти,—къ продажѣ государственныхъ должностей, къ образованію всевозможныхъ монополій. Эти мѣры въ свою очередь вызывали справедливый ропотъ и негодованіе въ народѣ и возбуждали противъ правительства общественное мнѣніе страны, выражавшееся въ выступавшей въ то время на полемическую арену публистической, обличительной литературѣ.

Далѣе мы видимъ, что естественнымъ богатствамъ страны, ея начинавшей возрождаться промышленности, нанесенъ былъ весьма чувствительный и гибельный по своимъ послѣдствіямъ ударъ, знаменитымъ уничтоженіемъ Нантскаго эдикта.

Вся, правда, искуственно созданная, но все-таки постепенно прививавшаяся къ народу, покровительственная система промышленности и торговли разомъ пала съ этимъ уничтоженіемъ эдикта, вызваннымъ тоже исключительно личнымъ произволомъ Людовика, а не благомъ Франціи. Естественнымъ результатомъ этой чисто эгоистической политики Людовика, основанной исключительно на личныхъ воззрѣніяхъ и на самообольщеніи, была полная нравственная деморализація страны.

Тамъ, гдѣ ни личность, ни сословія, ни корпораціи не гарантированы были никакими законами и учрежденіями; тамъ, гдѣ никто не обезпеченъ былъ опредѣленными правами, и гдѣ, напротивъ, каждый, съ имуществомъ своимъ, достояніемъ и даже жизнью, зависѣлъ всецѣло отъ воли одного всемогущаго лица, тамъ, естественно, не могла развиться общественная нравственность, не могли развиться твердыя, стойкія убѣжденія.

Церковь и духовенство, которыя должны были бы имѣть благотворное, смягчающее вліяніе на абсолютизмъ Людовика XIV и нравственнымъ своимъ вмѣшательствомъ должны были бы предупредить наступавшее общее разложеніе,—это духовенство само въ свою очередь было въ полной политической и матеріальной зависимости отъ французскаго правительства.

Національная, галликанская церковь поддерживала Людовика, разсчитывая найти въ немъ защиту отъ постоянныхъ притязаній римской куріи на ея автономію и сепаративныя ея стремленія; въ благодарность за эту нравственную поддержку, оказываемую галликанскою церковью его государственной системѣ, и король въ свою очередь являлся протек-

торомъ ея привилегій передъ Римомъ и въ угоду ей, отчасти, началъ преслѣдовать гугенотовъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что во Франціи, въ концѣ XVII столѣтія, церковная іерархія шла рука объ руку съ правительствомъ и потому вмѣстѣ съ нимъ и падала нравственно и развращалась (*).

Во Франціи въ этотъ вѣкъ деспотизма и произвола почти у однихъ только гугенотовъ сохранились еще въ полной силѣ нравственное чувство, честныя, стойкія убѣжденія, самостоятельность мысли; въ нихъ абсолютизмъ правительства Людовика и притязанія галликанской церкви находили еще подъ часъ горячій отпоръ и рѣшительный протестъ; за то и считались они въ опалѣ, подвергались они постояннымъ преслѣдованіямъ. Такимъ образомъ чисто религіозные въ началѣ вопросы богословскаго свойства переходили постепенно на почву политическую, становились общегосударственными вопросами, отъ разрѣшенія которыхъ зависѣлъ дальнѣйшій ходъ внутренней политики страны.

Не находя въ тогдашней Франціи ни законной защиты, ни прочной гарантіи въ какихъ-либо государственныхъ или сословныхъ учрежденіяхъ, каждый, естественно, былъ поставленъ въ зависимость отъ единой воли монарха, предъ которою долженъ былъ склоняться; каждый долженъ былъ, для личнаго своего спокойствія, усвоить себѣ всецѣло точку зрѣнія, взгляды и убѣжденія монарха, и, сообразуясь съ ними, часто совершенно мѣнять ихъ, вполнѣ убивая въ себѣ всякую самостоятельность и самодѣятельность.

Подобно тому какъ іезуиты воспитали цѣлыя поколѣнія, обреченныя съ малолѣтства на нравственную смерть, такъ точно и система Людовика XIV создала цѣлое поколѣніе людей, не самостоятельныхъ, безъ высокихъ, идеальныхъ стремленій.

Всякій искалъ счастія не въ своемъ кругу, не въ дѣятельности, направленной ко благу родины, на пользу общественную, а исключительно въ шумной столицѣ, въ сферѣ блестящей придворной жизни, въ прислуживаніи королю и его приближеннымъ.

(*) См. Historische Zeitschrift. 1866 г., 1 книга, статья Holst a.

Обличительная литература того времени справедливо указывала на глубокое различіе между двумя поколѣніями французской аристократіи, между современниками фронды, съ достоинствомъ выступавшими на борьбу съ королевскою властью изъ-за своихъ вѣковыхъ правъ, которыми они успѣшно пользовались для блага родины, и послѣдующимъ поколѣніемъ придворной аристократіи, окружавшей престолъ Людовика XIV, искавшимъ и ловившимъ милостивый взглядъ монарха и интересующимся только придворными интригами, съ цѣлью личнаго повышенія и большей близости къ особѣ короля.

Развратъ двора, которому самъ Людовикъ показывалъ печальный примѣръ въ своей частной жизни, заразилъ постепенно и все французское дворянство, духовенство и буржуазію, и удовлетвореніе самыхъ низкихъ, эгоистическихъ цѣлей сдѣлалось главнымъ побудительнымъ рычагомъ большей части французскаго общества блестящаго вѣка Людовика XIV. Между тѣмъ народная масса прозябала въ полномъ невѣжествѣ и крайней нищетѣ.

Чувство ужаса овладѣваетъ нами теперь, при чтеніи современныхъ мемуаровъ, гдѣ выставляется весь упадокъ нравственности тогдашняго французскаго общества, въ которомъ деньги, матеріальныя побужденія играли важнѣйшую роль.

Изобрѣтенъ былъ въ то время, между прочимъ, особый порошокъ, такъ называемая „la poudre de succession", прокладывавшая дорогу къ наслѣдствамъ нетерпѣливымъ наслѣдникамъ. Самая литература золотаго вѣка Людовика, которою мы восхищаемся по изяществу изложенія, по красотѣ формы и чистотѣ языка, и эта литература оставалась совершенно чуждою современнымъ ей потребностямъ Франціи; нисколько не являлась выразительницею общественной мысли въ эту эпоху; она оставалась чисто придворною. Людовикъ XIV, исходя изъ принципа строгой государственной централизаціи, хотѣлъ и литературу сосредоточить, такъ сказать, около своей особы (*).

Правительство платило огромныя пенсіи, жалованье ли-

(*) Sibel's—Historische Zeitschrift 1870 г., статья Cohn'a. По государственному бюджету 1664 г., напримѣръ, Мольеру было выдано 1000 ливровъ, Корнелю—2000 ливровъ, Расину—600 и т. д.

тераторамъ и поэтамъ, даже иностраннымъ, съ тѣмъ, чтобы они прославляли Людовика и его дворъ; лучшіе литературные таланты того времени, представители лучшей эпохи французской литературы, какъ-то: Мольеръ, Корнель, Расинъ, принадлежавшіе, впрочемъ, по образованію къ эпохѣ Ришелье, не гнушались принимать отъ короля эти дары и такимъ образомъ продавали свое перо для цѣлей, желательныхъ монархическому абсолютизму.

Искусство, пластика, зодчество, все это служило Людовику только для прославленія его личности и его двора, а не было проявленіемъ живой народной самодѣятельности, народнаго творчества.

Но не смотря на всѣ старанія, Людовикъ могъ окружить себя только талантами и дѣятелями въ сферѣ изящной литературы—belles lettres и изящныхъ искусствъ, т. е. въ той сферѣ, которая дѣйствуетъ на внѣшнія чувства; ученыхъ онъ вызвать не могъ, науку онъ создать не могъ.

Его правленіе не ознаменовалось никакими открытіями, ни въ теоретической области, ни въ практической.

Знаменитый философъ Descartes, хотя и французъ, бѣжалъ изъ Франціи, говоря, что воздухъ Парижа замедляетъ отвлеченное мышленіе.

Я привелъ только болѣе выдающіеся моменты второй половины царствованія Людовика XIV, но и ихъ совершенно достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что Людовикъ совершенно отклонился отъ своей задачи.

Онъ не создалъ ни учрежденій, ни законовъ; онъ не воспиталъ народа къ самодѣятельности и къ самостоятельному развитію всѣхъ творческихъ силъ страны.

Пока онъ былъ еще живъ, неизбѣжные отрицательные результаты его системы, до нѣкоторой степени еще сдерживались его желѣзною волею и всеобщимъ страхомъ, внушаемымъ его талантливою личностью; но лишь только онъ закрылъ глаза, какъ началась нравственная и политическая оргія, первый актъ которой было правленіе его преемника, регента Филиппа Орлеанскаго, а послѣдній—французскій терроръ съ его потоками крови.

Но не вдругъ воспослѣдовалъ этотъ взрывъ онъ подготовлялся исподволь уже при Людовикѣ XIV и мы въ другомъ

курсѣ, озаглавленномъ „Исторія западной Европы въ XVIII столѣтіи", прослѣдимъ шагъ за шагомъ эту оппозицію.

Здѣсь мы замѣтимъ только, что если во Франціи католическая церковь осталась господствующею и только сносила присутствіе гугенотовъ до 1685 г., то отсюда еще не слѣдуетъ, что великія реформаціонныя идеи о свободѣ совѣсти, о человѣческомъ достоинствѣ, объ истинномъ христіанскомъ чувствѣ были вполнѣ уничтожены и искоренены, какъ къ тому стремились іезуиты. Не только гугеноты во Франціи, какъ и вообще протестанты, были живыми проповѣдниками этихъ идей, но и самая католическая церковь не могла избѣгнуть вліянія этихъ идей и въ ней самой невольно развивались и получали доступъ протестантскія воззрѣнія.

Въ полемической богословской литературѣ высказывались мысли о человѣческой свободѣ, о свободѣ совѣсти и разума, проводились такія воззрѣнія, десятую долю которыхъ не снесли бы ни Ришелье, ни Людовикъ XIV на почвѣ государственной политики.

Слѣдовательно, при общей, такъ сказать, правительственной опекѣ надъ обществомъ, надъ всѣми проявленіями человѣческой идивидуальности, при общемъ гнетѣ нравственномъ и умственнномъ, живъ былъ еще во Франціи духъ свободнаго мышленія, господствовавшій въ ней и въ Европѣ въ XVI столѣтіи и только сдерживался онъ наступившею католическою реакціею и абсолютизмомъ Людовика XIV (*).

Эта оппозиція, въ началѣ чисто богословская, правда сосредоточенная въ маломъ кружкѣ мыслителей, подготовила однако мало-по-малу почву къ принятію идей, выработываемыхъ заграницею, въ Голландіи и Англіи, и созрѣвшихъ тамъ совершенно на иной почвѣ.

Въ заключеніе нашего настоящаго курса намъ необходимо представить краткую характеристику всѣхъ четырехъ разобранныхъ нами періодовъ всеобщей исторіи,—періода подготовительнаго, періода реформаціи, католической реакціи и періода монархическаго абсолютизма. Намъ необходимо подвести итоги этимъ тремъ

(*) Для всего настоящаго періода французской исторіи весьма важнымъ пособіемъ можетъ служить Ranke—Französische Geschichte im Zeitalter der Reformation.

См. также Correspondance de Fénélon.

разобраннымъ нами столѣтіямъ, выяснить себѣ ихъ всемірно-историческое значеніе, что послужитъ намъ переходомъ къ слѣдующему нашему курсу, имѣющему предметомъ изложенія—исторію западной Европы въ XVIII столѣтіи до революціи. Эта характеристика предъидущихъ періодовъ выяснитъ намъ всего лучше задачу, выпавшую на долю XVIII вѣка, насколько она была имъ выполнена и насколько былъ неизбѣженъ великій кризисъ, имѣвшій послѣдствіемъ—великую французскую революцію конца прошлаго столѣтія.

Мы до сихъ поръ занимались изложеніемъ исторіи западной Европы съ XV столѣтія до начала XVIII; мы старались уловить руководящія человѣчествомъ идеи въ каждомъ изъ разобранныхъ нами періодовъ, идеи, которыя составляютъ смыслъ фактовъ и придаютъ имъ глубокое значеніе.

Въ настоящее время намъ приходится подводить итоги этимъ фактамъ; намъ приходится разсмотрѣть эти четыре періода въ совокупности, какъ бы одинъ цѣльный періодъ продолжительнаго развитія человѣчества, отмѣчая отличительныя черты этого періода, характерныя его особенности, указывая на тотъ прогрессъ въ умственномъ развитіи, на тотъ успѣхъ въ своемъ міровоззрѣніи, которые совершило человѣчество въ теченіе этихъ трехъ столѣтій.

Религіозное чувство, присущее человѣку, играло и всегда будетъ играть весьма важную роль въ исторіи человѣческаго развитія.

Но религіозное чувство весьма часто, какъ указываетъ намъ исторія, служа интересамъ исключительно отдѣльныхъ кастъ и сословій, выдвигаясь чрезмѣрно впередъ и занимая временно первенствующее мѣсто, поглощало собою совершенно всѣ другія стороны политическаго и нравственнаго развитія человѣческаго общества.

Въ подобную эпоху исключительнаго преобладанія религіознаго чувства и видимой его формы — церкви, въ которую оно облекалось, только то считалось разумнымъ, что прямо вытекало изъ установленныхъ церковью догматовъ; то только считалось нравственнымъ, что не противорѣчило освященной церковною традиціею дисциплинѣ; то только вполнѣ законнымъ, что соотвѣтствовало церковному культу, церковной обрядности.

Это исключительное преобладаніе церковной догматики надъ міровоззрѣніемъ человѣчества въ извѣстную эпоху, преобладаніе догматовъ, составленныхъ не рѣдко однимъ сословіемъ въ своихъ личныхъ интересахъ, въ ущербъ другимъ, вмѣсто того, чтобы благотворнымъ образомъ дѣйствовать на развитіе человѣчества, всегда, напротивъ, влекло его къ нежелательной крайности, къ умственному застою. Такъ было въ Индіи съ брамизмомъ, такъ было и въ средніе вѣка съ католическимъ духовенствомъ. Католическая церковь, или вѣрнѣе сказать, католическая іерархія, достигнувъ въ средніе вѣка безграничнаго господства надъ всѣми проявленіями человѣческаго духа, надъ всею умственною и политическою жизнью средневѣковаго человѣка, нарушила тѣмъ самымъ ту гармонію, которая должна была бы всегда существовать между различными факторами человѣческаго развитія.

Въ средніе вѣка, какъ мы видѣли, человѣческій разумъ былъ какъ бы совершенно опутанъ богословскими хитросплетеніями; свобода мысли была совершенно убита католическою іерархіею и тысячи жертвъ погибали за то только, что пытались сбросить съ себя этотъ вѣковой гнетъ. Одна сторона развитія человѣчества — сторона религіозная, взяла исключительный перевѣсъ надъ прочими; реакція была неизбѣжна и она и выразилась во второмъ, разобранномъ нами періодѣ— въ реформаціи, которая была ничто иное, какъ протестъ человѣческаго разума противъ церковнаго гнета. Реформація требовала эманципаціи государства отъ церкви, свободы мысли отъ оковъ, наложенныхъ на нее схоластикой, признанія политическихъ правъ за каждымъ отдѣльнымъ человѣкомъ. Такимъ образомъ на смѣну религіозному чувству выступаетъ теперь разумъ. Но не сразу побѣдили эти новыя воззрѣнія: цѣлое столѣтіе боролись они за свое существованіе. Все XVI столѣтіе представляетъ непрерывную борьбу, въ которой западно-европейское общество проливаетъ потоки крови за новое знамя.

Но идеи, потребность въ которыхъ назрѣла въ общественномъ сознаніи; идеи, исторически возникающія въ данную эпоху, не умираютъ, не исчезаютъ безслѣдно; они могутъ быть задержаны на время, но искоренить ихъ всецѣло нельзя.

Историческій законъ въ этомъ случаѣ непреложенъ: ста-

рое начало, какъ бы оно ни было сильно. какъ бы оно ни казалось прочнымъ, должно рано или поздно уступить мѣсто возникающему новому началу, имѣющему въ себѣ задатки дальнѣйшаго роста, дальнѣйшаго развитія. Подтвержденіе этого историческаго закона замѣчаемъ мы и въ данномъ случаѣ.

Уже въ XVII столѣтіи новыя идеи, изъ-за которыхъ проливались потоки крови въ XVI столѣтіи, окрѣпли на столько, что они громко проповѣдуются и что за ними уже признаются права гражданства.

Западная Европа дѣлится на два враждебныхъ лагеря, оказывающихъ другъ на друга взаимное вліяніе. Тогда наступила пора отыскивать новыя формы для этихъ новыхъ идей; наступила пора воплотить ихъ въ соотвѣтствующую внѣшнюю оболочку. Если XVI вѣкъ требовалъ эманципаціи государства отъ церкви, то въ XVII столѣтіи въ свою очередь надо было облечь эту эманципацію въ соотвѣтствующую форму; надо было найти такую государственную систему, которая бы положила твердыя основанія подъ это новое государственное зданіе. Если XVI вѣкъ провозгласилъ ненормальность и пагубность господства церкви и іерархіи надъ государствомъ, то надо было теперь найти нормальныя взаимныя отношенія между государствомъ и церковью. Надо было теперь опредѣлить границы между личною свободою отдѣльнаго человѣка и авторитетомъ надъ нимъ церкви. Надо было, однимъ словомъ, выработать возможный modus vivendi, для духовной и свѣтской власти.

XVII-му и XVIII-му столѣтіямъ выпало на долю разрѣшеніе этихъ назрѣвшихъ къ тому времени вопросовъ первостепенной важности.

Два государства, представители двухъ противоположныхъ лагерей, — Англія и Франція взяли на себя рѣшеніе этой трудной задачи.

Англія, находившаяся въ то время совершенно въ исключительныхъ условіяхъ, послѣ вѣковой внутренней борьбы, на основаніи и развитіи своихъ средневѣковыхъ учрежденій, дошла наконецъ до желательной для нея формы правленія— до представительной монархіи, въ которой соединялись и самоуправленіе и права короны.

Въ тоже время Франція выработываетъ совершенно дру-

гую форму правленія—монархическаго абсолютизма, которую передаетъ и другимъ континентальнымъ государствамъ, принявшимъ ее съ нѣкоторыми оттѣнками и измѣненіями, вызванными мѣстными условіями страны, въ которой она вводилась.

Эти континентальныя государства принимаютъ свою новую форму правленія именно отъ Франціи, а не отъ Англіи, потому, что предъидущее ихъ историческое развитіе представляло много общаго съ развитіемъ Франціи.

Эта форма монархическаго абсолютизма, заимствованная въ XVII столѣтіи изъ Франціи и нашедшая полное свое осуществленіе въ государственной системѣ Людовика XIV, была крайне полезна для своего времени, для своей эпохи. Она одна только и могла вывести Францію изъ средневѣковаго хаоса.

Капитальная ошибка тѣхъ, которые вводили эту систему, и заключалась именно только въ томъ, что они разсматривали ее, какъ нѣчто совершенное, законченное, не подверженное неизбѣжнымъ измѣненіямъ, вызываемымъ прогрессомъ, историческимъ развитіемъ общества; а не могли на нее смотрѣть, какъ на хотя и полезную для того времени, но тѣмъ не менѣе переходную форму къ другимъ политическимъ организаціямъ государственной жизни современнаго общества. Эта форма монархическаго абсолютизма образовалась совершенно по образцу средневѣковой церковной организаціи.

Подобно тому какъ папство въ средніе вѣка, достигнувъ абсолютной власти, не желало отъ нея отказаться и не терпѣло ни малѣйшей оппозиціи, кѣмъ бы она не выражалась считая законнымъ своимъ правомъ то, что ему сначала только уступалось добровольно и такимъ образомъ сдѣлалось скоро невыносимымъ бременемъ для свободнаго развитія человѣчества; такимъ же образомъ по слѣдамъ папства въ XVII столѣтіи выступаетъ свѣтскій абсолютизмъ, обратившійся скоро въ такую же опеку надъ человѣческимъ развитіемъ, въ такой же нравственный и умственный гнетъ, какъ и папство въ средніе вѣка.

Необходимая гармонія въ развитіи человѣческаго общества была и тутъ нарушена, какъ и въ концѣ среднихъ вѣковъ, при зарожденіи новыхъ реформаціонныхъ идей, и потому тре-

бовала уравновѣшиванія, приведенія ихъ въ возможное соглашеніе.

Реакція противъ всепоглощающаго, стѣсняющаго всякое развитіе, свѣтскаго авторита была столь же естественна въ XVIII столѣтіи, какъ была естественна такая же реакція противъ духовнаго авторитета въ XV и началѣ XVI столѣтія. Вотъ въ этомъ-то и заключается характеръ XVIII вѣка.

Какъ XV вѣкъ былъ вѣкомъ протеста человѣческаго разума противъ опеки церкви, такъ и XVIII столѣтіе является протестомъ противъ невыносимой опеки свѣтской власти — абсолютной монархіи.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, намъ станетъ понятна и форма, въ которую облекались въ различное время эти протесты.

Въ XV и XVI столѣтіяхъ оппозиція главнымъ образомъ направлена была противъ церкви; потому она и явилась въ оболочкѣ религіозной, богословской; въ XVIII же, направляясь противъ свѣтскаго авторитета, она и явилась въ оболочкѣ политической.

Тамъ, гдѣ между элементами развитія человѣческаго общества дисгармонія достигла высшихъ размѣровъ, тамъ ранѣе всего и произошелъ взрывъ.

Франція болѣе всего страдала въ XVII столѣтіи отъ гнета свѣтскаго абсолютизма, подобно тому какъ Германія въ XVI столѣтіи—отъ гнета духовнаго абсолютизма, исходившаго изъ Рима. Эти обѣ страны были болѣе подготовлены къ неизбѣжному взрыву, потому-то въ нихъ онъ и произошелъ раньше.

Цѣлыми столѣтіями однако созрѣвалъ этотъ протестъ.

Въ XVIII столѣтіи, во главѣ этого броженія стояла Франція; она была провозвѣстница новой эры, новыхъ идей, подобно тому, какъ эту же роль играла Германія въ XVI столѣтіи. Въ Германіи этотъ вѣковой протестъ разрѣшился реформаціею, во Франціи—революціею. Но идеи, которыя развивала Франція, которыя она провозглашала, выступая противъ гнета, оказываемаго свѣтскимъ деспотизмомъ на человѣческую мысль, требуя признанія человѣческихъ правъ и человѣческаго достоинства, были идеи не новыя; эти идеи волновали уже реформаціонную эпоху; слѣдовательно, великая фран-

цузская революція конца прошлаго столѣтія была только дальнѣйшимъ продолженіемъ реформаціи XVI вѣка; она только развивала дальше провозглашенныя уже въ то время истины; она формулировала то, что въ эпоху реформаціи было не досказано и не осуществлено; такъ, напримѣръ, темы, волновавшія XVIII столѣтіе и изложенныя въ безчисленныхъ трактатахъ, озаглавленныхъ „La souveraineté du peuple" и „Les droits de l'homme" и т. д. затронуты были всесторонне уже въ полемической и обличительной литературѣ XVI вѣка.

Франція заимствовала форму для этого политическаго протеста у Англіи и распространяла эту форму въ современной Европѣ XVII и XVIII вѣковъ; отсюда значеніе ея литературы въ эту эпоху, и причина ея повсемѣстнаго распространенія. Слѣдовательно, XVIII вѣкъ представляетъ собою, такъ сказать, продолженіе XVI; онъ является такимъ-же вѣкомъ броженія политическаго и соціальнаго, вѣкомъ революціи, вѣкомъ протеста противъ старыхъ, обветшалыхъ формъ политической и и соціальной жизни, вѣкомъ исканія новыхъ государственныхъ формъ, новыхъ политическихъ соединеній, новыхъ идей и вѣрованій, долженствующихъ обновить человѣчество, направить его къ казавшимся желательнымъ въ эту эпоху цѣлямъ.

Но политическая буря, разразившаяся въ концѣ прошлаго столѣтія, не прошла безслѣдно и для нашего времени—для XIX вѣка; много затронутыхъ въ то время вопросовъ не разрѣшены окончательно и до сихъ поръ; отсюда важность изученія прошлаго столѣтія, для историческаго пониманія нынѣшняго, для уясненія себѣ исторической задачи нашего времени, нашей эпохи.

Пройденный человѣческимъ развитіемъ путь въ эти три столѣтія, съ XV по XVIII, весьма значителенъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предшествующаго обозрѣнія исторіи западной Европы за это время ясно вытекаетъ и то, что прогрессъ въ человѣческомъ развитіи идетъ весьма медленно, вытекаетъ послѣдовательно изъ предшествующаго развитія, не допуская никакихъ уклоненій въ сторону, никакихъ внезапныхъ, неожиданныхъ порывовъ, а предполагая строго послѣдовательное, равномѣрное развитіе, основанное на строго историческихъ, психическихъ законахъ, присущихъ человѣческому обществу. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ,

какъ развитіе отдѣльнаго индивидуума, такъ и развитіе человѣческаго общества напоминаетъ и имѣетъ много общаго, съ развитіемъ организмовъ растительнаго царства, развивающихся по строго опредѣленнымъ, непрерывнымъ законамъ, причемъ всякое ненормальное уклоненіе въ сторону, вредно отзывается на ростѣ и процвѣтаніи ихъ.

Человѣческое общество, также какъ и отдѣльный человѣкъ, управляется строго опредѣленными историческими, этнографическими и психическими законами, угадывать которые, выяснять себѣ ихъ внутреннее значеніе, и составляетъ главную и серьезную задачу историка, путемъ изученія прошедшаго, отыскивающаго, изучающаго и объясняющаго настоящее. Въ этомъ и заключается задача и внутренній смыслъ исторіи, какъ науки.

ИСТОРІЯ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ

въ XVIII столѣтіи.

(До революціонная эпоха).

Предметомъ настоящаго курса будетъ исторія XVIII столѣтія до французской революціи 1789 года, столѣтія знаменательнаго по необыкновенному броженію умовъ, по стремленію общества пересоздать и преобразовать, на основаніи критикой провѣренныхъ теорій и научныхъ положеній, весь существовавшій порядокъ вещей, какъ въ религіозномъ отношеніи, такъ и въ политическомъ и соціальномъ.

„Нашъ вѣкъ" говоритъ Кантъ, въ своей „Критикѣ чистаго разума", появившейся въ 1781 году, „есть вѣкъ критики; ничто не можетъ уклониться отъ ея судилища, ни религія, при всей своей святости, ни государственная власть, при всемъ своемъ могуществѣ".

Это броженіе умовъ, это поспѣшное, лихорадочное разрушеніе всего прежняго міровоззрѣнія, всѣхъ прежнихъ теорій и установленій привели, къ концу столѣтія, къ политической бури, къ перевороту, въ великой французской революціи, стремившейся осуществить, узаконить, дать опредѣленныя формы завѣтнымъ, вѣками зрѣвшимъ стремленіямъ, выяснившимся въ ней впервые во всей своей ясности.

Революція XVIII столѣтія оставила, тѣмъ не менѣе, много вопросовъ не разрѣшенными въ наслѣдіе XIX вѣку, на долю котораго выпало окончательно разрѣшать волнующіе съ XV столѣтія человѣчество вопросы религіозные, политическіе и соціальные.

XVIII вѣкъ называли вѣкомъ новаго просвѣщенія, вѣкомъ просвѣщеннаго деспотизма, вѣкомъ разрушающей философіи

энциклопедистовъ, вѣкомъ отрицанія и невѣрія, вѣкомъ прискорбныхъ заблужденій; называли его такъ потому, что судили о немъ по одной внѣшности. Зло выступало наружу, добро скрывалось незамѣченнымъ.

Такое сужденіе не научно и односторонне.

XVIII вѣкъ былъ вѣкомъ кризиса въ развитіи человѣческаго общества, т. е. моментомъ въ жизни народовъ, когда ощущается всѣми неудовлетворительность прежнихъ идеаловъ, вѣрованій, убѣжденій и государственныхъ формъ и когда является потребность въ созданіи новыхъ. Въ эти времена кризиса человѣческаго развитія естественно волнуются, бродятъ, выступаютъ наружу всѣ присущія человѣку качества, побужденія и силы, какъ высокія, благородныя и свѣтлыя, такъ и низкія и темныя; въ эти времена кризиса зло съ добромъ бываетъ такъ тѣсно сплетено, что только глубокое историческое изученіе можетъ ихъ распознать, отдѣлить и дать себѣ въ нихъ ясный отчетъ. Задача настоящаго курса и будетъ состоять главнѣйшимъ образомъ въ разъясненіи причинъ этого кризиса, въ опредѣленіи этой невидимой связи съ предъидущими вѣками, которыхъ XVIII вѣкъ есть логическое послѣдствіе и результатъ, въ опредѣленіи, наконецъ, характера и значенія XVIII столѣтія.

Въ одномъ изъ предъидущихъ курсовъ, при изложеніи исторіи XV и XVI столѣтій, т. е. времени подобнаго же кризиса, какъ и въ XVIII столѣтіи, я старался выяснить основной историческій законъ, по которому всякое явленіе, всякій фактъ есть результатъ предшествовавшихъ причинъ, медленно созрѣвавшихъ иногда въ теченіе столѣтій.

Мы говорили тогда, что основательное пониманіе данной эпохи со всѣми ея проявленіями и формами, со всѣми ея заблужденіями, крайностями и благородными порывами, можетъ быть достигнуто только при внимательномъ изученіи предшествовавшаго развитія, предшествовавшихъ вѣковъ.

Потому мы довольно долго и останавливались на разборѣ идей и формъ, господствовавшихъ въ теченіе среднихъ вѣковъ, чтобы яснѣе понять необыкновенное броженіе умовъ, переворотъ нравственный, умственный и политическій, которымъ ознаменовался XVI вѣкъ, извѣстный подъ именемъ „вѣка реформаціи“.

Я приводилъ тогда главныя стремленія, завѣтныя желанія европейскаго общества, желанія, которыя, въ началѣ смутно сознаваемыя, дѣлались общимъ вѣрованіемъ и убѣжденіемъ, подъ руководствомъ передовыхъ людей эпохи, и стремились найти формы, соотвѣтствующія новымъ потребностямъ и новой степени развитія общества.

Я позволю себѣ здѣсь привести въ систематическій порядокъ всѣ тѣ главныя положенія, которыя были выработаны эпохою реформаціи, тѣ пріобрѣтенія, тотъ, такъ сказать, нравственный и умственный капиталъ, который пріобрѣло человѣчество, какъ результатъ реформаціи XVI столѣтія; мы прослѣдимъ судьбу этихъ пріобрѣтеній, т. е. на сколько они были осуществлены, приведены въ исполненіе, облечены въ форму.

Этимъ путемъ значеніе и характеръ XVIII столѣтія выяснятся намъ сами собою и опредѣлятся вопросы, которыми мы должны будемъ заниматься въ настоящемъ курсѣ.

Періодъ реформаціи, какъ мы видѣли, былъ періодомъ протеста противъ гнетущаго авторитета церкви, развившагося въ теченіе среднихъ вѣковъ до крайнихъ предѣловъ и поглощавшаго всѣ проявленія духовной и матеріальной дѣятельности человѣка.

Первое неудовольствіе противъ средневѣковаго порядка вещей выразилось поэтому въ оболочкѣ антицерковной оппозиціи, которая обнимала и всѣ другія стремленія реформаціонной эпохи.

Цѣль этой оппозиціи и всего движенія, болѣе или менѣе, ясно сознаваемая всѣми, была свобода, т. е. освобожденіе отъ духовнаго гнета, признаніе за человѣкомъ естественныхъ его правъ, дарованіе простора разуму и совѣсти каждаго индивидуума.

Конечно, по степени развитія, каждый понималъ эти завѣтныя желанія по своему: одни стремились къ освобожденію разума отъ опеки церкви и ея догматовъ; другіе, не задаваясь столь отвлеченными положеніями, стремились къ національному освобожденію отъ римской іерархіи, къ соціальному переустройству, къ уравненію правъ сословій; но всѣ, по принципу, стремились къ одному—къ свободѣ, къ признанію за каждымъ человѣкомъ его правъ, его человѣческаго достоинства.

Главнымъ препятствіемъ къ достиженію этихъ завѣтныхъ стремленій была католическая церковь и ея іерархія, папство, и потому въ началѣ всѣ единодушно и выступили на борьбу противъ папскаго авторитета; но когда врагъ уже былъ побѣжденъ или вѣрнѣе, значительно ослабленъ, когда необходимо было найти соотвѣтственныя формы для новаго направленія, когда необходимо было подвести итоги сдѣланнымъ пріобрѣтеніямъ и формулировать ихъ; тогда выступили наружу партіи, умѣренная и радикальная, которыя, несогласныя между собою, начали ожесточенную, другъ противъ друга, борьбу. Борьба эта не только послужила въ пользу консервативной, католической партіи, но и весьма не выгодно повліяла и на побѣдившую — умѣренную, протестантскую партію.

Католичество, вслѣдствіе отсутствія единодушія въ противномъ лагерѣ, успѣло снова окрѣпнуть и, благодаря іезуитскому ордену, возстановить снова папскій авторитетъ, если и не во всѣхъ прежнихъ государствахъ, то съ тѣмъ большею за то прочностію.

Съ другой стороны, умѣренная,—протестантская партія, (или такъ называемые „лютеране“ и „кальвинисты“), одержавшая верхъ надъ радикальною партіею, въ продолженіе борьбы съ послѣднею утратила многіе свои первоначальные, возвышающіе ее принципы, какъ-то: признаніе свободы совѣсти, уваженіе къ чужимъ религіознымъ убѣжденіямъ, т. е. вѣротерпимость, и такимъ образомъ впала въ тѣже ошибки католической церкви, противъ которыхъ сама прежде такъ настойчиво ратовала. Въ результатѣ—католичество не было побѣждено, а въ тѣхъ государствахъ, гдѣ одержало верхъ протестантство, прежній духовный гнетъ, исходившій изъ Рима, замѣнился такимъ же точно духовнымъ, обязательнымъ для всѣхъ, авторитетомъ, исходящимъ изъ Виттенберга или Женевы.

Такимъ образомъ, какъ въ нравственномъ, умственномъ и религіозномъ отношеніяхъ, такъ точно и въ политическомъ и соціальномъ, не осуществились стремленія реформаціонной партіи. Она ратовала за совершенное уничтоженіе средневѣковыхъ формъ, за уничтоженіе ненормальнаго преобладанія духовной іерархіи и феодальной аристократіи, за уравненіе правъ всѣхъ сословій и за дарованіе большаго противъ преж-

няго простора, бо́льшихъ политическихъ правъ нисшему сословію, за образованіе, напримѣръ, въ Германіи единаго государства съ императоромъ во главѣ и за уничтоженіе мелкихъ владѣтелей, духовныхъ и свѣтскихъ, разъединявшихъ только общее отечество и ослаблявшихъ его вслѣдствіе эгоистическихъ стремленій каждаго отдѣльнаго князя и унижавшихъ его такимъ образомъ передъ сосѣдними державами.

Всѣ эти надежды рушились.

Господство католической іерархіи не вездѣ было уничтожено, а тамъ, гдѣ это удалось сдѣлать, т. е. въ государствахъ протестантскихъ, свѣтская власть перевела на себя всѣ прерогативы церкви въ Германіи; такъ, напримѣръ, отдѣльные князья пріобрѣли, какъ извѣстно, вполнѣ неограниченную власть не только въ политическомъ отношеніи, но и въ церковномъ.

Въ Англіи король былъ провозглашенъ главою церкви и отнынѣ даже вопросы догматическіе подлежали его рѣшенію и утвержденію.

Въ католическихъ государствахъ, какъ напримѣръ, въ Испаніи и Франціи, іерархія тѣсно сблизилась съ правительствомъ и вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовала казнями и заточеніями малѣйшее проявленіе сочувствія къ реформаціоннымъ идеямъ, убивала систематически необыкновенный порывъ и силу мышленія XVI столѣтія.

Уравненіе правъ сословій и дарованіе простора высшему и нисшему сословію тоже не осуществились. Феодальная аристократія, правда, была ослаблена, отъ нея была отнята часть ея политическихъ правъ, но за то усилилась центральная власть, которая, благодѣтельная вначалѣ, вскорѣ легла тяжкимъ бременемъ на народъ.

Монархическая власть, которую съ такимъ восторгомъ приняли народы въ XVII столѣтіи, въ надеждѣ найти въ ней оплотъ противъ средневѣковаго политическаго хаоса, средневѣковаго преобладанія произвола и физической силы, эта монархическая власть, какъ мы видѣли, не долго удержалась на высотѣ своего призванія; она обратилась въ гнетущій абсолютизмъ, въ господство личнаго произвола, а не въ господство закона, въ безконтрольный авторитетъ, всепоглощающій и стѣсняющій всякое умственное развитіе.

Однимъ словомъ, съ абсолютною монархіею повторилось въ концѣ XVII столѣтія тоже, что мы видѣли съ папствомъ въ XVI столѣтіи.

Вторая половина правленія Людовика XIV и большей части подражавшихъ ему германскихъ князей служитъ тому яснымъ доказательствомъ.

Такимъ образомъ, хотя человѣчество и сдѣлало въ періодъ реформаціи шагъ впередъ въ своемъ развитіи, но осуществило оно далеко не всѣ принципы, во имя которыхъ еще вначалѣ XV столѣтія началась оппозиція противъ папства.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ Голландія и Англія составляли исключеніе въ отношеніи формы правленія.

Тамъ народъ глубоко проникся реформаціонными идеями.

Послѣ долгой борьбы, внутренняя организація обѣихъ странъ закончилась ранѣе, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Въ Голландіи утвердилось республиканское устройство; Англія-же, послѣ кратковременнаго возвышенія абсолютной монархіи и затѣмъ республики, дошла наконецъ до конституціонной монархіи (въ 1688 г.), до политической формы, въ которой соединялись и самоуправленіе и права короны, въ которой завѣтныя стремленія реформаціи нашли свое осуществленіе, какъ-то: вѣротерпимость, обезпеченіе личной безопасности и частнаго имущества, господство закона и точное опредѣленіе правъ государственной власти и ея органовъ.

Борьба партій въ Голландіи и Англіи и утвердившееся затѣмъ въ нихъ политическое устройство дали полный просторъ умственному развитію, снявъ съ разума оковы авторитета, наложеннаго церковью въ средніе вѣка, признавъ свободу мышленія и совѣсти; все это, естественно, выразилось въ богатой философской и политической литературѣ того времени, которая путемъ серьезныхъ изслѣдованій, разработывала вопросы, затронутые въ періодъ реформаціи и только задержанные на время послѣдовавшею католическою реакціею.

Конечно, эта литература была недоступна для массы и сосредоточивалась, жила въ кругу людей ученыхъ, посвятившихъ жизнь свою на разъясненіе отвлеченныхъ вопросовъ мышленія, мірозданія и политики.

Въ XVIII столѣтіи мы видимъ, слѣдовательно, результатъ вліянія этихъ государствъ и выработанныхъ ими формъ на

Европу. Конечно, это вліяніе прежде всего выразилось въ тогдашней литературѣ, которая принимаетъ съ того времени характеръ пропаганды.

Черезъ Францію шла эта пропаганда.

Франція принимала ее охотно потому, что тамъ рельефнѣе выступали несообразности политическаго и соціальнаго строя; потому, что тамъ монархическій абсолютизмъ сталъ для всѣхъ къ концу XVIII столѣтія невыносимъ.

Съ половины XVII столѣтія Голландія, а за нею съ начала XVIII и Англія сдѣлались странами, привлекавшими взоры и вниманіе всѣхъ тѣхъ людей на континентѣ, которымъ не выносимъ былъ гнетъ духовнаго и свѣтскаго авторитета.

Голландія считалась страною вѣротерпимости и свободы; въ ней искали убѣжища эмигранты разныхъ странъ, покинувшіе родину вслѣдствіе гоненій за религіозныя и политическія убѣжденія.

Въ Голландіи особенно много жило французовъ, гугенотовъ, нашедшихъ тамъ пріютъ и убѣжище, послѣ уничтоженія Нантскаго эдикта и разбивавшихъ оттуда сочиненіями своими всю систему Людовика XIV-го.

Тамъ жили, напримѣръ, Pierre Bayle, Le Clerc, Basnage и многіе другіе.

Политическое устройство Голландіи, свобода совѣсти и мысли тамъ господствовавшая, породили цѣлую литературу, направленную на разрѣшеніе воззрѣній и порядка вещей, существовавшихъ въ западной Европѣ и имѣвшую вліяніе на лучшую часть подроставшаго поколѣнія, преимущественно во Франціи, такъ какъ сочиненія эти писаны были на французскомъ языкѣ и исходили изъ подъ пера французскихъ авторовъ.

Пока живъ былъ еще Людовикъ XIV и пока желѣзная рука его сдерживала всякую оппозицію, вліяніе этой заграничной литературы на французское общество оставалось почти незамѣтнымъ; но лишь только онъ закрылъ глаза, оппозиція его системѣ, поддерживаемая отчасти самимъ правительствомъ регента Филиппа Орлеанскаго, начала выражаться открыто. Оппозиція эта вначалѣ была внѣшняя, поверхностная, не опиравшаяся на принципахъ и теоріяхъ, пока французское общество не познакомилось съ англійскою философскою и по-

литическою литературою, выработавшею давно уже обширную систему воззрѣній—философскихъ, политическихъ и экономическихъ, остававшихся вполнѣ неизвѣстными на континентѣ.

До начала XVIII столѣтія во французскомъ обществѣ, воспитанномъ въ блескѣ и славѣ правленія Людовика XIV, господствовало полное презрѣніе къ другимъ націямъ и въ особенности къ англичанамъ, которыхъ считали дикою ордою, варварами, постоянно возмущавшимися противъ своихъ королей, казнившими одного короля и прогнавшими другаго.

Смотря съ такой ложной точки зрѣнія на англичанъ, французы, естественно, не считали нужнымъ и полезнымъ для себя ознакомиться ближе съ учрежденіями страны, съ ея литературой и ея нравами (*).

Сомнительно, чтобы въ концѣ XVII столѣтія кто либо во Франціи вообще зналъ даже англійскій языкъ (**).

Съ начала же XVIII столѣтія въ этомъ отношеніи происходитъ въ лучшихъ умахъ Франціи замѣтный переворотъ.

Несостоятельность государственной системы Людовика XIV, невыносимый гнетъ правительственной опеки, вліяніе литературы французскихъ эмигрантовъ, возвышеніе Англіи въ политическомъ мірѣ, вмѣшательство ея въ войну за испанское наслѣдство, впродолженіе которой нерѣдко приходилось французамъ уступать военному таланту Marlborough — все вмѣстѣ невольно заставило Францію обратить вниманіе свое на ту сторону Ламанша, на страну, въ которой по слухамъ и разсказамъ, вопреки установившемуся мнѣнію о варварствѣ и дикости, господствовала тишина и свобода, обезпеченіе лич-

---

(*) Ученый Salmasius высказалъ, что „англичане гораздо болѣе свирѣпы, чѣмъ ихъ бульдоги». См. Carlyle, Cromwell I. 444 и Buckle I. page 192.

Motteville называетъ англичанъ въ своихъ Mémoires II. 105, 362— „les barbares révoltés„. См. также Lettres de M-me de Sévigné, V. 179 и Lettres inédites de M-me de Maintenon, I. 303, 109. гдѣ говорится о „férocité des Anglais“,

(**)„ Au temps de Boileau personne en France n'apprenait l'anglais“. Oeuvres de Voltaire 19 т. 159 стр. 38 т. 337 стр. 39 т. 175 стр.— article „épopée — dictionnaire philosophique“: Nous n'avions jamais entendu parler de ce poême (Paradis perdu de Milton изд. 1667 г.) en France avant que l'auteur de la Henriade, nous en eut donné une eidée, dans le XIX chap. de son „Essai sur la poésie épique“,

ной безопасности и частной собственности; на страну, въ которой благосостояніе народа возростало постоянно. Знакомство съ англійскою литературой — философской и политической, изученіе англійскихъ учрежденій, порядковъ и нравовъ, было въ началѣ, конечно, ограничено небольшимъ кружкомъ людей; но мало по малу это изученіе приняло такіе размѣры, что уже во второй половинѣ XVIII столѣтія, едвали былъ одинъ образованный человѣкъ во Франціи, который бы не изучалъ англійскаго языка, англійскихъ учрежденій или не посѣтилъ бы самой Англіи.

Французское общество подпало совершенно вліянію Англіи и ея литературы.

Труды великихъ мыслителей Англіи (*) 1) Locke, 2) Newton, 3) Shaftesbury, 4) Toland, 5) Tindal, 6) W. Wollaston и другіе, составлявшіе до тѣхъ поръ достояніе только немногочисленнаго кружка англійскихъ-же ученыхъ, совершенно неизвѣстныхъ на континентѣ, вслѣдствіе недоступности ихъ формы и содержанія, начали теперь изучаться французами; новыя проводимыя ими идеи и мысли, стали пропагандироваться по всей Европѣ. Необыкновенная способность французскаго духа представлять въ удобопонятной, изящной, блестящей и завлекательной формѣ самыя высокія и отвлеченныя понятія, гибкость французскаго языка, наконецъ, его почти повсемѣстное господство въ то время во всей Европѣ, были лучшими орудіями этой пропаганды.

Какъ во второй половинѣ XVII столѣтія западная Европа раболѣпно подчинялась модамъ, блеску, роскоши французскаго правительсгва и высшаго общества, такъ въ XVIII столѣтіи она подчинилась идеямъ, проповѣдуемымъ французскою литературою.

Литература эта не представляла, впрочемъ, ничего само-

(*) 1) John Locke (1632—1704) его главное соч. „An essay concerning human understanding“ 1690. London. 2) Isaak Newton (1642—1727) „Naturalis philosophiae principia matematica“. 3) Shaftesbury (1670—1713) извѣстна его нравственная философія—„An inquiry concerning virtue and merit“ изд. 1699. 4) Toland (пантеистъ, 1670—1722)—„Christianity not mysterious“ London 1696. 5) Tindal—(раціоналистъ, 1656—1733) 6) Wollaston (1659—1724—деистъ) его соч. „The religion of nature delineated“. London 1722.

стоятельнаго, самобытнаго; не была плодомъ французскаго творчества и мышленія, а была лишь толкованіемъ идей, заимствованныхъ у англійскихъ мыслителей, какъ въ томъ сознавались и сознаются сами французы (*).

И не смотря на всю самобытность англійской философіи конца XVII столѣтія и начала XVIII, и на несамостоятельность французской философской литературы XVIII столѣтія, не первая, а вторая была могучимъ рычагомъ образованія и произвела переворотъ въ новѣйшей исторіи человѣческой мысли.

Историческое значеніе ея заключается не въ научныхъ ея выводахъ, не въ количествѣ великихъ и самостоятельныхъ открытій, а въ культурной ея силѣ, въ томъ могучемъ вліяніи, которое она имѣла на все тогдашнее мышленіе, на всѣ воззрѣнія и убѣжденія современнаго ей человѣчества.

Вліяніе это не ограничивалось однимъ какимъ-нибудь сословіемъ, но проникало глубоко въ массу и произвело такой же сильный переворотъ умственный и нравственный въ человѣчествѣ, какое произвело ранѣе великое броженіе въ XVI столѣтіи. Эта такъ называемая „просвѣтительная литература"—„Aufklärungslitteratur"—XVIII столѣтія снова берется за недосказанныя и неосуществившіяся идеи реформаціи, прерванныя послѣдовавшею католическою реакціею, развиваетъ ихъ далѣе и доводитъ ихъ до послѣднихъ выводовъ и результатовъ.

(*) См. Villemain—Littérature au 18-me siècle I. 83. „Rousseau tira des ouvrages de Locke une grande partie de ses idées sur la politique et l'éducation, Condillac—toute sa philosophie".

также см. Cousin—Histoire de la philosophie I. Serie III. 38, 39—„le vrai roi du 18-me siècle c'est Voltaire; mais Voltaire à son tour est un écolier de l'Angleterre. Avant que Voltaire eût connu l'Angleterre, soit par ses voyages, soit par ses amitiés, il n'était pas Voltaire. et le 18-me siècle se cherchait encore".

также см. тамъ-же: II Serie II 311, 312—„Locke est le vrai maitre de Voltaire".

См. также oeuvres de Voltaire I. 315. XIX, 87. XXVI, 71.—„J'avais été le premier qui eût osé développer à ma nation les découvertes de Newton en langage intélligible".

также: oeuvres de Voltaire 66, 249 — „je suis le premier qui ait fait connaitre Shakespeare aux Français". Villemain — Littérature au 18-me siècle III. 325.

Потому-то я въ началѣ настоящаго курса и выставилъ внутреннюю связь между XVI и XVIII столѣтіями; послѣднее есть прямое, логическое послѣдствіе и дополненіе перваго.

Какая же была основная идея этой литературы, значеніе и вліяніе которой мы сейчасъ представили, какой принципъ преобладалъ во всей этой философской пропагандѣ?

Основная идея этой литературы, главный принципъ, во имя котораго она ратовала, была идея человѣчества, т. е. признаніе личнаго достоинства и естественныхъ правъ отдѣльнаго человѣка, обезпеченіе его свободы, его благосостоянія и счастія утвержденіемъ законности въ государственномъ устройствѣ, бо̀льшаго простора для индивидуальной дѣятельности человѣка.

Эти идеи лежали въ основаніи всѣхъ стремленій и желаній такъ называемой „просвѣтительной литературы"; они были источникомъ и побужденіемъ, при составленіи смѣлыхъ теорій и предположеній о реформахъ политическихъ и соціальныхъ.

Эти идеи руководили единственно даже и тѣми писателями, которые по страстности своего характера и по увлеченію переходили за черту благоразумія и такимъ образомъ болѣе вредили, чѣмъ приносили пользы современному обществу.

Изъ этой основной идеи, проводимой просвѣтительною литературой, проистекала ненависть къ фанатизму и къ религіозной нетерпимости. Съ ожесточеніемъ возстаетъ эта литература противъ религіозныхъ преслѣдованій, съ негодованіемъ бичуетъ она казни, назначаемыя самою христіанскою іерархіею во имя и во славу Всевышняго Бога; требуетъ вѣротерпимости, а слѣдовательно и свободы совѣсти, убѣжденій и мысли.

Отсюда ненависть къ сохранившимся еще въ то время нѣкоторымъ средневѣковымъ феодальнымъ учрежденіямъ, узаконявшимъ неравенство между людьми, вопреки праву и справедливости; отсюда ненависть и къ государственному устройству, въ которомъ господствуетъ не законность, а личный произволъ; отсюда ненависть къ крѣпостному праву, какъ къ посягательству на прирожденную человѣку личную свободу и равенство. Отсюда требованіе свободы для индиви-

дуальной дѣятельности, для торговли, уничтоженіемъ привилегій, торговыхъ монополій и корпорацій; отсюда же наконецъ, возникновеніе и новой науки—политической экономіи, занявшей мѣсто въ ряду наукъ соціальныхъ.

Съ этою же цѣлью дѣлаются попытки къ пересмотру уголовнаго свода законовъ; раздаются краснорѣчивыя нападки на варварскія казни и пытки тогдашняго судопроизводства; сочиняются проекты къ установленію вѣчнаго міра, для прекращенія постоянныхъ войнъ, противорѣчащихъ идеи братства и любви къ ближнему.

Отсюда, наконецъ, стремленіе отыскать политическую форму правленія, болѣе всего способную обезпечить права и свободу человѣка, опредѣлить границы высшей власти и правильное соотношеніе ея органовъ.

Вотъ великія идеи, бродившія тогда въ обществѣ, идеи, которыя французская революція, искавшая имъ дать примѣненіе, выразила въ девизѣ—„liberté, égalité, fraternité“ и въ своей знаменитой „Déclaration des droits de l'homme et du citoyen“.

Сдерживаемый и угнетаемый до той поры во Франціи монархическимъ авторитетомъ, духъ свободнаго мышленія и критики, не чувствуя болѣе надъ собою стѣснявшихъ его оковъ, предался этимъ великимъ идеямъ съ какою то страстью и увлеченіемъ, не давая себѣ часто времени углубиться въ нихъ и усвоить ихъ себѣ и такимъ образомъ дѣлалъ часто выводы и приходилъ къ заключеніямъ, отличавшимся болѣе смѣлостью и остроуміемъ, чѣмъ глубиною и убѣдительностью.

И этотъ энтузіазмъ, этотъ идейный фанатизмъ, эта страстность и увлеченіе новыми просвѣтительными идеями вѣка еще болѣе подстрекались неприглядною дѣйствительностью, находившеюся въ діаметральной противоположности съ высокими отвлеченными теоріями.

По сему то понятно и естественно, что практическая философская литература XVIII столѣтія, пропагандируя великія идеи человѣчества, впадала иногда въ печальныя крайности и заблужденія. Литература эта, воодушевленная безкорыстною любовью къ человѣчеству, желая блага и счастья ему, выставляла часто теоріи, которыя могли только принести чисто

противоположные плоды. Поражая фанатизмъ, невѣріе, нетерпимость, церковное устройство вообще, литература эта заходила такъ далеко, что разрушала и осмѣивала самое религіозное чувство и вѣрованія; возвышая нравственно человѣка и требуя признанія его правъ, свободы и индивидуальной для него дѣятельности, она слишкомъ расширяла границы его личной воли и побужденій, упуская изъ виду, что крайняя свобода переходитъ скоро въ своеволіе и впадала такимъ образомъ сама въ грубый сенсуализмъ и матеріализмъ. Разрушая старое зданіе, какъ несогласное съ законами разума и критики, она утрачивала всякое уваженіе къ самому историческому прошлому и всякое пониманіе условій историческаго развитія. Конечно, эти крайнія по своей смѣлости и рѣзкости мысли, распространяемыя съ такимъ краснорѣчіемъ, съ такимъ неподдѣльнымъ увлеченіемъ, подрывали въ людяхъ, неподготовленныхъ къ самостоятельному мышленію, всѣ основы нравственности и добродѣтели. Вмѣстѣ съ тѣмъ, теоріи эти увлекали своею страстностію и лучшихъ людей эпохи, которые мечтали о преобразованіи всѣхъ основъ, на которыхъ опиралось современное имъ общество, совершенно не обращая вниманія на тогдашнюю дѣйствительность.

Французская революція 1789 г. доказала, куда приводятъ подобныя мечты, хотя и хорошія въ принципѣ, но не основанныя на твердой почвѣ историческихъ и народныхъ условій развитія человѣческаго общества.

Но какъ бы ни велики были заблужденія и ошибки этой литературы XVIII вѣка, нельзя всетаки за нею не признать и великихъ, несомнѣнныхъ заслугъ.

Она родилась изъ безкорыстной, чистой любви къ человѣческому благу. Она была жгучимъ протестомъ здраваго смысла противъ нравственнаго упадка, вырожденія мысли и всеобщей лжи, охватившихъ общество XVIII вѣка, и тѣмъ нанесла окончательный и рѣшительный ударъ уже вполнѣ разложившемуся средневѣковому зданію.

XVIII вѣкъ былъ тяжелою, переходною эпохою въ развитіи человѣческаго общества, со всѣми опасностями, крайностями и надеждами, вызываемыми смутнымъ, переходнымъ временемъ.

Ошибки, заблужденія и увлеченія вѣка со временемъ сгладились мало по малу и наконецъ совершенно исчезли, замѣненныя иными теченіями; между тѣмъ выработанныя ими истины остались и остаются до сихъ поръ, какъ не отъемлемое нравственное достояніе современнаго человѣчества.

Эта просвѣтительная литература, родившаяся во Франціи, подъ вліяніемъ Англіи въ первой половинѣ XVIII столѣтія, съ такимъ фанатизмомъ и страстностью распространявшая новыя идеи, подчинила себѣ не только общественное мнѣніе и самое правительство Франціи, но повліяло еще и на всю остальную Европу.

Общественное мнѣніе, родившееся и воспитанное подъ вліяніемъ этой литературы, впервые становится въ эту эпоху новымъ факторомъ въ народной жизни, могучею силою, которая въ своемъ теченіи увлекаетъ и народы и государственныхъ людей и самихъ государей.

Вся Европа со второй половины XVIII столѣтія, не исключая и Англіи—виновницы возникшаго броженія, находилась подъ вліяніемъ „французской просвѣтительной литературы", подобно тому какъ въ XVII столѣтіи она находилась подъ вліяніемъ и увлекалась блестящимъ и могущественнымъ правленіемъ Людовика XIV и его дворомъ. Цѣлый рядъ замѣчательныхъ государей, министровъ, ученыхъ, публицистовъ, политиковъ, являются въ разныхъ концахъ Европы; они создаютъ новыя системы и теоріи или стараются на практикѣ различными мѣрами осуществить требованія современной литературы и науки.

Особенно сильно и по результатамъ своимъ чрезвычайно плодотворно было вліяніе этой литературы на литературу другихъ европейскихъ государствъ, не только политическую, но и изящную; повсюду повѣяло свѣжестью, силою, энергіею; повсюду являются замѣчательные труды, составляются цѣлыя государственныя системы и теоріи.

Въ Италіи напримѣръ: въ Миланѣ появляются въ это время сочиненія Pietro Verri (1728—1797) подъ заглавіемъ: „Osservazioni sulla tortura" и „Meditazioni sulla economia politica". Далѣе къ этому же времени относятся и сочиненія Caesare Beccaria—„Dei delitti e delle pene" и Gaetano Filangieri

(1752 —1788) — „La scienza della legislazione", появившееся въ Неаполѣ.

Одновременно въ Англіи пишетъ свое сочиненіе Hume (1711—1776), подъ заглавіемъ: „Enquiry concerning human understanding", появившееся въ 1748 г., и „исторію Англіи", изд. въ Лондонѣ 1754—1761; Robertson (1721—1793) пишетъ свою „Исторію Карла V", а Gibbon (1737 — 1794)— „Исторію распаденія Римской имперіи".

Все это умственное броженіе, наслѣдіе Англіи и Франціи, находитъ въ Германіи свое высшее выраженіе и научную обработку въ Гёте, Шиллерѣ и въ Кантовой философіи— „Критика чистаго разума".

Фридрихъ II прусскій, этотъ философъ на тронѣ, великій политикъ и воинъ, стоитъ во главѣ цѣлаго ряда государей и государственныхъ людей, стремившихся преобразовать современное имъ общество, на основаніи новыхъ, критикой провѣренныхъ теорій. Примѣру его послѣдовали Екатерина II, Іосифъ II, Леопольдъ тосканскій, Густавъ III.

Одновременно въ другихъ странахъ дѣйствовали просвѣщенные министры въ томъ же направленіи, напримѣръ: Карачіоли въ Неаполѣ, Помбаль въ Португаліи, Аранда и Кампоманесъ въ Испаніи, Шуазёль, Тюрго и Мальзербъ во Франціи, Дю-Тилло въ Пармѣ, Струензе въ Даніи.

Въ республиканскихъ государствахъ замѣчается тоже движеніе къ преобразованію феодальныхъ учрежденій. Намѣревались даже перевести „энциклопедическій словарь" на татарскій языкъ, для распространенія народнаго образованія въ Азіи.

Велики были благодѣянія, исходившія отъ просвѣщенныхъ начинаній этихъ передовыхъ мыслителей.

Въ администраціи вводился порядокъ, законодательство проникалось духомъ справедливости и милосердія, обращалось серьёзное вниманіе на народное образованіе, заботились о болѣе справедливой раскладкѣ податей; снимались съ торговли, промышленности, земледѣлія стѣснявшія ихъ оковы, старались расширить права короны въ надзорѣ за церковью и духовенствомъ; наконецъ, уничтожили орденъ іезуитовъ— этотъ оплотъ умственнаго застоя и духовнаго прозябанія. Конечно, не всѣ тогдашніе государственные дѣятели обладали

необходимыми дарованіями и геніальностью, для благоразумнаго сочетанія требованій времени съ дѣйствительностью и исторически сложившимися условіями; многіе дѣйствовали изъ пустаго тщеславія и эгоизма, для пріобрѣтенія популярности въ массѣ и похвалы великихъ авторитетовъ времени. Въ дѣятельности большей части политиковъ того времени мы замѣчаемъ туже лихорадочную поспѣшность въ разрушеніи, туже ненависть ко всему, сложившемуся временемъ и обстоятельствами, тоже презрѣніе традицій, туже опрометчивость въ уничтоженіи прежнихъ формъ, тотъ-же деспотизмъ фанатизма, что и въ литературѣ того времени. Потому-то ихъ лучшія начинанія кончались ничѣмъ, поселяли въ душѣ ихъ горькое разочарованіе и приводили страну еще въ бо́льшее хаотическое состояніе, чѣмъ прежде.

Политическая буря конца прошлаго столѣтія была логическимъ, естественнымъ послѣдствіемъ такого ненормальнаго положенія; она стремилась осуществить, какъ прежде сами монархи и ихъ министры, тѣ положенія, которыя были признаны наукою разумными и необходимыми.

Въ началѣ прошлаго столѣтія стремленія къ преобразованіямъ исходили отъ самаго правительства и имѣли посему характеръ монархическій; въ концѣ-же столѣтія за реформы, большею частью оставшіяся неосуществленными, ухватился народъ и разыгралась революція.

Таковъ въ общихъ чертахъ характеръ картины, подробности которой намъ предстоитъ разобрать въ нынѣшнемъ курсѣ.

Сообразно съ этими главными положеніями опредѣляется и планъ нашего курса.

Группируя изложеніе фактовъ около Франціи и французскаго общества, какъ господствовавшаго, вліятельнаго начала въ теченіе всего XVIII ст., мы раздѣлимъ нашъ курсъ на два періода.

Въ первомъ изъ нихъ мы сдѣлаемъ краткое обозрѣніе положенія главнѣйшихъ государствъ послѣ Утрехтскаго мира до 40-хъ годовъ столѣтія, когда пропаганда новыхъ идей, созрѣвая пока еще только во Франціи, еще не коснулась остальной Европы.

Во второмъ періодѣ, обнимающемъ время съ 40-хъ годовъ до 90-хъ прошлаго столѣтія, мы сдѣлаемъ обозрѣніе государствъ, развивавшихся подъ вліяніемъ французской просвѣтительной литературы, при политическомъ преобладаніи Россіи и Пруссіи, это—періодъ правительственныхъ реформъ, такъ называемый періодъ „просвѣщеннаго абсолютизма", который своими крайностями и анормальностью своею довелъ западную Европу XVIII вѣка до неизбѣжной реакціи—до великой французской революціи 1789 г.

Такимъ образомъ мы доведемъ исторію XVIII ст. до періода революціи, простирающагося съ 1789 г. до Вѣнскаго конгресса 1815 года.

Приступая теперь къ изложенію перваго періода настоящаго курса, мы должны познакомиться съ положеніемъ западно-европейскихъ государствъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія (*).

Утрехтскимъ миромъ 1713 года закончилась война за испанское наслѣдство и вмѣстѣ съ тѣмъ положенъ былъ конецъ и политическому преобладанію Франціи или лучше сказать, преобладанію Людовика XIV и его правительства въ Европѣ.

Полъ столѣтія продолжалось это преобладаніе.

Франція ослабила и довела до политическаго ничтожества германскую имперію, съ императоромъ во главѣ, и Испанію,—эти двѣ первенствующія державы въ продолженіе всего XVI и первой половины XVII столѣтія.

Франція, въ сознаніи своего могущества, стремилась къ всемірному господству и Людовикъ XIV уже мечталъ о роли протектора надъ всею западною Европою.

Но война за испанское наслѣдство, возникшая изъ желанія возвести на испанскій престолъ династію Бурбоновъ и тѣмъ нравственно подчинить себѣ весь полуостровъ, разрушила всѣ планы и мечты Людовика XIV.

Вильгельмъ Оранскій, штатгальтеръ Голландіи, (вскорѣ затѣмъ и король Англіи), сдѣлался душею оппозиціи, направленной противъ Франціи. Онъ успѣлъ разъяснить всѣмъ

(*) См. Schlosser — Geschichte des XVIII Jahrhunderts. Von Noorden—Europäische Geschichte im XVIII Jahrhunderte.

кабинетамъ опасность, угрожавшую державамъ отъ осуществленія плановъ Людовика XIV и отъ чрезмѣрнаго преобладанія Франціи въ территоріальномъ и политическомъ отношеніяхъ.

Стараніями Вильгельма и общеевропейской коалиціи съ одной стороны, и внутреннимъ разложеніемъ самой Франціи съ другой, послѣдняя низведена была съ политической высоты, занятой ею при Людовикѣ XIV.

Утрехтскій миръ былъ плодомъ этимъ усилій коалиціи. Главная цѣль дипломатовъ первой половины XVIII вѣка, хотя и договаривавшихся отдѣльно и заключавшихъ отдѣльные союзы съ Франціею, въ угоду Людовику XIV, состояла въ томъ, чтобы установить политическое равновѣсіе въ Европѣ, для того, чтобы предупредить впредь возможность преобладанія какой либо отдѣльной державы.

Дипломатія при этомъ упускала только изъ виду, что сила и могущество государства зависятъ не столько отъ величины его территоріальнаго протяженія, сколько отъ другихъ причинъ, чисто нравственнаго свойства.

Тогда, въ началѣ прошлаго столѣтія, этого еще не понимали; и хотя это завѣтное стремленіе къ политическому равновѣсію и не осуществилось, потому, что и не могло фактически осуществиться, оно все таки въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, да и послѣ еще, составляло главный предметъ заботъ и политическихъ комбинацій всѣхъ европейскихъ кабинетовъ.

Для выясненія себѣ тогдашняго положенія Франціи и отношеній ея къ прочимъ западно-европейскимъ державамъ, припомнимъ главныя положенія Утрехтскаго мира, основанія котораго можно изучить по отдѣльнымъ, состоявшимся между державами договорамъ.

Вотъ содержаніе главнѣйшихъ изъ нихъ. По договору между Франціею и Англіею, состоявшемуся въ Утрехтѣ 11 Апрѣля 1713 г. (*), Франція признала:

1) Ганноверскій домъ наслѣдственнымъ въ Англіи, послѣ смерти Анны и обѣщала не поддерживать Стюартовъ.

(*) См. Histoire du congrès et de la paix d'Utrecht, comme aussi de celle de Rastadt et de Bade, появившаяся въ 1716 г.

2) Франція обѣщаетъ, что короны Франціи и Испаніи никогда не соединятся въ одномъ лицѣ Бурбонскаго дома.

3) Франція срываетъ крѣпость Дюнкирхенъ.

4) Франція уступаетъ Англіи въ сѣверной Америкѣ Гудзоновъ заливъ, новую Шотландію или Аркадію, Ньюфоундлендъ съ островами, на основаніи существовавшихъ въ то время границъ, (точно не опредѣленныхъ).

По договору, состоявшемуся между Франціею и Голландіею (того же числа въ томъ же Утрехтѣ), Голландія получила право содержать на границахъ съ Бельгіею, въ нѣкоторыхъ указанныхъ крѣпостяхъ, гарнизоны, для защиты отъ Франціи. Самая Бельгія, носившая въ то время названіе „Испанскія Нидерланды", отошла по этому договору къ Австріи, за исключеніемъ области Гельдернъ, отходившей къ Пруссіи; Австрія получила кромѣ того отъ Испаніи нѣкоторыя земли Миланскаго герцогства, Неаполь и островъ Сардинію.

По договору, заключенному между Франціею и Пруссіею, Франція признаетъ королевскій титулъ за Прусскимъ королемъ.

По договору между Франціею и Португаліею — оба государства взаимно возвращаютъ другъ другу сдѣланныя ими завоеванія въ колоніяхъ; кромѣ того, за Португаліею признается право на оба берега Амазонской рѣки.

Наконецъ по договору между Франціею и Савойей—кромѣ возвращенія взаимныхъ завоеваній, Франція признаетъ за Савойей островъ и королевство Сициліи и сдѣланныя въ пользу Австріи Испаніею уступки въ Миланскомъ герцогствѣ.

По договору же, заключенному въ Утрехтѣ въ Іюлѣ 1713 г. между Испаніею и Англіею—Испанія уступаетъ Англіи городъ и крѣпость Гибралтаръ и островъ Минорку. Кромѣ того по этому же договору за Савойскимъ домомъ признается право наслѣдства на испанскій престолъ, въ случаѣ вымиранія рода Испанскаго короля Филиппа V.

Остальные договоры между Испаніею и Голландіею (въ Іюнѣ 1714 г.) и между Испаніею и Португаліею (въ Февралѣ 1715 г.) представляютъ интересъ для этихъ странъ, лишь въ торговомъ отношеніи.

Состоявшіеся за тѣмъ миры въ Раштадтѣ (7 Марта 1714) и въ швейцарскомъ городѣ Баденѣ (въ Сентябрѣ 1714 г.) утвердили только главныя основанія Утрехтскаго мира.

Франція возвращала Германской имперіи нѣкоторые занятые ею города на Рейнѣ, какъ то: Кёльнъ, Старый Брейзахъ и Фрейбургъ (im Bresgau), не далеко отъ Рейна и обязывала ее срыть сооруженныя ею крѣпости на правомъ берегу Рейна. Кромѣ того, она признала титулъ курфюршескій за Ганноверскимъ домомъ и возстановила баварскаго курфюрста въ его владѣніяхъ.

Поддерживать условія Утрехтскаго мира сдѣлалось теперь главною заботою европейскихъ кабинетовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ не упускалъ случая тайно противодѣйствовать выработаннымъ имъ основнымъ положеніямъ, т. е. каждый изъ нихъ стремился, по возможности, пріобрѣсти ту или другую территорію, возвести свою династію на какой нибудь вакантный престолъ, и тѣмъ возбуждалъ въ другихъ державахъ справедливыя опасенія за его образъ дѣйствія и вызывалъ ихъ на такіе же корыстолюбивые планы.

Вся политическая исторія западно-европейскихъ государствъ первой половины прошлаго столѣтія представляетъ намъ печальную картину мелкихъ дипломатическихъ сплетеній и интригъ, веденныхъ исключительно изъ за династическихъ интересовъ, вслѣдствіе которыхъ области переходили изъ рукъ въ руки, безъ всякихъ высшихъ соображеній о пользѣ и нуждахъ заинтересованныхъ въ этой дипломатіи народовъ, а единственно только изъ разсчетовъ династическихъ и личныхъ.

Всякій изъ заинтересованныхъ въ европейской политикѣ кабинетовъ, поддерживая оффиціально условія Утрехтскаго мира и идею политическаго равновѣсія въ Европѣ, думалъ только о томъ, какъ бы пріобрѣсти преобладаніе надъ прочими державами, подобно Людовику XIV, забывая, что это преобладаніе ложилось невыносимымъ гнетомъ на всю тогдашнюю политику.

Посему картина политической жизни западной Европы въ первой половинѣ прошлаго столѣтія представляетъ мало привлекательнаго и интереснаго;—это есть ни что иное, какъ запутанная нить династическихъ интригъ и кабинетной дипломатіи, которая въ лучшихъ случаяхъ кончается ничѣмъ, а чаще всего — собственнымъ униженіемъ и позоромъ. Одна Англія въ это время составляетъ исключеніе;—она какъ бы

ни въ чемъ не принимаетъ участія, но на самомъ дѣлѣ не упускаетъ случая пріобрѣсти возможно бо́льшую выгоду для своего морскаго и торговаго господства, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ прочно установить свою міровую торговлю.

Но въ то время, когда послѣ Утрехтскаго мира истощенныя продолжительными войнами и ослабѣвшія правительства западной Европы заняты своими мелкими, эгоистическими, династическими интересами, въ Европѣ постепенно возвышаются и крѣпнутъ двѣ державы, которыя, вопреки фантастическимъ мечтамъ о политическомъ равновѣсіи, послѣ сороковыхъ годовъ столѣтія, становятся преобладающими въ Европѣ и руководятъ, такъ сказать, всею ея политическою жизнью.

Эти двѣ державы—Россія и Пруссія.

Россія заняла на сѣверѣ мѣсто, занимаемое до Ништадскаго мира Швеціею; Пруссіи-же постепенно удалось выхватить изъ рукъ Австріи гегемонію въ Германіи.

Вмѣстѣ съ этими двумя, впервые выступающими политическими силами, созрѣваетъ мало-по-малу къ этому времени и новая нравственная сила, невѣдомая дотолѣ; мы говоримъ о новой философской литературѣ, о новыхъ идеяхъ, политическихъ и соціальныхъ теоріяхъ, распространявшихся по всей Европѣ XVIII вѣка изъ Франціи и обратившихся, къ сороковымъ годамъ прошлаго столѣтія, въ могучій потокъ, теченіемъ котораго увлекалось не только все современное общество, но и сами монархи.

Чтобы выяснить это положеніе вещей, значеніе этихъ новыхъ факторовъ въ историческомъ развитіи западной Европы, я долженъ сдѣлать краткій обзоръ политическаго положенія западно-европейскихъ государствъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія, послѣ Утрехтскаго мира, и, хотя вкратцѣ, представить здѣсь непривлекательную картину утомленныхъ безконечными войнами и вполнѣ ослабѣвшихъ въ политическомъ отношеніи государствъ, правительства которыхъ исключительно заняты были, какъ мы говорили, одними династическими и личными разсчетами.

Я намѣренъ начать это обозрѣніе съ германской имперіи и прослѣдить ея исторію съ Вестфальскаго мира (*).

(*) См. Häusser—Deutsche Geschichte vom Tode Friedrich des Grossen bis zur Gründung des deutschen Bundes.

Германская имперія въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ одну особенность, рѣзко отличающую ее отъ сосѣднихъ государствъ, причину которой надо искать въ самомъ характерѣ германскаго народа, въ географическихъ условіяхъ страны и въ предшествовавшемъ ея историческомъ развитіи.

Особенность эта заключалась въ слѣдующемъ:

Въ то время какъ въ сосѣднихъ государствахъ замѣчается съ XIII столѣтія все усиливающееся стремленіе къ національному объединенію и рядомъ съ нимъ идущее ослабленіе феодальнаго разъединенія, замѣняемаго постепенно усиленіемъ центральной власти, въ Германіи происходитъ обратное явленіе,—замѣчается систематично высказывавшееся стремленіе къ децентрализаціи, къ ослабленію центральной государственной власти въ пользу сепаративныхъ стремленій князей. Это явленіе особенно сильно выразилось въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій.

Во Франціи, Испаніи, Англіи, Швеціи, Даніи, повсюду къ этому времени вокругъ Германіи монархическая центральная власть, такъ сказать, консолидировалась; одна Германія не могла выработать себѣ формы единства, которая бы воплотила ее, какъ единый организмъ и спасла бы ее отъ разъединенія.

Въ періодъ реформаціи цѣлое полустолѣтіе она раздираема была междоусобіями изъ-за этого вопроса—быть ли ей единою монархіею, съ сильною центральною властью императора, или слабою федераціею безчисленнаго множества маленькихъ и большихъ независимыхъ владѣній, со своими собственными династіями.

Протестантское ученіе, какъ мы видѣли, только еще болѣе поддерживало это стремленіе къ разъединенію. Религіозный миръ 1555 г. оставилъ вопросъ этотъ о будущности Германіи полуразрѣшеннымъ. Только тридцатилѣтняя война цѣлымъ потокомъ крови разрѣшила наконецъ этотъ вопросъ окончательно. Федеративная форма одержала верхъ. Договоры въ Оснабрюкѣ и Мюнстерѣ или, такъ называемый, Вестфальскій миръ 1648 г. разрѣшилъ этотъ вѣковой вопросъ въ пользу федераціи, узаконилъ ее и тѣмъ на долгое время опредѣлилъ дальнѣйшую судьбу Германіи.

Старинныя названія „der Kaiser“, „das Reich“ оставались, правда, еще въ оффиціальномъ языкѣ въ Германіи, но имперія въ дѣйствительности давно уже болѣе не существовала.

Германія обратилась въ слабо связанную федерацію отдѣльныхъ территорій, которыя подъ разными названіями— курфюршествъ, княжествъ, графствъ, баронiй, вольныхъ или имперскихъ городовъ, образовали пеструю массу областей со своими законами, судопроизводствомъ, полиціей, со своею финансовою и податною системою, своимъ военнымъ устройствомъ, со всѣми верховными правами, т. е. правомъ вести войну, заключать миръ, вступать въ разные международные договоры, чеканить свою монету, содержать свое собственное войско и проч.

Титулъ „императоръ священной римской имперіи германской націи“ тоже еще оффиціально оставался по прежнему у государей Габсбургскаго дома, но въ дѣйствительности онъ не соединялся уже въ то время ни съ какою реальною властью; къ тому-же Габсбурги руководились всегда интересами, какъ мы увидимъ позднѣе, чисто не германскими, и даже антинаціональными.

Хотя и сохранены были древнія формы государственнаго устройства прежней германской имперіи, какъ то: Reichstag и Reichskammergericht, но они, тѣмъ не менѣе, уже успѣли къ этому времени утратить всякое реальное значеніе, и скорѣе прозябали, чѣмъ дѣйствовали. Reichstag, (со времени Reichsabschied'a 17 Мая 1654 г.) превратился изъ періодическаго въ постоянный, но за то, на засѣданіяхъ его уже присутствовали не сами члены имперіи, а ихъ дипломатическіе уполномоченные. Конечно, подобное собраніе повѣренныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ по инструкціямъ, не могло сравниться съ прежними собраніями, гдѣ являлся самъ Императоръ въ обществѣ курфюрстовъ, имперскихъ князей и городскихъ представителей. Тутъ, конечно, не могло быть той силы, той энергіи, того увлеченія, того достоинства въ защитѣ интересовъ, которые по большей части оставались совершенно чуждыми ихъ защитникамъ и во всякомъ случаѣ не касались ихъ близко.

Къ тому-же эти новыя засѣданія рейхстага стали къ этому времени обставляться такими мелочными формальностями;

отъ нихъ вѣяло такимъ сухимъ, безсодержательнымъ формализмомъ, что невольно всякая живая, полезная дѣятельность парализировалась, подъ вліяніемъ этой мертвящей атмосферы.

Пререканія между членами собранія возникали часто по поводу столь пустыхъ, безсодержательныхъ вопросовъ въ родѣ слѣдующихъ: могутъ ли уполномоченные отъ имперскихъ князей сидѣть, подобно уполномоченнымъ отъ курфюрстовъ, на креслахъ, обтянутыхъ краснымъ бархатомъ, или должны они имѣть особыя зеленыя кресла; и эти пустыя пререканія велись съ необыкновенною страстностію и съ непритворнымъ величіемъ и важностью.

Можно ли было ожидать отъ подобнаго собранія энергическихъ и разумныхъ мѣропріятій въ жгучихъ вопросахъ, волновавшихъ современную Германію? Этотъ узкій педантизмъ, этотъ сухой формализмъ не ограничивался только нѣкоторыми сторонами тогдашней нѣмецкой судебной практики; они глубоко проникали въ самую націю, въ ея нравы, въ ея культуру. Они отучили германскую націю, начала прошлаго вѣка, отъ общихъ, отвлеченныхъ вопросовъ и понемногу сосредоточивали ее на чисто мелкихъ интересахъ, втиснувъ ихъ въ узкія рамки территоріальныхъ отношеній мелкихъ нѣмецкихъ владѣтелей.

Въ то же время Reichskammergericht, вѣдавшій высшимъ судомъ въ Имперіи, отличался тою-же формалистикой, тою-же убійственною медленностію. Имперія едва могла собрать необходимыя средства на содержаніе судебнаго персонала и, уже въ половинѣ столѣтія, имперскіе суды были переполнены судебными дѣлами (болѣе 50000 дѣлъ), тщетно ждавшими разрѣшенія.

Необходимое для защиты государства, въ случаѣ опасности, войско, тоже собрать было весьма затруднительно.

И это раздробленіе имперіи и слѣдовательно ея политическая слабость поддерживались еще иностранными державами изъ своихъ, конечно, личныхъ выгодъ и въ этомъ отношеніи совпадали также съ интересами Габсбурговъ, которые, утративъ всякую политическую власть съ 1648 г., и не будучи въ состояніи воскресить бывшее значеніе Императорства, всетаки считали для себя выгоднѣе имѣть, хотя тѣнь преобладанія и значенія въ слабой федераціи мелкихъ гер-

манскихъ владѣтелей, раздѣлившихъ между собою Германію, чѣмъ подчиниться какому нибудь сильному государству, возникшему на германской почвѣ. Изъ иностранныхъ державъ, конечно, Франціи было выгодно имѣть подъ бокомъ слабое, разъединенное государство, по отношенію къ которому ей легко было скоро добиться роли протектора и тѣмъ его эксплоатировать.

Интересы другихъ державъ также были связаны съ этимъ политическимъ раздробленіемъ Германіи; оно уже съ половины XVII столѣтія становится необходимостью для поддержки политическаго равновѣсія.

Австрія, выступая на дипломатическую арену, имѣла въ виду интересы Венгріи; интересы Бранденбурга соединялись съ интересами Пруссіи; Саксонію клонило къ Польшѣ, а Ганноверъ—къ Англіи; нѣмецкій пфальцграфъ былъ королемъ Швеціи, а герцогъ Голштиніи—королемъ Даніи, и для всѣхъ ихъ выгодна была въ дипломатическомъ отношеніи эта внутренняя и внѣшняя слабость Германіи.

Между тѣмъ, послѣдняя, силою вещей впутываясь во всѣ мелкія династическія и дипломатическія комбинаціи сосѣднихъ державъ, совершенно теряла постепенно свой національный характеръ, а черезъ это естественно только еще болѣе слабѣла въ политическомъ отношеніи и представляла изъ себя государство, лишенное всякой твердой, національной политики. Какъ ни были различны интересы, напримѣръ, ганноверско-британской династіи и саксонско-польской, въ одномъ отношеніи они всетаки сходились вполнѣ, а именно—въ сохраненіи строгой неприкосновенности Вестфальскаго мира, узаконившаго политическое ничтожество Германіи. Такимъ образомъ сохраненіе этого мира сдѣлалось лозунгомъ территоріальныхъ владѣтелей въ самой Германіи и во всѣхъ западно-европейскихъ державахъ. Однимъ это было желательно для своего самостоятельнаго политическаго развитія, другимъ—для политическаго равновѣсія и такимъ образомъ, за Германіею удержалось съ 1648 г. федеративная форма, неприкосновенность которой ревностно охранялась всею Европою изъ личныхъ интересовъ ея эксплоатаціи. Слѣдовательно, мы послѣ Вестфальскаго мира собственно не можемъ уже болѣе говорить о Германской Имперіи, какъ о политической

единицѣ, играющей роль въ политической и дипломатической жизни западно-европейскихъ державъ. Она съ этого момента, напротивъ, представляла картину разрушеннаго временемъ зданія, обломки котораго поддерживались еще, какъ формы, утратившія всякую жизненную силу, всякое значеніе.

Удивительно-ли, что при подобныхъ условіяхъ политической жизни, Германія, какъ государство, не могла противостоять такой могучей монархической власти, такому сильному монархическому принципу, олицетворяемымъ во Франціи второй половины XVII столѣтія системою абсолютизма Людовика XIV, въ которой, какъ мы видѣли, въ первой половинѣ его царствованія, всѣ народныя силы направлялись одною волею, и геніальные полководцы и государственные люди служили одной идеи, приносили себя этой идеи въ жертву.

Вмѣстѣ съ тѣмъ становятся намъ понятными и всѣ территоріальныя потери, которыя понесла Германія по Вестфальскому миру и впослѣдствіи еще во второй половинѣ XVII столѣтія; какъ напримѣръ потеря Страсбурга и др.

Но неужели такъ внезапно исчезла вся политическая жизнь германскаго народа?

Куда же, спрашивается, скрылись всѣ жизненные ея элементы? Должна же была германская культура явиться въ другихъ видахъ и формахъ. Дѣйствительно, эта культура не исчезла, она жива была еще и продолжала развиваться, но только въ отдѣльныхъ нѣмецкихъ территоріяхъ, гдѣ и сосредоточились всѣ ея жизненныя силы, подъ вліяніемъ сепаративныхъ стремленій отдѣльныхъ князей, намѣренно развивавшихъ крайнюю децентрализацію.

Изъ этихъ территорій быстрѣе и прочнѣе всѣхъ остальныхъ развилось курфюршество Бранденбургское.

Весь политическій интересъ исторіи XVIII вѣка и основанъ на этомъ, возникшемъ съ начала прошлаго столѣтія, антагонизмѣ Австріи и Пруссіи.

Но почему Австрія, которая могла бы, сохранивъ еще за собою высокій императорскій титулъ и нѣкоторое обаяніе, положить конецъ этому хаосу въ Германіи, не возстановила порядка въ имперіи, не объединила ея и тѣмъ не спасла ея отъ полнаго разложенія?

Въ этой неудачѣ, въ неосуществленіи этого плана винили

Габсбурговъ, владѣвшихъ Австріею съ наслѣдственнымъ титуломъ императоровъ съ XV столѣтія, какъ современники разсматриваемой нами эпохи, такъ и вообще всѣ приверженцы нѣмецкаго объединенія, нѣмецкаго единства. Но дѣйствительно-ли были въ этомъ виноваты исключительно Габсбурги? Не таилось ли въ самой императорской власти причина ея слабости, а съ нею и причина слабости всей Германіи?

Мы знаемъ, что Карлъ Великій возстановилъ въ 800 году священную Римскую имперію.

Его привлекала мечта стать свѣтскимъ главою христіанства, духовнымъ, такъ сказать, монархомъ католическаго запада.

Послѣ распаденія его монархіи и образованія самостоятельныхъ государствъ съ національными династіями, какъ то: Франціи, Италіи, Германіи, Бургундіи, титулъ императоровъ священной Римской Имперіи перешелъ сперва къ королямъ Италіи; затѣмъ и сама Италія (вслѣдствіе брачныхъ узъ) за исключеніемъ юга, находившагося во власти Византіи, и титулъ короля Италіи и императора священной Римской имперіи, перешли въ X столѣтіи къ королямъ Германіи.

Это обстоятельство придало Германіи первенствующее значеніе, какъ первой державѣ, ея королямъ—необыкновенный блескъ, какъ защитникамъ христіанства, но для самой Германіи это обстоятельство было весьма пагубно въ политическомъ отношеніи.

Германскіе короли сдѣлались такимъ образомъ королями Италіи, т. е. страны, чуждой Германіи по своей исторіи, по своему національному характеру, по своимъ природнымъ симпатіямъ.

Съ X столѣтія германскіе короли должны были сосредоточить на Италіи все свое вниманіе, чтобы упрочить тамъ свое вліяніе; между тѣмъ это, естественно, отвлекало ихъ отъ чисто нѣмецкой политики, отъ родныхъ германскихъ интересовъ, которые они предоставили всецѣло своему теченію. Къ тому-же скоро началась у нихъ вѣковая борьба съ папами, т. е. съ духовною властью, стремившейся въ эту эпоху къ такому-же господству свѣтскому и территоріальному, какъ и императорская власть, не только въ одной Италіи, но и во всей западной Европѣ. Эта вѣковая борьба папства со

свѣтскою властью уже окончательно отвлекла императоровъ священной Римской имперіи отъ Германіи въ то время, когда ихъ вліяніе тамъ было всего нужнѣе.

Между тѣмъ могущественные владѣтели во время отсутствія изъ Германіи сильной монархической власти и сосредоточенія всѣхъ интересовъ нѣмецкихъ королей и германскихъ императоровъ на Италіи, успѣли себѣ понемногу разными путями пріобрѣсти независимость и различныя привилегіи въ своихъ территоріяхъ, частью въ видѣ благодарности за оказанныя королевской власти услуги въ борьбѣ съ папами, частью посредствомъ возмущеній и возстаній, при поддержкѣ со стороны папъ. Но когда въ XIII столѣтіи окончилась эта борьба и власть императора до того была ослаблена въ Италіи, что представляла только одинъ, лишенный всякаго реальнаго значенія титулъ, тогда императоры, возвратясь въ Германію, увидѣли, что и тамъ власть ихъ уже совершенно поколебалась. Феодальные владѣтели, сдѣлавшись наслѣдственными и самостоятельными въ своихъ территоріяхъ, повиновались императору лишь на столько, на сколько это имъ было нужно.

Такимъ образомъ, стремясь одновременно къ двумъ разнороднымъ цѣлямъ, Германскіе императоры утратили обѣ. Имѣя въ виду свои сепаративныя стремленія и достиженіе возможной автономіи отъ имперскаго правительства, нѣмецкіе князья послѣ междуцарствія избрали въ императоры графа Рудольфа Габсбургскаго, владѣтеля небольшихъ земель въ нынѣшней восточной Швейцаріи, разсчитывая на то, что слабый политическимъ вліяніемъ государь, будетъ послушнымъ и удобнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Съ тѣхъ поръ, т. е. съ XIII столѣтія, за небольшими перерывами и сохранился за Габсбургами императорскій титулъ въ Германіи.

Но нѣмецкіе князья сильно ошиблись въ Рудольфѣ Габсбургскомъ. Онъ, хотя и не былъ значительнымъ территоріальнымъ владѣтелемъ, но за то обладалъ необыкновеннымъ политическимъ тактомъ. Онъ понялъ свое исключительное положеніе въ Германіи, понялъ, что ему слѣдуетъ прежде всего пріобрѣсти сильную родовую власть, чтобы, опираясь на нее, справиться со своеволіемъ феодальныхъ князей и

уничтожить ихъ сепаративныя стремленія, идущія въ разрѣзъ съ идеею монархическаго единства. Онъ пріобрѣлъ себѣ въ 1282 г. и сдѣлалъ наслѣдственною областью въ своемъ фамильномъ родѣ—Австрію, которая въ 1453 г. возведена была въ эрцгерцогство. Въ X столѣтіи императоръ Оттонъ I образовалъ изъ отнятыхъ у Венгровъ земель, простирающихся отъ рѣки Ens до Raab, марку, подъ именемъ, „Ostmark", подвластную баварскимъ герцогамъ.

Фридрихъ Барбаросса въ 1156 г., особенно покровительствуя династіи Бабенберговъ, возвелъ эту „Ostmark" въ герцогство и объявилъ его независимымъ отъ Баваріи. При этомъ новому, образовавшемуся герцогству, даны были большія привилегіи; оно стало независимымъ отъ имперіи по отношенію къ военному набору и судопроизводству, пользуясь тѣмъ не менѣе поддержкою имперіи въ случаѣ внѣшней опасности. Такимъ образомъ съ перваго же времени образованія этого герцогства, оно было поставлено въ независимое, исключительное положеніе къ имперіи. Въ половинѣ XIII столѣтія, (послѣ прекращенія династіи Бабенберговъ), это эрцгерцогство „Австрія", уже увеличенное Штиріею (въ 1192 г.), Крайною, на время перешло къ Чешскому королю Оттокару (въ 1251 г.), который еще присоединилъ къ ней Каринтію, часть Фризіи, и Истрію, и долженъ былъ подъ конецъ, уступить всѣ эти владѣнія Рудольфу Габсбургскому (въ 1277 г.).

Такимъ образомъ, Габсбурги сдѣлались императорами Германіи и въ тоже время опирались на родовыя свои земли, отличавшіяся по своимъ привилегіямъ отъ остальныхъ земель, входившихъ въ составъ имперіи, а по этнографическому своему составу принадлежали болѣе къ славянскому міру, чѣмъ къ германскому (*).

Увеличеніе этихъ земель сдѣлалось династическою политикою Габсбургскаго дома. Расширяя свои владѣнія, они одновременно распространяли на вновь присоединяемыя земли привилегіи, дарованныя Австрійскому эрцгерцогству,

(*) Составъ населенія Австріи выражается въ настоящее время приблизительно въ слѣдующихъ цифрахъ: нѣмцевъ—3.040.000; славянъ—26.219.000; мадьяръ 5.431.000, и наконецъ другихъ національностей—4.810.000; итого 39.500.000 человѣкъ.

т. е. независимость отъ Германіи, связь съ которою у этихъ владѣній поддерживалась исключительно только наслѣдственнымъ въ Габсбургскомъ родѣ императорскимъ титуломъ, слѣдовательно чисто династическою связью, но не національною, не историческою связью. Если бы ни этотъ императорскій титулъ, связывавшій династически Австрію съ Германіею, первая изъ нихъ, т. е. Австрія, имѣла бы несомнѣнно совершенно иную историческую судьбу и вслѣдствіе этнографическихъ своихъ условій, т. е. преобладанія славянскаго элемента въ населеніи надъ нѣмецкимъ, неизбѣжно примкнула бы къ славянскому міру. Такимъ образомъ, нѣмецкія провинціи, съ ихъ интересами, представляли въ разноплеменной Австрійской имперіи, только незначительную, часть общеимперскихъ интересовъ; населеніе ихъ являлось далеко не существеннымъ элементомъ въ Имперіи.

Съ XV столѣтія эта политика территоріальнаго округленія, усвоенная Габсбургами, особенно послѣдовательно ведется, начиная съ императора Фридриха III. Мы можемъ прослѣдить цѣлую сѣть брачныхъ союзовъ, заключаемыхъ въ видахъ политическихъ. Фридрихъ III пріобрѣтаетъ для сына своего Максимиліана Бургундію; онъ заключаетъ договоры съ чешско-богемскимъ королемъ, о передачѣ этихъ державъ Габсбургамъ, по прекращеніи тамъ національной династіи.

Максимиліанъ устраиваетъ бракъ своего внука съ богемско-венгерскою принцессою.

Наконецъ, это столь желаемое для Габсбургскаго дома соединеніе Австрійской короны съ богемско-венгерскою осуществляется въ 1526 году. Такимъ образомъ пріобрѣтается еще одна огромная область, совершенно чуждая Германіи и ея національнымъ интересамъ.

Для Габсбурговъ казалось гораздо важнѣе сохранить подъ своею властью всѣ эти вновь присоединяемыя земли, чѣмъ удержать свое вліяніе въ Германіи.

Между тѣмъ, эти постоянно вновь присоединяемыя области впутывали германскихъ императоровъ въ безконечный рядъ войнъ съ Турціей, продолжавшихся цѣлыхъ два столѣтія.

Австрія, такимъ образомъ, представляла изъ себя огромную монархію, состоящую изъ безчисленнаго множества от-

дѣльныхъ областей, отличавшихся своими мѣстными этнографическими, политическими особенностями, связанныхъ между собою чисто внѣшнею, династическою связью, а не національными, жизненными интересами.

Вмѣсто того, чтобы слить всѣ эти разнообразные элементы въ одинъ сильный государственный организмъ, и тѣмъ прекратить въ самомъ зародышѣ національную рознь и стремленія отдѣльныхъ, присоединенныхъ областей, къ отдѣленію отъ имперіи, Габсбурги, напротивъ, поддерживали эту рознь своею неискусною политикою, не оказывая никакой нравственной поддержки болѣе слабымъ въ политическомъ отношеніи народамъ, вошедшимъ въ составъ имперіи и естественно возбуждая ненависть въ мѣстномъ населеніи, пренебреженіемъ къ національнымъ учрежденіямъ, обычаямъ и нравамъ.

Реформація XVI вѣка, выдвигая на первый планъ чувство національнаго самосознанія, освобождая протестантскія націи отъ духовнаго и свѣтскаго гнета, исходившаго изъ Рима, упрочивала въ отдѣльныхъ областяхъ свѣтскую власть протестантскихъ князей, возбуждала въ мѣстномъ населеніи стремленіе къ самостоятельной государственной жизни, развивала въ немъ сепаративную, національную политику, наносившую существенный вредъ вѣковой политикѣ Габсбурговъ. Отъ этой угрожавшей Австріи опасности спасъ ее іезуитскій орденъ и проводимая имъ политическая и нравственная система.

Благодаря ему протестантство было искоренено въ Австрійскихъ земляхъ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, настала для Австріи и полная нравственная смерть. Научныя, интеллигентныя силы до того перевелись въ это время въ Австріи, что приходилось, для подготовленія даже правительственныхъ чиновниковъ, для обезпеченія бюрократіи, посылать молодыхъ людей за границу.

Австрія поддерживала постановленія Вестфальскаго мира, потому, что объединенная Германія непремѣнно рано или поздно выключила бы ее изъ состава имперіи, а вполнѣ отказаться отъ всякой связи съ Германіею, было для нея невыгодно, такъ какъ она была ей необходима въ борьбѣ ея съ Турціею, изъ за Венгріи и съ Франціей на западѣ.

Съ тѣхъ поръ, съ того времени какъ Австрія подпала вліянію іезуитскаго ордена, клерикальной партіи, она является въ исторіи западной Европы представительницею въ Германіи консервативнаго направленія, антилиберальнаго, антинаціональнаго. У ней находили поддержку и опору всѣ элементы, недовольные усиленіемъ Германіи, ея національнымъ объединеніемъ, всѣ доживающія свой вѣкъ феодальныя формы, утратившія къ XVI столѣтію всякое реальное значеніе.

Имперское дворянство, имперскіе города, защищавшіе свою самостоятельность отъ притѣсненій со стороны могущественныхъ феодальныхъ владѣтелей, искали себѣ нравственной опоры, вѣрной защиты у Австріи, которая, не достигши въ Германіи абсолютной власти, зорко слѣдила за тѣмъ, чтобы ослабить въ ней всякое серьезное постороннее вліяніе. Такимъ образомъ, Австрія является представительницею и защитницею идеи разъединенія Германіи и отсюда—ея политической слабости; всякій вопросъ, не спеціально австрійскій или извѣстной опредѣленной національности, но общегерманскій, касающійся интересовъ всей Германіи, встрѣчаетъ въ ней вялую и равнодушную защиту,—скорѣе даже непріязненное отношеніе. За то лишь только затрогивались интересы династическіе, Австрія дѣйствуетъ необыкновенно энергически, не стѣсняясь при этомъ опираться и на Германію, для достиженія своихъ дипломатическихъ цѣлей.

Мы не намѣрены здѣсь останавливаться на фактическихъ подробностяхъ разсматриваемой нами эпохи. Ихъ можно усвоить изъ любаго руководства. Для насъ важно въ настоящее время выяснить политическое положеніе Австріи въ началѣ XVIII столѣтія, глубокое различіе ея политики отъ политики молодой, возникавшей въ то время державы—Пруссіи, и значеніе ихъ антагонизма.

На германскомъ престолѣ мы встрѣчаемъ въ эту эпоху рядъ Габсбурговъ, управлявшихъ имперіею, подъ сильнымъ вліяніемъ клерикальной, іезуитской партіи, стѣснявшей всякое умственное движеніе въ странѣ, всякое проявленіе свободной мысли. Рядомъ съ этимъ выступаютъ на первый планъ постоянныя придворныя интриги, фаворитизмъ достигаетъ своего апогея; управленіе имперіею сосредото-

чивается въ рукахъ не многихъ придворныхъ, близкихъ по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ къ особѣ императора; это въ полномъ смыслѣ — Palastpolitik, придворная политика.—Австрія въ эту эпоху имѣла совершенно сходный образъ правленія съ Испаніею. И тамъ и здѣсь царствовалъ фаворитизмъ, надъ всѣми проявленіями государственной и общественной жизни господствовалъ іезуитскій орденъ, убивавшій въ зародышѣ всякую свободную мысль, всякое умственное развитіе, въ какой бы формѣ они не выражались, при полномъ небреженіи къ народной массѣ, которая прозябала въ нищетѣ физической и нравственной и въ крайнемъ невѣжествѣ. Рядъ Габсбурговъ, управлявшихъ Германіею въ ту пору,—Леопольдъ I, (1658—1705) Іосифъ I, (1705—1711), Карлъ VI (1711—1740), при всѣхъ благихъ своихъ желаніяхъ на пользу имперіи, ничего не могли сдѣлать, чтобы поднять утраченный политическій престижъ Германіи и бывшее ея значеніе въ общеевропейской политикѣ. У нихъ у всѣхъ на первомъ планѣ была—династическая политика, политика брачныхъ союзовъ, съ цѣлью округленія имперіи, а не собственное ея величіе.

При послѣднемъ изъ нихъ—Карлѣ VI, ознаменовавшемъ свое правленіе извѣстною „прагматическою санкціею", узаконившею принципъ недѣлимости Австрійской монархіи, высказывается благотворная дѣятельность симпатичной личности Евгенія Савойскаго, на время вызвавшаго Австрію изъ того политическаго сна, изъ той политической косности, въ которыхъ она пребывала за послѣднее время.

Но дѣятельность его навлекла ему массу враговъ, стремившихся парализировать всѣ его благородные порывы.

Если бы Австрія продолжала послѣ того, какъ Евгеній Савойскій сошелъ со сцены, слѣдовать его разумнымъ политическимъ планамъ, не такъ легко было бы европейскимъ державамъ послѣ 1740 г. расхитить по кускамъ ея владѣнія и уничтожить всю ея политическую роль.

Но удобное для этого время было упущено. Все что было позже предпринято, съ цѣлью возвышенія Австріи, не могло уже принести пользы, въ виду возникавшаго политическаго могущества Пруссіи, успѣвшей совершенно противоположною Австріи политикою пріобрѣсти въ короткое время и силу и общее уваженіе въ Европѣ.

[illegible] совпала съ началомъ этого политичес-
[illegible] Пруссіи,—со вступленіемъ на престолъ
[illegible].

[illegible] тѣмъ представляла изъ себя страну, ко-
[illegible] въ косности, въ рутинѣ свои природныя
[illegible] бывшую славу, прежнее свое значеніе и
[illegible] въ Европѣ; она крѣпко держалась еще за давно
[illegible] потерявшія всякое реальное значеніе средневѣко-
[illegible] выдвигая на первый планъ консервативныя
[illegible] руководившія ея внутреннею политикою.

[illegible] иное явленіе представляетъ намъ въ эту
[illegible] Пруссія.

[illegible] небольшая въ территоріальномъ отношеніи, пред-
[illegible] полное отсутствіе въ началѣ всякаго политичес-
[illegible] значенія: это молодое, возникавшее государство, долж-
[illegible] еще завоевать себѣ, такъ сказать, военную славу, воен-
[illegible] престижъ среди другихъ, уже вѣками сложившихся ев-
[illegible] государствъ; должно было, однимъ словомъ, соз-
[illegible] свою исторію. При этомъ Пруссія, постоянно
[illegible] была, въ особенности въ началѣ ея выступленія на
[illegible] историческую арену, держаться на стражѣ, ставить себя въ
[illegible] выжидательное и оборонительное положеніе по
[illegible] къ сосѣдямъ и эта осторожная, увертливая поли-
[illegible] сдѣлалась впослѣдствіи любимымъ девизомъ всей
[illegible] политической роли великаго короля Пруссіи—Фридриха II,
[illegible] всю жизнь свою слѣдившаго за Европою, и не упус-
[illegible] случая, при благопріятныхъ для Пруссіи обстоятель-
[illegible], округлять и расширять свои владѣнія на счетъ со-
[illegible].

Вестфальскій миръ, узаконившій разложеніе имперіи, положившій начало ея политической смерти, послужилъ для Пруссіи, напротивъ, началомъ ея самостоятельной жизни, ея будущаго политическаго величія. Онъ далъ ей возможность пріобрѣсти себѣ значеніе въ Германіи и прочное положеніе въ Европѣ.

Во всемъ выступаетъ рѣзкое различіе между этими двумя государствами, игравшими такую видную роль въ началѣ прошлаго столѣтія—Австріею и Пруссіею.

Австрія—государство старое, связанное съ прошлымъ

традиціями, старыми отжившими формами; Пруссія—государство новое, прокладывавшее себѣ путь и завоевывавшее себѣ еще прочное мѣсто въ Европѣ.

Въ Австріи мы замѣчаемъ господство и вліяніе католическаго духовенства, порабощавшаго человѣческую мысль, свободное умственное развитіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Австріи внутренняя политика страны находилась въ рукахъ стариннаго, родовитаго дворянства, окружавшаго престолъ; въ Пруссіи, напротивъ, господствовали протестантство, вѣротерпимость, свобода мысли, процвѣтала наука, открывались университеты; во главѣ управленія страною стояли люди, вышедшіе изъ народа и буржуазіи, своими талантами и энергіею пробившіе себѣ путь, а не знатностью своего рода, не придворными интригами и фаворитизмомъ. Таковы напримѣръ скромныя имена тогдашнихъ передовыхъ дѣятелей Пруссіи—Distelmeyer, Derflinger, Fuchs, Segen, (одинъ развѣ Hertzberg — исключеніе). Все это люди, выслужившіеся на войнѣ или въ администраціи. Въ то время, какъ въ Австріи преобладаетъ аристократическій характеръ правленія, представляемый такими старинными фамильными родами, какъ Лобковичи, Ауерсперги, Кауницы, Хотеки и др.; въ Пруссіи господствуетъ строгій характеръ военной дисциплины, служебнаго долга, нивелировавшаго всѣ сословія между собою, не допускавшаго никакого различія между богатымъ и бѣднымъ, между знатнымъ и неродовитымъ, въ виду идеи государственной пользы, государственной службы, во имя которой всѣ одинаково должны были жертвовать своими личными интересами, своимъ личнымъ благомъ. Въ Австріи мы замѣчаемъ при дворѣ и въ администраціи крайнюю расточительность, сильную роскошь; въ Пруссіи на оборотъ—рѣдкую экономію, граничущую часто даже со скаредностью. Въ Австріи—народъ находился въ пренебреженіи и загонѣ со стороны правительства, совершенно забросившаго его интересы; въ Пруссіи—народъ сравнительно благоденствовалъ: его подати облегчались, заботились о его нравственномъ и умственномъ образованіи. Между тѣмъ, и тутъ и тамъ—абсолютная монархія, руководящая всѣмъ управленіемъ страны; но способы примѣненія этой власти и цѣли ею преслѣдуемыя—совершенно различны.

Въ Пруссіи, въ образѣ правленія первыхъ Гогенцоллерновъ

вполнѣ отсутствуетъ деспотизмъ; придворная камарилья не играетъ никакой роли, дворъ отличается простотою обращенія, отсутствіемъ всякой роскоши, чисто семейными нравами и тѣмъ представлялъ рѣзкій контрастъ съ другими дворами европейскихъ державъ начала прошлаго столѣтія, старавшими на перерывъ подражать во всемъ блестящему двору великаго Людовика. Въ Пруссіи, въ началѣ прошлаго столѣтія, монархи, управлявшіе ея судьбами, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей, проникшихъ изъ Голландіи и Англіи, подъ вліяніемъ государственныхъ людей, воспитавшихся на литературѣ эмигрантовъ, привыкли смотрѣть на себя, какъ на первыхъ слугъ своего народа; они возлагали на себя высшія обязанности, пользовались высшими правами для пользы государства; они были иногда жестоки и суровы въ проведеніи своей системы, но съ этимъ мирилась масса, видя, что стимуломъ, цѣлью ихъ дѣятельности, служило благо государства, а не собственное прославленіе, не осуществленіе личнаго каприза.

Образованіе распространялось въ массѣ, а не оставалось сосредоточеннымъ въ одномъ высшемъ сословіи; промышленныя и экономическія силы страны разумно эксплоатировались; эмигранты, опытные въ торговлѣ, въ фабричномъ производствѣ, бѣжавшіе изъ Франціи и другихъ католическихъ странъ, охотно и радушно принимались въ Пруссіи; они много способствовали поднятію и оживленію ея торговли.

Собственно основателемъ Прусской монархіи былъ великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ (1640—1688). Вступилъ онъ въ управленіе Бранденбургомъ среди политической бури, возникшей послѣ тридцатилѣтней войны. Страна эта была разорена и шведскими и имперскими войсками. Области, входившія въ составъ его курфюршества, представляли разрозненные куски, ни чѣмъ между собою не связанные, даже далеко отстоявшіе другъ отъ друга, (напримѣръ Cleve, Mark и др.). Каждая изъ этихъ областей должна была содержать свое туземное войско; кромѣ того во многихъ изъ нихъ стояли чужеземные гарнизоны, не сочувственно принимаемые мѣстнымъ населеніемъ; напримѣръ, въ Cleve стоялъ голландскій и гессенскій гарнизоны.

Земскія думы отдѣльныхъ областей пользовались огром-

ными привилегіями; курфюрстъ получалъ далеко не отъ всѣхъ областей правильные доходы, которые всецѣло зависѣли отъ опредѣленія земскихъ думъ (Landtage); такимъ образомъ, курфюрстъ становился въ обязательныя зависимыя отношенія къ послѣднимъ, въ которыхъ преобладало мѣстное дворянство, имѣвшее въ своихъ рукахъ и мѣстное судопроизводство; города-же почти не пользовались правомъ голоса въ земскихъ думахъ.

Конечно, нельзя было ожидать отъ подобной формы правленія развитія и нравственнаго обновленія страны, при исключительномъ господствѣ одного дворянскаго сословія, при полной слабости правительственной власти и совершенномъ матеріальномъ и нравственномъ убожествѣ народной массы.

Промышленность страны, ея торговля находились въ младенческомъ состояніи.

Интересы умственные, тѣмъ болѣе научные, отсутствовали въ интелигенціи; литература прозябала. Изъ такого печальнаго, анормальнаго состоянія, изъ такой политической, экономической и умственной косности могла вывести Бранденбургское курфюршество, только сильная правительственная власть, твердый монархическій абсолютизмъ, а не компромиссы, не мѣры кротости, плоды которыхъ созрѣваютъ медленно.

Вестфальскій миръ, внесеннымъ имъ принципомъ децентрализаціи, разъединенія Германіи, значительно облегчалъ, выпавшую на долю курфюрста Бранденбургскаго, задачу, давалъ ему возможность предпринять коренную реорганизацію въ своемъ курфюршествѣ; онъ освобождалъ его отъ тягостной для него опеки имперскаго правительства и ставилъ его въ совершенно независимое положеніе къ его подданнымъ, по отношенію къ которымъ онъ могъ являться вполнѣ неограниченнымъ правителемъ.

Однимъ словомъ, Вестфальскій миръ давалъ возможность Бранденбургу пріобрѣсти сперва значеніе и политическое вліяніе въ Германіи, а затѣмъ уже и въ самой Европѣ. Положеніе Бранденбурга, при выступленіи его на политическую арену, было весьма затруднительное, ничѣмъ не уступавшее положенію Австріи при Рудольфѣ Габсбургскомъ, и, не смотря на это, Гогенцоллерны, своею разумною, осто-

рожною и послѣдовательною политикою, вышли побѣдителями изъ всѣхъ политическихъ затрудненій. Тогда какъ Австрійскіе Габсбурги превратили свой монархическій абсолютизмъ въ эгоистическій, династическій произволъ, въ средство для достиженія своихъ личныхъ завѣтныхъ цѣлей, Гогенцоллерны пользовались имъ для созданія сильнаго, могущественнаго государства, для положенія прочнаго и твердаго фундамента, на которомъ можно было бы впослѣдствіи строить далѣе.

Въ политической дѣятельности, въ характерѣ первыхъ Гогенцоллерновъ, мы замѣчаемъ неутомимую дѣятельность, ясный взглядъ на то, что нужно дѣлать въ ближайшемъ будущемъ и твердую, послѣдовательно проводимую рѣшимость, выполнить разъ намѣченный планъ дѣйствій, отреченіе отъ своихъ личныхъ династическихъ цѣлей въ пользу сознаннаго ими блага государства;—все это соединенное съ неукротимою волею, ломавшею и сокрушавшею все, что становилось препятствіемъ на пути достиженія желаемой цѣли.

Великій курфюрстъ Фридрихъ Вильгельмъ жилъ въ вѣкѣ самаго сильнаго процвѣтанія абсолютизма Людовика XIV и его подражателей, но онъ не увлекался этимъ абсолютизмомъ.

Онъ, напротивъ, благоговѣлъ передъ республиканскою формою правленія Голландіи и напитавшись ея воззрѣніями, смотрѣлъ на доставшуюся ему власть, какъ на могучее орудіе для нравственнаго воспитанія и политическаго возвышенія своего народа, а не какъ на средство для собственнаго прославленія и деспотизма.

Фридрихъ Вильгельмъ положилъ прочный фундаментъ для будущаго величія Пруссіи; онъ начерталъ политическую программу, отъ которой не отклонялись его преемники, не смотря на различіе ихъ характеровъ и воззрѣній.

Но, провозглашая принципъ, что государь—первый слуга своего отечества, что монархическая власть дана ему для пользы и блага государства, Фридрихъ Вильгельмъ тѣмъ самымъ, самъ того не сознавая, высказывалъ открыто, что абсолютизмъ монархическій, есть только мѣра переходная, для упроченія спокойствія и мира въ странѣ.

И мы дѣйствительно видимъ, что вся послѣдующая исторія Пруссіи—есть постепенное подготовленіе германскаго народа къ самостоятельной политической жизни, къ полити-

ческой зрѣлости, къ представительной формѣ правленія. Были, правда, и ретроградные шаги въ этомъ направленіи, но это были только временные перерывы въ прогрессивномъ развитіи Пруссіи. Для упроченія твердаго монархическаго принципа, прежде всего нужно было сильное постоянное войско, во всякое время готовое выступить въ защиту этого принципа. Фридрихъ Вильгельмъ, сознавая это, вербуетъ новые полки, заставляетъ земскую думу назначить опредѣленную подать на содержаніе постояннаго войска.

Мѣстное дворянство, стоявшее прежде въ постоянной оппозиціи къ правительственной власти, съумѣлъ онъ приблизить къ себѣ, къ своему двору, осыпавъ его милостями и придворными почестями; а главное, связалъ онъ его съ короною тѣмъ, что предоставилъ ему въ полное распоряженіе крестьянское сословіе, что повело, впослѣдствіи, къ фактическому закрѣпощенію крестьянъ въ Пруссіи. Мѣстныя торговлю, промышленность и земледѣліе поднялъ онъ тѣмъ, что дозволялъ свободный доступъ въ свое курфюршество изгоняемымъ изъ Франціи гугенотамъ, и тѣмъ давалъ имъ возможность примѣнять на пользу Пруссіи ихъ теоретическія и практическія свѣдѣнія; наконецъ, цѣлымъ рядомъ политическихъ подвиговъ упрочилъ онъ самостоятельное положеніе Пруссіи въ Германіи (напримѣръ: освобожденіемъ ея отъ ленной зависимости отъ Польши въ 1657 г.); добившись независимости Прусскаго герцогства въ битвѣ при Фербелинѣ на Рейнѣ въ 1675 г., онъ вытѣснилъ шведовъ изъ предѣловъ Бранденбурга. Подобною послѣдовательною политикою онъ конечно вызвалъ ненависть Австріи и тѣмъ положилъ основаніе будущему ея антагонизму съ Пруссіею.

Преемникъ его, курфюрстъ Бранденбургскій и герцогъ Прусскій Фридрихъ III (1688—1713) обладалъ совершенно противоположнымъ отцу характеромъ; тѣмъ не менѣе, онъ ревностно слѣдовалъ завѣщанной ему отцомъ программѣ, продолжая такимъ образомъ способствовать возвышенію Пруссіи. Обладая мечтательнымъ характеромъ, склоннымъ къ фантастическимъ планамъ, онъ возымѣлъ преувеличенное представленіе о своей монархической власти, какъ о власти, дарованной ему свыше, и увлекаясь блескомъ и роскошью

двора Людовика XIV, его крайнимъ абсолютизмомъ и тѣмъ неотразимымъ обаяніемъ, которое онъ оказывалъ на всю западную Европу конца XVII столѣтія, онъ захотѣлъ и у себя въ Пруссіи играть такую же блестящую роль, какъ Людовикъ XIV во Франціи.

Упоенный своею монархическою властью, онъ разорялъ страну безумною роскошью двора, заставлялъ придворныхъ перенимать французскія моды, французскій языкъ; расточалъ на разныя пустыя прихоти тѣ сокровища, которыя отецъ его накопилъ съ такимъ трудомъ, съ такими усиліями.

За свое вмѣшательство въ войну за испанское наслѣдство, получилъ онъ титулъ короля Пруссіи и короновался въ Кенигсбергѣ въ 1701 году, подъ именемъ Фридриха I. Но его крайнее тщеславіе, его любовь къ прославленію своего царствованія, имѣли и полезную сторону для Пруссіи.

Онъ покровительствовалъ искусствамъ и наукамъ. Украсилъ Берлинъ замѣчательными памятниками, дворцами и сдѣлалъ изъ него настоящую королевскую резиденцію. Онъ основалъ въ Берлинѣ академію, учредилъ въ Галле университетъ и призвалъ туда знаменитаго Вольфа. Такія литературныя силы, какъ Лейбницъ, находили при его дворѣ радушный пріемъ, въ особенности благодаря просвѣщенному уму и добротѣ его жены королевы Софіи Шарлотты.

Такимъ образомъ, не смотря на коренное различіе во взглядахъ и убѣжденіяхъ Великаго Курфюрста Фридриха Вильгельма и его сына короля Пруссіи Фридриха I, оба принесли существенную пользу Пруссіи, оба положили прочный фундаментъ для будущей ея политической роли. Сынъ короля Фридриха I—Фридрихъ Вильгельмъ I (1713—1740) во всемъ расходился со своимъ отцомъ.

Выросшій вдали отъ утонченной и роскошной придворной жизни, процвѣтавшей, какъ мы видѣли, при его отцѣ, онъ ненавидѣлъ свѣтъ, придворную обстановку и, проводя всю свою молодость въ практическихъ занятіяхъ въ провинціи, большею частью по сельскому хозяйству, онъ вынесъ даже какую-то, ничѣмъ не объяснимую ненависть ко всякому отвлеченному, спекулятивному мышленію, смѣшавъ сущность съ отталкивающею его формою, въ которой фило-

софское образованіе являлось ему въ его представителяхъ, окружавшихъ престолъ его отца. Исходя изъ этой ложной точки зрѣнія, онъ смотрѣлъ на художниковъ, литераторовъ ученыхъ, какъ на людей безполезныхъ и вредныхъ, своими сочиненіями, своими произведеніями искусства усиливающихъ утонченность, изнѣженность и роскошь придворной жизни, и тѣмъ вносящихъ даже развратъ въ нѣмецкое общество.

Это была натура крайне односторонняя, безъ всякаго серьезнаго образованія, но и совершенно лишенная той нравственной порчи, которая несомнѣнно съ собою приноситъ высшая культура; натура совершенно цѣльная, обладавшая простымъ здравымъ смысломъ, при томъ весьма суровая, вполнѣ честная, даже набожная, горячо принимавшая къ сердцу все, касавшееся блага своего отечества и всегда помышлявшая только объ одномъ — о государственной пользѣ, которой онъ рѣшился посвятить всю свою дѣятельность.

Фридрихъ Вильгельмъ I собственно и является первымъ организаторомъ въ деталяхъ того, что было только намѣчено Великимъ Курфюрстомъ; онъ первый выработалъ подробно ту политическую и государственную программу, которую завѣщали ему выполнить для блага Пруссіи его предшественники. Изъ всѣхъ задуманныхъ и осуществленныхъ имъ внутреннихъ преобразованій, всего важнѣе по своимъ послѣдствіямъ и всего полезнѣе для Пруссіи, были реформы военная и административная.

Онъ вполнѣ сознавалъ всю численную недостаточность вербовавшагося до него войска. Въ 1733 г. введена была имъ новая военная организація, состоявшая въ томъ, что $^1/_3$ постояннаго Прусскаго войска вербовалась изъ иностранцевъ, $^2/_3$-же изъ туземныхъ жителей, исключительно изъ крестьянскаго сословія (городское сословіе и интеллигенція были освобождены отъ воинской повинности). Срокъ отбыванія этой повинности простирался отъ $1^1/_2$ до 2-хъ лѣтъ.

Офицерскаго званія дослужиться могли исключительно только дворяне и такимъ образомъ отношенія помѣщиковъ—офицеровъ къ крѣпостнымъ—рядовымъ продолжались и на военной службѣ, становясь только, конечно, еще болѣе суровыми отъ неумолимой военной дисциплины.

Въ сущности эта новая военная организація была только дальнѣйшимъ развитіемъ и примѣненіемъ къ измѣнившимся условіямъ, къ новому монархическому принципу, прежнихъ ленныхъ, феодальныхъ отношеній фрейзассеновъ къ своимъ сюзеренамъ. Въ отношеніи-же къ внутренней администраціи Пруссіи, Фридрихъ Вильгельмъ I ввелъ систему, совершенно противоположную феодальнымъ учрежденіямъ; а именно: преслѣдуя идею строгой государственной централизаціи, онъ учредилъ сложную бюрократію, имъ впервые строго проведенную въ Европѣ, гдѣ она впослѣдствіи прочно утвердилась. Въ 1722 г. учрежденъ былъ имъ, такъ называемый, „Directorium" въ Берлинѣ—родъ центральнаго административнаго управленія и открыты были, такъ называемыя „камеры" въ провинціяхъ. Вся административная власть въ отдѣльныхъ провинціяхъ лежала на отвѣтственности этихъ камеръ.

По характеру своему набожный и религіозный, Фридрихъ Вильгельмъ I однако никогда не подчинялся вліянію духовенства, которое онъ тоже держалъ въ строгой дисциплинѣ, выставляя такимъ образомъ открыто принципъ контроля свѣтской королевской власти надъ представителями духовнаго начала въ странѣ, надъ духовною властью. Сельскія школы тоже подпали подъ строгій правительственный контроль.

Бережливый по отношенію къ своимъ собственнымъ расходамъ, онъ соблюдалъ крайнюю экономію и въ государственныхъ расходахъ, но не жалѣлъ ихъ, когда того требовали выгода или польза государства. Такъ, пріобрѣлъ онъ за деньги у Швеціи часть Помераніи (Vorpommern), за два милліона талеровъ.

Такимъ образомъ благодаря своей разумной, осторожной политикѣ, успѣлъ онъ оставить сыну своему богатую казну и отлично дисциплинированное войско, вполнѣ готовое къ бою.

Монархическій абсолютизмъ, являвшійся въ то время крайне необходимымъ, принеся Пруссіи существенную пользу, спасши ее отъ анархіи и выведя ее въ рядъ первостепенныхъ европейскихъ государствъ, достигъ при немъ своего апогея.

Послѣ него начинается ослабленіе монархическаго прин-

ципа въ Пруссіи; Фридрихъ Вильгельмъ I, можно сказать, подобно Людовику XIV, унесъ съ собою въ могилу обаяніе и непоколебленную еще въ то время вѣру современниковъ въ необходимость и святость монархическаго абсолютизма. Преемникомъ его былъ его сынъ—Фридрихъ Великій (1740—1786).

Обозрѣніе его управленія относится уже ко второму періоду нашего настоящаго курса.

Мы такимъ образомъ познакомились съ новымъ государствомъ, возникшимъ въ Германіи послѣ Вестфальскаго мира и отчасти благодаря ему, замѣнившимъ, какъ мы видѣли, со временемъ, въ судьбахъ западной Европы, роль Габсбурговъ и преобладавшимъ въ ней всю вторую половину прошлаго столѣтія.

Подобный же историческій процессъ—возвышеніе одной державы и ослабленіе другой, представляютъ намъ въ эту-же эпоху, т. е. въ первыхъ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія два другихъ государства—Россія и Швеція.

Какъ Пруссія въ XVIII столѣтіи замѣняетъ постепенно Австрію, такимъ же образомъ и Россія постепенно вытѣсняетъ собою Швецію.

Швеція, послѣ Густава Адольфа и Карла XII, подобно Австріи, проживаетъ въ бездѣйствіи свой, такъ сказать, умственный и нравственный капиталъ, свое бывшее политическое вліяніе въ Европѣ, въ то время, какъ выдвигаются на историческою арену новыя государства, опираясь на новую государственную систему монархическаго абсолютизма, послѣдовательно ими проводимую. Эти державы суть Россія и Пруссія. О Россіи мы здѣсь говорить не будемъ, такъ какъ настоящій курсъ обнимаетъ только исторію западно-европейскихъ государствъ въ XVIII столѣтіи въ до-революціонную эпоху.

Намъ необходимо теперь заняться краткимъ обзоромъ политическаго положенія Швеціи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и выяснить такимъ образомъ причину той печальной, лишенной всякаго значенія роли, которую она играла въ международной политикѣ этой эпохи. Собственно говоря, историческое значеніе Швеція получаетъ лишь въ XVI столѣтіи—съ Густава Вазы (1530—1560). Онъ факти-

чески отдѣляетъ ее отъ Даніи, съ которою Швеція составляла одно политическое цѣлое съ XIV столѣтія.

Онъ вводитъ въ Швецію протестантское вѣроисповѣданіе и на немъ основываетъ свою политику возвышенія Швеціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сокрушаетъ въ странѣ сильную до него власть католическаго духовенства; секуляризируетъ богатыя церковныя имущества, открывая такимъ образомъ новые значительные доходы для государственной казны.

Съ однимъ только элементомъ не могъ онъ справиться въ Швеціи, а именно, съ могущественнымъ, родовитымъ шведскимъ дворянствомъ, которое продолжало и при немъ пользоваться огромными правами и привилегіями, въ ущербъ даже сферѣ дѣятельности королевской власти, значительно стѣсняя ея автономію.

Политическая программа Густава Вазы имѣла цѣлью возвышеніе Швеціи на сѣверѣ, какъ сильной морской державы, захвативъ съ этою цѣлью все побережье Балтійскаго моря.

Отсюда неизбѣжно было рано или поздно столкновеніе Швеціи съ Россіею, которая стремилась къ тому-же преобладанію на Балтійскомъ морѣ, а за симъ неизбѣжны были и столкновенія Швеціи съ Польшей и Даніею.

Съ половины XVI столѣтія Лифляндскій вопросъ становится спорнымъ вопросомъ между Россіей, Швеціей, Даніей и Польшей.

Возникъ этотъ вопросъ вслѣдствіе того, что прекративъ въ 1561 году свое существованіе, какъ духовная корпорація, орденъ Меченосцевъ при гроссмейстерѣ Готгардѣ Кетлерѣ (1558—1561 г.) уступаетъ герцогство Лифляндію Польшѣ и получаетъ взамѣнъ его Курляндію, какъ наслѣдственное герцогство, остающееся, тѣмъ не менѣе, въ ленныхъ отношеніяхъ къ Польшѣ. Ранѣе еще орденъ Меченосцевъ принялъ протестантство (при гроссмейстерѣ Плеттенбергѣ въ 1525 г.) Борьба изъ-за преобладанія на Балтійскомъ морѣ между Россіей и Швеціей, при вмѣшательствѣ Польши и Даніи, въ сущности сводилась къ борьбѣ изъ-за лифляндскаго побережья. Между тѣмъ Эстляндію захватываетъ въ 1562 г. Швеція, а островъ Эзель—Данія и такимъ образомъ, всѣ четыре державы стараются утвердиться на Балтійскомъ морѣ.

Послѣ Густава Вазы до начала XVII столѣтія, казалось,

что всѣ плоды его національной политики, клонившейся къ возвышенію и самостоятельному развитію Швеціи, погибли вмѣстѣ съ нимъ.

Преемники его—сынъ его Эрихъ XIV, по неспособности, другой его сынъ Іоаннъ (1568—1592 г.), по склонности къ католичеству, разрушаютъ по немногу результаты протестантской политики отца. Іоаннъ даже женился на польской принцессѣ и старался снова водворить католичество въ Швеціи. Сынъ его Сигизмундъ III (1592—1602 г.) соединилъ даже Шведскую корону съ польской. Отъ этого ненормальнаго положенія, отъ этой антинаціональной политики освобождаетъ Швецію третій сынъ Густава Вазы, дядя Сигизмунда, Карлъ Зюдерманландскій, вступившій въ 1602 г. на престолъ, подъ именемъ Карла IX, объявивъ Сигизмунда, лишеннымъ престола (*).

Карлъ IX (1602—1611) снова берется за прерванную его предшественниками политику Густава Вазы. Онъ вмѣшивается въ политику Россіи въ „смутную эпоху" нашей отечественной исторіи. Онъ ревностно поддерживаетъ въ Швеціи протестантство, сознавая, что отъ протестантства зависитъ политическое величіе Швеціи. Но особенно сынъ его—Густавъ II Адольфъ (1611—1632) энергически стремится къ этой цѣли. Его вмѣшательство въ тридцатилѣтнюю войну только и объясняется этимъ стремленіемъ упрочить Швеціи ея самостоятельное политическое положеніе среди сѣверныхъ державъ. Онъ пріобрѣтаетъ по Вестфальскому миру Померанію и устья рѣкъ Одера и Везера.

На ряду съ внѣшнимъ округленіемъ границъ Швеціи, Карлу IX и Густаву Адольфу удается безъ особенныхъ усилій, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ, значительно ослабить вліяніе шведскаго дворянства, находившагося подъ обаяніемъ военной славы Густава Адольфа и потому охотно емуподчинявшагося и уступавшаго ему понемногу свои вѣковыя привилегіи, служившія до тѣхъ поръ залогомъ его самостоятельности и автономіи, по отношенію къ королевской власти.

(*) О событіяхъ шведской исторіи этой эпохи мы говорили уже въ концѣ нашего курса „Реформаціонной эпохи", при обзорѣ католической реакціи въ Швеціи (см. т. I лекцій по Нов. ист. пр. Бауера).

Преждевременная его смерть въ битвѣ при Лютценѣ въ 1632 г., внезапно прервала это постепенное политическое усиленіе Швеціи.

Получивъ по Вестфальскому миру Померанію, Швеція могла вліять на дѣла Германіи и играть роль въ ея политикѣ; но для этого вмѣшательства нужно было твердое, энергическое правленіе; между тѣмъ, на шведскомъ престолѣ, по смерти Густава Адольфа, возсѣдалъ ребенокъ — малолѣтняя его дочь Христина (1632—1654 г.); надъ нею учреждена была опека, состоявшая изъ пяти высшихъ сановниковъ, членовъ государственнаго совѣта, подъ предсѣдательствомъ Акселя Оксенштерна.

Дворянство, нѣсколько ослабленное твердою, послѣдовательною политикою Густава Адольфа, начало теперь снова усиливаться, вступивъ въ рѣшительную борьбу съ королевскою властью. Вся исторія Швеціи второй половины XVII столѣтія ознаменована этой упорною борьбою, по временамъ только нѣсколько стихавшею; эта борьба королевской власти съ сепаративными стремленіями крупнаго шведскаго дворянства какъ красная нить, проходитъ черезъ всю исторію Швеціи этой эпохи и придаетъ ей совершенно особый отъ прочихъ сѣверныхъ державъ характеръ, выработываетъ твердые, опредѣленные принципы въ шведской аристократіи и несомнѣнно сильно подготовила Швецію къ представительной формѣ правленія.

Шведское дворянство рано отвоевало себѣ значительныя привилегіи, какъ-то: свободу отъ платежа податей и пошлинъ, такъ называемое „право охоты и рыбной ловли", а главное— право исключительнаго замѣщенія всѣхъ доходныхъ, важныхъ государственныхъ должностей. Отсюда естественно являлось у него стремленіе къ захвату въ свои руки всего государственнаго управленія, стремленіе къ полному господству, которое легко могло превратиться въ гибельную для Швеціи олигархію, при крайне угнетенномъ состояніи крестьянскаго сословія и слабости королевской власти.

Послѣдняя пользовалась только незначительными доходами, отпускаемыми ей постановленіями дворянства, и доходы эти при Христинѣ еще уменьшились, потому, что она, нуждаясь въ деньгахъ, продавала за безцѣнокъ государственныя иму-

щества въ частныя руки. Христина по своему отчасти философскому образованію, по мечтательному, увлекающемуся, кроткому своему характеру, не чувствовала никакой склонности къ управленію обширнымъ королевствомъ. Она любила проводить время въ кругу ученыхъ, литераторовъ, философовъ, занимаясь чтеніемъ и интересуясь художествами. Ей обязана Швеція процвѣтаніемъ наукъ, изящной литературы и искусствъ. При ея дворѣ находили радушный пріемъ такія знаменитости вѣка, какъ Декартъ, Гуго-Гроцій и другіе. Эта художественная, артистическая сфера, въ которой она почти исключительно вращалась, гармонировала съ ея личнымъ характеромъ, съ ея вкусами и темпераментомъ; она не любила сѣвера, съ его суровымъ климатомъ, съ его сдержаннымъ, не увлекающимся населеніемъ; она порывалась на югъ, въ страну солнца и тепла, въ страну, богатую художественными, поэтическими образами. Понятно, что сухое, разсудочное протестантское ученіе не удовлетворяла ея мечтательной поэтической натурѣ; она уже съ молодости чувствовала расположеніе къ пышному католическому культу, такъ много говорящему своею обрядностью воображенію и чувству. Этимъ настроеніемъ ея воспользовались іезуиты, которые убѣдили ее перейти въ католичество, что она и совершила, отказавшись предварительно отъ престола въ пользу своего двоюроднаго брата Карла X, герцога Цвейбрюкенскаго (1654—1660 г.).

Переходъ ея въ католичество совершился при торжественной обстановкѣ въ Инсбрюкѣ, послѣ чего она много путешествовала въ Голландіи, Франціи и Италіи и наконецъ окончательно поселилась въ Римѣ, гдѣ она и умерла въ 1689 г., окруженная поэтами и учеными. Тѣло ея покоится въ храмѣ св. Петра въ Римѣ.

Карлъ X вступилъ на престолъ Швеціи съ грандіозными планами и широкими замыслами, осуществить которые ему удалось только отчасти, вслѣдствіе кратковременности его правленія.

Онъ хотѣлъ слѣдовать національной политикѣ Густава Адольфа — усилить королевскую власть внутри и расширить предѣлы Швеціи, воскресивъ въ ней ея боевую славу, нѣкогда столь гремѣвшую въ Европѣ.

Онъ мечталъ о созданіи на сѣверѣ сильной скандинавской монархіи, завоевавъ съ этою цѣлью Данію и Норвегію.

По отношенію къ шведскому дворянству Карлъ X дѣйствовалъ очень энергически.

Дарованныя дворянству въ разное время значительныя льготы и главнымъ образомъ освобожденіе его отъ платежа налога за недвижимую собственность, до того истощили государственную казну, а слѣдовательно и королевскіе доходы, что правительство не въ состояніи было покрывать своихъ самыхъ необходимыхъ расходовъ, не отягощая новыми податями уже и безъ того отягощенное крестьянское сословіе.

Сознавая необходимость предпринять рѣшительныя мѣры для усиленія средствъ государственнаго казначейства, Карлъ X потребовалъ категорически отъ шведскаго дворянства возвращенія коронѣ всѣхъ тѣхъ земельныхъ угодій, всей недвижимой собственности, которыя дворянство пріобрѣло, начиная съ Густава Адольфа, частью куплею, частью хитростью, частью, наконецъ, въ награду за разныя услуги, оказанныя имъ королевской власти.

Хотя эта мѣра не вездѣ проведена была одинаково послѣдовательно, тѣмъ не менѣе шведское правительство благодаря ей получило значительное приращеніе средствъ, которыя были ему необходимы для приведенія въ исполненіе обширныхъ политическихъ плановъ Карла X. Онъ имѣлъ въ виду упрочить господство Швеціи на Балтійскомъ морѣ; съ этою цѣлью онъ воспользовался возгорѣвшеюся войною между Алексѣемъ Михайловичемъ и польскимъ королемъ Яномъ Казиміромъ, (возникшей вслѣдствіе присяги на подданство Малороссіи московскому царю въ 1654 г.), чтобы двинуть свои войска на Польшу.

Предлогомъ начать войну для Карла X служило то обстоятельство, что Янъ Казиміръ отказался признать его шведскимъ королемъ, считая самаго себя законнымъ наслѣдникомъ шведской короны послѣ отца своего Сигизмунда III.

Карлъ X въ короткое время овладѣлъ Варшавою, Краковомъ и загналъ Яна Казиміра въ Силезію. Одновременно онъ заключаетъ договоръ съ курфюрстомъ Фридрихомъ Вильгельмомъ Бранденбургскимъ, который, какъ герцогъ прусскій, состоялъ вассаломъ Польши.

За помощь, оказанную Бранденбургомъ Швеціи, Карлъ X обѣщался освободить Пруссію отъ ленной зависимости отъ

Польши, что было осуществлено впослѣдствіи, по трактату въ Велау (въ 1657 г.), безъ участія Швеціи. Польшу спасъ на этотъ разъ отъ гибели іезуитскій орденъ, успѣвшій возбудить въ странѣ религіозный фанатизмъ противъ протестантской Швеціи. Искусными политическими интригами удалось Польшѣ установить противъ Швеціи Россію, Германію, Саксонію и Данію. Война грозила обратиться въ общеевропейскую, когда внезапная смерть Карла X (1660 г.) совершенно измѣнила политическій горизонтъ.

Враждебныя Швеціи державы заключили съ нею миръ. По Копенгагенскому миру (въ 1660 г.) Швеція получила отъ Даніи принадлежавшія послѣдней датскія области въ южной Швеціи и островъ Боргольмъ; по миру въ Оливѣ (близь Данцига) въ томъ-же году Швеція получила отъ Польши Эстляндію и Лифляндію; польскій король отказывался отъ дальнѣйшихъ притязаній на шведскую корону и получалъ за то обратно Курляндію, Маріенбургъ и Эльбингъ; наконецъ, въ слѣдующемъ 1661 г. Алексѣй Михайловичъ по договору въ Кардисѣ (на Лифляндской границѣ) отказывался отъ всѣхъ захваченныхъ имъ шведскихъ владѣній въ Лифляндіи.

Карлу X наслѣдовалъ его сынъ—Карлъ XI (1660—1697). По его несовершеннолѣтію, надъ нимъ была съ начала учреждена опека, состоявшая изъ пяти членовъ государственнаго совѣта. Впослѣдствіи Карлъ XI твердо и послѣдовательно проводилъ политику своего отца и Густава Адольфа. Онъ безъ всякой пощады отнималъ у шведскаго дворянства неправильно присвоенныя имъ себѣ коронныя имущества, при чемъ многіе изъ дворянъ лишились всего своего состоянія.

Подобными мѣрами онъ настолько увеличилъ государственные доходы, до него весьма незначительные, что онъ могъ даровать многія льготы и облегчить тяжелое положеніе отягощеннаго податями и налогами крестьянскаго сословія.

Уничтоживъ прежнюю фактическую зависимость королевской власти отъ шведскаго дворянства, Карлъ XI не хотѣлъ на этомъ остановиться; онъ захотѣлъ парализировать и административную власть дворянства въ государствѣ и съ этою цѣлью оставилъ за государственнымъ совѣтомъ лишь совѣщательный голосъ въ важнѣйшихъ дѣлахъ, отнявъ у него всякую административную сферу дѣятельности, всякое

вліяніе на ходъ внутренней политики страны. Покровительствуя національной торговли и промышленности, Карлъ XI увеличилъ благосостояніе Швеціи; развивалъ и поощрялъ земледѣліе и тѣмъ улучшалъ положеніе крестьянскаго сословія.

Что касается внѣшней его политики онъ принималъ участіе въ голландской войнѣ Людовика XIV, въ качествѣ союзника Франціи и убѣдился въ опасности служить орудіемъ въ рукахъ великаго короля, а потому впослѣдствіи удерживался отъ союза съ Франціей.

Умирая въ 1697 году, оставилъ онъ сыну своему государство, не обремененное долгами, до двухъ милліоновъ талеровъ сбереженія и отличное войско, вполнѣ дисциплинированное и готовое къ бою.

Царствованіе знаменитаго его сына Карла XII относится уже къ XVIII столѣтію, (1697—1718 г.). Мы здѣсь не можемъ подробно останавливаться на фактической сторонѣ его царствованія, мы отмѣтимъ только главные моменты его правленія и укажемъ на характеръ его внѣшней политики. По смерти Карла XI, къ концу XVII столѣтія, Швеція была одною изъ сильнѣйшихъ европейскихъ державъ. Твердая, послѣдовательная внутренняя политика Карла X и Карла XI обогатили государственную казну, упрочили королевскую власть и подготовили отличное войско, которое значительно расширило внѣшніе предѣлы Швеціи. Въ составъ шведскаго королевства вошли постепенно съ половины XVII столѣтія слѣдующія области: Померанія, Штральзундъ, Штетинъ, Бременъ, Лифляндія и Эстляндія съ Ригою и Ревелемъ и такимъ образомъ Швеція прочно установила свое господство на Балтійскомъ морѣ. Нынѣшній Остзейскій край обильно снабжалъ Швецію хлѣбомъ.

При вступленіи шестнадцатилѣтняго Карла XII на шведскій престолъ, всѣ враги Швеціи возстали противъ нея, надѣясь при молодомъ королѣ легче добиться уничтоженія военнаго престижа Швеціи на сѣверѣ. Къ тому же Карлъ XII въ молодости зарекомендовалъ себя съ очень неблагопріятной стороны; онъ отличался, какъ говорили, крайне вѣтреннымъ характеромъ, нерасположеніемъ къ серьезнымъ занятіямъ; всю молодость свою провелъ онъ въ удовольствіяхъ и развлеченіяхъ.

Но смотрѣвшіе на него такимъ образомъ, сильно ошибались, принимая беззаботность и легкомысленность, которыми онъ отличался въ молодости, за индивидуальное свойство его характера.

Вступивъ на шведскій престолъ, Карлъ XII скоро показалъ, что онъ обладалъ рѣдкимъ политическимъ умомъ и вполнѣ въ состояніи былъ вывести Швецію изъ угрожавшей ей опасности, представляемой коалиціею.

Главнѣйшими врагами Швеціи были, при вступленіи Карла XII на престолъ, Польша съ ея королемъ Августомъ II во главѣ (1697—1733 г.), желавшимъ возвратить отнятую Швеціею Лифляндію, и Данія, стремившаяся вернуть потерянныя ею области по Копенгагенскому миру, о которомъ мы упоминали, и присоединить еще часть Голштинскаго герцогства, принадлежавшаго родственному дому шведской королевской династіи—герцогамъ Голштейнъ-Готторбскимъ.

Мы здѣсь не излагаемъ отношеній Ольденбургской датской династіи къ голштинскому герцогству. Это насъ завлекло бы слишкомъ далеко въ сторону. Переходимъ къ изложенію главнѣйшихъ моментовъ такъ называемой „великой сѣверной войны".

Были еще и другіе мотивы, побуждавшіе Августа II начать войну со Швеціей.

Онъ былъ очень стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ даннымъ имъ обѣщаніемъ (Pacta-conventa) польскому дворянству—не стѣснять его вольности, и не препятствовать его сепаративнымъ стремленіямъ, шедшимъ постоянно въ разрѣзъ съ цѣлями, преслѣдуемыми королевскою властью.

На популярную для Польши войну со Швеціею смотрѣлъ Августъ II, какъ на удобное средство пріобрѣсти болѣе широкія права для своей королевской власти, усиливъ ее такимъ образомъ въ ущербъ стремленіямъ польскаго дворянства. Къ тому-же у него еще было желаніе, какъ мы видѣли, вернуть Лифляндію.

Въ Лифляндскомъ вопросѣ его поддерживалъ извѣстный лифляндскій патріотъ Рейнгольдъ Паткуль, участвовавшій въ депутаціи, посланной Лифляндіею къ шведскому правительству, съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ „редукцій"; такъ называлась конфискація земель, принадлежавшихъ нѣкогда ордену

Меченосцевъ и уже болѣе ста лѣтъ захваченныхъ шведскимъ дворянствомъ. Результата эта депутація не добилась никакого. Участвовавшіе въ ней были отданы даже подъ судъ и заключены въ тюрьму. Паткулю удалось бѣжать изъ Стокгольма и явиться ко двору Августа II, котораго онъ сталъ подстрекать противъ Швеціи.

Августъ II, при проѣздѣ Петра Великаго черезъ Польшу въ 1698 году, уговорилъ послѣдняго примкнуть къ сѣверному союзу, образовавшемуся противъ Швеціи.

По окончаніи Турецкой войны въ 1700 году, Петръ и объявилъ войну Швеціи. Такимъ образомъ составился Сѣверный союзъ, состоявшій изъ Россіи, Даніи и Польши, направленный противъ Швеціи. Шведскій сенатъ испугался и склонялся уже къ примиренію, когда юный Карлъ XII явился въ засѣданіе и въ краснорѣчивой рѣчи объявилъ, что онъ принимаетъ вызовъ сѣверныхъ державъ, и что пока онъ король, онъ свято будетъ охранять отцовское наслѣдіе. Его рѣчь наэлектризировала присутствовавшихъ; посыпались приношенія и пожертвованія на военныя нужды; дворянство, стоявшее всегда въ оппозиціи къ королевской власти, теперь, въ эту критическую минуту, съ восторгомъ вступило въ ряды войска; энтузіазмъ былъ всеобщій; война приняла чисто патріотическій, національный характеръ.

Повторились явленія, напоминавшія лучшее время правленія Густава Адольфа.

Карлъ XII прежде всего двинулся въ Данію; въ самое короткое время онъ уже подступилъ подъ стѣны Копенгагена и грозилъ превратить его въ груду развалинъ.

Датскій король Фридрихъ IV, испугавшись, уже въ августѣ того-же 1700 года заключаетъ со Швеціею Травендальскій миръ, по которому отказывался отъ Сѣвернаго союза. Покончивши съ Даніею, Карлъ XII направился на Россію; русскія войска въ это время, занявъ Эстляндію, осаждали Нарву; внезапнымъ на нихъ нападеніемъ, Карлъ XII разбилъ ихъ въ рѣшительной битвѣ подъ Нарвою (1700 г.) и взялъ въ плѣнъ всю артиллерію.

Эти побѣды дали ему возможность сосредоточить все свое вниманіе на Польшѣ, съ которою съ этого времени въ продолженіе 7 лѣтъ происходила упорная борьба, ознаменовав-

шаяся цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ шведскаго войска, которому, впрочемъ, весьма способствовала вѣчная рознь, раздѣлявшая Польшу и особенно ярко выражавшаяся на ея сеймахъ.

Но не смотря на всѣ свои старанія, Карлу XII не удалось вытѣснить Августа II изъ Польши и отнять у него корону. Главные польскіе города—Варшава, Краковъ, Львовъ, Торнъ и другіе, по нѣсколько разъ переходили изъ рукъ въ руки. Наконецъ, на созванномъ польскомъ сеймѣ, подъ нравственнымъ давленіемъ Карла XII, поляки объявили Августа II лишеннымъ престола и избрали на его мѣсто Познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго въ 1704 году, претендента, котораго поддерживалъ Карлъ XII. Этотъ Станиславъ Лещинскій поддерживался только шведскими войсками; какъ только они удалялись изъ предѣловъ Польши, его уже никто болѣе не признавалъ королемъ.

Наконецъ, послѣ рѣшительныхъ побѣдъ шведскаго войска и вступленія ихъ въ Саксонію, миръ съ Польшею былъ заключенъ въ Альтранштадтѣ (1706 г.), по которому Августъ II принужденъ былъ отказаться отъ польской короны и признать Станислава Лещинскаго королемъ, заплатить громадную военную контрибуцію Швеціи, отказаться отъ Сѣвернаго союза и выдать несчастнаго Паткуля, который вскорѣ затѣмъ былъ колесованъ. Между тѣмъ, пока Карлъ XII занятъ былъ въ Польшѣ, Петръ Великій не терялъ времени. Онъ воспользовался отсутствіемъ шведовъ на берегу Балтійскаго моря, чтобы прочно утвердиться тамъ, занявъ Ингерманландію, Эстляндію, часть Лифляндіи и Финляндіи и такимъ образомъ осуществилъ тотъ политическій планъ, который составлялъ завѣтную мечту московскихъ царей, начиная еще съ Іоанна III Въ 1702 году взялъ онъ обратно отъ шведовъ крѣпость Орѣшекъ, принадлежавшую имъ съ XIII столѣтія, подъ шведскимъ именемъ „Нотебургъ“. Петръ переименовалъ ее въ Шлюссельбургъ.

Мы не будемъ останавливаться на дальнѣйшихъ подробностяхъ неутомимой, лихорадочной, такъ сказать, дѣятельности Петра, на военныхъ его успѣхахъ, предшествовавшихъ Полтавской битвѣ, возродившей упавшій духъ русскаго войска и научившей его побѣждать шведовъ. Изложеніе этихъ

событій не входитъ въ планъ нашего настоящаго курса; мы можемъ касаться событій изъ исторіи Россіи въ эту эпоху, лишь на столько, на сколько они переплетаются съ событіями западно-европейской исторіи.

Послѣ Полтавской битвы, имѣвшей такіе печальные результаты для Карла XII, ему пришлось снова бороться со вновь образовавшимся сѣвернымъ союзомъ тѣхъ-же державъ, объявившемъ всѣ состоявшіеся до того времени договоры между Швеціею и союзомъ не дѣйствительными. Августъ II снова изгналъ Станислава Лещинскаго изъ Польши и при помощи своихъ приверженцевъ, снова завладѣлъ польскимъ престоломъ. Въ то время Петръ расширялъ свои завоеванія въ Эстляндіи и Лифляндіи и занялъ часть Финляндіи (Карелію); а король Датскій высадился въ самой Швеціи.

Между тѣмъ вслѣдствіе интригъ шведской дипломатіи, Турція объявила войну Россіи. Начался такъ называемый „Прутскій походъ 1711 г., кончившійся миромъ, по которому Петръ возвращалъ Турціи Азовъ, обѣщалъ не вмѣшиваться въ дѣла Польши и дозволялъ шведскому королю свободный проѣздъ черезъ Россію.

Въ 1714 году Карлъ внезапно явился передъ стѣнами осажденнаго союзниками Штральзунда.

Въ промежутокъ времени между Полтавскимъ пораженіемъ и концомъ Прутскаго похода Швеція утратила почти всѣ свои владѣнія на берегу Балтійскаго моря.

Къ этому же времени примкнули къ Сѣверному союзу всѣ державы, недовольныя политическимъ преобладаніемъ Швеціи на сѣверѣ, хотѣвшія воспользоваться настоящимъ ея критическимъ положеніемъ, для возвращенія себѣ отнятыхъ ею земель. Такъ примкнули къ союзу Ганноверъ, желавшій овладѣть Бременомъ и Верденомъ, Пруссія, захватившая Штетинъ, Англія и Голландія — изъ-за захвата шведскимъ флотомъ ихъ нейтральныхъ судовъ; кромѣ того Англія считала себя въ правѣ вмѣшаться въ международную политику того времени, такъ какъ король ея—Георгъ I, былъ одновременно и курфюрстомъ Ганноверскимъ.

Вся шведская Померанія была уже занята союзными войсками, когда въ ноябрѣ 1714 г. прибылъ Карлъ XII на помощь осажденному Штральзунду, который онъ долженъ былъ

однако скоро покинуть, чтобы защитить берега Швеціи отъ нападенія союзниковъ.

Въ это критическое для Карла XII время, послѣдній нашелъ нравственную поддержку въ своемъ министрѣ Герцѣ, столь же энергическомъ человѣкѣ, какъ и онъ самъ, поддерживавшемъ въ немъ воинственный духъ.

Шведское дворянство въ виду угрожавшей опасности для Швеціи, сплотилось, какъ одинъ человѣкъ; бросило на время свою вѣковую борьбу съ королевскою властью, свои внутреннія междоусобія, чтобы выступить на защиту отечества. Оно не жалѣло пожертвованій для этой патріотической цѣли. Общее настроеніе въ Швеціи было чрезвычайно воинственно. Шведское войско должно было сначала напасть на Норвегію, принадлежавшую въ то время Даніи. Между тѣмъ отъ зоркаго взгляда министра Карла XII Герца не укрылись возникшія между союзниками распри и недоразумѣнія, происходившія отъ чувства недовѣрія и зависти союзниковъ къ Петру, котораго они подозрѣвали въ намѣреніи прочно утвердиться на южномъ берегу Балтійскаго моря и такимъ образомъ занять то преобладающее на немъ положеніе, которое до него занимала Швеція.

Видя подобное недовѣріе со стороны союзниковъ и не желая еще болѣе обострять натянутыхъ отношеній, Петръ вышелъ изъ Сѣвернаго союза и повелѣлъ своимъ войскамъ очистить Померанію и возвратиться въ Россію.

Этимъ наступившимъ въ Сѣверномъ союзѣ раздоромъ, искусно воспользовался Герцъ. Его политическій планъ клонился къ примиренію Россіи со Швеціею и къ уничтоженію Сѣвернаго союза.

Предварительныя условія мира съ Россіею были установлены при личномъ свиданіи Петра съ Герцемъ въ Гаагѣ, въ маѣ 1718 года. Швеція уступала Россіи Лифляндію, Эстляндію, Ингерманляндію, Карелію и часть Финляндіи съ городомъ Выборгомъ. За это Петръ обязывался помочь Карлу XII свергнуть Августа II съ польскаго престола и возвести на его мѣсто Станислава Лещинскаго; кромѣ того—помочь Швеціи въ ея войнѣ съ Даніей, Ганноверомъ и Норвегіею.

Эти предварительныя условія мира послужили основаніемъ для дипломатическаго конгресса между Швеціей и Россіей,

который и состоялся на Аландскихъ островахъ между Герцомъ, Брюсомъ и Остерманомъ. Герцъ замышлялъ уже о тайномъ союзѣ съ испанскимъ министромъ Альберони противъ Англіи, Франціи и Австріи, когда внезапная смерть Карла XII въ декабрѣ 1718 года, при осадѣ крѣпости Фридрихсгамъ, на границѣ Норвегіи, измѣнила совершенно ходъ политическихъ событій и дальнѣйшую судьбу Швеціи. Причина его смерти осталась загадочною. Со смертью Карла XII, рушилась вся его политика. Всѣ недовольные этой политикой внутри Швеціи элементы, сдерживаемые оказываемымъ имъ обаяніемъ, теперь, послѣ смерти Карла XII, возстали противъ королевской власти. Во главѣ этой антиправительственной оппозиціи, стояло, конечно, шведское дворянство, которое, со временъ еще Густава Адольфа, находилось въ открытой борьбѣ въ королевскою властью, изъ-за систематично проводимаго послѣднею принципа строгой государственной централизаціи, изъ-за постепеннаго отобранія шведскими королями совершенно произвольно присвоенныхъ себѣ дворянствомъ правъ и привилегій.

Настала въ Швеціи совершенная олигархія.

Высшіе аристократическіе роды захватили въ свои руки все управленіе страны; они прежде всего возвратили государственному совѣту всѣ тѣ права и привилегіи, которыя были у него отобраны еще Карломъ XI, оставившимъ за нимъ, какъ извѣстно, только совѣщательный голосъ.

Права государственнаго совѣта были теперь еще значительно расширены; онъ получилъ совершенно самостоятельное, вполнѣ независимое положеніе въ государствѣ.

Земская дума сдѣлалась представительницею высшей государственной власти, а государственный совѣтъ — постояннымъ ея комитетомъ, отвѣтственнымъ только передъ нею.

Въ этомъ верховномъ совѣтѣ всѣ важнѣйшія дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ, при чемъ король пользовался только двумя голосами; замѣщеніе всѣхъ высшихъ государственныхъ должностей въ войскѣ, судѣ и администраціи зависѣло всецѣло отъ того-же верховнаго совѣта.

Королевская власть утратила такимъ образомъ всякое реальное значеніе, весь свой прежній престижъ. Первою жертвою управлявшей Швеціею олигархической партіи палъ

бывшій талантливый совѣтникъ Карла XII — Герцъ, возбудившій противъ себя ненависть шведской аристократіи тяжелыми финансовыми мѣрами, равно ложившимися на всѣ сословія, не исключая и дворянскаго. Онъ даже былъ приговоренъ верховнымъ судомъ къ смертной казни и казненъ въ Стокгольмѣ.

Его казнь наглядно показала, до чего можетъ дойти узкая сословная ненависть, утратившая всякіе нравственные устои.

Внѣшняя политика Швеціи тоже совершенно измѣнилась послѣ смерти Карла XII.

Основанія Аландскаго конгресса были совершенно нарушены. Съ Россіею война снова возобновилась, ареною ея сдѣлалось Балтійское море, результатомъ ея была побѣда только что возникшаго русскаго флота надъ шведскою эскадрою въ Финскомъ заливѣ.

Шведскій престолъ, по смерти Карла XII, перешелъ къ младшей его сестрѣ Ульрикѣ-Элеонорѣ, бывшей замужемъ за нѣмецкимъ принцемъ Фридрихомъ Гессенъ-Кассельскимъ. Она отказалась отъ воинственной политики своего брата и заключила мирные трактаты съ непримиримыми врагами Карла XII, подъ сильнымъ вліяніемъ шведскаго дворянства, стремившагося возвратить себѣ утраченныя имъ при ея предшественникахъ права и преимущества, вполнѣ забывая прежнія, возвышавшія его еще такъ недавно патріотическія стремленія. По этимъ трактатамъ Георгъ I, король англійскій и курфюрстъ ганноверскій пріобрѣлъ отъ Швеціи за милліонъ талеровъ герцогство Бременъ и Верденъ (въ 1719 г.); въ тоже время прусскій король Фридрихъ Вильгельмъ I-й удерживалъ за 2 милліона талеровъ занятыя имъ области—Штетинъ и нижнюю Померанію съ устьемъ Одера (въ 1720 г.); Данія, между тѣмъ, завладѣла Шлезвигомъ, и Августъ II былъ признанъ королемъ Польши. Въ это время война Швеціи съ Россіей все продолжалась. Попытки шведскаго флота блокировать окрестности Петербурга окончились, вслѣдствіе отсутствія хорошихъ морскихъ картъ, полною неудачею.

Сознавая невозможность бороться съ Россіей, Ульрика-Элеонора отказалась отъ престола въ пользу своего супруга Фридриха Гессенъ-Кассельскаго, который и заключилъ съ

Россіей въ Августѣ 1721 г. извѣстный Ништадтскій миръ, по которому Россія получила отъ Швеціи Лифляндію, острова Эзель и Даго, Эстляндію, Ингерманландію, Карелію, часть Финляндіи съ Выборгомъ.

Всѣ старанія Петра, при заключеніи Ништадтскаго мира, заставить шведское правительство признать права Голштинскаго герцога Фридриха Карла (женатаго на Аннѣ Петровнѣ) на шведскую корону и на Шлезвигъ, отстранивъ такимъ образомъ оттуда датскаго короля, не увѣнчались успѣхомъ. Эти права были однако признаны впослѣдствіи шведскимъ сенатомъ.

Вопросъ изъ-за обладанія Шлезвигомъ чуть было не вызвалъ новой войны, когда преждевременная смерть Петра въ 1725 г. измѣнила всѣ политическіе планы и отодвинула рѣшеніе этого вопроса на долгое время.

Шведская политика, по смерти Карла XII, перестала быть національною, патріотическою. Подъ вліяніемъ и при исключительномъ господствѣ олигархіи, разсчитывавшей на свои личныя, фамильныя выгоды, шведское правительство начинаетъ колебаться, отступается отъ своихъ вѣковыхъ плановъ и политической программы; шведское дворянство той эпохи представляло изъ себя жалкую и позорную картину сословія, которое продавало за деньги интересы родины иноземнымъ державамъ. Оно раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, изъ которыхъ одна, руководимая графомъ Гюлленборгомъ, продалась Франціи и подъ ея вліяніемъ возбуждала общественное мнѣніе въ Швеціи и въ особенности молодежь къ войнѣ съ Россіей, для возвращенія отнятыхъ Петромъ отъ Швеціи по Ништадтскому миру областей; другая партія, тоже ненавидѣвшая Россію, тѣмъ не менѣе, сознавая опасность войны съ нею, совѣтывала не начинать съ нею войны. Первая изъ этихъ партій носитъ въ исторіи Швеціи названіе „партіи шляпъ", вторая изъ нихъ, руководимая графомъ Горномъ, носила названіе „партіи шапокъ". Обѣ эти партіи раздѣляли Швецію на два враждебныхъ лагеря и черезъ то естественно еще болѣе ее ослабляли въ политическомъ отношеніи.

Земская дума служила мѣстомъ ихъ позорныхъ схватокъ. Отъ нихъ зависѣла вся внѣшняя политика Швеціи въ эту

грустную для нея эпоху, во время которой Швеція потеряла весь свой политическій престижъ, все свое, нѣкогда столь блестящее обаяніе, оказываемое ею на сосѣдей въ славную эпоху ея исторіи, въ царствованіе шведскихъ королей— отъ Густава Адольфа до Карла XII.

Съ тѣхъ поръ и начинается колебательная политика Швеціи. Она постоянно то сближается съ Россіей, то, подъ вліяніемъ Франціи, готова объявить ей войну, что наконецъ и было ею исполнено въ 1741 г., когда возгорѣлась „война за австрійское наслѣдство", и когда Франціи необходимо было занять Россію, чтобы не дать ей вступитьсяза Австрію; тогда она направила на Россію Швецію, предварительно подготовивъ почву въ Россіи, посредствомъ придворныхъ интригъ, искусно веденныхъ Лестокомъ и Шетарди.

Побуждаемая Франціей, Швеція, наконецъ, объявляетъ русскому правительству войну (въ правленіе Анны Леопольдовны), выставляя предлогомъ желаніе возстановить на престолѣ законную русскую наслѣдницу—Елисавету Петровну. Когда же послѣдняя вступила на отцовскій престолъ, война тѣмъ не менѣе не прекратилась, такъ какъ Швеція, начиная ее, имѣла въ сущности въ виду возвратить себѣ отнятыя Петромъ многочисленныя области, на что разумѣется Елисавета Петровна согласиться не могла.

Война возобновилась въ 1742 году, вполнѣ обнаруживъ всю тогдашнюю несостоятельность Швеціи, всю ея глубокую деморализацію; несмотря на все хвастовство, на высокомѣріе шведовъ, они могли выставить весьма незначительное по количеству, и весьма плохо дисциплинированное войско, подъ начальствомъ бездарнаго Левенгаупта, не съ умѣвшаго вовсе воспользоваться выгодными боевыми позиціями, представляемыми ему гористою мѣстностью Финляндіи, гдѣ стянуты были шведскія войска. Они были скоро разбиты русскими при Вильманстрандѣ, послѣ чего Левенгауптъ сдался въ Гельсингфорсѣ со всѣмъ своимъ войскомъ на капитуляцію. Его народинѣ ожидала за это смертная казнь.

Русскія войска заняли всю Финляндію до Або, въ то время какъ русскій флотъ угрожалъ Швеціи съ моря.

По Абовскому миру 1743 г. Россія пріобрѣла Финляндію

до рѣки Кюменя, съ городами Фридрихсгамомъ и Вильманстрандомъ, и часть Кареліи съ крѣпостью Нейшлотомъ. Кромѣ того, шведы должны были признать наслѣдникомъ шведскаго престола—дядю Петра III, принца Голштинскаго, Адольфа Фридриха, который и управлялъ Швеціею съ 1751 по 1771 годъ. При его слабомъ правленіи шведское дворянство опять завоевало себѣ всѣ свои прежнія привилегіи, значительно еще расширивъ ихъ; такъ государственный совѣтъ сталъ вмѣшиваться даже въ семейныя королевскія дѣла и въ воспитаніе принцевъ.

Вся власть законодательная и административная была фактически въ рукахъ шведской олигархіи, имѣвшей самое печальное вліяніе на внѣшнюю политику Швеціи въ продолженіе всего прошлаго столѣтія.

„Партія шляпъ" вовлекла Швецію съ семилѣтнюю войну, какъ союзницу Франціи. Изъ этой войны Швеція ничего не вынесла, кромѣ огромной потери войска и денегъ. Результатомъ ея было для Швеціи—паденіе въ ней французской партіи и переходъ ея политики на сторону Россіи.

Преемникомъ Адольфа Фридриха былъ умный и энергичный король Густавъ III, царствованіе котораго относится уже къ концу прошлаго столѣтія (1771—1792).

Мы такимъ образомъ прослѣдили исторію Швеціи до сороковыхъ годовъ XVII столѣтія, т. е. до конца перваго періода нашего настоящаго курса.

Болѣе подробный обзоръ ея исторіи съ сороковыхъ годовъ столѣтія мы должны отложить до того времени, когда мы перейдемъ къ изложенію втораго періода нашего курса, къ изложенію исторіи западной Европы, въ періодъ такъ называемаго „просвѣщеннаго деспотизма", обнимающій время съ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія до 1789 года.

Въ настоящее время мы переходимъ къ краткому обзору исторіи Испаніи въ первую половину XVIII вѣка, послѣ Утрехтскаго мира и къ изложенію ея политической роли въ XVIII столѣтіи.

Испанія, выступивъ на историческое поприще съ половины XV столѣтія, при Фердинандѣ и Изабеллѣ, долгое время послѣ того играла первенствующую роль въ европейской политикѣ.

Но говоря о политической роли Испаніи, мы имѣемъ всегда въ виду ея правительство; народъ-же испанскій въ полномъ смыслѣ слова прозябалъ подъ гнетомъ іезуитскаго ордена и другихъ духовныхъ корпорацій, оставаясь въ крайнемъ невѣжествѣ и нищетѣ физической, изъ которыхъ испанское правительство намѣренно его не выводило.

Это политическое значеніе Испаніи, конечно, еще болѣе усилилось отъ сліянія въ одномъ лицѣ испанской короны съ германскимъ императорскимъ титуломъ, впервые осуществившагося въ грандіозной личности Карла V.

Вся политическая жизнь Европы вращается около этой испанско-габсбургской политики въ теченіе всего XVI и первой половины XVII столѣтія.

Передъ этой силой въ періодъ ея сильнѣйшаго могущества въ XVI столѣтіи, трепетала Порта, трепетала и Европа.

Противовѣсъ этому чрезмѣрному преобладанію двухъ слившихся династій, соединенныхъ общими интересами и вліявшихъ на европейскую политику, направляя ее сообразно со своими политическими цѣлями, вышелъ изъ окрѣпнувшей монархическимъ путемъ Франціи, гдѣ съ XVII столѣтія возвышается династія Бурбоновъ. Бурбоны, въ лицѣ Генриха IV, Людовика XIII, и Людовика XIV, успѣли разрушить эту династическую связь Испанско-Габсбургскаго дома, путемъ брачныхъ союзовъ съ испанскими принцессами и такимъ образомъ, разъединивъ ихъ, успѣли понемногу ослабить ихъ одинъ за другимъ.

Вестфальскій миръ 1648 г. узаконилъ политическую смерть германской имперіи и значеніе Габсбургскаго дома; Пиринейскій-же миръ 1659 г., узаконилъ ту-же политическую смерть Испаніи и ея королевской династіи. Но Людовикъ XIV этимъ результатомъ не удовольствовался.

Уничтоживъ опасную для него силу и построивъ собственное свое величіе на развалинахъ испанско-габсбургскаго дома, стремясь сдѣлаться протекторомъ всей западной Европы; онъ составилъ планъ—на испанскій престолъ возвести принца изъ своего Бурбонскаго дома, и такимъ образомъ слить съ Франціею судьбу Испаніи, т. е. замѣнить уничтоженное имъ же самимъ всемірное значеніе Испанско-Габсбургской династіи и политики—Испанско-Бурбонскою. Этотъ политическій

планъ послужилъ причиною возникновенія такъ называемой „войны за испанское наслѣдство" въ началѣ XVIII столѣтія. Однако коалиція европейскихъ державъ не допустила до осуществленія этого опаснаго для нея плана.

Какъ прежде Вестфальскій миръ, и вслѣдъ за нимъ Пиринейскій, разрушили Испанско-Габсбургскую политику и взаимную ихъ связь, такъ теперь Утрехтскій миръ разрушилъ всѣ планы образованія Испанско-Бурбонскаго союза.

На испанскій престолъ былъ призванъ внукъ Людовика XIV,—Филиппъ V. Настало для Испаніи время полной политической слабости; она вполнѣ разыгрывала роль жертвы чужаго властолюбія въ рукахъ великаго короля Франціи. По Утрехтскому миру Испанія потеряла почти всѣ свои колоніальныя владѣнія, всѣ почти области внѣ Пиринейскаго полуострова, которыя были отданы теперь Габсбургамъ, въ лицѣ которыхъ она пріобрѣла себѣ враговъ, недовольныхъ тѣмъ, что на испанскомъ престолѣ возсѣдалъ ненавистный имъ Бурбонъ, естественно тяготѣвшій къ Франціи.

Въ Испаніи послѣ Утрехтскаго мира естественно должна была развиться ненависть къ Франціи, виновницѣ ея политическаго униженія; а съ другой стороны—къ Австріи, обогатившейся на ея счетъ.

Унизительныя для Испаніи условія Утрехтскаго мира во всякой другой странѣ уже давно возбудили бы общественное мнѣніе противъ Франціи и вовлекли бы страну въ кровопролитную войну; но народъ испанскій, подъ вѣковою опекою и нравственнымъ гнетомъ іезуитскаго ордена, утратилъ всякое политическое чутье и нравственно и умственно прозябалъ подъ руководствомъ католической іерархіи; а вступившій на испанскій престолъ —Бурбонъ Филиппъ V, по характеру своему и способностямъ, нисколько не отличался отъ апатичныхъ и равнодушныхъ къ благу страны и народа Габсбурговъ, въ послѣднее время занимавшихъ испанскій престолъ.

Филиппъ V (1701—1746) можетъ быть потому и принятъ былъ сначала испанцами довольно сочувственно, что вполнѣ подходилъ къ тому типу монарха, къ которому испанцы уже привыкли въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Апатія, равнодушіе, соединенныя съ высокомѣріемъ въ

монархѣ, принимались испанскимъ народомъ за сознаніе величія королевскаго сана, за внѣшнее проявленіе королевскаго могущества; въ сущности-же эти черты характера являлись лишь выраженіемъ личной неспособности монарха, отсутствіемъ въ немъ подготовки и серьезныхъ данныхъ для управленія страною, отсутствіемъ всякаго государственнаго ума, всякой самостоятельности характера, всякаго политическаго такта.

Одно только свойство характера ясно выступало въ Филиппѣ V и придавало всей его личности особую окраску,— это была крайняя набожность, переходившая даже въ ханжество, удовлетворявшаяся исполненіемъ лишь внѣшнихъ формъ религіознаго культа, не согрѣтая нисколько глубокимъ религіознымъ чувствомъ. На него по этому религія не могла имѣть нравственнаго, обновляющаго дѣйствія. Такой несамостоятельный характеръ, какъ Филиппъ V, естественно, весьма легко поддавался чужому вліянію, и въ особенности вліянію умныхъ, хитрыхъ іезуитовъ, даже искалъ и требовалъ такого вліянія.

Первый-же его шагъ, при вступленіи его на престолъ, былъ шагъ къ подчиненію себя испанскому духовенству; въ этомъ направленіи онъ и дѣйствовалъ, или вѣрнѣе—въ этомъ полномъ бездѣйствіи, подъ вѣчною опекою католическаго духовенства, онъ и пребывалъ до гробовой доски.

По этому личность его не представляетъ намъ ничего интереснаго; не отъ него вовсе зависѣла политическая судьба Испаніи.

Займемся теперь тѣми лицами, которыя вліяли на испанскую политику того времени, которыя руководили ея судьбами.

Филиппъ V женатъ былъ первымъ бракомъ на Савойской принцессѣ и сразу подчинился ея вліянію. Людовикъ XIV предостерегалъ его, не слишкомъ слѣпо поддаваться ея вліянію, такъ какъ эта принцесса сама была подъ сильнымъ вліяніемъ женщины, въ высшей степени умной, которая успѣла провести и самаго Людовика.

Эта женщина была гофмейстерина испанской королевы Орсини—Princesse des Ursins.

Француженка по происхожденію, изъ извѣстной родовитой фамиліи de la Trémouille, она вышла замужъ за италіянца.

Она въ высшей степени обладала рѣдкимъ умомъ, придворнымъ тактомъ; была привлекательна и доступна въ обращеніи; но подъ этой ласковою, подкупающею внѣшностью, скрывалась хитрая, безнравственная натура, необыкновенное тщеславіе и властолюбіе, ничѣмъ не ограниченное желаніе всѣмъ руководить въ государствѣ, все подчинить своей воли. Въ сохранившейся напримѣръ отъ нея перепискѣ съ M-me de Maintenon, она высказываетъ полное подчиненіе Людовику XIV, полнѣйшую готовность слѣдовать во всемъ его инструкціямъ; между тѣмъ, она совершенно самовольно управляла Испаніей и тѣмъ сильно мѣшала французской дипломатіи во время войны за испанское наслѣдство.

Въ своихъ письмахъ ко многимъ знаменитостямъ эпохи она часто осмѣиваетъ придворный этикетъ, кощунствуетъ даже надъ религіей и католическимъ культомъ, а въ слабомъ королѣ намѣренно поддерживаетъ суевѣріе и ханжество, чтобы тѣмъ удобнѣе, вѣрнѣе направлять его дѣйствія сообразно своимъ эгоистическимъ планамъ.

Въ 1714 г. умерла жена Филиппа V, Савойская принцесса. Княгиня Орсини стала одна руководить меланхоликомъ королемъ, впавшимъ, по смерти жены, въ ипохондрію.

Филиппъ V, по совѣту Орсини, вступилъ во второй бракъ съ герцогинею Елизаветою Пармскою изъ фамиліи Фарнезе.

Но въ выборѣ этой принцессы Орсини сильно ошиблась. Это была женщина честолюбивая и крайне властолюбивая. Ей удалось даже удалить отъ двора княгиню Орсини, въ чемъ ей помогъ Людовикъ XIV, убѣдившійся въ вѣроломствѣ Орсини и въ томъ вредѣ, который она приносила французской политикѣ.

Орсини, въ качествѣ совѣтника короля, замѣнилъ знаменитый политическій дѣятель XVIII вѣка—Альберони, впослѣдствіи получившій отъ папы кардинальскую шапку.

Это былъ дипломатическій умъ въ полномъ смыслѣ слова; при этомъ человѣкъ лукавый, хитрый, крайне изворотливый, честолюбивый. Онъ былъ посредникомъ въ бракѣ Филиппа V и Елисаветы Пармской, такъ какъ началъ службу при дворѣ Пармскаго герцога—ея отца.

Альберони скоро сдѣлался всемогущимъ правителемъ Испаніи.

Онъ стремился возвратить ей прежнее ея политическое значеніе, возбудивъ всѣ нравственныя и экономическія силы страны, вдохнувъ въ испанскій народъ утраченную имъ энергію.

Онъ вновь создалъ, можно сказать, испанское войско, военный флотъ, оживилъ національную торговлю и промышленность въ Испаніи и дѣлалъ все это, соблюдая экономію, и заботясь объ уменьшеніи непроизводительныхъ расходовъ и о правильномъ поступленіи подлежащихъ казенныхъ доходовъ; результатомъ его финансовой дѣятельности было обогащеніе государственной казны. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ составилъ обширный планъ политическихъ комбинацій, имѣвшихъ цѣлью возвратить Испаніи утраченное ею вліяніе въ Европѣ и упрочить ея политическое положеніе. Королевѣ Елизаветѣ онъ льстилъ мыслью, что пріобрѣтетъ для ея сына, рожденнаго отъ брака съ Филиппомъ—Неаполь и южную Италію; короля-же Филиппа V онъ лелѣялъ надеждою на полученіе регентства во Франціи, на мѣсто ненавистнаго ему Филиппа Орлеанскаго, правившаго въ то время Франціей, вслѣдствіе несовершеннолѣтія Людовика XV.

Альберони стремился къ отобранію отъ Австріи отданныхъ ей итальянскихъ земель, онъ желалъ освободить Испанію отъ политической опеки Франціи и отъ торговой опеки Голландіи и Англіи. Онъ угрожалъ такимъ образомъ нарушить политическое равновѣсіе Европы, составлявшее со времени Утрехтскаго мира главную заботу европейскихъ кабинетовъ.

Естественно, что своею политикою онъ долженъ былъ возбудить опасенія Австріи, Франціи, Англіи и Голландіи, гарантировавшихъ неприкосновенность постановленій Утрехтскаго мира. Въ политическіе планы Альберони входило вездѣ поддерживать въ сосѣднихъ державахъ недовольные правительственною политикою элементы; такъ, въ Австріи поддерживалъ онъ Венгровъ, всегда лелѣявшихъ сепаративныя стремленія; во Франціи онъ поддерживалъ партію, недовольную распутною жизнью и безумною роскошью, развивавшеюся при дворѣ регента Филиппа Орлеанскаго; въ Англіи — партію Стюартовъ или Якобитовъ, находившуюся въ оппозиціи къ тогдашнему англійскому правительству. Между тѣмъ онъ успѣвалъ искусно скрывать всѣ свои комбинаціи отъ глазъ европейскихъ дипломатовъ.

Онъ заключаетъ, напримѣръ, союзъ съ савойскимъ принцемъ, съ цѣлью совмѣстнаго нападенія на Италію; снаряжаетъ флотъ, а папу завѣряетъ между тѣмъ о приготовленіяхъ къ походу противъ Порты и выманиваетъ у него подъ этимъ предлогомъ кардинальскую шапку.

Между тѣмъ Австрія въ 1716 г. объявляетъ войну Турціи. Альберони пользуется этою войною, чтобы отнять у Австріи Сардинію въ 1717 г. и занять испанскими войсками Сицилію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, опасаясь войны съ Австріей, какъ послѣдствія этого захвата, Альберони вступаетъ въ союзъ со Швеціей и помышляетъ уже о союзѣ съ Россіей, какъ съ главнымъ врагомъ габсбургской политики, искусно воспользовавшись наступившимъ разладомъ въ Сѣверномъ союзѣ.

Какъ извѣстно, въ то время Петръ, раздраженный интригами и происками союзниковъ, рѣшился выйти изъ союза и дѣйствовать самостоятельно. Въ совѣтникѣ Карла XII, знаменитомъ Герцѣ, Альберони нашелъ талантливаго союзника.

Видя опасность со стороны предполагавшагося союза Россіи со Швеціей, бывшіе члены „Сѣвернаго союза"—германскій императоръ, Англія, Франція и Голландія заключили такъ называемый „Quadruplealliance", съ цѣлью принудить Испанію сохранить неприкосновенность постановленій Утрехтскаго мира. Началась война между Испаніей, Швеціей, Франціей и Англіей. Англійскій флотъ энергически дѣйствовалъ; Испанцы должны были очистить Сардинію, французскія войска перешли Пиринеи. Внезапная смерть Карла XII разрушила всѣ планы Альберони.

Филиппъ V не только не вынесъ изъ этой войны никакой пользы для Испаніи, но долженъ былъ еще согласиться на всѣ условія предписанныя, „quadruplealliance" и даже долженъ былъ, по требованію союза, подписать отставку Альберони, который и сошелъ съ политической арены въ 1720 году. Его замѣнилъ, не замѣнивъ, въ управленіи Испаніею—Riperda. Послѣ 1720 г. европейскія державы согласились на нѣкоторыя измѣненія утрехтскихъ постановленій; начались переговоры между кабинетами, которые длились почти 12 лѣтъ и собственно ни къ чему опредѣленному не привели; отношенія между кабинетами становились только еще болѣе натянутыми и доходили почти до полнаго разрыва.

Каждая изъ переговаривающихся державъ, соглашаясь на измѣненіе Утрехтскихъ постановленій, требовала себѣ большихъ территоріальныхъ вознагражденій; такъ Испанія требовала присоединенія Неаполя и Сициліи, Англія и Голландія—различныхъ торговыхъ уступокъ; германскій императоръ Карлъ VI хотѣлъ возможно меньшими средствами заручиться согласіемъ державъ на утвержденіе „прагматической санкціи", проводившей принципъ недѣлимости австрійской монархіи.

Какъ это часто случается, совершенно постороннее обстоятельство, вопросъ вполнѣ чуждый договаривающимся державамъ, въ которомъ замѣшана была только одна изъ сторонъ, подали поводъ къ разрыву, къ общеевропейской войнѣ, разрѣшившей наконецъ всѣ поднятые за послѣднее время политическіе вопросы.

Вопросъ этотъ былъ—наслѣдіе польской короны.

Въ 1733 г. умеръ польскій и саксонскій король Августъ II, Россія и Австрія поддерживали его сына Августа III; Франція—Станислава Лещинскаго,

Испанія и Сардинія примкнули къ Франціи, надѣясь заставить Австрію уступить имъ часть италіанскихъ земель.

Война сдѣлалась общеевропейскою. Она одновременно велась въ Италіи, на Рейнѣ и въ Польшѣ.

Въ Польшѣ былъ выбранъ сперва Станиславъ Лещинскій. Подъ вліяніемъ русскихъ войскъ, подъ начальствомъ Ласси и Миниха, поляки признали Августа III королемъ. Станиславъ бѣжалъ въ Данцигъ, который скоро послѣ того былъ взятъ Минихомъ. Война перенесена была въ Германію. Мирные переговоры были начаты со стороны Франціи и длились около двухъ лѣтъ, когда наконецъ въ 1738 г. былъ подписанъ между всѣми воюющими державами Вѣнскій миръ, по которому за германскимъ императоромъ оставались Бельгія и Миланъ; Неаполь и Сардинія уступались испанскимъ Бурбонамъ; на испанскій престолъ вступилъ Карлъ III (1759—1788), второй сынъ Елисаветы Пармской.

Станиславъ Лещинскій получилъ герцогство Лотарингское и нѣкоторыя другія области въ пожизненное владѣніе, послѣ же его смерти, эти области отходили къ Франціи.

Герцогъ Лотарингскій, Францъ Стефанъ, мужъ Маріи Те-

резіи, взамѣнъ Лотарингіи получилъ въ Италіи Тоскану, гдѣ родъ Медичи прекратился въ 1737 году. Савойя получила часть миланскаго герцогства, пріобрѣтала кромѣ того Сардинію и королевскій титулъ, сразу поднявшій ея значеніе въ Италіи.

Прагматическая санкція, о которой такъ хлопоталъ Карлъ VI, была наконецъ признана всѣми западно-европейскими державами.

Это распредѣленіе областей между державами съ тѣхъ поръ и сохранилось на долго.

Державы эти оставались въ этихъ, опредѣленныхъ Вѣнскимъ миромъ 1738 г., границахъ почти до конца столѣтія, до французской революціи 1789 года. Въ теченіе всего этого періода, т. е. до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, европейская дипломатія руководилась исключительно династическими, даже весьма часто прямо антинаціональными интересами. Австрійскіе Габсбурги, напримѣръ, занимая германскій престолъ, охотно уступали другимъ державамъ нѣмецкія земли, пріобрѣтая на ихъ мѣсто для своей династіи области въ Италіи, при полномъ равнодушіи къ такой политикѣ германскихъ князей.

Во всѣхъ этихъ дипломатическихъ сплетеніяхъ, во всѣхъ этихъ безконечныхъ переговорахъ между кабинетами западно-европейскихъ державъ одна только Англія, хотя и путемъ интригъ и коварства, домогалась все-таки высшихъ, облагораживавшихъ ее интересовъ—пользы государственной и народной, для осуществленія которыхъ она часто жертвовала своими эгоистическими, меркатильными цѣлями.

Къ обозрѣнію ея исторіи въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія мы теперь и переходимъ.

Мы хотимъ только указать на коренное, исторически сложившееся, различіе ея государственной системы отъ системы ея сосѣдей въ эту-же эпоху, составляющую первый періодъ нашего настоящаго курса, т. е. до сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія и на то, какъ отразилась эта система на внѣшней политикѣ Англіи и на ея внутреннемъ, политическомъ устройствѣ.

Въ то время какъ на континентѣ въ XVII столѣтіи вырабатывался монархическій абсолютизмъ, въ лицѣ первыхъ

Бурбоновъ, найдя свое осуществленіе въ грандіозной личности Людовика XIV, эпоха Стюартовъ въ Англіи, съ начала XVII столѣтія, была борьбою абсолютизма съ исторически—сложившимися учрежденіями страны.

Это былъ вѣкъ крайняго абсолютизма въ Европѣ и управлявшіе въ то время Англіею Стюарты—сынъ Маріи Стюартъ Яковъ I (1603—1625) и сынъ его Карлъ I (1625—1649) стремились къ тому же, къ чему стремились и всѣ прочіе монархи западной Европы въ XVII столѣтіи.

Но то, что можно было проводить во Франціи и Испаніи, что соотвѣтствовало тамъ исторически сложившимся условіямъ, того нельзя было проводить въ Англіи, гдѣ условія историческаго развитія народа были совершенно иныя и гдѣ потому, проведеніе системы абсолютной монархіи встрѣчалось весьма несочувственно мѣстнымъ населеніемъ и даже прямо противорѣчило выработавшемуся складу его исторической жизни.

Явленіе это служитъ только еще лишнимъ подтвержденіемъ того общаго закона историческаго развитія общества, въ силу котораго нельзя заимствовать чужія, чуждыя родному народу государственныя формы и примѣнять ихъ, навязывать ихъ своему народу, не принявъ предварительно въ соображеніе его предъидущаго историческаго развитія, его національныхъ и культурныхъ особенностей.

Подобныя попытки, какъ извѣстно, всегда кончались прямо противоположными результатами; приводили страну въ крайнее броженіе, къ жестокой, внутренней, сословной борьбѣ, въ которой большею частью гибли непроизводительно ея лучшія силы.

По мѣрѣ усиливающагося абсолютизма въ Англіи, крайнія политическія партіи, крайне рѣзкія по своимъ воззрѣніямъ и преслѣдуемымъ ими политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ цѣлямъ, одерживали верхъ надъ приверженцами консервативныхъ, преданныхъ правительству, мнѣній. Результатомъ этихъ внутреннихъ неурядицъ, этой политической революціи—была казнь Карла I, и провозглашеніе республики.

Но и эта форма не могла на долго удовлетворить англійскаго народа.

Если прежде его угнетала абсолютная власть короля, то теперь ему еще хуже стало отъ крайняго деспотизма одной партіи, временно стоявшей во главѣ управленія страной, и это положеніе вещей до того было для него нестерпимо, что уже въ началѣ второй половины XVII столѣтія, монархическій принципъ восторжествовалъ въ Англіи и Стюарты были возвращены къ власти въ 1660 году.

Вступившій на престолъ Англіи сынъ Карла I — Карлъ II (1660—1685) принятъ былъ народомъ съ восторгомъ.

Съ призваніемъ Карла II на престолъ, какъ будто, инстинктивно чувствовалось массой, снималось съ народной совѣсти, пятно, павшее на нее, съ приговореніемъ къ смертной казни его отца—Карла I. Но Стюарты, не смотря на горе, на несчастіе, на изгнаніе, ничему не научились; тяжелый историческій опытъ остался для нихъ вполнѣ безъ послѣдствій, не измѣнивъ нисколько ихъ взгляда на предстоявшую имъ задачу дальнѣйшаго управленія Англіею.

Принятые съ восторгомъ англійскимъ народомъ, при ихъ возвращеніи на покинутый престолъ, Стюарты вообразили себѣ, что народъ соглашается теперь на столь ненавистный ему дотолѣ монархическій абсолютизмъ и начали потому управлять Англіей въ духѣ погибшихъ жертвою этой системы—Іакова I и Карла I.

Тѣмъ легче было Людовику XIV привлечь на свою сторону, для своихъ личныхъ выгодъ Карла II, что тотъ былъ человѣкъ вѣтренный, легкомысленный и вѣчно нуждался въ деньгахъ, туго ему выдаваемыхъ англійскимъ парламентомъ.

Чтобы обезпечить себѣ союзъ съ Англіей, который былъ ему необходимъ въ виду начавшейся голландской войны, Людовикъ XIV послалъ въ Лондонъ невѣстку свою, сестру Карла II, Henriette d'Angleterre, которая опутала брата льстивыми обѣщаніями, заставила его отказаться отъ извѣстной „triple alliance“ и заключила съ нимъ тайный договоръ, по которому Людовикъ XIV обѣщался, за уступленный ему важный портъ—Дюнкирхенъ, платить Карлу II опредѣленную имъ сумму денегъ, для введенія и поддержанія католицизма и монархическаго абсолютизма въ Англіи, требуя отъ него взамѣнъ помощи въ предстоявшей голландской войнѣ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что Карлъ II не остановился даже передъ такимъ позоромъ—онъ за деньги продалъ національную религію, національную политику.

Народъ скоро увидѣлъ, что правительство какъ-бы смѣется надъ его святыми чувствами и стремленіями, надъ его убѣжденіями, надъ законами и учрежденіями страны.

Католическая іерархія, католическія воззрѣнія, столь ненавистныя въ Англіи, видимо поддерживались правительствомъ Карла II; наслѣдникъ престола, братъ короля, Яковъ, былъ явный католикъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ народъ видѣлъ постоянную неудачу и во внѣшней политикѣ правительства: начата была, подъ давленіемъ со стороны Людовика XIV, голландская война и ведена была съ позоромъ. Голландскіе корабли въѣхавъ въ Темзу и уничтоживъ англійскій флотъ, угрожали уже самому Лондону; Англія во всемъ подчинилась гибельному для нея вліянію Франціи. Правительство съ каждымъ днемъ становилось ненавистнѣе народу; противъ него возставали всѣ здоровые, политическіе элементы въ Англіи.

Таже ненавистная политика продолжалась и при братѣ Карла II—Яковѣ II (1685—1688), герцогѣ Іоркскомъ, который хотѣлъ уничтожить послѣдніе слѣды англійскихъ учрежденій. На нихъ намъ слѣдуетъ теперь нѣсколько остановиться.

Мы знаемъ, что послѣ эпохи реформаціи и слѣдовавшей за нею эпохи католической реакціи, во время которыхъ окончательно разлагались средневѣковыя учрежденія и формы, настало для государствъ западной Европы время выработки новыхъ государственныхъ формъ, соотвѣтствующихъ новымъ, возникавшимъ условіямъ государственной и политической жизни.

Эта тяжелая работа внутренняго обновленія страны, это созданіе, выработка національныхъ государственныхъ и политическихъ учрежденій, длилась въ Англіи въ продолженіе почти всего XVII столѣтія, и только въ концѣ его, принявъ за господствующую религію—протестантское ученіе, Англія доходитъ наконецъ до созданія представительной монархіи.

Начиная съ Якова I Стюарта, т. е. съ начала XVII столѣтія, происходитъ этотъ процессъ внутренней организаціи Англіи, закончившійся только въ 1688 г.

Намъ и предстоитъ теперь указать на главные моменты въ этомъ органическомъ развитіи, отмѣтить его характерныя особенности, придавшія и всей исторіи Англіи особый отпечатокъ и направившія ея историческую судьбу въ совершенно особое, соотвѣтствующее ей русло.

Съ Якова I начинается эта почти вѣковая борьба въ Англіи королевской власти съ парламентомъ. Уже въ самомъ началѣ своего правленія Яковъ I сталъ оспаривать у парламента вѣковыя его права, унаслѣдованныя имъ еще со временъ знаменитой „Magna Charta Libertatum", положившей твердое основаніе широкой автономіи и обширной юрисдикціи англійскаго парламента.

Эта „Magna Charta Libertatum" была обнародована, какъ извѣстно, еще въ 1215 г. Іоанномъ Безземельнымъ и подтверждена его сыномъ Генрихомъ III, англійскимъ королемъ въ 1264 году.

Въ числѣ основныхъ привилегій, присвоенныхъ себѣ парламентомъ, было, между прочимъ, право изданія законовъ, обязательныхъ для всей Англіи, право налагать подати на сословія въ пользу казны и т. д. Изъ за этихъ правъ парламента Яковъ I вступилъ съ нимъ въ политическую борьбу, такъ какъ подобная автономія парламента шла въ разрѣзъ съ его строго монархическими взглядами на королевскую власть, которая рисовалась въ его воображеніи подъ обольстительными для него образами монархическаго абсолютизма.

Въ этихъ воззрѣніяхъ на парламентъ поддерживали Якова I предшествовавшіе примѣры внутренней политики Генриха VIII, и Елизаветы, которые весьма часто, какъ извѣстно, управляли Англіею вполнѣ неограниченно, съумѣвъ себѣ подчинить парламентъ, и обративъ его въ полезное для себя орудіе, тѣмъ не менѣе, зорко продолжая слѣдить за тѣмъ, чтобы не затрогивать щекотливаго вопроса о границахъ между королевской властью и автономіею парламента. Но то, что удавалось отчасти его энергическимъ, умнымъ, послѣдовательнымъ и политичнымъ предшественникамъ, то вовсе не удавалось боязливому, скрытному, мелочному и крайне высокомѣрному Якову I. Къ тому же сюда еще присоединился церковный вопросъ, игравшій въ то время такую важную роль въ Англіи.

Всѣ три религіозныя партіи въ тогдашней Англіи—пресвитеріанская, католическая и эпископальная надѣялись на поддержку короля. Но и съ ними не съумѣлъ поладить Яковъ I. Первая изъ нихъ—пресвитеріанская, не встрѣтила въ немъ сочувствія, по своимъ принципамъ всеобщаго равенства всѣхъ членовъ церкви и отрицанія авторитета монархической власти; вторая—католическая, конечно, стояла за подчиненіе церкви верховной власти римской куріи и ея представителя папы; а третью изъ нихъ — эпископальную, онъ не съумѣлъ привлечь на свою сторону, отказавъ ей въ надлежащей поддержкѣ.

Католическая партія не остановилась даже передъ рѣшимостью насильственными средствами освободиться отъ ненавистнаго ей короля.

Составился такъ называемый „пороховой заговоръ" (въ 1605 г.); рѣшено было подложить порохъ подъ зданіе парламента, гдѣ должна была открыться сессія, подъ предсѣдательствомъ короля и уже извѣстный Fox, рѣшившійся пожертвовать жизнью для осуществленія этого заговора, долженъ былъ поджечь порохъ, вмѣстѣ съ которымъ взлетѣлъ бы на воздухъ и король со всѣмъ парламентомъ, когда совершенно постороннее обстоятельство помѣшало осуществленію адскаго плана. Послѣдствіемъ раскрытія этого заговора были страшныя гоненія на католиковъ, въ особенности въ Ирландіи. Гоненія эти, предписываемыя парламентомъ, въ которомъ засѣдали большею частью послѣдователи эпископальной церкви, возбуждали неудовольствіе короля и обостряли только еще болѣе его отношенія къ парламенту. Между тѣмъ онъ въ экономическомъ отношеніи вполнѣ зависѣлъ отъ послѣдняго, который назначалъ ему ежегодное содержаніе и утверждалъ государственный бюджетъ.

При своей распутной, расточительной жизни, Яковъ I постоянно нуждался въ деньгахъ; для удовлетворенія своихъ прихотей и безумной роскоши двора, онъ прибѣгалъ постоянно къ новымъ налогамъ, помимо тѣхъ, которые налагались парламентомъ. Съ этой цѣлью онъ продавалъ дворянскіе дипломы, раздавалъ торговыя монополіи; все это естественно только еще болѣе возбуждало противъ него неудовольствіе и ропотъ народа.

Парламентъ, на всѣ требованія короля объ увеличеніи государственнаго бюджета, всегда отвѣчалъ указаніемъ на вопіющія злоупотребленія въ администраціи, на пагубную систему управленія, ясно обнаружившуюся въ извѣстномъ процессѣ Канцлера—философа Бекона.

Пререканія короля съ парламентомъ только еще болѣе усилились, когда къ нимъ примѣшались еще династическіе и фамильные интересы.

Яковъ I выдалъ свою дочь Елизавету за Фридриха V, владѣтеля Палатината, которому чехи предложили въ 1619 г. корону Богеміи, которою онъ впрочемъ владѣлъ очень недолго. Фридрихъ V былъ ярымъ протестантомъ и являлся въ Германіи протекторомъ протестантской уніи въ борьбѣ ея съ католичествомъ. Яковъ I, поддерживая сношенія съ протестантами въ Германіи, вступилъ тѣмъ не менѣе въ переговоры и съ испанскимъ дворомъ, желая сосватать сына своего за испанскую католическую принцессу, на что испанскій дворъ согласился, только въ надеждѣ, отклонить тѣмъ англійскаго короля отъ поддержки протестантовъ въ Германіи. Этотъ бракъ сына короля на католической принцессѣ былъ такъ непопуляренъ въ Англіи, что когда Яковъ I созвалъ парламентъ, требуя денегъ для веденія войны, послѣдній сталъ вмѣшиваться во внѣшнюю его политику, упрекая его въ союзѣ съ Испаніей, вѣковымъ врагомъ Англіи.

Король на это отвѣчалъ, что парламентъ не въ правѣ контролировать его внѣшную политику и велѣлъ ночью арестовать нѣкоторыхъ изъ его членовъ.

Этотъ своевольный поступокъ короля былъ занесенъ парламентомъ въ протоколъ засѣданій, который, по повелѣнію короля былъ уничтоженъ, (вырванъ изъ книги), послѣ чего парламентъ былъ распущенъ, при громадномъ возбужденіи общественнаго мнѣнія противъ короля.

Въ 1623 году былъ посланъ въ Испанію вмѣстѣ съ женихомъ испанской принцессы (впослѣдствіи Карломъ I) извѣстный дипломатъ Букингамъ, для ускоренія переговоровъ о бракѣ. Переговоры эти привели только къ разрыву съ Испаніей, которой Англія уже объявила войну, когда въ 1625 г. умеръ Яковъ I. Ему, какъ мы знаемъ, наслѣдовалъ сынъ его

Карлъ I, женившійся на дочери французскаго короля Генриха IV, Henriette de France.

Его погубило усвоенное имъ преувеличенное представленіе о королевской власти; его погубило желаніе утвердить въ Англіи тотъ-же монархическій абсолютизмъ, который такимъ тяжелымъ гнетомъ лежалъ на Франціи, уже съ первой половины XVII столѣтія, и который къ концу прошлаго столѣтія, подготовилъ страшную, неминуемую катастрофу.

Политика его по отношенію къ парламенту была продолженіемъ политики отца.

Тѣже вѣчныя пререканія изъ за денежныхъ взносовъ королю, въ матеріальномъ отношеніи вполнѣ зависимому отъ парламента, тѣже разногласія съ парламентомъ, изъ за предѣловъ обоюдной власти.

Парламентъ, соглашаясь на выдачу денегъ королю, требовалъ отъ него взамѣнъ ихъ расширенія своихъ правъ Происходили постоянныя столкновенія, только еще болѣе раздражавшія взаимныя отношенія. Общественное мнѣніе въ Англіи было сильно возмущено неумѣлою внѣшнею политикою правительства, въ лицѣ Букингама, компрометировавшаго постоянно англійское оружіе и, тѣмъ не менѣе, принимаемаго съ почестями при дворѣ. Протестомъ парламента противъ оскорбительныхъ для него выходокъ короля и его своевольныхъ распоряженій послужилъ знаменитый юридическій документъ, стремившійся оградить автономію парламента, носящій названіе „Petition of Right“, въ которомъ изложены всѣ жалобы парламента на нарушеніе его правъ королемъ, на соблюденіе которыхъ между тѣмъ присягали всѣ англійскіе короли.

Основные два пункта этой грамоты заключались въ слѣдующемъ: 1) По законамъ государственнымъ, обнародованнымъ и сдѣлавшимся обязательными еще съ XIII столѣтія, король не имѣетъ права, безъ согласія парламента, налагать новыхъ налоговъ и во 2) король не имѣетъ права арестовать кого либо безъ суда, не имѣя на то законной причины.

Эта „Petition of Right“ 1628 года подтверждала только права парламента, пріобрѣтенныя имъ уже по „Magna Charta Libertatum“. Имѣла она значеніе только въ томъ смыслѣ,

что указывала королю на несоблюденіе имъ государственныхъ законовъ и установленій, на неприкосновенность которыхъ самъ-же онъ присягалъ, при вступленіи на престолъ.

Положеніе Карла I, по полученіи „Petition of Right", было весьма затруднительное. Ему оставалось либо, признавъ ее незаконною, порвать совершенно съ парламентомъ, что было для него весьма неудобно, такъ какъ онъ вполнѣ зависѣлъ отъ него въ матеріальномъ отношеніи, либо, признавъ ее законною, вмѣстѣ съ тѣмъ признать и себя виновнымъ въ нарушеніи законныхъ требованій парламента.

Карлъ I рѣшился на послѣднее; онъ присягнулъ, что будетъ сохранять неприкосновенными права парламента, дарованныя ему „Magna Charta Libertatum" и „Petition of Right", какъ народное достояніе.

Но недолго продолжались мирныя отношенія короля съ исконнымъ его врагомъ. Скоро снова возникли между ними несогласія.

Общественное мнѣніе, выразителемъ котораго отчасти являлся парламентъ, было возмущено фаворитизмомъ, явно оказываемымъ королемъ Букингаму, который въ это время былъ убитъ на улицахъ Лондона возбужденною противъ него толпою, (въ 1628 г.).

Это политическое убійство окончательно порвало всѣ сношенія короля съ парламентомъ, который самовольно разошелся, послѣ того какъ Карлъ I объявилъ публично, что онъ намѣренъ управлять Англіей безъ парламента, что члены парламента—это змѣи, отравляющія своимъ ядомъ всю Англію. Послѣ этого Карлъ I дѣйствительно управлялъ, безъ участія парламента, подъ руководствомъ своихъ министровъ въ продолженіе двухъ лѣтъ, кореннымъ образомъ нарушая тѣмъ основные законы англійскаго народа. Это столь долго продолжавшееся нарушеніе, исторически сложившейся въ Англіи формы правленія, было причиною всей дальнѣйшей несчастной участи Стюартовъ и привело наконецъ Карла I на эшафотъ.

Карлъ I и его министры не понимали и не хотѣли понять глубокаго различія, существовавшаго въ государственной и политической жизни Англіи и Франціи.

Въ Англіи парламентъ и вся зависящая отъ него административно-судебная организація пустила съ XIII столѣтія такіе глубокіе корни, какихъ никогда не пускали во Франціи средневѣковыя формы и учрежденія къ эпохѣ Бурбоновъ и ихъ знаменитыхъ первыхъ министровъ — Ришелье, Мазарини и великихъ сподвижниковъ Людовика XIV.

Система монархическаго абсолютизма и въ самой Франціи создалась не вдругъ: она была плодомъ, можно сказать, вѣковыхъ усилій энергичныхъ, выдающихся королей, которые, при содѣйствіи талантливыхъ, просвѣщенныхъ министровъ, въ высшей степени систематично и послѣдовательно вели Францію къ этой формѣ правленія, видя въ ней залогъ будущаго ея политическаго могущества, единственный для нея выходъ изъ гнетущаго ее средневѣковаго хаоса. Тамъ, во Франціи, система абсолютной монархіи являлась потребностью времени, вытекала изъ историческихъ условій страны, изъ предшествовавшаго развитія французскаго общества; здѣсь-же, въ Англіи, она, напротивъ, являлась не болѣе какъ личнымъ капризомъ того или другаго Стюарта, управлявшаго Англіей въ то время и впадала даже въ рѣзкую противоположность съ исторически—сложившимися государственными формами парламентаризма, прочно, еще съ среднихъ вѣковъ установившагося въ Англіи, политическая и государственная жизнь которой вѣками развивалась въ этой вѣчной борьбѣ королевской власти съ оппозиціонными ей элементами, въ числѣ которыхъ самое видное мѣсто всегда занималъ парламентъ.

Не сознавая этого глубокаго различія въ основныхъ принципахъ историческаго развитія Англіи отъ континентальныхъ державъ, Карлъ I своею горячностью, своимъ крайнимъ тщеславіемъ и властолюбіемъ дѣлалъ только еще болѣе невозможнымъ примиреніе между враждующими партіями въ странѣ, впадалъ въ постоянныя ошибки, которыя онъ слишкомъ поздно сознавалъ, когда уже не было больше средствъ для ихъ исправленія. Существенное еще различіе между Англіей и Франціей состояло въ томъ, что въ Англіи въ то время не было постояннаго войска, на которое могла бы опереться королевская власть, для проведенія своихъ завѣтныхъ цѣлей, тогда какъ во Франціи, какъ извѣстно, со временъ военныхъ ре-

формъ министра Людовика XIV Лувуа, это войско вѣрно служило постояннымъ оплотомъ принципу абсолютной монархіи.

Къ этому времени относится возвышеніе при дворѣ Карла I новаго министра, сдѣлавшагося скоро самымъ приближеннымъ къ королю сановникомъ. Это былъ Thomas Wentworth, получившій при дворѣ титулъ графа Страффорда — Earl of Strafford. До появленія его при дворѣ Карла I, Wentworth принадлежалъ къ оппозиціи; онъ въ парламентѣ въ блестящихъ рѣчахъ громилъ правительство и самаго короля. Только впослѣдствіи оказалось, что это былъ человѣкъ безъ всякихъ глубокихъ серьезныхъ убѣжденій, что это былъ не болѣе какъ ловкій придворный, хотя и весьма даровитый, всю жизнь свою искавшій только блестящей карьеры, желавшій играть видную роль.

Получивши портфель министра и приблизившись къ королю, онъ удовлетворилъ своему самолюбію и потому ничто больше его не удерживало въ оппозиціи. Онъ перешелъ къ партіи консервативной, къ партіи короля и сталъ съ такою же горячностью и краснорѣчіемъ поддерживать теперь королевскій авторитетъ, съ какими прежде громилъ его, будучи въ оппозиціи. Его цѣль, которую онъ ни отъ кого не скрывалъ, была уничтожить фактически власть парламента, ограничивъ до крайности ея юрисдикцію и замѣнивъ ее по отношенію къ управленію страною, сложною служебною іерархіею, бюрократіею, центромъ и источникомъ которой былъ-бы король. Но для осуществленія этого плана необходимо было постоянное войско, котораго въ то время не было, нужны были блестящіе государственные финансы, а между тѣмъ, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи король вполнѣ зависѣлъ отъ парламента. Поэтому первая забота Страффорда была направлена на открытіе новыхъ источниковъ доходовъ для государства.

Страффордъ нашелъ себѣ ревностнаго и настойчиваго помощника въ проведеніи его системы въ лицѣ архіепископа Laud'a, человѣка вполнѣ честнаго, строгой, безупречной нравственности, который систематично сталъ въ сферѣ церковной администраціи проводить тотъ-же принципъ строгой церковной іерархіи, который Страффордъ проводилъ въ свѣтской административной сферѣ.

Въ вопросахъ религіозныхъ Лоодъ былъ ярымъ фанатикомъ обрядовой стороны религіи; отсюда вытекала его ненависть къ пуританамъ, не признававшимъ церковной іерархіи; онъ возбуждалъ даже противъ нихъ короля и его правительство. Ненавидя пуританъ, онъ сталъ поддаваться вліянію католической партіи и незамѣтно для самого себя, сталъ вводить въ англиканскую церковь всю пышность, весь внѣшній блескъ католическаго культа и тѣмъ открыто возстановилъ противъ себя англійскій народъ, всегда питавшій отвращеніе къ католицизму и считавшій его самого за тайнаго католика.

Подобное направленіе въ религіозныхъ дѣлахъ въ Англіи не могло остаться незамѣченнымъ въ Римѣ, гдѣ оно, конечно, встрѣтило большое сочувствіе.

Для достиженія своихъ цѣлей Страффордъ и Лоодъ принялись за реформы государственныя и церковныя. Къ числу этихъ реформъ относятся возстановленіе „Звѣздной палаты", (такъ называемой по потолку залы, въ которой происходили засѣданія) и открытіе „Высшей комиссіи", въ которой разбирались дѣла духовныя.

„Звѣздная палата" была верховнымъ судилищемъ въ Англіи, который существовалъ еще при Генрихѣ VII, VIII и Елисаветѣ, но собирался онъ въ то время весьма рѣдко. Разбирались въ немъ преступленія противъ государственной власти, такъ называемое въ римскомъ правѣ „crimen laesae majestatis", при чемъ судьи назначались правительствомъ.

Передъ этимъ судомъ, напримѣръ, должна была предстать Марія Стюартъ.

Реформа, предпринятая Страффордомъ, состояла въ томъ, что теперь судъ этотъ изъ временнаго сдѣлался постояннымъ.

Сюда стали привлекаться теперь всѣ тѣ, которые когда либо устно или письменно выразили неудовольствіе противъ правительства; въ особенности привлекались туда пуритане. Съ осужденныхъ бралась денежная пеня, поступавшая въ королевскую казну. Подобныя распоряженія, естественно, возбуждали народный ропотъ; „Звѣздная палата" такимъ образомъ служила Страффорду орудіемъ, для достиженія его цѣли, — возвышенія королевской власти и обогащенія государственной казны.

Одновременно „Высшая комиссія“ служила правительству Стюартовъ духовнымъ судомъ, куда привлекались всѣ еретики, приверженцы различныхъ протестантскихъ сектъ, не признаваемыхъ англійскимъ правительствомъ. Этотъ духовный судъ сталъ такимъ образомъ нравственнымъ, религіознымъ судомъ надъ убѣжденіями и совѣстью англичанъ.

При всей суровости правленія Страффорда, народъ все-таки находился въ относительно сносномъ положеніи, такъ какъ въ государственные планы всемогущаго министра Карла I входила, отчасти, нѣкоторая обезпеченность народной массы. на которую онъ также разсчитывалъ, для поддержки королевскаго могущества. Свидѣтельствомъ относительнаго обезпеченія народа служитъ то, что подати, взимаемыя съ народа, поступали въ то время въ казну довольно равномѣрно.

Стремясь къ пополненію государственной казны, Страффордъ нашелъ еще новый источникъ дохода—именно такъ называемую корабельную подать—„schip money“. Взималась она съ приморскихъ городовъ на содержаніе прибрежнаго флота и ранѣе Страффорда; послѣдній-же распространилъ эту подать и на всѣ города Англіи, безъ ограниченія, для содержанія войска и флота.

Противъ этой мѣры высказалась оппозиція въ парламентѣ въ лицѣ John Hampden'a, на томъ основаніи, что эта подать не была утверждена парламентомъ. Началась по этому поводу цѣлая полемика, появлялась масса брошюръ, разбиравшихъ съ различныхъ точекъ зрѣнія протестъ Hampden'a, вокругъ котораго стали теперь группироваться всѣ недовольные правительствомъ народные элементы.

Кончилось дѣло тѣмъ, что „Звѣздная Палата“ привлекла къ суду Hampden'a и присудила его къ тюремному заключенію, взыскавъ съ него предварительно „schip money.“

Но народное броженіе, возбужденное процессомъ Hampden'a, долго еще послѣ того не стихало. Послѣдній хотѣлъ даже со своимъ родственникомъ—знаменитымъ впослѣдствіи Оливеромъ Кромвелемъ, бѣжать въ Америку, но правительство этому воспрепятствовало.

Недоразумѣнія короля съ парламентомъ, превращавшіяся мало по малу въ явную, открытую борьбу, еще болѣе усилились во время возстанія, вспыхнувшаго въ Шотландіи въ

1637 г., когда Карлъ I сталъ насильно вводить въ ней эпископальное вѣроисповѣданіе. Король нѣсколько разъ созывалъ и распускалъ парламентъ, подъ вліяніемъ все усиливавшейся оппозиціи. Въ 1640 г. созываетъ онъ парламентъ, засѣданія котораго продолжаются 11 лѣтъ, за что получилъ онъ въ исторіи Англіи названіе „долгаго парламента.“ Этотъ послѣдній во всѣхъ бѣдствіяхъ, во всей неурядицѣ, господствовавшей въ то время, прямо обвинялъ ближайшихъ совѣтниковъ Карла I—Страффорда и Лоода и привлекалъ ихъ даже къ суду.

Привлеченіе Страффорда къ суду парламентомъ имѣло громадное значеніе для короля; оно равносильно было осужденію парламентомъ всей его государственной системы, поэтому всевозможными уступками старается онъ смягчить парламентъ и добиться отъ него, чтобы онъ не привлекалъ къ суду его министровъ. Между прочимъ тогда-же было постановлено, что король обязанъ созывать парламентъ для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, непремѣнно черезъ каждые три года, (это постановленіе носило названіе „Trinial act“); но главное, чего добился парламентъ отъ короля, это уничтоженія тѣхъ учрежденій, которыя служили главнымъ оплотомъ королевской власти въ Англіи, именно: „звѣздной палаты“ и „высшей комиссіи“.

Не смотря на всѣ эти капитальныя уступки парламенту, Карлу I все-таки не удалось отстоять своего министра. По возвращеніи послѣдняго изъ Ирландіи, гдѣ онъ вербовалъ войска противъ возставшихъ шотландцевъ, возбужденъ былъ противъ него процессъ парламентомъ, который обвинялъ его даже въ государственной измѣнѣ, въ измѣнѣ вѣковымъ, освященнымъ традиціею учрежденіямъ англійскаго народа. Судъ надъ Страффордомъ происходилъ въ „высшей палатѣ“ парламента. Онъ не пожелалъ имѣть защитника, и въ блестящей, краснорѣчивой и прочувственной рѣчи очертилъ свою государственную систему, указывая на громадную пользу, которую она приносила Англіи. Эта рѣчь произвела такое сильное впечатлѣніе на присутствующихъ, что нѣкоторые изъ членовъ „Нижней камеры“, желавшіе его осужденія, опасаясь оправдательнаго приговора отъ большинства судей, внесли въ парламентъ такъ называемый „Bill of attainder“, заключав-

шійся въ томъ, что парламентъ имѣетъ право осудить человѣка, по одному лишь подозрѣнію. Мѣра эта, впрочемъ существовала и раньше; примѣнялась она въ самыхъ крайнихъ случаяхъ, когда отечеству угрожала опасность. На основаніи этого „Bill of attainder", враги Страффорда, не будучи въ состояніи обвинить его по пунктамъ, взведеннаго на него обвиненія, обвинили его по подозрѣнію въ государственной измѣнѣ и Карлъ I въ 1641 г. принужденъ былъ подписать смертный приговоръ своему любимому министру. Нѣсколько лѣтъ спустя въ 1645 г. казненъ былъ, по требованію парламента, и второй совѣтникъ короля—архіепископъ Laud.

Положеніе короля было чрезвычайно затруднительное. Онъ удалился въ Шотландію, надѣясь на помощь мѣстнаго населенія, разсчитывая на давнишнюю преданность шотландцевъ династіи Стюартовъ. Между тѣмъ и здѣсь его ожидала неудача. Въ то время какъ онъ рядомъ уступокъ привлекалъ шотландцевъ на свою сторону, въ Ирландіи вспыхнуло возстаніе изъ-за религіозныхъ вопросовъ, изъ-за насильственнаго введенія въ ней богослуженія по обряду эпископальной церкви. Мѣстное населеніе въ Ирландіи, большая часть котораго была кельтскаго происхожденія, принадлежало католическому вѣроисповѣданію. Волненія въ народѣ, возбужденномъ религіозною борьбою, еще болѣе усилились, вслѣдствіе непослѣдовательности политики правительства, которое при Страффордѣ, нуждаясь въ содѣйствіи Ирландіи, весьма равнодушно относилось къ религіознымъ убѣжденіямъ ирландцевъ, домогаясь отъ нихъ только поддержки королевскому правительству, взамѣнъ различныхъ, обѣщанныхъ Страффордомъ, правъ и преимуществъ, впрочемъ вовсе не гарантированныхъ правительствомъ.

Теперь-же, послѣ казни Страффорда, эта широкая вѣротерпимость неожиданно смѣнилась насильственными мѣрами правительства, съ цѣлью обязательнаго введенія въ Ирландіи эпископальной церкви. Эти суровыя мѣры, эти гоненія въ дѣлѣ религіозныхъ вѣрованій и убѣжденій, конечно, весьма раздражали ирландцевъ, которые для защиты своей религіи, вѣры своихъ предковъ, рѣшились возстать съ оружіемъ въ рукахъ. Началась страшная рѣзня. Англичане, бывшіе въ Ирландіи, не успѣвшіе бѣжать, были избиты.

Парламентъ сдѣлалъ воззваніе къ англійскому народу, въ защиту Лондона и парламента противъ короля, котораго онъ обвинялъ въ возбужденіи ирландцевъ.

Въ самомъ парламентѣ выступили двѣ враждебныя другъ другу партіи, вносившія еще бо̀льшее разъединеніе въ обезсиленную внутренними раздорами Англію.

Эти двѣ партіи были—умѣренная партія, къ которой принадлежало значительное меньшинство, державшая отчасти сторону короля и не желавшая коренныхъ реформъ, и болѣе многочисленная партія, ратовавшая за совершенное обезсиленіе королевскаго вліянія и за полное подчиненіе короля постановленіямъ парламента.

Къ первой изъ нихъ—къ умѣренной партіи, носившей названіе „партіи кавалеровъ", принадлежало высшее духовенство въ Англіи, аристократія и всѣ явные и тайные католики; къ партіи же радикальной, требовавшей коренныхъ реформъ, въ смыслѣ расширенія правъ парламента до полнаго подчиненія ему королевской власти и полной вѣротерпимости—принадлежали представители прочихъ сословій въ Англіи, а въ религіозномъ отношеніи—пуритане и радикальная ихъ фракція — индепенденты. Носили они названіе „круглоголовыхъ", такъ какъ носили короткіе волосы.

Вернувшись изъ Шотландіи, Карлъ I нашелъ Лондонъ въ сильно возбужденномъ состояніи; парламентъ—сильно противъ него настроеннымъ. Парламентъ постоянно издавалъ новые законы, прямо нарушавшіе основныя государственныя установленія Англіи и всѣ вѣками освященные прерогативы королевской власти; такъ напримѣръ, издалъ онъ законъ, дававшій исключительно парламенту право набора войска, назначенія и утвержденія главныхъ его начальниковъ и всѣхъ должностныхъ лицъ въ королевствѣ. Отнятіе всѣхъ этихъ правъ отъ короля и передача ихъ парламенту, было равносильно уничтоженію всякой фактической власти короля и обращенію ея въ совершенно лишнюю синекуру.

Король, конечно, отказался утвердить эти новые законы, внесенные парламентомъ; онъ сталъ домогаться выдачи ему главныхъ руководителей оппозиціи для того, чтобы ихъ арестовать и тѣмъ прекратить волненія. Но покушаясь на граж-

данскую свободу членовъ парламента, онъ тѣмъ самымъ вполнѣ нарушалъ постановленія „Magna Charta Libertatum", вполнѣ гарантировавшей гражданскую свободу всякаго англійскаго гражданина. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ этой продолжительной борьбѣ короля съ парламентомъ, каждая изъ враждующихъ сторонъ постоянно впадала въ рядъ ошибокъ, прямо нарушавшихъ основные законы страны и тѣмъ, разумѣется, только еще болѣе возбуждала общественное мнѣніе въ Англіи.

Карлъ I, опасаясь народнаго волненія въ Лондонѣ, переселился въ Іоркъ въ 1642 году. Здѣсь вокругъ него стали группироваться приверженцы его партіи—„кавалеры"; „круглоголовые"—же группировались около парламента. Каждая изъ этихъ партій набирала войско, готовая при первомъ удобномъ случаѣ ринуться другъ на друга.

На континентѣ Карлу I не удалось себѣ найти союзниковъ. Вся западная Европа была въ то время занята кровопролитною тридцатилѣтнею войною, выдвинувшею на первый планъ вопросы чисто политическіе, давно смѣнившіе вопросы религіозные, изъ-за которыхъ началось въ Германіи въ XVI столѣтіи реформаціонное броженіе.

Главнокомандующимъ надъ королевскими войсками назначенъ былъ племянникъ Карла I, курфюрстъ Рупрехтъ Пфальцкій, опытный полководецъ.

Главное, что стѣсняло короля—это было отсутствіе денегъ, не хватавшихъ на содержаніе войска; тогда какъ враждебная ему партія—„круглоголовыхъ", поддерживавшая парламентъ, была щедро снабжена деньгами, такъ какъ англійскій народъ, большею частью примкнувшій къ ней и смотрѣвшій на эту борьбу королевской власти съ парламентомъ, какъ на отстаиваніе послѣднимъ вѣковыхъ правъ англійскаго народа отъ узурпаціи ихъ королемъ, всѣми своими симпатіями стоялъ на сторонѣ парламента, снабжая его деньгами, жертвуя послѣднимъ своимъ достояніемъ на дѣло, которое онъ считалъ народнымъ, патріотичнымъ. За то у партіи парламента не было достойныхъ руководителей. Во главѣ войска стояла бездарная личность—графъ Эссексъ, который при первой же стычкѣ съ королевскими войсками потерпѣлъ полное пораженіе.

Къ этому же времени, т. е. къ сороковымъ годамъ XVII столѣтія относится появленіе на политической аренѣ Англіи знаменитаго представителя партіи „индепендентовъ"—Оливера Кромвеля.—Это былъ человѣкъ, проникнутый глубокими религіозными убѣжденіями, мечтавшій объ осуществленіи какого-то „царствія Божія" на землѣ, въ которомъ должны были господствовать полная свобода совѣсти, идеальная справедливость между людьми, живущими на основаніи предписаній, почерпаемыхъ изъ священнаго писанія. Послѣдователи его религіозной доктрины—индепенденты, фанатично вѣрили въ возможность осуществленія на землѣ такого „царствія Божія", и готовы были съ оружіемъ въ рукахъ выступить для его провозглашенія. Кромвель со своими войсками примкнулъ къ партіи парламента и въ битвѣ при Морстонмурѣ въ 1644 г. разбилъ на голову королевскія войска, при чемъ взялъ приступомъ городъ Іоркъ.

Этой побѣдой онъ сразу завоевалъ всѣ симпатіи англійскаго народа и возбудилъ въ партіи парламента желаніе выработать такое законодательство, которое-бы навсегда гарантировало-бы парламентъ отъ возможныхъ столкновеній съ королевскимъ правительствомъ, изъ за предѣловъ обоюдной власти.

Результатомъ этихъ законодательныхъ попытокъ въ этомъ направленіи было обнародованіе парламентомъ слѣдующихъ законовъ, упрочивавшихъ положеніе пуританъ въ Англіи.

1) Пресвитеріанское вѣроисповѣданіе объявлено господствующимъ въ Англіи; 2) уничтожены: „common prayer-book", англиканская литургія, церковная іерархія, вся церковная обстановка. Пресвитеріанскіе пасторы, удаленные въ управленіе Лоода, снова заняли свои мѣста. Самъ-же Лоодъ былъ казненъ, какъ намъ извѣстно, по обвиненію въ государственномъ преступленіи въ 1645 г. Религіозныя преслѣдованія послѣ этого нисколько не прекратились, измѣнился только характеръ ихъ; какъ прежде пуритане преслѣдовались епископальною церковью, такимъ-же образомъ теперь, наоборотъ, пуритане стали преслѣдовать приверженцевъ епископальной церкви.

Партія парламента все усиливалась и начинала пріобрѣтать рѣшающій голосъ въ государственномъ управленіи. Но

и въ самой этой партіи скоро возникли несогласія, происходящія отъ различія въ пониманіи религіозныхъ и политическихъ догматовъ.

Такъ называемая „лѣвая“ парламента, состоявшая преимущественно изъ индепендентовъ, къ которымъ принадлежалъ и Кромвель, стала мало по малу рѣзко отдѣляться въ своихъ воззрѣніяхъ отъ умѣренной партіи парламента, отъ пуританъ. Въ то время какъ индепенденты стояли за полную вѣротерпимость, (исключая, впрочемъ, католическій культъ), за гражданскую свободу личности и за крайнее ограниченіе королевской власти, долженствующей перейти въ руки народа; однимъ словомъ, за чисто республиканскія воззрѣнія, пуритане, естественно, стояли за прежній порядокъ вещей, обезпечивавшій имъ религіозную и политическую свободу и даже упрочивавшій за пресвитеріанскимъ вѣроисповѣданіемъ первенствующее значеніе въ Англіи.

Индепенденты, недовольные вліяніемъ пресвитеріанскаго духовенства, указывали на все продолжающійся его деспотизмъ, только перешедшій къ пресвитеріанамъ изъ рукъ епископальной церкви.

На сторонѣ индепендентовъ стояло войско съ Кромвелемъ во главѣ, опираясь на котораго индепенденты стали проводить въ парламентѣ законы, значительно расширявшіе ихъ права и лишавшіе возможности пуританъ, какъ членовъ верхней или нижней палаты парламента, занимать какую либо гражданскую должность или выдающееся мѣсто въ качествѣ начальника сухопутныхъ или морскихъ силъ.

На основаніи этого закона, такъ называемаго, „акта самоотреченія“, Эссексъ, какъ членъ верхней палаты, долженъ былъ выйти въ отставку и на его мѣсто назначенъ былъ Ферфаксъ, человѣкъ хотя и весьма отважный и смѣлый, но вполнѣ зависимый отъ Кромвеля въ политическомъ отношеніи.

Скоро королевскія войска были совершенно разбиты Кромвелемъ въ битвѣ при городѣ Neseby въ 1645 г., имѣвшей рѣшительный исходъ для короля, положеніе котораго становилось тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что къ его несчастію. часть его переписки съ иностранными кабинетами, въ которой онъ просилъ у нихъ помощи противъ своихъ же подданныхъ, попалась въ это время въ руки индепендентовъ и

такимъ образомъ для всѣхъ ясно въ Англіи обнаружились его тайные планы. Эта переписка теперь, по повелѣнію Кромвеля, была напечатана во всеобщее свѣдѣніе, что, естественно, только подорвало послѣдніе остатки уваженія англійскаго народа къ королю.

Стали ходить слухи, что онъ и въ Ирландіи старался возбудить возстаніе, чтобы имъ воспользоваться для своихъ цѣлей.

Послѣ обнародованія этой переписки, всякія попытки къ примиренію короля съ парламентомъ, наконецъ, съ самой Англіей, были совершенно безполезны; онъ навсегда потерялъ возможность найти себѣ опору въ національныхъ элементахъ страны и потому, покинутый войскомъ, лишенный всякихъ матеріальныхъ средствъ, онъ удалился въ крѣпость Оксфордъ, которую стали осаждать войска индепендентовъ, когда Карлъ I рѣшился наконецъ бѣжать въ Шотландію, гдѣ онъ надѣялся составить себѣ партію; но онъ скоро и въ этомъ долженъ былъ горько разочароваться.

Въ сороковыхъ годахъ XVII столѣтія въ Шотландіи одержала верхъ, послѣ продолжительной религіозной борьбы, партія реформатора Нокса, т. е. партія ярыхъ пресвитеріанъ, ненавидѣвшая монархическую власть и носившая въ себѣ характеръ отчасти республиканскій.

Эта партія, конечно, не могла сочувствовать Карлу I и нисколько не спѣшила къ нему на помощь, хотя и вступила съ нимъ въ переговоры. Она даже скоро выдала Карла I за огромную сумму денегъ англійскому парламенту, который его заточилъ въ замкѣ. Это было въ 1647 году.

Казалось бы съ плѣненіемъ короля парламентомъ, внутренняя война, такъ долго раздиравшая Англію, должна была сама собою прекратиться. Между тѣмъ въ самомъ парламентѣ снова возникаютъ несогласія, причиною которыхъ было предложеніе, высказанное пуританами, о распущеніи войска, въ виду окончанія войны.

Побужденіемъ къ этому предложенію служило для пуританъ то обстоятельство, что войско состояло вполнѣ въ распоряженіи партіи индепендентовъ и потому пуритане опасались оставлять въ рукахъ своихъ противниковъ такое сильное орудіе, могущее при случаѣ обратиться и противъ нихъ.

Между тѣмъ войско, подстрекаемое отчасти самимъ Кромвелемъ, бунтовалось изъ за неуплаты ему парламентомъ жалованья. Кромвелю удалось во время общей сумятицы перевести Карла I изъ того замка, гдѣ онъ былъ заключенъ парламентомъ, въ другой, находящійся въ самомъ центрѣ лагеря индепендентовъ, въ замокъ Hamptoncourt и такимъ образомъ вполнѣ овладѣть личностью короля, устранивъ парламентъ отъ рѣшенія его судьбы.

Индепенденты, пользуясь своею побѣдою, потребовали исключенія изъ парламента нѣсколькихъ членовъ пуританъ, обвиняя ихъ въ переговорахъ съ королемъ, съ цѣлью измѣнить основнымъ, государственнымъ законамъ. Этого имъ и удалось добиться; 11 членовъ парламента, ярые пуритане, были смѣнены лицами, поддерживавшими интересы индепендентовъ.

Всѣмъ этимъ движеніемъ въ парламентѣ въ пользу партіи индепендентовъ тайно руководилъ Кромвель, который, имѣя въ то время въ своихъ рукахъ судьбу короля и пользуясь громаднымъ вліяніемъ на внутреннюю политику Англіи, начиналъ тѣмъ не менѣе колебаться, не зная, что ему предпринять съ Карломъ I.

Ему пришлось бороться съ крайними партіями въ парламентѣ, шедшими въ своихъ требованіяхъ еще гораздо дальше индепендентовъ, желавшими полнаго равенства между сословіями, полной вѣротерпимости и равномѣрнаго распредѣленія собственности между всѣми. Стремленія этой партіи носили въ себѣ черты чисто соціалистическія и имѣли много сходства съ воззрѣніями анабаптистовъ.

Между тѣмъ королю удалось бѣжать изъ замка, гдѣ онъ находился, на островъ Вайтъ, но скоро его опять поймали и объявили отрѣшеннымъ отъ престола, за возбужденіе междоусобной войны, такъ какъ въ то-же время въ Шотландіи вспыхнуло возстаніе въ пользу короля.

Это возстаніе, не принеся никакой пользы королю, имѣло однако весьма гибельныя для него послѣдствія, такъ какъ поддерживало въ представителяхъ самыхъ различныхъ партій убѣжденіе, что пока живъ будетъ король въ Англіи, до тѣхъ поръ невозможно политическое спокойствіе внутри

страны. Это убѣжденіе раздѣлялъ и Кромвель; онъ смотрѣлъ на казнь короля, какъ на страшную, роковую катастрофу, но тѣмъ не менѣе какъ на неизбѣжную развязку вѣковой борьбы королевской власти съ парламентомъ, какъ на послѣдній кровавый актъ этой борьбы. Неизбѣжность этой роковой развязки вытекала изъ цѣлаго ряда увлеченій, ошибокъ и превышеній власти, допущенныхъ обѣими враждующими сторонами, и теперь, въ половинѣ XVII столѣтія, являлась политическою необходимостью, для огражденія Англіи отъ кровавой революціи, для водворенія въ ней снова общественнаго спокойствія и безопасности.

Отпустить короля на континентъ, значило возбудить противъ Англіи западно-европейскія державы, которыя въ этотъ вѣкъ господства монархическаго абсолютизма готовы будутъ, пожалуй, поддержать короля—изгнанника, имѣя конечно въ виду этой войной преслѣдовать и свои династическія и политическія цѣли; держать его въ плѣну въ предѣлахъ Англіи—значило готовиться къ безконечной внутренней борьбѣ партій, къ внутреннему ослабленію всего государственнаго организма; на возможность-же примиренія съ королемъ не было никакой надежды, такъ какъ многочисленныя попытки, сдѣланныя въ этомъ направленіи, до сихъ поръ оказались всѣ безуспѣшными. Къ тому-же партійныя страсти въ Англіи въ эту эпоху до того разыгрались, поддерживаемыя и развиваемыя вѣковою борьбою парламента съ правительственными органами, струны до того были натянуты, общественное мнѣніе до того возбуждено, что на мирную развязку этой политической и сословной драмы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было разсчитывать. Оставалось одно послѣднее средство для освобожденія Англіи отъ пагубнаго для ея внутренняго спокойствія вліянія партіи короля, это было—политическое убійство короля, это была его политическая казнь.

Но для того чтобы судить короля, надо было найти такія вѣскія, неопровержимыя противъ него обвиненія, которыя-бы ясно для всего народа выставили бы его политическую измѣну родинѣ.

Это обстоятельство для Кромвеля затруднялось еще тѣмъ, что большинство тогдашняго состава парламента состояло

изъ пуританъ, ненавидѣвшихъ индепендентовъ, вожакомъ которыхъ былъ, какъ извѣстно, Кромвель. Эта партія парламента до того ненавидѣла индепендентовъ, что рѣшилась-бы, только для ослабленія ихъ вліянія, оправдать короля, если бы ей предстояло высказаться относительно его участи, чтобы, разсчитывая на его благодарность, завоевать себѣ снова первенствующее мѣсто въ управленіи дѣлами Англіи. Между тѣмъ одинъ только парламентъ могъ высказаться, какъ легальное и компетентное учрежденіе, въ дѣлѣ привлеченія короля къ суду въ государственной измѣнѣ.

Въ виду ненадежности тогдашняго состава парламента, не отвѣчающаго возлагаемымъ на него надеждамъ въ дѣлѣ осужденія короля, Кромвель рѣшился прибѣгнуть опять-таки къ крайней мѣрѣ, обезпечивавшей ему надежность желательнаго для его цѣлей состава парламента,—а именно, онъ рѣшился на насильственную мѣру, онъ рѣшился очистить парламентъ отъ нежелательныхъ, не отвѣчающихъ его видамъ членовъ, замѣнивъ ихъ своими приверженцами. Отрядъ войска, вступившій въ зданіе парламента, арестовалъ болѣе 80 членовъ, высказывавшихъ оппозицію политической программѣ Кромвеля.

Этотъ эпизодъ насильственнаго вторженія въ парламентъ партіи индепендентовъ носитъ въ исторіи парламентаризма въ Англіи названіе „Прайдовой очистки парламента", такъ какъ начальникомъ вступившаго въ зданіе парламента отряда былъ полковникъ Прайдъ. Обвиненіе короля въ государственной измѣнѣ, въ нарушеніи имъ основныхъ, освященныхъ вѣковою традиціею, государственныхъ англійскихъ законовъ, въ пользу расширенія своей королевской власти, поступило на разсмотрѣніе верхней палаты парламента, которая его отклонила, высказавшись въ томъ смыслѣ, что виновникомъ безурядицы въ странѣ и политическаго хаоса былъ не король, а его первые министры—Страффордъ и архіепископъ Лоодъ, уже подвергшіеся казни, а потому королю не приходится уже болѣе за нихъ отвѣчать.

Послѣ неудачи въ верхней палатѣ, партія, желавшая осужденія короля, перенесла разсмотрѣніе его дѣла въ нижнюю палату, которая, приступая къ его обсужденію, высказала то самое положеніе, которое полтораста лѣтъ спустя

было высказано во Франціи, въ началѣ французской революціи 1789 года.

Въ этомъ положеніи нижняя палата парламента высказывала, что она одна является истиннымъ представителемъ народной воли; верхняя-же палата, т. е. аристократія, является представителемъ только одного сословія, а отнюдь не цѣлаго народа, а потому можно безъ него и обойтись въ вопросѣ, касающемся интересовъ всего народа.

Для верховнаго суда надъ королемъ были выбраны 135 членовъ нижней палаты. Карлъ I самъ защищался съ необыкновеннымъ достоинствомъ и рѣдкимъ краснорѣчіемъ, но участь его была уже напередъ рѣшена.

Онъ былъ обвиненъ нижней палатой парламента въ государственной измѣнѣ, въ деспотизмѣ, въ возбужденіи междоусобной войны и въ сношеніяхъ съ врагами отечества.

30 января 1649 г. Карлъ I сложилъ голову на эшафотѣ. Его казнь, явленіе, впервые случившееся въ исторіи западной Европы, произвела страшное, томительное впечатлѣніе.

Въ Россіи Алексѣй Михайловичъ, подъ впечатлѣніемъ этой казни, прекратилъ всѣ торговыя сношенія съ Англіей и лишилъ англійскихъ купцовъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ ими торговыхъ привилегій.

Но политическая казнь Карла I, допущенная Кромвелемъ, была величайшею ошибкою съ его стороны. Она, какъ и всѣ прочія политическія убійства, не достигла той цѣли, изъ-за которой была предпринята. Она только еще болѣе возбудила народное волненіе, разжигая народныя страсти, и незамѣтно подготовляла въ народѣ желаніе, для очистки его запятнанной совѣсти, снова призвать на престолъ представителя той же династіи Стюартовъ, которая была причиною всѣхъ постигшихъ Англію за это полстолѣтіе несчастій. Карлъ II Стюартъ дѣйствительно и вступилъ въ 1660 году на престолъ Англіи.

Ошибку свою англійскій народъ созналъ только впослѣдствіи; непосредственно-же за казнью Карла I, онъ громко радовался его смерти, разсчитывая приступить къ переформированію всего государственнаго строя.

Англія была объявлена республикой, составъ парламента былъ совершенно обновленъ и получилъ оффиціальное назва-

ніе „Національнаго Конвента“, верхняя его палата была распущена.

Исполнительная власть сосредоточилась въ рукахъ „государственнаго совѣта“, состоявшаго изъ 42 членовъ. Возстановлена была „звѣздная палата“, какъ верховный судъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Пресвитеріанское вѣроисповѣданіе объявлено господствующимъ, что не исключало полной вѣротерпимости въ религіозныхъ вопросахъ.

Молодой, возникшей въ Англіи послѣ казни Карла I, республикѣ, пришлось тотчасъ-же вступить въ борьбу съ возмутившимися ирландцами и шотландцами, среди которыхъ королевская власть не потеряла еще своего престижа.

Послѣднихъ мучила совѣсть. Извѣстно, что они выдали Карла I за 400,000 фунтовъ стерлинговъ англійскому парламенту.

Приверженцы королевской партіи, принужденные, при объявленіи республики въ Англіи, покинуть ее, удалились въ Ирландію, гдѣ подготовляли почву и настраивали общественное мнѣніе въ пользу королевской идеи.

Они поддерживали кандидатуру на королевскій престолъ сына Карла I, Карла II, жившаго въ то время въ Голландіи.

Ирландцевъ въ ихъ симпатіяхъ къ Карлу II поддерживалъ еще религіозный вопросъ, такъ какъ большинство населенія было католическое, а Стюарты всегда покровительствовали католическому культу.

Одновременно съ Ирландіею возстаетъ противъ республики и Шотландія, гдѣ уже набрано было войско, которое готовилось выступить для осады Лондона, съ цѣлью насильно посадить на англійскій престолъ Карла II.

Противъ возмутившихся областей было послано республиканское войско, подъ начальствомъ самого Кромвеля, который безъ всякой пощады разорялъ и сжигалъ все на своемъ пути. Его путь былъ буквально усыпанъ трупами; множество плѣнныхъ отправлено было на островъ Ямайку на каторжныя работы, преимущественно на плантаціи, гдѣ они большею частью умирали отъ истощенія силъ.

Съ этихъ поръ пресвитеріанская церковь сдѣлалась господствующею въ Ирландіи, которая обязывалась оффиціаль-

но содержать, какъ католическую, такъ и пресвитеріанскую церковь въ странѣ и только уже въ наше время, въ 1869 г., прошелъ наконецъ „bill“ объ освобожденіи Ирландіи отъ обязательнаго содержанія пресвитеріанской церкви, какъ господствующаго культа.

Между тѣмъ Карлъ II успѣлъ уже короноваться въ Шотландіи, но успѣхи его тамъ были непродолжительны. Кромвель во главѣ войска индепендентовъ, явившись въ Шотландію, разбилъ королевскія войска и взялъ Эдинбургъ.

Карлъ II, переодѣтый въ крестьянское платье, долго скитался по городамъ и лѣсамъ Шотландіи, пока ему не удалось бѣжать во Францію.

Въ 1652 г. Шотландія признала себя de jure союзною республикою Англіи. Карлъ II нашелъ убѣжище въ Голландіи, у тогдашняго штатгальтера Вильгельма Оранскаго, родственника Стюартовъ.

Слѣдить за внѣшними событіями исторіи Англіи въ XVII столѣтіи, мы здѣсь не можемъ.

Мы задались цѣлью прослѣдить вѣковую борьбу въ Англіи королевской власти съ парламентомъ, борьбу, начавшуюся со вступленіемъ на престолъ династіи Стюартовъ и доказавшую вполнѣ всю несостоятельность и непримѣнимость для Англіи государственныхъ и политическихъ теорій, заимствованныхъ Стюартами изъ Франціи, изъ той знаменитой системы абсолютной монархіи, которая, проводимая во второй половинѣ XVII столѣтія Людовикомъ XIV во всемъ своемъ блескѣ, стала и для всей западной Европы этой эпохи тою государственною и политическою формою, въ которую облекали монархи свои воззрѣнія на управленіе народами.

Поэтому мы не можемъ здѣсь останавливаться на тогдашней внѣшней политикѣ молодой республики, смѣнившей монархію Стюартовъ, на возникшей въ 1651 г. у Англіи войнѣ съ Голландіей, кончившейся побѣдою Англіи и признаніемъ могущества ея морскихъ силъ, а должны вернуться къ занимающему насъ здѣсь вопросу—къ парламентской борьбѣ, имѣвшей такое рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее политическое развитіе Англіи, на ея государственный и соціальный строй.

Возвращаясь къ внутренней политикѣ Англіи въ эту

эпоху, слѣдуетъ замѣтить, что Кромвель, стремясь, какъ извѣстно, къ осуществленію какого-то теократическаго государства съ ветхозавѣтнымъ оттѣнкомъ, неизбѣжно долженъ былъ столкнуться съ оппозиціею своимъ неопредѣленнымъ, мистическимъ планамъ въ лицѣ англійскаго парламента, состоявшаго въ то время почти исключительно изъ пуританъ, преслѣдовавшихъ, конечно, свои партійныя цѣли, вполнѣ противоположныя цѣлямъ индепендентовъ. Въ этой борьбѣ Кромвеля, главы индепендентской партіи, съ своими противниками—пуританами и высказалась въ полной рѣзкости вся его суровая, непреклонная, не знающая ни малѣйшей пощады натура, вся желѣзная воля этого фанатика религіозной идеи, не допускающаго возможности, какъ и всѣ фанатики, малѣйшаго отступленія отъ разъ намѣченной имъ цѣли. Этотъ человѣкъ, стремившійся въ теоріи къ идеальному правосудію, къ водворенію на землѣ царствія Божія, гдѣ господствовала-бы полная справедливость между людьми и широкая равноправность, въ дѣйствительности, когда дѣло касалось его религіозныхъ и политическихъ воззрѣній, готовъ былъ проводить ихъ съ оружіемъ въ рукахъ, нисколько не стѣсняясь употреблять противъ своихъ противниковъ физическую силу, въ лицѣ войска, всегда служившаго главною опорою его политической дѣятельности.

Столкновенія Кромвеля съ парламентомъ возникли тотчасъ-же по окончаніи голландской войны, вслѣдствіе предложенія парламента уменьшить сухопутное войско, оказывавшееся для Англіи, какъ морской державы, и въ военное время, весьма мало полезнымъ. Кромвель на такую мѣру не могъ, конечно, согласиться потому, что войско было ему нужно для борьбы съ парламентомъ; съ распущеніемъ же войска, парламентъ грозилъ сдѣлаться вполнѣ самовластнымъ и потому весьма опаснымъ противникомъ всей его политической программы. Онъ потому не задумывается передъ мыслью снова прибѣгнуть къ насильственнымъ мѣрамъ, для распущенія парламента и для арестованія вліятельнѣйшихъ его членовъ, представляющихся ему опасными для его плановъ. Онъ вступаетъ во главѣ сильнаго отряда въ зданіе парламента и арестуетъ главныхъ руководителей оппозиціи, послѣ чего весь составъ парламента былъ обновленъ лица-

ми, вполнѣ раздѣлявшими воззрѣнія Кромвеля и потому при новомъ составѣ парламентъ становился конечно послушнымъ орудіемъ въ рукахъ всемогущаго Кромвеля.

Этотъ вновь сформированный парламентъ, члены котораго носили библейскія имена: Исаіи, Аввакума, Маѳусаила, Іезекіила и другихъ, сталъ стремиться къ переустройству англійскаго общества, по образу еврейскаго общества ветхозавѣтныхъ временъ.

Большинство этого состава парламента слѣпо подчинялось желаніямъ Кромвеля, но меньшинство продолжало оказывать ему сильнѣйшую оппозицію. Недовольный ею, Кромвель вторично распустилъ парламентъ.

Наконецъ въ 1653 г. введена была въ Англіи, выработанная въ государственномъ совѣтѣ, подъ ближайшимъ руководствомъ Кромвеля, новая конституція, основныя положенія которой состояли въ слѣдующемъ: 1) законодательная власть находилась въ рукахъ парламента, состоявшаго изъ 400 членовъ, собиравшагося каждые 3 года и имѣвшаго право голоса, при замѣщеніи высшихъ государственныхъ должностей; 2) исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ государственнаго совѣта, во главѣ котораго находился лордъ-протекторъ республики, состоявшій вмѣстѣ съ тѣмъ и главнымъ начальникомъ всѣхъ морскихъ и сухопутныхъ силъ Англіи.

Лордъ-протекторъ, въ которые былъ немедленно избранъ Кромвель, самъ имѣлъ право избрать себѣ преемника. Опираясь на сильное войско, онъ, конечно, являлся настоящимъ, полноправнымъ монархомъ въ республиканской Англіи, чѣмъ въ дѣйствительности и оказывался въ это время Кромвель.

Это „протекторство“ надъ республикой привело, въ сущности говоря, Англію къ чистой диктатурѣ Кромвеля, продолжавшейся 5 лѣтъ (1653—1658 г.). Въ продолженіе этой диктатуры Англія, благодаря разумной внѣшней политикѣ Кромвеля, поддерживала свое значеніе въ Европѣ удачными войнами съ Голландіею и дипломатическими переговорами съ Франціей. Если внѣшняя политика Кромвеля увѣнчалась успѣхомъ, за то внутри страны ему приходилось выдерживать постоянную, неутомимую борьбу съ оппозиціонными ему элементами въ парламентѣ, съ рѣдкою настойчивостью и по-

слѣдовательностью выступавшими противъ его политической программы.

Эта продолжительная, упорная борьба наконецъ подорвала силы и у желѣзной воли маститаго Кромвеля, до старости сохранившаго всю горячность и энергію слѣпо вѣрующаго въ свою идею фанатика. Съ годами его убѣжденія нѣсколько видоизмѣнились въ томъ отношеніи, что онъ началъ допускать возможность болѣе мягкихъ, болѣе гуманныхъ отношеній къ враждебной ему партіи; онъ началъ сдаваться на нѣкоторые компромиссы съ нею и постепенно, путемъ глубокаго размышленія и горькаго личнаго опыта, приходилъ даже къ убѣжденію, что для блага родины, для достиженія настоящаго ея благоденствія, республиканская форма правленія является не своевременною и потому вредною, что форма ограниченной монархіи гораздо болѣе отвѣчала тогдашнему политическому развитію Англіи. Онъ такимъ образомъ постепенно убѣждался въ непримѣнимости и въ несвоевременности для Англіи его индепендентскаго идеала—какой-то теократической республики въ ветхозавѣтномъ духѣ. Онъ хотя это открыто никому не высказывалъ, но тѣмъ нѐ менѣе эта существенная перемѣна въ его воззрѣніяхъ инстинктивно чувствовалась всѣми. Онъ какъ будто хотѣлъ подготовить Англію къ мирному переходу къ другому образу правленія; онъ желалъ, чтобы этотъ переходъ былъ естественнымъ слѣдствіемъ постепеннаго развитія парламентаризма въ Англіи и потому старался подготовить общественное мнѣніе къ возвращенію къ прежней монархической формѣ правленія.

Въ этой нравственной ломкѣ его глубокихъ политическихъ убѣжденій и высказалась вся честная, вся правдивая натура Кромвеля. Онъ горячо, съ энергіею воевалъ съ политическими взглядами и идеалами враждебной ему партіи пуританъ въ парламентѣ до тѣхъ поръ, пока слѣпо вѣрилъ въ ихъ вредныя послѣдствія для Англіи и въ превосходство его собственной политической программы; но лишь только онъ убѣдился въ ея неосуществимости, а слѣдовательно и въ ея непригодности, онъ честно, правдиво отъ нея отрекается; онъ имѣетъ гражданское мужество сознать свою многолѣтнюю политическую ошибку и въ виду пользы общественной, блага своей родины, рѣшается навсегда отъ нея отказаться и даже

подготовить страну, къ проведенію той самой системы, противъ которой онъ ратовалъ всю свою жизнь и пользу и необходимость которой для Англіи онъ созналъ только передъ самою смертью, передъ самымъ выходомъ его съ политической арены.

Эта рѣзкая перемѣна въ его воззрѣніяхъ скоро замѣчена была индепендентскою партіею въ парламентѣ и встрѣчена была ею очень несочувственно. Его открыто стали подозрѣвать въ стремленіи къ монархіи, въ личныхъ эгоистическихъ цѣляхъ, въ желаніи самому сѣсть на престолъ Англіи.

Въ этомъ обвиняли его не только современники, но и многіе серьезные историки, не понявшіе его стремленій и не давшіе себѣ яснаго отчета въ его характерѣ, въ его политическихъ идеалахъ. Но это мнѣніе не вѣрно.

Кромвель былъ всю свою жизнь фанатикомъ, но фанатикомъ честнымъ, глубоко убѣжденнымъ.

Убѣдившись въ несостоятельности своихъ политическихъ идеаловъ для современной ему Англіи, онъ рѣшился подготовить страну къ монархическому правленію, поддерживаемый въ этихъ стремленіяхъ партіею пуританъ, составлявшею въ то время большинство въ парламентѣ.

Ему приходилось дѣйствовать весьма осторожно, такъ какъ войско открыто воспрепятствовало-бы всѣмъ явнымъ его стремленіямъ къ монархіи. Стремясь къ постепенному упраздненію республики и къ переходу къ монархическому образу правленія, Кромвель въ 1658 г. провелъ въ парламентѣ билль о возстановленіи верхней палаты въ парламентѣ, отчего разумѣется конституція 1653 г. значительно измѣнялась. Кромѣ того провелъ онъ еще и другой законъ—о наслѣдственности и пожизненности въ нѣкоторыхъ случаяхъ званія пэра въ Англіи.

Въ члены вновь образованной верхней палаты парламента Кромвель пригласилъ представителей древнѣйшихъ родовъ Англіи, но ни одинъ изъ нихъ не пожелалъ засѣдать въ ней, гнушаясь республиканской формы правленія. Онъ принужденъ былъ самъ назначить пэровъ Англіи изъ числа своихъ приверженцевъ; онъ такимъ образомъ присвоивалъ себѣ власть, всегда составлявшую въ Англіи прерога-

тиву монарха. Возстановленіе верхней палаты въ парламентѣ, какъ естественной ступени перехода къ монархіи, было послѣднимъ крупнымъ событіемъ внутренней политики Кромвеля.

Умирая въ 1658 г., Кромвель мучился мыслью, что далеко не выполнилъ всего того, что долженъ былъ сдѣлать для блага родины.

Передъ смертью онъ назначилъ себѣ преемника, на основаніи предоставленнаго ему на то права. Выборъ его палъ на его сына Ричарда, не обладавшаго ни достаточнымъ умомъ, ни опытностью, ни энергіею, для продолженія политической программы его талантливаго отца. Онъ сразу подпалъ подъ вліяніе личностей, эксплоатировавшихъ его, для достиженія различныхъ партійныхъ цѣлей. Результатомъ чего была полная анархія, господствовавшая въ Англіи въ продолженіе двухлѣтняго протекторства Ричарда Кромвеля.

Три партіи въ это время выступаютъ въ борьбу, съ цѣлью забрать въ свои руки управленіе Англіею. Это были—партія протектора Ричарда Кромвеля, партія парламента или пуританъ и наконецъ партія войска или индепендентовъ.

Изъ нихъ партія войска, опираясь на свою силу, брала верхъ надъ всѣми прочими и заставляла Ричарда дѣйствовать согласно ея желаніямъ.

Онъ впрочемъ скоро удалился съ политической арены, сознавая свою полную неспособность къ управленію Англіею въ такую критическую минуту.

Остались тогда двѣ партіи, изъ которыхъ партія парламента, какъ болѣе умѣренная, склонялась, хотя и тайно, къ монархіи, и партія войска, партія индепендентовъ съ крайнимъ республиканскимъ направленіемъ.

Вожаками послѣдней въ то время были Ламбертъ и Монкъ, которые, распустивъ парламентъ, созвали вмѣсто него такъ называемую „комиссію безопасности", имѣвшую всю исполнительную власть. Эта комиссія начала открыто преслѣдовать всѣхъ явныхъ и тайныхъ сторонниковъ монархіи, чѣмъ возстановила противъ себя общественное мнѣніе.

Личности эти, стоявшія въ то время во главѣ индепендентской партіи, были натуры крайне эгоистическія; безъ твердыхъ, опредѣленныхъ убѣжденій, дѣйствовавшія исклю-

чительно изъ личнаго разсчета. При Кромвелѣ, напримѣръ, Монкъ былъ ярымъ республиканцемъ, находя это для себя выгоднымъ, такъ какъ въ то время Кромвель еще преслѣдовалъ свои индепендентскіе идеалы и Монкъ надѣялся, опираясь на него, пробить себѣ дорогу къ власти. Теперь-же, самъ ставъ во главѣ партіи и замѣтивъ нерасположеніе англичанъ къ „комиссіи безопасности" и къ ея предсѣдателю Ламберту, онъ рѣшился для достиженія власти, на переворотъ, который имѣлъ-бы послѣдствіемъ паденіе бывшаго его товарища Ламберта.

Онъ вступаетъ въ переговоры съ королевскою партіею, желавшею возстановленія монархіи, съ самимъ Карломъ II, съ цѣлью убѣдить его согласиться на всѣ уступки, если ему удастся пріобрѣсти утраченный его династіею престолъ Англіи.

Заручившись его согласіемъ, онъ во главѣ войска подступаетъ подъ Лондонъ и, воспользовавшись вспыхнувшимъ тамъ возстаніемъ противъ Ламберта, арестовываетъ его и распускаетъ „комиссію безопасности". Подготовивъ общественное мнѣніе въ пользу монархіи, онъ заботится о замѣщеніи членовъ новаго, созываемаго имъ парламента, исключительно приверженцами монархіи—пуританами, роялистами и кавалерами.

Этотъ новый парламентъ, собравшійся въ 1660 г., первымъ дѣломъ возстановилъ монархическую власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до 1649 года, уничтоживъ послѣдніе слѣды республики и призвалъ на престолъ Англіи Карла II Стюарта, предварительно потребовавъ отъ него объявленія полной амнистіи всѣмъ политическимъ его соперникамъ и полной вѣротерпимости.

Монкъ вынуждаетъ его написать извѣстное письмо парламенту изъ города Бреды (въ нынѣшней Бельгіи), актъ, извѣстный въ исторіи Англіи подъ названіемъ „Бредской декларація", въ которой онъ торжественно обѣщаетъ въ благодарность за призваніе его на престолъ—полную амнистію и вѣротерпимость, послѣ чего Карлъ II пріѣхалъ въ Дувръ и въ маѣ 1660 г. торжественно вступилъ въ Лондонъ, встрѣченный, какъ извѣстно, радостными криками народа, котораго еще мучила совѣсть за допущенную казнь его отца Карла I. Такимъ образомъ совершилась реставрація Стюартовъ.

Вступившій въ 1660 г. на престолъ Англіи, Карлъ II не оказался вовсе на высотѣ выпавшей на его долю трудной задачи. Это была личность крайне поверхностная, безпечная, легкомысленная, думавшая только объ удовольствіяхъ придворной жизни, и не бывшая даже въ состояніи отдать себѣ яснаго отчета въ томъ трудномъ положеніи, въ которое поставлена была королевская власть въ Англіи, послѣ продолжительной парламентской борьбы, только что нами разсмотрѣнной.

Вступивъ на престолъ послѣ многолѣтняго скитанія на континентѣ, въ надеждѣ найти себѣ иноземную помощь, Карлъ II забылъ всѣ тяжелые уроки прошлаго, забылъ печальное событіе родной своей исторіи — казнь его отца, Карла I, павшаго жертвою неправильно понятой и несвоевременно примѣненной къ Англіи государственной системы— абсолютной монархіи и вступилъ понемногу на тотъ-же гибельный для династіи Стюартовъ путь абсолютизма, лично впрочемъ, принимая весьма поверхностное участіе въ управленіи страною и проводя почти все свое время въ блестящихъ придворныхъ празднествахъ, на которыя тратились громадныя суммы денегъ.

Цѣль его была во всемъ подражать внѣшнему блеску и роскоши двора Людовика XIV, его блестящей придворной обстановкѣ, его легкой, удобной морали въ частной жизни. Не обладалъ онъ только геніальными способностями Людовика, его талантливою натурою; этихъ качествъ великаго монарха не могъ онъ себѣ усвоить.

О внѣшнихъ событіяхъ его царствованія мы уже отчасти говорили. Мы говорили о томъ, какъ Карлъ II, нуждаясь постоянно въ денежныхъ средствахъ, находился въ постоянныхъ пререканіяхъ съ парламентомъ, отъ котораго онъ вполнѣ зависѣлъ въ матеріальномъ отношеніи; какъ онъ неудачно велъ войну съ Голландіей, флотъ которой успѣлъ войти въ Темзу и сжечь англійскія суда; говорили о томъ, что когда парламентъ рѣшительно отказалъ ему въ субсидіи, онъ рѣшился даже продать національные интересы Англіи честолюбивой политикѣ Людовика XIV, которому удалось за крупную сумму денегъ купить у Карла важный для Франціи морской портъ—Дюнкирхенъ. Карлъ II началъ даже полу-

чать постоянныя денежныя субсидіи отъ Франціи, взамѣнъ обязательства, ничего не предпринимать противъ ея политики. Влекла Карла II къ Франціи его тайная приверженность и симпатія къ католицизму, которую онъ тщательно скрывалъ въ продолженіе жизни и которая обнаружилась только при его смерти.

Въ началѣ его царствованія, его преслѣдовала неудача; 1660 годъ въ Англіи ознаменованъ былъ страшнымъ голодомъ, затѣмъ начали свирѣпствовать различныя эпидеміи, уносившія тысячи жертвъ, и особенно опустошившія Лондонъ.

Еще въ „Бредской декларацiи", о которой мы упоминали, Карлъ II обѣщалъ полную амнистію всѣмъ политическимъ преступникамъ и полную вѣротерпимость религіознаго культа.

Между тѣмъ онъ своего обѣщанія не сдержалъ.

По вступленіи его на престолъ, партія роялистовъ представила королю цѣлый списокъ лицъ, участвовавшихъ въ судѣ надъ Карломъ I, которыхъ она просила исключить изъ амнистіи и подвергнуть казнѣ. Карлъ II на это согласился.

Мало того, онъ велѣлъ вырыть изъ могилы трупъ Кромвеля и торжественно сжечь его на площади, какъ государственнаго преступника. Въ вопросахъ религіозныхъ онъ тоже далеко не придерживался обѣщанной имъ широкой вѣротерпимости.

Начались опять гоненія на пуританъ, которымъ запрещено было открытое отправленіе богослуженія; они массами бѣжали въ Америку и основали тамъ нѣкоторые сѣверо-американскіе штаты, существующіе и до сихъ поръ. Эпископальная церковь, занявъ опять первенствующее мѣсто въ Англіи, начала уговаривать короля, распространить гоненія и на католиковъ; но тутъ она встрѣтила оппозицію въ Карлѣ II который тайно сочувствовалъ католическому культу, болѣе отвѣчающему его влеченіямъ и симпатіямъ своимъ внѣшнимъ блескомъ, пышностью и обрядовою своею стороною. Къ тому же онъ вступилъ въ это время въ дипломатическія сношенія съ Людовикомъ XIV, въ политическую програму котораго входило въ то время, какъ извѣстно, поддержаніе католической религіи въ западной Европѣ второй половины XVII столѣтія. Когда парламентъ издалъ эдиктъ противъ католиковъ, Карлъ II не подписалъ его и вмѣсто него неожиданно

для всѣхъ издалъ эдиктъ о вѣротерпимости; какъ глава англиканской церкви, онъ имѣлъ на то право. Всѣ тогда поняли, что этотъ эдиктъ послужитъ только переходною ступенью къ введенію въ Англіи католическаго культа.

Парламентъ, опасаясь рѣшительныхъ мѣръ короля въ этомъ направленіи, воспользовался его крайне стѣсненными финансовыми обстоятельствами, чтобы заставить его подписать въ 1673 г. такъ называемый „Test-act", по которому не принимались на государственную службу лица, не присягнувшія предварительно 39 параграфамъ эпископальной церкви.

Внесено было это предложеніе, съ цѣлью оградить государственную службу отъ лицъ, исповѣдующихъ не господствующую религію и могущихъ своимъ вліяніемъ проводить нежелательные для эпископальной церкви взгляды.

Прямымъ слѣдствіемъ „Test-act'a" была отставка брата короля, герцога іоркскаго, который открыто исповѣдуя католицизмъ, не захотѣлъ присягать основнымъ параграфамъ эпископальной церкви, и потому долженъ былъ сложить съ себя всѣ занимаемыя имъ государственныя должности.

Карлъ II, продолжалъ править Англіею въ высшей степени несамостоятельно: то подчиняясь желаніямъ и планамъ парламента, вполнѣ конечно расходившимся съ интересами королевской власти, то преслѣдуя цѣли и политику, вполнѣ антинаціональную, внушаемую ему Людовикомъ XIV, который пользовался слабостью и малодушіемъ Карла II для своихъ династическихъ цѣлей.

Къ этому-же времени, т. е. къ концу семидесятыхъ годовъ XVII столѣтіи, относится постепенное развитіе въ Англіи двухъ противоположныхъ другъ другу государственныхъ теорій, представителями которыхъ были въ парламентѣ два члена—Tilmer и Algernon Sidney, нашедшихъ и двѣ соотвѣтсвующія имъ политическія партіи, проводившія эти теоріи въ парламентской борьбѣ, занимающей такое видное мѣсто въ политической исторіи Англіи XVII столѣтія.

Эти двѣ новыя партіи, выступившія въ то время на политическую арену, были партіи тори и виговъ, партіи, существовавшія и прежде, подъ названіемъ „cavaliers" и „roundheads", но къ тому времени вполнѣ реорганизовав-

шіяся и преслѣдовавшія свои строго опредѣленныя партійныя цѣли.

Политическіе принципы этихъ двухъ партій были совершенно различны, они расходились въ пониманіи объема королевской власти и самаго ея происхожденія.

Теорія, легшая въ основаніе политическихъ убѣжденій тори, заключалась въ признаніи божественности происхожденія монархической власти; отсюда вытекала нравственная необходимость для подданныхъ, безусловно ей подчиняться, хотя бы она вырождалась-бы и въ деспотизмъ. Въ подтвержденіе этихъ политическихъ убѣжденій приводился, между прочимъ, примѣръ, заимствованный изъ природы—монархическая власть сравнивалась съ бурною рѣкою, по временамъ выступающею изъ своего обычнаго русла и затопляющею сосѣднюю мѣстность. Подобно тому, какъ въ такія минуты, хотя и весьма пагубныя для земледѣльца, ему ничего другаго не остается дѣлать, какъ спокойно ожидать возвращенія воды въ прежнее ея ложе, такимъ-же образомъ и подданные должны терпѣливо сносить злоупотребленія королевской власти и различныя ея превышенія, которыя если и случаются, то въ этомъ оказывается виновнымъ не самый монархическій принципъ, какъ обладающій божественнымъ началомъ, а виноваты въ томъ окружающія монарха лица своими часто неумѣлыми совѣтами.

Въ противоположность теоріи тори, виги признавали единственнымъ законнымъ источникомъ власти—народъ, однимъ словомъ, они признавали ту-же политическую идею, которая столѣтіемъ позже получила свою формулировку во время великой французской революціи въ знаменитыхъ декларацiяхъ „de la souveraineté du peuple“ и „des droits de l'homme et du citoyen“.

Основаніемъ же для монархической власти теорія виговъ признавала исключительно обоюдный договоръ, заключаемый народомъ съ монархомъ, точно опредѣляющій обоюдныя ихъ права; при неисполненіи же послѣднимъ условій этого договора, народъ имѣлъ вполнѣ законное право, по мнѣнію этой теоріи, лишить его королевской власти.

Эти партіи тори и виговъ, измѣнивъ значительно свои политическіе идеалы, существуютъ и до сихъ поръ, преслѣ-

дуя въ настоящее время совершенно другія цѣли. Партія тори въ настоящее время обратилась въ консервативную партію. въ партію охранительную, защищающую старый порядокъ вещей, вѣковыя традиціи старины; партія-же виговъ обратилась въ партію прогресса, въ партію либераловъ—прогрессистовъ. Основы политическихъ убѣжденій и той и другой партіи, легшіе еще въ концѣ XVII столѣтія въ основаніе ихъ политической розни, сохранились и до сихъ поръ, измѣнившись только въ деталяхъ и въ преслѣдуемыхъ ими цѣляхъ.

Первымъ поводомъ къ столкновенію тори съ вигами послужилъ выходъ съ государственной службы брата Карла II. Іакова, герцога Іоркскаго, на основаніи обнародованнаго „Test-act'a".

Тори защищали права Іакова на занятіе государственныхъ должностей, независимо отъ закона, въ силу его родства съ королемъ.

Виги же напротивъ требовали, чтобы за открытое исповѣдываніе католицизма, Іаковъ былъ-бы лишенъ права престолонаслѣдія и чтобы англійскій престолъ перешелъ къ племянницѣ Карла II—дочери Іакова, Маріи.

Столкновенія между тори и вигами по этому вопросу престолонаслѣдія приняли такіе размѣры, что Карлъ II распустилъ тогдашнее министерство и поручилъ члену партіи виговъ — William Temple, составленіе новаго министерства. Это министерство ознаменовало себя въ исторіи парламентаризма въ Англіи изданіемъ знаменитаго акта, подъ названіемъ „Habeas corpus" въ 1680 году.

Этотъ актъ обезпечивалъ личную свободу каждаго англійскаго гражданина. Онъ вызванъ былъ со стороны парламента необходимостью оградить неприкосновенность гражданскихъ правъ англичанъ отъ произвола и постоянныхъ злоупотребленій со стороны Стюартовъ. На основаніи „Habeas corpus", ни одинъ англійскій подданный не могъ быть арестованъ, безъ формальнаго на то приказанія исполнительной власти, съ точнымъ изложеніемъ причинъ ареста; запрещалось содержаніе подъ стражей дольше трехъ дней, безъ производства формальнаго суда надъ арестованнымъ, который могъ быть освобожденъ и отъ трехдневнаго ареста, если будетъ взятъ на поруки надежнымъ, состоятельнымъ лицомъ.

Карлъ II, нуждаясь въ парламентѣ, принужденъ былъ, не смотря на все свое нерасположеніе къ этому акту, утвердить его.

Въ послѣдніе годы царствованія Карла II, министерство было составлено почти исключительно изъ партіи тори, которой и удалось наслѣдникомъ престола назначить брата короля—Якова, герцога Іоркскаго.

Умирая въ 1685 г., Карлъ II отказался принять причастіе отъ пастора эпископальной церкви, желая причаститься изъ рукъ католическаго патера, чѣмъ онъ впервые явно обнаружилъ свое тайное расположеніе къ католицизму, тщательно скрываемое имъ при жизни.

Престолъ Англіи перешелъ къ его брату, воцарившемуся подъ именемъ Іакова II, къ человѣку, фанатически проникнутому идеями католицизма, уваженіемъ передъ іезуитскими догматами.

Настала для Англіи эпоха господства католическаго культа, іезуитскаго ордена; стали открываться школы, въ которыхъ юношество воспитывалось въ строго католическихъ воззрѣніяхъ, исходившихъ главнымъ образомъ отъ королевскаго двора. Это открытое расположеніе къ католицизму, оффиціальное его распространеніе въ Англіи, встрѣчено было весьма несочувственно со стороны партіи виговъ, которая систематично оказывала королю постоянную оппозицію въ парламентѣ.

Іаковъ II, нисколько не стѣсняясь этой оппозиціей, издавалъ постоянно новые эдикты, которые подрывали окончательно сочувствіе къ нему въ народѣ. Такъ, издалъ онъ „диспензаціонный эдиктъ“, по которому король имѣлъ право въ нѣкоторыхъ случаяхъ освобождать подданныхъ отъ исполненія законовъ. На основаніи „диспензаціоннаго эдикта“, онъ сталъ освобождать католиковъ отъ обязательности „Test-act'a“, послѣдствіемъ чего было наполненіе войска католиками, что конечно угрожало большею опасностью для партіи виговъ.

Въ 1687 году онъ издаетъ эдиктъ о вѣротерпимости, которымъ слѣдовательно объявлялась законность католическаго культа въ Англіи. Семеро епископовъ отказались подчиниться ему. Іаковъ II велѣлъ заключить ихъ въ лондонскую крѣпость Тауэръ и назначилъ надъ ними судъ, который ихъ между тѣмъ оправдалъ.

Іаковъ II не смотря на совершенно явное нерасположеніе англійскаго народа къ католицизму, продолжалъ настойчиво добиваться его утвержденія въ Англіи. Народъ-же терпѣливо сносилъ всѣ нарушенія государственныхъ законовъ и народныхъ традицій со стороны Іакова II, въ надеждѣ, что послѣ смерти бездѣтнаго короля, корона Англіи перейдетъ къ популярному у англійскаго народа Вильгельму Оранскому, наслѣдственному штадтгальтеру генеральныхъ штатовъ, женатому на дочери Іакова II—Маріи.

Политика Іакова II, клонившаяся къ союзу съ Людовикомъ XIV, въ то самое время, когда на континентѣ западно-европейскія державы заключали въ Аугсбургѣ оборонительный союзъ въ 1686 г., противъ чрезмѣрнаго преобладанія Франціи, была, какъ мы видѣли, ненавистна англичанамъ, но общественное мнѣніе пока еще сдерживалось, въ надеждѣ на скорое избавленіе отъ этой антинаціональной политики.

Партія виговъ уже давно поддерживала тайныя сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ, въ лицѣ котораго оппозиція, направленная противъ короля и его партіи, находила сильный оплотъ. Но въ то время еще никто не думалъ о насильственномъ переворотѣ, объ открытомъ возстаніи противъ короля.

Вдругъ въ іюнѣ 1687 года, какъ молнія, разнеслось по всей Англіи извѣстіе о рожденіи у Іакова II сына, извѣстіе, которое на долго отымало у англичанъ надежду на избавленіе отъ ненавистныхъ, насильно вводимыхъ въ Англію католическаго гнета и іезуитскихъ догматовъ.

Всѣ тѣ элементы, которые до этой роковой вѣсти спокойно выжидали лучшаго времени, которые примирялись съ безотраднымъ положеніемъ вещей, въ надеждѣ на лучшее будущее, теперь открыто выступаютъ наружу, не скрывая своего негодованія и твердой рѣшимости, хотя бы насильственными средствами освободиться отъ Іакова II и его потомства.

Предводители партіи оппозиціи—партіи виговъ, открыто вступили въ сношенія съ Вильгельмомъ Оранскимъ, умоляя его явиться въ Англію для защиты англійской церкви и англійской свободы отъ узурпаціи Стюартовъ; они обѣщали ему помощь и нравственную поддержку большинства англійской націи. Между тѣмъ Іаковъ II смотрѣлъ необыкновенно равнодушно на все совершающееся въ то время въ Англіи,

очевидно не отдавая себѣ яснаго отчета въ приближавшейся для него опасности; онъ не внялъ даже увѣщаніямъ Людовика XIV, внушавшаго ему принять рѣшительныя мѣры противъ наступавшей революціи.

Только когда Вильгельмъ Оранскій высадился 4 Ноября 1688 г. съ сильнымъ голландскимъ войскомъ на берега Англіи въ Дуврѣ и когда манифесты оранской партіи, распространяясь въ массѣ съ необыкновенною быстротою, возбудили всеобщее волненіе въ общественномъ мнѣніи, онъ наконецъ созналъ свое критическое положеніе и надѣясь еще спасти себя и свою династію, поспѣшно началъ отмѣнять всѣ тѣ обнародованные имъ эдикты, которые нарушали основные государственные законы Англіи. Но было уже слишкомъ поздно. Къ Іакову II и Стюартамъ всѣ уже потеряли довѣріе. По мѣрѣ приближенія Вильгельма Оранскаго къ Лондону, возростало число его приверженцевъ, достигшее наконецъ громадной цифры. Къ нему перешелъ и главнокомандующій надъ англійскими войсками лордъ Черчиль, впослѣдствіи извѣстный подъ именемъ Мальборо.

Даже вторая дочь Іакова II Анна, замужемъ за принцемъ Георгомъ датскимъ, примкнула къ народной партіи, враждебной ея отцу. Оставленный всѣми, Яковъ II съ женой и сыномъ бѣжалъ изъ Англіи и нашелъ убѣжище во Франціи въ S.-Germain'ѣ, гдѣ онъ жилъ, получая денежныя средства отъ Людовика XIV.

Такимъ образомъ тихо и безкровно совершился въ 1688 г. этотъ переворотъ, имѣвшій послѣдствіемъ отреченіе Стюартовъ отъ престола Англіи.

Англичане справедливо называютъ его „the glorious revolution", въ отличіе отъ событій конца 1640 годовъ, ознаменованныхъ казнью Карла I и названныхъ ими потому— „the great rebellion".

Этой мирною революціею англичане доказали, въ чемъ полагали они свои политическіе идеалы; они доказали, что они стремились къ сохраненію монархіи, но такой монархіи, которая гарантировала-бы имъ неприкосновенность ихъ гражданскихъ правъ и привилегій, ихъ освященныхъ вѣками національныхъ традицій.

Въ январѣ 1689 г. собрались представители англійскаго

народа въ Лондонѣ. Они торжественно объявили, что Іаковъ II постоянными нарушеніями основныхъ государственныхъ законовъ, уничтожилъ договоръ, заключенный между нимъ и англійскою націею, а бѣгствомъ своимъ—фактически сложилъ съ себя королевскую власть.

Вслѣдъ за этимъ парламентъ издалъ постановленіе, въ силу котораго Стюарты навсегда устраняются отъ престола Англіи, котораго ни подъ какимъ видомъ впредь не можетъ занять католикъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ англійская корона предложена была Вильгельму Оранскому и Маріи, старшей дочери Іакова II, съ тѣмъ, что престолонаслѣдіе закрѣплялось за потомствомъ Маріи; въ случаѣ же ея бездѣтности,—за младшею дочерью Іакова II, супругою датскаго принца Георга и ихъ потомствомъ. Такимъ образомъ совершился переходъ англійской короны къ Оранской династіи отъ династіи Стюартовъ.

13 Февраля 1689 г. произошло коронованіе Вильгельма Оранскаго и Маріи.

Его вступленіе на престолъ знаменательно въ томъ отношеніи, что впервые король Англіи вступалъ на престолъ не по праву завоеванія или наслѣдства, а по выбору народа; впервые такимъ образомъ узаконялся принципъ виговъ о законномъ правѣ народа выбирать себѣ короля,—принципъ послѣдующей великой французской революціи конца XVIII вѣка,—„le principe de la souveraineté du peuple“.

Соглашаясь на королевскій титулъ, Вильгельмъ Оранскій долженъ былъ подписать и свое соглашеніе на всѣ предложенныя ему англійскимъ народомъ условія.

Съ его воцареніемъ начинается новый періодъ въ исторіи Англіи—періодъ конституціонной монархіи, продолжающійся и до сихъ поръ.

Условія, предложенныя Вильгельму англійскимъ народомъ, обстоятельно выражены въ знаменитой „Declaration of rights“, соблюдать которыя неприкосновенными онъ торжественно поклялся.

Основныя положенія этой „declaration of rights“ заключались въ охраненіи древнихъ правъ англійской націи, въ правѣ петицій подданныхъ передъ королемъ, въ предоставленіи парламенту свободы выборовъ и свободы слова, назначеніи податей, содержаніи войска, правѣ суда и проч.

Вильгельмъ Оранскій вступилъ на престолъ Англіи въ смутную, тяжелую эпоху борьбы партій, въ минуту полнаго политическаго хаоса, въ минуту ожесточенной борьбы религіозныхъ сектъ, на которыя раздѣлилась въ то время Англія.

Эта религіозная рознь была прямымъ слѣдствіемъ свободнаго для каждаго толкованія Священнаго Писанія, сдѣлавшагося для всѣхъ доступнымъ благодаря Реформаціи.
Ему предстояло внести единство въ эту рознь, объединить различные, часто даже другъ другу враждебные элементы въ странѣ и направить ихъ къ единой цѣли—ко благу государства, къ водворенію внутри его спокойствія и тишины.

Естественно. что вся его дѣятельность прежде всего направлена была къ внутреннимъ преобразованіямъ, во имя которыхъ разнообразныя партіи должны были оставить свои мелкіе, партійные интересы, должны были отвлечься отъ своихъ страстей и увлеченій.

Онъ замѣщаетъ государственныя должности представителями различныхъ партій въ парламентѣ, не обращая вниманія на ихъ политическія убѣжденія, а имѣя въ виду только благо и пользу Англіи, отдавая справедливость только личнымъ талантамъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ прекратились и всѣ религіозныя преслѣдованія.

Всѣ дальнѣйшія реформы въ Англіи, начиная съ воцаренія Вильгельма, развиваются безъ сильныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ потрясеній; вся внутренняя ея исторія съ этихъ поръ есть ни что иное, какъ продолжительная борьба партій въ парламентѣ, борьба, не кончившаяся и до сихъ поръ.

Съ тѣхъ поръ все дальнѣйшее развитіе Англіи есть постепенный, медленный ходъ государства на пути прогресса.

Все свое царствованіе Вильгельмъ Оранскій ведетъ упорную борьбу съ парламентомъ; онъ устанавливаетъ строгое разграниченіе между государственными и частными доходами короля, покровительствуетъ впервые въ Англіи свободѣ печати, которая съ тѣхъ поръ и пустила въ этой странѣ такіе глубокіе корни; морскія силы Англіи стали развиваться, вмѣстѣ съ расширеніемъ дѣятельности Остъ-Индской компаніи и развитіемъ промышленности и торговли въ многочисленныхъ заатлан-

тическихъ колоніяхъ; впервые учрежденъ былъ Лондонскій банкъ для международныхъ торговыхъ сношеній.

Во внѣшней своей политикѣ Вильгельмъ Оранскій являлся душою оппозиціи противъ чрезмѣрнаго преобладанія на континентѣ абсолютной монархіи и государственной системы Людовика XIV. Послѣ несчастной для послѣдняго войны, онъ долженъ былъ признать по Рисвикскому миру Вильгельма III англійскимъ королемъ. Рисвикскій миръ 1697 года положилъ прочное начало будущему политическому могуществу Англіи въ Европѣ. Вильгельмъ Оранскій стремился соединить подъ своею короною и Шотландію и Ирландію; послѣднюю съ большимъ трудомъ удалось ему присоединить, послѣ ожесточенной борьбы; такъ какъ Ирландцы, какъ католики, нашли сильную помощь во французскомъ правительствѣ, пославшемъ на помощь къ нимъ войско, среди котораго находился и Іаковъ II. Ирландія принуждена была смириться, а приверженцы Іакова—Якобиты, лишившись своего недвижимаго имущества, тысячами переселились во Францію и Америку.

Намъ нѣтъ возможности здѣсь входить въ болѣе подробное разсмотрѣніе его внутренней и внѣшней политики.

Сужденія о Вильгельмѣ Оранскомъ весьма разнообразны. Одни историки, преимущественно новѣйшіе изслѣдователи, смотрятъ на него, какъ на великаго монарха, какъ на человѣка, нравственно возродившаго Англію, положившаго прочное начало ея конституціи, которая, постепенно развиваясь въ безпрерывной борьбѣ парламентскихъ партій, довела Англію до ея политическаго блеска и могущества, начавшихся съ XVIII столѣтія и продолжающихся и до нынѣ.

Такъ смотритъ на него отчасти и русскій изслѣдователь, бывшій профессоръ Московскаго Университета Вызинскій въ своихъ извѣстныхъ публичныхъ лекціяхъ, изданныхъ еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ и имѣющихъ предметомъ „исторію Англіи въ XVIII столѣтіи“(*), основываясь преимущественно на такихъ серьезныхъ и документальныхъ трудахъ, какъ сочиненія Маколея. Совершенно иначе смотрѣли на Вильгельма его современники. Они смотрѣли на него, какъ

(*) Это сочиненіе представляетъ много интереснаго для желающихъ ближе ознакомиться съ этимъ періодомъ исторіи Англіи.

на пришельца—иностранца, отказывая ему совершенно въ тѣхъ мягкихъ, гуманныхъ чертахъ, въ той рѣдкой послѣдовательности, которыя, по мнѣнію нѣкоторыхъ историковъ, составляли отличительную черту его нравственнаго облика и представляя его, напротивъ, крайне сухимъ, безсердечнымъ эгоистомъ. Успѣхи-же его внѣшней политики, въ борьбѣ его съ Людовикомъ XIV, объясняли его современники инстинктивною, вѣками развивавшеюся ненавистью къ Франціи, отвращеніемъ англичанъ къ католицизму и къ іезуитскимъ догматамъ. Это крайнее нерасположеніе къ Франціи, переходившее у Англичанъ въ началѣ XVIII вѣка въ явную вражду, дѣлали войну съ Франціею національною, желательною для всего народа, что, конечно, весьма облегчало политическую программу Вильгельма III.

Намъ кажется, что для вѣрнаго, историческаго сужденія о немъ, какъ и о всякомъ историческомъ дѣятелѣ, надо разсматривать его не отдѣльно отъ эпохи, его создавшей, а напротивъ,—въ связи съ нею; слѣдуетъ, сохранивъ всю ту историческую обстановку, среди которой приходилось ему дѣйствовать, изъ всей дѣятельности историческаго лица, разсматриваемой въ связи съ данною эпохою и современными воззрѣніями, постараться вывести, насколько та или другая историческая личность выполнила выпавшую на ея долю задачу, или насколько она, вслѣдствіи личныхъ своихъ ошибокъ, отступила отъ своего призванія.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, обращаясь къ дѣятельности Вильгельма Оранскаго, къ его нравственной характеристикѣ, приходишь къ выводу, что онъ вполнѣ ясно понялъ современное ему положеніе вещей въ Англіи, ясно созналъ всю необходимость для нея, въ виду собственнаго ея національнаго единства, отрѣшиться отъ гибельной для нея, для англійскаго духа, антинаціональной, католической системы Стюартовъ. Конечно, какъ человѣкъ вполнѣ способный и даже даровитый, Вильгельмъ Оранскій вполнѣ созналъ эту инстинктивную ненависть англичанъ къ Франціи, къ ея культурѣ, къ ея религіи, и потому, какъ человѣкъ въ высшей степени энергичный, съумѣлъ искусно воспользоваться этою ненавистью, для преслѣдуемыхъ имъ цѣлей, для того, чтобы внушить ей совершенно иную, противоположную цѣлямъ

Стюартовъ—національную политику; въ этомъ и заключается его сила и значеніе его въ исторіи Англіи конца XVII столѣтія.

Вильгельмъ III Оранскій умеръ въ 1702 г. бездѣтнымъ и потому, на основаніи постановленій 1689 г., на престолъ Англіи въ 1702 г. вступаетъ младшая дочь Іакова II—Анна (1702—1714), замужемъ за Георгомъ Датскимъ. Умирая, Вильгельмъ Оранскій еще разъ принужденъ былъ составить коалицію изъ Англіи, Даніи, Швеціи, прусскаго короля и германскаго императора противъ Франціи, такъ какъ Людовикъ XIV, издѣваясь надъ Рисвикскимъ трактатомъ, надъ Вильгельмомъ и всею англійскою націею, провозгласилъ англійскимъ королемъ Іакова III, сына Іакова II, которому онъ обѣщалъ, присутствуя при его кончинѣ, возвести его сына на престолъ Англіи. Возгорѣлась десятилѣтняя война, охватившая всю Западную Европу къ началу царствованія Анны.

Слѣдить за внѣшними событіями исторіи Англіи въ началѣ XVIII столѣтія, мы здѣсь не можемъ. Исторія безпрерывныхъ войнъ, охватившихъ западную Европу въ эту эпоху, имѣвшихъ въ виду почти исключительно династическіе интересы, достаточно извѣстна и можетъ быть легко усвоена изъ любаго руководства.

Мы ограничимся здѣсь краткимъ обзоромъ внутренней исторіи Англіи, съ начала прошлаго столѣтія до сороковыхъ годовъ его, въ эпоху, составляющую первый періодъ нашего настоящаго курса и постараемся прослѣдить постепенное развитіе представительной монархіи въ Англіи, со смерти Вильгельма Оранскаго; такимъ образомъ выяснятся намъ особенности государственнаго и политическаго строя Англіи, придавшія и всей ея исторіи особый, отъ континентальныхъ державъ, характеръ и направившія потому и развитіе ея государственнаго организма по совершенно иному пути.

Дочь Іакова II—Анна была личность, совершенно не подготовленная для трудной роли правительницы Англіи въ эту смутную, переходную эпоху ея исторіи, въ эпоху продолжавшагося развитія парламентаризма и выработки представительной монархіи. Она обладала всѣми качествами, необходимыми для тихой, семейной жизни, но этихъ качествъ

было еще очень мало для могущественной правительницы великой монархіи.

Она по своему развитію не въ состояніи была даже вникнуть въ вопросы внутренней и внѣшней политики, ожидавшихъ отъ нея разрѣшенія.

Будучи крайне вѣтренною, слабохарактерною натурою и обладая весьма узкимъ, ограниченнымъ умомъ, Анна постоянно была подъ вліяніемъ придворныхъ своихъ фаворитокъ, которыя эксплоатировали ея довѣрчивость и слабоуміе для своихъ личныхъ, придворныхъ интригъ.

Но при всѣхъ своихъ слабостяхъ Анна, какъ дочь Стюарта, обладала и крайнимъ деспотизмомъ и имѣла весьма широкое понятіе о своей королевской власти и о божественномъ ея началѣ, а потому всѣми своими симпатіями, которыхъ она нисколько не скрывала, примыкала къ партіи торіевъ и поддерживала такъ называемую „high church", какъ религіозный культъ, который по своимъ консервативнымъ, строго, можно сказать, монархическимъ догматамъ, ближе всего подходилъ къ ея религіозному міровоззрѣнію, къ ея личнымъ вкусамъ и влеченіямъ.

Мужъ Анны—Георгъ, принцъ датскій, былъ личностью совершенно ничтожною и при этомъ до того скучною, что наводилъ уныніе на всѣхъ окружающихъ. Единственное, что могло вывести его изъ его обычной апатіи и полнаго равнодушія къ совершающемуся вокругъ него, было—хорошая бутылка вина и веселая пирушка, которая одна только могла нѣсколько разсѣять морщины на его мрачномъ, безжизненномъ лицѣ. При извѣстіи о чемъ нибудь новомъ и важномъ онъ механически произносилъ одну и ту же фразу: „is it possible?—возможно-ли?—и впадалъ опять въ свое обычное отупѣніе; народъ и не называлъ его иначе, какъ принцемъ „is it possible".

Первымъ дѣломъ Анны, по вступленіи на престолъ, было распустить министерство виговъ, управлявшее дѣлами Англіи въ послѣднее время царствованія Вильгельма III и окружить себя министрами, исключительно выбранными среди партіи торіевъ. Въ числѣ послѣднихъ видное мѣсто занималъ Ноттингемъ, положительно составлявшій украшеніе тогдашней торійской партіи и пользовавшійся такимъ-же влія-

ніемъ въ ней, какимъ нѣсколькими годами раньше пользовался въ парламентѣ его политическій противникъ, глава партіи виговъ—лордъ Сомерсъ.

И тотъ и другой сильны были своею неутомимою, просвѣщенною дѣятельностью, непоколебимою вѣрностью своимъ политическимъ убѣжденіямъ, отъ которыхъ они въ продолженіе всей ихъ политической карьеры, не отступали ни на шагъ. Только на почвѣ англійскаго парламентаризма, при правильно организованной борьбѣ политическихъ партій, вѣками продолжавшейся и могли развиться такіе государственные, политическіе дѣятели, которые составляютъ гордость ея исторіи.

Подобно тому, какъ въ послѣдніе годы царствованія Вильгельма III, Сомерсъ, глава вигской партіи, руководилъ всѣми дѣлами Англіи и пользовался такимъ обаяніемъ въ парламентѣ, что былъ оправданъ пэрами Англіи въ извѣстномъ его процессѣ, надѣлавшемъ столько шуму въ свое время, когда его обвиняли въ нарушеніи основныхъ законовъ англійской конституціи въ пользу королевской власти, такимъ же образомъ теперь и Ноттингемъ провелъ билль о вѣротерпимости для диссентеровъ, т. е. пресвитеріанъ и католиковъ. Ноттингемъ хотя былъ и ревностнымъ приверженцемъ монархической власти, тѣмъ не менѣе всегда чуждъ былъ теоріи Стюартовъ о безграничномъ повиновеніи королю; онъ слишкомъ уважалъ конституцію своей родины, и самъ, какъ серьезный юристъ, чувствовалъ какое-то благоговѣніе передъ старымъ англійскимъ законодательствомъ, а потому не могъ сочувствовать правительству тамъ, гдѣ оно стремилось нарушить эту конституцію, гдѣ оно шло въ разрѣзъ съ вѣками сложившимся авторитетомъ парламента въ вопросахъ внутренней политики страны.

Ноттингемъ обладалъ рѣдкимъ краснорѣчіемъ, но это краснорѣчіе было сухое, сдержанное, торжественное и совершенно гармонировало съ серьезною личностью самаго оратора, отличающагося всегда какою-то недоступностью и угрюмою величавостью. Эти великіе политическіе ораторы Англіи начала прошлаго столѣтія въ полномъ смыслѣ слова руководили ея внѣшнею и внутреннею политикою.

Парламентъ въ разгарѣ парламентской борьбы часто выходилъ за предѣлы, установленные для него законами юрисдикціи и, злоупотребляя вліяніемъ той или другой изъ его партій, нравственно давилъ на всѣ враждебные ему элементы и управлялъ Англіею въ такія минуты вполнѣ олигархически.

Общественное мнѣніе, поддерживаемое и возбуждаемое полемическою, журнальною литературою того времени, принимавшею такое живое участіе въ парламентской борьбѣ и такъ часто ею руководившею, энергически возставало въ такихъ случаяхъ противъ парламента, который, борясь въ продолженіе всего XVII столѣтія съ королевскою властью изъ за превышенія ею власти и нарушенія конституціи, самъ въ продолженіи этой борьбы, какъ мы видѣли, увлекаясь преслѣдуемыми имъ цѣлями, представлялъ безчисленные и весьма рѣзкіе примѣры подобнаго нарушенія.

Повсюду въ Англіи, подъ вліяніемъ негодующаго общественнаго мнѣнія, слышались голоса, открыто рѣшающіеся провозглашать, что не для того англійская нація свергла столѣтнее иго королей-деспотовъ, чтобы сдѣлаться рабыней своеволія парламента!

Эти смѣлые голоса толпы, внушаемые оппозиціонными элементами парламенту, лучше всего рисуютъ намъ положеніе вещей въ то время въ Англіи; они указываютъ намъ на то, что и республиканская форма правленія, на которую лучшіе умы Англіи возлагали послѣ 1688 г. такія блестящія надежды, далеко ихъ не оправдала, что она многихъ не удовлетворила; а это разочарованіе, охватившее большую часть интеллигенціи Англіи, сильно способствовало врагамъ ея, напр. Людовику XIV, возбуждать въ ней постоянныя волненія и угрожать ей постоянными войнами.

Во главѣ сухопутныхъ силъ Англіи и руководителемъ ея внѣшней политики была въ то время личность, о дѣйствіяхъ и характерѣ которой ходили въ началѣ XVIII столѣтія самые фантастическіе разсказы. Эта была положительно знаменитость своего времени, на которую обращены были взоры всей Европы. Мы говоримъ о герцогѣ Мальборо. Это былъ геніальный полководецъ, руководившій европейской коалиціей про-

тивъ Франціи Людовика XIV, объявившей ему войну, которая происходила одновременно въ пяти различныхъ странахъ, на пяти отдѣльныхъ театрахъ войны. На полѣ битвы онъ поражалъ всѣхъ самыми противоположными военными качествами: рѣдкая смѣлость и необыкновенная отвага смѣнялись въ немъ крайнею осторожностью и полнымъ хладнокровіемъ. Его всю жизнь сопровождало необыкновенное счастіе; всѣ его самые смѣлые планы всегда вѣнчались успѣхомъ; никогда не испытывалъ онъ пораженія. До сихъ поръ еще слава о его военныхъ подвигахъ жива въ памяти и въ пѣсняхъ французскихъ солдатъ. Но будучи рѣдкимъ полководцемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и самымъ выдающимся дипломатомъ своего времени.

Обладая чарующею и вмѣстѣ съ тѣмъ импонирующею внѣшностью, (про него говорили, что онъ отказываетъ съ такою граціей, съ какою другіе не умѣли дарить), онъ соединялъ съ этой наружностью такой гибкій, изворотливый умъ, такое презрѣніе къ возвышающимъ человѣка благороднымъ чувствамъ и стремленіямъ, которыя приносились имъ въ жертву эгоистическимъ разсчетамъ и дипломатическимъ интригамъ, что представлялъ для многихъ непостижимую загадку. Убѣжденія, совѣсть, нравственные принципы, все это было ему совершенно чуждо. Одна страсть овладѣла всѣмъ его существомъ и служила главнымъ стимуломъ всей его дѣятельности—это было страшное корыстолюбіе. Деньги ставилъ онъ выше всего въ мірѣ; все остальное служило ему только средствомъ, для накопленія этихъ денегъ. Черта его характера, которая болѣе всего поражала его современниковъ была—соединеніе глубокой безнравственности съ удивительнымъ самообладаніемъ и рѣдкимъ хладнокровіемъ. Для него не существовало индивидуальныхъ особенностей человѣка; онъ смотрѣлъ на всѣхъ окружающихъ, какъ на орудія, для достиженія желательныхъ для него цѣлей; онъ эксплоатировалъ ихъ и извлекалъ изъ нихъ все, что только могъ и разъ воспользовавшись ими, съ неблагодарностью бросалъ ихъ на произволъ судьбы.

Служа одновременно интересамъ и Вильгельма III и Іакова II и Людовика XIV, наконецъ, и королевы Анны, онъ въ сущности имѣлъ въ виду свои личныя, тщеславныя, эго-

истическія цѣли, передъ которыми всегда для него меркли интересы родины, интересы общаго блага.

Таковъ былъ герцогъ Мальборо, имѣвшій такое громадное вліяніе на ходъ политическихъ событій на западѣ въ началѣ прошлаго столѣтія. Онъ не принадлежалъ собственно ни къ какой политической партіи въ Англіи; онъ стоялъ выше всякихъ партій, готовый постоянно мѣнять свои политическія убѣжденія и примкнуть къ тому или другому лагерю, смотря по тому, какая политическая окраска представлялась ему въ данную минуту болѣе выгодною, для осуществленія его личныхъ, тщеславныхъ и корыстолюбивыхъ плановъ.

Въ продолженіе всей его дипломатической и военной карьеры онъ находилъ вѣрную поддержку въ тогдашнемъ министрѣ финансовъ, лордѣ Годольфинѣ, человѣкѣ съ весьма выдающимися финансовыми способностями и при томъ весьма сдержанномъ и осторожномъ, безпрекословно исполнявшемъ всѣ денежныя требованія Мальборо.

Мы такимъ образомъ представили характеристику выдающихся дѣятелей царствованія Анны, которая, какъ дочь Іакова II, возбуждала въ партіи торіевъ надежду на возвращеніе режима Стюартовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на пріобрѣтеніе вновь прежняго вліянія на внутреннюю политику Англіи, значительно утраченнаго той партіей въ правленіе Вильгельма Оранскаго. Но надежды торіевъ не осуществились. Анна хотя и была предана торіямъ, но еще болѣе предана была своей фавориткѣ, леди Мальборо и ея мужу, характеристику котораго мы только что представили. У этой же четы были, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно другіе планы. Они-то стали завѣтными стремленіями и королевы Анны, которая совершенно подчинялась образу мыслей и честолюбивымъ замысламъ своихъ ближайшихъ совѣтниковъ.

Партія торіевъ не желала войны съ Франціей и поддерживала политику примиренія; Мальборо же, смотрѣлъ на войну, какъ на средство пріобрѣсти себѣ новые лавры и новыя сокровища; къ этимъ симпатіямъ ея мужа къ войнѣ у леди Мальборо присоединилась еще ненависть, которую она чувствовала къ главѣ торійской партіи—Рочестеру и къ надменному Ноттингему, которые не соглашались преклоняться передъ могущественною придворною дамою, имѣвшею

такое подавляющее вліяніе на слабоумную и нерѣшительную королеву. Послѣдняя уступила настояніямъ супруговъ Мальборо и согласилась утвердить договоры съ коалиціею, заключенные передъ смертью Вильгельмомъ III. Результатомъ интригъ Мальборо было объявленіе коалиціею войны Франціи въ маѣ 1702 года.

Война эта извѣстна подъ названіемъ „войны за испанское наслѣдство".

Война за испанское наслѣдство предпринята была Англіею съ цѣлью подорвать французскую меркантильную систему въ Испаніи и захватить ее въ свои руки.

Съ начала XVIII столѣтія вся внѣшняя политика Англіи, вмѣшательство ея въ политику континентальныхъ державъ, имѣютъ въ основаніи несомнѣнно торговые, меркантильные интересы, которые вліяютъ и на то направленіе, которое придавалось Англіею европейской политикѣ, въ особенности начиная со второй половины столѣтія, когда она уже больше не участвуетъ въ сраженіяхъ своими сухопутными войсками, ограничиваясь денежными субсидіями и покупая себѣ такимъ образомъ поддержку своей политикѣ у той или другой державы. Англія-же остается грозною для Европы только своимъ флотомъ, благодаря которому она господствуетъ на морѣ и въ заатлантическихъ колоніяхъ и руководитъ политикой на континентѣ, направляя ее согласно выгодамъ своей міровой торговли.

Таковъ общій характеръ внѣшней политики Англіи въ XVIII столѣтіи. Этого характера придерживалась она строго въ продолженіе всего прошлаго столѣтія; такою-же осталась ея политика отчасти и до сихъ поръ.

Въ настоящее время мы, не излагая подробно безчисленныхъ войнъ разбираемой нами эпохи, возвратимся къ внутренней исторіи Англіи, къ эпохѣ продолжавшагося въ ней развитія конституціонныхъ формъ и къ борьбѣ парламентскихъ партій. Но прежде чѣмъ возвратиться къ изложенію этой парламентской борьбы, я позволю себѣ остановиться на характеристикѣ еще двухъ выдающихся дѣятелей правленія Анны.

Въ числѣ приверженцевъ партіи торіевъ находились двѣ личности, которыя скоро выдвинулись и о которыхъ загово-

рила вся Англія. Эти личности были—Робертъ Гарли, впослѣдствіи графъ Оксфордъ и Генри Сентъ-Джонъ, получившій позже титулъ лорда-висконта Болинброка.

Эти двѣ личности обладали совершенно различными свойствами характера.

Первый изъ нихъ — графъ Оксфордъ представлялъ изъ себя типъ человѣка, постоянно мѣняющаго свои убѣжденія. Въ началѣ своей политической карьеры онъ былъ ревностнымъ вигомъ и eo ipso—врагомъ high church; но не прошло и десяти лѣтъ, какъ онъ совершенно измѣнилъ свою политическую окраску, съ необыкновеннымъ жаромъ ухватившись за принципы и программу торіевъ. Его личность представляла рѣдкое соединеніе необыкновенной эрудиціи и феноменальной памяти съ весьма узкимъ, ограниченнымъ кругозоромъ, съ полнымъ отсутствіемъ всякаго умственнаго развитія.

Онъ спеціально направилъ все развитіе памяти на изученіе мельчайшихъ подробностей парламентской борьбы и потому скоро сдѣлался настоящимъ оракуломъ во всѣхъ спорныхъ вопросахъ этого рода. Въ частной своей жизни онъ представлялъ изъ себя примѣръ самой обыкновенной умственной и нравственной посредственности, ничѣмъ не отличаясь отъ общаго уровня.

Между тѣмъ, не смотря на все свое ничтожество, какъ индивидуальной личности, Гарли заставлялъ тѣмъ не менѣе о себѣ говорить всѣхъ своихъ современниковъ. Происходило это отъ того, что онъ умѣлъ пускать, что называется, пыль въ глаза, умѣлъ притворяться таинственнымъ и непроницаемымъ тамъ, гдѣ это было ему выгодно, чтобы выставить себя человѣкомъ всезнающимъ. Такимъ образомъ часто случалось, что въ его неясныхъ, запутанныхъ рѣчахъ современники его искали глубокаго смысла, котораго въ нихъ совершенно не было.

Играя всю жизнь свою комедію, выставляя себя тѣмъ, чѣмъ онъ никогда не былъ—великимъ дипломатомъ и государственнымъ человѣкомъ, онъ умѣлъ это такъ ловко дѣлать, что успѣлъ понемногу, различными уловками, до того убѣдить всѣхъ въ своихъ якобы необыкновенныхъ способностяхъ, что нашлась партія, которая сильно стала его поддерживать и доставила ему вмѣстѣ съ графскимъ титуломъ,

на время даже портфель перваго министра Англіи. Тутъ только обнаружилась вполнѣ вся его неспособность; тутъ только поняли всѣ, что въ сущности онъ былъ только интриганомъ и весьма ограниченною личностью, вполнѣ неспособною стать на высоту выпавшей на его долю задачи— управленія внутренними дѣлами Англіи. Его управленіе отличалось крайнею нерѣшительностью въ самыхъ важныхъ вопросахъ, убійственною медленностью, вслѣдствіе всегда одолѣвавшей его лѣни и вполнѣ узкими, односторонними воззрѣніями, въ которыхъ ясно высказывалась вся его педантичная, недаровитая натура.

Совершенно другаго рода человѣкъ былъ лордъ Болинброкъ. Это была глубоко безнравственная натура, не признававшая ни совѣсти, ни чести, ни убѣжденій, ни религіи съ ея догматами и нравственными началами, ни возвышающаго человѣка чувства патріотизма.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это былъ человѣкъ, въ которомъ широкій умъ и геніальныя способности соединялись съ очаровательною граціею и внѣшнею красотою, обаятельно дѣйствовавшею на всѣхъ тѣхъ, кто приходилъ съ нимъ въ столкновеніе.

Это былъ человѣкъ самыхъ разнообразныхъ способностей, выдающійся, недосягаемый ораторъ, глубокій философъ, другъ Вольтера и, можно сказать, талантливый предвозвѣстникъ блестящихъ французскихъ энциклопедистовъ конца прошлаго столѣтія и всего того умственнаго и литературнаго движенія, котораго они были столь выдающимися выразителями.

Какъ государственный человѣкъ, Болинброкъ отличался смѣлостью, строгою выдержанностью своей программы и неутомимою дѣятельностью. Какъ свѣтскій человѣкъ — это былъ первый дэнди своего времени, лучшій танцоръ, обворожительный салонный собесѣдникъ и знаменитый ловеласъ. Онъ соединялъ въ себѣ всѣ тѣ счастливыя свойства, которыя плѣняютъ женщинъ, увлекаютъ политическія собранія и чарующимъ образомъ дѣйствуютъ на современниковъ. И между тѣмъ всѣ эти рѣдкія способности, весь этотъ внѣшній блескъ и неотразимое обаяніе, невольно оказываемые его личностью, оставались безъ употребленія для блага его родины, потому, что Болинброку недоставало главнаго—твердыхъ, честныхъ

убѣжденій, нравственныхъ принциповъ, которые одни только облагораживаютъ политическую дѣятельность человѣка; отсутствіе-же ихъ въ такой даровитой личности дѣлало ее въ высшей степени опасною и даже вредною для Англіи.

Мы уже говорили, что вступленіе на престолъ Англіи Анны, дочери Стюарта, оживило надежды торіевъ, которые теперь разсчитывали вновь получить первенствующее вліяніе въ парламентѣ. Первымъ актомъ ихъ политической дѣятельности было—внесеніе въ парламентъ такъ называемаго билля противъ „occasional conformers".

Извѣстно, что по статуту, изданному еще при Карлѣ II и носящему названіе „Test-act", о которомъ мы въ свое время упоминали, на государственной службѣ могли состоять только лица, открыто исповѣдующія англиканскій культъ, принадлежавшія къ такъ называемой „high church". Этому статуту должны были подчиняться даже члены различныхъ городскихъ и сельскихъ корпорацій. Такимъ образомъ диссентерамъ, т. е. не принадлежавшимъ къ англиканской церкви, были преграждены всѣ доступы къ государственной и общественной службѣ; они совершенно лишены были всякаго участія въ политической жизни страны.

Для избѣжанія этого остракизма диссентеры стали прибѣгать къ обману и къ различнымъ обходамъ закона; они соглашались, напримѣръ, торжественно причаститься по англиканскому обряду, а засимъ, совершивъ этотъ обрядъ и получивъ доступъ къ государственной службѣ посредствомъ „occasional conformity", они снова возвращались въ лоно той церкви, въ которой были воспитаны. Подобныя лица носили названіе „occasional conformers". Эти уловки, къ которымъ прибѣгали въ дѣлѣ религіи съ корыстными цѣлями, конечно, подрывали въ странѣ глубокое религіозное чувство. Противъ этого злоупотребленія съ церковныхъ каѳедръ повсемѣстно въ Англіи раздавались голоса англиканскихъ пасторовъ, гремѣвшихъ противъ него, называя его безбожнымъ, святотатственнымъ дѣломъ и возбуждая противъ диссентеровъ общественное мнѣніе.

Какъ только торіи получили власть въ парламентѣ, они тотчасъ-же поспѣшили внести билль противъ „occasional conformers", которые, если обманъ ихъ обнаружится, должны

были по этому биллю платить значительный денежный штрафъ, при двукратномъ повтореніи, замѣнявшійся даже ссылкою въ колоніи. Поддерживая такимъ образомъ господство англиканской церкви, торіи этими мѣрами имѣли въ виду еще и другую цѣль—чисто политическую.

Диссентеры были по преимуществу виги; преслѣдуя и отстраняя ихъ отъ государственной службы, руководствуясь религіозными мотивами, они вмѣстѣ съ тѣмъ добивались и въ парламентѣ ослабленія враждебной имъ политической партіи, которой грозила такимъ образомъ серьезная опасность.

Однако, не смотря на всѣ старанія торіевъ, не смотря на всю ихъ искусную политику и всѣ ихъ интриги, вопросъ о принятіи или отклоненіи этого билля дебатировался цѣлыхъ три года и результатъ этой парламентской борьбы кончился всетаки не въ пользу торіевъ, а напротивъ, полною побѣдою виговъ, которые воспользовались временнымъ перевѣсомъ въ парламентѣ для того, чтобы окончательно воспрепятствовать принятію этого билля.

Господство въ парламентѣ виговъ совпадаетъ съ самою блестящею эпохою правленія Анны. Внутри царствовало спокойствіе; на континентѣ англійское оружіе покрывалось громкою славою; даже вѣчная борьба партій въ парламентѣ и постоянная въ немъ оппозиція правительству на время умолкла. Ежедневно почти приходили вѣсти о новыхъ побѣдахъ лорда Мальборо, имя котораго дѣлалось популярнѣйшимъ въ Англіи.

Къ этому-же времени относится осуществленіе того плана, о которомъ мечталъ еще Вильгельмъ Оранскій. Англія и Шотландія соединились въ одно государство, подъ именемъ Великобританіи. Представители шотландской націи стали засѣдать вмѣстѣ съ представителями Англіи въ одномъ общемъ парламентѣ въ Вестминстерѣ. И все это сдѣлали виги своею разумною, осторожною политикою; между тѣмъ какъ торіи, несвоевременнымъ возбужденіемъ вопроса о престолонаслѣдіи, въ виду физической и умственной слабости королевы, естественно, возстановили ее противъ себя и потеряли навсегда ея довѣріе и расположеніе.

Даже такіе крупные таланты, какъ Болинброкъ и Рочестеръ не были въ состояніи заставить ее измѣнить свои сим-

патіи, такъ какъ о политическихъ убѣжденіяхъ не могло быть и рѣчи у такой личности, какъ Анна, которая всю жизнь свою жила только личными пристрастіями.

Намъ нѣтъ возможности здѣсь подробно слѣдить за ходомъ событій въ царствованіе Анны.

Наша задача въ этой части курса заключается только въ краткомъ обозрѣніи исторіи Англіи въ первыхъ сороковыхъ годахъ XVIII столѣтія, и въ указаніи на характерныя особенности ея внутренняго государственнаго строя, на выработку у нея впервые въ прошломъ столѣтіи конституціонной формы правленія.

Скоро въ Англіи опять наступила реакція противъ чрезмѣрнаго преобладанія виговъ и главнымъ образомъ, противъ диктаторскаго характера исключительной роли, которую пріобрѣлъ себѣ Мальборо, благодаря своему необыкновенному счастію, никогда его не покидавшему, и противъ того неограниченнаго вліянія, которое онъ оказывалъ на всю внѣшнюю и внутреннюю политику страны.

Въ его разсчеты, какъ мы знаемъ, весьма не безкорыстные, входило—тянуть какъ можно дольше войну, которая покрывала его славою въ Европѣ и служила превосходнымъ, безконтрольнымъ для него средствомъ наживы. Между тѣмъ упоенный своею славою, онъ упустилъ изъ виду общественное мнѣніе и настроеніе націи, которая не могла находиться постоянно подъ вліяніемъ воинственнаго энтузіазма, такъ сильно поддерживавшаго въ началѣ воинственную политику Англіи.

Чѣмъ сильнѣе было это настроеніе въ массѣ въ началѣ безпрерывныхъ войнъ, предпринятыхъ Англіею въ эту эпоху, тѣмъ неизбѣжнѣе была рано или поздно реакція въ этомъ направленіи, тѣмъ естественнѣе должны были скоро воинственные крики смѣниться требованіями мира.

Вмѣстѣ съ перемѣною настроенія въ общественномъ мнѣніи и симпатіи королевы Анны стали постепенно опять переходить на сторону торіевъ, которые, для того, чтобы вновь овладѣть управленіемъ внутренней и внѣшней политики страны, выдвинули на первый планъ жестокія преслѣдованія, которымъ будто-бы подвергалась „high church“ за время управленія виговъ.

Вообще, въ это время въ Англіи впервые, можно сказать, получаетъ значеніе политическая проповѣдь, произносимая съ церковной каѳедры, которая такимъ образомъ становилась общественной трибуной, съ которой всенародно проповѣдывались политическія теоріи, хотя и облеченныя въ церковную, религіозную форму, теоріи, представлявшіяся желательными для той или другой политической партіи, имѣвшей въ данную минуту временный перевѣсъ въ парламентѣ. Подобныя проповѣди, сильно проникнутыя политическою окраскою, произносились тысячами въ то время въ различныхъ частяхъ Англіи и естественно возбуждали общественное мнѣніе, подготовляя и направляя его согласно желаніямъ политическихъ дѣятелей эпохи. Извѣстно, напримѣръ, какое сильное броженіе, перешедшее мѣстами даже въ открытое соціальное движеніе, причинила проповѣдь весьма ограниченнаго по своему развитію пастора Сечвереля, прочитавшаго политическую проповѣдь въ церкви Св. Павла въ Лондонѣ, въ которой онъ осуждалъ политику виговъ и диссентеровъ.

Недовольство королевы партіей виговъ между тѣмъ все усиливалось и скоро обратилось въ открытую непріязнь, разразившуюся наконецъ распущеніемъ парламента, въ которомъ перевѣсъ былъ въ то время на сторонѣ виговъ, и смѣною самаго министерства.

Новые выборы въ парламентѣ произошли, подъ давленіемъ сильной торійской реакціи, имѣвшей вліяніе и на общественное мнѣніе, которое добилось того, что на этотъ разъ торіи получили громадное большинство.

Новое министерство тоже состояло почти исключительно изъ торіевъ; во главѣ его оказались Гарли и Болинброкъ.

Результатомъ этой перемѣны министерства была отставка лорда Мальборо и отозваніе его отъ командованія англійскою арміею, которую онъ въ короткое время пріучилъ къ побѣдамъ; вмѣстѣ съ нимъ получила свою отставку и его супруга, нѣкогда всемогущая въ сердцѣ королевы Анны и при ея дворѣ—леди Мальборо.

Первымъ дѣломъ новаго, сформировавшагося министерства торіевъ было—заключеніе мира съ Франціей, помимо коалиціи, въ которой участвовала Англія, и на условіяхъ, которыя Людовикъ XIV могъ считать для себя выгодными,

послѣ всѣхъ понесенныхъ имъ тяжелыхъ неудачъ продолжительной войны съ Англіей, въ которой совершенно померкла его блестящая слава, нѣкогда сопровождавшая походы первой половины его царствованія.

Эта внезапная смѣна министерства, эта смѣна цѣлой системы внутренняго управленія страной, вызвана была не перемѣною только личныхъ симпатій королевы. Она никогдабы не осуществилась, если-бы не высказалось въ то время въ полной своей силѣ общественное мнѣніе въ пользу торіевъ и противъ виговъ и ихъ тогдашней внѣшней политики, требовавшей продолженія тяготившей надъ всѣми въ Англіи безконечной войны съ Франціей. Эти явленія ясно указываютъ намъ на то громадное значеніе, которое начинало пріобрѣтать въ это время въ Англіи въ политическихъ дѣлахъ общественное мнѣніе, на значеніе его, которое съ тѣхъ поръ все усиливалось, подготовляя націю къ формѣ правленія, являвшейся какъ результатъ революціи 1688 года—къ представительной монархіи, вполнѣ отвѣчавшей современнымъ требованіямъ, національнымъ особенностямъ и политическому складу англійской націи.

Вступившіе въ управленіе Англіею въ 1710 году вожди торійской партіи—Гарли и Болинброкъ, своею чисто эгоистическою политикою, преслѣдованіемъ чисто личныхъ, партійныхъ цѣлей и своимъ рѣдкимъ тщеславіемъ и надменностью своего обращенія, окончательно погубили себя и ту политическую идею, которой служили. Это были личности, какъ мы видѣли, въ полномъ смыслѣ слова безнравственныя, такія личности, которыя могли явиться только въ смутную эпоху революцій и государственныхъ потрясеній, которую переживала Англія въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій, когда у современныхъ дѣятелей на первый планъ выступали дурныя, эгоистическія цѣли, а не благо родины, не забота о внѣшнемъ и внутреннемъ ея могуществѣ.

Если бы политика ихъ привела бы къ желательнымъ для нихъ цѣлямъ, все дѣло, съ такимъ трудомъ проведенное въ Англіи Вильгельмомъ Оранскимъ, могло мгновенно рушиться и грозило для Англіи возвращеніемъ эпохи Стюартовъ, а съ нею вмѣстѣ и отнятіемъ у нея всякой политической и гражданской свободы.

Но къ счастью для нея случилось иначе.

Чтобы понять стремленія вождей тогдашней торійской партіи—Гарли и Болинброка, намъ необходимо имѣть въ виду, что въ то время, на первый планъ выступалъ вопросъ о престолонаслѣдіи, по смерти королевы Анны.

Намъ извѣстно, что престолъ Англіи долженъ былъ, по бездѣтности Анны, перейти къ ганноверскому дому, въ лицѣ Георга I, сына принцессы Софіи, внучки Іакова I Стюарта. Переходилъ онъ къ курфюрстамъ ганноверскимъ въ силу протестантскаго акта, заключеннаго еще при Вильгельмѣ Оранскомъ, по которому престолъ Англіи долженъ былъ перейти, въ случаѣ бездѣтности короля или королевы, ближайшему протестантскому ихъ родственнику.

Эта перспектива перехода престола къ протестантскому дому, естественно примыкавшему къ партіи виговъ, какъ къ всегдашней защитницѣ протестантскаго культа въ Англіи и связанной съ нею политической свободы, конечно, ничего не представляла отраднаго въ будущемъ для торіевъ, интересы которыхъ всегда связаны были скорѣе съ идеею реставраціи Стюартовъ, съ возведеніемъ на престолъ претендента, сына Іакова II—Іакова III, чѣмъ съ сохраненіемъ протестантской династіи.

Служа осуществленію завѣтныхъ цѣлей якобитовъ, они могли разсчитывать съ реставраціею Стюартовъ сдѣлаться всемогущими въ государствѣ и сохранить свою неограниченную власть на долго. Такимъ образомъ Гарли и Болинброкъ изъ личныхъ эгоистическихъ цѣлей рѣшились вступить въ заговоръ противъ конституціи своей родины и тѣмъ представляли потомству рѣдкій примѣръ политической безнравственности.

Эти обѣ личности, не смотря на всю ихъ глубокую нравственную испорченность, представляли тѣмъ не менѣе рѣзкое различіе въ индивидуальныхъ особенностяхъ своихъ характеровъ. И тотъ и другой были лишены всякихъ религіозныхъ и нравственныхъ убѣжденій, но тогда какъ Гарли былъ совершенною посредственностью въ умственномъ отношеніи и крайне колеблющеюся личностью, которая если и достигла высшихъ должностей, то только благодаря мелкимъ интригамъ и проискамъ, Болинброкъ, напротивъ, отличался необыкновен-

ною энергіею, рѣшимостью и отвагою. Онъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ для той, хотя и безнравственной идеи, которой служилъ. Во всей его кипучей, неутомимой дѣятельности высказывалась его талантливая, даровитая натура, къ сожалѣнію работавшая не на благо родины, а для собственнаго тщеславія.

Скоро между этими двумя предводителями партіи торіевъ возникли несогласія и вражда, возбужденныя взаимною завистью и недовѣріемъ другъ къ другу. Особенно ясно высказалось враждебное чувство Болинброка къ Гарли, когда, по смерти Рочестера, послѣдній сдѣланъ былъ „первымъ лордомъ казначейства" т. е., главою министерства, и возведенъ былъ королевою Анною въ достоинство пэра Англіи, подъ именемъ графа Оксфорда.

Болинброкъ хотѣлъ отстранить своего соперника отъ управленія государственными дѣлами, такъ какъ одинъ хотѣлъ достигнуть реставраціи Стюартовъ, чтобы одному пользоваться благодарностью претендента Іакова III.

Для того, чтобы легче обезпечить себѣ успѣхъ въ этомъ политическомъ заговорѣ, Болинброкъ рѣшается измѣнить коалиціи и вступаетъ въ дипломатическіе переговоры съ Людовикомъ XIV, который, какъ католическій монархъ, скорѣе сочувственно относился къ предполагаемой реставраціи. Болинброкъ даже лично отправился въ Парижъ, для заключенія мира съ Франціей и своею наружностью и изысканнымъ обращеніемъ произвелъ такое чарующее впечатлѣніе на высшее парижское общество блестящаго двора Людовика XIV, что всѣ современные мемуары наполнены подробностями о его пребываніи въ Парижѣ и о многочисленныхъ любовныхъ его похожденіяхъ. По заключенному съ Франціей трактату, (Утрехтскому миру), Людовикъ XIV обязывался признать наслѣдственность ганноверскаго дома въ Англіи; этотъ трактатъ былъ составленъ въ этомъ смыслѣ, съ цѣлью успокоенія общественнаго мнѣнія въ Англіи, желавшаго видѣть на престолѣ протестантскаго принца.

Для Болинброка-же важны были не условія этого мира, а личное расположеніе Людовика XIV и его двора, на которое онъ разсчитывалъ для приведенія въ исполненіе задуманнаго имъ coup d'état.

Между тѣмъ Утрехтскій миръ 1713 г., какъ извѣстно, узаконялъ переходъ испанской короны въ домъ Бурбоновъ и тѣмъ вполнѣ удовлетворялъ Людовика XIV, именно съ этой цѣлью и начавшаго „войну за испанское наслѣдство". Этимъ результатомъ были очень недовольны въ Англіи и виги воспользовались этимъ настроеніемъ, чтобы путемъ парламентскихъ рѣчей и горячей журнальной полемики напасть на политику торіевъ, обвиняя ихъ въ торжествѣ ненавистной для Англіи политики Людовика XIV и открыто называя торіевъ измѣнниками отечества и предателями національныхъ интересовъ Англіи. Очевидно, что всѣ эти нападки противъ торіевъ въ сущности сводились къ открыто выражаемой ненависти виговъ къ всемогущему въ то время Болинброку, который для успокоенія возбужденнаго печатью общественнаго мнѣнія, прибѣгнулъ къ репрессивнымъ мѣрамъ по отношенію къ вигской прессѣ.

Между тѣмъ, благодаря энергическимъ мѣрамъ, предпринятымъ Болинброкомъ, общественное мнѣніе въ Англіи стало сильно склоняться въ пользу претендента, который, если-бы согласился въ то время отречься отъ католицизма, безъ всякаго сомнѣнія, былъ бы принятъ въ Англіи съ восторгомъ, какъ законный наслѣдникъ престола. Но Яковъ III ни за что не соглашался отречься отъ религіи отца и въ изданной имъ декларацiи поклялся торжественно остаться вѣрнымъ сыномъ католической церкви.

Болинброкъ всетаки не терялъ надежды на реставрацію Стюартовъ.

Но въ послѣднюю минуту, когда, казалось, все уже благопріятствовало его планамъ, королева Анна опасно заболѣла, впала въ безпамятство и такимъ образомъ не успѣла, пока еще Болинброкъ былъ всемогущимъ министромъ, утвердить своимъ наслѣдникомъ претендента Іакова III, хотя лично весьма желала его видѣть своимъ преемникомъ.

Парламентъ, воспользовавшись вакантнымъ мѣстомъ, оказавшимся послѣ отставки графа Оксфорда, удаленнаго происками Болинброка, отправилъ неожиданно для послѣдняго депутацію къ королевѣ, прося ее назначить на мѣсто Оксфорда новое лице.

Депутація эта состояла исключительно изъ виговъ, явныхъ

враговъ Болинброка; во главѣ ея оказался даровитый вельможа—графъ Шрьюсбери, одинъ изъ тѣхъ англійскихъ лордовъ, который въ 1688 г. участвовалъ въ призваніи Вильгельма Оранскаго въ Англію. Королева, совершенно уже при смерти, назначила на мѣсто Оксфорда этого Шрьюсбери, который, поддерживаемый всѣми вигами, естественно, не допустилъ до призванія Іакова III въ Англію; а напротивъ, немедленно отправилъ курьера за курфюрстомъ ганноверскимъ Георгомъ. Такимъ образомъ конституція Вильгельма Оранскаго и протестантское престолонаслѣдіе были спасены, а партія якобитовъ тѣмъ самымъ потеряла всякую надежду на успѣхъ.

1-го Августа 1714 г. скончалась королева Анна и одновременно курфюрстъ Георгъ провозглашенъ былъ королемъ Великобританіи, подъ именемъ Георга I.

Правленіе первыхъ двухъ Георговъ изъ ганноверской династіи не представляетъ интереса, ни по отношенію къ внутренней, ни къ внѣшней ихъ политикѣ. Личности этихъ двухъ Георговъ совершенно стушевываются передъ парламентомъ и его автономіею. Они по рожденію своему, по воспитанію, характеру и наклонностямъ своимъ совершенно чужды были англичанъ и англійской жизни, вполнѣ оставаясь крайне ограниченными и ничтожными ганноверскими принцами, какими они всегда были и не принимая никакаго участія въ управленіи страной, предаваясь всецѣло своимъ мелкимъ придворнымъ, тщеславнымъ интересамъ въ обществѣ нѣмецкихъ министровъ, камергеровъ и статсдамъ, эксплоатировавшихъ всячески ихъ слабости и вызывавшихъ въ Англіи безчисленные пасквили на личности королей. Правленіе ихъ важно, исключительно, такъ сказать, въ отрицательномъ смыслѣ. Оно какъ бы узаконило въ Англіи невмѣшательство королевской власти въ управленіе страной, оно de facto исключило элементъ королевской власти изъ англійской конституціи, замѣнивъ его отвѣтственностью министерства передъ парламентомъ и предоставивъ королю чисто какъ бы теоретическое значеніе—главы государства, безъ всякихъ реальныхъ функцій проявленія его власти.

Весь интересъ, значитъ, правленія первыхъ Георговъ сосредоточивается на дѣятельности ихъ министровъ, на пар-

ламентской борьбѣ и на дальнѣйшей выработкѣ англійской конституціи.

Хотя эти министры и являются въ парламентѣ представителями короля, но самъ король принужденъ выбирать ихъ изъ той политической партіи, которая имѣетъ въ данное время перевѣсъ въ парламентѣ.

Обыкновенно онъ выбиралъ перваго министра, которому уже поручалъ составленіе кабинета. Этотъ кабинетъ находился въ полной зависимости отъ парламентскаго большинства; этимъ объясняется столь частая перемѣна министерствъ и тѣ постоянныя колебанія, которымъ подвергалась внутренняя политика Англіи въ началѣ XVIII столѣтія. Такимъ образомъ все въ сущности сводилось къ неограниченной автономіи парламентскаго большинства, которое въ рукахъ своихъ сосредоточивало всѣ аттрибуты и прерогативы королевской власти временъ Тюдоровъ и первыхъ Стюартовъ; для личной-же формы правленія не оставалось, конечно, мѣста въ такомъ конституціонномъ устройствѣ, которое, естественно, только еще болѣе упрочивалось, при существованіи иноземной, антинаціональной династіи, добровольно отказавшейся отъ всякаго участія въ управленіи и ограничивавшейся лишь чисто номинальною властью.

Король въ англійской конституціи, со временъ ганноверской династіи, принимаетъ значеніе чисто теоретическое; онъ становится какъ бы символомъ высшей власти въ государствѣ, представителемъ достоинства націи, посредствующимъ органомъ въ ея сношеніяхъ съ другими державами, но не пользуется властью лично, такъ какъ она всецѣло, de facto, перешла въ руки министерства, отвѣтственнаго передъ парламентомъ, который въ свою очередь пріобрѣталъ право контроля надъ всею администраціей, присвоивалъ себѣ постепенно самую исполнительную власть въ государствѣ.

Ничтожныя личности первыхъ двухъ Георговъ не могли, конечно, внушить англійскому народу никакого уваженія; они, напротивъ, въ состояніи были скорѣе уничтожить въ массѣ всякій престижъ королевской власти, королевскаго могущества.

Англійская нація, своею вѣковою культурою, своимъ исто-

рическимъ развитіемъ со временъ Генриха VIII, сильно привязана была къ протестантизму, олицетворяемому въ то время въ Англіи гонноверскою династіею,

Одна только религіозная идея и служила связывающимъ звеномъ между націей и королевскою династіей, занимавшею въ то время англійскій престолъ. Къ самой-же личности королей нація оставалась совершенно равнодушною и относилась къ нимъ даже съ нѣкоторымъ презрѣніемъ.

За то ганноверскую династію сильно поддерживала партія виговъ.

Въ продолженіе всего царствованія первыхъ двухъ Георговъ ганноверской династіи, т. е. въ теченіе первыхъ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, партія виговъ находилась во главѣ управленія страной, хотя и обладала значительнымъ меньшинствомъ. Партія-же торіевъ открыто выражала оппозицію правительству Георговъ, не являлась даже ко двору и не принимала никакого участія въ управленіи; торіи жили преимущественно въ своихъ помѣстьяхъ и фрондировали оттуда внутреннюю политику виговъ.

Это враждебное отношеніе торіевъ къ политической программѣ ихъ противниковъ было совершенно естественно. Для нихъ преобладаніе виговъ было равносильно выступленію на политическую арену среднихъ, городскихъ классовъ, мелкой буржуазіи, торжеству партіи прогресса, выдвиганію на первый планъ интересовъ торговли, промышленности и денежнаго капитала.

Утвержденіе на долго такого порядка вещей грозило торійской партіи политическою смертью. Отсюда естественно вытекала у нея симпатія къ идеи реставраціи Стюартовъ, которая сдѣлалась отнынѣ ихъ политическимъ лозунгомъ и служила главнымъ рычагомъ всей проводимой ими оппозиціи въ парламентѣ противъ политической программы виговъ.

Внутренняя политика ганноверскаго дома сосредоточилась такимъ образомъ на этомъ антагонизмѣ двухъ политическихъ партій, на этомъ исключительномъ господствѣ партіи виговъ, совершенно отстранившей торіевъ отъ управленія и тѣмъ создавшей себѣ опаснаго врага внутри страны. Между тѣмъ и внѣшняя политика этой династіи должна была быть направлена противъ постоянныхъ движеній

въ Ирландіи, возбуждаемыхъ, съ цѣлью защиты угнетенной династіи Стюартовъ, пользовавшейся общими симпатіями въ католической Ирландіи и особенно въ Шотландіи.

Къ тому-же ганноверскому престолу въ Англіи угрожала постоянная опасность и на континентѣ, въ лицѣ католическихъ державъ—Франціи и Испаніи, явно и тайно готовыхъ выступить въ защиту единовѣрнаго претендента.

Эти католическія державы находили себѣ еще поддержку въ германскомъ императорѣ, который несочувственно смотрѣлъ на чрезмѣрное политическое возвышеніе своего, нѣкогда покорнаго вассала, занявшаго теперь англійскій престолъ.

Даже Карлъ XII, шведскій король, не прочь былъ поддержать силою оружія права претендента на престолъ. Положеніе ганноверской династіи, какъ мы видимъ, было не легкое. Но несмотря на тяжелое ея положеніе, несмотря на всю бездарность первыхъ Георговъ, ганноверская династія всетаки удержалась на престолѣ, благодаря энергической и послѣдовательной политикѣ виговъ.

Центромъ вигской партіи служили средніе классы городскаго населенія, представители торговыхъ и промышленныхъ интересовъ, вполнѣ довѣрившіе защиту своихъ правъ и привилегій нѣкоторымъ выдающимся аристократическимъ фамиліямъ, связаннымъ между собою большею частью родствомъ, раздѣляющимъ вигскія воззрѣнія и представляющимъ такимъ образомъ замкнутую котерію, въ нѣкоторомъ родѣ олигархію, безапелляціонно управлявшую въ то время дѣлами Англіи. Цѣлыхъ сорокъ лѣтъ продолжалось это олигархическое правленіе и результатомъ его было—утвержденіе для блага Англіи ея политической свободы и упроченіе парламентской системы на незыблимыхъ основахъ. Къ концу-же этого періода реставрація Стюартовъ сдѣлалась неосуществимою мечтою и для самихъ якобитовъ.

Выдающимся представителемъ партіи виговъ въ эту эпоху ея крайняго блеска въ Англіи была знаменитая личность Роберта Вальполя, характеристикою которой мы и закончимъ настоящій очеркъ исторіи Англіи въ XVII и началѣ XVIII столѣтій. Въ его личности, можно сказать, отразился весь внутренній смыслъ этой эпохи исторіи Англіи, а потому мы теперь къ ней и переходимъ.

Роберту Вальполю обязана ганноверская династія упроченіемъ своего престола, онъ всю жизнь свою былъ убѣжденнымъ и ревностнымъ защитникомъ конституціонной свободы и всѣхъ завѣтныхъ политическихъ стремленій вигской партіи; онъ въ полномъ смыслѣ слова можетъ быть названъ вождемъ этой партіи.

Самъ онъ по рожденію своему не принадлежалъ къ аристократіи, родители его были дворяне, отецъ его пользовался большею популярностью и значительнымъ вліяніемъ среди мѣстнаго населенія, проводя почти круглый годъ въ своемъ фамильномъ замкѣ, славившемся радушіемъ и гостепріимствомъ.

Политическія свои убѣжденія Робертъ Вальполь унаслѣдовалъ отъ отца, который принималъ между прочимъ участіе въ революціи 1688 г., будучи ревностнымъ приверженцемъ Вильгельма Оранскаго.

Робертъ Вальполь, какъ младшій въ родѣ, предназначался къ духовному званію. Воспитывался онъ въ знаменитой въ Англіи Итонской школѣ, этомъ разсадникѣ политическихъ и литературныхъ дѣятелей. Еще на школьной скамьѣ познакомился онъ съ выдающимся впослѣдствіи своимъ политическимъ соперникомъ Болинброкомъ. Будущіе антагонисты на политической аренѣ рѣшительно во всемъ между собою расходились. Болинброкъ былъ гораздо способнѣе его, отличался большею смѣлостью мысли, большимъ остроуміемъ, большимъ блескомъ; за то Вальполь поражалъ необыкновенною своею настойчивостью, проницательностью мысли, здравымъ, логическимъ складомъ ума, направлявшимъ всю его дѣятельность по строго опредѣленному, заранѣе обдуманному плану.

Смерть его старшаго брата освободила Вальполя отъ обязательной духовной карьеры, къ которой онъ не чувствовалъ ни малѣйшаго призванія и дала ему возможность поселиться въ фамильномъ замкѣ и заниматься своимъ хозяйствомъ, проводя время на охотѣ и шумныхъ пирушкахъ.

Въ послѣдніе годы правленія Вильгельма III мы его уже встрѣчаемъ въ числѣ парламентскихъ ораторовъ, поддерживавшихъ политическія воззрѣнія виговъ въ трудную для нихъ эпоху преобладанія торійской партіи. Поступилъ онъ въ ряды

виговъ, слѣдуя преданію своего рода, который всегда принадлежалъ къ этой партіи.

Краснорѣчіе, которымъ онъ отличался впослѣдствіи, далось ему не легко, онъ пріобрѣлъ его долгимъ, упорнымъ трудомъ, прилежнымъ изученіемъ парламентскихъ дебатовъ и всестороннимъ наблюденіемъ за политическою жизнью англійскаго народа. Онъ имѣлъ случай высказать свои административныя способности и свое парламентское краснорѣчіе во время знаменитаго вигскаго министерства королевы Анны, о которомъ мы въ своемъ мѣстѣ говорили. Онъ раздѣлилъ и печальное паденіе этого министерства и вмѣстѣ съ другими министрами посаженъ былъ въ лондонскую крѣпость Тоуеръ, куда его заключило мщеніе главы торійской партіи, яраго его соперника Болинброка, обвинявшаго его даже въ денежныхъ злоупотребленіяхъ (обвиненіе впрочемъ, не имѣвшее дальнѣйшихъ послѣдствій).

Смерть Анны и вступленіе на престолъ ганноверской династіи, поддерживаемой единственно либеральною партіей виговъ, открыли широкій просторъ политической дѣятельности Вальполя. И дѣйствительно, съ 1713—1742, Вальполь является главнымъ и единственнымъ, можно сказать, руководителемъ какъ внѣшней, такъ и внутренней политики Англіи.

Могущественное вліяніе, оказываемое имъ на его современниковъ и на ходъ внутренней политики страны представляется тѣмъ удивительнѣе, что Вальполь не отличался ни выдающимися природными дарованіями, ни серьезнымъ образованіемъ, ни талантливою натурою, ничѣмъ такимъ, что дѣйствуетъ на массу, а всѣмъ обязанъ былъ своей неутомимой энергіи и настойчивости. Натура его была въ высшей степени грубая, необтесанная; остроуміе—скорѣе площадное и циничное, привычки—рѣзкія и вульгарныя, усвоенныя имъ въ теченіи долгой жизни въ отдаленномъ замкѣ, среди шумныхъ, холостыхъ пирушекъ въ обществѣ сельскихъ джентельменовъ. Но особенно поражалъ онъ отсутствіемъ всякой культуры, налагаемой на человѣка образованіемъ и цивилизаціей и какою-то ненавистью и презрѣніемъ къ литературѣ. Всѣ знанія, которыми онъ щеголялъ въ обществѣ, сводились къ нѣсколькимъ цитатамъ изъ Горація и не многимъ историче-

скимъ анекдотамъ. За то, что составляло его силу—это были холодный разсудокъ, здравый и ясный политическій смыслъ, никогда его не покидавшій въ продолженіе всей парламентской его карьеры, твердость воли и необыкновенный тактъ, какъ-то инстинктивно свойственный англійскимъ государственнымъ людямъ, помогавшій ему выходить изъ самыхъ затруднительныхъ политическихъ обстоятельствъ и твердо идти къ заранѣе намѣченной имъ цѣли. Не будучи никогда выдающимся ораторомъ, онъ между тѣмъ не имѣлъ соперниковъ въ умѣніи руководить парламентскими преніями, направляя ихъ въ свою пользу, вліяя на большинство, для постановки желательнаго для него рѣшенія.

Тайна его дипломатическаго успѣха, не покидавшаго его въ теченіе болѣе двадцатилѣтней его парламентской дѣятельности, заключалась въ усвоенномъ имъ рѣдкомъ знаніи человѣческой природы, человѣческихъ слабостей и увлеченій, которыя эксплоатировались имъ для его личныхъ цѣлей. Это ему тѣмъ болѣе удавалось, что самъ онъ былъ въ высшей степени хладнокровенъ и безстрастенъ, а потому вполнѣ невозмутимо и спокойно могъ руководить людьми, извлекая изъ ихъ ошибокъ все то, что ему было нужно. Къ этому удивительному хладнокровію, къ этой выдержкѣ характера присоединялись у него еще замѣчательная дѣловитость и зрѣлый административный умъ, рѣдкая добросовѣстность и колоссальная энергія. Онъ представлялъ рѣзкій контрастъ со своими современниками, государственными людьми эпохи правленія Анны и въ особенности первыхъ Георговъ, которые часто мѣняли свои убѣжденія, согласно съ временными теченіями и личными расчетами. Робертъ Вальполь, напротивъ, вступивъ еще въ молодости въ ряды виговъ, оставался вѣренъ политическимъ принципамъ и идеаламъ своей партіи до глубокой старости, ни разу не измѣнивъ имъ въ своей парламентской карьерѣ, систематично и неуклонно преслѣдуя ту цѣль, которой онъ посвятилъ всю свою дѣятельность — упроченіе ганноверской династіи и того порядка вещей, который созданъ былъ революціею 1688 года.

Но, не смотря на всѣ эти блестящія качества, выдвигавшія Вальполя на первый планъ среди современныхъ ему государственныхъ дѣятелей Англіи, онъ составилъ себѣ самую

плачевную репутацію и незавидную извѣстность своею системою подкуповъ должностныхъ лицъ, широко имъ примѣняемой на практикѣ въ особенности въ парламентскихъ дебатахъ. Его даже называли „отцемъ парламентскихъ подкуповъ". Его обвиняли современники въ томъ, что онъ систематично развращалъ націю этими подкупами, получившими при немъ какъ бы необходимое, законное основаніе.

Современники его были не правы только въ томъ отношеніи, что приписывали исключительно Вальполю употребленіе этого позорнаго средства, для достиженія перевѣса въ парламентѣ, а не сознавали, что эти подкупы вошли уже давно какъ бы въ нравы борющихся партій и задолго еще до Вальполя служили необходимымъ орудіемъ въ рукахъ тѣхъ государственныхъ дѣятелей Англіи, которые для достиженія желательныхъ для нихъ цѣлей, не останавливались ни передъ какими средствами, обладая, конечно, весьма эластичною нравственностью. Вальполь въ этомъ отношеніи поступалъ какъ и всѣ прочіе, хотя и примѣнялъ эти подкупы въ большемъ размѣрѣ. Въ особенности же подкупы вошли въ силу, когда отношенія партій торіевъ и виговъ стали еще болѣе обостряться.

Эти подкупы, практиковавшіеся такъ широко въ тогдашней парламентской жизни Англіи, безъ сомнѣнія, указывали на глубокую, вкоренившуюся безнравственность ея политическихъ дѣятелей, служили симптомами низкаго уровня общественной нравственности въ ту пору, но, тѣмъ не менѣе, нельзя отрицать и политической необходимости этого печальнаго явленія въ эту эпоху; они вызывались тогдашними условіями парламентской борьбы. Какъ намъ извѣстно, составъ министерства, управлявшаго со временъ ганноверской династіи почти самостоятельно отъ королевской власти дѣлами Англіи, вполнѣ зависѣлъ отъ парламентскаго большинства. Отсюда являлась у министерства необходимость располагать въ свою пользу членовъ, принадлежавшихъ въ данную минуту къ большинству въ парламентѣ.

Такъ напримѣръ: во время господства вигскаго министерства и водворенія конституціонныхъ началъ, послѣднее, всѣми зависящими отъ него средствами, заботилось о томъ, чтобы найти себѣ поддержку въ парламентѣ; между тѣмъ

какъ извѣстно, въ началѣ правленія Георга I изъ ганноверской династіи, партія торіевъ составляла громадное большинство въ Англіи, а слѣдовательно и въ парламентѣ; мало того, вся почти пресса находилась въ рукахъ партіи торіевъ; къ тому же всѣ сельскіе классы населенія, все почти крупное и мелкое дворянство, живущее въ своихъ помѣстьяхъ, оставалось совершенно чуждымъ либеральнымъ воззрѣніямъ виговъ; сама новая, пришлая династія—ганноверская была имъ въ высшей степени не симпатична.

За виговъ и ихъ политическія убѣжденія стояли развѣ только промышленные и торговые классы населенія и не многіе аристократическіе роды, родовыя традиціи которыхъ принадлежали къ политическому міровоззрѣнію партіи виговъ.

Для противодѣйствія торійскому элементу, который такимъ образомъ составлялъ громадное большинство въ парламентѣ, виги имѣли одно только средство, конечно въ высшей степени безнравственное, но за то вѣрное и давно уже испытанное—именно подкупъ.

Матеріальное могущество и значеніе обѣихъ партій были совершенно различны; сила торіевъ заключалась въ поземельной собственности и связанномъ съ нею мѣстномъ вліяніи на провинціальную жизнь, виги же сильны были капиталами и вліяніемъ своимъ въ торговыхъ и промышленныхъ сферахъ. Для борьбы съ торіями виги и употребляли деньги, какъ средство подрыва ихъ авторитета и вліянія въ странѣ, подкупая голоса избирателей въ отдѣльныхъ графствахъ и составляя себѣ такимъ образомъ искусственное большинство въ парламентѣ.

При Вальполѣ эта система подкуповъ, существовавшая еще въ XVII столѣтіи, приняла только еще болѣе широкіе размѣры, такъ какъ дѣло шло теперь о перемѣнѣ всей внутренней политики страны, о провозглашеніи тѣхъ принциповъ вѣротерпимости и свободы слова, тѣхъ основаній конституціонной формы правленія, которые составляли всегда политическое міровоззрѣніе партіи виговъ.

Если Вальполь и пріобрѣлъ эту печальную репутацію, если и прозванъ онъ былъ „отцемъ парламентскихъ подкуповъ“, то это произошло отъ того, что онъ открыто, не стѣсняясь, высказывалъ то, что другіе его современники при-

выкли скрывать. Отъ постояннаго общенія съ людьми продажными, онъ усвоилъ себѣ крайній циническій образъ мыслей, рѣзкость въ выраженіяхъ и грубость вкусовъ; онъ какъ-бы хвастался своимъ презрѣніемъ къ людямъ честнымъ и безупречнымъ и съ какимъ-то сарказмомъ и скептическою насмѣшкою отзывался о патріотизмѣ, о политической добродѣтели, утративъ совершенно самую вѣру въ политическую нравственность своихъ современниковъ.

Замѣчательно то, что вращаясь постоянно въ нравственно испорченной атмосферѣ, онъ самъ не заразился общественною безнравственностью, а напротивъ, вышелъ изъ двадцатилѣтняго испытанія совершенно чистымъ въ смыслѣ неподкупности своихъ политическихъ убѣжденій.

Послѣднее обстоятельство вполнѣ подтвердилось, при его паденіи, когда назначена была слѣдственная комиссія, которая должна была изслѣдовать всю его административную и парламентскую дѣятельность. Эта комиссія почти исключительно состояла изъ личныхъ враговъ Вальполя; между тѣмъ, она при всемъ своемъ пристрастіи, не могла найти ни одного поступка, бросавшаго тѣнь на личную его честь и нравственные принципы. Замѣнившіе его государственные дѣятели Англіи, принуждены были прибѣгать къ тѣмъ-же парламентскимъ подкупамъ, и къ тому еще сами не рѣдко участвовали въ общей продажности, сдѣлавшейся мѣстною язвою тогдашней парламентской жизни Англіи.

Переходя къ характеристикѣ внѣшней политики Вальполя, слѣдуетъ замѣтить, что политика его въ продолженіе всего царствованія первыхъ двухъ Георговъ, была политика мира по преимуществу.

Программа его министерства заключалась въ упроченіи мира съ континентальными державами, при соблюденіи возможнаго спокойствія внутри страны, при широкомъ покровительствѣ, оказываемомъ торговымъ и промышленнымъ интересамъ Англіи, развитію матеріальнаго и экономическаго ея благосостоянія.

Къ этой миролюбивой политикѣ Вальполь былъ главнымъ образомъ принужденъ опасеніемъ вызвать разрывъ съ Англіей континентальныхъ державъ—Франціи, Австріи и Испаніи, которыя, какъ католическія державы, готовы были выступить

въ борьбу съ Англіей, подъ предлогомъ реставраціи Стюартовъ, для проведенія, конечно, своей династической политики. Въ тогдашнемъ министрѣ Людовика XV кардиналѣ Флери, Вальполь нашелъ ревностнаго союзника, также какъ и онъ заботившагося объ отстраненіи всѣхъ поводовъ, могущихъ повлечь за собою нарушеніе европейскаго мира.

Благодаря этой миролюбивой политикѣ Вальполя, Англія могла въ теченіе почти двадцати лѣтъ спокойно развиваться въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, населеніе ея удвоилось, гавани наполнились безчисленными кораблями всѣхъ европейскихъ державъ, англійская колонизація приняла громадные размѣры и тѣмъ распространяла могущество и торговое значеніе Англіи во всѣхъ странахъ свѣта; однимъ словомъ, при Вальполѣ и благодаря его внѣшней политикѣ, положено было прочное основаніе будущему морскому могуществу и міровой торговли Англіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ по отношенію къ внутренней политикѣ страны Вальполь, можно сказать, первый установилъ на твердыхъ основахъ конституціонную форму правленія; съ него она получила свое начало и стала правильно развиваться.

Онъ можетъ служить образцемъ истинно конституціоннаго министра. Управляя Англіею въ теченіе столь долгаго времени, облеченный почти диктаторскою властью, онъ ни разу ни въ чемъ не нарушилъ этой конституціи, ни разу не прибѣгалъ къ крайнимъ репрессивнымъ мѣрамъ, для водворенія желательнаго для него режима. Онъ умѣлъ удержать спокойствіе въ странѣ, довольствуясь тѣми средствами, которыя ему давала конституція, преклоняясь всегда передъ общественнымъ мнѣніемъ, ставшимъ съ XVIII столѣтія такимъ могущественнымъ орудіемъ историческаго развитія народовъ и никогда не увлекался своею ролью перваго министра, хотя имѣлъ на своей сторонѣ большинство въ парламентѣ. Такая миролюбивая внѣшняя и внутренняя политика вполнѣ гармонировала съ личнымъ характеромъ Вальполя.

Онъ былъ человѣкъ прежде всего осторожный, осмотрительный, опасавшійся всякаго риска. У него не было тѣни смѣлости и отваги; разсудокъ у него всегда бралъ верхъ надъ воображеніемъ, практическій смыслъ—надъ увлеченіями честолюбія. Любимою его поговоркою было—„quieta non movere"—„не слѣдуетъ трогать того, что покоится".

Все его министерство не ознаменовано было ни одною значительною въ политическомъ отношеніи мѣрою, ни одною чѣмъ нибудь выдающеюся реформою въ государственныхъ учрежденіяхъ.

Его имя не связано ни съ какимъ новымъ органическимъ государственнымъ закономъ, ни съ какимъ значительнымъ биллемъ, внесеннымъ имъ въ парламентъ, который бы прославилъ навсегда его имя. Онъ въ продолженіе всей своей политической карьеры заботился главнымъ образомъ и преимущественно объ одномъ—о спокойствіи внутри страны, котораго онъ готовъ былъ добиваться путемъ уступокъ и компромиссовъ. Даже для тѣхъ вопросовъ, которые требовали смѣлаго и быстраго рѣшенія, Вальполь старался найти возможное разрѣшеніе миролюбивымъ путемъ, не раздражая общественнаго мнѣнія и избѣгая, по возможности, всякаго народнаго волненія, всякой партійной агитаціи.

Такъ взглянулъ онъ напримѣръ, на жгучій для того времени вопросъ о допущеніи или недопущеніи диссентеровъ на государственную службу.

Послѣдніе неоднократно обращались къ нему съ ходатайствомъ объ отмѣнѣ несправедливой по отношенію къ нимъ проскрипціи, столь тяготѣвшей надъ ними. Вальполь, хотя и сочувствовалъ имъ, хотя и сознавалъ ненормальность для конституціоннаго государства такой мѣры, идущей прямо въ разрѣзъ съ принципами вѣротерпимости и свободы, однакожь не рѣшился предоставить имъ просимыхъ ими правъ гражданства, опасаясь возбужденія взрыва религіознаго чувства приверженцевъ англиканской церкви, легко могущаго обратиться въ фанатизмъ и повести за собою общее броженіе.

Съ этимъ хладнокровіемъ, съ этимъ отсутствіемъ всякой страстности и увлеченія, Вальполь соединялъ рѣдкую простоту и доступность въ обращеніи, дѣлавшія его личность, какъ министръ, весьма симпатичною для массы. Въ его Гогтонскій замокъ ежегодно съѣзжались тысячи приглашенныхъ, которыхъ гостепріимный хозяинъ принималъ съ необыкновеннымъ радушіемъ, забывая на время въ шумныхъ и веселыхъ пирушкахъ тяготѣвшія надъ нимъ заботы о государственныхъ дѣлахъ. Онъ чувствовалъ себя даже весьма стѣсненнымъ въ столичной атмосферѣ и всегда предпочиталъ

ей широкій просторъ сельской жизни въ своемъ родовомъ помѣстьѣ.

И эта колоссальная энергія, этотъ рѣдкій проницательный государственный умъ, въ продолженіе почти четверти вѣка управлявшій вполнѣ, можно сказать, самостоятельно внутренними и внѣшними дѣлами Англіи, долженъ былъ наконецъ сойти съ политической арены и уступить своимъ противникамъ. Погубили его крайнее властолюбіе и зависть. Онъ не могъ сносить раздѣленія власти, не могъ допустить совмѣстнаго съ нимъ управленія другаго лица, совмѣстнаго вліянія на ходъ политическихъ событій.

Эта исключительность, это желаніе, во что бы то ни стало захватить въ свои руки все управленіе страною, конечно, рано или поздно, должно было въ такомъ конституціонномъ государствѣ, какъ Англія, возбудить противъ него непріязнь и ненависть политическихъ его противниковъ, между которыми были и талантливые люди. Пока они принадлежали къ партіи торіевъ и къ іакобитамъ, Вальполь могъ еще, пользуясь своей громадною парламентскою опытностью, побѣдоносно отражать всѣ ихъ нападки; но положеніе вещей совершенно измѣнилось, когда въ числѣ его противниковъ оказались и нѣкоторые выдающіеся представители партіи виговъ.

Оппозиція противъ него въ парламентѣ все возростала. Эта оппозиція напала на слабую сторону политики Вальполя, на его боязнь всякихъ рѣшительныхъ мѣръ, всякой, даже необходимой реформы и тѣмъ постепенно подрывала его авторитетъ въ массѣ, называя эту осторожность, эту страсть къ консервативнымъ началамъ политическою трусостью. Къ оппозиціи скоро примкнула большая часть англійской молодежи, недавно еще покинувшая университетскую скамью и проникнутая еще идеальными мечтами о республиканскомъ Римѣ и Афинахъ, широкими планами реформъ. Эту молодежь въ свою очередь поддерживала часть прессы въ серьезныхъ статьяхъ и въ полемическихъ брошюрахъ и памфлетахъ, разбивавшая всю систему осторожнаго и слишкомъ самонадѣяннаго министра. Эта полемическая литература, направленная якобы противъ крайняго деспотизма и тираніи всемогущаго министра, нашла, конечно, полное сочувствіе въ

тогдашнихъ представителяхъ въ Англіи поэзіи и изящныхъ искусствъ, къ которымъ Вальполь всегда открыто высказывалъ пренебреженіе.

Оппозиція пріобрѣла еще союзника въ лицѣ наслѣдника престола, сына Георга II, принца Фридриха. Вражда наслѣдника престола съ Вальполемъ происходила отъ близости министра къ королю, который былъ въ очень натянутыхъ отношеніяхъ съ своимъ сыномъ и даже удалилъ его изъ С.-Джемскаго двора. Послѣдній, впрочемъ, скоро умеръ въ изгнаніи. Продолжительная политика мира наконецъ надоѣла англійской націи.

Она была въ высшей степени благодѣтельна для Англіи, но лишена была всякаго внѣшняго блеска, не удовлетворяла честолюбію и патріотизму націи, ея стремленіямъ къ военной славѣ, возникшимъ въ ней вновь теперь, послѣ продолжительнаго спокойствія, когда нація сильно разбогатѣвшая, чувствуя избытокъ свѣжихъ, неиспробованныхъ еще силъ, захотѣла выказать ихъ въ какомъ нибудь внѣшнемъ блестящемъ предпріятіи.

Эти пробудившіеся военные инстинкты Англіи направлены были, естественно, противъ той страны, которая съ давнихъ временъ являлась могущественною соперницею Англіи на морѣ и въ торговыхъ ея оборотахъ—противъ Испаніи.

Вражда между этими двумя державами возникла главнымъ образомъ изъ-за монополіи торговли въ испанскихъ колоніяхъ въ Америкѣ, ревниво оберегаемой испанскими крейсерами отъ эксплоатаціи ея англійскими купеческими кораблями.

Англійскіе корабли занимались въ широкихъ размѣрахъ контрабандою на испанскихъ берегахъ и за это часто попадались въ плѣнъ испанскимъ крейсерамъ, которые варварски обращались съ экипажами захваченныхъ англійскихъ судовъ и тѣмъ наносили, по словамъ англійскихъ парламентскихъ ораторовъ, тяжелое оскорбленіе англійскому флагу, требовавшее возмездія. Этимъ патріотическимъ мотивомъ воспользовалась оппозиція, чтобы принудить Вальполя либо начать войну съ Испаніей, либо выйти въ отставку и съ этой цѣлью возбуждала общественное мнѣніе въ странѣ, указывая на необходимость возстановленія съ оружіемъ въ рукахъ по-

руганной будто бы чести англійской націи и разжигая такимъ образомъ народныя страсти.

Извѣстенъ эпизодъ, происшедшій въ это время въ парламентѣ, имѣвшій цѣлью возбудить общественное мнѣніе къ войнѣ съ Испаніей.

Во время засѣданія парламента явился нѣкій человѣкъ съ обрѣзаннымъ ухомъ, выдававшій себя за капитана ограбленнаго испанскими крейсерами корабля и разсказалъ присутствующимъ о томъ, какъ испанскій капитанъ, овладѣвши англійскимъ судномъ, избилъ его, обрѣзалъ ему ухо, сказавши ему, что поступилъ бы точно также и съ самимъ англійскимъ королемъ, если бы онъ тамъ оказался. Впослѣдствіи говорили, что вся эта исторія придумана была оппозиціей, для возбужденія воинственнаго настроенія, но тѣмъ не менѣе она и при всей своей неправдоподобности, произвела свое впечатлѣніе, подготовивъ умы къ желательной для оппозиціи войнѣ.

Общественное мнѣніе было такъ настроено къ войнѣ, народныя страсти такъ возбуждены, что война сдѣлалась неизбѣжною.

Вальполь всегда высказывался противъ этой войны, считая ее даже несправедливою, такъ какъ Испанія, уничтожая контрабанду, производимую англійскими кораблями у береговъ ея американскихъ колоній, пользовалась несомнѣннымъ своимъ правомъ, признаннымъ за нею трактатами. Онъ не предвидѣлъ никакой пользы для Англіи отъ этой войны, а напротивъ, ожидалъ отъ нея большаго вреда для англійской торговли. Къ тому же война шла положительно въ разрѣзъ со всей его политическою системою, она противорѣчила убѣжденіямъ всей его жизни.

Однако не хватило у него гражданскаго мужества, чтобы, видя принципіальное различіе въ своихъ взглядахъ со взглядомъ большинства въ парламентѣ, добровольно отказаться отъ управленія министерствомъ и выйти въ отставку. Ему помѣшало это сдѣлать крайнее его властолюбіе. Зато и потерпѣлъ онъ впослѣдствіи за свое малодушіе, когда результаты неудачнаго похода заставили себя чувствовать и когда разочарованное въ своихъ блестящихъ надеждахъ воинственное настроеніе англичанъ стало во всѣхъ неудачахъ обвинять

того самаго Вальполя, который еще до объявленія войны такъ ревностно противъ нея выступалъ.

Естественно, что эта неудача, обратившаяся теперь на Вальполя, дала только еще лишнее орудіе въ руки оппозиціи противъ ненавистнаго ей министра. Представители всѣхъ партій теперь сошлись вмѣстѣ, съ цѣлью ниспровергнуть того, который столь долгое время управлялъ всею внѣшнею и внутреннею политикою Англіи. Эта тяжелая, неустанная борьба съ громаднымъ большинствомъ въ парламентѣ подорвала наконецъ и его желѣзную натуру, истощила наконецъ его физическія и нравственныя силы.

Въ 1742 году, когда новые выборы въ парламентѣ снова дали рѣшительный перевѣсъ его политическимъ противникамъ, Робертъ Вальполь внялъ совѣтамъ и мольбамъ его друзей, уговаривавшихъ его отдохнуть и поберечь свое здоровье, и рѣшился наконецъ подать въ отставку и удалиться къ частной жизни съ званіемъ пэра и съ титуломъ графа Оксфорда, даннымъ ему Георгомъ II, который всѣмъ былъ ему обязанъ.

Таковъ былъ конецъ политической карьеры этого знаменитаго государственнаго человѣка Англіи.

Послѣ его паденія, во внутреннемъ управленіи Англіи не послѣдовало никакихъ существенныхъ реформъ, никакихъ улучшеній, на которыя такъ разсчитывали его противники; самые парламентскіе подкупы практиковались его преемниками въ прежнихъ ужасающихъ размѣрахъ; вся разница состояла только въ томъ, что вмѣсто одного дѣльнаго, талантливаго министра, Англіею сталъ управлять теперь цѣлый рядъ посредственныхъ въ политическомъ отношеніи личностей. Результатомъ этого порядка вещей была полная апатія, овладѣвшая въ скоромъ времени борющимися партіями въ парламентѣ, полный застой политической жизни въ странѣ, отразившійся со временемъ и на всей націи, которая углубилась въ торговые и промышленные свои интересы, въ матеріальные вопросы, предоставивъ вполнѣ политическую судьбу страны въ руки бо̀льшею частью бездарной вигской клики государственныхъ людей, проводившихъ время въ безчисленныхъ ссорахъ и прерогативахъ своей власти. Такой застой политической жизни въ Англіи продолжался до тѣхъ

поръ, пока управленіе Англіей не перешло въ руки геніальнаго министра Питта старшаго, политическая дѣятельность котораго уже относится ко второму періоду нашего настоящаго курса, а потому мы здѣсь не можемъ о ней распространяться.

Мы такимъ образомъ довели исторію Англіи, тоже какъ и прочихъ западноевропейскихъ государствъ, до сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, составляющихъ, какъ мы говорили, грань между двумя періодами нашего курса исторіи западной Европы въ XVIII столѣтіи, въ до-революціонную ея эпоху.

Переходимъ теперь къ исторіи Франціи.

Мы приступаемъ теперь къ обозрѣнію государства, правительство котораго играло первенствующую роль въ судьбахъ Европы, начиная съ XVII столѣтія и представлявшаго въ XVIII столѣтіи жалкую картину слабости и разложенія; мы переходимъ теперь къ изложенію исторіи государства, которое въ концѣ XVIII столѣтія вліяло на Европу не силою своего оружія и политическимъ своимъ могуществомъ, а силою своей литературы, глубиною философіи своихъ мыслителей.

Мы должны сперва разобрать внѣшнюю исторію Франціи въ эту эпоху, причину слабости ея правительства и роль его въ судьбахъ Европы, до вступленія на престолъ Людовика XVI. Затѣмъ прослѣдимъ постепенное развитіе французской литературы, сдѣлавшейся въ концѣ XVIII столѣтія руководительницею общественнаго мнѣнія въ Европѣ и подчинившей себѣ какъ народы, такъ и министровъ ихъ и государей, т. е. прослѣдимъ то глубокое культурное значеніе этой такъ называемой „просвѣтительной литературы“, подготовившей отчасти великую революцію конца прошлаго столѣтія. Значеніе правленія Людовика XIV для Франціи и его блестящаго вѣка для всей Западной Европы выяснено нами въ общихъ чертахъ въ предъидущемъ курсѣ, озаглавленномъ: „Вѣкъ Людовика XIV-го“; намъ, слѣдовательно, нѣтъ болѣе необходимости къ нему здѣсь возвращаться.

Мы намѣрены поэтому здѣсь прослѣдить исторію Франціи лишь со смерти Людовика XIV, т. е. съ 1-го Сентября 1715 года.

Въ предъидущемъ курсѣ я старался выяснить, какимъ

образомъ вся сложная система государственнаго абсолютизма Людовика XIV могла существовать только, пока во главѣ управленія находилась талантливая, энергическая и твердая личность великаго короля Франціи, такъ какъ вся эта система всецѣло вмѣстѣ съ нимъ неизбѣжно и старилась и разрушалась.

Подъ конецъ жизни своей Людовикъ XIV самъ сталъ сознавать, что созданная имъ система можетъ держаться только сильною, энергическою личностью монарха; между тѣмъ на глазахъ умирающаго старца, умирали одинъ за другимъ почти всѣ члены королевскаго семейства и наслѣдникомъ престола становился его правнукъ—еще младенецъ, тоже по здоровью своему не обѣщавшій долголѣтія.

Опасаясь оставить престолъ Франціи по смерти, безъ заранѣе опредѣленнаго и законнаго наслѣдника, Людовикъ XIV прибѣгнулъ даже къ крайней мѣрѣ: онъ сталъ узаконять своихъ многочисленныхъ незаконнорожденныхъ дѣтей (les batards), предоставляя имъ титулъ „высочествъ“ и право вступленія на престолъ, въ случаѣ прекращенія прямой законной линіи, чтобы этою мѣрою во всякомъ случаѣ обезпечить престолонаслѣдіе въ своемъ фамильномъ родѣ.

Съ этою-же цѣлью Людовикъ XIV приступилъ и къ составленію духовнаго завѣщанія, назначавшаго послѣ его смерти опеку надъ малолѣтнимъ его правнукомъ. Это духовное завѣщаніе подало поводъ къ безконечнымъ придворнымъ интригамъ, имѣвшимъ цѣлью личные интересы близко заинтересованныхъ въ этой опекѣ лицъ. Она тѣмъ важнѣе представлялась интригующимъ родственникамъ и придворнымъ, что соединялась съ регентствомъ надъ государствомъ, до совершеннолѣтія наслѣдника престола.

Ближайшимъ и законнѣйшимъ кандидатомъ на это регентство и связанную съ нимъ опеку надъ малолѣтнимъ королемъ былъ ближайшій родственникъ Людовика XIV, родной его племянникъ—Филиппъ Орлеанскій, сынъ роднаго брата Людовика XIV, отъ брака его съ принцессою Елизаветою Шарлотою Палатинскою, оставившею намъ драгоцѣнные мемуары, представляющіе яркую и блестящую картину придворной жизни и нравовъ французскаго общества конца

XVII и начала XVIII столѣтій. Филиппъ Орлеанскій былъ въ высшей степени даровитый человѣкъ, обладавшій самыми разнообразными способностями—онъ серьезно занимался химіей, цѣлые часы проводилъ въ своей лабораторіи, былъ отличный музыкантъ, прекрасно рисовалъ, превосходно зналъ всѣ европейскіе языки и при томъ отличался остроуміемъ, краснорѣчіемъ, обходительностью и мягкостью обращенія, привлекательною наружностью. Его мать выражалась о немъ какъ о „юношѣ, котораго феи одарили всѣми способностями, позабывъ только объ одной—умѣніи управлять ими". И дѣйствительно, при всѣхъ его блестящихъ качествахъ и разнообразныхъ талантахъ, Филиппъ Орлеанскій поражалъ совершеннымъ отсутствіемъ воли, твердости характера; напротивъ, онъ всегда находился подъ сильнымъ вліяніемъ окружающихъ его, весьма легко поддавался женскимъ прелестямъ и всю свою жизнь былъ вполнѣ несамостоятельнымъ человѣкомъ, сознавая свое нравственное и индивидуальное ничтожество и не будучи въ силахъ отрѣшиться отъ гибельнаго вліянія окружавшихъ его „roués" и придворныхъ дамъ, блиставшихъ красотою и развратомъ.

Въ молодости своей Филиппъ Орлеанскій увлекался воинскою доблестью и принималъ участіе въ нѣкоторыхъ сраженіяхъ въ концѣ царствованія Людовика XIV, гдѣ онъ прославилъ себя какъ неустрашимый воинъ; но это самое обстоятельство навлекло на него зависть и нерасположеніе придворныхъ, опасавшихся усиленія возникавшаго его вліянія на престарѣлаго короля и потому всѣми силами старавшихся отстранить его отъ двора. Удаленный отъ шумной придворной жизни, молодой, увлекающійся принцъ бросился сперва на научныя занятія, но онъ не имѣлъ достаточной силы воли и серьезнаго къ нимъ влеченія, чтобы углубиться въ нихъ, а потому, не занятый дѣломъ, свободный отъ всякихъ государственныхъ и общественныхъ обязанностей, онъ весьма скоро поддался искушенію праздной, веселой жизни въ кругу такихъ-же какъ и онъ легкомысленныхъ придворныхъ и сталъ въ кутежахъ и развратѣ топить свое оскорбленное самолюбіе.

Такимъ образомъ онъ скоро совершенно нравственно опустился и, конечно, какъ будущій регентъ, представлялъ

весьма мало серьезныхъ гарантій для Людовика XIV, тѣмъ болѣе, что стали даже ходить слухи, впослѣдствіи впрочемъ категорически опровергнутые, о томъ, что Филиппъ Орлеанскій косвенно участвовалъ въ случившемся въ то время отравленіи нѣкоторыхъ принцевъ крови, чтобы тѣмъ вѣрнѣе проложить себѣ путь къ престолу.

Остальные кандидаты въ регенты Франціи—герцогъ Мэнскій, поддерживаемый между прочимъ г-жею Ментенонъ и графъ Тулузскій были крайне ничтожныя личности и представляли изъ себя совершенные типы тогдашней пустой, легкомысленной, вѣтренной и развратной французской придворной молодежи.

Каждый изъ этихъ претендентовъ имѣлъ за собою партію, которая за него интриговала.

Филиппъ Орлеанскій, не имѣя приверженцевъ въ придворныхъ слояхъ, сталъ домогаться популярности среди нисшаго и средняго сословія — буржуазіи, распуская слухъ, что первымъ его дѣломъ, по достиженіи власти, будетъ вернуть „états généraux“ и прочимъ корпоративнымъ и сословнымъ учрежденіямъ тѣ привилегіи и льготы, которыя были у нихъ отняты системою монархическаго абсолютизма Людовика XIV съ тѣмъ, чтобы возстановить ихъ въ прежнемъ ихъ средневѣковомъ значеніи.

1 Сентября 1715 г. умеръ Людовикъ XIV среди всѣхъ этихъ разнообразныхъ придворныхъ интригъ. Завѣщаніе его было вскрыто парижскимъ парламентомъ и Франція узнала, что на мѣсто единовластія и крайней централизаціи, къ которымъ стремилась вся система великаго короля, теперь неожиданно является двоевластіе и полная разрозненность правительства, такъ какъ по этому завѣщанію, Филиппъ Орлеанскій назначался предсѣдателемъ совѣта регентства. но безъ всякихъ особенныхъ правъ; дѣла въ совѣтѣ рѣшались большинствомъ голосовъ, при чемъ Филиппъ Орлеанскій имѣлъ только одинъ голосъ. Герцогъ-же Мэнскій назначался воспитателемъ молодаго короля и главнокомандующимъ надъ всѣми войсками. Положеніе Филиппа Орлеанскаго было тѣмъ затруднительнѣе, что всѣ члены совѣта были его заклятые враги и, конечно, парализировали всѣ его дѣйствія.

Весь страхъ, однако, внушаемый Людовикомъ XIV своимъ современникамъ и всѣмъ его окружающимъ, исчезъ вмѣстѣ съ нимъ въ могилу. Едва онъ успѣлъ закрыть глаза, какъ воля его перестала быть обязательною для его подданныхъ. Парижскій парламентъ не утвердилъ его завѣщанія на томъ основаніи, что оно вводило во Францію гибельное для нея двоевластіе и подкапывалось подъ всю систему монархическаго абсолютизма, что, впрочемъ, было совершенно справедливо; оно было написано, какъ мы видѣли, подъ вліяніемъ чувства недовѣрія, внушаемаго Филиппомъ Орлеанскимъ Людовику XIV.

Вмѣсто утвержденія духовнаго завѣщанія Людовика XIV, Филиппъ Орлеанскій былъ провозглашенъ неограниченнымъ регентомъ Франціи, до совершеннолѣтія молодаго короля, Людовика XV-го; совѣтъ регентства сталъ послушнымъ орудіемъ въ его рукахъ, а герцогъ Мэнскій назначенъ былъ лишь номинальнымъ опекуномъ надъ королемъ, съ титуломъ „surintendant de l'éducation du roi"; отъ этой должности онъ скоро отказался и тогда Филиппъ Орлеанскій сосредоточилъ въ себѣ все управленіе государствомъ и все воспитаніе молодаго Людовика.

Мы знаемъ въ какую трудную минуту Филиппъ Орлеанскій сдѣлался правителемъ Франціи, какая серьезная задача предстояла въ то время королевской власти, задача, которая не была выполнена и самымъ правительствомъ Людовика XIV и необходимость которой онъ даже вовсе и не сознавалъ. Предстояло переформировать внутренно всю Францію, создать въ ней новыя учрежденія, соотвѣтствующія новымъ государственнымъ формамъ, воскресить въ ней финансы, разоренныя расточительностью и безполезными войнами Людовика XIV оживить въ ней упавшую торговлю и промышленность. Общественное мнѣніе и преимущественно буржуазія ожидали отъ регента различныхъ благотворныхъ реформъ, какъ-то: уменьшенія тяготѣвшихъ надъ всѣми непосильныхъ податей и пошлинъ, созванія вновь états généraux, которые уже десятками лѣтъ болѣе не собирались, уменьшенія численности войска, содержаніе котораго тоже тяжелымъ бременемъ ложилось на народъ и т. д. Удивительно-ли, что Филиппъ Орлеанскій, не смотря на всѣ свои природныя дарованія, при

отсутствіи всякой выдержки въ характерѣ, всякой привычки къ серьезному, умственному труду, при слабости воли и пристрастіи къ разгульной жизни, не былъ на высотѣ выпавшей на его долю задачи?

Въ самомъ началѣ своего регентства Филиппъ Орлеанскій былъ проникнутъ еще всевозможными благими намѣреніями на пользу Франціи и съ энергіею принялся за ихъ осуществленіе.

Онъ собиралъ комитеты и комиссіи, для обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, для пересмотра законодательства, для разработки различныхъ проэктовъ реформъ. Но не на долго хватило у него этой энергіи.

Скоро предался онъ своей прежней апатіи и пагубной наклонности къ бездѣятельности и связанному съ нею распутству въ кругу развратной молодежи. Началась въ полномъ смыслѣ слова физическая и нравственная оргія, прекратившаяся только съ его смертью. Это было время господства фаворитокъ регента, время полнѣйшей нравственной деморализаціи парижскаго общества, которому дворъ регента и частная его жизнь показывали, конечно, самый печальный примѣръ. Всѣ мемуары того времени пластично и всесторонне рисуютъ намъ глубокую нравственную распущенность тогдашняго французскаго общества, утратившаго всякіе нравственные принципы, для котораго удовлетвореніе самыхъ грубыхъ, чувственныхъ влеченій сдѣлалось главнымъ стимуломъ жизни.

На придворныхъ интригахъ безнравственнаго двора регента Филиппа Орлеанскаго мы останавливаться не будемъ, такъ какъ они не представляютъ никакого интереса въ историческомъ отношеніи. Единственно, что можно поставить въ заслугу распутному регенту это то, что онъ никогда не посвящалъ своихъ любовницъ въ вопросы государственные и политическіе и въ этомъ отношеніи никогда не находился подъ ихъ вліяніемъ (*).

(*) Извѣстенъ анекдотъ о томъ, какъ однажды регентъ въ отвѣтъ на какую-то дѣловую просьбу одной изъ его любовницъ M-me de Parabère, подвелъ ее къ зеркалу и указавъ ей на ея отраженіе въ зеркалѣ, замѣтилъ ей: посмотрите на себя и скажите мнѣ возможно-ли съ такой красавицей говорить о чемъ либо другомъ, кромѣ любви?

Онъ впрочемъ скоро совершенно пересталъ заниматься государственными дѣлами, предоставивъ управленіе своему бывшему наставнику аббату, впослѣдствіи кардиналу Дюбуа, личности крайне пустой и мелкой и притомъ лишенной всякихъ административныхъ способностей, что не мѣшало ему воображать себя вторымъ кардиналомъ Ришелье. Это былъ человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ правилъ, совершеннѣйшій циникъ въ религіозномъ и нравственномъ отношеніяхъ и притомъ по своимъ нравамъ настоящій представитель этой безнравственной эпохи. Не смотря однако на его далеко не пуританскій образъ жизни, онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа Камбрейскаго и такимъ образомъ занялъ то мѣсто, которое до него занималъ кроткій и просвѣщенный Фенелонъ.

Естественно, что этотъ ничтожный, развратный министръ не въ силахъ былъ создать того, чего не создалъ обширный и геніальный умъ Людовика XIV т. е. не въ силахъ былъ удержать систему абсолютизма отъ угрожавшаго ей разложенія, установивъ ее на прочныхъ государственныхъ учрежденіяхъ, соотвѣтствующихъ потребностямъ времени.

Къ тому же при полномъ хаосѣ, существовавшемъ въ тогдашнихъ финансахъ Франціи, при отсутствіи всякихъ денежныхъ средствъ въ странѣ и всякаго денежнаго кредита заграницей, при безумной роскоши, охватившей высшее французское общество, бравшее примѣръ съ распутнаго двора регента, при громадныхъ государственныхъ долгахъ, простиравшихся до 200 милліоновъ слишкомъ, остававшихся годами не уплаченными и только все еще увеличивавшихся, не было даже никакой фактической возможности приступить къ какимъ нибудь серьезнымъ реформамъ административнаго и финансоваго свойства.

Государственные доходы были затрачены уже на три года впередъ (на 1715, 1716 и 1717 гг.). Дефицитъ государственнаго бюджета 1715 г. простирался до 146 мил. фр.

Не имѣя возможности приступить къ кореннымъ финансовымъ реформамъ, въ которыхъ такъ нуждалась Франція, правительство ея прибѣгало къ палліативнымъ мѣрамъ, которыя только на время отвлекали глаза общества отъ неизбѣжнаго финансоваго краха и, конечно, не могли вылечить

Францію отъ тѣхъ глубокихъ язвъ, которыми усѣянъ былъ ея государственный и общественный организмъ. Такъ напримѣръ уменьшили казенное жалованье солдатамъ, ухудшили чеканку металлической монеты, понизили проценты государственнаго долга, учредили такъ называемую „chambre ardente", для пересмотра всѣхъ обязательствъ частныхъ лицъ къ казнѣ и для изслѣдованія вопіющихъ злоупотребленій монополистовъ—откупщиковъ.

Отъ всѣхъ этихъ палліативныхъ мѣръ правительство, конечно, вынесло весьма мало пользы. Общій финансовый застой и полное отсутствіе денежнаго кредита, какъ у правительства, такъ и у частныхъ лицъ, господствовали повсемѣстно. Къ тому же финансовые вопросы продолжали для массы оставаться вполнѣ загадочными и весьма неясными, что давало возможность ловкимъ спекулянтамъ увлечь за собою довѣрчивую толпу и проводить свои, совершенно фантастическіе проэкты, лишенные всякой реальной, практической примѣнимости. Подобнымъ хаотическимъ состояніемъ финансовыхъ понятій во французскомъ обществѣ временъ регента Филиппа Орлеанскаго и можно только объяснить увлеченіе, охватившее его безумнымъ и безразсуднымъ финансовымъ проэктомъ извѣстнаго шотландца Law, окончившимся столь знаменитымъ крахомъ.

Обстоятельства этой чудовищной финансовой операціи хорошо извѣстны каждому.

Капитальная ошибка системы Law, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что онъ полагалъ, что богатство страны обусловливается количествомъ обращающихся въ ней звонкой монеты и кредитныхъ билетовъ. Отсюда онъ пришелъ къ заключенію, что правительство можетъ производить обороты въ нѣсколько разъ больше, противъ имѣющагося у него наличнаго фонда, путемъ выпуска на недостающуюся сумму кредитныхъ бумажекъ.

Съ такимъ фантастическимъ проэктомъ Law явился еще къ Людовику XIV, но тотъ недовѣрчиво къ нему отнесся и вскорѣ послѣ этого послѣдовавшая его смерть не дала на время возможности Law предложить свои услуги французскому правительству. Но когда финансы при регентѣ оказались въ томъ плачевномъ и безвыходномъ положеніи, о которомъ я

только что упомянулъ, Law, явившись снова съ предложеніями, встрѣченъ былъ весьма сочувственно регентомъ, который ухватился за его проэктъ, какъ за послѣдній якорь спасенія отъ наступавшаго краха. Въ 1716 г., съ разрѣшенія регента, учрежденъ былъ въ Парижѣ частный банкъ на акціяхъ, въ слѣдующемъ же году обращенный въ государственный, съ основнымъ капиталомъ въ 3 милліона ливровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ было выпущено на громадную сумму кредитныхъ билетовъ, которые только еще увеличили общій государственный долгъ. Стали учреждаться безчисленныя компаніи на акціяхъ, напримѣръ Compagnie d'occident, для эксплоатаціи области, прилегающей къ рѣкѣ Миссисипи въ Америкѣ, Compagnie des Indes и мн. др. Эти компаніи стали эксплоатировать всѣ окладные и неокладные сборы государственнаго хозяйства.

Началось фиктивное повышеніе на биржѣ акцій, выпущенныхъ правительствомъ, повышеніе, достигшее колоссальныхъ размѣровъ. Въ связи съ этимъ повышеніемъ котировки гарантированныхъ правительствомъ акцій, выпускались все новыя и новыя акціи и новые бумажные знаки, уже ничѣмъ не гарантированные. Такимъ образомъ было въ короткое время выпущено до 625 тысячъ акцій, представляющихъ номинальную стоимость въ $3^1/_2$ милліарда бумажныхъ франковъ. Такая масса бумажекъ, ничѣмъ не гарантированныхъ, наводнившая рынокъ, не могла, конечно, удержаться въ цѣнѣ, а потому стала быстро падать, что вызвало въ обществѣ съ 1719 г. тревогу, стали требовать изъ банка въ замѣнъ ихъ звонкой монеты, которая весьма туго выдавалась. Между тѣмъ зловѣщіе слухи все болѣе и болѣе распространялись въ обществѣ и стали доходить и до провинціи; стали говорить о томъ, что все предпріятіе дутое, что никакой эксплоатаціи Лузіаны и Миссисипи и не существуетъ. Эти слухи, конечно, вызвали сильное паденіе на биржѣ выпущенныхъ акцій; между тѣмъ банкъ все неохотнѣе выдавалъ взамѣнъ ихъ звонкую монету и наконецъ въ 1720 г. совершенно отказался выплачивать ее частнымъ лицамъ. Отъ этого, разумѣется, акціи совершенно упали въ цѣнѣ, потеряли всякую стоимость на биржѣ и государство такимъ образомъ должно было объявить себя банкротомъ. Law бѣжалъ

отъ разъяренной толпы за границу и вскорѣ умеръ въ Венеціи, въ совершенной нищетѣ. Правительству оставалось только уничтожить массу ровно ничего не стоющихъ денежныхъ бумажныхъ знаковъ, ликвидировавъ всю операцію громаднымъ дефицитомъ, окончательно разорившимъ Францію.

Столь же неудачна была и внѣшняя политика Филиппа Орлеанскаго.

Все свое восьмилѣтнее регентство провелъ онъ въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ Испаніей, гдѣ въ то время, какъ намъ извѣстно, царствовалъ Филиппъ V, котораго его талантливый министръ, знаменитый Альберони, подстрекалъ явиться претендентомъ на регентство во Франціи.

Эти интриги испанскаго министра опирались главнымъ образомъ на тѣлесную слабость молодаго французскаго короля—Людовика XV, представлявшую мало шансовъ въ томъ, что онъ когда нибудь достигнетъ совершеннолѣтія, и потому Альберони разсчитывалъ съ успѣхомъ выставить кандидатуру Филиппа V, какъ Бурбона, на французскій престолъ. Отсюда естественно вытекала непримиримая вражда Филиппа Орлеанскаго къ испанскому королю, который являлся его соперникомъ.

Эти натянутыя отношенія къ Испаніи продолжались до 1723 г., когда Людовикъ XV былъ признанъ совершеннолѣтнимъ, достигнувши 14 лѣтняго возраста, хотя управленіе всѣми государственными дѣлами продолжало оставаться фактически въ рукахъ кардинала Дюбуа.

Къ этому же времени отношенія Франціи къ Испаніи значительно измѣнились къ лучшему, опять-таки изъ за чисто династическихъ соображеній.

Въ принципѣ рѣшенъ былъ современемъ бракъ французскаго короля съ семилѣтнею еще въ то время, испанскою инфантою, которая пріѣхала въ Парижъ для воспитанія, до достиженія возраста, дающаго ей возможность вступить въ бракъ съ Людовикомъ XV. Этимъ бракомъ разсчитывала дипломатія соединить союзомъ двѣ могущественныя и при томъ, какъ извѣстно, родственныя династіи.

Въ этомъ же 1723 г. умеръ регентъ Филиппъ Орлеанскій, столь-же постыдно, какъ и жилъ, среди шумнаго ужина, на рукахъ одной изъ своихъ любовницъ, M-me de Phalaris;

умеръ и кардиналъ Дюбуа. Мѣсто его занялъ честолюбивый и крайне ограниченный герцогъ Бурбонъ Конде, который въ свою очередь находился подъ сильнымъ вліяніемъ своей любовницы, властолюбивой и надменной маркизы de Prie.

Имѣя въ виду прежде всего какъ можно дольше сохранить за собою власть и управленіе государствомъ, герцогъ Бурбонъ Конде и въ особенности искусная въ придворныхъ интригахъ маркиза de Prie задумали какъ можно скорѣе женить слабаго здоровьемъ короля, чтобы въ случаѣ преждевременной его кончины, обезпечить себя наслѣдникомъ престола, надъ которымъ они могли бы сохранить опеку и регентство, которыми такъ дорожили.

Этотъ смѣлый планъ ихъ, конечно, вовсе не гармонировалъ съ предположеніемъ женить Людовика XV на испанской инфантѣ, имѣвшей въ то время не болѣе 7 лѣтъ, такъ какъ пришлось бы слишкомъ долго ждать совершенія этого брака, а между тѣмъ слабый здоровьемъ король могъ до этого срока скончаться и тѣмъ разрушить всѣ ихъ честолюбивые планы. Поэтому стали они отыскивать такую невѣсту королю, съ которою онъ могъ бы немедленно же вступить въ бракъ и которая по свойству своего характера была бы послушнымъ орудіемъ въ ихъ рукахъ.

Выборъ ихъ палъ на Марію Лещинскую, дочь бывшаго короля польскаго Станислава Лещинскаго, живущую въ то время съ отцемъ своимъ въ изгнаніи—въ Палатинатѣ. Они разсчитывали при этомъ на вѣчную благодарность изгнаннаго польскаго короля и на полную готовность будущей королевы Франціи—вполнѣ подчиниться ихъ вліянію, въ замѣнъ высокой чести и высшаго сана, которымъ она имъ будетъ всецѣло обязана.

Ихъ честолюбивые планы вполнѣ удались сначала. Людовикъ XV, настроенный къ свадьбѣ своимъ министромъ, поддался его вліянію и согласился на бракъ съ Маріею Лещинскою.

Испанская инфанта была отослана на родину, что, конечно, повлекло за собою возобновленіе непріязненныхъ и натянутыхъ отношеній между Испаніей и Франціей, и Людовикъ XV въ 1725 г. женился на только что пріѣхавшей во Францію Маріи Лещинской и въ первые годы супруже

ства со всѣмъ жаромъ молодаго, неиспорченнаго еще чувства, отдался горячей любви къ своей молодой женѣ и представлялъ примѣръ рѣдкаго мужа и отца. На всѣ попытки развратныхъ придворныхъ и его приближенныхъ, старавшихся отвлечь короля отъ его молодой супруги, выставляя ему прелести какой нибудь придворной красавицы, при помощи которой они надѣялись пріобрѣсти на него вліяніе. Людовикъ XV неизмѣнно отвѣчалъ, что онъ въ числѣ всѣхъ придворныхъ дамъ не находитъ ни одной, которая могла бы по красотѣ сравниться съ королевою.

Но это примѣрное, нравственное поведеніе короля продолжалось не долго.

Скоро и вліяніе, оказываемое герцогомъ Бурбонъ Конде на молодаго короля, значительно пошатнулось; онъ долженъ былъ уступить свое мѣсто перваго министра и совѣтника короля новому лицу—именно аббату, впослѣдствіи кардиналу Флери, который въ теченіе 17 лѣтъ (съ 1726—1743) управлялъ Франціею весьма разумно. Во всякомъ случаѣ Флери среди полнаго разврата того времени и совершеннаго паденія нравственности современнаго ему французскаго общества представляетъ еще до нѣкоторой степени отрадное явленіе.

Обладая тоже крайнимъ честолюбіемъ, онъ былъ всетаки человѣкъ дѣловой, умѣренный и весьма миролюбивый. Главныя его заботы были направлены на улучшеніе финансовъ во Франціи путемъ порядка и строгой экономіи, на поднятіе совершенно упавшихъ земледѣлія, промышленности и торговли. Внѣшняя его политика была миролюбива; онъ заботился прежде всего о сохраненіи мира съ сосѣдними державами, но эта миролюбивая политика не исключала въ немъ нѣкоторой твердости и послѣдовательности.

Заслуга Флери заключается въ томъ, что онъ, хотя и палліативными мѣрами, удержалъ еще на нѣкоторое время вполнѣ разслабленный организмъ Франціи отъ окончательнаго разложенія. Если его внутренняя и внѣшняя политика и была полезна для Франціи, то потворство, которое онъ оказывалъ королю по отношенію къ его слабостямъ, съ цѣлью отвлечь его отъ занятій государственными дѣлами и сохранить такимъ образомъ въ своихъ рукахъ все управленіе Франціею, было весьма пагубно для молодаго короля.

такъ какъ пріучало его къ бездѣятельности, къ пустой придворной жизни, исполненной искушеній и соблазна и ничего не дававшей уму и сердцу.

Такимъ образомъ примѣрный вначалѣ мужъ—Людовикъ XV сталъ постепенно удаляться отъ жены, искать себѣ развлеченія въ веселомъ кругу блестящихъ придворныхъ красавицъ, сталъ чаще и чаще измѣнять своей супругѣ и наконецъ совершенно погрязъ нравственно, окруженный своими любовницами, на которыхъ онъ тратилъ безумныя деньги. Между ними знаменитая маркиза Помпадуръ имѣла до самой своей смерти въ 1764 г. громадное и весьма пагубное вліяніе на всю внѣшнюю политику Франціи этой эпохи. О скандальной хроникѣ развратнаго царствованія Людовика XV мы распространяться не будемъ, (такъ какъ она слишкомъ извѣстна), отсылая интересующихся ею къ безчисленнымъ мемуарамъ того времени.

Это исключительное вліяніе женщинъ на слабаго характеромъ Людовика XV особенно дало себя чувствовать, по смерти кардинала Флери, именно съ 1743 г. и это вліяніе кончилось только со смертью короля въ 1774 г.

Людовикъ XV, одаренный не дюжинными способностями, съумѣвшій въ началѣ своего правленія заслужить всеобщую любовь, (его народъ называлъ Louis le Bien-aimé), съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе нравственно опускался, не будучи уже въ состояніи подняться.

Настало время полнаго господства фаворотизма во Франціи. Государственная казна, приведенная нѣсколько въ порядокъ разумною экономіею Флери, стала теперь расточаться самымъ безразсуднымъ образомъ на роскошныя придворныя празднества и на милліонные подарки королевскимъ любовницамъ. Государственныя должности занимались не способными и достойными людьми, а ловкими царедворцами, умѣвшими снискать расположеніе короля или всемогущихъ герцогини Chateauroux, маркизы Помпадуръ или наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія Людовика XV—графини Du Barry. Подобные неспособные министры и полководцы, какъ напримѣръ герцогъ Ришелье, Bel-Isle или герцогъ Soubise, конечно, только еще болѣе дискредитировали прежнее вели-

чіе и обаяніе, которыя нѣкогда оказывала Франція на сосѣднія государства.

Внѣшнее значеніе Франціи черезъ это постепенно падало, вмѣстѣ съ уваженіемъ къ правительству внутри страны. Внѣшняя политика велась безъ всякаго опредѣленнаго плана, по минутному капризу и произволу окружавшихъ короля его приближенныхъ и любовницъ и преслѣдовала исключительно мелкія интриги, имѣвшія въ виду личное тщеславіе, а не благо Франціи, не ея прямыя національныя и территоріальныя выгоды. Результатомъ этой постыдной политики былъ рядъ крупныхъ неудачъ, постигшихъ Францію во время войны за австрійское наслѣдство и семилѣтней войны. Эти неудачи, этотъ позоръ французскаго оружія не возбуждали въ современномъ французскомъ обществѣ взрыва негодованія; они скорѣе встрѣчались имъ съ какимъ то тупымъ равнодушіемъ и даже скорѣе радостно, такъ глубоко презирало общественное мнѣніе ненавистное ему и нравственно упавшее правительство Франціи этой эпохи.

Всѣ эти печальныя явленія были прямымъ слѣдствіемъ ложной системы Людовика XIV.

Глухая оппозиція, вызванная повсюду этой системой, общее неудовольствіе ею и деморализирующее вліяніе, оказываемое ею на массу, сдерживались еще при жизни великаго монарха его желѣзною рукою, его неутомимою энергіею, страхомъ, внушаемымъ его величавою личностью и неотразимымъ обаяніемъ, оказываемымъ имъ на его современниковъ, но лишь только его опустили въ могилу, лишь только его не стало, какъ долго искуственно сдерживаемыя оппозиція и народное негодованіе, не встрѣчая болѣе препятствія, для своего обнаруженія, высказались во всей своей силѣ, обнаруживъ все глубокое разложеніе общества, двора и всего правительства во всѣхъ ужасающихъ ихъ размѣрахъ. Началась та политическая и нравственная оргія, которая завершилась въ концѣ прошлаго столѣтія ужаснымъ терроромъ, съ его потоками крови.

Все тогдашнее общество представляло яркую картину полнаго разложенія. Мы видимъ невѣжественную и крайне разоренную массу, находившуюся въ полномъ подчиненіи и зависимости отъ развращеннаго высшаго, привилегирован-

наго класса, жившаго на счетъ этой обѣднѣвшей и разоренной массы (*).

Этотъ высшій классъ, эта аристократія тогдашняго французскаго общества сосредоточила въ своихъ рукахъ все управленіе страною; между тѣмъ это былъ классъ непроизводительный, совершенно неспособный къ труду, вовсе не проникнутый строгими нравственными правилами и убѣжденіями.

Онъ конечно бралъ примѣръ съ развратнаго двора регента Филиппа Орлеанскаго и Людовика XV. Дворъ этотъ къ тому времени совершенно даже утратилъ то внѣшнее приличіе, тотъ внѣшній блестящій лоскъ, которыми при Людовикѣ XIV прикрывались глубокій развратъ и нравственная испорченность. Даже женщины гордились и щеголяли своимъ распутствомъ, какъ напримѣръ въ правленіе регента герцогиня du Berry, извѣстная своими скандальными похожденіями.

Ханжество и религіозное лицемѣріе, въ особенности распространившіяся въ высшихъ слояхъ общества съ конца царствованія Людовика XIV, со времени пагубнаго на него вліянія M-me de Maintenon, постепенно убили въ нихъ, а впослѣдствіи и въ массѣ — истинное религіозное чувство, обративъ религію въ пустую формальность, исполняемую только, по требованію монарха.

Лишь только его не стало, какъ долго и искусственно сдерживаемыя во всѣхъ слояхъ французскаго общества кощунство и невѣріе, не встрѣчая болѣе запрета, для своего обнаруженія, высказались вполнѣ во всей своей неприкрашенной наготѣ. Это крайнее легкомысліе въ вопросахъ религіи, это полнѣйшее безвѣріе и атеизмъ, считались даже въ нѣкоторомъ родѣ признакомъ просвѣщеннаго ума и разносторонняго образованія.

(*) См. Tocqueville-Histoire philosophique du règne de Louis XV— „L'ancien régime" гдѣ говорится, что въ то время $^2/_3$ всей земли находилось въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ дворянства, такъ и духовенства, а только $^1/_3$ принадлежала мелкимъ землевладѣльцамъ. Многіе оставляли земли свои невоздѣланными и искали заработковъ въ столицѣ и такимъ образомъ только еще увеличивали собою пролетаріатъ.

Мѣсто религіознаго чувства заняло суевѣріе, вѣра въ сверхъестественное, въ невидимыхъ, безплотныхъ духовъ, имѣющихъ будто бы фатальное и неотразимое вліяніе на людей, вліяніе, котораго никакъ нельзя избѣжать и которому невольно приходится подчиняться. Это суевѣрное настроеніе массы, переходившее и въ высшіе слои тогдашняго французскаго общества, искусно эксплоатировалось ловкими проходимцами—своего рода „chevaliers d'industrie", предшественниками знаменитыхъ въ свое время St. Germain'a и Cagliostro, прославившихся своею тайною магіею въ концѣ прошлаго столѣтія.

Семейный бытъ — эта основа всякаго здороваго государственнаго и общественнаго организма—совершенно выродился въ высшихъ слояхъ общества, въ аристократіи временъ регента Филиппа Орлеанскаго и Людовика XV. Одни минутныя наслажденія, свѣтскія удовольствія, азартная игра въ разнообразныхъ ея видахъ, удовлетвореніе самыхъ низкихъ, чувственныхъ влеченій занимали это развратное общество, предшествовавшее во Франціи великой революціи конца прошлаго столѣтія.

Высшею цѣлью въ жизни стало—пріобрѣтеніе какими-бы то ни было путями денегъ, какъ высшаго блага на землѣ, дающаго всевозможныя наслажденія.

Мы не находимъ въ этихъ высшихъ слояхъ французскаго общества, составлявшихъ нѣкогда весь блескъ и славу двора Людовика XIV и предметъ зависти, подражанія и поклоненія всей Европы конца XVII столѣтія, ни религіознаго чувства, ни твердыхъ, нравственныхъ убѣжденій, ни серьезнаго, основательнаго образованія, ни способности даже и привычки къ умственному труду, ни стремленія къ высшимъ, облагораживающимъ человѣка идеямъ и воззрѣніямъ, ни даже, наконецъ, уваженія къ монархическому принципу, къ монархической формѣ правленія, которой эти высшіе слои общества были обязаны всѣмъ своимъ блескомъ и значеніемъ. И среди нихъ сталъ по немногу проникать духъ скептицизма и невѣрія, духъ все разбивающей и анализирующей критики. Это развратное общество, напротивъ, представляло въ эту минуту, предшествовавшую роковому кризису, крайнюю пустоту и мелочность интересовъ и руководящихъ имъ идеа-

ловъ, необыкновенное легкомысліе, глубокую нравственную испорченность, отчасти только прикрытую внѣшнимъ лоскомъ свѣтскихъ изысканныхъ манеръ, подвижностью и остроуміемъ національнаго, живаго, впечатлительнаго французскаго характера и бойкаго, игриваго его языка.

Значительную часть тогдашняго населенія Франціи составляло католическое духовенство, имѣвшее громадное вліяніе на всю общественную жизнь и въ особенности на высшіе слои общества (*).

Это духовенство проповѣдывало крайнюю нетерпимость въ вопросахъ религіозныхъ, нетерпимость, доходившую до жестокости и безчеловѣчности. Такъ напримѣръ парижскій епископъ de Beaumont запрещалъ даже умирающимъ давать причастіе, въ случаѣ не признаванія ими нѣкоторыхъ буллъ, особенно важныхъ для тогдашней католической церкви въ каноническомъ отношеніи. Подобное, чисто формальное, отношеніе представителей церкви къ религіозному чувству прихожанъ, вызывало, конечно, справедливыя и весьма рѣзкія нападки со стороны какъ французскихъ парламентовъ, такъ и въ особенности со стороны выдающихся современныхъ мыслителей, ратовавшихъ за принципы возникавшей въ то время еще впервые просвѣтительной литературы вѣка; но и въ людяхъ, менѣе развитыхъ, менѣе образованныхъ, эта черствая формалистика утратившаго всякое истинное религіозное чувство современнаго католическаго духовенства, возбуждало только невѣріе, смѣнившееся скоро атеизмомъ и крайнимъ суевѣріемъ.

И во главѣ такого нравственно глубоко испорченнаго общества, при такомъ ненормальномъ дѣленіи разнообразныхъ его сословій, стоялъ монархъ, какъ будто созданный, для поколебанія всего монархическаго принципа. Не проникнутый никакимъ высокимъ, идеальнымъ стремленіемъ, преданный самому безумному распутству и своеволію, Людовикъ XV поражалъ въ своемъ управленіи отсутствіемъ всякой серьезной руководящей мысли; всѣ государственныя дѣла фатально на-

---

(*) Вольтеръ въ своемъ „Essai sur les moeurs“ говоритъ, что во Франціи въ началѣ прошлаго столѣтія было болѣе монастырей, чѣмъ въ самой Италіи, до 90 000 монаховъ и монахинь и до 250.000 свѣтскаго духовенства.

правлялись имъ какъ бы безъ всякаго плана, безъ всякой заранѣе опредѣленной цѣли, по одному лишь минутному влеченію или капризу.

Неудачи правительства, въ короткое время покрывшія Францію, нѣкогда грозную для Европы, глубокимъ позоромъ, встрѣчались народомъ чуть-ли не съ восторгомъ, какъ пораженіе не націи, не ея завѣтныхъ національныхъ стремленій, а какъ пораженіе ненавистнаго всѣмъ правительства.

Такъ великъ былъ въ это время разладъ между французскимъ народомъ и его правительствомъ.

Повсюду къ этому времени инстинктивно прокрадывались въ массу боязнь и опасеніе неминуемой катастрофы, повсюду давало себя чувствовать приближеніе соціальной и политической бури.

Состояніе французскаго общества конца прошлаго столѣтія, наканунѣ роковаго кризиса, невольно напоминаетъ состояніе римскаго общества послѣднихъ годовъ республики и начала имперіи, наканунѣ проникновенія въ міръ новыхъ идей христіанства, обновившихъ весь нравственный міръ человѣка и пересоздавшихъ все человѣчество, на основаніи новыхъ умственныхъ и общественныхъ идеаловъ и воззрѣній. Мы замѣчаемъ между этими обществами, отдѣленными другъ отъ друга столькими вѣками, поразительное сходство.

Какъ тогда въ Римскомъ государствѣ, такъ теперь во Франціи, общество какъ бы совершенно извѣрилось въ себя, утратило совершенно вѣру въ руководившіе имъ въ теченіе столѣтій нравственныя убѣжденія и идеалы; между тѣмъ оно не чувствовало въ себѣ достаточной силы и твердости, чтобы создать себѣ въ замѣнъ ихъ новыя воззрѣнія. Вѣками установившіяся формы религіознаго и общественнаго быта встрѣчались современниками этихъ двухъ переходныхъ эпохъ съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ, даже съ насмѣшкою, утративъ совершенно то внутреннее, духовное содержаніе, которое нѣкогда и составляло всю ихъ сущность. Вопросы религіи и нравственности подвергались кощунству и критикѣ, всюду проникавшей и разлагавшей весь старый, вѣками созданный строй современнаго общества.

Но при всемъ этомъ значительномъ внѣшнемъ сходствѣ между римскимъ обществомъ временъ имперіи и француз-

скимъ обществомъ наканунѣ Революціи, существовало между ними и существенное различіе.

Въ Римѣ разложеніе, охватившее общество въ эпоху возникновенія христіанскаго ученія, служило симптомомъ паденія всего древняго общества во всѣхъ его слояхъ, разложеніемъ всего древняго порядка вещей, передъ возникновеніемъ новыхъ формъ, созданныхъ на новыхъ, христіанскихъ началахъ, смѣнившихъ древнія, языческія міровоззрѣнія и формы.

Въ Римѣ въ эту переходную эпоху его исторической жизни все народонаселеніе, всѣ слои общества, всѣ политическія, общественныя и соціальныя воззрѣнія и идеалы оказались къ этому времени вполнѣ не состоятельными, не отвѣчающими уже болѣе новымъ потребностямъ государственной и политической жизни.

Здѣсь же, во Франціи, несостоятельность общественнаго строя и разложеніе его коснулось въ то время еще только высшихъ слоевъ французскаго общества, обнаруживъ главнымъ образомъ всю несостоятельность и непригодность для тогдашней Франціи знаменитой государственной системы Людовика XIV—абсолютной монархіи, со всѣми ея крайностями. Въ этомъ разлагающемся французскомъ обществѣ до-революціонной эпохи былъ однако одинъ элементъ, отъ котораго Франція могла ожидать обновленія.

Этотъ элементъ, стоявшій между разореннымъ и совершенно обнищавшимъ народомъ и развращеннымъ, деморализированнымъ, привилегированнымъ сословіемъ дворянъ и развратнымъ католическимъ духовенствомъ, сохранилъ въ себѣ вмѣстѣ съ серьезнымъ образованіемъ, твердость убѣжденій, патріотизмъ, любовь и привычку къ умственному и физическому труду, непоколебленную еще вѣру въ себя и въ свои идеалы.

Этотъ элементъ, правда, лишенъ былъ всякихъ политическихъ правъ; онъ не игралъ никакой роли въ тогдашней администраціи Франціи, но не терялъ тѣмъ не менѣе вѣры въ свое будущее политическое значеніе. Этотъ новый, еще впервые въ то время возникавшій въ западной Европѣ, какъ политическая сила, элементъ, былъ—такъ называемое „третье сословіе“—„le tiers état“, о которомъ въ концѣ столѣтія из-

вѣстный въ исторіи французской революціи аббатъ Sieyès могъ уже сказать, что „le tiers état c'est toute la nation, sauf quelques privilégiés.

Составилось это сословіе изъ мелкопомѣстнаго французскаго дворянства, занимавшаго разныя административныя и судебныя должности такъ называемаго: „noblesse de robe", изъ торговаго и промышленнаго класса населенія, низшаго сельскаго духовенства, изъ различныхъ низшихъ чиновниковъ администраціи; наконецъ, изъ представителей литературы, науки и художествъ.

Возвышеніе и усиленіе этого новаго элемента въ западной Европѣ совпадаетъ съ началомъ такъ называемой „новой исторіи", т. е. съ началомъ XV столѣтія. Это былъ тотъ самый элементъ, который собственно разрушилъ средневѣковой феодализмъ со всѣми его, отжившими къ тому времени, воззрѣніями и формами. Это „третье сословіе" въ Германіи, облеченное еще въ форму городскаго сословія, вынесло на своихъ плечахъ всю Реформацію XVI столѣтія; въ Англіи—оно спасло, какъ мы видѣли, страну въ XVII столѣтіи отъ абсолютизма Стюартовъ и отъ крайностей республики индепендентовъ, съ Кромвелемъ во главѣ. Это-же сословіе въ XVI столѣтіи во Франціи пыталось во времена религіозныхъ войнъ и лиги создать новыя государственныя учрежденія и сознавъ невозможность создать ихъ собственными усиліями, примкнуло всѣми своими симпатіями и сочувствіемъ къ возвышавшемуся въ то время на развалинахъ феодализма монархическому абсолютизму.

Изъ этого сословія вышли лучшіе государственные умы Франціи за послѣднія столѣтія, предшествовавшія революціи, какъ-то министры Sully, Colbert, Coligny и мн. др.

Большая часть этого сословія, этого „tiers état" жила вдали отъ тогдашняго развратнаго французскаго двора и потому могла спастись отъ тлетворнаго вліянія, оказываемаго имъ на общественную нравственность. Въ этомъ сословіи жили еще въ то время высокая и чистая любовь къ родинѣ, истинное, серьезное образованіе; сохранилось въ немъ еще искреннее религіозное чувство и какъ слѣдствіе его—столь рѣдкія въ ту безнравственную эпоху нравственныя чувства и строгое семейное начало.

Среди этого сословія находили себѣ многочисленныхъ приверженцевъ различныя секты протестантскаго ученія; находили сочувствіе гугенотскія воззрѣнія и надѣлавшее въ свое время столько шума янсенитское ученіе.

Однимъ словомъ, въ этомъ третьемъ сословіи были сосредоточены свѣжесть и сила молодаго сословія, еще пробивающаго себѣ путь и завоевывающаго себѣ прочное мѣсто въ исторіи; въ немъ кроились еще задатки свѣтлаго и великаго будущаго.

Это сословіе, наконецъ, ясно понимало совершающіяся въ то время событія своей родной исторіи. Если оно добровольно подчинилось крутымъ административнымъ мѣрамъ, предпринятымъ Людовикомъ XIV и его знаменитыми предшественниками на пути крайняго абсолютизма—Ришелье и Мазарини, для образованія во Франціи единой сильной монархіи, то подчинилось оно имъ потому, что сознавало ихъ необходимость, пользу, ожидаемую отъ нихъ для современной имъ Франціи. Это сословіе ясно отдавало себѣ отчетъ въ томъ, что абсолютная монархія одна только и могла вывести тогдашнюю Францію изъ господствовавшаго въ ней еще въ началѣ XVII столѣтія средневѣковаго хаоса.

Но подчиняясь монархіи Людовика XIV такъ безкорыстно, жертвуя для этого часто своими личными, партійными интересами и даже поддерживая ее, третье сословіе, обладая политическимъ чутьемъ, первое также почувствовало рѣзкую перемѣну, происшедшую въ самой личности монарха и въ его отношеніяхъ къ управляемой имъ Франціи во второй половинѣ его правленія; въ третьемъ сословіи раньше чѣмъ въ другихъ сословіяхъ во Франціи явилось сознаніе, что монархическая власть въ рукахъ Людовика XIV вырождается въ деспотизмъ. Потому-то изъ этого сословія и вышла первая оппозиція противъ системы Людовика XIV, въ этомъ сословіи впервые стали раздаваться голоса въ защиту правъ народа, угнетаемаго и разоряемаго привилегированнымъ дворянскимъ сословіемъ и развратнымъ духовенствомъ; это сословіе первое стало въ полемическихъ статьяхъ, принадлежащихъ перу своихъ публицистовъ, указывать на злоупотребленія, допускаемыя католическою церковью и на порчу и развратъ іерархіи, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ оградить по-

пираемыя правительствомъ права гугенотовъ, высказываясь между прочимъ и за янсенизмъ, какъ за ученіе, нападавшее какъ на чрезмѣрный свѣтскій авторитетъ правительства, такъ и на духовный авторитетъ недостойной католической іерархіи.

Эта оппозиція появилась уже во второй половинѣ царствованія Людовика XIV, хотя сначала, разумѣется, въ весьма умѣренной и даже боязливой формѣ, сдерживаемая всеобщимъ страхомъ, внушаемымъ его личностью. Но послѣ смерти великаго короля, при слабыхъ правителяхъ—регентѣ Филиппѣ Орлеанскомъ и легкомысленномъ и несамостоятельномъ Людовикѣ XV, эта оппозиція, уже подъ вліяніемъ Англіи, приняла огромные размѣры и постепенно развилась и обратилась въ ту философскую школу, выразительницею которой явилась „просвѣтительная литература", которая, можно сказать, руководила общественнымъ мнѣніемъ всей Европы въ теченіе всего XVIII столѣтія.

Эта оппозиціонная литература появилась сперва внѣ предѣловъ Франціи, въ Голландіи, въ средѣ нашедшихъ себѣ тамъ пріютъ, послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, эмигрантовъ—гугенотовъ.

Эта литература, защищая сначала только принципъ вѣротерпимости, перешла скоро къ критикѣ всего существующаго въ то время во Франціи порядка вещей, а за симъ и въ остальной Европѣ. Представителями этой иностранной обличительной литературы эмигрантовъ были между прочимъ Leclerc, Basnage, Jurieu, Bayle и мн. др. Они встрѣтили сочувствіе и въ самой Франціи, въ лицѣ литераторовъ и государственныхъ дѣятелей эпохи Людовика XIV, составлявшихъ цѣлую оппозиціонную партію при его дворѣ, какъ-то Fontenelle, St.-Evremont, Fénélon, Vauban, Bois-Guillebert и др.

Намъ и предстоитъ теперь прослѣдить эту оппозицію съ самаго перваго ея проявленія въ литературѣ, до обращенія ея въ могучій, всепоглощающій на своемъ пути потокъ; при чемъ мы будемъ останавливаться, конечно, только на главнѣйшихъ моментахъ и дѣятеляхъ этой оппозиціи, на ея корифеяхъ.

Въ исторіи этой оппозиціи мы можемъ прослѣдить два различныхъ фазиса развитія ея, двѣ совершенно отличаю-

щіяся другъ отъ друга эпохи. Въ первомъ изъ этихъ фазисовъ оппозиція проявляется пока еще только противъ видимыхъ для всѣхъ злоупотребленій, какъ въ церковной іерархіи, такъ и въ сферѣ государственной администраціи; это, такъ сказать, чисто еще внѣшняя оппозиція, не идущая дальше наружныхъ, внѣшнихъ проявленій вызывающихъ ее анормальностей государственнаго, политическаго и церковнаго строя. Во второмъ же изъ этихъ фазисовъ оппозиція не довольствуется уже болѣе простымъ указаніемъ на видимыя для всѣхъ злоупотребленія; она идетъ гораздо далѣе; она касается уже самыхъ основаній, на которыхъ опирается все старое зданіе, она доходитъ до метафизическихъ началъ бытія человѣка; отъ критики, напримѣръ, современнаго ей церковнаго устройства вообще она переходитъ къ критикѣ самыхъ религіозныхъ догматовъ; отъ критики современнаго государственнаго управленія она переходитъ къ критикѣ самыхъ основаній, на которыхъ зиждится государственный организмъ, переходитъ къ анализу взаимныхъ отношеній подданныхъ къ верховной власти правителя государства; однимъ словомъ, подвергаетъ критикѣ весь существующій политическій и соціальный строй современнаго ей человѣчества.

Этотъ второй фазисъ развитія оппозиціи происходитъ уже подъ вліяніемъ англійской философской и политической литературы, подъ вліяніемъ англійскихъ мыслителей.

Философское направленіе, охватившее всѣ слои французскаго общества конца прошлаго столѣтія, принимаетъ характеръ не спокойнаго, научнаго развитія философскихъ догматовъ и доктринъ, а характеръ чисто обличительный и полемическій.

Оно стремится къ такому же всемірному господству, какъ и католичество въ средніе вѣка; эту философію конца прошлаго столѣтія даже называли „l'église philosophique".

Она обращается къ массѣ и создаетъ такимъ образомъ общественное мнѣніе, чѣмъ французская философская школа въ до-революціонную эпоху рѣзко отличается отъ имѣвшей на нее такое сильное вліяніе англійской философской школы, ученія которой всегда составляли достояніе весьма небольшаго кружка мыслителей, не имѣя непосредственнаго влія-

нія на массу, остававшуюся въ Англіи всегда чуждою ея отвлеченныхъ положеній и практическихъ выводовъ.

Во второмъ фазисѣ развитія оппозиціонной литературы во Франціи мы замѣчаемъ три ясно опредѣлившіеся періода развитія, три различныхъ направленій философско-критической мысли.

Объ этихъ трехъ направленіяхъ мы будемъ подробно говорить впослѣдствіи.

Здѣсь я только постараюсь въ нѣсколькихъ словахъ намѣтить отличительныя и характерныя особенности каждаго изъ нихъ, тогда яснѣе намъ представится дальнѣйшій разборъ философскихъ воззрѣній въ каждомъ изъ этихъ трехъ послѣдовательныхъ періодовъ.

Въ *первомъ періодѣ* господствуетъ заимствованный изъ Англіи деизмъ, сущность котораго я изложу въ своемъ мѣстѣ, и полное поклоненіе и слѣпое подражаніе англійскимъ политическимъ учрежденіямъ.

Представителями этого перваго періода могутъ считаться Вольтеръ и Монтескье.

Вольтеръ своими сочиненіями нападаетъ на священное откровеніе и самое христіанство, но крѣпко держится за идею Бога и безсмертія.

Монтескье-же видитъ въ англійскихъ политическихъ учрежденіяхъ идеалъ для всей Европы государственнаго устройства.

Второй періодъ можно назвать періодомъ господства матеріализма, съ представителемъ его Дидро во главѣ. Эта такъ называемая, „школа энциклопедистовъ". Человѣческая жизнь и матерія разсматриваются не какъ творенія внѣ міра находящагося Создателя, а какъ нѣчто самобытное, само себя охраняющее и развивающееся. Не будучи основано на достаточно серьезныхъ научныхъ данныхъ, это философское направленіе вырождается скоро въ безчисленный рядъ бездоказательныхъ гипотезъ, отличающихся большимъ или меньшимъ остроуміемъ или смѣлостью мысли.

Наконецъ, *третій періодъ* представляетъ собою направленіе, вызванное крайностями и односторонностью матеріа

лизма, въ которомъ не было мѣста внутреннему чувству, духовному міру человѣка. Матеріализмъ своими крайностями вызвалъ сильную реакцію, выразившуюся въ этомъ третьемъ періодѣ, въ возвращеніи философской мысли къ идеи Бога и безсмертія, путемъ самостоятельнаго мышленія, а не на основаніи священнаго откровенія и установленныхъ церковью догматовъ.

Представителемъ этого послѣдняго направленія философской литературы во Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія можетъ считаться знаменитый Ж. Ж. Руссо.

Представители этихъ трехъ философскихъ направленій, ясно сознавая разъединяющіе ихъ философскіе воззрѣнія и догматы, борятся другъ противъ друга со страстью и увлеченіемъ. Они соединяются только на одномъ поприщѣ—въ полемикѣ своей противъ установленной церкви и ея догматовъ, какъ противъ общаго имъ всѣмъ врага, стоявшаго на пути ихъ философскаго міровоззрѣнія. Эта философская литература во второмъ фазисѣ своего развитія не отличается ни изяществомъ, ни красотою стиля, которыя составляли всю прелесть и все обаяніе литературы блестящаго вѣка великаго Людовика; за то поражаетъ она глубиною мысли, смѣлостью и рѣшительностью своихъ философскихъ выводовъ и всемірнымъ ихъ вліяніемъ въ эту эпоху.

Намѣтивъ вкратцѣ отличительныя черты каждаго изъ трехъ періодовъ, на которые мы раздѣляемъ второй фазисъ просвѣтительной литературы прошлаго вѣка, мы должны вернуться теперь къ разбору самой этой оппозиціи, изъ которой впослѣдствіи развилась обличительная литература XVIII столѣтія, мы должны вернуться къ самому возникновенію этой оппозиціи.

Зачатки ея мы замѣчаемъ еще въ янсенизмѣ, сущность ученія котораго мы изложили въ другомъ нашемъ курсѣ, имѣющемъ предметомъ изложенія—„Вѣкъ Людовика XIV“.

Оппозиція, возникшая сперва изъ за чисто догматическихъ вопросовъ, обратилась весьма скоро, какъ это случается постоянно, въ вопросъ чисто политическій, такъ какъ, нападая на чрезмѣрность папскаго духовнаго авторитета, янсе-

ниты естественно возставали и противъ гнетущаго всѣхъ въ то время свѣтскаго авторитета правительства Людовика XIV.

Чисто же политическою оппозиція стала во Франціи въ концѣ XVII столѣтія и даже, что всего удивительнѣе, вышла она изъ среды самыхъ его придворныхъ сферъ.

Образовалась эта оппозиціонная партія при дворѣ Людовика изъ людей, недовольныхъ неограниченнымъ его самодержавіемъ, постоянными, разорительными для Франціи войнами, покрывшими ее даже позоромъ. Это была партія мира, не желавшая продолженія войны. Она не сочувствовала завоевательнымъ стремленіямъ Людовика XIV и деспотическимъ его наклонностямъ, направленнымъ исключительно къ удовлетворенію своего ненасытнаго тщеславія, такъ какъ подъ конецъ своего царствованія престарѣлый монархъ совершенно пересталъ принимать въ соображеніе нужды своего народа.

Эта придворная партія, къ которой принадлежали какъ мы уже говорили, выдающіеся дѣятели эпохи, о которыхъ мы сейчасъ сообщимъ краткія біографическія свѣдѣнія, явилась при дворѣ Людовика XIV провозвѣстницею и распространительницею просвѣтительныхъ идей, заимствованныхъ изъ философской и политической литературы вѣка, идей, которыя, конечно, шли совершенно въ разрѣзъ съ деспотическими стремленіями монарха.

Доказательствомъ тому, что эта „просвѣтительная литература“ выражала только то, что смутно и неопредѣленно сознавалось въ то время всѣми, можетъ служить то обстоятельство, что тѣ личности, которыя по обязанности и по положенію своему должны были бы преслѣдовать и искоренять эти опасныя для абсолютизма и смѣлыя по своимъ выводамъ мысли, боролись съ ними по большей части весьма неудачно и даже нерѣдко сами способствовали ихъ распространенію, совершенно не примѣняя къ нимъ тѣхъ репрессивныхъ мѣръ, которыя находились для этой цѣли въ ихъ распоряженіи.

Католическое духовенство во Франціи обращало сначала мало вниманія на это новое направленіе въ литературѣ; затѣмъ, замѣтивъ угрожавшую монархіи и церкви опасность отъ этихъ смѣлыхъ и необычайныхъ философскихъ положе-

ній, оно начало выступать противъ нихъ съ интердиктами и церковными отлученіями, что только еще больше возбуждало противъ церкви насмѣшки и дискредитировало ее въ общественномъ мнѣніи, такъ какъ всѣмъ стало ясно, что церковь не въ состояніи полемизировать съ новою философскою мыслью на научномъ и философскомъ полѣ, а прибѣгаетъ къ чисто внѣшнимъ пріемамъ запрета, совершенно исключающимъ возможность дальнѣйшихъ философскихъ споровъ, и нисколько не дѣйствуетъ путемъ нравственнаго убѣжденія на массу. Къ тому же лучшіе представители тогдашней французской церкви принадлежали по развитію и убѣжденіямъ своимъ къ новому философскому направленію.

Тогдашняя администрація Франціи также была безсильна остановить все усиливавшійся потокъ просвѣтительныхъ идей вѣка, пробивающихъ себѣ путь во Францію и съ каждымъ почти днемъ вербовавшихъ себѣ новыхъ послѣдователей.

Неспособность слѣдовавшихъ за Людовикомъ правителей Франціи, отсутствіе въ нихъ всякаго систематическаго, опредѣленнаго плана дѣйствія, всякаго даже яснаго пониманія современнаго имъ положенія вещей и, какъ прямое слѣдствіе всего этого—постоянныя колебанія и крайняя нерѣшительность, замѣчаемыя во всѣхъ распоряженіяхъ правительства Людовика XV-го, конечно, только еще болѣе затрудняли тѣ необходимыя, быстрыя мѣры запрета противъ распространявшейся въ массѣ литературы, которыя правительство между тѣмъ медлило принять.

Какъ примѣръ того, какъ примѣнялись въ то время весьма строгія цензурныя правила, издававшіяся такъ называемой „Chambre syndicale des libraires", правила, существовавшія во французскомъ законодательствѣ того времени, можно указать на отношенія къ печати извѣстнаго писателя Malesherbes, бывшаго съ 1750 по 1768 г.—„directeur de la librairie"—нѣчто въ родѣ главноуправляющаго по дѣламъ печати, который нисколько не стѣснялся въ публичныхъ засѣданіяхъ Парижской академіи произносить блестящія рѣчи, прославлявшія полную свободу слова и убѣжденій. Тотъ-же Malesherbes постоянно предупреждалъ заблаговременно авторовъ и молодыхъ современныхъ философовъ новаго направленія, когда предполагалось у нихъ сдѣлать обыскъ въ ихъ бума-

гахъ и библіотекахъ. Такъ поступалъ оно неоднократно и съ энциклопедистомъ Дидро (*).

Существовала въ то время масса тайныхъ типографій во Франціи, гдѣ печатались запрещенныя изданія сотнями тысячъ экземпляровъ. Привозились они также безпрепятственно массами изъ-за границы, въ особенности изъ Голландіи.

Могучимъ средствомъ пропаганды новыхъ просвѣтительныхъ идей вѣка были знаменитые литературные „cafés“ и литературные „salons“, служившіе мѣстомъ собранія всѣхъ литературныхъ знаменитостей эпохи, столь много сдѣлавшіе для выработки изящнаго разговорнаго французскаго языка. Таковы напримѣръ: знаменитые „salons“ de M-me Tencin. (1681—1749); она называла свой литературный кружокъ— „ma ménagerie“, M-me Geoffrin (1699—1777), извѣстной путешественницы M-me du Deffant (1697—1780), M-lle de l'Espinasse (1732—1776), M-me Necker, барона Holbach'a (1723—1789), прозваннаго „le maitre d'hôtel de la philosophie“, по роскошнымъ ужинамъ, слѣдовавшимъ за его литературными вечерами и Helvetius'a (1715—1771).

На этихъ вечерахъ, въ этихъ литературныхъ клубахъ дебатировались всѣ интересовавшіе эту лихорадочную переходную эпоху жгучіе вопросы религіи, философіи, политической экономіи и политики. Эти собранія много способствовали распространенію философскихъ идей въ массѣ; они способствовали ихъ всесторонней выработкѣ и подготовляли такимъ образомъ постепенное общественное мнѣніе къ политическому и соціальному кризису конца столѣтія.

Въ литературномъ отношеніи эти салоны имѣли самое благотворное вліяніе, въ смыслѣ выработки изящнаго, изысканнаго даже стиля, которымъ такъ славятся литературныя произведенія конца XVIII столѣтія во Франціи.

Бросимъ же теперь бѣглый взглядъ на представителей этого въ то время только еще нарождавшагося литературна-

---

(*) Извѣстенъ напримѣръ анекдотъ, какъ Malesherbes предупредилъ Дидро, что черезъ 24 часа произойдетъ у него обыскъ въ его бумагахъ. Дидро на это отвѣчалъ ему, что въ такой короткій срокъ онъ не успѣетъ всего припрятать; тогда Malesherbes предложилъ ему прислать всѣ бумаги къ нему на сохраненіе.

го направленія; познакомимся съ выдающимися представителями оппозиціонной партіи при дворѣ Людовика XIV.

На первомъ мѣстѣ между ними слѣдуетъ поставить знаменитаго эпископа Камбрейскаго—Фенелона (1651—1715). Дѣятельность его не столько литературная, сколько политическая, по тому вліянію, которое онъ долгое время оказывалъ на настроеніе придворныхъ сферъ. Происходилъ онъ изъ древняго французскаго дворянскаго рода De Salignac-de Lamothe Fénélon.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ предназначался онъ къ духовному званію и потому получилъ онъ соотвѣтствующее этому званію воспитаніе. Онъ съ молодости отличался богословскими своими знаніями, рѣдкимъ краснорѣчіемъ, мягкостью и благородствомъ своего характера.

По совѣту M-me de Maintenon, Фенелонъ, уже успѣвшій сдѣлаться извѣстнымъ своею миссіонерскою дѣятельностью въ различныхъ провинціяхъ Франціи, въ особенности въ провинціи Poitou, получилъ назначеніе состоять воспитателемъ втораго дофина Франціи—внука Людовика XIV, принца Бургундскаго. Съ этихъ поръ онъ совершенно предался воспитанію молодаго принца, съ рѣдкою добросовѣстностью и съ совершеннымъ забвеніемъ самаго себя, углубляясь въ свои новыя педагогическія обязанности, имѣя постоянно въ виду ту мысль, что въ его рукахъ находится будущность юноши, отъ котораго будетъ современемъ зависѣть судьба всей Франціи и даже отчасти самой Европы. По окончаніи воспитанія молодаго дофина, Фенелонъ былъ возведенъ Людовикомъ XIV въ санъ епископа Камбрейскаго въ 1694 году. Своему юному воспитаннику Фенелонъ старался внушить всѣ добродѣтели и чувства христіанскаго правителя, питая къ нему искреннюю, неподдѣльную любовь и сердечную привязанность, которыя соединяли воспитателя съ его воспитанникомъ до самой ихъ смерти.

Въ своихъ сочиненіяхъ, писанныхъ имъ во время воспитанія дофина, Фенелонъ старался проводить свои высоко-гуманные, нравственные идеалы.

Они большею частью были до сихъ поръ разсматриваемы съ точки зрѣнія литературныхъ ихъ достоинствъ, какъ образцы изысканнаго литературнаго слога; но они имѣютъ еще

большее значеніе съ историко-педагогической стороны. Въ числѣ подобныхъ сочиненій слѣдуетъ упомянуть о его трактатѣ „l'Education des filles", появившемся въ 1687 году, написанномъ имъ еще въ бытность имъ законоучителемъ во вновь открывшихся подъ вліяніемъ M-me de Maintenon католическихъ институтахъ для дѣвицъ; далѣе извѣстенъ его трактатъ: l'Explication des Maximes des Saints" подвергнувшійся остракизму со стороны Римской куріи въ 1699 г. Написалъ онъ его въ защиту отъ обвиненія, направленнаго противъ него знаменитымъ проповѣдникомъ Боссюэтомъ, обвинявшемъ Фенелона въ увлеченіи нѣкоторыми мистическими, анти-католическими идеями.

Фенелонъ впрочемъ впослѣдствіи торжественно отрекся отъ положеній, выраженныхъ имъ въ этомъ трактатѣ.

Далѣе извѣстны „Fables de Fénélon", появившіяся въ 1712 г. и посвященныя имъ своему воспитаннику. Они приноровлены къ первой молодости дофина.

Басни эти составлены по тому или другому случаю изъ жизни молодаго принца, при замѣченной его воспитателемъ той или другой черты его характера, такъ что они могутъ служить прекрасною иллюстраціей педагогическихъ пріемовъ Фенелона.

Затѣмъ слѣдуютъ его: Dialogues des morts"—тоже написанные съ педагогическою цѣлью. Въ нихъ кругъ воззрѣній нѣсколько расширяется противъ предъидущаго сочиненія. Мы встрѣчаемъ въ нихъ воззрѣнія на современную исторіи, политику, государственное право. Въ нихъ ясно проглядываетъ желаніе воспитателя Фенелона отвлечь своего молодаго воспитанника—будущаго повелителя Франціи, отъ увлекательнаго для молодаго принца примѣра его знаменитаго дѣда Людовика XIV-го, отъ пагубной для Франціи системы разорительныхъ войнъ и крайняго монархическаго деспотизма.

Въ нихъ высказываются такія мысли, которыя кажутся весьма смѣлыми для той эпохи крайняго абсолютизма Людовика XIV-го, какъ-то: „Величайшій врагъ счастія есть самообольщеніе и гордость".

Особенно замѣчательны по своему содержанію и по высказываемымъ въ нихъ справедливымъ, хотя и рѣзкимъ мыс-

лямъ,—разговоры Генриха IV-го съ герцогомъ Mayenne, Франциска I съ Карломъ V и др.

Назначенный архіепископомъ города Камбре въ 1694 г., Фенелонъ не перестаетъ заботиться о своемъ воспитанникѣ. Изъ Камбре присылаетъ онъ ему свой трудъ, самый извѣстный изъ его трудовъ, озаглавленный имъ: „Les aventures de Télémaque".

Это сочиненіе никогда не предполагалось имъ къ печати; рукопись попала какъ-то нечаянно въ чужія руки и была напечатана, помимо желанія автора, въ первый разъ въ Гаагѣ въ 1699 г., впослѣдствіи въ 1717 г. она была вторично издана. Первое изданіе было цѣликомъ раскуплено Фенелономъ и такимъ образомъ извлечено изъ обращенія. Эти „aventures de Télémaque" выдержали массу изданій, были неоднократно переводимы на всѣ европейскіе языки и даже переложены латинскими стихами; они доставили громкую извѣстность ихъ автору. Цѣль, которую Фенелонъ преслѣдовалъ, при ихъ сочиненіи, была—освѣжить въ памяти ученика преподанные ему нравственные принципы, представивъ ихъ въ легкой, повѣствовательной формѣ.

Они по содержанію своему представляютъ нѣчто среднее между героической эпопеей и нравственно-политическимъ трактатомъ.

Не слѣдуетъ только слишкомъ высоко превозносить литературныя достоинства этого сочиненія, какъ это дѣлали многіе, сравнивая его съ безсмертными поэтическими произведеніями Гомера и Виргилія. Все значеніе этого сочиненія—въ тѣхъ указаніяхъ и наставленіяхъ, которыя даетъ „Менторъ" т. е. Минерва молодому Телемаху, отыскивающему своего отца Улисса (или Одиссея), не возвратившагося послѣ паденія Трои.

Въ основаніи этихъ наставленій лежитъ мысль, что неограниченная монархическая власть, хотя и божеское установленіе, тѣмъ не менѣе должна заботиться не только о самой себѣ, но и о благѣ управляемаго имъ народа; далѣе проводятся такія мысли, что слѣдуетъ оставить заботы о блескѣ, роскоши двора, о славѣ внѣшнихъ завоеваній, а сосредоточить все вниманіе правителя на поднятіи земледѣлія въ странѣ, промышленности, народнаго благосостоянія, которому

должны быть посвящены всѣ заботы и попеченія монарха, вся его искренняя, неподдѣльная любовь къ народу.

Эти качества одни только и дѣлаютъ, по мнѣнію автора упомянутаго сочиненія, монарха достойнымъ высшаго его сана. Онъ одинъ является неуклоннымъ блюстителемъ права и справедливости въ управляемой имъ странѣ; подданные его не для того созданы, чтобы, пресмыкаясь въ рабствѣ и нищетѣ, поддерживать собою роскошь, наружный блескъ и чрезмѣрную гордость всесильнаго монарха. Все это были, конечно, смѣлыя по тому времени мысли, но вытекали они изъ серьезнаго и здороваго обсужденія существовавшаго порядка вещей.

Едвали только вѣрно существовавшее у тогдашнихъ критиковъ этого произведенія мнѣніе, что приводимыя въ этой поэмѣ личности, какъ то: „Kalypso", „Eucharis", „Antiopa", „Protesilaos" и др. суть олицетворенія всесильныхъ въ то время придворныхъ дамъ—Marquise de Montespan, Duchesse de Fontanges, duchesse de Bourgogne, министра Louvois и др.

Эти „Aventures de Télémaque" сильно повредили ихъ автору въ глазахъ придворныхъ сферъ, съумѣвшихъ возбудить противъ ихъ автора гнѣвъ монарха. Людовикъ XIV, уже возстановленный противъ него, на основаніи различныхъ его писемъ къ знаменитостямъ эпохи, въ которыхъ высказывались такія же и даже еще болѣе смѣлыя мысли и открытое порицаніе правительственныхъ распоряженій, запретилъ ему въ 1697 г. являться ко двору, а въ 1699 г. даже лишенъ онъ былъ получаемаго имъ придворнаго содержанія и почетнаго званія—précepteur des enfants de France. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ безъвыѣздно жить въ управляемой имъ эпархіи и въ высшей степени ревностно заниматься изданіемъ своихъ сочиненій, которыя онъ самъ исправлялъ для печати. Изданіе его сочиненій, нынѣ находящееся въ продажѣ, состоитъ изъ 24 книгъ; оно издано уже послѣ смерти Фенелона.

Въ его литературной дѣятельности мы замѣчаемъ съ годами рѣзкую перемѣну воззрѣній. Съ годами однообразный, морализирующій тонъ его трактатовъ становился рѣшительнѣе, энергичнѣе; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ значительно видоизмѣняется, по отношенію къ преслѣдуемымъ имъ государственнымъ и политическимъ идеаламъ.

Отъ признаванія неограниченной монархіи, какъ единственной спасительной для современной ему Франціи формы правленія, онъ мало по малу переходитъ къ сознанію возможности и даже необходимости и логичности представительной монархіи, извѣстнаго рода конституціи въ странѣ.

Эти мысли ясно проглядываютъ въ его письмахъ къ герцогамъ Beauvilliers и Chevreuse, пользовавшимся въ то время довѣріемъ короля; особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи письма Фенелона, писанныя во время войны „за испанское наслѣдство".

Въ этомъ отношеніи эти политическія письма Фенелона могутъ служить отличною иллюстраціей тогдашняго критическаго положенія Франціи.

Онъ требуетъ мира, какъ единственнаго средства прочнаго и спокойнаго процвѣтанія родины, требуетъ созванія, давно уже не собиравшихся „états généraux", для обсужденія съ представителями всего народа современнаго ему критическаго положенія Франціи, роковой исходъ котораго Фенелонъ уже начиналъ предвидѣть.

Еще рельефнѣе выступаетъ эта мысль о необходимости для Франціи перейти отъ системы крайняго монархическаго абсолютизма къ системѣ, при которой могли бы высказать свой голосъ представители народа, въ его обширной перепискѣ съ его бывшимъ воспитанникомъ—герцогомъ Бургундскимъ, особенно когда послѣ смерти отца послѣдняго въ 1711 году, онъ становится наслѣдникомъ французскаго престола.

Въ письмѣ, между прочимъ, въ которомъ онъ поздравляетъ своего бывшаго воспитанника съ титуломъ „dauphin de France", онъ высказываетъ ему весьма опредѣленно своей высоконравственный идеалъ правителя (*).

Фенелонъ не ограничивается только совѣтами и наставленіями къ руководству молодаго дофина, онъ въ 1711 г. рѣшается выступить съ опредѣленною политическою программой, которую и представляетъ на обсужденіе наслѣдника

(*) Тамъ мы читаемъ между прочимъ такого рода мысли: „il faut vouloir être le père et non le maître; il ne faut pas que tous soient à un seul, mais un seul doit être a tous pour faire leur bonheur."

престола, въ видѣ политическаго проэкта къ преобразованію Франціи, въ смыслѣ утвержденія въ ней народнаго представительства.

Мысли, проповѣдуемыя Фенелономъ, были только выраженіемъ смутно сознаваемой всѣми въ то время необходимости коренныхъ измѣненій въ государственномъ устройствѣ.

Въ началѣ XVIII столѣтія всѣ лучшіе люди во Франціи чувствовали всю невыгоду, всю безпочвенность стараго порядка вещей и всю неизбѣжность крайностей системы абсолютной монархіи, не основанной на твердыхъ, опредѣленныхъ учрежденіяхъ, которыя своимъ взаимодѣйствіемъ могли бы спасти страну отъ ожидавшаго ее кризиза, когда сойдетъ въ могилу тотъ, который въ своихъ мощныхъ рукахъ держалъ судьбы Франціи въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ и который въ лицѣ своемъ олицетворялъ весь монархичечскій принципъ въ эпоху его крайняго блеска.

Но рядомъ съ подобными либеральными воззрѣніями, подкапывавшимися подъ старое зданіе, высказывались и другіе, совершенно противоположные взгляды, стремившіеся на послѣднихъ, такъ сказать, порахъ поддержать разлагавшійся государственный организмъ во Франціи и старавшіеся проводить въ народѣ воззрѣнія, идеализировавшія монархію и монарха и даже его обоготворявшія, какъ существо, стоящее выше людскихъ сужденій и никому не обязанное отдавать отчета въ своихъ дѣйствіяхъ.

Таковы напримѣръ взгляды, проводимые знаменитымъ придворнымъ проповѣдникомъ Боссюэтомъ въ его политическомъ трактатѣ „Principes de politique, tirés de l'Ecriture sainte".

Блестящія надежды Фенелона на осуществленіе коренныхъ реформъ во Франціи, съ воцареніемъ нѣжно любимаго имъ воспитанника, скоро рушились окончательно. Герцогъ Бургундскій внезапно умеръ въ 1712 году, причина его смерти осталась невыясненною; подозрѣвали даже, что онъ умеръ отъ яда. Самъ Фенелонъ, разочарованный въ своихъ надеждахъ, потерявшій прежнее свое вліяніе и значеніе при дворѣ, умеръ въ одинъ годъ съ Людовикомъ XIV—въ 1715 году.

Въ одномъ съ нимъ направленіи дѣйствовали и два другихъ его современника, изъ которыхъ одинъ также близко

одно время стоялъ ко двору Людовика XIV; они старались, какъ и Фенелонъ, воскресить Францію и вдохнуть въ нее новую жизнь. Эти личности были—маршалъ Vauban и Bois-Guillebert. Маршалъ Vauban (1633—1707 г.) былъ извѣстный полководецъ и знаменитый инженеръ, прославившійся многими стратегическими изобрѣтеніями, участвовавшій, говорятъ, въ 140 сраженіяхъ, и покрывшій себя славой. Онъ участвовалъ во всѣхъ походахъ великаго короля Франціи. По служебнымъ своимъ обязанностямъ изъѣздилъ онъ всю Францію вдоль и поперегъ и такимъ образомъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ различными частями Франціи; онъ ко всему присматривался, все замѣчательное записывалъ и отмѣчалъ себѣ на память и, такимъ образомъ, собралъ драгоцѣнный статистическій матеріалъ о современномъ ему экономическомъ положеніи Франціи. Онъ можетъ считаться первымъ статистикомъ Франціи. Выводы, къ которымъ онъ пришелъ, на основаніи всѣхъ собранныхъ данныхъ, весьма печальны; они обнаруживали полное экономическое разореніе Франціи.

Въ своемъ сочиненіи „Projet d'une Dime royale", появившемся въ 1707 г., онъ предлагаетъ обложить всѣ сословія одинаковою податью, равно для всѣхъ обязательною, которая замѣнила бы собою всѣ остальныя подати, но не освобождала бы высшіе классы общества отъ обязательнаго платежа. Въ основѣ этой финансовой мѣры лежала, несомнѣнно, патріотическая идея; тѣмъ не менѣе приближенные Людовика XIV съумѣли ему выставить кажущуюся имъ неблаговидность этой нивелировки всѣхъ сословій, и такимъ образомъ предрасположили короля противъ ея автора и навлекли на него даже гнѣвъ монарха.

Скоро впрочемъ послѣ этого Vauban и умеръ въ 1707 г.

Другой извѣстный французскій экономистъ, родственникъ Vauban'a—Bois-Guillebert въ своемъ сочиненіи — „Détails de la France sous Louis XIV", появившемся въ 1695 г. и перепечатанномъ въ 1712 г. подъ заглавіемъ „Testament politique de Vauban", доходитъ до тѣхъ же печальныхъ экономическихъ результатовъ, какъ и Vauban въ своихъ изслѣдованіяхъ. Это критическое отношеніе къ современному положенію Франціи коснулось и религіозныхъ сферъ и въ ихъ

средѣ появлялись личности, желавшія реформъ, и открыто высказывавшія оппозицію гнетущему вліянію абсолютизма и непрерывному вмѣшательству монархической власти даже въ вопросы вѣры и убѣжденій.

Высказывалась эта оппозиція во Франціи въ лонѣ самой католической церкви; въ Голландіи—эмигрантами.

Людовикъ XIV своими стремленіями создать единую церковь въ единомъ государствѣ породилъ только всеобщую рознь и полное несогласіе въ религіозныхъ принципахъ своихъ подданныхъ.

Въ этомъ отношеніи повторился общій историческій законъ—религіозныя преслѣдованія, всевозможныя стѣсненія въ дѣлахъ религіи влекутъ за собою неизбѣжно только еще большее свободомысліе, развиваютъ критику и сомнѣнія въ ущербъ религіозному чувству и порождаютъ только общее безвѣріе.

Представителями этого нарождавшагося свободомыслія въ религіозныхъ вопросахъ между католиками могутъ считаться St.-Evremont (1613—1703) и Fontenelle, между эмигрантами—Bayle, Le Clerc, Basnage, Jurieu и мн. др.

St.-Evremont почти всю свою жизнь провелъ внѣ Франціи—въ Голландіи и Англіи, гдѣ онъ и умеръ.

Онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ блестящихъ, неистощимыхъ остротою умовъ, которыми такъ отличался блестящій вѣкъ Людовика XIV.

Онъ писалъ много, частью сатирическихъ произведеній, частью серьезныхъ политическихъ и религіозныхъ трактатовъ, имѣвшихъ цѣлью осмѣять и выставить на видъ пагубное для Франціи формальное отношеніе къ религіи, лишившее ее самаго главнаго—нравственныхъ, религіозныхъ помысловъ. Одна мысль проходитъ черезъ всѣ его произведенія, а именно, что преслѣдованія за религіозныя убѣжденія не только не достигаютъ цѣли, но даже прямо вредны въ политическомъ отношеніи.

Fontenelle (1657—1757) возстаетъ уже противъ самихъ догматовъ католической церкви. За свои сочиненія „Entretiens sur la pluralité des Mondes“ et „Histoire des oracles“ удостоился онъ чести быть избраннымъ въ члены французской академіи наукъ. Главное его научное достоинство—это необык-

новенный даръ популяризаціи самыхъ отвлеченныхъ научныхъ выводовъ.

За свои антикатолическія воззрѣнія Фонтенель навлекъ на себя немилость монарха, который угрожалъ ему даже Бастиліею.

Съ тѣхъ поръ онъ совершенно пересталъ писать въ этомъ направленіи, старательно избѣгая касаться щекотливыхъ вопросовъ, говоря при этомъ, что „даже если бы онъ имѣлъ въ рукахъ своихъ всѣ истины, онъ ни за что не согласился бы ихъ раскрыть". За подобные взгляды заслужилъ онъ отъ современниковъ репутацію крайняго эгоиста. Первое изданіе его сочиненій появилось въ 1758 г.

Одновременно съ ними дѣйствуютъ внѣ предѣловъ Франціи эмигранты.

Отъ критики церковно-политическаго устройства церкви они переходятъ постепенно къ обсужденію метафизическихъ основъ религіи.

Лучшимъ представителемъ и даже, можно сказать, основателемъ этого направленія есть—Pierre Bayle, (1647—1706) личность талантливѣйшая, старавшаяся обсудить самые возвышенные вопросы человѣчества, работавшая всю жизнь свою неутомимо.

Родился онъ въ 1647 г. въ протестантской семьѣ, но воспитывался въ іезуитской школѣ, гдѣ его скоро заставили насильно перейти въ католичество, которое онъ впрочемъ скоро опять оставилъ для протестантства.

Въ 1675 г. онъ получилъ каѳедру богословія въ Седанѣ, которую и занималъ до 1681 г. когда послѣдовало закрытіе протестантскихъ университетовъ во Франціи. Онъ поселился въ Голландіи, въ Роттердамѣ, занимаясь философіей и постепенно сосредоточивая всю свою дѣятельность на публистическихъ сочиненіяхъ, которымъ онъ всецѣло предался.

Значеніе и вліяніе Bayle огромное.

Это не была способность творческая, но способность аналитическая; синтетическимъ умомъ онъ вовсе не обладалъ. Онъ какъ анатомъ разсѣкаетъ, анализируетъ разсматриваемое имъ явленіе, предоставляя другимъ дѣлать на основаніи его анализа заключенія, приходить къ окончательнымъ выводамъ.

Онъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ своими воззрѣніями возбуждать въ современникахъ сомнѣніе въ потребности и цѣлесообразности существовавшаго порядка вещей и разъ возбудивъ въ нихъ это сомнѣніе, это чувство все анализирующей критики, онъ умѣлъ возбуждать въ нихъ и пытливость и интересъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, къ дальнѣйшимъ розысканіямъ истины.

Великое его значеніе кроится въ томъ, что онъ почти первый развилъ въ современномъ ему французскомъ обществѣ любовь и интересъ къ серьезнымъ, публистическимъ статьямъ, впервые развилъ въ немъ вкусъ къ серьезному чтенію, къ серьезному обсужденію политическихъ и соціальныхъ вопросовъ; онъ можетъ, однимъ словомъ, считаться отцемъ новѣйшей журналистики, въ лучшемъ смыслѣ этого понятія.

Первыя его сочиненія касались жгучаго для того времени вопроса—о преслѣдованіи гугенотовъ, таковы его трактаты, озаглавленные—„Pensées diverses sur la comète" и появившійся въ 1681 г.—„Ce que c'est que la France toute catholique sous Louis le grand"; гдѣ онъ доказываетъ, что безвѣріе даже лучше суевѣрія. Затѣмъ онъ пошелъ далѣе. Онъ проводитъ идею о противорѣчіи между мышленіемъ, разумомъ и вѣрою, откровеніемъ. Онъ повидимому старается, силится какъ будто подчинить разумъ вѣрѣ; но видно въ концѣ концовъ, что онъ самъ утратилъ всякую вѣру и потому вѣчно колеблется, стараясь это тщательно скрыть.

Это направленіе анализирующей критики, разбирающей важнѣйшіе вопросы религіи и нравственности проводится имъ систематично въ основанномъ имъ въ 1684 г. ежемѣсячномъ журналѣ „Nouvelles de la république des lettres", первомъ ученомъ журналѣ въ Европѣ, предназначенномъ для публики, въ которомъ научное содержаніе изложено было въ общепонятной, популярной формѣ. Остальные же, существовавшіе въ то время журналы, разсчитаны были исключительно на спеціальный кругъ читателей (*).

Таковы напр. существовавшіе въ то время періодическіе спеціальные журналы какъ-то: „Journal des savants", „Philosophical transactions", „Giornale dei litterati", издававшійся въ Римѣ и Лейпцигское изданіе „acta eruditorum".

Этотъ періодическій журналъ пользовался весьма большою извѣстностью, очень широко распространенною.

Послѣ отмѣны Нантскаго эдикта, Bayle горячо выступилъ въ защиту угнетенныхъ протестантовъ, громя въ своихъ политическихъ статьяхъ отсутствіе вѣротерпимости и репрессивныя мѣры Людовика XIV въ дѣлахъ вѣры. Но выступая такъ яро въ защиту вѣротерпимости, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ высказывалъ мысли, подкапывавшіяся подъ всякое глубокое религіозное чувство, подрывавшія всѣ религіозные догматы, въ какой бы формѣ они ни выражались.

Подобное направленіе, конечно, возбудило противъ него какъ духовную, такъ и свѣтскую власть, результатомъ чего было запрещеніе ему выступать на занимаемой имъ каѳедрѣ въ Роттердамѣ въ 1693 г. За время его профессорской дѣятельности извѣстны его лекціи по философіи, составляющія отдѣльный курсъ, въ которомъ онъ излагаетъ свою философскую систему; лекціи эти носятъ названіе: „Système de la philosophie". Они изданы были, впрочемъ, послѣ его смерти въ 1737 году.

Принужденный отказаться отъ профессуры, Bayle посвятилъ себя всецѣло учено-публистической дѣятельности.

Онъ занялся изданіемъ труда, который пріобрѣлъ ему европейскую извѣстность; это былъ знаменитый его словарь „Dictionnaire historique et critique", первое изданіе, котораго появилось въ 1697 г. въ двухъ томахъ in fol., второе изданіе, болѣе полное, вышло въ 1702 г. въ трехъ томахъ. Это изданіе навлекло на него новыя гоненія. За смѣлыя, часто парадоксальныя мысли, выраженныя въ немъ, онъ прослылъ за безбожника, на него стали смотрѣть, какъ на врага всякаго государственнаго и общественнаго порядка и выставили его въ такомъ свѣтѣ англійскому королю Вильгельму III; только заступничество всесильнаго въ то время лорда Shaftesbury спасло его отъ дальнѣйшихъ гоненій. Извѣстны еще его критическія статьи, дышащія рѣзкимъ, рѣшительнымъ скептицизмомъ, озаглавленныя „Réponses aux questions d'un provincial", появившіяся въ Роттердамѣ въ 1704—1706 годахъ въ шести томахъ.

Этотъ скептицизмъ составляетъ отличительную черту всѣхъ произведеній Bayle'a.

Онъ силится въ защиту высказываемыхъ имъ смѣлыхъ, парадоксальныхъ мыслей, выставлять еще болѣе смѣлые предположенія и доводы, не выдавая ихъ, тѣмъ не менѣе, за свои убѣжденія и тѣмъ производитъ на читателя какое-то смутное, неопредѣленное впечатлѣніе; отъ этого воззрѣнія его сильно теряютъ въ убѣдительности.

Своимъ направленіемъ онъ, можно сказать, проложилъ путь Вольтеру. Полное собраніе его сочиненій появилось въ Гаагѣ въ 1727 г. въ четырехъ томахъ in-fol.

Лучшее изданіе его словаря—изданіе Beuchot, появившееся въ 1820—1824 г. въ 16-ти томахъ in 8⁰.

Заслуга Bayle'a, какъ мы указывали, та, что онъ, такъ сказать, породилъ европейскую журналистику; онъ снялъ съ науки и образованія тотъ богословскій характеръ, который на нихъ лежалъ вѣками; онъ популяризировалъ эту науку, сдѣлалъ ее доступною массѣ и, такимъ образомъ, проложилъ путь дальнѣйшимъ мыслителямъ для возникавшей въ то время просвѣтительной литературы вѣка.

Въ одномъ съ Pierre Bayle направленіи дѣйствовали и другія, выдающіяся среди тогдашнихъ французскихъ эмигрантовъ литературныя силы.

Таковы напримѣръ: Leclerc, Basnage, Bernard и мн. др., извѣстные своимъ критическимъ направленіемъ мысли. Leclerc (1657—1736) профессоръ философіи, изящной словесности и еврейскаго языка оставилъ послѣ себя много богословскихъ, критическихъ сочиненій, между прочимъ: извѣстныя „Lettres théologiques", подъ псевдонимомъ „Liberius a sancto Amore" изд. 1679 г. „Harmonia evangelica", греческо-латинскій текстъ, изд. въ Амстердамѣ въ 1699 г., французскій переводъ Новаго Завѣта изд. 1703 г. „Ars critica" и мн. др.

Кромѣ того извѣстенъ онъ своими собраніями выдающихся современныхъ ему произведеній по всѣмъ отраслямъ наукъ и знанія, появлявшихся въ то время въ Европѣ—эти изданія носятъ названіе „Bibliothèque universelle et historique" (1686—1693 г.), „Bibliothèque choisie" (1703—1713 г.), „Bibliothèque ancienne et moderne" (1714—1730 г.). Всѣ эти три изданія появились въ громадномъ количествѣ томовъ.

Leclerc былъ по убѣжденіямъ своимъ богословскимъ и

философскимъ противникомъ Bayle'a; онъ въ философіи придерживался воззрѣній Локка.

Basnage (1656—1710 г.) эмигрировалъ изъ Франціи въ Голландію, гдѣ онъ издавалъ съ 1687—1709 г. „l'Histoire des ouvrages des savants"—періодическое изданіе, служащее продолженіемъ сочиненія Bayle'a „Nouvelles de la République des lettres", о которомъ мы упоминали. Въ этомъ изданіи онъ идетъ еще далѣе своего предшественника; онъ открыто ставитъ разумъ выше вѣры и откровенія; требуетъ торжества разума надъ всѣми прочими проявленіями человѣческаго духа.

Bernard (1658—1708 г.), по вѣроисповѣданію кальвинистъ, бѣжавшій послѣ отмѣны Нантскаго эдикта изъ Франціи и поселившійся въ Гаагѣ, продолжалъ изданія Leclerc'a и Basnage'a; въ своихъ философскихъ и политическихъ воззрѣніяхъ онъ придерживался взглядовъ своихъ предшественниковъ, развивая ихъ еще дальше.

Таковы были, въ главныхъ чертахъ, зачатки возникавшаго умственнаго, религіознаго и политическаго переворота, совершавшагося въ концѣ царствованія Людовика XIV, предвѣщавшаго наступленіе новаго времени, новыхъ міровоззрѣній, которыя должны были измѣнить весь государственный и общественный строй европейскаго общества въ концѣ прошлаго столѣтія.

Эти зачатки, какъ во Франціи, такъ и въ Голландіи находились въ то время, какъ мы говорили, въ прямой зависимости отъ просвѣтительнаго вліянія англійской литературы той эпохи. Въ Голландіи жили въ то время Локкъ и графъ Шафтесбюри, которые своими трудами, своими философскими міровоззрѣніями вліяли на французскихъ эмигрантовъ.

Къ этому времени, благопріятному для распространенія просвѣтительныхъ, либеральныхъ идей вѣка, присоединялись въ эту эпоху и разныя благопріятныя въ этомъ смыслѣ историческія событія, какъ-то—англійская революція 1688 г. и достигнутые ею результаты, въ смыслѣ государственнаго переустройства; наконецъ, нахожденіе во главѣ управленія Англіей такой благородной и возвышенной по своимъ стремленіямъ личности, какъ Вильгельма III, принца Оранскаго; все это обращало на себя вниманіе мыслящихъ фран-

цузовъ этой смутной, переходной эпохи, которые постепенно стали убѣждаться въ томъ, что Англія не есть та варварская страна, какъ полагали до того времени во Франціи; напротивъ, чѣмъ больше знакомилась тогдашняя Франція съ политическимъ и государственнымъ устройствомъ Англіи, тѣмъ болѣе убѣждалась она въ томъ, что многому можно у нея поучиться, многое можно у нея позаимствовать.

Лишь только, какъ мы говорили, закрылъ глаза Людовикъ XIV, умѣвшій держать въ повиновеніи всю западную Европу конца XVII столѣтія, подъ страхомъ и обаяніемъ, оказываемыми на его современниковъ его геніальною, могучею личностью, какъ эти нарождавшіеся зародыши все охватывавшей, всюду проникавшей оппозиціи, начали постепенно разрастаться и принимать все болѣе и болѣе угрожающіе размѣры. Нельзя сказать, чтобы это обличительное направленіе, подкапывавшееся подъ всѣ, вѣками сложившіяся государственныя и политическія формы и воззрѣнія, было въ то время исключительнымъ, чтобы оно охватило все тогдашнее общество и выражало бы всѣ pia desideria современнаго общества; напротивъ, существовали и въ то время консервативныя воззрѣнія, выражавшіяся въ трудахъ весьма почтенныхъ и талантливыхъ публицистовъ, видѣвшихъ спасеніе современной имъ Франціи отъ угрожавшаго ей и наступавшаго кризиса исключительно только въ возстановленіи средневѣковаго феодальнаго французскаго аристократическаго правленія; таковы напримѣръ воззрѣнія, выраженныя въ появившемся въ то время сочиненіи графа Boulainvilliers (1658—1722), озаглавленномъ „Histoire de l'ancien gouvernement de France“ изд. въ Гаагѣ въ 1727 г. Большинство же тогдашнихъ политическихъ и соціальныхъ трактатовъ, появлявшихся въ то время ежегодно въ десяткахъ тысячахъ экземплярахъ и принадлежавшихъ перу выдающихся талантливыхъ эмигрантовъ этой смутной, переходной эпохи, принадлежало къ противоположному, крайне либеральному по своимъ воззрѣніямъ направленію, въ которомъ уже въ то время, т. е. еще въ концѣ XVII столѣтія ясно стали слышатся отголоски заимствованной у Англіи политической теоріи о знаменитой, имѣвшей впослѣдствіи такое широкое примѣненіе во Франціи временъ великой революціи, идеи о „souveraineté du peuple“. Этимъ

направленіемъ, между прочимъ, отзываются напримѣръ мысли извѣстнаго Массильона (1663 — 1742), бывшаго аббата въ St. Pierre, человѣка въ высшей степени мечтательнаго, выраженныя имъ въ его проповѣдяхъ, озаглавленныхъ „Petit-Carême", произнесенныхъ въ 1717 г. въ присутствіи молодаго Людовика XV, въ которыхъ онъ проводитъ идеальную мысль о всеобщемъ мирѣ (projet de paix universelle), являясь вмѣстѣ съ тѣмъ страстнымъ проповѣдникомъ современныхъ ему либеральныхъ англійскихъ политическихъ учрежденій.

О Массильонѣ Вольтеръ напримѣръ выразился такимъ образомъ,—„c'est un homme moitié philosophe, moitié fou".

Члены различныхъ литературныхъ клубовъ, напримѣръ извѣстный въ эту эпоху маркизъ d'Argenson (1694—1757) въ своемъ сочиненіи — Considérations sur le gouvernement ancienet présent de la France", появившемся въ 1764—1784 гг. выражаетъ тоже мысли, которыя составляли только дальнѣйшее развитіе давно уже до него выраженныхъ взглядовъ Фенелона и Bois-Guillebert'a, т. е.—ограниченіе постояннаго и всемѣстнаго вліянія во Франціи абсолютной монархіи, уничтоженіе угнетавшихъ всѣ прочія сословія дворянскихъ привилегій, нравственное и экономическое поднятіе бѣдствовавшаго народа и т. д.

Одновременно съ этимъ направленіемъ стали въ громадномъ количествѣ распространяться во Франціи переводы современныхъ англійскихъ философовъ и въ особенности произведенія Ньютона и Локка.

Основныя идеи этихъ произведеній уже давно еще, до появленія ихъ во французскомъ переводѣ, стали пропагандироваться во Франціи въ общедоступной, популярной формѣ.

Такъ, извѣстенъ напримѣръ пропагаторъ Ньютоновской теоріи тяготѣнія—геометръ Maupertuis (1698—1759), написавшій въ 1732 г. „Commentaires sur les principes de Newton".

Въ связи съ этой теоріею всеобщаго тяготѣнія, о которой мы будемъ еще говорить, находились различные метафизическіе выводы, которые выражены у него въ многочисленныхъ математическихъ и космографическихъ его сочиненіяхъ.

Какъ ни много сдѣлалъ Maupertuis для распространенія въ тогдашнемъ образованномъ обществѣ новыхъ, открытыхъ Ньютономъ физическихъ и математическихъ законовъ, слава

его въ этомъ отношеніи всетаки значительно была затемнена тѣмъ, что въ это же самое время Вольтеръ въ своихъ сочиненіяхъ „Письма объ Англіи“ и въ „Eléments de la philosophie de Newton“ является ярымъ сторонникомъ этихъ-же самыхъ идей, пропагаторомъ ихъ и такимъ образомъ своею, уже тогда широко распространенною извѣстностью, много, естественно, и гораздо болѣе еще чѣмъ Maupertuis, способствовалъ ихъ популяризаціи.

Локкъ и Ньютонъ могутъ, по справедливости, считаться отцами французской просвѣтительной литературы прошлаго столѣтія.

Locke (1632—1704 г.)—англійскій философъ, былъ сынъ провинціальнаго судьи.

Высшее образованіе получилъ онъ въ Оксфордскомъ университетѣ. Оно было въ высшей степени разностороннее, такъ какъ Локкъ между прочимъ изучилъ также и медицину.

Въ 1666 г. онъ познакомился съ знаменитымъ впослѣдствіи графомъ Schaftesbury, который поручилъ ему воспитаніе сына и засимъ, во время своей силы въ министерствѣ, предоставилъ ему многія государственныя должности.

При Карлѣ II, во время постигшей всесильнаго министра опалы, Локкъ послѣдовалъ за нимъ въ Голландію, откуда онъ возвратился уже послѣ революціи 1688 года.

Въ своихъ сочиненіяхъ, отличающихся необыкновенною глубиною мысли, но не слогомъ, который по большей части всегда тяжеловѣсенъ и не изященъ, Локкъ затрогиваетъ всѣ вопросы—религіи, воспитанія, государственнаго и политическаго устройства, наконецъ, касается всѣхъ отправленій человѣческаго разума и старается опредѣлить границы самаго познанія, особенно въ извѣстномъ, получившемъ такую широкую популярноеть сочиненіи—„An essay concerning human understanding“.

До него господствовало философское ученіе Декарта, который, какъ извѣстно, допускалъ прирожденность человѣческому уму нѣкоторыхъ идей, истинъ и аксіомъ.

Этимъ философскимъ положеніемъ особенно злоупотребляли въ тогдашнихъ богословскихъ спорахъ.

Локкъ эту прирожденность идей рѣшительно отрицалъ, говоря, что человѣческая душа есть „tabula rasa“ и не до-

пуская, чтобы человѣческій умъ могъ себѣ что либо усвоить, помимо опыта и наблюденія, помимо внѣшняго воспріятія различныхъ чувствъ, изъ которыхъ составляются впослѣдствіи понятія. Такимъ образомъ Локкъ смотрѣлъ на человѣческое знаніе, какъ на прямой результатъ опыта и наблюденія, которыя являются единственнымъ вѣрнымъ источникомъ знанія.

Изъ этого-же понятія объ опытѣ выводилъ онъ и идею о существованіи Бога, въ которомъ онъ убѣждался также путемъ разсматриванія и наблюденія явленій природы, ясно и неопровержимо указывающихъ на необходимость и неизбѣжность существованія Творца этой природы—Бога.

Его идеи получили широкое развитіе въ Англіи и оттуда уже распространялись и на континентѣ, преимущественно во Франціи, гдѣ они пріобрѣли цѣлый рядъ послѣдователей.

Пока его идеи оставались въ предѣлахъ Англіи, они не могли имѣть вліянія на остальную Европу, по недоступности для тогдашней Европы ихъ изложенія на неизвѣстномъ въ то время на западѣ англійскомъ языкѣ; но лишь только за эти идеи схватились французскіе мыслители, они немедленно популяризировали ихъ на континентѣ и придали имъ всемірно-историческое значеніе.

Метафизическіе же выводы Ньютона (1642—1727), выводимые изъ открытаго имъ въ 1666 г. знаменитаго закона „всеобщаго тяготѣнія", послужили основаніемъ для дальнѣйшихъ философскихъ положеній деистовъ и матеріалистовъ.

Выводы эти заключались въ слѣдующемъ:

Если допустить справедливость положенія, что вѣчное и постоянное движеніе есть необходимый законъ матеріальной природы, то отсюда возникаетъ неразрѣшенный еще вопросъ—происходитъ ли это движеніе отъ силы, стоящей внѣ и выше этой матеріальной природы или это движеніе составляетъ самую сущность матеріи, самое прирожденное ей качество.

Первая изъ этихъ философскихъ гипотезъ легла въ основаніе дальнѣйшей разработки философіи деистовъ; вторая изъ нихъ послужила основаніемъ для философской системы матеріалистовъ. Главное сочиненіе Ньютона, придавшее ему всемірную извѣстность, было его знаменитое—„Phiolosophiae naturalis principia mathematica", вышедшее въ свѣтъ въ первый разъ въ 1687 г. и изложенное на латинскомъ текстѣ.

Полное-же собраніе его сочиненій появилось въ пяти томахъ in 4° въ Лондонѣ, на англійскомъ языкѣ въ 1779—1785 годахъ.

Мы уже говорили, что просвѣтительная литература вѣка приняла характеръ крайне полемическій, что эта такъ называвшаяся въ то время „église philosophique", стремилась къ такому же всемірному господству въ западной Европѣ конца XVIII столѣтія, къ какому стремилось католичество въ средніе вѣка. Сила ея заключалась въ томъ, что она обращалась къ массѣ, что выводы ея, благодаря необыкновенной популяризаціи ихъ, становились общественнымъ достояніемъ, а не оставались, какъ выводы англійской философской литературы, достояніемъ лишь небольшаго кружка философовъ и мыслителей.

Эта литература въ приложеніи къ государственному и общественному быту той эпохи проповѣдывала и силилась проводить въ жизнь тѣ знаменитые три принципа, которые впослѣдствіи сдѣлались какъ-бы лозунгомъ великой французской революціи. Эти принципы были, какъ извѣстно,— „liberté, égalité, fraternité" (*).

И не только Франція, вся Европа того времени поддерживала эту литературу и зачитывалась ею, крайне тяготясь невыносимыми несообразностями вѣка. Никто тогда еще не подозрѣвалъ, что затрогивать эти жгучіе, вѣками наболѣвшіе вопросы, значило въ то время играть съ огнемъ. Вмѣсто этой опасной игры, слѣдовало правительству во время заняться неотложными реформами. Между тѣмъ за нихъ ухватились тогда, когда уже было слишкомъ поздно.

Эта литература, столь сочувственно принятая въ Европѣ

(*) Въ Mémoires du Comte de Ségur (1689—1751) мы напримѣръ читаемъ такія мысли: La liberté, quelque fût son langage nous plaisait par son courage; l'égalité—par sa commodité. On trouve du plaisir à descendre tant qu'on croit pouvoir remonter dès que l'on veut, et sans prévoyance nous goutions tout à la fois les avantages du patriciat et les douceurs d'une philosophie plébéienne—Знаменитый Necker (1732—1804) министръ Людовика XVI, писалъ, что эта просвѣтительная литература вѣка образовала „une puissance invisible, qui sans trésors, sans gardes, sans armées, donnait des lois à la ville, à la cour et jusqu'aux palais du roi" (Traité de l'administration des finances 1784).

въ концѣ XVIII столѣтія, послѣ великой французской революціи съ ея потоками крови, навлекла на себя общую ненависть и отвращеніе. Во Франціи еще и теперь принципы ея служатъ политическимъ орудіемъ нѣкоторыхъ республиканскихъ партій; въ Англіи и Германіи ея уже болѣе не читаютъ, ограничиваясь повтореніемъ рутинныхъ фразъ о ея зловредности и малоубѣдительности, о ея легкомысліи и дерзости; между тѣмъ весьма немногіе историки даютъ себѣ трудъ серьезно и основательно разобраться въ этой литературѣ, отдѣлить въ ней тѣ мысли, которыя двинули человѣчество впередъ въ его развитіи и потому имѣютъ всемірно-историческое значеніе отъ ложныхъ и пагубныхъ для человѣчества идей, имѣвшихъ потому только весьма вредное на него вліяніе.

Эти просвѣтительныя идеи вѣка, по мнѣнію до сихъ поръ многихъ, породили будто бы французскую революцію; въ сущности-же, они были только предвѣстниками приближавшейся политической бури, задержать которую, хотя на время, правительство Франціи было уже болѣе не въ силахъ.

Мы говорили уже, что просвѣтительная литература вѣка имѣла въ своемъ развитіи два строго разграниченныхъ фазиса. О первомъ изъ нихъ мы только что подробно говорили, отмѣтивъ выдающихся дѣятелей его, какъ въ области спекулятивнаго мышленія съ публистическимъ характеромъ, такъ и въ области религіозныхъ, этическихъ воззрѣній. Во второмъ фазисѣ развитія просвѣтительной литературы вѣка, какъ мы говорили, ясно выступаютъ въ свою очередь три эпохи, характеризующія поперемѣнное господство трехъ философскихъ системъ.

Это—эпоха господства заимствованнаго изъ Англіи деизма, съ ея представителями, смѣненная въ свою очередь новымъ ученіемъ—матеріализмомъ, вызвавшемъ наконецъ реакцію, въ лицѣ философскаго направленія, во главѣ котораго находился Ж. Ж. Руссо.

Намъ и предстоитъ теперь разобрать дѣятельность главнѣйшихъ представителей каждой изъ этихъ трехъ, намѣченныхъ нами эпохъ, касаясь, конечно, главнымъ образомъ политической стороны ихъ просвѣтительной дѣятельности, имѣвшей такое сильное вліяніе на міровоззрѣніе человѣчества въ концѣ прошлаго столѣтія.

Мы говорили, что ученіе деизма заимствовано было во Франціи изъ Англіи, гдѣ въ то время представителемъ его былъ Локкъ.

Сущность этого ученія изложена нами вкратцѣ, когда мы говорили о философскихъ воззрѣніяхъ Локка.

Вольтеръ, явившись во Франціи популяризаторомъ и проповѣдникомъ этихъ идей, заимствованныхъ изъ Англіи, въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ изложенныхъ на родномъ, доступномъ для французовъ языкѣ, направляетъ все свое остроуміе, весь свой неистощимый сарказмъ на то, чтобы подкапаться подъ вѣками созданныя и до того времени остававшіяся, по крайней мѣрѣ во Франціи, почти непоколебленными, основы религіознаго культа.

Онъ разбиваетъ, подобно своему учителю Локку, все то, что не можетъ найти себѣ подтвержденія въ опытѣ и наблюденіи, однимъ словомъ, все то, что относится къ области вѣры и св. откровенія и не поддается внѣшнему изслѣдованію и наблюденію внѣшнихъ чувствъ.

Такимъ образомъ нападая на всѣ внѣшнія проявленія католическаго культа, на католическую іерархію и ея безчисленныя злоупотребленія, разрушая основные догматы католической церкви, онъ тѣмъ не менѣе твердо держится за идею Бога, основывая свои воззрѣнія на выводахъ Локка о необходимости и неизбѣжности существованія Творца видимой вселенной.

Намъ предстоитъ теперь ближе познакомиться съ просвѣтительною дѣятельностью Вольтера, такъ какъ въ его дѣятельности отражается вся намѣченная нами первая эпоха втораго фазиса просвѣтительной литературы вѣка.

Voltaire (François Marie Arouet de) родился въ 1694 г. въ окрестностяхъ Парижа; онъ былъ сынъ нотаріуса Arouet, занимавшаго должность „trésorier de la chambre des Comptes"; родина его была провинція Poitou.

Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ знаменитомъ, существующемъ до сихъ поръ въ Парижѣ „lycée Louis le Grand", въ то время находившемся подъ руководствомъ іезуитскаго ордена (*).

(*) Это сухое, безжизненное, крайне одностороннее іезуитское

Молодаго Вольтера первоначально предназначали къ судебной карьерѣ и съ этой цѣлью помѣстили его для занятій къ одному прокурору, но онъ не чувствовалъ никакого призванія къ магистратурѣ; съ раннихъ лѣтъ его напротивъ влекло къ литературѣ, къ изящной словесности въ различныхъ ея видахъ.

Ему едва минуло 20 лѣтъ, какъ уже онъ, благодаря покровительству своего крестнаго отца аббата de Chateauneuf, друга знаменитой Ninon de l'Enclos, отличавшагося также крайними либеральными воззрѣніями вѣка, получилъ доступъ въ высшіе слои парижскаго общества, въ блиставшіе въ то время остроуміемъ и свободомысліемъ знаменитые литературные и политическіе салоны, о которыхъ мы упоминали, гдѣ Вольтеръ, конечно, скоро нашелъ обильный матеріалъ для своего сатирическаго пера.

Въ этомъ саркастическомъ и легкомысленномъ литературномъ кружкѣ Вольтеръ весьма скоро пріобрѣлъ такую извѣстность своимъ остроуміемъ и безпощадностью своихъ сатирическихъ нападокъ, что будучи еще только двадцатилѣтнимъ юношей онъ уже навлекъ на себя подозрѣніе въ сочиненіи сатирическихъ стиховъ, въ которыхъ описывались бѣдствія Франціи въ концѣ царствованія Людовика XIV. Стихи эти появились послѣ смерти великаго короля; они кончались слѣдующимъ стихомъ, намекавшемъ на возрастъ ихъ автора: „J'ai vu ces maux, et je n'ai pas vingt ans". За это стихотвореніе Вольтеръ былъ заключенъ въ Бастилію, гдѣ его продержали болѣе года и откуда онъ былъ выпущенъ только по настоянію герцога Орлеанскаго, назначившаго ему денежное вознагражденіе (*).

воспитаніе, убивающее душу и свободную мысль въ ребенкѣ, еще болѣе развило въ немъ желаніе вырваться изъ этой среды, возбудило въ немъ глухую ненависть къ іезуитскому ордену и даже къ самой религіи. Одинъ изъ его наставниковъ уже тогда предсказывалъ, что изъ него выйдетъ со временемъ будущій глава враговъ церкви и христіанства.

(*) Разсказываютъ, что Вольтеръ, благодаря герцога Орлеанскаго за выданную ему субсидію, выразился будто-бы слѣдующимъ образомъ: «je remercie Votre Altesse Royale de vouloir bien continuer à se charger de ma nourriture; mais je la prie de ne plus se charger de mon logement».

По выходѣ изъ Бастиліи, онъ перемѣнилъ свою фамилію Arouet на Вольтера, фамильное имя, заимствованное имъ изъ названія одного изъ помѣстій матери.

Къ этому же времени, т. е. къ 1718 г., относится первое представленіе на сценѣ его трагедіи „Œdipe“, которая первая доставила ему серьезное литературное значеніе.

Въ этой трагедіи впервые у Вольтера пробивается мысль, подкапывающаяся подъ вѣковой церковный авторитетъ католической іерархіи. Такъ, извѣстно его двустишіе, направленное противъ духовенства.

„Nos prêtres ne sont pas ce qu'un vain peuple pense,
„Notre crédulité fait toute leur science“,

Почти одновременно появляется въ свѣтъ его „Henriade“, историческая поэма подъ названіемъ „La Ligue“, въ которой уже ясно выступаютъ не покидавшая его всю жизнь ненависть къ войнѣ и къ фанатизму во всѣхъ его проявленіяхъ и необыкновенныя свободомысліе и терпимость къ чужимъ воззрѣніямъ.

Вскорѣ послѣ этого Вольтеръ вторично попалъ въ Бастилію за то, что вызвалъ на дуэль оскорбившаго его знатнаго вельможу Rohan Chabot, которому, благодаря его связямъ, удалось лишить временно своего молодаго противника свободы и тѣмъ избѣжать весьма непріятнаго для него поединка. Когда его выпустили въ 1720 г., отъ него потребовали, чтобы онъ покинулъ Францію; онъ удалился въ Англію, гдѣ и пробылъ три года.

Въ теченіе этихъ трехъ лѣтъ Вольтеръ дѣятельно принялся за изученіе англійскаго языка, англійской литературы, политическихъ учрежденій и общественныхъ нравовъ Англіи, господствовавшей въ ней въ то время философіи, развивавшейся на основаніи новыхъ научныхъ выводовъ школы Локка и его послѣдователей.

Это общеніе съ тогдашними научными и философскими силами Англіи еще болѣе развило въ Вольтерѣ его природную наклонность къ скептицизму и невѣрію и положило прочное основаніе его послѣдующему критическому направленію мысли, скоро смѣнившемуся рѣшительнымъ отрицаніемъ всего существовавшаго въ его время политическаго и общественнаго строя. Это трехлѣтнее пребываніе въ Англіи имѣло

рѣшительное вліяніе на дальнѣйшее развитіе Вольтера; оно не осталось безслѣднымъ для всей его позднѣйшей литературной дѣятельности и можно смѣло сказать, что нѣтъ ни одного его творенія, въ которомъ не отразились бы слѣды его пребыванія въ Англіи (*). Эпоха его возвращенія во Францію совпадаетъ со временемъ появленія въ свѣтъ цѣлаго ряда его твореній; таковы напримѣръ его трагедіи: „Brutus“ (1730), „Zaire“ (1733), имѣвшая колоссальный успѣхъ, „Histoire de Charles XII“ и знаменитыя его „Lettres philosophiques“ (1735), извѣстныя также подъ названіемъ „Lettres anglaises“ и мн. др.

Послѣднее произведеніе за проведенныя въ немъ весьма рѣзкія нападки на религію, католическую іерархію и вообще на всякій гражданскій и духовный авторитетъ въ государствѣ присуждено было къ публичному сожженію на кострѣ; Вольтеръ-же, чтобы избѣгнуть строгаго наказанія, принужденъ былъ бѣжать изъ Парижа и продолжительное время скрываться въ отдаленномъ замкѣ Cirey, въ области Champagne, у пріятельницы своей маркизы Du Châtelet, которую Фридрихъ Великій называлъ Venus-Newton, женщины извѣстной своей любовью къ наукамъ и покровительствомъ литературнымъ талантамъ.

Тамъ пробылъ онъ пять лѣтъ (1735—1740), ревностно продолжая заниматься и подготовляя къ печати новыя свои творенія.

Здѣсь пишетъ онъ свои знаменитые „Eléments de la philosophie de Newton“ (1738), свои трагедіи „Alzire“, „Mahomet“, „Mérope“, свои разсужденія „Discours sur l'homme (**), „Siècle de Louis XIV“ и „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“ и наконецъ, появившуюся позже, надѣлавшую столько шума и навлекшую столько упрековъ на ея автора—гривуазную поэму „La pucelle d'Orléans“.

1740 годъ составляетъ рѣзкую грань въ жизни и судьбѣ Вольтера.

Незадолго до этого онъ вступаетъ въ переписку съ на-

(*) См. Villemain—Tableau de la littérature au XVIII siècle.

(**) Критикъ Вольтера Condorcet—Vie de Voltaire, называетъ это произведеніе «un des plus beaux monuments de la poésie française».

слѣдникомъ прусскаго престола, будущимъ великимъ королемъ Фридрихомъ II и былъ даже имъ вызванъ въ Берлинъ. Послѣ паденія во Франціи министерства Флери, всегда ненавидѣвшаго Вольтера, послѣдній получилъ дипломатическое порученіе къ прусскому двору, къ только что воцарившемуся Фридриху II; Вольтеръ отлично его выполнилъ и тѣмъ еще тѣснѣе связалъ себя съ будущимъ королемъ - философомъ, который въ продолженіе всей своей жизни былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ почитателей фернейскаго философа и только впослѣдствіи принужденъ былъ съ нимъ разстаться, изъ-за различныхъ придворныхъ интригъ, направленныхъ противъ Вольтера его многочисленными врагами, старавшимися всѣми средствами повредить ему въ глазахъ короля.

Одновременно съ расположеніемъ прусскаго короля Вольтеръ успѣваетъ пріобрѣсти себѣ и во Франціи совершенно другое положеніе, чѣмъ прежде. Ему начинаютъ покровительствовать такія всесильныя въ то время личности, какъ маркизъ d'Argenson, и всемогущая M-me de Pompadour, которая добилась того, что онъ принятъ былъ въ члены французской академіи въ 1746 г., двери которой до тѣхъ поръ были ему закрыты. Вольтеръ предварительно долженъ былъ письменно заявить о своемъ уваженіи къ религіи и даже къ іезуитскому ордену.

Подобное заявленіе со стороны Вольтера, не признававшаго никакой религіи, ясно указываетъ на то, что для него всегда цѣль оправдывала средства и что ему ничего не стоило выставлять такія убѣжденія, которыхъ у него никогда не было, когда это было для него выгодно или могло доставить ему почетную извѣстность.

Эту крайнюю двуличность, это низкое потворство слабостямъ и ошибкамъ властителей, отъ которыхъ такъ или иначе зависѣли матеріальное благосостояніе и литературное реноме Вольтера, высказывалъ онъ, впрочемъ, въ продолженіе всей своей литературной дѣятельности и эти свойства его, конечно, ложатся темнымъ пятномъ на его памяти.

Вольтеръ былъ обязанъ всемогущей маркизѣ не только академическимъ кресломъ; она доставила ему еще придворное званіе и титулъ исторіографа Франціи. Но его фаворитизмъ при дворѣ Людовика XV продолжался не долго. Ему стали

предпочитать тамъ извѣстнаго трагика Кребильона, что немедленно вызвало ненависть къ послѣднему крайне самолюбиваго и тщеславнаго Вольтера, который предпочелъ удалиться изъ Парижа. Скоро послѣ этого онъ появился въ Люневилѣ, при дворѣ польскаго короля Станислава Лещинскаго, отца супруги Людовика XV—Маріи Лещинской.

Ко времени его фаворитизма относятся его придворныя, такъ сказать, произведенія, писанныя съ цѣлью прославленія того или другаго выдающагося случая изъ придворной Версальской жизни.

Къ числу этихъ произведеній относятся его пьесы, представленныя на версальской сценѣ: „Princesse de Navarre", сочиненная по случаю бракосочетанія молодаго дофина, „Le temple de la gloire" и „Poème de Fontenoy" (1745), прославлявшія военную и политическую славу Людовика XV, только что одержавшаго побѣду надъ коалиціею. Смерть пріятельницы Вольтера, маркизы Du Châtelet въ 1749 году заставила его покинуть уединенную жизнь въ ея замкѣ, чтобы воспользоваться приглашеніемъ Фридриха II, который давно уже звалъ его къ себѣ въ свой загородный замокъ „Sans-Souci". Тутъ нашелъ онъ радушный пріемъ у прусскаго короля, который осыпалъ его милостями и относился къ нему, какъ къ лучшему другу.

Но и здѣсь не долго ужился Вольтеръ.

Ненасытное его честолюбіе, непомѣрная гордость и страшное самолюбіе скоро возбудили противъ него всѣ придворныя сферы и, въ особенности, тѣхъ французскихъ писателей и философовъ, которые искали себѣ убѣжища при дворѣ короля-мецената и которыхъ Вольтеръ третировалъ съ крайнимъ высокомѣріемъ.

Особенно рѣзко выступилъ противъ него тогдашній президендъ Берлинской академіи Maupertuis, котораго Вольтеръ выставилъ въ смѣхотворной формѣ въ своемъ сатирическомъ стихотвореніи „Diatribe du docteur Akakia". Стараніями своихъ враговъ, Вольтеръ потерялъ прежнее неограниченное довѣріе своего могущественнаго покровителя и послѣ неоднократныхъ временныхъ примиреній со своимъ царственнымъ другомъ, онъ окончательно съ нимъ разстался въ 1753 г.

Послѣ того какъ Вольтеръ покинулъ гостепріимный кровъ

Фридриха II, онъ сталъ разъѣзжать по Германіи, побывалъ у герцогини Саксенъ-Веймарской, прожилъ въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ и французскихъ городахъ, нигдѣ на долго не останавливаясь, и поселился наконецъ, сперва въ окрестностяхъ Женевы, въ замкѣ Délices, и затѣмъ въ своемъ помѣстьѣ Ferney *) въ (1758), гдѣ онъ и пробылъ послѣдніе двадцать лѣтъ своей жизни, проводя все свое время въ литературныхъ трудахъ и представляя для всей Западной Европы конца XVIII столѣтія, предметъ восторженнаго поклоненія. Она чествовала въ „patriarche de Ferney" выдающагося генія этой обильной литературными талантами эпохи.

Пребываніе Вольтера въ Ferney ознаменовано было выпускомъ въ свѣтъ весьма многихъ его произведеній, какъ то: между прочимъ, новой трагедіи „Танкредъ" (1760), комментарій на Корнеля, не вездѣ отличающихся безпристрастіемъ, многочисленныхъ „contes philosophiques", блестящихъ неистощимымъ остроуміемъ, но также и крайнею свободою мысли, безчисленныхъ полемическихъ статей на религіозныя темы, которыя онъ разбираетъ съ точки зрѣнія философскаго мыслителя, лишеннаго всякой религіозной основы; наконецъ, къ этому же времени относится выходъ въ свѣтъ его „Dictionnaire philosophique": но главное, въ чемъ проявилась дѣятельность неутомимаго труженика въ послѣдніе двадцать лѣтъ его пребыванія въ Ferney, это была его обширная переписка со всѣми выдающимися энциклопедистами и мыслителями эпохи.

Изъ Ferney, можно сказать, направлялся этотъ могучій потокъ, это все шире и шире распространявшееся философское и литературное движеніе, охватившее всю Францію къ концу XVIII столѣтія, а за симъ и всю Европу и произведшее къ тому времени полную революцію въ міросозерцаніи всего человѣчества въ концѣ прошлаго столѣтія.

Защищая и провозглашая новые принципы просвѣтительной литературы вѣка, стремившейся, какъ мы уже говорили, освободить человѣческій умъ отъ гнета вѣками лежавшаго на человѣчествѣ фанатизма и суевѣрія, Вольтеръ часто за-

---

(*) Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Женевы.

ходилъ далеко за предѣлы намѣченной и преслѣдуемой имъ цѣли.

Въ своемъ чудовищномъ самомнѣніи и гордости онъ ставилъ себя выше всякаго генія, воздвигалъ себѣ самому въ своемъ помѣстьѣ нѣчто въ родѣ храма, отождесталяя себя какъ бы съ Божествомъ, и главною цѣлью своей литературной дѣятельности подъ конецъ своей жизни ставилъ себѣ не только борьбу съ католическою іерархіею и злоупотребленіями католической церкви, борьбу, которою ознаменовалась большая часть произведеній перваго періода дѣятельности великаго мыслителя, но рѣшился даже всѣми силами выступить наконецъ на борьбу съ самыми догматами христіанства, стараясь разрушить въ своихъ читателяхъ всякую вѣру въ религію и Божественное откровеніе.

Многіе изъ его памфлетовъ, проникнутыхъ крайнимъ атеизмомъ, появились подъ псевдонимомъ; но они несомнѣнно принадлежатъ перу Вольтера; къ числу послѣднихъ слѣдуетъ отнести его трактаты: „Philosophie de l'histoire", „La bible commentée", „L'histoire de l'établissement du Christianisme" и мн. др.

Уже престарѣлымъ старцемъ, живя на покоѣ въ своемъ помѣстьѣ Ferney, выступаетъ Вольтеръ съ небывалою энергіею на борьбу съ христіанствомъ, силится проповѣдывать міру въ замѣнъ его, новыя для Франціи идеи деизма. Но и при всѣхъ своихъ капитальныхъ заблужденіяхъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности, Вольтеръ на старости лѣтъ высказываетъ даже нѣкоторыя симпатичныя черты благородныхъ порывовъ, совершенно не свойственныхъ его молодости. Онъ защищаетъ угнетенныхъ и страждущихъ, является покровителемъ неимущихъ и слабыхъ; (*) но все это перемѣшивается въ немъ съ крайнимъ тщеславіемъ, и тѣмъ вполнѣ оправдываетъ разъ высказанное о немъ Фридрихомъ II мнѣніе, „это великое горе, что съ такимъ замѣчательнымъ геніемъ соединяется такая ничтожная душа". Въ этихъ словахъ заклю-

(*) Извѣстны напримѣръ исторіи Jean Calas, Sirven, Labarre, въ которыхъ Вольтеръ принималъ такое живое участіе. См. Jules Barni: Histoire des idées morales et politiques en France au XVIII siècle, tome premier, Paris 1865. (стр. 238—246).

чается дѣйствительно разгадка всей его какъ-бы двуличной, двойственной натуры.

Вся его жизнь—вѣчное колебаніе между его мелочнымъ, себялюбивымъ, эгоистичнымъ характеромъ и его рѣдкимъ умомъ и широкимъ умственнымъ кругозоромъ, добытымъ имъ изъ его всесторонняго образованія и громадной начитанности, влекущихъ его постоянно къ высокимъ, идеальнымъ цѣлямъ, на благо человѣчества, а мелочность его души, отсутствіе въ немъ даже простой честности, постоянно ослабѣваютъ и парализируютъ эти благородные порывы.

Къ характеристикѣ его личности и къ громадному значенію Вольтера для всей просвѣтительной литературы, мы сейчасъ перейдемъ.

Въ настоящее-же время, чтобы закончить начатую нами здѣсь краткую біографію великаго мыслителя, намъ остается только упомянуть еще нѣсколько словъ о послѣднихъ годахъ его жизни и о послѣднемъ его путешествіи въ Парижъ въ 1778 г., которое онъ предпринялъ, уже будучи 84-хъ лѣтнимъ старцемъ.

Это путешествіе было для Вольтера настоящимъ тріумфальнымъ шествіемъ; повсюду встрѣчалъ онъ знаки глубокаго уваженія и сочувствія со стороны мѣстнаго населенія.

Его біографъ Condorcet (въ своей „Vie de Voltaire"), отличающійся крайнимъ оптимизмомъ въ своихъ воззрѣніяхъ на него, старательно собираетъ всѣ признаки этого сочувствія и подробно описываетъ это путешествіе.

Между прочимъ онъ разсказываетъ, что содержатель почтовой станціи, гдѣ остановился Вольтеръ, отпуская своего ямщика съ нимъ, сказалъ ему: „Songe à l'honneur que tu as de mener ce grand homme; il y a dix rois en Europe, mais il n'y a qu'un Voltaire au monde".

На представленіи его весьма слабой трагедіи „Irène" на его бюстъ былъ возложенъ лавровый вѣнокъ при шумныхъ оваціяхъ всей зрительной залы.

При выходѣ изъ театра народъ бросился цѣловать его одежду и не давалъ ему возможности двигаться. „Vous voulez me faire mourir de plaisir", говорилъ растроганный старецъ, „vous m'étouffez sous les roses".

Эти знаки восторга народа, это всеобщее поклоненіе до

того надломили и безъ того изнуренныя силы Вольтера, ревностно занятаго постановкою на сценѣ его послѣдней трагедіи, что онъ не выдержалъ, и повторяющіяся кровохарканья и чрезвычайная слабость указывали на приближеніе смерти.

Извѣстенъ эпизодъ, относящійся къ послѣднимъ минутамъ жизни Вольтера. На вопросъ напутствовавшаго его католическаго пàтера: „Reconnaissez vous la divinité de Jésus Christ?" Вольтеръ ему будто бы отвѣтилъ: „Au nom de Dieu ne me parlez pas de cet homme". Вольтеръ умеръ 30 Мая 1778 г. безъ напутствія церкви и потому католическое духовенство отказалось его похоронить въ Парижѣ. Вскорѣ послѣ смерти онъ былъ похороненъ въ одномъ монастырѣ въ Scellières, гдѣ былъ настоятелемъ одинъ изъ его племянниковъ. Въ 1791 г. его бренные останки торжественно перенесены были въ Пантеонъ гдѣ они и покоятся до сихъ поръ. Сердце его долго сохранялось въ Ferney въ особой урнѣ съ надписью: „Son esprit est partout et son coeur est ici".

Собраніе его сочиненій вышло въ многочисленныхъ изданіяхъ, болѣе или менѣе полныхъ.

Къ числу лучшихъ изъ нихъ относится изданіе Kehl'a 1784—1789, въ 70-хъ томахъ in 8°, съ примѣчаніями Condorcet, и изданіе M. Beuchot 1829—1834, тоже въ 70-хъ томахъ in 8°.

Личность Вольтера, въ высшей степени выдающаяся, послужила, конечно, предметомъ самыхъ различныхъ и разнообразныхъ изслѣдованій, исходящихъ изъ самыхъ противоположныхъ лагерей; тѣмъ труднѣе представляется намъ безпристрастная его оцѣнка.

Англійскій историкъ Carlyle справедливо замѣтилъ, что еслибы XVIII столѣтіе лишено было личности Вольтера, это произвело-бы бóльшую перемѣну въ современномъ міровоззрѣніи человѣчества, чѣмъ отсутствіе въ литературѣ всякой другой геніальной личности.

О немъ высказывались сужденія самыя противоположныя, подсказываемыя то безграничнымъ его восхваленіемъ и слѣпымъ преклоненіемъ передъ его геніемъ, какъ напримѣръ сужденья, высказанныя о Вольтерѣ въ извѣстной книгѣ Lanfrey—„l'Eglíse et la philosophie du XVIII siècle", то нена-

вистью и злобою, какъ напримѣръ извѣстный памфлетъ, пущенный противъ него, принадлежащій перу L. Nicolardot и озаглавленный „Ménages et finances de Voltaire“.

Вольтера можно разсматривать съ различныхъ точекъ зрѣнія: какъ философа, политика, историка, поэта.

Для насъ всего важнѣе, конечно, его политическіе взгляды, вліяніе его твореній на монарховъ той эпохи; намъ необходимо здѣсь выяснить, въ чемъ заключается великое значеніе его твореній для просвѣтительной литературы вѣка, насколько его можно считать патріархомъ этой литературы и главнымъ руководителемъ молодыхъ мыслителей, увлекавшихся либеральными идеями, проникавшими во Францію изъ Англіи.

Сила Вольтера и обаятельное вліяніе, оказываемое имъ на современниковъ, все значеніе его для просвѣтительной литературы вѣка заключались въ его рѣдкомъ умѣніи пропагандировать въ легкой, привлекательной, общедоступной формѣ изложенія тѣ мысли, которыя составляли предметъ всеобщаго поклоненія и всесторонняго изученія въ этотъ вѣкъ увлеченія философскими доктринами.

Онъ, строго говоря, не создалъ ничего новаго ни въ одной изъ многочисленныхъ областей знанія имъ затронутыхъ; онъ не представилъ ничего цѣльнаго въ области мысли, ничего самостоятельнаго, ему одному обязаннаго своимъ возникновеніемъ; вся громадная заслуга его для современной ему эпохи заключается въ рѣдкомъ умѣніи его популяризировать эти научныя истины, уже давно пустившія глубокіе корни въ Англіи, но остававшіяся до него совершенно неизвѣстными во Франціи, въ его рѣдкомъ дарѣ, распространять въ массѣ въ общедоступной формѣ тѣ мысли, тѣ философскія и политическія воззрѣнія, которыя составляли основные мотивы просвѣтительной литературы.

Одна неизмѣнная черта проходитъ черезъ всѣ его философскія произведенія—это страстная, ожесточенная ненависть къ церкви, къ католическому культу, къ католической іерархіи. Но эта ненависть не ограничивается видимыми, часто дѣйствительно неприглядными внѣшними проявленіями ненавистнаго ему религіознаго культа, она идетъ еще гораздо дальше; она подкапывается подъ самое религіозное чувство, подъ самыя основы христіанскаго ученія, которыя онъ си-

лится разбить путемъ разума. Это первый и, можно сказать, основной выводъ, вытекающій изъ его многочисленныхъ философскихъ сочиненій.

Христіанство и видимая его форма, въ которую оно облеклось во Франціи—католическій культъ, есть, по мнѣнію философскихъ положеній Вольтера, ничто иное, какъ источникъ всевозможныхъ суевѣрій, человѣческихъ несообразностей и послабленій его умственной природы, замедляющихъ умственное развитіе человѣчества (*).

Въ отношеніи къ религіозному своему міровоззрѣнію Вольтеръ представляетъ изъ себя чистаго деиста, приходящаго къ руководящимъ имъ религіознымъ выводамъ, исключительно путемъ холоднаго, разсудочнаго размышленія, а не теплоты и искренности душевной, составляющихъ отличительныя черты послѣдующихъ философовъ, напримѣръ: Ж. Ж. Руссо.

Для Вольтера, какъ мы уже говорили, существованіе Бога является строго необходимымъ и неизбѣжнымъ, и вытекаетъ оно изъ фактической невозможности представить себѣ природу безъ создавшаго ее создателя и руководителя, изъ невозможности допустить существованіе на землѣ права и справедливости, безъ одновременнаго существованія и верховнаго судьи надъ добромъ и зломъ. За свои религіозныя воззрѣнія, въ которыхъ Вольтеръ рѣзко проводитъ взгляды, заимствованные имъ изъ метафизической школы Локка и его послѣдователей, онъ, конечно, подвергся нападкамъ, какъ партіи клерикаловъ, такъ и возникшей къ концу его литературной дѣятельности философской партіи матеріалистовъ, во главѣ которой находился знаменитый Дидро, о которомъ мы еще будемъ имѣть случай говорить подробно въ своемъ мѣстѣ.

Какъ политикъ и историкъ и, главнымъ образомъ, какъ моралистъ, Вольтеръ является всю свою жизнь ярымъ врагомъ всякаго деспотизма, въ какой-бы формѣ онъ ни проявлялся, врагомъ фанатизма и сословныхъ предразсудковъ. Но его политическія и соціальныя воззрѣнія далеко не изложены въ цѣльной, строго-логической системѣ мышленія; они тоже не представляютъ ничего цѣльнаго, ничего законченнаго.

(*) См. его философскіе трактаты „Examen important de Mylord Bolingbroke“, „Le pour et le contre“, „Le philosophe ignorant“ и др.

Онъ стоитъ за естественныя права человѣка, за какую-то, по его взгляду, разумную, естественную для человѣка религію, не опредѣляя точно, въ чемъ она должна заключаться. На всѣхъ этихъ воззрѣніяхъ, конечно, видно вліяніе англійскихъ либеральныхъ мыслителей.

Онъ не только изучалъ Ньютона и Локка, онъ зачитывался также и англійскими политическими писателями и въ особенности Bolingbroke (1678 — 1750), составившимъ себѣ имя въ литературѣ той эпохи своими политическими трактатами, напр.: „Lettre au chevalier Wyndham sur le patriotisme", „Idée d'un roi patriote", „Réflexions sur l'exil", „Lettres sur l'étude de l'histoire" и мн. др. Болингброкъ по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ принадлежалъ къ школѣ деистовъ, и потому его творенія находили полное сочувствіе въ Вольтерѣ, находившемся въ то время подъ сильнымъ вліяніемъ Локка.

Для Вольтера Англія представляла изъ себя идеальное государство, гдѣ королю предоставлена полная свобода для блага народа, но гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ у него руки связаны для произвола (*); она представлялась ему страною, гдѣ принципы свободы и равенства получили свое полное осуществленіе, но надъ этимъ равенствомъ, надъ этой свободой господствуетъ равно для всѣхъ обязательный законъ. Онъ это прямо выражаетъ въ своемъ трактатѣ:—Pensées sur l'administration publique: „la liberté consiste à ne dépendre que des lois". Таже мысль проведена и въ его другомъ политическомъ трактатѣ — Idées républicaines: „le gouvernement civil est la volonté de tous, exécutée par un seul, ou par plusieurs, en vertu des lois, que tous ont portées".

Но эти мысли о равенствѣ между людьми такъ и остаются у него въ формѣ отрывочныхъ фразъ, не получившихъ дальнѣйшаго развитія.

Въ другихъ своихъ сочиненіяхъ онъ уже высказывается совершенно иначе о томъ-же предметѣ, называя равенство людей между собою—прекраснымъ сномъ, неравенство-же—непоборимымъ зломъ, или еще, говоря, что люди ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть равны между собою, какъ члены общества.

(*) См. „Lettres sur l'Angleterre", „Lettres anglaises".

Въ одномъ онъ остается всегда вѣренъ самому себѣ, а именно въ своихъ воззрѣніяхъ на необходимость подчиненія церкви государству, полной свободы совѣсти и печати. Онъ проповѣдуетъ объ улучшеніи народнаго образованія, о равномѣрной раскладкѣ податной системы, возстаетъ постоянно противъ свѣтскаго и духовнаго деспотизма и противъ своеволія.

Онъ требовалъ улучшенія политическаго и соціальнаго строя путемъ реформъ, за которыя должно было-бы, по его мнѣнію, взяться правительство, а не путемъ политической и соціальной революціи. Этими воззрѣніями отчасти объясняется его связь съ современными ему монархами Европы, хотя тутъ, конечно, влекли его къ нимъ причины, вполнѣ эгоистическія, вытекающія изъ его крайняго честолюбія и огромнаго самомнѣнія. Эта связь его съ монархами, его роль придворнаго писателя и философа толковалась радикалами часто, какъ крайнее пристрастіе его къ аристократизму.

Изъ его обширной переписки видно, что онъ еще задолго до революціи уже предвидѣлъ всю ея неизбѣжность для Франціи, такъ какъ правительство не принималось за необходимыя реформы, да и тѣ немногія изъ нихъ, которыя проводились, примѣнялись весьма туго.

Но опять-таки повторяемъ, всѣ эти мысли его разбросаны по всѣмъ его сочиненіямъ и не представляютъ ничего цѣльнаго и связнаго.

Какъ историкъ, Вольтеръ не представляетъ никакого научнаго интереса; вся заслуга его въ повѣствовательной, литературной формѣ его изложенія. Самыя извѣстныя его попытки въ историческомъ изложеніи—его „Histoire de Charles XII“, „Histoire de Pierre le Grand“, „Siècle de Louis XIV“, „Précis du siècle de Louis XV“. Въ послѣднемъ изъ поименованныхъ здѣсь сочиненій историческій взглядъ Вольтера значительно шире; онъ старается захватить болѣе широкое поле для изслѣдованія, не ограничиваясь, какъ въ прежнихъ своихъ историческихъ сочиненіяхъ, исключительно только описаніемъ придворныхъ сферъ.

Особенной шириной взгляда въ этомъ отношеніи отличается его „Essai sur les moeurs et l'esprit des nations“, который представляетъ изъ себя въ нѣкоторомъ родѣ то, что

эротической поэзіи, которая встрѣчала большое сочувствіе при развратномъ дворѣ регента Филиппа Орлеанскаго.

Строгая, безпощадная цензура послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, въ эпоху крайняго ханжества и лицемѣрія, охватившаго дворъ и высшіе слои французскаго общества во время фаворитизма M-me de Maintenon, должна была неизбѣжно встрѣтить, послѣ смерти великаго короля, рѣзкую реакцію, выразившуюся въ свободномъ обсужденіи въ печати всѣхъ тѣхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, на которыхъ лежалъ строжайшій запретъ еще такъ недавно.

Это было время, когда въ современномъ обществѣ начинали прокрадываться сомнѣнія и рѣзкій скептицизмъ по отношенію къ религіи; скептицизмъ, который былъ только предвѣстникомъ позднѣйшаго полнаго безвѣрія, въ то время не смѣвшаго еще открыто высказываться, но постепенно прокладывавшаго себѣ тѣмъ не менѣе путь, по мѣрѣ развитія самой просвѣтительной литературы вѣка. Эти смѣлыя, остроумныя мысли, разбросанныя въ „Lettres persanes", затрогивавшія самые жгучіе вопросы времени, подходили какъ разъ подъ настроеніе этой смутной, переходной эпохи, гдѣ всѣ съ лихорадочнымъ безпокойствомъ набрасывались на всякую смѣлую, откровенную сатиру.

Въ авторѣ „Lettres persanes" видѣнъ уже будущій авторъ гораздо болѣе серьезнаго и капитальнаго сочиненія—„Esprit des lois (*).

Представляя на первомъ планѣ въ своихъ „Lettres persanes" господствовавшее въ его время нравы, мнѣнія и обычаи въ сатирической формѣ, Монтескье тѣмъ самымъ выставлялъ на видъ свои собственныя религіозныя и политическія убѣжденія.

Въ то время какъ Вольтеръ еще занимался пустою болтовнею въ литературныхъ салонахъ, Монтескье уже указывалъ весьма смѣло въ своихъ „письмахъ" на выдающіеся пороки въ современномъ ему обществѣ. Онъ осмѣиваетъ ложную набожность, земныя стремленія папства и католической іерархіи, многочисленныя ихъ злоупотребленія, безчисленныя ссоры

(*) См. Villemain—Tableau de la littérature au XVIII siècle.

различныхъ сектъ между собою; въ своихъ насмѣшкахъ и сатирахъ онъ доходитъ, впрочемъ, даже до осмѣянія нѣкоторыхъ христіанскихъ догматовъ.

По своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, Монтескье такой-же деистъ, какъ и Вольтеръ.

Онъ какъ и Вольтеръ вѣритъ въ Бога и въ безсмертіе души, но воззрѣнія его на религію проникнуты большею мягкостью, гуманностью; онъ сущность религіи полагаетъ исключительно въ братской любви и добродѣтели, въ нравственныхъ помыслахъ человѣка.

Въ своихъ политическихъ взглядахъ Монтескье порицаетъ деспотизмъ и своеволіе правленія Людовика XIV, роскошь, расточительность и развратъ его двора, гордость и привилегированное положеніе аристократіи, въ ущербъ другимъ сословіямъ въ государствѣ; рискованныя, ни на какихъ серьёзныхъ разсчетахъ не основанныя, спекуляціи Law, повлекшія за собой полный финансовый крахъ во Франціи въ правленіе регента Филиппа Орлеанскаго; однимъ словомъ, онъ критически относится ко всѣмъ выдающимся политическимъ событіямъ своего времени.

Во всѣхъ этихъ взглядахъ въ то время еще проглядываетъ у него нѣкоторый оттѣнокъ предпочтенія, оказываемаго имъ демократической, республиканской формѣ правленія передъ монархической.

Тогда какъ Вольтеръ о формѣ правленія никогда и нигдѣ не говоритъ въ своихъ сочиненіяхъ, Монтескье явно обнаруживаетъ въ своихъ письмахъ недовѣріе даже къ умѣренной монархіи, потому-то, конечно, Швейцарія и Нидерланды, какъ страны, въ которыхъ прочно установилась республика, представляютъ для него идеалъ политическаго устройства. Этотъ взглядъ значительно измѣнился у него впослѣдствіи. Его нападки на современный ему политическій и соціальный строй были весьма сильны и язвительны, они тѣмъ болѣе производили впечатлѣнія на нѣкоторыхъ, что были облечены въ весьма остроумную и тонкую форму; но такъ уже было сильно легкомысліе современнаго ему общества, что оно не въ состояніи было даже вдуматься въ глубокій смыслъ этихъ нападокъ, а скользило по нимъ, не понимая ихъ внутренняго значенія.

Самъ регентъ и его первый министръ—кардиналъ Dubois систему правленія которыхъ Монтескье осмѣивалъ въ своихъ „письмахъ", наслаждались чтеніемъ ихъ, привлекаемые легкою, остроумною формою изложенія и смѣлою откровенностью нѣкоторыхъ картинъ.

Въ 1727 г. Монтескье послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ попадаетъ наконецъ въ академію. Онъ уже давно добивался вакантнаго въ ней кресла, но ненавидѣвшій его кардиналъ Флери выставлялъ на видъ невозможность для академіи и нежеланіе короля назначить въ члены французской академіи человѣка, открыто выступившаго въ своихъ сочиненіяхъ противъ религіи.

Вольтеръ въ своемъ историческомъ сочиненіи „Siècle de Louis XIV" разсказываетъ какимъ образомъ удалось Монтескье, не смотря на враждебныя къ нему отношенія Флери, попасть въ академію.

По его словамъ, онъ выпустилъ новое изданіе своихъ „Lettres persanes", въ которомъ онъ опустилъ всѣ тѣ мѣста, которыя не могли быть одобрены кардиналомъ по своимъ нападкамъ на религію, и вообще значительно измѣнилъ весь первоначальный текстъ книги; такимъ образомъ его „письма" въ этомъ сильно передѣланномъ видѣ были одобрены кардиналомъ и Монтескье получилъ желаемое имъ кресло въ академіи. Этотъ анекдотъ представляется довольно сомнительнымъ, но во всякомъ случаѣ онъ характеризуетъ намъ литературные нравы той эпохи и рисуетъ намъ самую личность Вольтера, такъ какъ онъ находитъ подобный поступокъ со стороны Монтескье „un tour fort adroit".

Задумавъ уже планъ капитальнаго своего сочиненія „Esprit des lois", Монтескье рѣшился путешествовать по Европѣ, чтобы на мѣстѣ ближе изучить нравы и учрежденія народовъ. Онъ посѣтилъ Вѣну, Венгрію, главнѣйшіе города Италіи, Швейцарію, Голландію и наконецъ Англію, въ которой онъ пробылъ два года.

Въ Вѣнѣ Монтескье сошелся съ симпатичною личностью героя принца Евгенія Савойскаго, въ Римѣ сблизился даже съ папою, въ Венгріи поразили его нѣкоторыя сохранившіяся черты феодальнаго устройства, въ Швейцаріи и Голландіи изучалъ онъ республиканскія учрежденія, но въ осо-

бенности въ Англіи нашелъ онъ широкое поле для своихъ наблюденій.

Это было время господства партіи виговъ, политика которыхъ, стремившаяся къ упроченію конституціи въ странѣ, сдѣлалась съ тѣхъ поръ для него идеаломъ государственной мудрости; но это не мѣшало ему замѣчать и вопіющіе недостатки этой системы, какъ напр., все возраставшую въ то время продажность должностей, особенно развившуюся, какъ мы видѣли, при Робертѣ Вальполѣ.

Въ Монтескье, такимъ образомъ, республиканецъ постепенно обращался въ вига.

По мѣрѣ проникновенія политическими воззрѣніями виговъ, у Монтескье являлось желаніе сдѣлать свои мысли общимъ достояніемъ, подводить подъ извѣстную политическую систему то, что въ Англіи, какъ мы видѣли, сложилось вѣками въ борьбѣ парламентскихъ партій.

Этотъ политическій кодексъ, заимствованный имъ изъ изученія политическихъ учрежденій Англіи, въ эпоху господства въ ней партіи виговъ, можно сказать, съ тѣхъ поръ и составилъ политическую „profession de foi" Монтескье въ продолженіе всей его послѣдующей литературной дѣятельности.

Его, по справедливости, можно считать основателемъ политическаго ученія о конституціонной монархіи. Возвратившись изъ своего путешествія, Монтескье удаляется въ свой замокъ de La Brède, чтобы въ тиши уединенія безпрепятственно предаться своимъ занятіямъ.

Здѣсь завелъ онъ первый во Франціи англійскій паркъ.

Въ 1734 г. появляется его историческое сочиненіе— „Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence des Romains".

Въ этомъ сочиненіи Монтескье доказываетъ, что политическое величіе народа зависитъ отъ его политической свободы.

Къ этому выводу онъ приходитъ, разбирая причины величія и паденія Рима, которыя находились, по его мнѣнію, въ прямой зависимости отъ степени народнаго патріотизма и сознанія народомъ національнаго своего достоинства. При отсутствіи же этихъ качествъ, слава и величіе народа меркнутъ, убиваемые деспотизмомъ и своеволіемъ правителей и наконецъ совершенно погибаютъ.

Изъ этого основнаго положенія логически вытекала мысль, легшая въ основаніе его капитальнаго сочиненія, надъ которымъ онъ работалъ болѣе двадцати лѣтъ, озаглавленнаго имъ „Esprit des lois", появившагося только въ 1748 году.

Мысль эту можно выразить слѣдующимъ образомъ: если величіе политическое зависитъ отъ политической свободы народа, то слѣдуетъ выяснить, какія ея основанія, при какихъ условіяхъ она можетъ и должна развиваться и какъ примѣнить эту политическую свободу къ различнымъ націямъ, сообразуясь съ потребностями времени и съ мѣстными условіями страны и культуры народа. Такимъ образомъ Монтескье впервые развивалъ мысль, что государственное устройство обусловливается почвою, климатомъ страны, религіею и степенью развитія даннаго народа.

Цѣль всякаго государственнаго соединенія, по Монтескье, заключается въ осуществленіи законной свободы, которая въ свою очередь должна повлечь за собою общее счастіе и благоденствіе. Самою нормальною и потому желательною формою правленія Монтескье полагалъ форму конституціонной монархіи, въ которой представительство всѣхъ сословій въ государствѣ соединяется съ интересами монархическаго принципа. Въ этомъ отношеніи раздѣленіе въ государствѣ власти законодательной отъ исполнительной и судебной, представлялась Монтескье лучшею гарантіею политической свободы, къ которой должны были, по его мнѣнію, стремиться всѣ нормальныя государственныя соединенія.

Сочиненіе это, можно сказать, было единственнымъ въ своемъ родѣ, что дало возможность его автору приписать къ нему слѣдующій эпиграфъ: „Prolem sine matre creatam", желая этимъ указать на то, что у него не существовало образца, которымъ онъ могъ руководствоваться, при составленіи своего труда.

Вліяніе „Esprit des lois" было огромное; оно и до сихъ поръ не потеряло значенія, какъ всякое капитальное сочиненіе, переживающее свое время. Въ полтора года оно выдержало до 22 изданій и переведено было на всѣ европейскіе языки.

Этимъ сочиненіемъ до того зачитывались его современники, что политика положительно сдѣлалась модой, модною

темою для разговора въ этотъ вѣкъ легкомыслія и увлеченія самыми разнообразными философскими ученіями, и вліяніе его идей только еще болѣе усилилось въ первые годы революціи: „Esprit des lois" былъ послѣднимъ серьезнымъ трудомъ Монтескье. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ переселился въ Парижъ, гдѣ онъ сошелся со многими выдающимися мыслителями эпохи, но всегда держалъ себя вдали отъ Вольтера, которому никогда не симпатизировалъ. Ихъ всегда раздѣляло слишкомъ большое различіе характеровъ.

Умеръ онъ шестидесяти шести лѣтъ въ Парижѣ, въ 1755 году. Разсказываютъ, что на вопросъ напутствовавшаго его католическаго патера: „Comprenez-vous combien Dieu est grand?" Монтескье ему отвѣтилъ: „Je comprends, combien les hommes sont petits".

Современники далеко не умѣли цѣнить всю глубину и все значеніе его великаго творенія и даже его другъ, знаменитый энциклопедистъ Helvetius, о которомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, совѣтывалъ ему не печатать его „Esprit des lois", сочиненіе, доставившее ему всю его славу. Будущія поколѣнія лучше поняли значеніе Монтескье и воздали ему должное (*).

Рядомъ съ этими двумя геніальными писателями, стоявшими во главѣ мыслителей перваго, только что нами разобраннаго фазиса втораго періода просвѣтительной литературы XVIII ст., стоялъ цѣлый рядъ экономистовъ, разбиравшихъ, также подъ вліяніемъ Англіи, вопросы государственнаго хозяйства, и разбивавшихъ въ своихъ сочиненіяхъ и трактатахъ господствовавшую во Франціи и, особенно, какъ мы знаемъ, развившуюся со временъ Кольбера, знаменитую „меркантильную систему". Эти экономисты проводили мысль, что земля, земельная собственность есть единственный вѣрный источникъ богатства; отсюда получили они названіе „физіократы" отъ греческаго слова φύσις—природа.

(*) Полное собраніе его сочиненій появилось въ нѣсколькихъ изданіяхъ; такъ, извѣстно изд. Auger 1816 г. въ 6 томахъ in 8°, изд. Lequien 1819 г., въ 8 томахъ in 8° и de Parelles 1822 г. съ комментаріями и примѣчаніями въ 8 томахъ in 8°.

При прежнемъ господствѣ меркантильной системы, естественно, городская промышленность, заграничная торговля во всѣхъ ея видахъ, поощрялись разнообразными привилегіями, торговыми монополіями и пошлинами.

Система эта страдала, конечно, односторонностью; она выгодна была исключительно для высшихъ классовъ общества, для поддержанія роскоши двора, для содержанія войска во время безчисленныхъ походовъ. Экономисты еще временъ Людовика XIV, какъ-то маршалъ Vauban и Boisguillebert, о которыхъ мы говорили, указали на всю несостоятельность этой системы и на современное имъ печальное экономическое положеніе Франціи.

Послѣ страшнаго финансоваго кризиса Law, когда всякая денежная валюта потеряла всякое реальное значеніе и земля оказывалась единственною собственностью, не терящею цѣнности, а напротивъ, еще повышающеюся съ годами въ цѣнѣ, когда сельское населеніе, обитающее на этой землѣ и обработывающее ее, оказывалось единственнымъ сословіемъ производительнымъ во Франціи, а не только потребляющимъ, какъ всѣ прочія сословія, и слѣдовательно—сословіемъ, увеличивающимъ общій народный капиталъ, а съ нимъ вмѣстѣ умножающимъ его общее благосостояніе, естественно, должна была возникнуть экономическая теорія, полагающая исключительно въ землѣ, въ ея обработкѣ, прочную гарантію народнаго благосостоянія и богатства.

Эта теорія ставила общее благоденствіе, богатство страны въ прямой зависимости отъ богатства или бѣдности сельскаго населенія, производительнаго класса, выражая эту мысль въ извѣстной поговоркѣ: „pauvres paysans—pauvre royaume; pauvre royaume—pauvre roi“.

Эта теорія выставляла во всемъ на первый планъ господство природы и потому получила въ политической экономіи названіе „физіократіи“. Она впадала въ свою очередь въ такую-же крайность, какъ и меркантильная система.

Знаменитый Adam Smith (1723—1790) въ своемъ капитальномъ трудѣ „Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations“, появившемся въ 1776 г., разбиваетъ крайности этой теоріи, выставляя на первый планъ экономическій трудъ, какъ единственно вѣрный источникъ народ-

наго богатства. Представителемъ экономической теоріи физіократовъ былъ извѣстный медикъ François Quesnay (1694—1774). Онъ получилъ первоначальное образованіе на одной сельской фермѣ, гдѣ съ молодыхъ лѣтъ пристрастился къ сельскому хозяйству, изучая его теоретически и практически.

Онъ сталъ писать статьи по сельскому хозяйству и помѣщать ихъ въ издававшейся въ то время знаменитой „Энциклопедіи". Такъ, извѣстны его статьи: „Grains", „Fermiers", и др.; помѣщалъ онъ ихъ и въ другихъ экономическихъ журналахъ, какъ-то въ „Journaux de physique et d'agriculture", „l'Ami des hommes", издаваемомъ Мирабо отцомъ и др. Его экономическія доктрины находили послѣдователей, которые всѣ стремились къ осуществленію его идеала—къ реформѣ общества на основаніи законовъ природы,—отсюда теорія физіократовъ.

Всѣ его доктрины подробно изложены въ многочисленныхъ его сочиненіяхъ, изъ которыхъ самыя извѣстныя — „Tableau économique" въ 1758 г., „Essai sur l'administration des terres" 1759 и наконецъ—„Physiocratie ou constitution naturelle des gouvernements", появившееся въ 1768 г.

Съ 1744 г. онъ занималъ должность лейбъ-медика при дворѣ Людовика XV.

Въ одномъ съ нимъ направленіи дѣйствовалъ и другой экономистъ—Vincent Gournay (1712—1759), впрочемъ нѣсколько расходившійся съ Quesnay въ своихъ воззрѣніяхъ на народное богатство. Тогда какъ Quesnay смотрѣлъ на землю, какъ на единственный источникъ народнаго благосостоянія, Gournay допускалъ, что это благосостояніе находится въ прямой зависимости и отъ промышленности страны.

Онъ первый, можно сказать, былъ горячимъ поборникомъ широкой свободы торговли, не стѣсняемой вмѣшательствомъ правительства, и ему приписываютъ извѣстное экономическое изреченіе: „Laissez faire, laissez passer".

Извѣстенъ также экономистъ—Pierre Dupont de Nemours (1739—1817), который вмѣстѣ съ Quesnay написалъ его „Physiocratie".

Впослѣдствіи онъ сблизился съ министромъ Людовика XVI Turgot, (1727—1781) съ которымъ онъ раздѣлилъ его печальную судьбу и былъ даже приговоренъ къ смерти въ

эпоху Террора, но успѣлъ спастись отъ нея бѣгствомъ. Dupont de Nemours издалъ полное собраніе сочиненій Тюрго въ 1808—1811 гг. въ 9 томахъ in 8°. Между ними самыя извѣстныя—„Lettre sur la tolérance civile“ 1754, „Réflexions sur la formation et la distribution des richesses“ 1766, въ которыхъ онъ старается примирить изложенные выше взгляды на трудъ Quesnay и Gournay, „Lettres sur la liberté du commerce des grains“ и мн. др. Политическая роль Тюрго была въ высшей степени выдающаяся въ продолженіе двухъ лѣтъ (1774—1776) его управленія экономическими дѣлами Франціи въ царствованіе Людовика XVI, но къ сожалѣнію, я не могу ея касаться здѣсь, такъ какъ она выходитъ за предѣлы программы нашего настоящаго курса.

Какъ ни односторонне было направленіе физіократовъ, оно тѣмъ не менѣе имѣло огромное вліяніе на современное общество, такъ какъ это ученіе впервые указало на безчисленныя оковы и стѣсненія, лежавшія во Франціи на земледѣліи, въ видѣ разнообразныхъ, взимаемыхъ правительствомъ „octroi“, безчисленныхъ торговыхъ цеховъ, только стѣснявшихъ свободу промышленности. Это ученіе впервые выставило на первый планъ бѣдственное положеніе, во второй половинѣ XVIII ст., сельскаго, земледѣльческаго класса.

Приступая въ настоящее время къ разсмотрѣнію втораго фазиса, втораго періода просвѣтительной литературы вѣка, и къ изложенію ознаменовавшаго этотъ фазисъ философскаго направленія матеріалистовъ, съ Дидро во главѣ, намъ слѣдуетъ замѣтить, что Вольтеръ и Монтескье въ своихъ религіозныхъ воззрѣніяхъ остановились на точкѣ зрѣнія Локка и другихъ англійскихъ деистовъ; слѣдующее-же за ними поколѣніе мыслителей пошло гораздо дальше; въ міровоззрѣніи послѣдняго деизмъ выродился въ атеизмъ и матеріализмъ.

Деизмъ, какъ извѣстно, признавалъ существованіе Бога, какъ неизбѣжнаго и необходимаго высшаго существа, внѣ матеріальной природы лежащаго.

Ученіе матеріалистовъ это отрицало. Въ основѣ ихъ ученія лежало понятіе о движеніи или вѣрнѣе — объ отношеніи матеріи къ силѣ.

Исходная точка для обоихъ философскихъ ученій—законъ тяготѣнія Ньютона.

Вольтеръ, разсуждая о матеріи, говоритъ: „toute matière qui agit, nous montre un être immatériel qui agit sur cette matière". Матеріалисты же полагали, что движеніе матеріи не есть результатъ внѣшней причины, а есть качество, неизмѣнно присущее самой матеріи, что нельзя себѣ вообразить матеріи, не одаренной способностью движенія и наоборотъ—движенія, внѣ какого нибудь матеріальнаго тѣла.

Уже въ Англіи воззрѣнія эти на матерію возникли вскорѣ послѣ ученія Ньютона о деизмѣ; мы ихъ встрѣчаемъ между прочимъ у извѣстнаго матеріалиста Toland (1670—1722). Перешедшій сперва изъ католицизма въ протестантство, Toland, наконецъ, отрекся отъ всякаго условнаго религіознаго культа и обратился въ атеиста.

Въ своихъ сочиненіяхъ онъ доходитъ уже до полнаго отрицанія всѣхъ религіозныхъ догматовъ, отрицаетъ самое безсмертіе души и проповѣдуетъ первый, между современными ему мыслителями, идею „пантеизма".

Его сочиненія по безнравственности ихъ основной идеи нѣсколько разъ были осуждены цензурой къ истребленію. Самъ Toland принужденъ былъ бѣжать изъ Лондона, послѣ появленія въ свѣтъ его главнаго атеистическаго сочиненія—„Le christianisme sans mystères", изданнаго въ Лондонѣ въ 1696 г.

Далѣе извѣстны его сочиненія того-же направленія — „Vie de Milton" 1698 г., памфлетъ, направленный имъ противъ подлинности Новаго Завѣта „Le Nazaréen ou le christianisme judaique, païen et mahométan" (1718) и, наконецъ, самое извѣстное его сочиненіе—„Panthéisticon" (1720), въ которомъ онъ развиваетъ свои идеи о неизмѣнности и непрерывности движенія въ матеріи.

По мнѣнію Toland'а, цвѣтъ, теплота, холодъ, звукъ суть качества, прирожденныя, присущія матеріи; между тѣмъ онъ, какъ матеріалистъ, не допускалъ въ человѣкѣ прирожденныхъ идей. Все въ мірѣ, по его мнѣнію, представляетъ вѣчное движеніе; въ этомъ мы убѣждаемся, разсматривая природу и все вокругъ насъ совершающееся. Такъ, напр., жидкія тѣла, подъ вліяніемъ постороннихъ причинъ, сгущаются и твердѣютъ, и наоборотъ. Звѣри служатъ для нашего питанія, мы сами обращаемся со временемъ въ землю, въ жидкое тѣло. Мышленіе—тоже движеніе, только дѣятельности мозга, и т д.

Заимствовали-ли французскіе матеріалисты свои воззрѣнія отъ англійскихъ мыслителей, или же пришли они къ матеріалистическимъ выводамъ самостоятельнымъ путемъ, на основаніи изученія сочиненій Локка и Ньютона, это остается невыясненнымъ, но во всякомъ случаѣ французскіе матеріалисты сдѣлали свои выводы достояніемъ массы, популяризировали ихъ и, такимъ образомъ, имѣли громадное вліяніе на своихъ современниковъ; тогда какъ воззрѣнія англійскихъ мыслителей и, въ томъ числѣ и Toland'a, оставались и въ самой Англіи вполнѣ неизвѣстными и весьма мало распространялись въ массѣ.

На научность французскіе матеріалисты въ своихъ выводахъ претендовать не могутъ; наука требуетъ доказательствъ; вмѣсто строго логическихъ доказательствъ, у нихъ болѣе или менѣе остроумныя и смѣлыя предположенія.

Всѣ ихъ выводы сдѣланы à priori, безъ всякаго серьезнаго наблюденія и изслѣдованія разсматриваемаго явленія; но и при всей односторонности ихъ взгляда, при всей ненаучности и несерьезности ихъ выводовъ, историческое значеніе этихъ матеріалистовъ огромное для современной имъ эпохи. Они искоренили многіе, вѣками существовавшіе предразсудки, они развили весьма слабое до нихъ во Франціи изученіе естественныхъ наукъ, они поставили вопросы, до сихъ поръ частью не разрѣшенные.

Главою этого матеріалистическаго направленія слѣдуетъ считать Дидро; органомъ-же, въ которомъ выражались завѣтныя идеи этого философскаго направленія—былъ знаменитый словарь „Энциклопедія", по имени котораго получили названіе и всѣ участвовавшіе въ немъ сотрудники, болѣе или менѣе по своимъ идеямъ примыкавшіе къ выдающемуся писателю, стоявшему во главѣ энциклопедистовъ,—къ Дидро. Самые извѣстные изъ энциклопедистовъ были—d'Alembert, Condillac, Holbach, Helvetius. О каждомъ изъ нихъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Начнемъ съ главы этого направленія—съ Дидро.

Denis Diderot родился въ 1712 г. во Франціи, въ области Champagne въ городѣ Langres отъ бѣдныхъ родителей. Отецъ его былъ слесарь. Въ молодости онъ изучалъ богословіе, такъ какъ предназначался къ духовному званію. Но скоро

страсть его къ философскимъ занятіямъ заставила его отказаться отъ первоначальнаго своего намѣренія и всецѣло предаться изученію философскихъ и политическихъ наукъ.

Тогда какъ Вольтеръ въ своихъ твореніяхъ является весьма мало самостоятельнымъ, ограничиваясь лишь усвоеніемъ чужихъ идей и обладая необыкновеннымъ даромъ— разъяснять и пропагандировать эти идеи въ массѣ, Дидро напротивъ, лишенный совершенно внѣшняго блеска Вольтера, его неизсякаемаго сарказма, гораздо самостоятельнѣе его; онъ не только усвоиваетъ чужія идеи, онъ, если можно такъ выразиться, переработываетъ ихъ и развиваетъ ихъ далѣе, доводя ихъ до конечныхъ ихъ выводовъ. Такимъ образомъ, Дидро не останавливается на идеи деизма, заимствованной у Локка, онъ идетъ гораздо далѣе его въ своихъ изысканіяхъ религіозной идеи и доходитъ такимъ образомъ до матеріализма, считая его, прямымъ выводомъ изъ Ньютоновой теоріи тяготѣнія.

Глубокое различіе замѣчается между этими двумя философами, между Вольтеромъ и Дидро и въ самомъ характерѣ ихъ личности.

Вольтеръ вращается въ придворной сферѣ, Дидро ведетъ жизнь тихую, спокойную, скромную, однимъ словомъ, жизнь постоянно работающаго и мыслящаго ученаго.

Вольтеръ, какъ мы знаемъ, былъ крайній эгоистъ, самолюбивъ и тщеславенъ, далекъ отъ идеальной честности; онъ съ черствостью души и злобою, часто диктуемою ему мелкимъ самолюбіемъ, разрушаетъ и осмѣиваетъ все то, что попадаетъ подъ его острое, сатирическое перо; Дидро, напротивъ,—человѣкъ безукоризненной честности, онъ обладаетъ скорѣе симпатическими чертами характера, какъ семьянинъ и общественный дѣятель, умѣвшій располагать къ себѣ всѣхъ окружающихъ. Онъ проповѣдывалъ матеріализмъ, но самъ въ душѣ былъ скорѣе идеалистъ; онъ всегда готовъ былъ безкорыстно придти на помощь своему ближнему, тогда какъ если эта черта и встрѣчалась иногда у Вольтера, то къ ней всегда примѣшивалось желаніе порисоваться передъ другими и заставить о себѣ говорить.

Съ раннихъ лѣтъ проявилась у Дидро страсть къ научнымъ занятіямъ. Эта страсть была чисто энциклопедическая,

„какъ честный человѣкъ, прожить еще, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ“.

Послѣ неоднократныхъ отказовъ, Дидро, наконецъ, отправился въ Петербургъ въ 1773 г.

Онъ былъ положительно очарованъ ласками и умомъ Великой Екатерины. Это свиданіе только еще болѣе увеличило взаимное уваженіе между императрицею и французскимъ мыслителемъ. Но сильно разстроенное его здоровье не позволило ему дольше оставаться въ Россіи; уже совершенно больнымъ вернулся онъ въ 1774 г. въ Парижъ, гдѣ до смерти велъ жизнь самую уединенную.

Въ послѣдніе годы своей жизни Дидро выпустилъ въ свѣтъ еще историческій опытъ, посвященный древней исторіи—„Essai sur les règnes de Claude et de Néron“, подъ сильнымъ вліяніемъ воззрѣній Сенеки.

Умеръ онъ въ 1784 г. Такова его внѣшняя біографія.

Переходя теперь къ его литературной, просвѣтительной дѣятельности, мы прежде всего должны вспомнить его собственныя слова, сказанныя имъ однажды о самомъ себѣ. Онъ высказалъ о себѣ, что „онъ вполнѣ способенъ написать нѣсколько хорошихъ страницъ, но ни одной хорошей книги“.

Эти слова лучше всего характеризуютъ литературную дѣятельность Дидро.

Его необыкновенная многосторонность вытекала не изъ желанія порисоваться передъ своими современниками, она вытекала изъ глубокаго желанія все знать, все обнять своимъ умомъ, все изслѣдовать. До самой глубокой старости сохранилъ Дидро этотъ юношескій жаръ, это ничѣмъ не удержимое стремленіе къ знанію, никому, впрочемъ, не навязывая своихъ убѣжденій, не насилуя чужихъ мнѣній.

Энциклопедическій характеръ его занятій, конечно, много вредилъ глубинѣ и основательности его изслѣдованій, его философскихъ сочиненій, но во всякомъ случаѣ онъ всегда весьма самостоятеленъ и оригиналенъ въ своихъ воззрѣніяхъ и весьма послѣдователенъ въ своихъ выводахъ.

Разсматривая его статьи въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія въ свѣтъ, легко можно прослѣдить, какъ постепенно развивались его матеріалистическія воззрѣнія.

Въ первой извѣстной его статьѣ „Essai sur le mérite et sur la vertu“, появившейся въ 1745 г. Дидро держится еще за идею Божественнаго откровенія. Скоро овладѣваетъ имъ скептицизмъ, получившій полное выраженіе въ его статьѣ— „La promenade d'un sceptique“, обратившійся въ деизмъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его „Pensées philosophiques“ (1746) и другія его статьи—„Introduction aux grands principes“ и „De la suffisance de la religion“ и др.

Атеистическія и матеріалистическія воззрѣнія уже ясно проглядываютъ въ его извѣстныхъ „письмахъ о слѣпыхъ„ (1749) и „письмахъ о глухонѣмыхъ“ (1751) и получаютъ, наконецъ, полное свое развитіе въ его „Pensées sur l'interprétation de la nature“ (1754) и особенно въ его „Entretiens entre d'Alembert et Diderot“ (1769).

Статьи, появившіяся послѣ его смерти, и приписываемыя ему, проводятъ еще болѣе смѣлыя матеріалистическія воззрѣнія, какъ напр. „Le code de la nature“ и „Système de la nature“, послѣднюю онъ написалъ въ сотрудничествѣ съ другимъ энциклопедистомъ—Holbach'омъ.

Его историко-политическія статьи поражаютъ ярою ненавистью къ деспотизму, таковы напр. его „Principes de la politique des souverains“ и упомянутая уже статья — „Essai sur les régnes de Claude et de Néron“.

Въ его поэтическихъ и драматическихъ произведеніяхъ нѣтъ поэзіи, нѣтъ живаго таланта. Самымъ капитальнымъ его твореніемъ навсегда останется его „Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et métiers.“

Изданіе его, начатое въ 1751 г., кончилось только въ 1766 г. Первые томы были немедленно-же запрещены цензурою, по выходѣ ихъ въ свѣтъ, но слѣдующіе затѣмъ томы уже выходили съ надписью: „avec approbation et privilège du roi“.

D'Alembert по этому поводу писалъ Вольтеру: „Le temps fera distinguer ce que nous avons pensé d'avec ce que nous avons dit“.

Когда въ 1757 г. вышелъ седьмой томъ „Энциклопедіи“, появился „arret du conseil d'état“, запрещавшій продажу уже вышедшихъ и еще имѣющихъ выйти томовъ.

Эти вѣчныя колебанія во взглядѣ правительства на „Энциклопедію“, эти постоянныя хлопоты по ея изданію, много

вредили успѣшному ходу этого грандіознаго литературнаго предпріятія.

Многіе сотрудники, разочарованные въ успѣхѣ дѣла и боясь преслѣдованій со стороны власти, отставали отъ редакціи; одинъ Дидро неутомимо и энергично работалъ за всѣхъ. Не смотря на сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, изданіе продолжалось, благодаря, главнымъ образомъ, нерѣшительности и апатіи правительства; по выходѣ же въ свѣтъ послѣдняго тома, оно быстро раскупилось. Первое изданіе выпущено было въ количествѣ 30,000 экземпляровъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ уже существовало до четырехъ переводовъ его на иностранные языки. Книгопродавцы и издатели, скупившіе все изданіе, въ короткое время выручили изъ продажи до двухъ съ половиною милліоновъ ливровъ. Дидро же самъ весьма мало выручилъ, такъ какъ до полученія пенсіи отъ Екатерины, вѣчно былъ въ долгу.

Многое въ рукописи было самовольно измѣнено книгопродавцами, купившими право изданія.

Сравнивая „Энциклопедію" Дидро со словаремъ напр. Bayle'a, мы увидимъ, какъ далеко ушло впередъ міровоззрѣніе мыслителей съ конца XVII ст. Тамъ гдѣ у Bayle'a выражается боязливое сомнѣніе, здѣсь мы видимъ смѣлое утвержденіе. Тактика энциклопедистовъ заключалась въ томъ, чтобы, излагая какой-либо вопросъ, съ точки зрѣнія установленныхъ на него воззрѣній, отсылать постоянно читателя къ другимъ статьямъ, написаннымъ въ высшей степени талантливо, трактующимъ о томъ-же предметѣ, только съ совершенно противоположной точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія матеріализма.

Послѣдствіемъ этого пріема были, конечно, постоянныя противорѣчія и какое-то неопредѣленное впечатлѣніе, выносимое читателемъ изъ чтенія „Энциклопедіи", но вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ пробуждался интересъ къ новому міровоззрѣнію. Вліяніе ея вообще было огромное. Это вліяніе было и хорошее и дурное. Польза ея заключалась въ томъ, что она разбивала многія, вѣками существовавшія суевѣрія, многія положенія, не выдерживающія серьезной

критики и такимъ образомъ открывала новый просторъ человѣческому уму; но вмѣстѣ съ тѣмъ она-же пріучала слишкомъ легко обсуждать глубокіе вопросы, не давая себѣ труда доискиваться до ихъ внутреннихъ причинъ, пріучала, однимъ словомъ, молодое поколѣніе къ пустой болтовнѣ о серьезныхъ вещахъ.

Сотрудникомъ и соредакторомъ Дидро по „Энциклопедіи" былъ d'Alembert.

Jean Lerond d'Alembert родился въ Парижѣ въ 1717 г. Онъ былъ незаконнорожденный, (мать его была извѣстная m-me de Tencin, отецъ—нѣкій артиллеристъ Destouches) и принятъ былъ на воспитаніе женою бѣднаго стекольщика, которая случайно нашла его на паперти церкви St. Jean Lerond (нынѣ уже не существующей). По имени этой церкви былъ названъ ребенокъ и только впослѣдствіи присоединилъ онъ къ своему имени названіе d'Alembert.

Съ раннихъ лѣтъ высказывалъ онъ необыкновенныя способности къ математикѣ и уже 24 лѣтъ былъ выбранъ членомъ академіи наукъ. Въ 1746 г. онъ получилъ премію, присужденную ему берлинскою академіею наукъ за сочиненіе на тему „Cause générale des vents". Въ 1750 г. онъ, по приглашенію Дидро, началъ принимать участіе въ редактированіи его „Энциклопедіи", которую онъ снабжалъ не только разнообразными статьями математическаго содержанія, но также помѣстилъ въ ней литературную статью, подъ заглавіемъ: Discours préliminaire", которая составила введеніе въ энциклопедію и сразу доставила громкую извѣстность ея автору.

Всю жизнь свою онъ питалъ безкорыстную любовь къ наукѣ, которой хотѣлъ всецѣло себя посвятить и потому отказалъ Фридриху II пріѣхать къ нему въ Берлинъ, даже тогда, когда начались во Франціи преслѣдованія энциклопедистовъ, но поддерживалъ съ нимъ переписку. Великая Екатерина предлагала ему пріѣхать въ Россію, чтобы заняться воспитаніемъ ея сына, но онъ тоже отказалъ, не желая отвлекаться отъ своихъ научныхъ занятій.

Умеръ онъ въ 1783 г. отъ болѣзни камня. D'Alembert былъ въ высшей степени благородная личность, всѣми лю-

бимая и уважаемая; но характеръ у него былъ слабый, нерѣшительный. Это личное его свойство передавалось и его сочиненіямъ.

Въ своихъ изслѣдованіяхъ онъ, какъ и Ньютонъ и Локкъ, опирается на эмпиризмъ, но какъ бы боится приходить къ самостоятельнымъ выводамъ; вездѣ у него являются сомнѣнія, сознаніе недостаточности своихъ познаній. Онъ какъ математикъ привыкъ къ строгимъ, неопровержимымъ доказательствамъ; поэтому тамъ, гдѣ вывести этихъ доказательствъ нельзя, у d'Alembert'a является сомнѣніе. Такъ весьма нерѣшительно высказывается онъ о Богѣ, о душѣ, о свободѣ воли и пр.

Упомянемъ мимоходомъ о философѣ того-же матеріалистическаго направленія, о Robinet (1735—1820), который въ своемъ сочиненіи „De la nature", появившемся въ Амстердамѣ въ 1761—1768 г., проводитъ ту-же теорію самостоятельнаго развитія матеріи, независимо отъ воли внѣ матеріи находящагося Творца.

Онъ допускаетъ, что все въ мірѣ одушевлено, все, даже планеты и небесныя свѣтила обладаютъ способностью воспроизведенія; по его мнѣнію, вся природа развивается по строго опредѣленнымъ законамъ, присущимъ самой матеріи.

У d'Alembert и Robinet мы хотя встрѣчаемъ чисто матеріалистическія воззрѣнія, но они всетаки не лишены нѣкотораго идеализма.

За то самый черствый, сухой матеріализмъ высказывается въ сочиненіи матеріалиста Holbach, въ его „Système de la nature", появившемся въ 1770 г., подъ псевдонимомъ Mirabaud; оно сдѣлалось настольною книгою атеистовъ и матеріалистовъ.

Онъ открыто проповѣдуетъ, что въ мірѣ ничего нѣтъ, кромѣ вѣчной, самосущей матеріи, все изъ нея происходитъ, все къ ней возвращается; во всей природѣ замѣчается, по его мнѣнію, строгій механизмъ въ движеніи и развитіи этой матеріи. Человѣкъ отличается, по Holbach'у, отъ животнаго только тѣмъ, что у него мозгъ болѣе подвижной и вся духовная дѣятельность человѣка есть ничто иное, какъ результатъ движенія матеріи мозга.

Въ своемъ „Système de la nature“, Holbach выставляетъ главнымъ недостаткомъ прежней философіи то, что она философствовала о природѣ, не зная ея; между тѣмъ онъ самъ, какъ и всѣ почти матеріалисты, разсуждаетъ о важнѣйшихъ задачахъ науки тогда, когда только-что еще начинали пріучаться подмѣчать законы природы и когда слѣдовательно область для какихъ нибудь серьезныхъ научныхъ обобщеній была еще очень незначительна, вслѣдствіе недостатка въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и наблюденіяхъ природы.

Баронъ von Holbach родился въ 1723 г. въ области Пфальца въ Германіи, но онъ рано переселился въ Парижъ и тамъ получилъ образованіе. Онъ особенно занимался химіей и естественными науками. Въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ онъ доходилъ до крайняго атеизма и потому онъ большею частью печаталъ свои трактаты sine loco et nomine или подъ чужимъ именемъ. Таковы, напр. его трактаты: „Le christianisme dévoilé“ (1767), „Essai sur les préjugés“, sine anno, „La contagion sacrée“ (1767)., „La Théologie portative“ (1768), „La morale universelle“ (1776) и „Eléments de la morale universelle“ (1790). Онъ перевелъ также многихъ англійскихъ мыслителей, какъ то: Hobbes, Collins, Toland и мн. др.

Большинство его сочиненій было запрещено во Франціи и, конечно, въ Римѣ попало въ „index prohibitorum librorum“.

Holbach былъ очень богатъ и домъ его былъ центромъ литературно-философскаго кружка выдающихся матеріалистовъ и энциклопедистовъ эпохи.

Онъ умеръ въ 1789 г.

Упрекъ, только что сдѣланный матеріалистамъ, въ обобщеніяхъ законовъ природы, безъ достаточнаго и всесторонняго изученія отдѣльныхъ явленій природы, не можетъ относиться развѣ только къ знаменитому Бюффону.

Онъ представляетъ въ этомъ отношеніи единственное, блестящее исключеніе и въ своихъ изслѣдованіяхъ природы всегда становился на строгую, научную почву, производилъ серьезные опыты и наблюденія и тогда только приходилъ къ обобщеніямъ.

Georges Louis Leclerc, comte de Buffon родился въ 1707 г. въ городѣ Montbart въ Бургундіи.

Онъ былъ сынъ мѣстнаго судьи и съ раннихъ лѣтъ пристрастился къ естественнымъ наукамъ, много путешествовалъ въ Италіи и въ Англіи; много писалъ статей по физикѣ и сельскому хозяйству и такимъ образомъ сталъ извѣстенъ въ Парижѣ.

Въ 1739 г. онъ попалъ въ академію наукъ и одновременно былъ назначенъ директоромъ Jardin des Plantes въ Парижѣ, что открыло ему, конечно, широкое и прекрасное поле для изслѣдованія и наблюденія природы.

Плодомъ этихъ наблюденій и появилась въ 1749--1788 гг. in 4⁰ его—„Histoire naturelle, générale et particulière" въ 36 томахъ.

Она должна была обнимать всѣ царства—растеній, животныхъ и минераловъ, но онъ далеко не успѣлъ выполнить всей предположенной имъ широкой программы.

Его „Histoire naturelle" обнимаетъ только царство минераловъ и отчасти животныхъ (четвероногія и птицы).

Къ ней приложена статья Бюффона—„Théorie de la terre" и многочисленные его „Discours", между которыми находится одна изъ лучшихъ статей знаменитаго натуралиста—„Epoques de la nature".

Значеніе Бюффона—не въ новыхъ, до него совершенно неизвѣстныхъ открытіяхъ въ области естествознанія, но въ общей постановкѣ вопросовъ, въ разрѣшеніи общихъ положеній—какъ дѣйствуетъ природа на человѣка и на животныхъ, какъ она вліяетъ на ихъ физическое развитіе. При этомъ Бюффонъ, благодаря своему широкому, эстетическому образованію, относится къ описываемой имъ природѣ, какъ художникъ: въ его описаніяхъ видѣнъ не только знатокъ и спеціалистъ, но и человѣкъ, горячо любящій природу и увлекающійся красотою и прелестью ея картинъ.

Кромѣ сочиненій по естественнымъ наукамъ, Бюффонъ еще извѣстенъ своими трактатами о стилѣ. Такъ, извѣстна его рѣчь, произнесенная имъ, по случаю принятія его въ члены французской академіи, въ которой онъ высказываетъ извѣстную его мысль о томъ, что „le style c'est l'homme". Умеръ онъ въ 1788 г.

Въ кружкѣ матеріалистовъ, весьма легко и поверхностно, какъ диллетанты, какъ люди безъ всякой серьезной, науч-

ной подготовки, рѣшающихъ самые сложные вопросы нравственнаго и физическаго міра, значительно выдѣляется по строгой послѣдовательности своихъ философскихъ воззрѣній и научности своихъ положеній—Condillac.

Его можно въ строгомъ смыслѣ назвать философомъ.

Вся его жизнь—есть спокойная, никакими внѣшними заботами не прерываемая, жизнь ученаго мыслителя.

Etienne Bonnot de Condillac, аббатъ въ городѣ Мюро родился въ 1715 г. въ Греноблѣ. Онъ поступилъ съ молодости въ духовный орденъ, но продолжалъ тѣмъ не менѣе заниматься свѣтскою литературою. Онъ скоро сошелся съ выдающимися писателями эпохи, между прочимъ съ Дидро и Руссо и сталъ ревностно изучать Локка.

Одно время въ 1757 г. онъ состоялъ воспитателемъ инфанта, герцога Пармскаго и въ этой должности написалъ нѣсколько педагогическихъ сочиненій.

Въ 1768 г. былъ онъ принятъ во французскую академію. Въ 1777 г. онъ получилъ отъ польскаго правительства предложеніе написать „Логику" для польскаго юношества.

Condillac считается во Франціи главою философской школы сенсуализма.

Онъ сначала стоялъ на почвѣ Локка, но значительно расширялъ ее, по мѣрѣ своихъ изслѣдованій.

Его философскія воззрѣнія произвели въ просвѣтительной философіи положительную революцію, хотя многія изъ его мыслей—ничто иное, какъ блестящіе парадоксы.

Его капитальныя статьи—„Essai sur l'origine des connaissances humaines", появившаяся въ 1746 г. и „Traité des sensations"—въ 1754 г.

Основная его мысль та, что всѣ идеи происходятъ отъ чувственныхъ ощущеній (les sens); что способности души суть измѣненныя чувствованія (sensations transformées) и потому вся наша духовная дѣятельность есть, по мнѣнію Кондильяка, результатъ нашей чувственной дѣятельности; отсюда недалеко было до полнаго сенсуализма. Полное собраніе его сочиненій появилось въ Парижѣ въ 1798 г. въ 23 томахъ in 8° и въ 1821—22 гг. въ 16 томахъ in 8°. Умеръ онъ въ 1780 г.

На ряду съ нимъ можно указать на другаго философа-натуралиста, который задачей своей поставилъ опредѣлить

источникъ самыхъ ощущеній и тѣмъ рѣшить столь долго волновавшій мыслителей вопросъ. Это былъ Cabanis.

Pierre Jean Georges Cabanis родился въ 1757 г.

Рано попалъ онъ въ Парижъ для занятій естественными науками, къ которымъ съ молодости чувствовалъ особенное влеченіе, что не мѣшало ему впрочемъ заниматься и литературными трудами. Такъ, извѣстенъ его переводъ Гомера.

Лучшія его сочиненія написаны во время революціи. Онъ можетъ считаться настоящимъ основателемъ науки физіологіи.

Свои матеріалистическія воззрѣнія на физіологическія отправленія человѣческаго организма изложены въ его трактатѣ: „Rapports du physique et du moral de l'homme" (1802). Въ немъ трактуетъ Cabanis о вліяніи органовъ тѣла на возникновеніе идей, о вліяніи возраста, пола, темперамента на душевную и умственную дѣятельность человѣка; однимъ словомъ, о вліяніи физической природы человѣка на нравственную и умственную его жизнь. По его мнѣнію, нервы и мозгъ, суть органы человѣческой мысли точно также, какъ желудокъ есть органъ для пищеваренія; такимъ образомъ ощущенія, передаваемыя нервами мозгу, приводятъ его въ движеніе, возбуждаютъ въ немъ дѣятельность, подобно тому, какъ пища, попадая въ желудокъ, приводитъ его въ дѣятельность и возбуждаетъ пищевареніе. Но какъ происходитъ эта передача, какимъ образомъ нервы передаютъ ощущенія мозгу, остается у него невыясненнымъ. Онъ ограничивается предположеніемъ, что въ дѣятельности нервовъ заключается вся органическая жизнь человѣческой природы. „Les nerfs—voila tout l'homme", говоритъ Cabanis. Душа, по его мнѣнію, не есть самостоятельная, независимая отъ тѣла субстанція: она—только отдѣльная способность человѣческаго организма. „L'ame", говоритъ онъ, „est une faculté, mais non pas un être".

Занимался Cabanis также и медициною; извѣстны его медицинскіе трактаты: „Du degré de la certitude de la médecine" (1797) и „Coup d'oeil sur les révolutions et la réforme de la médecine" (1804).

Умеръ онъ въ 1808 г.

У Condillac и Cabanis было много послѣдователей, которые еще дальше развивали ихъ воззрѣнія на ощущенія и

на нервную систему. Между послѣдователями Кондильяка извѣстенъ, напр. Louis Claude Destutt de Tracy (1754—1836), по своимъ воззрѣніямъ идеологъ. Извѣстенъ его трудъ— „Eléments d'idéologie" (1801—1815) въ которомъ онъ, подобно Кондильяку, развивая еще дальше его воззрѣнія, выводитъ всѣ идеи изъ ощущеній.

Подъ вліяніемъ деизма и матеріализма, естественно, развивался въ современномъ обществѣ интересъ къ вопросамъ нравственной философіи. Невольно задавали себѣ вопросъ отрицатели Божественнаго откровенія и нравственной, душевной дѣятельности человѣка, гдѣ же источникъ добродѣтели и откуда являются въ человѣкѣ нравственные помыслы, стремленіе къ добру?

Деисты отвѣчали на этотъ вопросъ тѣмъ, что допускали въ самомъ человѣкѣ прирожденное стремленіе къ добру и такимъ образомъ сами не замѣчали своей непослѣдовательности, такъ какъ, не допуская въ человѣкѣ прирожденныхъ идей, они тѣмъ самымъ не могли логически допустить и прирожденнаго ему стремленія къ добру. Матеріалисты-же искали этому другое объясненіе. Дидро, напр. полагалъ, что человѣкъ, по свойству своей природы, стремится къ счастью. Но опять-таки возникалъ вопросъ, что заставляетъ человѣка дѣйствовать такъ или иначе, почему онъ въ одномъ случаѣ поступаетъ хорошо, а въ другомъ дурно и что, наконецъ, считать добромъ и зломъ?

Неудивительно, что при этой путаницѣ понятій, при самой неправильности постановки вопросовъ, на которые ожидало современное общество отъ мыслителей эпохи категорическихъ отвѣтовъ, разрѣшающихъ всѣ безчисленныя сомнѣнія, являлись, какъ это всегда бываетъ, безсмысленныя и крайнія теоріи, которыя своими выводами устрашали даже самыхъ ярыхъ матеріалистовъ. Подъ вліяніемъ той или другой философской школы въ такихъ случаяхъ всегда является рядъ софистовъ, которые съ развязностью и подъ видомъ научныхъ выводовъ проповѣдуютъ смѣлые парадоксы, прикрывая ихъ громкими словами и блестящими фразами.

Такъ случилось и теперь.

Такими блестящими софистами матеріализма и явились въ эту эпоху просвѣтительной литературы.—La Mettrie и Helvetius.

Julien Offroy de La Mettrie, извѣстный медикъ и философъ, родился въ 1709 г. въ St. Malo въ Бретани. Это былъ распутнѣйшій человѣкъ, который держался за матеріализмъ, чтобы оправдывать свое крайнее легкомысліе и нравственную испорченность. За грязныя сатиры принужденъ онъ былъ бѣжать изъ Франціи въ Голландію, гдѣ онъ въ 1745 г. въ Гаагѣ написалъ свою „Histoire naturelle de l'âme".

Въ 1748 г. вышелъ другой его трактатъ—„L'homme-machine", въ этихъ статьяхъ онъ развиваетъ такой грубый, такой чувственный матеріализмъ, что его выгнали даже изъ Голландіи.

Тогда онъ переѣхалъ въ Пруссію ко двору Фридриха II, гдѣ онъ нашелъ весьма радушный пріемъ. Складъ его ума былъ до того страненъ, мысли, имъ высказываемыя, по временамъ, до того необычайныя, что даже друзья его считали его нѣсколько помѣшаннымъ.

Въ Пруссіи выпустилъ онъ свои остальные трактаты, „L'homme-plante", вышедшій въ Потсдамѣ въ 1748 году, „Origine des animaux" (Берлинъ 1750), „Vénus métaphysique ou de l'origine de l'âme" (1751).

Они были потомъ собраны въ „œuvres philosophiques" въ 1751—1764 гг.

Высшая цѣль человѣка, по ученію La Mettrie, должна заключаться въ наслажденіи чувствъ и такъ какъ онъ не дѣлалъ различія между тѣломъ и душою, то слѣдовательно, надо, по его мнѣнію, стремиться къ тѣлеснымъ наслажденіямъ; такимъ образомъ онъ прямо проповѣдывалъ чувственность.

Мыслить-же значитъ только отравлять свою жизнь; истинная-же философія, по La Mettrie, признаетъ только одно полное счастіе—земныя наслажденія, чувственность. Отсюда вытекала его мораль—стремиться къ наибольшему наслажденію, возникало новое искусство — искусство наслажденій: „l'art de jouir".

Противъ этой чувственной философіи возстало все мыслящее поколѣніе во Франціи и выдающіеся корифеи просвѣтительной литературы, какъ-то: Вольтеръ, Дидро и всѣ матеріалисты открыто выражали свое негодованіе.

Дидро говоритъ напр. о La Mettrie, что послѣдній утѣшаетъ преступника, поощряетъ испорченнаго человѣка въ

его порокахъ, и все это потому, что самъ не имѣетъ никакого понятія объ основахъ добродѣтели. Умеръ La Mettrie въ 1751 г. въ Берлинѣ. Фридрихъ II даже написалъ ему похвалу—„Eloge de La Mettrie".

Подобно тому какъ La Mettrie основою и цѣлью человѣческихъ дѣяній ставилъ чувственность, другой крайній матеріалистъ—Helvetius ставилъ стимуломъ всей человѣческой дѣятельности, самолюбіе и крайній эгоизмъ.

Онъ былъ по характеру своему крайне тщеславенъ и во что-бы то ни стало хотѣлъ обратить на себя всеобщее вниманіе.

Claude Adrien Helvetius родился въ 1715 г. въ Парижѣ. Родители его были родомъ изъ Палатината. Отецъ его былъ медикомъ. Helvetius обладалъ безграничнымъ честолюбіемъ, при этомъ былъ весьма богатъ, занимая должность fermier général, которая ему давала до 100.000 ливровъ ежегоднаго дохода. Онъ сталъ безъ всякой системы заниматься математикой, поэзіей, политическими и философскими ученіями.

Онъ открылъ у себя философско-литературный салонъ, украшеніемъ котораго была его жена, урожденная M-lle de Ligniville; и гдѣ собирались всѣ знаменитости эпохи и гдѣ Helvetius прислушивался ко всѣмъ философскимъ мыслямъ, выдавая ихъ впослѣдствіи за свои.

Въ 1758 г. вышла его книга—„Le livre de l'Esprit", которая обратила на ея автора вниманіе его кружка.

Между тѣмъ книга эта не представляетъ ничего интереснаго; то, что въ ней ново—не вѣрно, а что вѣрно—не ново.

Онъ, подобно, Condillac'у, силится доказать, что вся разница между человѣкомъ и животнымъ заключается лишь въ устройствѣ ихъ физическихъ органовъ, въ бо́льшей или меньшей чувствительности или воспріимчивости ихъ. Его положеніе заключается въ томъ, что человѣкъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководствуется исключительно только личнымъ разсчетомъ; такимъ образомъ, онъ прямо проповѣдывалъ узкую эгоистическую теорію личнаго блага.

Это сочиненіе вызвало громкое неодобреніе, его запретили и Сорбонна и папа и парламентъ; въ 1759 г. оно было сожжено. Послѣ этого Helvetius началъ путешествовать по Англіи и Германіи и вездѣ встрѣчалъ радушный пріемъ.

Преслѣдованія, которымъ подверглось сочиненіе Helvetius'a, имѣло дѣйствіе прямо противоположное ожидаемому. Чѣмъ больше его запрещали, тѣмъ больше, конечно, его читали и пропагандировали. Появилась масса изданій книги, переводы ея. Такимъ образомъ скоро распространилось совершенно невѣрное о ней мнѣніе, что она есть лучшее выраженіе просвѣтительной литературы; между тѣмъ, въ дѣйствительности это было далеко не такъ; онъ своею книгою вызвалъ, напротивъ, негодованіе, какъ въ лагерѣ правительства и католической церкви, такъ равно и среди самыхъ лучшихъ представителей современной философской мысли.

Крайне эгоистическая теорія Helvetius'a вызвала не мало опроверженій со стороны и менѣе извѣстныхъ писателей, отличавшихся болѣе благородствомъ и нравственностью направленія, чѣмъ талантомъ и литературною извѣстностью. Таковы напр., St. Lambert и Volney (1757—1820), старавшіеся въ своихъ статьяхъ нѣсколько разбить сухой эгоизмъ воззрѣній Helvetius'a и проповѣдывавшіе, что только отъ взаимодѣйствія можетъ развиваться общество, коего каждый индивидуумъ есть отдѣльный членъ.

Послѣ смерти Helvetius'a въ 1771 г. осталось нѣсколько неизданныхъ имъ трактатовъ, между прочихъ трактатъ — „De l'homme, de ses facultés intellectuelles et de son éducation", гдѣ онъ силится доказать, что всѣ умственныя способности въ отдѣльныхъ индивидуумахъ совершенно одинаковы и что вся разница между ними зависитъ лишь отъ воспитанія.

Въ противоположность своей сухой, эгоистической теоріи личнаго блага, Helvetius былъ самъ по себѣ человѣкъ, вовсе не черствый душею, а напротивъ, скорѣе благородный и даже мягкосердечный; погубило его только крайнее самолюбіе.

Полное собраніе его сочиненій появилось въ Парижѣ въ 1796 г. въ 14 томахъ in 18°.

Естественно, что эти черствые, матеріалистическіе выводы, къ которымъ пришла философская мысль въ эту эпоху просвѣтительной литературы XVIII столѣтія, это все разрушающее и ничего не могущее создать новаго направленіе, не дающее мѣста ни одному возвышенному, облагораживающему человѣка чувству,—ни религіи, ни поэзіи, ни искусству, ни любви, которую матеріализмъ, напротивъ, низводилъ до гру-

баго сенсуализма, до постыдной чувственности, естественно, говоримъ мы, что подобное направленіе философской мысли, не удовлетворяя современное общество, должно было вызвать неизбѣжную реакцію, которая и выразилась въ третьемъ фазисѣ втораго періода просвѣтительной литературы—въ философскомъ направленіи, выразителемъ котораго явился знаменитый Ж. Ж. Руссо и къ разсмотрѣнію сочиненій котораго мы теперь и переходимъ, и тѣмъ закончимъ нашъ настоящій очеркъ просвѣтительной литературы XVIII столѣтія.

Ж. Ж. Руссо въ направленіи философской мысли въ XVIII столѣтіи представляетъ настоящій переворотъ.

Онъ есть лучшій продуктъ французской просвѣтительной литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ ея самый ярый противникъ. Онъ страстно ненавидитъ также и существующую государственную форму и католическую церковь, но его ненависть происходитъ отъ другихъ причинъ, которыя мы сейчасъ разсмотримъ.

Невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ среди этого блестящаго литературными талантами общества могъ возникнуть человѣкъ, который это образованіе, эту науку и литературу осуждаетъ и отрицаетъ ея пользу, доказывая, напротивъ, прямой ея вредъ.

Вмѣсто утонченнаго образованія, какъ продуктъ новѣйшей цивилизаціи, вмѣсто роскоши и комфорта, которыми окружало себя современное ему общество, онъ проповѣдывалъ всю ничтожность и пустоту этой цивилизаціи, исполненной мишурнаго блеска, совѣтывалъ вернуться къ простотѣ и безъискусственности неприкрашенной природы, и въ своемъ увлеченіи прославляетъ даже положеніе дикихъ, живущихъ, такъ сказать, на лонѣ природы и могущихъ потому непосредственно наслаждаться ея благами.

По отношенію ко всѣмъ государственнымъ и общественнымъ формамъ высказывается у Руссо тотъ-же рѣзкій скептицизмъ, который поражаетъ въ его сужденіяхъ о нравахъ и образѣ жизни образованныхъ классовъ; и еще замѣчательнымъ представляется то обстоятельство, что писатель, который по смѣлости и откровенности даже опережаетъ современныхъ ему, далеко не консервативныхъ мыслителей, со страстностью и какою-то злобою возстаетъ между тѣмъ про-

тивъ атеизма и матеріализма и возвращается къ идеи Бога, къ которой онъ не приходитъ, подобно деистамъ, исключительно путемъ разума и мышленія; напротивъ, у Руссо идея Бога, какъ Высшаго Творца вселенной и Вѣчнаго Судьи, является глубокою потребностью безсознательнаго религіознаго чувства, не находящаго себѣ удовлетворенія въ сухихъ философскихъ догматахъ матеріалистовъ и деистовъ.

Какъ объяснить себѣ это странное явленіе?

Внимательно слѣдя за его біографіей, мы лучше всего можемъ отдать себѣ ясный отчетъ въ этомъ явленіи, на первый взглядъ, кажущемся намъ страннымъ

Не надо забывать, что на религіозное и политическое міросозерцаніе Ж. Ж. Руссо имѣла рѣшающее вліяніе Женева; онъ самъ себя всегда съ гордостью называлъ „citoyen de Genève".

Въ началѣ XVIII столѣтія, ко времени молодости Руссо, въ Женевѣ происходила страстная борьба о границахъ власти законодательной и исполнительной и объ отношеніи патриціата—аристократіи, захватившей власть въ республикѣ въ свои руки къ прочимъ сословіямъ.

Ж. Ж. Руссо и родился въ этой бурной атмосферѣ внутренней борьбы сословій между собою.

Женева былъ строго кальвинистскій городъ, гдѣ жилъ еще вполнѣ духъ его суроваго учителя. Руссо, родившись въ 1712 году, выросталъ въ хорошей, нравственной семьѣ и въ дѣтствѣ ненавидѣлъ, какъ и всѣ его окружающіе, католичество, навсегда сохранивъ въ себѣ тѣ свойства, которыя составляли присущія ему качества — мягкость, гуманность и какое-то мистическое чувство, влекущее его къ религіи, но къ религіи не догматовъ и церковныхъ уставовъ, а къ религіи, предписывающей братскую любовь и милосердіе.

Ж. Ж. Руссо былъ сынъ часовщика изъ Женевы. Онъ получилъ весьма поверхностное образованіе, ограничивающееся почти исключительно чтеніемъ, „жизнеописаній" Плутарха и нѣкоторыхъ романовъ, въ томъ числѣ романовъ Ричардсона.

Его первоначальная служебная и общественная карьера была очень разносторонняя. Онъ испыталъ всяческія невзгоды, побывавъ попеременно то писцомъ у одного нотаріуса, то лакеемъ, то учителемъ музыки въ Лозаннѣ, то наконецъ

домашнимъ учителемъ. Въ это-же время нашелъ Руссо ласковый и гостепріимный пріютъ у одной M-me de Varens, которая обратила его въ католичество. Она жила въ окрестностяхъ Chambéry въ Савойѣ, въ своемъ помѣстьѣ—„Les Charmettes". Между тѣмъ онъ познакомился съ французскимъ посломъ въ Венеціи, M. de Montaigu, который взялъ его къ себѣ въ качествѣ секретаря. Но и здѣсь не могъ онъ долго ужиться: его крайнее сомолюбіе и гордость не давали ему возможности долго оставаться въ хорошихъ отношеніяхъ съ его окружающими. Онъ въ 1748 г. возвращается въ Парижъ и тутъ-же знакомится онъ съ Дидро и другими энциклопедистами—съ d'Alembert, Condillac, Holbach. Несчастіе его было то, что онъ съ раннихъ лѣтъ предоставленъ былъ самому себѣ. Его мать скоро умерла послѣ его рожденія. Предоставленный самому себѣ, онъ читалъ много и безъ всякаго разбора и философскія сочиненія (Локка, Лейбница и Декарта) и математическія. Онъ всю жизнь свою не можетъ нигдѣ ужиться; его безсознательно влечетъ куда-то непреодолимая сила, онъ ни на чемъ не можетъ остановиться. При этомъ обладалъ онъ крайнимъ самомнѣніемъ (*), онъ признавалъ только свои права, отрицая обязанности, убѣжденный, что онъ обладаетъ необыкновенными, непризнанными только, способностями и во что-бы то ни стало хотѣлъ примѣнить эти способности ко благу человѣчества. Между тѣмъ онъ повсюду встрѣчалъ препятствія.

Отсюда—невозможность для него примириться съ дѣйствительностью, которая совершенно не отвѣчала утопическимъ ожиданіямъ Руссо; отсюда его раздражительность, болѣзненное его самолюбіе.

Одаренный отъ природы, дѣйствительно, недюжинными способностями, съ безграничною любовью къ человѣчеству и къ общему благу, съ немалымъ запасомъ свѣдѣній, къ сожалѣнію, пріобрѣтенныхъ имъ безъ всякой системы, Руссо вступилъ въ жизнь безъ всякаго яснаго сознанія того пути, по которому онъ пойдетъ, для принесенія той пользы человѣчеству, о которой онъ такъ много думалъ и къ которой онъ съ такимъ увлеченіемъ готовился.

(*) Это особенно видно изъ его „Confessions", мѣстами весьма гривуазныхъ, обнимающихъ время до 1765 года.

Съ такимъ настроеніемъ, съ такими неопредѣлившимися воззрѣніями на важнѣйшіе вопросы политическіе и философскіе, которые составляли предметъ самыхъ горячихъ и повсемѣстныхъ споровъ въ философскихъ, современныхъ ему кружкахъ, явился Ж. Ж. Руссо въ Парижъ.

Что нашелъ онъ въ этомъ литературномъ обществѣ?

Дѣлало-ли образованіе людей лучшими и благороднѣе? Можно-ли было достичь для народа идеала свободы и независимости, при существовавшей повсемѣстной испорченности нравовъ и при вполнѣ ненормальныхъ соціальныхъ условіяхъ, при которыхъ богатство и личныя связи играли исключительную роль и имѣли рѣшающее значеніе? Вотъ тѣ вопросы, которые сразу представились его уму.

Не имѣя возможности измѣнить общій ходъ вещей, сознавая свое безсиліе въ борьбѣ съ вѣками установившимися общественными формами, Руссо возненавидѣлъ это образованіе, эту цивилизацію, которая, по его мнѣнію, уродовала человѣческую природу, ослабляя и деморализируя ее, насильственно и искусственно удаляя человѣка отъ природы, отъ благодѣтельной и спасительной ея близости. Но сознавая невозможность съразу пересоздать современное ему общество, Руссо не отчаивается достичь этого, путемъ убѣжденія, путемъ печатнаго слова.

Онъ ищетъ выхода изъ гнетущихъ, по его мнѣнію, человѣчество соціальныхъ и политическихъ вопросовъ и все свое вниманіе сосредоточиваетъ онъ на этихъ вопросахъ, разрабатывая ихъ съ точки зрѣнія своей теоріи. Результатомъ этихъ изысканій—его четыре главныхъ произведеній, о которыхъ мы будемъ еще говорить.

Въ 1749 г. академія въ Дижонѣ объявила на конкурсъ тему слѣдующаго содержанія: „Le progrès des sciences et des arts a-t-il contribué à corrompre ou à épurer les moeurs". Руссо съ жаромъ взялся доказывать пародоксальную мысль, что науки и искусства имѣли прямо развращающее вліяніе на человѣчество; трактатъ его вышелъ до того краснорѣчивымъ и блестящимъ, что академія единогласно присудила ему премію.

Послѣ внимательнаго разсмотрѣнія той обстановки, при которой росъ и воспитывался Руссо, и знакомства со свой-

ствами его психологической натуры, намъ становится яснѣе подобное воззрѣніе съ его стороны; хотя, несомнѣнно, большая доля его разсужденій прямо была основана на блестящихъ парадоксахъ.

Въ 1753 г. онъ снова выступилъ съ сочиненіемъ на другую тему, предложенную тою-же дижонскою академіею, а именно—„Quelle est l'origine de l'inégalité parmis les hommes et est-elle autorisée par la loi naturelle"? Отвѣтъ Руссо былъ столь-же блестящъ, какъ и первый, но только не могъ онъ получить преміи потому, что въ его трактатѣ встрѣчались слишкомъ открытыя нападки на деспотизмъ правительства *).

Въ обоихъ этихъ трактатахъ Руссо возстаетъ противъ существующаго образованія, противъ всѣхъ установленныхъ основъ общественнаго и государственнаго порядка и требовалъ взамѣнъ этого, по возможности, приближенія къ первоначальному, природному состоянію человѣка, вдали отъ тлетворнаго, по его мнѣнію, вліянія цивилизаціи.

Послѣ этого онъ вернулся въ Женеву, гдѣ, чтобы быть принятымъ въ граждане республики, долженъ былъ вновь отречься отъ католицизма и принять кальвинизмъ. Когда онъ явился въ Парижъ, его уже тамъ опередила громкая извѣстность.

Сошелся онъ тамъ съ M-me d'Epinay, которая даже велѣла для него построить въ долинѣ Montmorency, въ принадлежащемъ ей помѣстьѣ, убѣжище „Ermitage", гдѣ Руссо на лонѣ природы началъ свою знаменитую „Nouvelle Héloise" (въ 1759). Къ этому-же времени относится его политическое и соціальное сочиненіе „Le contrat social", которое есть въ сущности продолженіе его трактата о неравенствѣ въ человѣческомъ обществѣ. Оно вмѣстѣ съ сочиненіемъ Montesquieu, „L'esprit des lois" произвело, можно сказать, эпоху въ политическихъ воззрѣніяхъ XVIII столѣтія.

Монтескьё ратовалъ, какъ мы знаемъ, противъ абсолю-

(*) Онъ говоритъ, между прочимъ, что „неравенство происходитъ отъ предпочтенія ума, таланта, добродѣтели и нравственности. Всѣ люди равны между собою и только въ обществѣ портятся. Неравенство есть отпаденіе отъ природнаго состоянія; „l'homme qui médite est un animal dépravé", и т. д.

тизма, выставляя на первый планъ англійскія политическія учрежденія, въ эпоху преобладанія въ парламентѣ партіи виговъ, Руссо-же по своимъ политическимъ воззрѣніямъ — крайній демократъ и даже радикалъ.

Дошелъ онъ до своихъ радикальныхъ взглядовъ изъ сознанія полной неудовлетворительности существовавшаго соціальнаго строя и изъ желанія, на развалинахъ разрушеннаго стараго зданія создать совершенно новый порядокъ вещей, который былъ бы благодѣтелемъ для всѣхъ и воспиталъ бы человѣчество къ свободѣ и равенству.

Онъ, однимъ словомъ, стремился отыскать новую государственную форму, которая осуществила-бы на землѣ полное счастіе и свободу; но, конечно, въ этихъ утопическихъ и лишенныхъ всякой строгой логичности планахъ онъ никогда не имѣлъ въ виду соціальной революціи, какъ средство достигнуть этого недостижимаго равенства, а думалъ достигнуть его путемъ убѣжденій и настойчивостью печати.

Онъ отрицаетъ представительство, на томъ основаніи, какъ онъ говоритъ, что „свою волю передавать другому нельзя“ и первый, такимъ образомъ, провозгласилъ принципъ народовластія (souveraineté du peuple), за которую ухватилась впослѣдствіи революція.

Но такъ какъ онъ самъ сознаетъ невозможность осуществленія своего идеала — чистой демократіи въ большомъ государствѣ, онъ предлагаетъ поэтому форму маленькихъ политическихъ федерацій. При этомъ онъ, конечно, забываетъ, что исторія требуетъ постепеннаго развитія, что она не допускаетъ скачковъ и что соціальныя измѣненія не происходятъ отъ воли одного человѣка.

Во всѣхъ его планахъ нѣтъ, конечно, логики. Но выражалъ онъ отчасти то, что смутно сознавалось всѣми, при гнетущихъ условіяхъ современной дѣйствительности. Руссо только не сознавалъ, что если современное ему политическое устройство поддерживало деспотизмъ одного лица, то онъ проводилъ теорію, которая утвердила-бы въ Европѣ деспотизмъ массы.

Если конституція 1791 г. есть дѣло Монтескье, если она стремилась осуществить его принципы, то конституція 1793 г. есть прямое слѣдствіе утопической теоріи Руссо.

Между тѣмъ онъ самъ не понималъ, какое вліяніе произвелъ онъ своими сочиненіями. Онъ, какъ политическій мечтатель, написалъ свою систему и не думалъ о томъ, какъ ее осуществить. Между тѣмъ, когда за это взялись другіе, его принципы, примѣняясь къ дѣйствительности, принесли человѣчеству гораздо больше вреда, чѣмъ пользы.

Руссо во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій говоритъ, что онъ ненавидитъ революцію. Несправедливо поэтому считать его проповѣдникомъ новѣйшаго соціализма, зачатки котораго будто-бы замѣчаются въ его „Contrat social".

Онъ, правда, за Гоббесомъ (1588—1679) (*), повторялъ, что все зло происходитъ отъ сосредоточенія собственности въ частныхъ рукахъ и въ рукахъ государства, но онъ далекъ былъ отъ мысли вслѣдствіе этого уничтожить государство и нивелировать всѣ сословія; онъ хотѣлъ только, по возможности, отстранить злоупотребленія.

Эти воззрѣнія, впрочемъ, видны и въ его трактатѣ „о причинѣ неравенства", о которомъ мы уже упоминали.

Онъ здѣсь прямо говоритъ: „Собственность—первый шагъ къ неравенству, второй шагъ—выборъ начальства, для защиты и проведенія воли всѣхъ; но начальство, вмѣсто проведенія этой воли, присвоило себѣ всю власть, отсюда появилась тиранія".

Такъ какъ этого измѣнить нельзя, то приходится по край-

(*) Thomas Hobbes, извѣстный англійскій философъ, извѣстенъ въ особенности своею политическою теорію о силѣ. „Всѣ имѣютъ одинаково право на все въ первобытномъ состояніи (l'état de nature); отсюда вѣчная война всѣхъ противъ всѣхъ; для водворенія мира необходимо поэтому установить надъ всѣми одну деспотическую волю. Ничто ни справедливо, ни несправедливо само по себѣ, по мнѣнію Гоббеса; это высшіе классы (les princes), которые своими распоряженіями вносятъ въ жизнь несправедливость". Его сочиненія переполнены парадоксами; онъ доходилъ даже до того, что хотѣлъ доказать невѣрность нѣкоторыхъ геометрическихъ аксіомъ, что ему, конечно, не удалось. Онъ вызвалъ этимъ только надъ собою насмѣшки. Главныя его сочиненія слѣдующія: „De cive" (1642—1647). „De la nature humaine" (англ. текстъ) (1650), „Leviathan ou du pouvoir écclésiastique et civil" (англ. текстъ) (1651) и по латыни въ 1668 г., „Eléments de philosophie" (1658—1659) въ трехъ частяхъ, „Du corps, de l'homme, du corps politique" и мн. др.

ней мѣрѣ стараться ослабить это неравенство между людьми, по возможности, приближаясь къ первобытному состоянію. Въ 1762 г. появился философскій романъ Руссо „Emile", въ которомъ онъ строитъ свою систему воспитанія новаго гражданина.

Его система состоитъ въ возможно близкомъ возвращеніи человѣка къ природѣ.

„Tout consiste, говоритъ Руссо, à ne pas gâter l'homme de la nature, en l'appropriant à la societé". Дисциплина, до сихъ поръ господствовавшая, должна замѣниться, по его мнѣнію, воспитаніемъ нравственнымъ развитіемъ, въ непосредственномъ общеніи съ природой.

Песталоцци (*) въ этомъ отношеніи прямой ученикъ Ж. Ж. Руссо.

Изъ сочиненій, въ которыхъ проводится религіозная идея, самое извѣстное его „Profession de foi du vicaire savoyard", въ которомъ онъ доказываетъ необходимость религіи, какъ непреоборимой потребности сердца; отсюда, его рѣзкія нападки на матеріалистовъ, которые, разумѣется, этой потребности не допускали. Для сужденія-же о личности Руссо лучшимъ источникомъ могутъ служить его „Confèssions", въ которыхъ онъ описываетъ всю свою молодость и которыя, какъ мы говорили, доведены до 1765 г. Они часто возмущаютъ нравственное чувство читателя, но въ нихъ высказался Руссо весь, со своею страстною, вспыльчивою и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкою натурою и потому по нимъ мы лучше всего можемъ слѣдить за психологическимъ его образомъ, хотя авторъ въ нихъ намѣренно усиливалъ краски.

(*) Henri Pestalozzi, извѣстный швейцарскій воспитатель, родился въ Цюрихѣ въ 1746 г. и умеръ въ 1827 г. Въ 1775 г. онъ основалъ въ своемъ помѣстьѣ въ Neuhof въ области Argovie безплатный педагогическій институтъ для бѣдныхъ дѣтей. Институтъ этотъ, впрочемъ, скоро сталъ падать. Песталоцци оставилъ много сочиненій, собранныхъ въ 15 т. in 8° (1819—1827). Главнѣйшія изъ нихъ: „Léonard et Gertrude", философскій романъ, „Comment Gertrude instruit ses enfants", руководство для матерей и наконецъ „Mes recherches sur la marche de la nature dans l'éducation". Его методъ изложенъ у Cochin—Essai sur la vie, les méthodes d'instruction et d'éducation et les établissements de Pestalozzi 1848.

Мы дошли въ его біографіи до времени его переселенія въ Montmorency, къ M-me d'Epinay.

Но и здѣсь разочарованія и огорченія, впрочемъ, вызванныя его подозрительнымъ и неуживчивымъ характеромъ, разстроивали его спокойную жизнь въ „Эрмитажѣ". Онъ скоро поссорился съ M-me d'Epinay, съ Дидро, вслѣдствіе различія во взглядахъ и съ тѣхъ поръ велъ жизнь въ высшей степени печальную; онъ разсорился съ литературнымъ кружкомъ энциклопедистовъ: разочарованный, подозрительный, самъ собою недовольный, онъ дѣлался какимъ-то мизантропомъ.

Преслѣдованія, которымъ подвергались его сочиненія, увеличивали только еще болѣе его злобное настроеніе, его недовольство жизнью и людьми и имѣли кромѣ того весьма пагубное вліяніе на его здоровье.

Онъ сталъ скитаться по Швейцаріи съ одного мѣста на другое, отовсюду его гнали и преслѣдовали, какъ опаснаго для политическаго спокойствія человѣка.

Между прочимъ былъ онъ короткое время и въ Англіи (въ 1766 г.), гдѣ пользовался гостепріимствомъ извѣстнаго англійскаго философа и историка Давида Гума (1711 — 1776) (*). Но и здѣсь скоро поссорился онъ съ англійскимъ мыслителемъ и возвращается во Францію.

Побывавъ во многихъ городахъ, онъ, наконецъ, въ 1770 г. поселился въ Парижѣ, гдѣ онъ нашелъ сочувствіе со стороны публики, успѣвшей познакомиться съ его сочиненіями. Но здоровье его было уже сильно разстроено. Онъ страдалъ мономаніею, которая повсюду указывала ему на присутствіе какихъ-то невидимыхъ его враговъ.

Въ 1778 г онъ принялъ предложеніе одного изъ своихъ друзей René de Girardin, предложившаго ему поселиться въ его помѣстьѣ Ermenonville, гдѣ онъ внезапно и умеръ 3 іюля 1778 г. Одно время несправедливо думали, что Руссо, въ припадкѣ меланхоліи, лишилъ себя жизни; впослѣдствіи было доказано, что смерть его произошла естественнымъ пу-

---

(*) David Hume оставилъ послѣ себя—„Oeuvres philosophiques" въ 7 т. in 12° въ Лондонѣ въ 1788 г. и „Histoire d'Angleterre", Paris (1819—1822) въ 22 томахъ in 8°.

темъ. Онъ похороненъ былъ возлѣ Ерменонвиля, на островѣ „des Peupliers".

Въ 1794 г. его останки были перенесены въ Парижъ, въ Пантеонъ, и его именемъ была названа одна изъ улицъ, въ которой онъ жилъ, существующая и до сихъ поръ. Женева воздвигла ему памятникъ.

Кромѣ упомянутыхъ уже сочиненій, Руссо оставилъ еще „Dictionnaire de musique", „Dictionnaire de botanique", многочисленныя „Письма", между которыми есть выдающіяся по стилю и содержанію, напр.: „Lettre à d'Alembert sur les spectacles".

Много существуетъ изданій его сочиненій. Одно изъ самыхъ полныхъ — изданіе Musset Pathay въ 23 т., in 8°, 1823—1826 гг. Къ нему приложена „Histoire de sa vie et de ses ouvrages". Въ 1854 г. появилось изданіе части сочиненій Руссо, къ которому приложена его въ высшей степени интересная „Correspondance inédite de J. J. Rousseau". Изданіе это было предпринято G. Moulton.

Демократическія стремленія общества конца XVIII ст., развившіяся подъ невыносимымъ гнетомъ абсолютизма, нашли, правда, въ Руссо краснорѣчивое и увлекательное выраженіе; но доводы его были, какъ мы видѣли, далеко не убѣдительные и даже не особенно смѣлые. Были писатели, которые до Руссо и вполнѣ независимо отъ него, шли въ своихъ воззрѣніяхъ еще гораздо дальше его.

„Зачѣмъ, говорили они „останавливаться на полъ-дорогѣ, зачѣмъ только преобразовывать государство, а не совершенно его переустроить? Зачѣмъ не искоренить зло разомъ? Развѣ невозможно вообразить себѣ государства, въ которомъ уничтожена была-бы собственность, всякія сословныя и имущественныя различія между гражданами?

Смѣлѣе всего эта мысль проводится въ сочиненіи, озаглавленномъ „Code de la nature", которое долгое время приписывалось Дидро; теперь-же достовѣрно доказано, что оно принадлежитъ перу Morelly. Извѣстно также другое его сочиненіе, именно—„Basiliade ou Naufrage des îles flottantes,"— героическая поэма въ 14 пѣсняхъ, появившаяся въ 1753 г., въ которой онъ описываетъ счастіе народа, свободнаго отъ всякихъ предразсудковъ и руководствующагося исключительно законами природы.

Въ своемъ „Code de la nature“ Morelly выставляетъ основаніемъ человѣческаго общества общность имуществъ — „la communauté des biens“—и слѣдовательно прямо проповѣдуетъ новѣйшій соціализмъ.

Основныя идеи этихъ двухъ сочиненій слѣдующія — человѣкъ отъ природы хорошъ, портится онъ безобразными условіями общества и воспитанія. Спасти его можно только — отстраненіемъ, уничтоженіемъ собственности, развивающей эгоизмъ. Взамѣнъ сосредоточенія ея въ рукахъ отдѣльныхъ членовъ общества, слѣдуетъ, по этой теоріи, стремиться къ общности имуществъ, къ равно для всѣхъ обязательному труду на пользу общины. Воспитаніе должно быть общее для всѣхъ и во всемъ должно господствовать равенство. Земля принадлежитъ всѣмъ въ равной степени, орудія земледѣльческія тоже; работа должна распредѣляться сообразно силѣ каждаго, плата—сообразно потребностямъ каждаго.

Тѣже мысли встрѣчаемъ мы и въ сочиненіи аббата Mably, старшаго брата Condillac'a (1709—1785), „De la législation ou Principes des lois“. Извѣстны также его сочиненія, тогоже направленія—„Doutes sur l'ordre naturel des sociétés“ (1765), „Manière d'écrire l'histoire“ (1782) и мн. др. Это утопистъ, мечтавшій о водвореніи во Франціи республиканскихъ учрежденій древней Спарты.

Сами авторы этихъ крайнихъ сочиненій сознаютъ, что ихъ мечты не осуществимы въ ихъ время и потому надѣются на будущее. Если такія мечты принимались современнымъ обществомъ сочувственно, если на нихъ возлагались надежды, то это во всякомъ случаѣ только доказываетъ, что состояніе общества было ненормальное, что оно переживало тяжелый, переходный кризисъ, что общее равновѣсіе было уже давно нарушено и что поэтому во Франціи одни сословія жили въ ущербъ и насчетъ другаго.

Но не только одни мечтатели выражали подобныя pia desideria. Такія серьезныя личности, какъ напр. Тюрго, затронуты тоже очевидностью этой ненормальности политической и общественной жизни. Онъ говоритъ между прочимъ: „Le soulagement des hommes qui souffrent est le devoir de tous et l'affaire de tous“.

Въ самомъ искусствѣ также замѣчается какая-то новая струя, исканіе чего-то новаго и неудовлетвореніе старыми, отжившими формами.

Свадьба Фигаро (1784) Beaumarchais (1732—1799) есть восхваленіе третьяго сословія и униженіе привилегированнаго.

Вотъ тѣ идеи, которыя бродили въ обществѣ конца XVIII ст. и выражались болѣе или менѣе пластично и даже рѣзко въ просвѣтительной литературѣ вѣка. Если бы правительства Европы ясно сознали-бы приближавшуюся опасность, они могли-бы еще въ половинѣ столѣтія спасти человѣчество отъ катастрофы, путемъ необходимыхъ реформъ, но они или медлили или сами увлекались общимъ теченіемъ, а когда захотѣли его пріостановить, то было уже слишкомъ поздно.

Мы до сихъ поръ разобрали первый періодъ нашего настоящаго курса исторіи западной Европы въ XVIII столѣтіи, въ до-революціонную эпоху; мы представили обозрѣніе государствъ западной Европы въ первую половину столѣтія, до 40 годовъ его, въ продолженіе которыхъ государства, утомленныя и изнуренныя продолжительными и постоянными войнами Людовика XIV, длившимися всю вторую половину XVII столѣтія, послѣ заключенія Утрехтскаго мира 1713 г., зорко слѣдили за охраненіемъ политическаго равновѣсія въ Европѣ, опасаясь прежде всего возбужденія новой войны, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не отказываясь, при удобномъ случаѣ, округлить свои владѣнія на счетъ сосѣдей.

Это было время печальное въ политическомъ отношеніи. Политика западно-европейскихъ державъ въ теченіе всего этого періода была не національная, а такъ сказать, кабинетная, чисто династическая, эгоистическая. Не было ни одного преобладающаго государства въ Европѣ; всѣ были одинаково слабы, одинаково безсильны.

Но на ряду съ этой слабостью правительствъ, и особенно Франціи, нѣкогда игравшей первенствующую роль въ Европѣ, въ особенности во второй половинѣ XVII ст., выдвигается мало по малу совершенно новая сила—общественное мнѣніе, которое безъ войны и денегъ покорило постепенно не только извѣстные слои европейскаго общества, но и самихъ го-

сударей и ихъ министровъ. Это общественное мнѣніе, какъ мы видѣли, возникло изъ просвѣтительной литературы XVIII столѣтія.

Мы долго останавливались на этой литературѣ для того, чтобы выяснить, какимъ образомъ росла эта литература и къ концу столѣтія дошла до крайнихъ предѣловъ атеизма и матеріализма, произведя въ общемъ міровоззрѣніи крайній хаосъ; но мы вмѣстѣ съ тѣмъ видѣли, что въ особенности въ началѣ, рядомъ съ этими крайностями и пагубнымъ вліяніемъ, эта литература благодѣтельно вліяла на современниковъ. Она расширяла умственный кругозоръ, развивала гуманныя чувства въ человѣчествѣ и разбивала узкія, отжившія свой вѣкъ сословныя идеи и предразсудки, завѣщанныя еще средними вѣками и далеко еще не искорененныя въ то время.

Эта литература точнѣе опредѣлила обязанности высшей власти по отношенію къ подданнымъ и къ государству, указала на необходимость кореннаго преобразованія суда, уничтоженія рабства, полной вѣротерпимости, болѣе равномѣрной раскладки податей и т. д.

Въ настоящее время мы и переходимъ ко второму періоду нашего курса—къ періоду, обнимающему эпоху отъ 40 до 90 годовъ XVIII ст., когда правительства, сознавая отчасти истину новыхъ просвѣтительныхъ идей, начинаютъ проводить ихъ въ своихъ государствахъ, при политическомъ преобладаніи двухъ державъ—Россіи и Пруссіи.

Поэтому и періодъ этотъ получилъ въ исторіи названіе „періода просвѣщеннаго абсолютизма", такъ какъ монархи западной Европы стремятся слить свои монархическіе принципы съ просвѣтительными идеями XVIII вѣка.

Мы и въ этомъ періодѣ должны прослѣдить исторію западно-европейскихъ государствъ въ прежнемъ порядкѣ и обозрѣніе это начнемъ, какъ и въ первомъ періодѣ, съ Пруссіи, потому, что возсѣдавшій въ то время на прусскомъ престолѣ Фридрихъ II, есть лучшій выразитель этой эпохи просвѣщеннаго абсолютизма, возвысившій Пруссію на небывалую дотолѣ политическую высоту и сдѣлавшій ее такимъ образомъ преобладающимъ въ Европѣ государствомъ въ теченіе всей второй половины XVIII столѣтія.

Около Пруссіи такимъ образомъ на нѣсколько десятилѣ-

тій группируется вся политическая жизнь западной Европы.

Вслѣдъ за Пруссіей въ 60 годахъ XVIII ст. возвышается и Россія при Елисаветѣ Петровнѣ и еще болѣе при Екатеринѣ II.

Обѣ эти державы руководили, такъ сказать, европейскою политикой, въ теченіе всей второй половины XVIII столѣтія.

Исторія Россіи не входитъ въ программу настоящаго курса; поэтому мы можемъ ея касаться только настолько, насколько это будетъ необходимо, для изложенія исторіи западно-европейскихъ государствъ, начиная съ 40 годовъ XVIII столѣтія.

Въ настоящее время мы переходимъ къ обозрѣнію исторіи Пруссіи во второй половинѣ столѣтія, при чемъ мы будемъ слѣдить за постепеннымъ ея политическимъ развитіемъ, до положенія первенствующей европейской державы.

При обозрѣніи исторіи Пруссіи въ первомъ періодѣ нашего курса, мы уже говорили о постепенномъ и послѣдовательномъ возвышеніи Пруссіи среди остальныхъ разрозненныхъ между собою германскихъ государствъ.

Мы тогда указывали на значеніе Вестфальскаго мира, какъ источника и начала политическаго значенія Пруссіи; мы видѣли, какъ съумѣлъ имъ воспользоваться Великій Курфюрстъ, положившій первое основаніе прочной организаціи своего государства, начертавшій ясную и опредѣленную программу дѣйствія, которой, не смотря на все различіе ихъ характеровъ, неуклонно слѣдовали всѣ его ближайшіе преемники.

Мы видѣли, что онъ употреблялъ диктатуру свою не для личнаго прославленія и усиленія своего могущества, а для пользы и процвѣтанія молодаго, возникавшаго государства. Его преемникъ—король Фридрихъ I добивался той-же цѣли, хотя и на болѣе широкомъ поприщѣ дѣйствія; пріобрѣтя себѣ королевскій титулъ, онъ выдвинулъ Пруссію въ рядъ первостепенныхъ нѣмецкихъ государствъ; поддерживая науки и художества и покровительствуя ученымъ и мыслителямъ, онъ старался вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать изъ Пруссіи политическій и умственный центръ для всей Германіи и сосредоточеніе національнаго германскаго чувства.

Сынъ его—Фридрихъ Вильгельмъ I довелъ монархическій абсолютизмъ до самаго высшаго развитія, хотя при немъ этотъ абсолютизмъ никогда не вырождался въ деспотизмъ.

Уже въ самомъ взглядѣ первыхъ Гогенцоллерновъ на

доставшуюся имъ абсолютную власть, какъ на средство достиженія общаго блага страны, а не личнаго величія, взглядѣ, которому строго слѣдовали они въ своей политикѣ, въ противоположность, какъ мы видѣли, выработанной Людовикомъ XIV и его преемниками системѣ, кроилась и необходимость со временемъ измѣнить этотъ монархическій абсолютизмъ, для дарованія бо́льшаго простора отдѣльной личности и для болѣе равномѣрнаго распредѣленія власти между отдѣльными сословіями. Хотя Фридрихъ Вильгельмъ I этой необходимости и не могъ еще сознавать, такъ какъ для подобнаго добровольнаго отказа отъ диктатуры не созрѣло еще тогда время и, наконецъ, въ его время только одна твердая абсолютная, монархическая власть, опиравшаяся на сильное и вѣрное своимъ монархамъ войско, и могла вывести Пруссію изъ среды безчисленныхъ мелкихъ феодальныхъ государствъ и придать ей первенствующее политическое значеніе въ Западной Европѣ, тѣмъ не менѣе уже съ самаго вступленія первыхъ Гогенцоллерновъ на историческую арену, замѣчается въ ихъ взглядѣ на абсолютизмъ монархическій и на его примѣненіе къ странѣ, рѣзкое различіе съ системою, которой слѣдовали Бурбоны и которая получила свое крайнее развитіе въ лицѣ Людовика XIV (*).

Во времена Фридриха Вильгельма I Пруссія, хотя и возвысилась до королевства, но надо было еще это королевство завоевать, надо было округлить свою территорію, раздѣленную чрезполосными владѣніями мелкихъ сосѣднихъ владѣтелей; однимъ словомъ, Пруссіи надо было еще завоевать себѣ прочную позицію въ самой Германіи, чему, конечно, всѣми силами препятствовала Австрія, съ завистью смотрѣвшая, какъ у нея подъ бокомъ ростетъ и организуется новое сильное государство. Пруссіи необходимо было такимъ образомъ сперва пріобрѣсти себѣ политическое и нравственное вліяніе въ Германіи, а за симъ уже и въ самой Европѣ.

И Фридрихъ Вильгельмъ I, сознавая всю трудность предстоявшей ему задачи, сознавалъ тоже и всю невозможность

(*) Для Гогенцоллерновъ монархическій абсолютизмъ служилъ только средствомъ, для достиженія общаго блага; тогда какъ для Людовика XIV, конечною цѣлью было собственное его величіе, благо же подданныхъ служило только къ тому средствомъ.

ее выполнить. Въ немъ таилось еще слишкомъ большое благоговѣніе передъ императорскимъ титуломъ, слишкомъ большое уваженіе къ традиціямъ средневѣковой Германіи, чтобы предпринять что нибудь рѣшительное противъ вѣковыхъ носителей этой идеи имперіи—противъ Габсбурговъ.

На всѣ неоднократныя оскорбленія, наносимыя ему Вѣною, отказывавшеюся все еще признавать прежнее Бранденбургское курфюршество Прусскимъ королевствомъ, онъ спокойно указывалъ на своего сына—будущаго великаго Фридриха, съ которымъ, впрочемъ, какъ извѣстно, вначалѣ онъ былъ въ сильно натянутыхъ отношеніяхъ, поручая ему отомстить за него и за поруганную честь молодаго королевства.

Умирая въ маѣ 1740 г., Фридрихъ Вильгельмъ I дѣйствительно и приготовилъ для сына все, чтобы привести въ исполненіе завѣтъ умирающаго отца. Онъ оставилъ ему до 80,000 прекрасно дисциплинированнаго войска и до 9 милліоновъ экономіи въ государственной казнѣ.

Такимъ образомъ мы видимъ, что съ матеріальной стороны юный Фридрихъ былъ вполнѣ обезпеченъ своимъ отцомъ, для выполненія трудной, завѣщанной ему задачи, но за то съ нравственной стороны выполненіе для него программы Гогенцоллерновъ, состоявшей въ утвержденіи и расширеніи монархическаго принципа, представлялось ему гораздо затруднительнѣе, чѣмъ его отцу и тѣмъ болѣе, чѣмъ его предкамъ.

Тотъ монархическій абсолютизмъ, та диктатура правительства, которые были встрѣчены съ такимъ сочувствіемъ прусскимъ народомъ въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія, становились уже теперь, къ половинѣ столѣтія, весьма тягостными, и даже ненавистными, подъ вліяніемъ возникшаго общественнаго мнѣнія, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка, пробивавшихъ себѣ путь въ Европу.

Между тѣмъ безъ этой системы монархическаго абсолютизма невозможно было закончить продолжительной работы предшественниковъ Фридриха II, невозможно было довершить политическаго и внутренняго развитія Пруссіи, невозможно было упрочить ей подобающаго ей мѣста въ Европѣ.

Вотъ эту-то двойственность въ выпавшей Фридриху II

роли и слѣдуетъ имѣть въ виду, при оцѣнкѣ его нравственной личности, при взглядѣ на его политическую дѣятельность.

Его рисуютъ намъ то деспотомъ, то увлекающимся послѣдователемъ просвѣтительныхъ идей французской философской мысли и литературы, между тѣмъ онъ одновременно былъ и тѣмъ и другимъ и не могъ, выполняя свою роль, быть инымъ, такъ какъ не могъ, продолжая систему своихъ предшественниковъ, оставаясь строгимъ приверженцемъ монархическаго абсолютизма, не обращать вниманія на всюду проникавшія новыя идеи, на постепенно, подъ вліяніемъ ихъ, измѣняющееся міровоззрѣніе, оставившее и на немъ, безъ сомнѣнія, свою печать, имѣвшее и на него могучее вліяніе.

Мы еще легче въ этомъ убѣдимся, если прослѣдимъ въ главныхъ чертахъ за его первоначальнымъ развитіемъ, до вступленія его на отцовскій престолъ.

Фридрихъ II родился въ 1712 году. Онъ былъ третій сынъ Фридриха Вильгельма I. Отъ природы весьма даровитый, впечатлительный и воспріимчивый, молодой Фридрихъ былъ совершенною противоположностью своему отцу. Мы знаемъ, что Фридрихъ Вильгельмъ обладалъ крайне практичнымъ, дѣловымъ умомъ, исключающимъ всякую чувствительность, всякое увлеченіе. Онъ выше всего ставилъ строгій во всемъ порядокъ и аккуратность, онъ чувствовалъ, какъ мы знаемъ, даже ничѣмъ не объяснимое нерасположеніе къ наукамъ, литературѣ и художествамъ.

Между тѣмъ сынъ его, юный Фридрихъ, представлялъ въ этомъ отношеніи яркій контрастъ съ его отцомъ.

Его пылкое воображеніе, впечатлительность и пытливость его ума не могли относиться равнодушно къ просвѣтительнымъ идеямъ, впервые высказываемымъ во французской современной литературѣ и философіи и такимъ образомъ будущій абсолютный монархъ становился постепенно ревностнымъ и горячимъ приверженцемъ просвѣтительныхъ писателей вѣка.

Подобное увлеченіе со стороны сына, естественно, возбуждало въ строгомъ, систематичномъ отцѣ негодованіе къ нему, съ годами все усиливающееся. Фридрихъ Вильгельмъ не понималъ, какъ можно терять время на подобное пустое и даже вредное, по его мнѣнію, занятіе, какъ чтеніе лите-

ратурныхъ произведеній, занятіе, какъ онъ полагалъ, недостойное наслѣдника престола. Этотъ запретъ и суровыя отношенія отца къ сыну заставляли послѣдняго тайно предаваться своимъ любимымъ литературнымъ занятіямъ, а эта таинственность, эти препятствія, еще болѣе привязывали молодаго принца къ его любимымъ авторамъ.

Взаимныя непониманія дошли, наконецъ, до того, что отецъ и сынъ почти возненавидѣли другъ друга.

Отецъ не допускалъ и не признавалъ ничего хорошаго ни въ литературѣ, ни въ музыкѣ, ни въ художествахъ; сынъ его, напротивъ, жилъ только въ мірѣ искусства и поэзіи, самъ игралъ на флейтѣ, а ко всѣмъ вкусамъ и занятіямъ отца, къ военной службѣ и государственнымъ дѣламъ чувствовалъ какое-то непреодолимое отвращеніе.

Въ религіозномъ отношеніи Фридрихъ Вильгельмъ строго исполнялъ всѣ формальности религіознаго культа. Онъ и сына своего хотѣлъ принудить къ этой внѣшней обрядности, къ строгому соблюденію всей внѣшности въ религіи; но послѣдній вынесъ изъ этого принужденія только глубокую ненависть къ этой формѣ и, ненавидя ее, оставался и къ самому содержанію ея, къ христіанскому ученію и къ нравственному его кодексу вполнѣ равнодушнымъ.

Изъ этого рѣзкаго различія въ характерахъ и душевныхъ симпатіяхъ между отцомъ и сыномъ, изъ совершенно различнаго ихъ міросозерцанія происходило ихъ взаимное непониманіе другъ друга, смѣнившееся скоро даже глухою ненавистью.

Фридрихъ II росъ такимъ образомъ въ этомъ рѣзкомъ антагонизмѣ къ отцу, вдали отъ отцовской ласки, но и вдали отъ его благихъ совѣтовъ, въ совершенномъ разъединеніи съ нимъ. Онъ обязанъ былъ своимъ пристрастіемъ къ французской просвѣтительной литературѣ своей воспитательницѣ M-me de Rocoulles.

Мать его, королева Софія Доротея, (сестра англійскаго короля Георга II), поддерживала вопреки мужу этотъ вкусъ въ сынѣ къ литературнымъ занятіямъ.

Остроумная, ѣдкая, всюду проникающая сатира Вольтера всего болѣе нравилась молодому Фридриху и онъ не скрывалъ передъ отцемъ своего восхищенія. Все это, конечно,

только подливало еще болѣе масла въ огонь. Отецъ сталъ обвинять сына въ изнѣженности, въ лишней чувствительности, наконецъ, даже въ вольнодумствѣ и атеизмѣ.

Объ этихъ отношеніяхъ отца къ сыну всего лучше можно судить по мемуарамъ, оставленнымъ сестрою Фридриха II, впослѣдствіи маркграфинею Байрейтскою.

Фридрихъ Вильгельмъ сталъ даже думать о лишеніи Фридриха II прусскаго престола, желая передать его младшему своему сыну. Предполагавшійся, нежелательный для отца его, бракъ Фридриха II съ англійской принцессой, только еще болѣе испортилъ ихъ натянутыя отношенія.

Долго терпѣлъ Фридрихъ всевозможныя униженія, наконецъ онъ не выдержалъ и рѣшился бѣжать за границу. Скоро представился для этого удобный случай. Въ это время случилось ему путешествовать съ отцемъ по Рейну, въ области Клеве. Это было въ 1730 году. Ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ молодаго наслѣдника былъ въ то время поручикъ прусской службы von Katte. Фридрихъ рѣшился бѣжать съ дороги. Но заговоръ этотъ былъ скоро раскрытъ, бѣглецовъ арестовали и, по приказанію короля, назначенъ былъ надъ ними строгій военный судъ, который и приговорилъ обоихъ, какъ военныхъ дезертировъ, къ смертной казни; но король Фридрихъ Вильгельмъ измѣнилъ рѣшеніе суда. Поручикъ von Katte былъ казненъ на глазахъ его молодаго друга, а наслѣдника престола заперли въ крѣпость Кюстринъ, гдѣ онъ долженъ былъ проходить постепенно всѣ должности военной канцеляріи, начиная съ простаго писца.

Эта казнь его любимца произвела на впечатлительнаго Фридриха удручающее впечатлѣніе, но она имѣла вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшительное на него вліяніе, такъ какъ сильно уменьшила его пылъ и страстность. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти занятія въ военной канцеляріи ознакомили молодаго принца со всѣми подробностями канцелярскаго и служебнаго дѣлопроизводства и пріучили его непосредственно знакомиться со всѣми отраслями управленія и предпринимать реформы, уже будучи королемъ, не по совѣту только своихъ приближенныхъ, а по собственному сознанію въ ихъ необходимости.

Выйдя изъ замка Кюстринъ, Фридрихъ, послѣ продолжительнаго въ немъ пребыванія, помирился съ отцемъ, который

уговорилъ его жениться на Брауншвейгской принцессѣ, получилъ отъ него во владѣніе небольшое имѣніе Rheinsberg, недалеко отъ Берлина, и, по требованію отца, до самой его смерти жилъ вдали отъ двора и отъ управленія государственными дѣлами, предаваясь всецѣло любимымъ своимъ литературнымъ занятіямъ.

Къ этому времени относится его переписка съ Вольтеромъ, съ знаменитымъ современнымъ ему историкомъ Ролленомъ, математикомъ Maupertuis, философомъ Вольфомъ и другими писателями и мыслителями эпохи. Тогда-же пишетъ онъ своего „Anti-Machiavelli"—опроверженіе политическихъ теорій Маккіавелли, построенныхъ, какъ мы видѣли, на крайнемъ абсолютизмѣ.

Фридрихъ II въ своемъ опроверженіи политическихъ теорій „Il Principe" высказываетъ свои взгляды на задачи монарха. Это сочиненіе наслѣдника прусскаго престола написано на французскомъ языкѣ. Оно было даже отправлено для пересмотра и исправленія Вольтеру и напечатано было во Франціи. Въ берлинскомъ архивѣ хранится экземпляръ, исправленный Вольтеромъ; онъ изданъ былъ въ недавнее время.

Въ этомъ сочиненіи будущій повелитель Пруссіи ясно высказываетъ свой взглядъ на внутреннюю и внѣшнюю политику, на свои прямыя обязанности по отношенію къ подданнымъ и на взаимныя отношенія управителя и управляемыхъ. Онъ представляетъ свой идеалъ короля, въ противоположность воззрѣніямъ Маккіавелли. Онъ сравниваетъ отношенія короля къ его подданнымъ и къ цѣлому государству, съ отношеніями головы къ отдѣльнымъ членамъ человѣческаго тѣла. Какъ голова смотритъ, думаетъ, соображаетъ и заставляетъ всѣ другіе органы дѣйствовать для пользы всего организма, такъ и король, первый между всѣми гражданами, заботясь объ общемъ благосостояніи и процвѣтаніи всего государства, обязанъ, сообразно съ этой цѣлью, направлять и дѣятельность своихъ подданныхъ.

Фридрихъ II какъ и Петръ Великій раздѣлялъ убѣжденіе, что не народъ созданъ для правительственной власти, а напротивъ, правительство создано для народа. Этотъ принципъ былъ еще весьма необычайный въ половинѣ XVIII ст. въ Европѣ.

Фридрихъ Великій и держался строго этого принципа въ теченіе всего своего правленія, не отступая тѣмъ не менѣе ни на шагъ отъ завѣщанной ему его предшественниками политической программы. Но слѣдуя этой программѣ, онъ неизбѣжно, какъ мы видѣли, впадалъ въ рѣзкое противорѣчіе съ просвѣтительными идеями вѣка; отсюда его двойственная роль, отсюда вся двуличность его политической дѣятельности.

Фридрихъ Великій на самомъ себѣ испыталъ, еще будучи наслѣдникомъ престола, всю тягость желѣзной, неукротимой воли монарха-отца, діаметрально, какъ мы видѣли, расходившагося съ сыномъ въ своемъ міровоззрѣніи.

Умъ его, воля, характеръ уже съ молодости закалены были въ суровой школѣ тяжелыхъ испытаній и неумолимой дисциплины. Эта суровая школа, выпавшая на долю молодаго Фридриха, не поколебала въ немъ ни энергіи, ни страсти къ кипучей дѣятельности, ни любви къ просвѣщенію, напротивъ, она заставила его еще глубже вникнуть въ свое призваніе, въ тѣ серьезныя, неотложныя задачи, которыя предстояло ему рѣшить, при вступленіи на престолъ; она заставила его, однимъ словомъ, обдумать свое положеніе, какъ монарха могущественной державы и начертать себѣ ясный и опредѣленный планъ дѣйствія.

Взглядъ свой на правителя, на роль, выпавшую на его долю, выразилъ онъ весьма опредѣленно, какъ мы только-что говорили, въ своемъ политическомъ трактатѣ. Фридрихъ Великій только не сознавалъ, что конечные выводы изъ проводимой имъ теоріи о королѣ, какъ первомъ слугѣ своего народа, неизбѣжно приводили его къ конституціонной формѣ правленія. Выводовъ этихъ онъ не дѣлалъ и не могъ дѣлать, оставаясь вѣрнымъ программѣ, начертанной ему его предшественниками, заключавшейся въ упроченіи возникавшаго могущества Пруссіи, въ расширеніи ея внѣшнихъ границъ, въ объединеніи ея внутренняго организма, путемъ необходимыхъ реформъ, наконецъ, въ предоставленіи ей первенствующаго мѣста въ концертѣ европейскихъ державъ.

Эту программу и возможно было выполнить только, слѣдуя строгой системѣ диктатуры правительства, унаслѣдованной Фридрихомъ II отъ его предшественниковъ, диктатуры надъ

всѣми отправленіями государственной и общественной жизни, столь-же еще необходимой для Пруссіи въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія, какъ она была полезна для Франціи во второй половинѣ XVII столѣтія. Я намѣренно останавливаюсь на характерѣ выпавшей на долю Фридриха политической программы, такъ какъ только усвоивъ ее, и можно себѣ правильно объяснить кажущееся на первый взглядъ противорѣчіе между его взглядами и его дѣйствіями, противорѣчіе, которое, если мы уяснимъ себѣ внимательно двойственность его роли, становится намъ само собою вполнѣ понятнымъ.

Въ молодости своей восторженный послѣдователь либеральныхъ и гуманныхъ идей французской просвѣтительной литературы, Фридрихъ II, вступивъ на престолъ, оказывается на практикѣ такимъ же абсолютистомъ, какъ и его предшественники, для которыхъ, разумѣется, эта двойственность не существовала, такъ какъ они принадлежали къ другой эпохѣ, далеко не проникнутой просвѣтительными идеями прошлаго столѣтія.

Мы увидимъ, что Фридрихъ II, сохраняя въ сущности чисто диктаторскую власть и слѣдуя той-же системѣ государственнаго абсолютизма, которая такъ послѣдовательно проведена была въ Пруссіи его предшественниками, тѣмъ не менѣе сознавалъ, что эта система, пока еще являвшаяся необходимою, доживаетъ, такъ сказать, свой вѣкъ, что она уже не болѣе какъ переходная ступень къ другой системѣ и что преемники его будутъ силою вещей вынуждены отъ нея отказаться.

Установивъ эту общую точку зрѣнія на политическую дѣятельность Фридриха Великаго, мы можемъ перейти къ предпринятымъ имъ реформамъ.

Съ рѣдкою энергіею, съ неутомимымъ рвеніемъ приступилъ Фридрихъ II къ внутреннему обновленію Пруссіи, стремясь провести на практикѣ идеи о государственной власти, заимствованныя имъ изъ французской просвѣтительной литературы. Эти идеи онъ самъ изложилъ въ своемъ „Anti-Machiavelli". Цѣль государства, пишетъ онъ, есть достиженіе общаго блага, общаго благоденствія; монархія-же есть результатъ перенесенія народомъ на монарха высшей власти, но не для того, чтобы рабски ему служить, а чтобы имѣть

въ немъ защитника права и справедливости, карателя неправды, блюстителя законовъ, источникъ общаго благоденствія. Отсюда вытекало и слѣдствіе: король являлся по этой теоріи ничѣмъ инымъ, какъ только первымъ слугою своихъ подданныхъ. Это была теорія Фридриха II, это былъ теоретическій взглядъ его на предстоявшую ему задачу, взглядъ который онъ передъ смертью изложилъ въ подробной запискѣ одному изъ своихъ министровъ. Посмотримъ теперь какъ примѣнилъ онъ этотъ взглядъ на практикѣ и на сколько онъ отступилъ отъ него въ теченіе своего многолѣтняго правленія.

Въ маѣ 1740 г. умеръ его отецъ—Фридрихъ-Вильгельмъ I. Этотъ годъ ознаменовался въ исторіи прошлаго столѣтія въ Европѣ, какъ годъ, въ которомъ сошли со сцены три могущественныхъ монарха, а именно: въ маѣ 1740 г. умеръ Фридрихъ Вильгельмъ I, въ октябрѣ того же года умираютъ императрица Анна Іоанновна и германскій императоръ Карлъ VI.

Вступивъ на отцовскій престолъ, молодой король заявилъ, что онъ будетъ управлять Пруссіею самостоятельно и что личные его интересы вполнѣ совпадаютъ съ интересами государства; тамъ же, гдѣ они будутъ находиться въ противорѣчіи, онъ всегда будетъ отдавать предпочтеніе интересамъ государственнымъ.

Съ жаромъ и энергіею принялся Фридрихъ II разъѣзжать по провинціямъ своего королевства, вездѣ старался онъ вникать въ нужды мѣстнаго населенія, творилъ тутъ же судъ и обнародывалъ свои распоряженія. Этимъ путемъ онъ скоро пріобрѣлъ себѣ общую любовь и уваженіе въ народѣ.

Познакомимся теперь съ его дѣятельностью по внутренней организаціи Пруссіи, прежде чѣмъ перейти къ его внѣшней политикѣ, при разсмотрѣніи которой намъ придется представить картину положенія западно-европейскихъ державъ передъ началомъ такъ называемой „войны за австрійское наслѣдство“ и „семилѣтней войны.“

Собственно говоря Фридрихъ Великій не обладалъ талантомъ организатора. Онъ ограничился лишь внесеніемъ только нѣкоторыхъ незначительныхъ измѣненій и улучшеній въ укоренившуюся еще при его отцѣ въ Пруссіи систему военной организаціи, финансовъ и государственнаго хозяй-

ства. Система эта оказывалась для него удобною, такъ какъ обезпечивала ему опредѣленный контингентъ солдатъ и давала ему возможность разсчитывать на значительный бюджетъ для военныхъ дѣйствій, что для Фридриха II, какъ мы сейчасъ увидимъ, было въ то время крайне необходимо. Эта необходимость для него быть всегда готовымъ къ бою приводила его постоянно къ тому рѣзкому противорѣчію между его идеальными воззрѣніями и его правительственными распоряженіями, на которое мы только что указывали. Такъ, напр., оно ясно выступаетъ въ такомъ серьезномъ вопросѣ, какъ вопросъ о крѣпостныхъ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ господамъ, отношеніяхъ, напоминавшихъ средневѣковую „Hörigkeit". Какъ ни желалъ Фридрихъ II, движимый идеями просвѣтительной литературы, уничтожить эти унизительныя для человѣческаго достоинства отношенія, сколько ни возбуждалось по этому поводу вопросовъ, какимъ образомъ улучшить положеніе бѣдствовавшаго крестьянскаго сословія, все таки, въ концѣ концовъ, все ограничилось палліативными мѣрами, клонившимися къ установленію болѣе правильныхъ отношеній между крестьянами и дворянами-помѣщиками и къ нѣкоторому ограниченію правъ послѣднихъ. Такая серьезная капитальная реформа, которая повлекла-бы за собою коренное измѣненіе сословныхъ отношеній въ странѣ была не мыслима, конечно, въ виду постоянно угрожавшей Пруссіи войны, а за симъ въ теченіе ея стала еще невозможнѣе.

Вся военная организація Пруссіи была главнымъ образомъ основана на этой системѣ. Она поддерживала военную дисциплину въ войскѣ, такъ какъ уже существовавшая, полная зависимость прежнихъ крестьянъ отъ ихъ помѣщиковъ, только еще болѣе упрочивалась и становилась еще болѣе тягостной, когда къ ней присоединялась неумолимая военная дисциплина, подчинявшая прежняго землепашца, нынѣшняго солдата, приказаніямъ бывшаго помѣщика, ставшаго его офицеромъ.

Такимъ-же образомъ и въ вопросахъ народнаго хозяйства часто приходилось Фридриху II для цѣлей чисто военныхъ, вслѣдствіе безпрерывныхъ войнъ, жертвовать интересами промышленности и торговли, страдавшихъ отъ запрещенія

вывоза заграницу разнообразнаго сырья и хлѣбнаго зерна, насильно удерживаемыхъ въ Пруссіи для потребностей войска.

Въ то время еще господствовала въ полной силѣ въ западной Европѣ такъ называемая „меркантильная система" торговли, ставившая, какъ извѣстно, богатство страны въ зависимость отъ количества обращающейся въ ней звонкой монеты. Эта система, слѣдовательно, вполнѣ совпадала съ мѣропріятіями Фридриха II, который для военныхъ приготовленій принужденъ былъ стараться о накопленіи звонкой монеты въ странѣ. Такимъ образомъ прусское правительство и при Фридрихѣ II, какъ и при его предшественникахъ, продолжало туже систему стѣсненія свободы торговли и промышленности; правительственная опека по прежнему продолжалась надъ всѣми отрослями государственной и общественной жизни. И при всемъ этомъ кажущемся сходствѣ между внутреннимъ управленіемъ Фридриха II и управленіемъ его отца, между ними тѣмъ не менѣе существовало громадное коренное различіе, обусловленное кореннымъ различіемъ во взглядахъ и убѣжденіяхъ двухъ эпохъ, различіемъ всего міровоззрѣнія общества въ эти двѣ эпохи.

Сходство между ними было чисто внѣшнее. То, что составляло для его отца завѣтное стремленіе всей его государственной системы, то для Фридриха II являлось уже только необходимымъ, переходнымъ фазисомъ на пути дальнѣйшаго, неизбѣжнаго развитія общества. Сохраняя почти безъ всякихъ измѣненій систему крайняго абсолютизма, завѣщенную ему его отцомъ, такъ какъ она была еще въ то время необходима для Пруссіи, чтобы завершить трудную и сложную задачу ея внутренняго объединенія и упроченія ея внѣшняго могущества, Фридрихъ II въ тоже самое время, сознавая, что эта форма крайняго абсолютизма оказывается уже несвоевременною и должна будетъ рано или поздно уступить свое мѣсто иной системѣ, болѣе соотвѣтствующей новымъ, народившимся потребностямъ времени, всѣми отъ него зависящими мѣрами подготовляетъ своихъ подданныхъ къ иной формѣ правленія; онъ, такъ сказать, заранѣе воспитываетъ ихъ къ политической свободѣ, къ той будущей роли конституціоннаго народа, которую онъ уже тогда предвидѣлъ, подъ вліяніемъ французской просвѣтительной философіи и литературы,

принципами которой онъ былъ еще съ молодости проникнутъ. Подготовка эта выразилась главнымъ образомъ въ дарованіи необыкновенной для того времени свободы цензуры, поражавшей при Фридрихѣ Вильгельмѣ I неумолимою суровостью, убивавшею въ зародышѣ всякую свободную мысль, свободу совѣсти и убѣжденій.

Эта цензура теперь если не была вполнѣ уничтожена, то въ значительной степени ослаблена. Вмѣстѣ съ тѣмъ распространилась въ Пруссіи и широкая вѣротерпимость. Она непосредственно слѣдовала за крайне стѣснительными, запретительными мѣрами его отца, неуклонно преслѣдовавшаго малѣйшее уклоненіе отъ оффиціально признаннаго въ королевствѣ правовѣрія. Фридрихъ II устанавливаетъ строгій контроль за дѣйствіями католической іерархіи въ королевствѣ, освобождаетъ отъ ея опеки государство и частныхъ лицъ и предоставляетъ вопросы религіи полной свободѣ совѣсти каждаго гражданина. Такимъ образомъ вѣротерпимость впервые при Фридрихѣ II становится государственнымъ принципомъ.

Конечно, подобная серьезная либеральная реформа, коренным образомъ измѣнявшая взаимныя отношенія государства къ церкви, къ тому-же появившаяся непосредственно послѣ крайне стѣснительныхъ и запретительныхъ мѣръ правительства, обязательно устанавливавшихъ въ извѣстныхъ рамкахъ и заранѣе опредѣлявшихъ даже религіозныя убѣжденія подданныхъ, не могла не повлечь за собою и весьма крайнихъ послѣдствій. Она отразилась на извѣстной части общества весьма нежелательнымъ образомъ, уничтоживъ въ ней послѣдніе слѣды религіознаго чувства, которое при прежней принудительной системѣ, насильно, противъ воли, должно было высказываться, подъ страхомъ правительственнаго вмѣшательства.

Эта широкая вѣротерпимость, подъ вліяніемъ атеистическихъ и матеріалистическихъ теорій, провозглашенныхъ молодою философскою школою французскихъ энциклопедистовъ, заимствовавшихъ ихъ, какъ мы видѣли, изъ Англіи, конечно, для многихъ имѣла весьма печальныя послѣдствія, обративъ остатокъ религіознаго чувства въ полное безвѣріе и такимъ образомъ окончательно деморализировало современное общество. Но эта система вѣротерпимости имѣла и

хорошія послѣдствія для Пруссіи, выразившіяся въ томъ, что, освободивъ населеніе отъ нравственнаго гнета духовенства, правительство, естественно, должно было забрать въ свои руки и народное образованіе, которое до тѣхъ поръ находилось въ исключительномъ и безконтрольномъ вѣдѣніи духовенства; принуждено было выдвинуть на первый планъ свою систему образованія, сообразную съ потребностями государства и новыми, проникшими въ общественное сознаніе идеями.

Эта реформа народнаго образованія и переходъ его въ руки правительства осуществились, впрочемъ, уже послѣ смерти великаго Фридриха.

Судебная часть въ государствѣ также подверглась значительнымъ реформамъ, въ смыслѣ дарованія большей самостоятельности судебному персоналу, бо̀льшей независимости отъ правительственной опеки. Такимъ образомъ мы теперь можемъ себѣ ясно представить характеръ и значеніе внутренняго управленія Фридриха II и различіе его отъ управленія Фридриха Вильгельма I. Подобно тому какъ правленіе отца Фридриха II и его предшественниковъ составляетъ переходъ отъ разрозненнаго феодальнаго строя къ единству государственному черезъ абсолютную власть, такимъ же образомъ правленіе Фридриха II есть уже прямой переходъ отъ этой абсолютной власти къ позднѣйшей либеральной, конституціонной формѣ правленія.

Переходъ этотъ совершался незамѣтно, путемъ дарованія свободы печати, полной вѣротерпимости, признанія естественныхъ правъ каждаго гражданина.

Вполнѣ же осуществить эти либеральные принципы, повторяемъ, Фридрихъ II не могъ, такъ какъ предстояло еще упрочить внѣшнее могущество Пруссіи, которой грозила постоянная опасность отъ сосѣдей.

Онъ въ дѣйствительности и завоевалъ Пруссіи первенствующее положеніе не только въ Германіи, но и въ Европѣ, потому и значеніе Фридриха Великаго болѣе военное, чѣмъ организаторское.

Мы уже видѣли, что вѣковая политика Бранденбургскаго дома, начиная съ Великаго Курфюрста, политика, которую представители этого дома проводили съ необыкновенною по-

слѣдовательностью, состояла въ округленіи территоріальныхъ владѣній Бранденбургскаго курфюршества и впослѣдствіи— Прусскаго королевства, въ уничтоженіи, по возможности, существовавшей еще въ то время въ самой Пруссіи крайней чрезполосности владѣній, вообще—въ округленіи монархіи.

Уже предшественниками Фридриха Великаго было въ этомъ отношеніи сдѣлано много, но еще больше оставалось сдѣлать.

Оставалось 1) уничтожить чрезполосность между герцогствомъ Прусскимъ и Бранденбургскимъ, т. е. пріобрѣсти земли по лѣвому берегу Вислы; 2) пріобрѣсти земли по лѣвому берегу Рейна—герцогства Юлихъ и Бергъ, на которыя Пруссія претендовала уже съ XVII столѣтія. Послѣднее обстоятельство требуетъ поясненія. Домъ герцоговъ Юлихъ и Бергъ, которымъ принадлежало и герцогство Клеве, графство Маркъ и графство Равенсбергъ, вымеръ въ 1609 г.; явилось шесть претендентовъ на это наслѣдіе, изъ которыхъ сильнѣйшими были курфюрсты Бранденбургскій и Палатинскій; сперва они совмѣстно управляли этимъ наслѣдіемъ, но въ 1666 г. въ силу обоюднаго договора, подѣлили наслѣдіе такимъ образомъ, что Бранденбургъ получилъ области Клеве, Маркъ, Равенсбергъ, а Палатинскій курфюрстъ — области Юлихъ и Бергъ. Съ этого времени, т. е. съ половины XVII ст. Бранденбургъ и не переставалъ предъявлять свои претензіи и на эти два послѣднія герцогства. 3) Предстояло пріобрѣсти 4 княжества въ Силезіи — Гегерндорфъ, Бригъ, Лигницъ и Волау. На эти княжества претендовали Бранденбургскіе курфюрсты потому, что связаны были родственными связями и договорами о наслѣдіи съ княжескими домами этихъ областей, вассальными королей Богеміи. Когда въ 1675 г. вымеръ послѣдній изъ этихъ княжескихъ родовъ, императоръ Леопольдъ, какъ король Богеміи, присоединилъ эти княжества къ своимъ родовымъ землямъ и не призналъ законности притязаній Бранденбургскихъ курфюрстовъ, основанныхъ на договорахъ съ вымершими княжескими родами. Отсюда—вѣчныя недоразумѣнія между Вѣной и Берлиномъ, отсюда—начало несогласія между Габсбургами и Гогенцоллернами, обратившагося къ 40 годамъ XVIII ст. въ явную

вражду. Прусскіе короли всегда встрѣчали со стороны Австріи уклончивые отвѣты на заявляемыя ими права на эти княжества, а Фридрихъ Вильгельмъ I, какъ мы видѣли, долженъ былъ даже сносить по этому поводу весьма оскорбительныя заявленія вѣнскаго кабинета.

Мы видѣли также, что Фридрихъ Вильгельмъ I не рѣшался съ оружіемъ въ рукахъ выступить противъ Габсбурговъ для огражденія своихъ интересовъ.

Онъ и его современники были еще слишкомъ проникнуты уваженіемъ передъ идеею имперіи, носителями которой были въ теченіе вѣковъ Габсбурги; онъ и завѣщалъ своему сыну, Фридриху II, эту оставшуюся имъ невыполненною завѣтную задачу объединенія Пруссіи и вмѣстѣ съ тѣмъ завѣщалъ ему отомстить Австріи за наносимыя ею постоянно оскорбленія маленькому Прусскому королевству, которое она, какъ могущественнѣйшая имперія въ Германіи, отказывалась признавать.

Фридрихъ II эти завѣтныя стремленія и сдѣлалъ главною задачей своей жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ также понималъ, что только оружіемъ можно добиться осуществленія ея и, что только неумолимая диктатура внутри и сильное войско могутъ создать единую Прусскую монархію.

Кромѣ притязаній на упомянутыя области, Гогенцоллерны, какъ мы также видѣли, вполнѣ расходились съ Габсбургами еще и въ самомъ взглядѣ своемъ на задачу монарха. Габсбурги никогда не отступали отъ своего идеала крайняго абсолютизма; но этотъ абсолютизмъ направленъ былъ не на пользу родины, не для спасенія ее отъ средневѣковаго хаоса и приданія ей политическаго могущества, а на собственное тщеславіе. Между тѣмъ Гогенцоллерны, если и держались за эту систему абсолютизма, то только имѣя въ виду благо страны; они смотрѣли на абсолютизмъ, какъ на средство придать ей внутреннее объединеніе и выдающееся мѣсто въ ряду западно-европейскихъ державъ. Отсюда—принципіальное различіе во взглядахъ этихъ двухъ династій на абсолютизмъ, отсюда и необыкновенная популярность и нравственное обаяніе, которыя Фридрихъ II завоевалъ себѣ въ короткое время въ Германіи, открыто выступая въ своей политикѣ защитникомъ нѣмецкаго объединенія и противникомъ

чисто династической политики Габсбурговъ. Къ тому-же Австрія не пользовалась симпатіями въ Германіи, такъ какъ относилась въ высшей степени презрительно къ молодому прусскому королевству, стремившемуся въ то время упрочить свое положеніе въ Германіи.

Но, встрѣчая сочувствіе въ Германіи, Фридрихъ II не могъ разсчитывать на союзниковъ своимъ политическимъ планамъ внѣ ея.

Хотя онъ и симпатизировалъ Франціи и въ особенности исходящимъ изъ нея философскимъ идеямъ просвѣтительной литературы вѣка, тѣмъ не менѣе онъ хорошо понималъ, что Франція никогда не дастъ ему утвердиться на лѣвомъ берегу Рейна, овладѣть которымъ она всегда сама стремилась. На Россію въ то время нельзя было ему разсчитывать потому, что это было время у насъ господства временщиковъ, вносившихъ во внѣшнюю политику Россіи крайнюю неопредѣленность, которая зависѣла отъ случайной симпатіи того или другаго временщика, временно управлявшаго государствомъ, пользуясь расположеніемъ императрицы Анны Іоанновны или регентши Анны Леопольдовны.

Такъ, при всемогущемъ Биронѣ отношенія Россіи къ Пруссіи изъ-за личныхъ симпатій его къ Австріи, были скорѣе натянуты, между тѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ, при Минихѣ, они стали скорѣе дружественными и опять въ 1741 г. при Остерманнѣ, натянутыми.

Оставалась только одна Англія, на которую онъ могъ до нѣкоторой степени разсчитывать, такъ какъ Англія была въ вѣчномъ антагонизмѣ съ Франціей, но и на нее разсчитывать вполнѣ нельзя было.

Фридрихъ II хорошо сознавалъ, что ему приходится для выполненія его широкихъ политическихъ плановъ разсчитывать исключительно на свои собственныя силы, поэтому съ такимъ рвеніемъ и принялся онъ за реорганизацію своего войска.

Почти одновременно со вступленіемъ его на престолъ, представился ему удобный случай объявить Австріи войну, съ цѣлью присоединенія той части Силезіи, которая составляла до сихъ поръ яблоко раздора между Пруссіей и Австріей.

Именно, въ октябрѣ 1740 г. умеръ, какъ мы знаемъ,

императоръ Карлъ VI, а потому Фридрихъ II надѣялся воспользоваться неизбѣжнымъ замѣшательствомъ, которое должно было наступить въ Австріи послѣ его смерти, на основаніи „прагматической санкціи", для того, чтобы энергично и съ оружіемъ въ рукахъ предъявить свои притязанія на Силезію.

Въ силу этой „прагматической санкціи", изданной съ цѣлью упроченія за его домомъ родовыхъ австрійскихъ земель, было постановлено, что если Карлъ VI умретъ, не оставивъ прямаго мужскаго потомства, то императорскій престолъ долженъ былъ перейти къ старшей его дочери. Такимъ образомъ, послѣ Карла VI, не оставившаго мужскаго потомства, вступила на императорскій германскій престолъ его старшая дочь Марія-Терезія (1740—1780), замужемъ за герцогомъ Лотарингскимъ Францомъ.

Еще при жизни Карлъ VI успѣлъ уговорить нѣкоторыхъ курфюрстовъ избрать себѣ императоромъ послѣ его смерти его зятя, этого герцога Лотарингскаго, Франца. Онъ и умеръ спокойно, вовсе не предчувствуя той политической бури, которая надвигалась на имперію и которая немедленно послѣ его смерти разразилась надъ Австріей, вовлекши ее въ тяжкія, продолжительныя войны.

Въ лицѣ Маріи Терезіи Габсбургскій домъ снова возрождается въ необычайномъ блескѣ, давно уже имъ утраченномъ. Эта молодая, но въ высшей степени энергичная и умная женщина съумѣла вдохнуть новую жизнь въ разлагавшійся организмъ Австрійской монархіи, съумѣла мудрыми реформами, по крайней мѣрѣ на время, поддержать и продлить ея существованіе и выйти побѣдительницею изъ трудныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ ея вступленіе на императорскій престолъ. Какъ бы преднамѣренно судьба выставила Фридриху II вполнѣ достойнаго ему соперника, не уступавшаго ему, хотя и женщина, въ талантѣ и даровитости, въ энергіи и рѣшимости прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ, для спасенія монархіи отъ гибели. И дѣйствительно, Марія Терезія вступала на отцовскій престолъ при трудныхъ обстоятельствахъ.

Имперія была страшно разорена безконечными войнами и непомѣрными налогами, непосильными для обѣднѣвшаго

крестьянскаго сословія; государственная казна была совершенно пуста, войско, нѣкогда прославившееся боевыми подвигами при симпатичномъ принцѣ Евгеніи Савойскомъ, было теперь совершенно разстроено, въ немъ господствовало отсутствіе всякой дисциплины и сознанія военной чести, оно нравственно опустилось, вслѣдствіе цѣлаго ряда неудачныхъ походовъ, подъ начальствомъ бездарныхъ полководцевъ.

И ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединялось еще главное—крайнія сепаративныя стремленія многочисленныхъ, разнообразныхъ въ этнографическомъ отношеніи областей, входящихъ въ составъ Австрійской имперіи, окончательно обезсиливавшія и безъ того разлагающійся организмъ имперіи, могущей существовать только при сплоченности интересовъ всѣхъ ея частей и при строгой государственной централизаціи. Между тѣмъ Австрійская монархія, при вступленіи Маріи Терезіи на престолъ, представляла собою крайне разрозненный государственный организмъ, составныя части котораго вовсе не были органически между собою связаны. И этой слабой, изнемогающей имперіи угрожала не только внутренняя опасность, угрожала ей и крайняя внѣшняя опасность—война съ исконнымъ ея врагомъ, являющимся представителемъ совершенно инаго государственнаго принципа, съ молодымъ прусскимъ королевствомъ, только еще пробивающемъ себѣ путь въ Европѣ.

Это тяжелое положеніе Маріи Терезіи усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что едва только она вступила на престолъ, какъ начались пререканія у нея съ сосѣдними державами, изъ-за нежеланія ихъ признать законность „прагматической санкціи“ Карла VI.

Баварскій курфюрстъ Карлъ Альбрехтъ, который еще въ 1735 г. протестовалъ противъ нея, теперь снова повторилъ свой протестъ, выставляя свои права на Австрію, Венгрію и Богемію, основываясь на брачномъ договорѣ, заключенномъ между Габсбургскимъ и Баварскимъ домомъ еще въ XVI ст. когда Анна, дочь императора Фердинанда I, вступившаго на престолъ въ 1556 г. послѣ отреченія Карла V, выходила замужъ за Баварскаго герцога.

Карлъ Альбрехтъ и утверждалъ, что по этому брачному договору, копія котораго хранилась въ Мюнхенѣ, въ случаѣ

прекращенія прямой мужской линіи въ родѣ Габсбурговъ, всѣ родовыя ихъ земли должны были быть уступлены Баваріи. Послѣдняя находила себѣ поддержку во Франціи, которая тайно и явно противилась избранію мужа Маріи Терезіи, герцога Франца въ императоры, опасаясь присоединенія вновь въ такомъ случаѣ Лотарингіи къ Германіи.

Но прежде чѣмъ приступить къ изложенію внѣшнихъ событій царствованія Маріи Терезіи, намъ необходимо хоть нѣсколько познакомиться съ характерными чертами ея внутренней политики, съ характеромъ ея правленія и съ тѣмъ государственнымъ принципомъ, который она положила въ основаніе своей реформаторской дѣятельности по отношенію къ внутреннему управленію Австріей. Марія Терезія, хотя и была носительницею идеи о необходимости строгой абсолютной власти, тѣмъ не менѣе она, какъ дочь своего вѣка, понимала также, что старыя воззрѣнія на абсолютизмъ монарха уже болѣе не соотвѣтствуютъ потребностямъ и нуждамъ такой разнородной монархіи, какъ Австрія, что эта монархія для того, чтобы устоять противъ сепаративныхъ стремленій отдѣльныхъ національностей, входящихъ въ составъ ея, нуждается прежде всего въ коренныхъ реформахъ, которыя обезпечили-бы ей ея цѣльность и оградила-бы ее, хотя-бы на время, отъ постепеннаго, но неизбѣжно ожидавшаго ее разложенія.

И дѣйствительно, начиная впервые съ Маріи Терезіи, замѣчается во внутренней политикѣ Австріи стремленіе къ централизаціи государственнаго управленія; вмѣстѣ съ тѣмъ весьма энергично подавляются правительствомъ всякія отдѣльныя попытки къ сепаратизму, попытки, высказываемыя въ разное время въ различныхъ частяхъ имперіи, такъ напр. энергично подавляетъ правительство возстанія, вспыхнувшія въ Чехіи въ 1740 году, въ Венгріи и въ другихъ мѣстахъ обширной имперіи, подъ вліяніемъ сепаративныхъ стремленій, шедшихъ въ разрѣзъ съ политикою правительства, исходившею изъ Вѣны. Хотя Марія Терезія и не рѣшилась круто покончить съ національными особенностями и привилегіями отдѣльныхъ народностей, входящихъ въ составъ ея монархіи, она тѣмъ не менѣе оставила за ними лишь чисто номинальную независимость отъ имперіи, лишь блѣдную тѣнь прежней

широкой ихъ самостоятельности, и такимъ образомъ постепенно приготовляла ихъ къ неизбѣжному сліянію съ имперіей. Тогда какъ прежде чуть-ли не каждая отдѣльная провинція обладала собственнымъ управленіемъ, теперь, послѣ предпринятыхъ Маріей Терезіей реформъ, учрежденъ былъ для всѣхъ провинцій имперіи одинъ общій „директоріумъ".

Правительствомъ были предприняты общія для всей имперіи реформы, клонившіяся всѣ къ крайней, небывалой дотолѣ централизаціи, которая въ свою очередь могла, разумѣется, утвердится только при учрежденіи, по примѣру Пруссіи, многочисленной бюрократіи, заполонившей совершенно всѣ отправленія государственнаго организма. Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, выдвигался въ служебной сферѣ совершенно новый принципъ; служба, долголѣтняя опытность, пріобрѣтенная въ канцеляріяхъ, брали верхъ надъ родовитостью и прежними широкими привилегіями отдѣльныхъ знаменитыхъ своимъ происхожденіемъ фамильныхъ родовъ старой Австріи; выступалъ на служебное поприще совершенно новый для Австріи типъ—правительственнаго чиновника,

Правительство Маріи Терезіи не ограничилось только этими сторонами государственной жизни, для проявленія своей кипучей дѣятельности; оно начало вмѣшиваться и въ религіозные вопросы, которые до того времени въ Австріи оставались въ исключительномъ вѣдѣніи католическаго духовенства и на нихъ теперь стало сказываться вліяніе правительства, стремившагося, хотя и не всегда успѣшно, какъ мы сейчасъ увидимъ, все централизировать, все привести къ общей, обязательной зависимости отъ центральнаго управленія. Германская имперія какъ бы ожила на время подъ вліяніемъ этихъ широко проведенныхъ реформъ. Вліяніе ихъ на всю германскую жизнь, на всѣ отправленія ея было громадное, хотя они скоро и были прерваны войною. И между тѣмъ различіе между принципами, которыми руководились эти двѣ готовыя выступить другъ противъ друга державы—Австрія и Пруссія, было громадное.

Все, что связано было со старымъ порядкомъ вещей въ Германіи, съ вѣковыми традиціями старины, все, что доро-

жило принципомъ разъединенія, все что придерживалось сепаративныхъ стремленій, сословныхъ и корпоративныхъ привилегій, все это группировалось вокругъ Австріи и въ ней искало себѣ защиты. Въ этомъ отношеніи попытки Маріи Терезіи создать единую монархію изъ крайне разъединенной Австріи не увѣнчались успѣхомъ и во всякомъ случаѣ были слишкомъ непродолжительны, будучи прерваны наступившей войною; эти реформы медленно пробивали себѣ путь, идя параллельно съ внѣшними событіями до самой смерти Маріи Терезіи въ 1780 г.

Такимъ образомъ на сторонѣ Австріи оказались крупное и мелкое дворянство въ Германіи, не желавшее лишиться своихъ сословныхъ привилегій, города съ ихъ самоуправленіемъ, не потерявшемъ еще отчасти своего средневѣковаго характера, католическое духовенство со своими стремленіями къ отдѣленію отъ свѣтской власти; на сторонѣ-же Австріи были и всѣ тѣ, которые стояли за древнія, уже давно отжившія свой вѣкъ учрежденія и формы, за Reichstag, за Reichskammergericht и тому подобныя, вѣками существовавшія установленія.

Все-же юное, свѣжее, живое, все что стремилось въ Германіи къ выдающейся политической роли, всѣ эти элементы всѣми своими симпатіями примыкали къ юному Прусскому королевству, ожидая отъ него возрожденія Германіи, нравственнаго ея обновленія.

Отсюда глубокая причина неизбѣжнаго антагонизма между Австріей и Пруссіей, между этими представителями двухъ противоположныхъ принциповъ. На этомъ антагонизмѣ и сосредоточивается весь интересъ политическихъ событій въ Западной Европѣ во второй половинѣ XVIII столѣтія. Начало этого антагонизма относится къ 1740 г., прекратился-же онъ только на поляхъ Садова и Кёниггреца въ 1866 году.

Марія Терезія стояла во главѣ государства, которое въ теченіе столѣтій было первенствующею державою въ Европѣ, а съ Вестфальскаго мира утратило всякое значеніе.

Вдохнуть новую жизнь въ этотъ одряхлѣвшій организмъ Марія Терезія не могла, она могла только продлить его существованіе и на время избавить его отъ разложенія; пере-

строить-же все зданіе государственнаго механизма, начиная съ основанія, она была не въ состояніи, она слишкомъ благоговѣла для этого передъ вѣковыми традиціями старины.

Напротивъ, Фридрихъ II стоялъ во главѣ совершенно юнаго государства, которое въ противоположность Австріи должно было себѣ еще создать свою исторію и прочное политическое положеніе въ Европѣ.

Самый ходъ историческихъ событій, какъ мы видимъ, приводилъ Австрію и Пруссію къ неизбѣжному антагонизму.

Австрія не могла уже болѣе ко второй половинѣ прошлаго столѣтія являться представительницею всей Германіи; она силою вещей должна была уступить это мѣсто Пруссіи; но чтобы его занять, чтобы явиться на высотѣ выпадавшей на ея долю задачи, Пруссія должна была еще предварительно завоевать себѣ подобающее ей значеніе въ самой Германіи, округливъ свою территорію на счетъ Австріи и такимъ образомъ, ослабивъ значеніе и уменьшивъ ея обаяніе въ Европѣ; послѣ чего только и могла Пруссія приступить къ внутреннему переустройству Германіи. Такимъ образомъ мы выяснили взаимное положеніе обѣихъ воинствующихъ державъ наканунѣ разрыва и внутреннее, историческое его значеніе.

Намъ необходимо было выяснить внутреннее значеніе этой возникавшей борьбы между Австріей и Пруссіей, такъ какъ отъ уясненія его себѣ зависитъ пониманіе и всей послѣдующей исторіи Германіи во второмъ періодѣ нашего курса, т. е. съ 40 годовъ XVIII столѣтія.

Мы можемъ теперь обратиться къ внѣшнимъ событіямъ царствованія Маріи Терезіи и Фридриха II и передать вкратцѣ ходъ военныхъ событій въ теченіе двухъ войнъ—„за австрійское наслѣдство“ и „семилѣтней войны“.

При самомъ вступленіи Маріи Терезіи на престолъ, начались одновременно замѣшательства во внѣшней политикѣ Австріи на востокѣ и на западѣ.

Намъ нужно разсмотрѣть ихъ отдѣльно. Мы уже говорили, что первый протестъ противъ законности „прагматической санкціи“ былъ высказанъ баварскимъ курфюрстомъ Карломъ Альбрехтомъ, требовавшимъ возврата себѣ родовыхъ

австрійскихъ земель, основывая свои претензіи на томъ, что онъ, какъ намъ извѣстно, происходилъ отъ Анны, дочери императора Фердинанда I.

Этотъ курфюрстъ Карлъ Альбрехтъ былъ женатъ на Маріи Амаліи, младшей дочери императора Іосифа I (1705—1711), но при вступленіи въ бракъ, онъ отказался, за себя и за жену, отъ всякихъ правъ на наслѣдство австрійскихъ земель.

Его мать Анна, выходя замужъ за баварскаго наслѣднаго курфюрста Альбрехта (впослѣдствіи герцога Альбрехта V), тоже формально отказалась отъ всякихъ правъ на австрійское наслѣдіе, но Карлъ Альбрехтъ все-таки поддерживалъ свои притязанія на него, основываясь на разногласіи, вкравшемся въ оффиціальный текстъ двухъ экземпляровъ этого отреченія, именно: мюнхенскаго и вѣнскаго. Въ вѣнскомъ текстѣ было сказано, что отреченіе теряетъ силу, въ случаѣ прекращенія вообще законныхъ наслѣдниковъ (eheliche Leibeserben); въ мюнхенскомъ же текстѣ было выражено, что отреченіе отъ австрійскаго наслѣдія теряетъ силу, только въ случаѣ „прекращенія мужскаго потомства"—(des männlichen Stammes) въ габсбургскомъ домѣ.

На этомъ разногласіи и опираясь на мюнхенскій текстъ отреченія и основывалъ свои претензіи Карлъ Альбрехтъ и требовалъ возвращенія дому Виттельсбаховъ родовыхъ австрійскихъ земель.

Онъ еще въ 1735 г. протестовалъ противъ законности прагматической санкціи вмѣстѣ съ другими Виттельсбахами—курфюрстами кёльнскимъ и пфальцскимъ, но тогда онъ ни въ комъ не нашелъ себѣ поддержки.

Этотъ спорный вопросъ переданъ былъ на разсмотрѣніе Reichskammergericht'a.

Онъ такъ бы и теперь остался не разрѣшеннымъ, какъ и въ 1735 г., если бы обстоятельства ко времени вступленія на престолъ Маріи Терезіи не измѣнились въ благопріятномъ для курфюрста баварскаго смыслѣ. Именно, его поддерживали теперь Франція и Испанія, разсчитывая выиграть отъ вмѣшательства въ этотъ чисто династическій вопросъ габсбургскаго дома.

Во Франціи все еще жива была завѣтная антигабсбург-

ская политика, она не могла до сихъ поръ отрѣшиться отъ точки зрѣнія на Австрію, усвоенной Европою еще въ XVI ст., тогда когда она еще была на апогеи своей славы. Мы знаемъ, что министръ Людовика XV Флёри, какъ ни была миролюбива его политика, смотрѣлъ тѣми-же глазами на Австрію. И теперь Франція опасалась главнымъ образомъ того, чтобы мужъ Маріи Терезіи Францъ, бывшій до 1736 г. герцогомъ лотарингскимъ, сдѣлавшись императоромъ, не отнялъ-бы у Франціи Лотарингіи и не препятствовалъ-бы ей вообще въ ея поступательномъ движеніи на Рейнѣ и въ Нидерландахъ.

На этихъ основаніяхъ Франціи желательнѣе была кандидатура на императорскій престолъ какого либо другаго лица, только не Франца лотарингскаго.

Притязанія-же, выраженныя баварскимъ курфюрстомъ на австрійское наслѣдіе, служили для Франціи весьма удобнымъ предлогомъ, чтобы вмѣшаться въ возникшія между нимъ и габсбургскимъ домомъ недоразумѣнія и тѣмъ помѣшать утвержденію нежелательнаго для нея кандидата на императорскомъ престолѣ.

Испанія-же находила для себя удобнымъ поддерживать притязанія Виттельсбаховъ противъ Австріи потому, что вторая жена короля Филиппа V, тщеславная и высокомѣрная Елисавета Пармская, изъ фамиліи Фарнезе, уже добившись для старшаго своего сына Неаполя и Сициліи, домогалась для втораго своего сына еще другихъ земель въ Италіи, принадлежавшихъ Австріи. Такимъ образомъ и Испанія была заинтересована въ ослабленіи габсбургской династіи и потому тоже пользовалась возникшими недоразумѣніями, чтобы предъявить свои притязанія на нѣкоторыя области въ Италіи, именно на Тоскану, Парму и Піаченцу.

Кромѣ Франціи и Испаніи въ этомъ спорѣ приняли теперь участіе всѣ тѣ европейскія державы, которыя желали увеличить свою территорію на счетъ Австріи.

Такъ, напримѣръ, курфюрстъ саксонскій Августъ III надѣялся при помощи Франціи присоединить къ своимъ владѣніямъ Моравію. Король Сардиніи добивался Милана и. т. д.

Всѣ эти державы заключили между собою союзъ, скрѣпивъ его договоромъ въ Нимфенбургѣ, заключенномъ 18-го мая 1741 года.

Союзъ этотъ состоялъ изъ слѣдующихъ державъ: Баваріи, Франціи, Испаніи, Саксоніи и Сардиніи. Цѣлью этого союза было раздѣленіе Австріи, отнятіе у нея тѣхъ областей, на которыя каждая изъ этихъ державъ заявляла, какъ мы видѣли, претензіи, и возведеніе на императорскій престолъ баварскаго курфюрста Карла Альбрехта.

Чтобы вознаградить Францію за эту поддержку, Карлъ Альбрехтъ обязался, когда будетъ императоромъ, не требовать обратно отъ Франціи Лотарингіи и не препятствовать ея завоеваніямъ на Рейнѣ и въ австрійскихъ Нидерландахъ. Для того, чтобы отвлечь Россію отъ союза съ Австріей, къ которому она при всемогущемъ Остерманнѣ явно склонялась, Франція направила противъ нея Швецію, которая въ августѣ 1741 г. объявила ей войну и такимъ образомъ отвлекла Россію отъ политическихъ событій, совершавшихся въ западной Европѣ.

Благодаря этой искусной политикѣ Франціи, Австрія была совершенно изолирована въ Европѣ; впослѣдствіи мы увидимъ, что Фридрихъ II скоро примкнулъ къ образовавшейся противъ нея коалиціи.

Но прежде намъ нужно вкратцѣ передать событія, предшествовавшія его присоединенію къ коалиціи противъ Австріи. Немедленно-же, послѣ вступленія Маріи Терезіи на престолъ, Фридрихъ II, какъ мы знаемъ, предъявилъ свои притязанія на четыре силезскихъ княжества и тѣмъ вновь возбудилъ тотъ споръ, который столѣтіями длился между Гогенцоллернами и Габсбургами.

Въ подкрѣпленіе своихъ требованій, Фридрихъ II выдвинулъ свои войска къ силезской границѣ. Когда-же вѣнскій кабинетъ отвѣтилъ ему отказомъ, то, не теряя времени, въ декабрѣ 1740 г. онъ занялъ сѣверную Силезію; такимъ образомъ началась, такъ называемая, „первая силезская война".

Прусское войско находилось подъ начальствомъ двухъ ветерановъ прусской арміи, сподвижниковъ еще Фридриха Вильгельма I—генераловъ Шверина и Леопольда Дессаускаго.

Австрія, не ожидавшая такой быстроты дѣйствія отъ Пруссіи, наскоро сформировала войско, которое поручила неспособному генералу Нейпергу.

Рѣшительное сраженіе произошло при городѣ Мальвицѣ

(на югѣ отъ Бреславля) въ апрѣлѣ 1741 г.; оно кончилось совершеннымъ пораженіемъ австрійскаго войска; послѣ чего Фридрихъ II занялъ большую часть верхней и нижней Силезіи.

Этотъ неожиданный, блестящій успѣхъ Фридриха II поразилъ всю Европу, до тѣхъ поръ съ нѣкоторымъ презрѣніемъ относившуюся къ молодому прусскому королевству.

Послѣ мальвицкаго сраженія, Франція предложила Фридриху II примкнуть къ образовавшейся коалиціи противъ Австріи.

Кстати сказать, она считала себя вполнѣ въ правѣ не признавать „прагматической санкціи" Карла VI и поддерживать баварскаго курфюрста, опираясь на оговорку, сдѣланную ею въ актѣ признанія этой „санкціи". Тамъ было сказано, что Франція признаетъ „прагматическую санкцію" только „не въ обиду третьему лицу". Теперь-же, въ виду протеста баварскаго курфюрста, она считала себя въ правѣ не признавать и самой „прагматической санкціи".

Фридрихъ II долго колебался примкнуть къ коалиціи. Онъ опасался возбужденія обще-европейской войны, а главное—боялся утратить свое обаяніе въ Германіи, если въ союзѣ съ иностранными державами выступитъ противъ Австріи, и имперіи, съ которыми Германія все-таки чувствовала себя исторически связанною.

Но положеніе, принятое Англіею по отношенію къ коалиціи, заключенный ею союзъ съ Австріей, съ цѣлью противодѣйствія Испаніи и Франціи въ возникшей у нея войнѣ съ Испаніей въ 1739 г. изъ-за американскихъ ея колоній, въ правленіе англійскаго короля Георга II, при его министрѣ Вальполѣ, заставили Фридриха II, чтобы не остаться самому изолированнымъ въ Европѣ, согласиться на предложеніе Франціи и примкнуть въ ноябрѣ 1741 г. къ Нимфенбургскому договору, съ обязательствомъ поддержать кандидатуру баварскаго курфюрста на императорскій престолъ, взамѣнъ чего ему обѣщали присоединеніе къ прусскому королевству нижней Силезіи.

При такихъ политическихъ сплетеніяхъ началась война за „австрійское наслѣдство", т. е. за императорскій престолъ въ Германіи, сдѣлавшійся спорнымъ послѣ смерти Карла VI,

на основаніи различно комментировавшейся его „прагматической санкціи“.

Война эта продолжалась съ 1741—1748 годъ.

Франція продолжала до сихъ поръ дѣйствовать дипломатическими переговорами на вступившія въ коалицію державы, не объявляя формально войны Австріи.

Она и теперь, подъ предлогомъ поддержанія только кандидатуры баварскаго курфюрста Карла Альбрехта на императорскій престолъ, выдвинула свои войска черезъ Рейнъ; тѣмъ не менѣе Франція войны не объявила.

Сформировано было два войска, одно направлено было въ Баварію и вмѣстѣ съ курфюрстомъ Карломъ Альбрехтомъ прошло Пассау и Линцъ, направляясь къ Вѣнѣ; другое вмѣстѣ съ саксонцами вступило въ Богемію.

Въ этомъ походѣ высказалась вся неспособность Карла Альбрехта; вмѣсто того, чтобы, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, идти прямо на Вѣну, отъ Линца онъ повернулъ въ Богемію, торопясь въ Прагу, для своей коронаціи чешскою короною, а засимъ отправился во Франкфуртъ, чтобы тамъ принять императорскую корону.

Фридрихъ II между тѣмъ занялъ остальную Силезію и Моравію. Такимъ образомъ Марія Терезія лишена была совершенно внезапно почти всѣхъ родовыхъ своихъ земель, кромѣ Венгріи, нижней Австріи, Каринтіи, Крайны и Штиріи.

Баварскій курфюрстъ заявилъ теперь притязанія на верхнюю Австрію, Тироль, Богемію и область Бресгау; Франція—на Бельгію; Испанія—на Ломбардію, Парму, Піаченцу и Мантуу; Саксонія—на верхнюю Силезію и Моравію; Сардинія—на Миланское герцогство.

Не смотря на свое критическое положеніе Марія Терезія не лишилась присутствія духа.

Какъ женщина, въ высшей степени энергичная и смѣлая, она рѣшилась прибѣгнуть къ послѣднему средству, оставшемуся въ ея распоряженіи. Она рѣшилась воззвать къ патріотизму венгерской націи, всегда ненавидѣвшей иностранное вліяніе.

Она явилась въ Пресбургъ на сеймъ въ венгерскомъ національномъ костюмѣ съ младенцемъ, своимъ сыномъ

Іосифомъ на рукахъ, и умоляла венгерцевъ заступиться за нее и за будущаго императора и венгерскаго короля.

Венгерскіе патріоты приняли ее съ восторгомъ, привѣтствовали ее криками: „vivat Maria Theresia rex“ и поклялись своею жизнью отстоять цѣлость ея монархіи.

Марія Терезія обѣщала за это расширеніе правъ магнатовъ надъ крестьянскимъ сословіемъ. Вся Венгрія охвачена была порывомъ единодушнаго патріотизма.

Венгерскіе магнаты въ короткое время успѣли вооружить всю страну и даже очистить отъ французовъ и баварцевъ всю Австрію: они проникли въ самую Баварію и тѣмъ принудили курфюрста Карла Альбрехта, который въ это время праздновалъ свою коронацію во Франкфуртѣ, оставаться въ свитѣ маршала Бель-Иль, подъ прикрытіемъ французскаго войска.

Австрійское войско готово уже было двинуться далѣе за Рейнъ, но ему угрожала опасность съ тылу, отъ Фридриха II. Поэтому явилась для Австріи необходимость, прежде чѣмъ продолжать военныя дѣйствія противъ коалиціи, отвлечь отъ нея Пруссію, самаго опаснаго ея соперника. Переговоры съ Пруссіей у Австріи начались при посредствѣ Англіи; они повели къ желательнымъ для Австріи результатамъ. Фридрихъ II отказался отъ союза съ Баваріей и Франціей, съ тѣмъ, чтобы Австрія признала за нимъ занятую его войсками часть Силезіи. Этотъ миръ между Австріей и Пруссіей состоялся въ Бреславлѣ въ 1742 г.

По этому миру Пруссія пріобрѣла всю верхнюю и нижнюю Силезію, за исключеніемъ нѣкоторыхъ небольшихъ графствъ, составляющихъ ту часть Силезіи, которая и теперь принадлежитъ Австріи.

Фридрихъ II хорошо понималъ, что Бреславскій миръ — не болѣе какъ перемиріе, на которое была вынуждена Австрія для того, чтобы ослабить коалицію и сосредоточить свои силы въ Баваріи. Онъ понималъ, что какъ только Марія Терезія нѣсколько справится съ коалиціей, она не замедлитъ вновь возбудить войну противъ Пруссіи, чтобы отобрать у нея тѣ области, которыхъ она лишилась по Бреславскому миру. Въ дѣйствительности, такъ и случилось, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ промежутокъ между первою и второю Силезскою войною Фридрихъ II произвелъ существенныя реформы въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ, съ цѣлью слить ихъ въ административномъ отношеніи съ Прусскимъ королевствомъ и такимъ образомъ объединить свою монархію. Онъ встрѣченъ былъ весьма сочувственно населеніемъ Силезіи, по вѣроисповѣданію преимущественно католическимъ, смотрѣвшимъ на него, какъ на избавителя отъ гнета и притѣсненій католическаго духовенства.

Теперь предстояло Австріи послѣ Бреславскаго мира выгнать изъ Богеміи войска французовъ и баварцевъ. Французское войско подъ начальствомъ маршала Бель-Иль совершило весьма искусное отступленіе къ Майну и Рейну и такимъ образомъ очистило Богемію.

Вѣсть о пораженіи французскаго оружія отчасти свела въ могилу министра Людовика XV, кардинала Флери, который теперь, болѣе чѣмъ когда либо жалѣлъ о томъ, что не воспротивился объявленію пагубной для Франціи войны, ничего ей не принесшей, кромѣ вреда и позора.

Къ несчастью для Франціи, какъ мы знаемъ, послѣ смерти Флери ея внутренняя и внѣшняя политика перешли въ руки недостойныхъ и бездарныхъ фаворитовъ и приближенныхъ короля и его всесильныхъ любовницъ. Къ концу 1742 г. всѣ родовыя земли Габсбургскаго дома были вновь очищены отъ непріятеля. Въ слѣдующемъ, 1743 г. Марія Терезія короновалась въ Прагѣ.

Она нашла себѣ ревностнаго союзника въ лицѣ англійскаго короля Георга II, который по наущенію парламента, желавшаго вредить Франціи и Испаніи, давалъ большія денежныя субсидіи на содержаніе войска, которое вербовалось изъ англійскихъ и нѣмецкихъ наемниковъ. Это войско получило названіе „прагматическаго войска“, потому что должно было содѣйствовать приведенію въ исполненіе постановленій прагматической санкціи.

Послѣ коронаціи въ Прагѣ, Марія Терезія вернулась въ Вѣну.

Кромѣ Англіи къ Австріи присоединились теперь еще Саксонія и Сардинія, которыя, какъ незначительныя державы, постоянно переходили то на одну, то на другую сто-

рону, сообразуясь съ тѣмъ, что для нихъ въ данную минуту было выгоднѣе въ политическомъ отношеніи.

Сардинія, такимъ образомъ, получила теперь отъ Австріи добровольно то, чего она надѣялась прежде добиться черезъ коалицію, а именно, она получила часть австрійскихъ владѣній въ Миланскомъ герцогствѣ.

Политикою же Саксоніи въ это время руководилъ извѣстный дипломатъ—графъ Брюль, ненавидѣвшій Фридриха II. Онъ поспѣшилъ заключить союзъ съ Австріей, обѣщая помогать ей отнять у Пруссіи Силезію, за что Австрія должна была вознаградить Саксонію въ территоріальномъ отношеніи.

Прагматическое войско оттѣснило между тѣмъ французовъ за Рейнъ. Война становилась общеевропейскою.

Франція до сихъ поръ дѣйствовавшая тайно, объявила наконецъ въ 1744 г. войну Австріи.

Въ союзѣ съ Австріей были теперь Англія, Саксонія и Сардинія. Фридрихъ II, предвидя неизбѣжность объявленія ему войны со стороны Маріи Терезіи, предупредилъ ее и вступилъ съ своими войсками въ Богемію, объявляя, что онъ заступается за императора Карла VII, лишеннаго родовыхъ земель; такъ началась вторая Силезская война въ 1744 году.

Фридрихъ II быстрыми переходами прошелъ черезъ всю Богемію, неожиданно взялъ Прагу и намѣревался уже идти на Вѣну. Въ это время французское войско перешло черезъ Рейнъ и помогло Карлу Альбрехту очистить Баварію отъ австрійскихъ войскъ и возвратиться въ Мюнхенъ. Но тутъ политическія обстоятельства неожиданно измѣнились.

Карлъ Альбрехтъ скоропостижно умеръ въ 1745 г. Его сынъ—Максимиліанъ Іосифъ обладалъ совершенно другимъ характеромъ. Онъ понималъ, что отецъ его предпринялъ совершенно безполезную борьбу съ Австріей, борьбу, имѣвшую результатомъ разореніе его родовыхъ баварскихъ земель. Поэтому поспѣшилъ онъ, при помощи Англіи, помириться съ Австріей.

Заключенъ былъ между Баваріей и Австріей договоръ въ 1745 г. По этому Фюссенскому договору Максимиліанъ Іосифъ отказывался за себя и за своихъ наслѣдниковъ отъ всякихъ притязаній на австрійскія родовыя земли и обѣщалъ при выборѣ императора дать свой голосъ въ пользу герцога Лота-

рингскаго, мужа Маріи Терезіи, за что взамѣнъ получалъ онъ отъ нея свои родовыя баварскія земли.

Австрія надѣялась теперь легко справиться съ Пруссіей и Франціей, но вышло иначе. Она двинула свои войска въ Богемію, чтобы оттѣснить оттуда прусское войско, а засимъ отнять и Силезію у Пруссіи.

Австрійское войско было гораздо многочисленнѣе прусскаго, но послѣднее было подъ начальствомъ военныхъ геніевъ—генераловъ-ветерановъ изъ суровой школы Фридриха Вильгельма I—Винтерфельда, Шверина, принца Дессаускаго, Фердинанда Брауншвейгскаго и Цитена. Прусское войско совершало чудеса въ военномъ дѣлѣ. Оно скоро заняло всю Саксонію и овладѣло Дрезденомъ, послѣ кровопролитной битвы при Кессельдорфѣ.

Тогда Марія Терезія должна была сознаться, что она не въ силахъ далѣе бороться съ Пруссіей.

Заключенъ былъ, при посредствѣ Англіи, миръ въ Дрезденѣ въ 1745 г., закончившій вторую Силезскую войну. По Дрезденскому миру за Пруссіей были утверждены пріобрѣтенныя ею области по Бреславскому миру, кромѣ того она получила еще небольшое графство Глацъ и отъ Саксоніи—одинъ милліонъ талеровъ военной контрибуціи. Съ своей стороны Фридрихъ II призналъ императоромъ Германіи—Франца, только что избраннаго. Оставалось теперь покончить съ Франціей.

Французскія войска находились тогда въ нынѣшней Бельгіи, (составлявшей тогда Австрійскія Нидерланды), подъ начальствомъ знаменитаго военачальника—Морица Саксонскаго. Онъ былъ незаконнорожденный сынъ Августа III, короля польскаго. Противъ него стояло союзное австрійско-англійское войско. Произошелъ рядъ сраженій, окончившійся блестящими побѣдами французовъ при Фонтенуа, Року и др.

Морицъ Саксонскій завоевалъ всю нынѣшнюю Бельгію и подошелъ къ границамъ Голландіи.

При приближеніи французскихъ войскъ къ Голландіи, произошелъ въ ней переворотъ, послѣ котораго возведенъ былъ въ санъ штатгальтера Генеральныхъ штатовъ Вильгельмъ IV изъ дома Нассау-Оранскаго, родственникъ Вильгельма III Оранскаго, бывшаго впослѣдствіи, какъ мы знаемъ, англійскимъ королемъ. Санъ штатгальтера былъ даже объяв-

ленъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ. Предшествующая исторія Генеральныхъ штатовъ намъ отчасти извѣстна, я къ ней потому здѣсь болѣе не возвращаюсь.

Война между Франціей и Англіей продолжалась и на сушѣ и на морѣ, гдѣ скоро французскій флотъ былъ совершенно истребленъ. За то на сушѣ французы продолжали одерживать блестящія побѣды.

Морицъ Саксонскій взялъ сильную крѣпость Мастрихъ, послѣ чего обѣ воюющія стороны, крайне утомленныя продолжительною войною, стали склоняться къ мирнымъ переговорамъ. Въ это время Россія двинула свои войска къ Рейну; сдѣлала она это потому, что по договору съ Австріей, обѣщала ей помощь. Намъ необходимо изложить здѣсь вкратцѣ ходъ политики Россіи за послѣднее время, предшествовавшее разбираемой нами эпохѣ.

Въ первые годы царствованія Елисаветы Петровны (1741—1761) Россія склонялась на сторону Пруссіи и въ особенности Франціи, подъ вліяніемъ Лестока, подкупленнаго французскимъ золотомъ. Когда-же канцлеру Бестужеву-Рюмину удалось въ 1746 г. доказать Елисаветѣ интриги французскаго двора и склонить ее къ союзу съ Австріей, произошелъ неожиданный переворотъ во внѣшней политикѣ Россіи. Заключенъ былъ съ Австріей и Англіей договоръ, по которому Россія обязалась, по первому требованію союзниковъ, выставить отъ 20 до 40 тыс. войска и отъ 40—50 военныхъ кораблей, за что Англія обязалась заплатить Россіи 100 тыс. фунтовъ стерлинговъ. Въ тайномъ прибавленіи къ этому договору было сказано, что Россія поможетъ Австріи возвратить Силезію.

Англія съ тѣхъ поръ, т. е. съ половины XVIII ст., принимаетъ участіе во всѣхъ войнахъ на континентѣ, но не арміями своими, а капиталами, денежными субсидіями, которыя она выплачиваетъ той или другой изъ воюющихъ сторонъ, сообразуясь съ меркантильными своими выгодами.

Этими денежными субсидіями Англія вліяетъ не только на ходъ войны, но и на заключеніе мира, пріобрѣтая при этомъ всякій разъ немаловажныя выгоды для своего торговаго господства. Съ этого момента Англія начинаетъ играть видную роль въ европейской политикѣ.

Въ концѣ 1746 г. Австрія, основываясь на договорѣ, заключенномъ съ Россіей, обратилась къ ней за помощью; тогда-то Россія и выдвинула до 40 т. войска къ Рейну.

Это неожиданное движеніе русскаго войска и побудило Францію согласиться на миръ съ Австріей, хотя бы и временно для нея невыгодный. Онъ былъ заключенъ въ Ахенѣ въ 1748 г. По этому миру Франція возвратила Англіи всѣ свои завоеванія и обязалась выслать изъ своихъ владѣній скрывающихся на ея территоріи Стюартовъ, и въ замѣнъ получала всѣ земли, отнятыя у нея Англіей въ американскихъ ея колоніяхъ и въ Индіи. Франція-же потеряла въ этой войнѣ весь свой военный и торговый флотъ, а съ нимъ вмѣстѣ и все свое бывшее морское значеніе и вліяніе въ колоніяхъ. Кромѣ того Англія выгородила себѣ еще по этому миру подтвержденіе одного изъ параграфовъ Утрехтскаго мира—объ исключительномъ правѣ Англіи на торговлю неграми въ испанскихъ колоніяхъ.

По Ахенскому миру 1748 г. Австрія признала за Испанско-Бурбонскимъ принцемъ Филиппомъ Парму и Піаченцу, (гдѣ въ то время вымеръ домъ Фарнезе). за Пруссіей—верхнюю и нижнюю Силезію; Сардиніи была уступлена Австріей часть Миланскаго герцогства; Баварія и Саксонія ничего не пріобрѣли по этому миру.

Такъ кончилась война „за австрійское наслѣдство“, война, какъ мы видѣли, сначала чисто локальная, со временемъ обратившаяся въ общеевропейскую, охватившую всю Европу въ теченіе восьми лѣтъ. Изложивъ вкратцѣ внѣшнія событія начала царствованія Фридриха II и Маріи Терезіи, мы можемъ теперь вернуться къ предпринятымъ ими реформамъ государственнаго управленія.

Фридрихъ Великій и Марія Терезія понимали всю непрочность Ахенскаго мира, а потому главное вниманіе обращали каждый у себя на преобразованіе внутренняго управленія страны и, главнымъ образомъ, финансовъ, которые были, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Австріи, сильно разстроены послѣ продолжительной войны.

Въ этомъ отношеніи, въ особенности Фридрихъ II показалъ себя геніальнымъ администраторомъ, хорошо понимающимъ потребности національной промышленности и торговли.

Онъ рядомъ правительственныхъ распоряженій поощрялъ промышленность въ Пруссіи во всѣхъ ея отрасляхъ; открывалъ постоянно новые источники производительности, а для развитія мануфактурной промышленности призывалъ ремесленниковъ отовсюду, нисколько не стѣсняясь ихъ вѣроисповѣданіемъ; такъ, особенно много было вызвано ремесленниковъ изъ Франціи. Благодаря этимъ мѣрамъ, въ особенности стали развиваться въ Пруссіи тѣ отрасли фабричнаго производства, которыя находятъ себѣ примѣненіе въ военное время, какъ-то, производство ружей, литье пушекъ, выдѣлка солдатскаго сукна и аммуниціи.

Онъ обращалъ серьезное вниманіе на строгую экономію въ государственномъ бюджетѣ и проводилъ эту экономію послѣдовательно, начиная отъ своего придворнаго штата, который онъ значительно уменьшилъ въ началѣ своего царствованія.

Совершая постоянныя путешествія внутри страны, онъ старался вникать въ мѣстныя нужды своихъ подданныхъ и въ потребности провинцій. Эти путешествія дали поводъ къ возникновенію безчисленныхъ анекдотовъ, въ которыхъ личность Фридриха II большею частью обрисовывается намъ крайне симпатичною.

Войско, конечно, въ виду постоянно угрожавшей Пруссіи опасности отъ сосѣдей, составляло главный предметъ его заботы. Онъ поддерживалъ въ немъ строгую дисциплину, установившуюся еще при его суровомъ отцѣ, и не переставалъ занимать солдатъ вахтъ-парадами и пробными маневрами.

Но рядомъ съ этимъ Фридрихъ II обращалъ большое вниманіе и на просвѣщеніе страны, на растространеніе въ Пруссіи широкаго народнаго образованія и это образованіе параллельно развивалось на всѣхъ своихъ ступеняхъ. Такъ, рядомъ съ открытіемъ въ большомъ количествѣ народныхъ школъ, Фридрихъ II принялъ подъ особое свое покровительство основанную еще въ началѣ XVIII ст., по мысли Лейбница, Берлинскую академію наукъ. Со всей Европы созывались имъ знаменитые ученые и литераторы въ Берлинъ, который становился такимъ образомъ постепенно умственнымъ центромъ всей Германіи. Фридрихъ II не щадилъ

издержекъ и труда, чтобы окружить себя выдающимися представителями науки и философской мысли и литературными знаменитостями этой блестящей эпохи умственнаго развитія на западѣ.

Президентомъ Берлинской академіи наукъ при немъ назначенъ былъ извѣстный математикъ Maupertuis; при его дворѣ жили нѣкоторое время d'Alembert, Voltaire, La Mettrie, d'Argenton и мн. др. Въ кругу этихъ литераторовъ и ученыхъ отдыхалъ Фридрихъ Великій въ своемъ замкѣ Sans-Souci въ Потсдамѣ отъ занятій государственными дѣлами и отъ своихъ заботъ, направленныхъ на внутреннюю реорганизацію Пруссіи.

Въ этомъ покровительствѣ, оказываемомъ Фридрихомъ Великимъ литературнымъ талантамъ всей Европы, въ его отношеніяхъ къ этимъ мыслителямъ вполнѣ рельефно выразился самый характеръ XVIII ст., этого, по преимуществу, космополитическаго вѣка, въ которомъ не играли и не могли еще играть никакой роли національные интересы.

Фридрихъ Великій преклонялся передъ французскою литературою и философіей; французскій языкъ, французскіе нравы и обычаи завоевали себѣ постепенно первое мѣсто въ Пруссіи въ половинѣ прошлаго столѣтія. На французскомъ языкѣ велись дипломатическія сношенія, велись дебаты въ академіи наукъ. О поднятіи-же общаго умственнаго уровня въ странѣ, о просвѣщеніи массы, о развитіи роднаго нѣмецкаго языка правительство Пруссіи того времени мало заботилось, увлекаясь просвѣтительными, гуманитарными идеями вѣка, возникшими на космополитической почвѣ, чуждой всякой національности, всякаго патріотическаго чувства. Изъ-за блага человѣчества, весьма широко понимаемаго, правители въ XVIII вѣкѣ слишкомъ часто упускали изъ виду родные интересы, интересы своей родины, историческаго и національнаго развитія своего народа. Происходило это, конечно, отъ отсутствія еще въ то время всякаго понятія о національности, о нуждахъ и потребностяхъ отдѣльныхъ народовъ, входящихъ въ составъ общеевропейской семьи, наконецъ, отъ чисто космополитическаго характера просвѣтительной литературы, проповѣдывавшей общія, касающіяся всего человѣчества гуманитарныя и соціальныя положенія,

а не имѣющія въ виду только благо и пользу отдѣльной націи. Только подъ конецъ жизни Фридриха II и то, собственно, независимо отъ него, произошелъ въ этомъ отношеніи переворотъ въ Пруссіи, начало пробуждаться въ ней стремленіе къ національному самосознанію.

Одновременно съ Фридрихомъ II и Марія Терезія въ Австріи воспользовалась наступившимъ въ 1748 г. миромъ, чтобы приступить къ неотложнымъ реформамъ, чтобы приготовиться къ новой, неизбѣжной войнѣ съ Пруссіей.

Всѣ ея старанія направлены были на то, чтобы сплотить воедино этотъ давно уже разлагавшійся организмъ австрійской монархіи, создать войско, для ея защиты, создать и финансы, для проведенія всей своей организаторской дѣятельности. Совѣтниками и помощниками ея въ ея реформахъ были сперва Даунъ, Гаугвицъ и, наконецъ, знаменитый ея министръ Кауницъ.

Ей прежде всего предстояло измѣнить всю систему государственнаго управленія, опиравшуюся при ея предшественникахъ, какъ мы знаемъ, на принципѣ; „divide et impera", на федеративныхъ началахъ, заимствованныхъ еще съ среднихъ вѣковъ и при которыхъ развивались въ имперіи только крайнія сепаративныя стремленія, въ ущербъ цѣльности и сплоченности монархіи. Однимъ словомъ, она хотѣла замѣнить прежнюю династическую связь, связывавшую отдѣльныя части австрійской монархіи—органическою.

Марія Терезія схватилась за систему централизаціи, какъ за послѣдній якорь спасенія Австріи отъ угрожавшаго ей политическаго ничтожества.

Съ этой цѣлью, какъ мы уже упоминали, учредила она въ Вѣнѣ „Directorium"—центральное управленіе для всѣхъ областей, замѣнившее собою прежнія многочисленныя канцеляріи, вѣдавшія отдѣльныя провинціи. Исходя изъ принципа строгой централизаціи, Марія Терезія должна была энергически подавлять всякія попытки къ сепаратизму, обнаруживавшіяся то въ той, то въ другой изъ многочисленныхъ областей ея громадной имперіи; такъ поступила она напр. въ Богеміи; въ Венгріи-же политическій тактъ диктовалъ ей необходимость нѣкоторыхъ уступокъ.

Венгрія всегда дорожила своей самостоятельностью, а

такъ какъ она въ рѣшительную для Маріи Терезіи минуту оказала ей весьма полезныя услуги, то и явилась для Маріи Терезіи необходимость нѣсколько измѣнить по отношенію къ ней свою систему строгой централизаціи. Но въ сущности, это измѣненіе сводилось только къ болѣе осторожному проведенію этой системы въ Венгріи, сравнительно съ другими областями имперіи. Она продолжала признавать за Мадьярами нѣкоторую тѣнь самостоятельности, постепенно со временемъ утратившуюся. Одинъ Тироль сохранилъ долѣе другихъ областей свою самостоятельность и свое самоуправленіе.

И по отношенію къ составу своего придворнаго штата, къ занятію высшихъ правительственныхъ должностей, Марія Терезія совершенно измѣнила господствовавшее прежде воззрѣніе. До нея одна только родовая аристократія имѣла доступъ ко двору и къ высшимъ должностямъ въ имперіи; теперь-же ко двору стали привлекаться таланты и дарованія, независимо отъ происхожденія и родовитости лица.

Матеріальное положеніе низшаго класса тоже обращало на себя серьезное вниманіе правительства Маріи Терезіи.

Духовенство при ней пользовалось вообще гораздо меньшимъ вліяніемъ, чѣмъ прежде, утративъ совершенно вліяніе на внутреннія дѣла имперіи. Въ религіозномъ отношеніи Марія Терезія строго держалась принципа католическаго единовѣрія; отсюда вытекало у нея недопущеніе вѣротерпимости, она строго преслѣдовала протестантовъ и только вліяніемъ Кауница можно объяснить отмѣну указа объ изгнаніи изъ имперіи евреевъ и указъ объ удаленіи іезуитовъ.

Въ финансахъ имперіи былъ введенъ большой порядокъ. учреждены многочисленныя казенныя монополіи, которыя въ то время считались весьма полезными; фабричная промышленность находила поддержку въ правительствѣ; впервые введены въ Австріи кредитные билеты и лотерейные займы. Въ военномъ отношеніи предпринята была серьезная мѣра: установлена была такъ называемая „военная граница". Населеніе Кроаціи вдоль турецкой границы обязано было вплоть до самой Трансильваніи выставлять во всякое время, въ мирное и военное, 18 полковъ конницы, охраняющихъ эту границу и содержащихъ себя на свой счетъ.

Въ законодательномъ отношеніи царствованіе Маріи Те-

резіи важно тѣмъ, что большая часть законовъ, дѣйствовавшихъ въ Австрійской имперіи до самаго послѣдняго времени, обнародована была еще въ то время.

Переходя къ внѣшней ея политикѣ, намъ необходимо припомнить то положеніе, въ которомъ поставлена была Австрія по отношенію къ Германіи, послѣ Ахенскаго мира 1748 года.

Намъ извѣстно, что Пруссія вырвала изъ рукъ Австріи гегемонію въ Германіи; мало того, она отняла у нея одну изъ лучшихъ ея областей—Силезію. Отсюда—естественная ненависть Маріи Терезіи къ Пруссіи, ненависть, сильно поддерживаемая въ ней ея министромъ, талантливымъ Кауницомъ. Марія Терезія все не могла свыкнуться съ мыслью о потери Силезіи. Но чтобы возвратить себѣ эту область отъ Пруссіи, ей необходимы были союзники. Кауницъ и рѣшился, въ виду крайняго положенія Австріи по отношенію къ Пруссіи, отрѣшиться отъ вѣковыхъ политическихъ преданій Австріи, которая съ XV ст. постоянно враждовала съ Франціей и такимъ образомъ уговорилъ Марію Терезію заключить союзъ съ Франціей.

Его дипломатическій планъ заключался въ томъ, чтобы убѣдить Францію въ необходимости союза съ Австріей, чтобы сообща противиться усиливающемуся значенію Пруссіи въ Германіи, постепенно захватывавшей себѣ гегемонію, которая до нея въ теченіе столѣтій принадлежала Австріи.

Съ этой цѣлью онъ сталъ дѣйствовать на тогдашняго посланника Франціи при Габсбургскомъ дворѣ, Шуазеля, впослѣдствіи министра Людовика XV, въ послѣдніе годы его царствованія, желая заставить его присоединиться къ этому плану, и даже уговорилъ высокомѣрную Марію Терезію написать собственноручное письмо всесильной въ то время маркизѣ Помпадуръ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе обезпечить себѣ союзъ съ Людовикомъ XV.

Съ этимъ дипломатическимъ планомъ отправился Кауницъ въ Парижъ.

Ему дѣйствительно и удалось заключить союзъ съ Франціей.

Онъ и Россію успѣлъ привлечь къ этой коалиціи, заключивъ еще въ 1746 г. между нею и Австріей тайный оборонительный союзъ, вновь подтвержденный въ 1749 г.; усло-

віемъ этого тайнаго договора было данное Россіею обѣщаніе помочь Австріи возвратить ей Силезію и отнять у Фридриха II всѣ его завоеванія, оставивъ ему только прежнее Бранденбургское курфюршество. Къ этому союзу поспѣшилъ присоединиться и министръ Саксоніи, графъ Брюль, всегда ненавидѣвшій Фридриха и опасавшійся его завоевательныхъ плановъ на Саксонію.

Разгорѣвшаяся между Франціей и Англіей война въ Америкѣ (въ 1755 г.) дала весьма удобный поводъ къ осуществленію политическихъ плановъ Кауница и Маріи Терезіи.

Припомнимъ, что еще по Утрехтскому миру 1713 г. Франція уступила Англіи земли въ Сѣверной Америкѣ, именно Акадію; но при размежеваніи между державами пограничныхъ земель, возникли между ними споры, которые и были разрѣшены Ахенскимъ миромъ 1748 года. Изъ-за этихъ-же границъ возникла и теперь война между Англіей и Франціей.

Взаимное положеніе обѣихъ державъ было совершенно различное. У Франціи не было флота, такъ что въ ея интересахъ было перенести театръ военныхъ дѣйствій на континентъ, именно занявъ Ганноверъ, который принадлежалъ Англіи и тѣмъ нанося ей существенный вредъ; Англія-же, наоборотъ, стремилась сосредоточить войну въ американскихъ колоніяхъ и на морѣ, пользуясь превосходствомъ надъ Франціей своихъ морскихъ силъ, зная, что если война перенесена будетъ на континентъ, ей трудно будетъ удержать за собою Ганноверъ.

Это взаимное положеніе Франціи и Англіи заставило ихъ обратиться къ своимъ прежнимъ союзникамъ, въ надеждѣ найти въ нихъ поддержку.

Въ благодарность за помощь, скорѣе за нейтральное положеніе, принятое Англіей во время „войны за австрійское наслѣдство", послѣдняя просила у Австріи выдвинуть свои войска для защиты Ганновера отъ нападенія на него французовъ. На эту просьбу Австрія отвѣтила уклончиво, такъ какъ еще раньше того имѣла тайное соглашеніе съ Франціей дѣйствовать сообща. Франція-же въ свою очередь обратилась съ предложеніями къ Пруссіи, съ просьбою занять Ганноверъ. На это предложеніе и Фридрихъ II отвѣтилъ

тоже уклончиво. Такимъ образомъ прежнія дипломатическія отношенія между державами были разрушены; являлась необходимость въ созданіи новыхъ отношеній, въ заключеніи новыхъ союзовъ и новыхъ дипломатическихъ комбинацій.

Послѣ долгихъ и сложныхъ дипломатическихъ переговоровъ состоялась новая комбинація; образовались совершенно неожиданно два союза изъ государствъ, которыя до тѣхъ поръ относились другъ къ другу скорѣе враждебно; именно, въ 1756 году Англія заключила съ Пруссіей такъ называемой Вестминстерскій договоръ, обязываясь уплатить ей денежную субсидію съ тѣмъ, чтобы Пруссія выдвинула свои войска на защиту Ганновера.

Заключеніе этого неожиданнаго договора заставило и Францію, чтобы обезпечить себя противъ Англіи, заключить въ тотъ-же 1756 г. договоръ съ Австріей (Версальскій договоръ), по которому Австрія должна была поддерживать интересы Франціи на материкѣ, за что послѣдняя обѣщала ей помочь ей возвратить себѣ Силезію. Къ этому послѣднему союзу тотчасъ-же, хотя сначала тайно, присоединилась и Саксонія.

Россія еще раньше уже заключила договоръ съ Австріей и такимъ образомъ противъ Англіи и Пруссіи составилась коалиція изъ Франціи, Россіи, Австріи и Саксоніи. Дипломатическіе переговоры между заключившими коалицію державами велись черезъ Дрезденъ, гдѣ Фридрихъ II имѣлъ подкупныхъ лицъ въ государственной канцеляріи, которыя его извѣщали о всѣхъ фазисахъ этихъ переговоровъ; такимъ образомъ онъ заранѣе зналъ о намѣреніяхъ коалиціи. Фридрихъ Великій видя, что Россія стягиваетъ свои войска на Литовской границѣ, а Австрія—въ Богеміи, рѣшился вступить со своими войсками въ Саксонію и занять Виттенбергъ, Лейпцигъ, Торгау и Дрезденъ, откуда Августъ III бѣжалъ въ Варшаву. Это вступленіе прусскаго войска въ Саксонію принято было коалиціею за объявленіе войны. Такимъ образомъ началась „семилѣтняя война“.

Мужъ Маріи Терезіи, императоръ Францъ I, объявилъ Фридриха II нарушителемъ земскаго мира и произнесъ надъ нимъ такъ называемую „государственную опалу“, на что Фридрихъ II отвѣтилъ обнародованіемъ всей тайной пере-

писки союзниковъ, полученной имъ путемъ подкупа, съ цѣлью доказать, что нарушилъ миръ не онъ, а коалиція, соединившаяся противъ него и Англіи. Обнародованіе всей тайной дипломатической переписки кабинетовъ, начиная съ 1746 года, было крайне для нихъ непріятно; огласилось такимъ образомъ между прочимъ и письмо Маріи Терезіи къ маркизѣ Помпадуръ.

Первымъ дѣломъ Фридриха II, при занятіи Саксоніи, было ввести тамъ прусскую администрацію. Такимъ образомъ онъ по праву завоевателя сталъ собирать съ нея подати и налоги и пользоваться всѣми разнообразными продуктами этой богатой страны. Въ его-же руки перешли и всѣ военные запасы и боевая аммуниція, всѣ провіантскіе магазины, заготовленные для австрійской арміи. Тотъ фактъ, что онъ вступилъ въ Саксонію, не объявляя формально войны коалиціи, давалъ право Францу I императорскимъ манифестомъ обвинить его въ нарушеніи земскаго мира и призвать всю имперію къ оружію противъ него.

Между тѣмъ саксонское войско сильно укрѣпилось въ лагерѣ подъ городомъ Пирна на Эльбѣ, пользуясь выгоднымъ стратегическимъ положеніемъ этого города.

Оно намѣревалось выждать здѣсь прибытія австрійцевъ, чтобы соединенными силами выгнать Фридриха изъ Саксоніи. Но Фридрихъ предупредилъ это сліяніе и недалеко отъ богемской границы разбилъ на голову австрійское войско, находившееся подъ начальствомъ фельдмаршала Брауна. Затѣмъ онъ быстрыми переходами вернулся обратно и окружилъ саксонское войско у города Пирна и принудилъ его къ капитуляціи (1756 г.). Эта побѣда передавала въ его власть всю Саксонію. Плѣнныхъ саксонскихъ солдатъ онъ заставлялъ сражаться въ рядахъ прусскаго войска, но они массами дезертировали.

Мы не имѣемъ возможности здѣсь подробно излагать постепенный ходъ „семилѣтней войны“, мы ограничимся поэтому только самыми выдающимися моментами этой войны. Но прежде всего намъ необходимо выяснить себѣ общій планъ этой войны.

Мы знаемъ, что Австрія желала возвратить себѣ Силезію; остальныя-же державы, заключившія коалицію противъ Прус-

сіи, домогались того, чтобы отнять у Пруссіи всѣ пріобрѣтенныя ею области, обративъ ее въ территоріальномъ отношеніи въ прежнее Бранденбургское курфюршество. Такимъ образомъ намъ становится понятнымъ самый ходъ войны, ходъ, который сталъ необходимъ, для приведенія въ исполненіе предполагаемаго плана компаніи. Сообразно съ этимъ планомъ въ теченіе всей войны то пруссаки, выгнанные изъ Саксоніи и Силезіи, должны были ограничиться защитою Бранденбурга, то Фридрихъ II, наоборотъ, снова занималъ Саксонію и Силезію,

Мы видѣли, что война началась весьма удачно для Фридриха, такъ какъ онъ къ концу 1756 г. владѣлъ уже всей Саксоніей. Тѣмъ временемъ Австрія и Франція успѣли привлечь къ коалиціи еще одну державу—Швецію, которая надѣялась этимъ путемъ пріобрѣсти обратно Померанію. Такимъ образомъ къ началу 1757 г. Фридрихъ II оказался совершенно изолированнымъ въ самой даже Германіи, которая вся, за исключеніемъ только Ганновера, Брауншвейга и Гессенъ-Касселя, объявила ему войну. Онъ раздѣлилъ все свое войско на три арміи. Первую армію онъ отправилъ на Рейнъ задержать наступательное движеніе французовъ; вторую армію, состоявшую только изъ 20.000 чел., онъ выслалъ на восточную границу противъ русскихъ и шведовъ, а самъ во главѣ третьей, самой многочисленной арміи, предполагалъ перейти изъ Саксоніи въ Богемію; дѣлалъ онъ это съ цѣлью избѣжать для только-что завоеванной имъ Саксоніи разоренія отъ военныхъ постоевъ и бѣдствій военнаго времени; кромѣ того онъ могъ такимъ образомъ продовольствовать свои войска на счетъ враждебной страны.

Разсмотримъ дѣйствія каждой изъ этихъ армій отдѣльно. Восточная армія, посланная противъ русскихъ и шведовъ, находилась подъ начальствомъ генерала Левальда. Недалеко отъ Кёнигсберга эта армія встрѣтилась съ русскими войсками, подъ командою Апраксина. Пруссаки были совершенно разбиты при деревнѣ Гроссгегерндорфъ весною 1757 года.

Эта побѣда русскихъ была одержана главнымъ образомъ благодаря ихъ храбрости и численному ихъ превосходству надъ пруссаками, но она-же обнаружила и полную несостоя-

тельность бездарнаго Апраксина (*), который не съумѣлъ воспользоваться этой побѣдой и не воспрепятствовалъ отступленію пруссаковъ на Кёнигсбергъ, гдѣ они сейчасъ-же снова укрѣпились. На западной границѣ противъ французовъ дѣйствовало союзное прусско-англійское войско, подъ начальствомъ герцога Кумберлендскаго. Французами-же командовалъ маршалъ Субизъ. Ему удалось одержать побѣду надъ союзнымъ войскомъ и заставить даже Кумберленда подписать „Севенскую капитуляцію", по которой онъ долженъ былъ очистить Ганноверъ и отказаться отъ союза съ Фридрихомъ II.

За то самъ Фридрихъ въ Богеміи дѣйствовалъ удачнѣе. Онъ въ короткое время одержалъ побѣду надъ австрійцами подъ Прагой, хотя самой Праги онъ все-таки взять не могъ. Эта побѣда стоила ему дорого; въ битвѣ при Прагѣ палъ храбрый его генералъ Шверинъ. Однако почти одновременно прусское войско было въ свою очередь разбито при городѣ Коллинѣ, къ востоку отъ Праги, австрійскимъ фельдмаршаломъ Дауномъ. Это пораженіе имѣло такое сильное вліяніе на Фридриха, что, какъ это видно изъ сохранившихся его записокъ, онъ даже думалъ одно время посягнуть на свою жизнь.

Преслѣдуемый австрійскими войсками, онъ отступилъ изъ Богеміи въ верхнюю Лузацію. Такимъ образомъ къ ноябрю 1757 г. Фридрихъ былъ разбитъ на всѣхъ пунктахъ. Но благодаря своему военному генію, онъ скоро успѣлъ снова одержать верхъ надъ коалиціей.

Онъ рѣшился неожиданнымъ нападеніемъ на французское войско маршала Субиза, находившееся въ то время въ Саксоніи, разрушить всѣ планы коалиціи. При Росбахѣ, (къ западу отъ Лейпцига), онъ дѣйствительно одержалъ надъ Субизомъ блестящую побѣду. Современники разсказываютъ, что въ лагерѣ французовъ, послѣ того какъ они его покинули, найдена была масса предметовъ утонченной роскоши. Маршалъ Субизъ имѣлъ обыкновеніе выступать въ походъ съ громадною, блестящею свитою, окруженный всѣми предметами роскоши. Время проводилъ онъ въ лагерѣ весьма

(*) См. записки Болотова въ „Русской старинѣ".

весело, въ пирушкахъ и попойкахъ, не предвидя такого неожиданнаго нападенія со стороны пруссаковъ.

Вмѣстѣ съ французами разбита была и часть имперскаго войска; остальная часть, плохо дисциплинированная, подъ впечатлѣніемъ всеобщей паники, дезертировала массами и возбуждала ненависть мѣстнаго населенія своими грабежами и безчинствами. Эта побѣда при Росбахѣ имѣла для Фридриха Великаго громадное значеніе, не только матеріальное, но и чисто нравственное. Общественное мнѣніе въ Германіи стало смотрѣть на Фридриха II послѣ этой побѣды, какъ на дѣйствительнаго представителя ея національныхъ интересовъ, могущаго ее объединить и спасти отъ иностраннаго вліянія.

Обаяніе и престижъ Фридриха Великаго послѣ этой побѣды распространился далеко за предѣлы Германіи; и въ Англіи и въ самой Франціи стали смотрѣть на него, какъ на военнаго генія и могущественнаго монарха Германіи; за то нравственное вліяніе Австріи сильно поколебалось.

Вскорѣ послѣ сраженія при Росбахѣ Фридрихъ разбилъ еще австрійцевъ при Лейтенѣ, недалеко отъ Бреславля и совершенно очистилъ Силезію отъ непріятелей. Такимъ образомъ къ концу 1757 г. взаимное положеніе воюющихъ сторонъ было совершенно тоже, что и въ началѣ „семилѣтней войны", а именно: Саксонія была въ рукахъ пруссаковъ, Силезія очищена отъ австрійцевъ. Русскіе, одержавъ побѣду при Гроссгегерндорфѣ, не съумѣли ею воспользоваться, а шведы были разбиты Левальдомъ. Между тѣмъ въ Англіи въ эту эпоху руководилъ внѣшнею политикою знаменитый Вилліамъ Питтъ Старшій, впослѣдствіи лордъ Чатамъ (1708 — 1778), одинъ изъ величайшихъ государственныхъ людей XVIII столѣтія. Онъ понималъ, что для сохраненія могущества и господства Англіи на морѣ нужно всѣми силами стремиться ослабить морскія силы ея соперницы Франціи.

Чтобы достигнуть этого, онъ успѣлъ, благодаря своему рѣдкому краснорѣчію, убѣдить парламентъ въ необходимости увеличить денежную субсидію, выдаваемую Англіей Пруссіи, какъ врагу Франціи, на военныя потребности. Это обстоятельство, конечно, было очень выгодно Фридриху II. Кромѣ того Англія объявила „Севенскій договоръ", заключенный, какъ мы знаемъ, Кумберлендомъ, не дѣйствитель-

нымъ и выслало довольно значительное войско на континентъ въ распоряженіе Фридриха.

Сформировано было новое союзное англо-прусское войско которое Фридрихъ поручилъ командованію одного изъ лучшихъ полководцевъ своего времени — Фердинанду Брауншвейгскому. Ему поручено было отбросить французовъ за Рейнъ, что онъ и исполнилъ въ половинѣ 1758 г.

Чтобы изложить дальнѣйшій ходъ „семилѣтней войны", намъ необходимо теперь вкратцѣ представить отношенія Пруссіи къ Россіи въ эту эпоху.

При дворѣ императрицы Елисаветы Петровны существовали въ то время двѣ партіи. Одна изъ нихъ, состоящая изъ приближенныхъ императрицы, держала сторону Австріи и стремилась потому къ поддержанію съ нею союза. Другая партія, такъ называемая „малаго двора", т. е. двора наслѣдника престола и его супруги Вел. Кн. Екатерины, желала, напротивъ, союза съ Пруссіей, такъ какъ Петръ III, еще будучи наслѣдникомъ и впослѣдствіи императоромъ, всегда, какъ извѣстно, благоговѣлъ передъ Фридрихомъ Великимъ и дорожилъ дарованнымъ ему королемъ прусскимъ чиномъ въ прусской арміи больше, чѣмъ своею короною. Бывшій же тогда канцлеръ Россіи, Бестужевъ-Рюминъ, лавировалъ между этими двумя партіями, стараясь подлаживаться то подъ ту, то подъ другую изъ нихъ, сообразуясь съ временною для него выгодою.

Такъ, сначала уговаривалъ онъ Елисавету держаться союза съ Австріей, какъ лучшаго средства оградить Россію отъ пагубнаго для нея усиленія Пруссіи; одновременно при „маломъ дворѣ", у наслѣдника престола, онъ разыгрывалъ роль яраго приверженца Пруссіи, зная крайнее пристрастіе наслѣдника къ Фридриху II и надѣясь тѣмъ расположить его къ себѣ, на случай скорой смерти Елисаветы Петровны. Какъ разъ во время похода Апраксина въ Пруссію, кончившагося такъ неудачно, Елисавета Петровна до того сильно заболѣла, что стали даже опасаться за ея жизнь.

Бестужевъ-Рюминъ, въ ожиданіи скорой кончины императрицы, послалъ немедленно Апраксину приказаніе вернуться обратно, подъ совершенно ложнымъ предлогомъ, будто бы недостатка въ провіантѣ.

Но тутъ Бестужевъ жестоко ошибся въ своихъ своекорыстныхъ разсчетахъ. Императрица выздоровѣла и узнавъ о постыдномъ отступленіи Апраксина, вызвала его въ Петербургъ и отдала подъ судъ. Самъ Бестужевъ поплатился при этомъ. Слѣдствіе по дѣлу Апраксина выяснило его участіе и его своекорыстные планы; онъ сосланъ былъ въ деревню, въ опалу. Его мѣсто занялъ Воронцовъ, а русское войско снова было послано въ восточную Пруссію, подъ начальствомъ на этотъ разъ Фермора, который немедленно занялъ Кенигсбергъ.

Въ это время Фридрихъ былъ занятъ войною въ Силезіи и Моравіи и потому не могъ помѣшать вторженію русскихъ въ восточную Пруссію. Ферморъ осадилъ весьма важную въ стратегическомъ отношеніи крѣпость на рѣкѣ Одерѣ, Кюстринъ, и занялъ уже предмѣстья города, но тутъ подоспѣлъ на помощь Фридрихъ II изъ Моравіи и въ августѣ 1758 г. разбилъ русское войско при Цорндорфѣ, около Кюстрина, но понесъ при этомъ громадныя потери. Ферморъ удалился на зимнія квартиры въ Познань, а тѣмъ временемъ Фридрихъ выгналъ австрійцевъ изъ Силезіи и Саксоніи; тѣмъ не менѣе положеніе Фридриха оставалось весьма критическимъ. Денегъ въ казнѣ совершенно не было; войско его значительно убывало съ каждымъ походомъ; страна была раззорена непосильными налогами и нищетою, всегда быстро слѣдующею за бѣдствіями войны и ко всему этому враги его собирались нанести ему послѣдній рѣшительный ударъ.

Франція выставила войско, вдвое сильнѣе прежняго и собиралась снова перейти черезъ Рейнъ, а Елисавета Петровна, желая загладить тяжелое для нея воспоминаніе о пораженіи русскихъ войскъ при Цорндорфѣ, выслала новое войско, подъ начальствомъ Салтыкова, который разбилъ часть войска Фридриха, желавшаго помѣшать соединенію русскихъ войскъ съ австрійскими. Самъ же Фридрихъ во главѣ большей части своего войска напалъ близъ Франкфурта на Одерѣ на русскихъ при деревнѣ Кунерсдорфѣ (въ августѣ 1759 г.). Уже побѣда явно клонилась на сторону Фридриха, когда внезапное появленіе на полѣ битвы австрійцевъ, подъ начальствомъ Лаудона, рѣшило исходъ битвы въ пользу союзниковъ и пруссаки были совершенно разбиты. Отчаяніе

Фридриха было такъ велико, что онъ даже намѣренно искалъ смерти на полѣ битвы.

Если бы союзники послѣ этой побѣды съумѣли воспользоваться своимъ положеніемъ и не теряя напрасно времени, двинулись бы впередъ, они легко могли бы тогда же овладѣть самимъ Берлиномъ и всѣмъ Бранденбургомъ и Фридриху пришлось бы спасаться въ Саксонію. Но къ его счастью между русскими и австрійцами тотчасъ же послѣ побѣды возникли несогласія и пререканія; каждый полководецъ приписывалъ исключительно себѣ побѣду; они перессорились и разошлись въ разныя стороны, а этимъ временемъ съумѣлъ воспользоваться Фридрихъ.

Въ концѣ 1759 г. Фердинандъ Брауншвейгскій одержалъ верхъ надъ французами, прогнавъ ихъ опять за Рейнъ. Теперь уже Фридрихъ былъ лишенъ части своихъ владѣній. Кенигсбергъ съ восточной Пруссіей находились во власти русскихъ. Чтобы спасти Силезію отъ австрійцевъ, Фридрихъ напалъ при Лигницѣ, на рѣкѣ Каубахѣ, на Лаудона и разбилъ его на голову и оттѣснилъ австрійцевъ совершенно изъ Силезіи. Въ это время союзное русско-австрійское войско вступило въ Бранденбургъ и Чернышевъ уже занялъ Берлинъ. Союзное войско страшно опустошало родовыя земли Фридриха.

Но тутъ опять помогли ему вѣчныя ссоры между союзниками. Онъ разбилъ Дауна при Торгау въ Саксоніи въ 1760 г. Въ это время въ рукахъ союзниковъ находились уже слѣдующія области: австрійцы заняли часть Саксоніи и Силезіи; собственно Пруссія была занята русскими, а Померанія шведами; французы опять перешли черезъ Рейнъ, а въ Англіи въ это время со смертью Георга II въ 1760 г. и со вступленіемъ на англійскій престолъ Георга III (1760—1820), парламентъ совершенно прекратилъ выдававшуюся до тѣхъ поръ субсидію Пруссіи, что прекратило для Фридриха II послѣдній источникъ дохода, въ такую минуту, когда деньги ему были крайне нужны для продолженія войны. Къ этому еще присоединилось новое затрудненіе. Испанія, заключившая фамильный договоръ съ Франціей объ обоюдной поддержкѣ, объявила теперь, въ 1761 г. войну Пруссіи и послала войско на помощь французамъ на Рейнъ. Сохранив-

шіеся мемуары Фридриха Великаго, относящіеся къ этой эпохѣ, живо описываютъ намъ все его отчаяніе, всю безъисходность его положенія въ 1761 г., когда Силезія окончательно ускользала изъ его рукъ и даже самый Бранденбургъ былъ занятъ русскими войсками. Спасли его изъ этого критическаго положенія только его рѣдкое хладнокровіе и военный геній. Онъ рѣшился воспользоваться всякою, даже малѣйшею ошибкою союзниковъ въ свою пользу.

Братъ Фридриха, принцъ Генрихъ, личность симпатичная и опытный полководецъ, защищалъ въ это время Саксонію, т. е. оставшуюся во власти Фридриха часть ея на западѣ; Фердинандъ Брауншвейгскій стоялъ съ войскомъ противъ французовъ на Рейнѣ, а Фридрихъ самъ находился въ Силезіи, чтобы помѣшать соединенію нашихъ войскъ, подъ начальствомъ Бутурлина, съ австрійскими войсками Лаудона. Къ великому для Фридриха II счастію, въ эту минуту умираетъ Елисавета Петровна и вступаетъ на престолъ Петръ III въ 1762 г.

Первымъ дѣломъ его кратковременнаго правленія было совершенно измѣнить внѣшнюю политику Россіи. Онъ возвратилъ всѣ завоеванія Россіи въ Пруссіи, освободилъ всѣхъ военно-плѣнныхъ пруссаковъ и поспѣшилъ заключить съ Фридрихомъ II оборонительный и наступательный союзъ. Онъ благоговѣлъ передъ нимъ и ввелъ во всемъ въ Россіи прусскіе порядки и въ особенности войско переформировалъ по прусскому образцу. Въ это же время и Швеція отказалась отъ дальнѣйшаго участія въ союзѣ противъ Пруссіи, такъ что послѣдняя могла теперь сосредочить свои силы въ Силезіи и Саксоніи.

Отношенія Россіи къ Пруссіи, впрочемъ, скоро нѣсколько измѣнились, такъ какъ уже въ іюнѣ 1762 г. Екатерина, супруга Петра III, замѣнила его на престолѣ; великая императрица въ теченіе всего своего продолжительнаго и славнаго царствованія имѣла всегда въ виду благо и достоинство Россіи, а не руководствовалась, какъ ея супругъ, исключительно личными симпатіями.

По вступленіи своемъ на престолъ, Екатерина сохранила дружественныя отношенія съ Пруссіей, такъ какъ видѣла въ этомъ пользу для Россіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ отказалась

отъ наступательнаго союза, заключеннаго Петромъ III съ Фридрихомъ, желая сохранить полную самостоятельность въ своей внѣшней политикѣ. Ей необходимо было, по собственному ея заявленію, нѣсколько лѣтъ мира для того, чтобы привести въ порядокъ внутреннія дѣла империи, пришедшія въ большое разстройство при ея предшественникахъ и въ особенности въ эпоху временщиковъ.

Сообразно съ этой новой политикой и Бутурлинъ получилъ приказаніе немедленно возвратиться со своими войсками въ Россію. Фридрихъ II послѣ этого разбилъ еще австрійцевъ при Букерсдорфѣ, братъ его Генрихъ очистилъ Саксонію отъ имперскихъ войскъ, а Фердинандъ Брауншвейгскій отбросилъ французовъ къ Рейну.

Этимъ собственно и окончилась „Семилѣтняя война". Послѣ этихъ событій не было болѣе ни одного значительнаго сраженія; всѣ державы одинаково жаждали мира, а мелкія нѣмецкія княжества уже давно привыкли смотрѣть на Фридриха II, какъ на истаго представителя германскихъ интересовъ, какъ на единственнаго монарха, могущаго объединить Германію и упрочить ей ея положеніе въ Европѣ.

Сама Австрія до того изнурена была продолжительною войною, что тоже не противилась заключенію мира, а другія нѣмецкія государства стремились къ миру потому, что платили во время войны громадныя контрибуціи Пруссіи, на содержаніе ея войска.

Въ концѣ 1762 г. заключено было перемиріе между Пруссіей, Франціей и Австріей, во время котораго велись переговоры, а въ началѣ 1763 г. заключенъ былъ, наконецъ, между Англіей, Франціей и Испаніей „Парижскій миръ" и между Франціей, Австріей и Пруссіей—„Губертсбургскій" (близь Дрездена). По этому миру Фридрихъ получилъ, наконецъ, Силезію и обязался возвратить Саксонію ея законному владѣтелю.

Губертсбургскій миръ упрочилъ политическое положеніе Пруссіи въ Европѣ; она стала первоклассным государствомъ, вліяющимъ на весь ходъ политическихъ событій въ теченіе всего XVIII ст., и вліяніе это все усиливалось до самыхъ наполеоновскихъ войнъ, пріостановившихъ его только на время.

Съ Вѣнскаго же конгресса 1815 г. Пруссія снова высту-

паетъ на первый планъ въ концертѣ европейскихъ державъ. Завершилось это политическое преобладаніе Пруссіи въ Европѣ и ея роль представительницы и объединительницы Германіи только, какъ извѣстно, въ 1870 г.

Намъ теперь слѣдуетъ вернуться къ новому политическому положенію Пруссіи, которое она себѣ завоевала „семилѣтнею войною".

Но прежде еще намъ нужно сказать нѣсколько словъ о морской войнѣ, которая велась одновременно съ этими событіями, между Франціей и Англіей въ американскихъ колоніяхъ и которая имѣла цѣлью со стороны Англіи обезсилить французовъ въ ихъ колоніяхъ.

Театромъ военныхъ дѣйствій была Остъ-Индія и Сѣверная Америка.

Сначала счастіе благопріятствовало Франціи. Французскій флотъ одержалъ верхъ надъ англійскимъ; результатомъ этой побѣды было завоеваніе французами у англичанъ острова Минорки. Это пораженіе англійскаго флота такъ подѣйствовало на общественное мнѣніе въ Англіи, что вызвало даже перемѣну министерства. На политическую арену тогда выступилъ знаменитый Вилліямъ Питтъ старшій. При немъ англійскій флотъ въ свою очередь одержалъ побѣду надъ французами. Англичане завоевали у французовъ въ Америкѣ городъ Квебекъ, всю Канаду и нанесли имъ рядъ пораженій на морѣ. Когда-же, въ силу фамильнаго договора, заключеннаго между Франціей и Испаніей, послѣдняя послала свой флотъ на помощь Франціи, то Англичане и отъ Испаніи отняли многіе Антильскіе острова. Парижскій миръ 1763 года вознаградилъ Англію за всѣ понесенныя ею издержки во время „семилѣтней войны", пріобрѣтеніемъ отъ Франціи въ Америкѣ Канады и отъ Испаніи Флориды, взамѣнъ которой Испанія получила отъ Франціи Луизіану. За то морское могущество Франціи было совершенно уничтожено въ колоніяхъ и перешло тамъ въ руки англичанъ. Такъ кончилась война, веденная не только въ Европѣ, но и въ Америкѣ и въ Остъ-Индіи, война, измѣнившая совершенно международныя отношенія европейскихъ державъ къ началу 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія.

Болѣе всего, конечно пострадала отъ этой войны Германія.

Она стоила ей болѣе 500 милліоновъ таллеровъ и около милліона людей; изъ болѣе мелкихъ нѣмецкихъ государствъ особенно пострадали Саксонія, Ганноверъ, Кассель, Бранденбургъ и Вестфалія.

Современные путешественники разсказываютъ въ своихъ мемуарахъ, что они по цѣлымъ днямъ на пути встрѣчали одни только раззоренныя села и деревни, изъ которыхъ поголовно бѣжало населеніе. Не хватало ни рукъ, ни скота на обработку полей, которыя оставались не обсѣмененными. Особенно пострадали тѣ области, гдѣ стояли на зимнихъ квартирахъ непріятельскіе отряды, которые грабили и расхищали все на своемъ пути и производили всевозможныя насилія надъ мѣстнымъ населеніемъ.

Зато въ политическомъ отношеніи Германія послѣ Губертсбургскаго мира совершенно переродилась. При слабости императорской власти, она со времени Вестфальскаго мира не могла играть выдающейся роли въ Европѣ, постоянно подчиняясь чужеземному вліянію; со временъ Людовика XIV— вліянію Франціи. Теперь-же, послѣ Губертсбургскаго мира, Германія въ лицѣ Фридриха получила могущественнаго представителя, вокругъ котораго она съ тѣхъ поръ и группируется; путемъ побѣдъ выдвинулась Пруссія въ число первоклассныхъ державъ въ Европѣ и могла съ энергіею и достоинствомъ, благодаря своей послѣдовательной національной политикѣ, объединить имперію и заставить въ Европѣ уважать ея политическіе планы, чего Австрія по отношенію къ Германіи никогда не могла достигнуть, такъ какъ всегда руководствовалась чисто династическою политикою.

De jure же Австрія продолжала оставаться главою Германіи, въ ея рукахъ сосредоточивались гегемонія и представительство политическихъ ея интересовъ; отсюда ея антагонизмъ съ Пруссіей, постепенно ее замѣнившей, отсюда и нежеланіе Австріи уступить ей эту гегемонію въ Германіи.

Послѣднимъ актомъ этой борьбы между Австріей и Пруссіей была, какъ мы уже говорили, битва при Кёниггрецѣ въ 1866 году.

Военныя побѣды Фридриха Великаго, его боевая слава и геніальная даровитая натура производили такое обаяніе на всю Германію, что многіе мелкіе князья старались во

всемъ ему подражать, но не обладая его геніальными способностями и его матеріальными силами, могли подражать ему только чисто внѣшнимъ образомъ. Фридрихъ Великій хорошо понималъ, что находится совершенно изолированнымъ среди прочихъ европейскихъ державъ, смотрящихъ на него съ завистью и ожидавшихъ только удобнаго повода, чтобы снова отобрать тѣ области, которыя онъ пріобрѣлъ отъ нихъ путемъ продолжительныхъ, кровопролитныхъ войнъ.

Къ тому-же вступивъ на этотъ путь округленія своей территоріи и объединенія Германіи, Фридрихъ II не могъ остановиться на полъ-дорогѣ. Надо было ему присоединить еще къ Пруссіи и тѣ польскія владѣнія, которыя нѣкогда принадлежали герцогству Прусскому, а ранѣе еще Тевтонскому ордену.

Съ другой стороны и Австрія, только на время, собираясь съ новыми силами, могла успокоиться послѣ потери Силезіи и нетерпѣніе ея снова возвратить себѣ ее, а съ нею и утраченное ею почти совершенно нравственное обаяніе въ Германіи, только еще болѣе усилилось, со вступленіемъ на престолъ Австріи, послѣ смерти Франца I, мужа Маріи Терезіи, императора Іосифа II (1765—1790), сына ея и наслѣдника ея родовыхъ земель, молодаго человѣка, честолюбиваго и высокомѣрнаго, задавшагося обширными политическими планами, клонившимися всѣ къ возстановленію значенія императорскаго Габсбургскаго дома въ прежнемъ его, средневѣковомъ блескѣ и величіи.

Наконецъ, на востокѣ отъ Пруссіи возвышалась третья держава—Россія, которая съ начала XVIII столѣтія шла тѣмъ-же путемъ, какъ и Пруссія, путемъ внѣшнихъ завоеваній и которая, также какъ и Пруссія, не могла остановиться на полдорогѣ.

Вотъ каково было политическое положеніе Пруссіи послѣ Губертсбургскаго мира.

Это положеніе, конечно, не предвѣщало продолжительнаго европейскаго мира и естественно заставляло каждую державу держать себя на готовѣ, чтобы не быть застигнутою въ расплохъ съ той или съ другой стороны.

Естественно также, что и Пруссія и Австрія искали попеременно въ союзѣ съ Россіей поддержки для осуществле-

нія своихъ политическихъ плановъ; естественно также, что такіе союзы и дипломатическія комбинаціи не могли быть продолжительны, а вполнѣ зависѣли отъ случайныхъ обстоятельствъ и отъ болѣе или менѣе общаго стремленія европейскихъ кабинетовъ къ сохраненію политическаго равновѣсія.

Пруссія, какъ мы видѣли, выражала притязанія на часть Польши; Австрія, не имѣя возможности расширить свои владѣнія въ Германіи, смотрѣла на Турцію, какъ на страну, которая могла-бы вознаградить ее за потерю нѣкоторыхъ родовыхъ ея земель; Россія, конечно, имѣла врагами своими и Польшу и Турцію.

Послѣ Губертсбургскаго мира Фридрихъ II, чувствуя свое изолированное положеніе въ Европѣ, принужденъ былъ искать себѣ опоры въ Россіи. Онъ и заключилъ съ Екатериной дружественный союзъ, для охраненія обоюдныхъ владѣній на восемь лѣтъ. Въ договорѣ этомъ, между прочимъ, находилась тайная статья, обязывавшая обѣ державы поддерживать Станислава Понятовскаго въ Польшѣ и охранять неприкосновенность польской конституціи, выгодной для обѣихъ державъ.

Но впослѣдствіи успѣхи нашего оружія въ первую турецкую войну въ 1774 г., побудили Фридриха II, опасавшагося чрезмѣрнаго усиленія Россіи, заключить союзъ съ Іосифомъ II, который недружелюбно смотрѣлъ на наступательное движеніе нашихъ войскъ на Балканскомъ полуостровѣ. Оба монарха видѣлись два раза, именно, въ 1769 г. въ городѣ Нейсѣ въ Силезіи и въ 1770 г. въ Нейштадтѣ въ Моравіи и условились общими силами противодѣйствовать усиленію Россіи.

Намъ слѣдуетъ теперь вернуться къ дѣятельности Фридриха II и Іосифа II, направленной къ внутреннему обновленію Пруссіи и Австріи, совершенно раззоренныхъ и истощенныхъ безпрерывными войнами.

Фридрихъ II, по окончаніи „семилѣтней войны", все вниманіе обращаетъ на улучшеніе крайне бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилась Пруссія, выдержавшая цѣлый рядъ раззорительныхъ войнъ.

Онъ старается поднять совершенно упавшія въ странѣ земледѣліе, торговлю, промышленность фабричную и заводскую и рядомъ съ этими мѣрами, казалось бы обѣщающими

продолжительный миръ, онъ принужденъ обращать серьезное вниманіе и на численное и качественное увеличеніе войска, на его образованіе, до тѣхъ поръ весьма неудовлетворительное, въ особенности офицеровъ; съ этой цѣлью онъ первый учреждаетъ въ Берлинѣ военную академію. Для осуществленія всѣхъ этихъ широкихъ плановъ къ преобразованію Пруссіи и къ экономическому ея обновленію, Фридрихъ II находилъ всегда большое затрудненіе въ отсутствіи нужныхъ для этого капиталовъ, такъ какъ финансы Пруссіи были въ это время въ самомъ плачевномъ положеніи. Чтобы поднять нѣсколько государственный бюджетъ онъ принужденъ былъ создать много правительственныхъ монополій, что опять въ свою очередь дурно отражалось на общемъ экономическомъ бытѣ страны.

Но и положеніе Австріи послѣ „семилѣтней войны" было не лучше. Мы уже говорили о мѣропріятіяхъ Маріи Терезіи, направленныхъ къ организаціи оставшихся у нея родовыхъ земель и о стремленіи ея къ централизаціи имперіи.

Мужъ ея, императоръ Францъ I, человѣкъ весьма благородный, но и весьма безличный, ничего не могъ предпринять рѣшительнаго для возвеличенія Австріи; къ тому-же царствованіе его продолжалось слишкомъ не долго. Признанный императоромъ всей Германіей только Губертсбургскимъ миромъ 1763 г., онъ уже въ 1765 г. умеръ, оставивъ престолъ свой сыну своему Іосифу II.

Іосифу II при вступленіи на престолъ, было только 24 года.

Онъ пользовался общею любовью своихъ подданныхъ, возлагавшихъ на него большія надежды, для обновленія Германіи и возвращенія ей утраченнаго ею могущества.

Іосифъ II былъ съ молодости проникнутъ идеями о величіи монарха, о святости его призванія. Въ его глазахъ монархія и абсолютизмъ монархическій представлялись еще въ ихъ средневѣковомъ блескѣ. Онъ смотрѣлъ на этотъ абсолютизмъ, какъ на конечную цѣль, къ которой слѣдовало ему стремиться, а не какъ на средство даровать Австріи столь нужные ей покой и политическое возрожденіе.

Онъ былъ крайній абсолютистъ, но абсолютистъ по убѣжденію; къ тому же характеръ его былъ крайне настойчивый и упрямый, безъ всякой нравственной выдержки.

Онъ дѣйствовалъ безъ всякаго опредѣленнаго плана, безъ всякой строгой системы, по минутному впечатлѣнію; онъ хотѣлъ немедленнаго результата, а между тѣмъ ничего не дѣлалъ, чтобы обезпечить себѣ этотъ результатъ. Уважая въ чужихъ личныя права и личную самостоятельность, онъ уважалъ ихъ только до тѣхъ поръ, пока эти права не шли въ разрѣзъ съ его абсолютизмомъ; въ противномъ случаѣ, онъ ихъ просто игнорировалъ.

Естественно поэтому, что изъ всѣхъ его стараній на пользу имперіи ничего не вышло; вмѣсто благодарности со стороны подданныхъ, онъ, котораго вначалѣ привѣтствовали съ такими надеждами, пожалъ одну только неблагодарность и даже непріязненное чувство.

До самой своей смерти (1780 г.), Марія Терезія не позволяла ему дѣятельно вмѣшиваться въ управленіе родовыми ея землями, за то тѣмъ ревностнѣе сталъ онъ заниматься имперіей. Онъ не сознавалъ, что его точка зрѣнія на имперію, облеченную въ средневѣковое ея величіе, утратила уже совершенно прежнее свое значеніе и не соотвѣтствовала уже болѣе современнымъ требованіямъ эпохи. Поэтому всѣ его стремленія къ возрожденію имперіи въ давно утраченномъ ею блескѣ и величіи, ничѣмъ не кончились.

Первыя мѣры Іосифа II клонились къ коренному преобразованію суда, къ введенію большей дѣятельности и энергіи въ имперскомъ рейхстагѣ. Всѣ эти попытки къ реформамъ рушились, вслѣдствіе стремленія имперскихъ князей къ партикуляризму. Видя эту неудачу, Іосифъ II возвратился къ прежней, всегдашней политикѣ Габсбурговъ—къ династической политикѣ, къ территоріальному округленію имперіи, съ тѣмъ, чтобы опираясь на свою территоріальную власть, преобразовать имперію по своему плану абсолютиста и возстановить прежнее значеніе и померкшій блескъ императорства. Такимъ образомъ Іосифъ II впадалъ во всегдашнюю роковую ошибку Габсбурговъ, которая съ XV столѣтія влекла ихъ къ антинаціональной, гибельной для имперіи политикѣ.

Онъ прежде всего позаботился объ округленіи своей территоріи въ самой Германіи. Скоро для этого представился удобный случай, когда возникъ вопросъ о престолонаслѣдіи въ Баваріи, послѣ прекращенія въ ней старшей линіи дома

Виттельсбаховъ, въ лицѣ курфюрста Максимиліана Іосифа. Баварскій престолъ, послѣ прекращенія этой старшей линіи Виттельсбаховъ, долженъ былъ перейти къ Палатинской линіи этого дома, въ лицѣ курфюрста Карла. Іосифъ II, подстрекаемый Кауницомъ, желая пріобрѣсти Баварію, заключилъ тайный договоръ съ бездѣтнымъ курфюрстомъ Максиміліаномъ Іосифомъ о завѣщаніи ему баварскаго наслѣдія и получилъ на это завѣщаніе согласіе Палатинскаго курфюрста, конечно, обѣщавъ предварительно тому и другому взамѣнъ большія территоріальныя выгоды. Въ силу этого тайнаго договора, когда въ 1778 г. умеръ бездѣтный Максиміліанъ Іосифъ, Іосифъ II занялъ своими войсками Баварію. Тогда герцогъ Цвейбрюккенскій, представитель младшей линіи Виттельсбаховъ, претендовавшій на баварскій престолъ, по смерти Палатинскаго курфюрста Карла, (который собственно долженъ былъ занять баварскій престолъ послѣ смерти Максиміліана Іосифа), протестовалъ противъ этой окупаціи Баваріи австрійскими войсками. Къ нему присоединились теперь всѣ имперскіе князья, опасаясь, что это только первый шагъ къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ Австріи въ Германіи. Между тѣмъ Іосифъ II хорошо понималъ, что ни германскіе князья, ни наконецъ, Европа никогда не допустятъ, чтобы онъ присоединилъ еще къ имперіи Баварію, поэтому онъ началъ искать защиты у Россіи; такъ какъ въ интересахъ Пруссіи было помѣшать его территоріальной политикѣ, онъ слѣдовательно могъ видѣть въ этой послѣдней только соперницу и врага своихъ политическихъ плановъ.

Россія въ это время дѣйствительно скорѣе склонялась къ союзу съ Австріей; благодаря ея вмѣшательству заключенъ былъ даже между Пруссіей, уже готовой выступить противъ Австріи, и послѣдней, Тешенскій миръ въ 1779 году. Пруссія предварительно двинула свои войска на границу Богеміи, для защиты территоріальныхъ правъ германскихъ князей отъ домогательства на нихъ Австріи.

По Тешенскому миру Австрія должна была на время отказаться отъ Баваріи. Въ 1780 году Іосифъ II пріѣзжалъ даже въ Россію, для свиданія съ Екатериной въ Могилевѣ на Днѣпрѣ.

Между тѣмъ въ 1780 г. умерла Марія Терезія. Іосифъ II,

такимъ образомъ, становился германскимъ императоромъ и обладателемъ всѣхъ родовыхъ габсбургскихъ земель.

По поводу смерти Маріи Терезіи Фридрихъ II писалъ своему послу: „Марія Терезія скончалась, начинается новый порядокъ вещей", выражая тѣмъ свой взглядъ на Іосифа II, отъ котораго онъ ожидалъ совершенно иной политики, не схожей съ политикой его предшественниковъ. Фридрихъ II зорко сталъ слѣдить за Іосифомъ и убѣдился, что онъ все болѣе и болѣе сближается съ Россіей и Франціей, гдѣ сестра его, Марія Антуанетта, была замужемъ за Людовикомъ XVI.

Онъ убѣдился въ томъ, что Іосифъ II не покинулъ своихъ честолюбивыхъ плановъ—расширенія имперіи, разумѣется въ ущербъ Пруссіи и ея вліянію въ Германіи. Онъ сталъ поэтому опасаться уже за свои владѣнія. Эти опасенія скоро оправдались. Въ 1785 г. Іосифъ II снова поднялъ вопросъ о пріобрѣтеніи Баваріи, взамѣнъ которой онъ предлагалъ баварскому курфюрсту австрійскія Нидерланды, подъ именемъ королевства Бургундскаго, земли, приносившія ему мало пользы и много хлопотъ, по своей отдаленности, обѣщая при этомъ добавить ему разницу деньгами.

Но этотъ ловкій планъ Іосифа II не удался. Фридрихъ II напугалъ курфюрста баварскаго войною и принудилъ его отказаться отъ тайнаго союза съ Австріей, а чтобы навсегда предупредить возможность подобныхъ территоріальныхъ захватовъ въ имперіи и частныхъ договоровъ, Фридрихъ II приступилъ къ исполненію давно уже задуманнаго имъ плана, состоявшаго въ учрежденіи союза нѣмецкихъ князей, для охраненія неприкосновенности имперскихъ территорій.

Въ 1785 г. къ этому союзу присоединились Ганноверъ, Саксонія и Бранденбургъ, а затѣмъ уже почти всѣ владѣтельные князья Германіи. Іосифъ II воспользовался этимъ союзомъ, чтобы бросить неблаговидную тѣнь на Фридриха II, стараясь убѣдить германскихъ князей въ стремленіяхъ его захватить всю Германію въ свои руки; но всѣ усилія его остались тщетными; ему не удалось разстроить этого союза, который распался, впрочемъ, скоро послѣ смерти Великаго Фридриха.

Этотъ союзъ—была неудачная попытка къ объединенію Германіи на федеративныхъ основахъ, съ цѣлью противо-

дѣйствія стремленіямъ Австріи къ завоевательной политикѣ по отношенію къ мелкимъ нѣмецкимъ княжествамъ.

Учрежденіе этого союза было послѣднимъ дѣломъ Фридриха II; онъ умеръ въ 1786 году. Ему наслѣдовалъ въ Пруссіи его племянникъ — король Фридрихъ Вильгельмъ II (1786—1797).

Но и Іосифъ II, видя свою неудачу въ разстройствѣ этого союза, который одно время весьма грозилъ Австріи, принужденъ былъ сознаться въ своемъ безсиліи по отношенію къ Германіи, надъ которою Австрія совершенно утратила свое прежнее вліяніе.

Его внутренняя имперская политика была столь-же неудачна результатами, какъ и внѣшняя, въ особенности въ проведеніи судебной реформы. Онъ тогда обратился исключительно къ своимъ родовымъ землямъ. И здѣсь ему не болѣе удалось провести задуманныя имъ реформы. Его всегдашняя запальчивость, отсутствіе всякой выдержки въ характерѣ, всякой опредѣленной системы, мѣшали проведенію реформъ, самихъ по себѣ весьма полезныхъ и даже благодѣтельныхъ для страны.

При своемъ абсолютизмѣ, руководствуясь идеями, заимствованными имъ во Франціи, частью у энциклопедистовъ, частью у физіократовъ, Іосифъ II не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что при проведеніи ихъ въ жизнь, необходима извѣстная послѣдовательность, что результаты задуманныхъ имъ реформъ могутъ проявиться не ранѣе, какъ только черезъ сотни лѣтъ; между тѣмъ онъ въ своемъ нетерпѣніи желалъ немедленно видѣть результаты и не видя ихъ, отчаивался въ проведеніи самихъ реформъ и въ ихъ цѣлесообразности.

Въ этомъ кроилась главная причина малоуспѣшности его реформаторской дѣятельности. Однако, нѣкоторыя изъ его реформъ, хотя и весьма немногія, не потеряли цѣны и значенія и въ настоящее время; а именно, это во-первыхъ, уничтоженіе крѣпостнаго права въ родовыхъ его австрійскихъ земляхъ и во во-вторыхъ, дарованіе равныхъ правъ всѣмъ вѣроисповѣданіямъ — широкая вѣротерпимость, впервые узаконенная въ Австріи. Даже евреи получили при немъ одинаковыя права съ христіанами въ гражданскомъ отношеніи.

Кромѣ того онъ много сдѣлалъ, какъ мы уже упомянули, для развитія внутренней торговли и промышленности страны. Были организованы въ имперіи многочисленныя таможни, увеличены пошлины, измѣнена была самая система взиманія податей и налоговъ—(въ основаніе принята доходность съ движимыхъ и недвижимыхъ имуществъ), и т. д.

Допуская въ принципѣ широкую вѣротерпимость, Іосифъ II по отношенію къ католической церкви предпринялъ нѣсколько важныхъ реформъ; а именно, онъ уничтожилъ много монастырей, секуляризировавъ ихъ имущества, обнародывалъ, что папскія распоряженія въ родовыхъ габсбургскихъ земляхъ только тогда входятъ въ законную силу, когда они утверждены имперскимъ правительствомъ и помышлялъ уже о совершенномъ отдѣленіи австрійской церкви отъ Рима.

Естественно, что подобная самостоятельная церковная политика сильно встревожила римскую курію и папу Климента XIV, а преемникъ его Пій VI даже самъ пріѣзжалъ въ Вѣну въ 1782 г., для личнаго объясненія съ императоромъ, касательно церковной его политики. Іосифъ II принялъ его весьма любезно, давалъ въ честь его блестящія празднества, но о церковной политикѣ не упомянулъ ни слова; такъ и уѣхалъ папа, не добившись никакого результата. Впослѣдствіи, однако, Іосифъ II принужденъ былъ сдѣлать нѣкоторыя уступки Риму.

При проведеніи строгой централизаціи въ имперіи по отношенію къ разнообразнымъ, входящимъ въ составъ ея національностямъ, Іосифъ II при запальчивости своего характера, при своей невыдержкѣ, долженъ былъ неминуемо потерпѣть полную неудачу. Уже Марія Терезія, какъ намъ извѣстно, стремилась къ тому-же и благодаря ея стараніямъ, дѣло уже пошло было успѣшно; такъ, напр., нѣмецкій языкъ становился постепенно господствующимъ языкомъ въ Венгріи, конечно, въ высшихъ слояхъ общества; крутыя же мѣры Іосифа II все испортили. Безъ всякаго политическаго такта сталъ отъ уничтожать всѣ права и привилегіи венгровъ, все ихъ широкое самоуправленіе, къ которому они привыкли въ теченіе столѣтій, и конечно, своими распоряженіями, возбудилъ противъ себя въ странѣ только общее негодованіе и глухую ненависть.

Онъ уничтожилъ даже давно существовавшее административное дѣленіе Венгріи, замѣнивъ его раздѣленіемъ всей страны на округа, и тѣмъ совершенно разрушилъ древнія, освященныя вѣками учрежденія страны, связанныя съ прежнимъ административнымъ дѣленіемъ; онъ объявилъ нѣмецкій языкъ оффиціальнымъ языкомъ въ Венгріи и покушался уже совершенно обезсилить самый венгерскій сеймъ.

Даже и въ церемоніалъ коронаціи венгерскою короною пожелалъ онъ ввести существенное измѣненіе. Вмѣсто того, чтобы, подобно своимъ предшественникамъ, короноваться въ Пештѣ венгерскимъ королемъ, отъ велѣлъ привести венгерскую корону св. Стефана въ Вѣну и тамъ короновался, послѣ чего она была передана на храненіе въ дворцовую сокровищницу.

Такой-же политики, такихъ-же крутыхъ мѣръ держался онъ и въ австрійскихъ Нидерландахъ, уничтоживъ и тамъ послѣдніе слѣды партикуляризма. Результатомъ его стремленій къ крайнему абсолютизму, къ крайней государственной централизаціи было всеобщее броженіе въ Венгріи и возстаніе въ Нидерландахъ.

Нидерланды были заняты австрійскими войсками, но Іосифъ II все-таки принужденъ былъ отказаться отъ всѣхъ своихъ реформъ въ Бельгіи и Венгріи, опасаясь при всеобщемъ броженіи и при единодушномъ возстаніи порабощенныхъ имъ областей, совершенно обезсилить разлагавшійся организмъ австрійской монархіи. Скоро послѣ этого онъ и умеръ въ 1790 г., унося съ собою въ могилу убѣжденіе въ полной несостоятельности и несвоевременности задуманныхъ имъ реформъ на благо имперіи, не смотря на лучшія намѣренія, которыми онъ былъ проникнутъ.

Ему наслѣдовалъ братъ его Леопольдъ II (1790—1792), бывшій до того герцогомъ тосканскимъ.

Онъ принужденъ былъ возвратить Венгріи и Нидерландамъ отнятыя у нихъ Іосифъ II права и сблизиться съ Пруссіей, съ которой Іосифъ II совершенно прекратилъ дружественныя сношенія.

За то широко распространившеюся при немъ сложною системою шпіонства, которою онъ надѣялся противодѣйствовать пробивавшимся въ Австріи идеямъ французской рево-

люціи, онъ успѣлъ въ короткое время убить въ зародышѣ начавшееся при Маріи Терезіи и Іосифѣ II пробужденіе умственнаго развитія общества. Послѣ его смерти на австрійскій престолъ вступилъ сынъ его, императоръ Францъ II въ 1792 г., правленіе котораго уже относится къ періоду революціи и потому не входитъ въ программу нашего настоящаго курса.

Не излагая подробно хода военныхъ событій въ царствованіе Іосифа II, отношеній Австріи къ Россіи и Пруссіи въ эту эпоху и обстоятельствъ, сопровождавшихъ первый и второй раздѣлъ Польши, какъ факты болѣе или менѣе извѣстные и изложеніе которыхъ можно найти въ любомъ учебникѣ, мы переходимъ въ настоящее время къ краткому обзору положенія второстепенныхъ государствъ западной Европы во второй половинѣ XVIII ст., развивавшихся тоже подъ вліяніемъ французской просвѣтительной литературы вѣка.

Вліяніе это, какъ мы уже говорили, было огромное. Оно выработало даже особый типъ государственныхъ людей, стремившихся слить либеральныя воззрѣнія, заимствованныя изъ французской просвѣтительной литературы съ принципами монархическаго абсолютизма.

Въ ихъ дѣятельности, направленной къ общему благу страны, было много гуманнаго, много возвышеннаго, но самый способъ проведенія этихъ идей, этихъ благотворныхъ реформъ былъ крайне деспотиченъ. При томъ, конечно, далеко не всѣ эти государственные дѣятели XVIII ст. были геніальные люди, какъ Екатерина II и Фридрихъ II, а потому и дѣятельность многихъ изъ нихъ скоро пропала безслѣдно.

Эти просвѣтительныя идеи, основанныя на отрицаніи и критикѣ всего существовавшаго государственнаго, церковнаго и общественнаго строя не могли, конечно, не пустить глубокихъ корней преимущественно на югѣ Европы, гдѣ особенно рельефно выступали анормальности государственнаго и общественнаго организма и гдѣ нравственный гнетъ католическаго духовенства особенно сильно давалъ себя чувствовать и въ особенности гнетъ іезуитскаго ордена, столь много сдѣлавшаго для укрѣпленія разлагавшейся уже совершенно католической іерархіи, выступившаго, какъ мы ви-

дѣли, на защиту католической церкви, отъ реформаціонныхъ идей, охватившихъ западную Европу въ половинѣ XVI ст., въ такую минуту, когда эти идеи начали уже проникать въ массу, подкапываясь подъ всѣ основы государственной и политической жизни, остававшіяся до тѣхъ поръ незыблимыми, еще съ среднихъ вѣковъ. Естественно потому, что первый рѣшительный ударъ, нанесенный этимъ новымъ направленіемъ общественной мысли, этими новыми философскими доктринами, направленъ былъ противъ этого всѣми ненавистнаго іезуитскаго ордена, какъ главнаго препятствія на пути развитія общества и индивидуальной независимости отдѣльной личности.

Іезуиты дѣствительно успѣли въ короткое время совершенно поработить цѣлыя поколѣнія папскому авторитету, успѣли проникнуть во всѣ отрасли государственной и общественной жизни и сдѣлались въ католическихъ государствахъ настоящими представителями умственнаго застоя и противниками всякаго умственнаго прогресса.

Они завѣдывали исключительно всѣмъ образованіемъ и воспитаніемъ юношества; какъ духовники католическихъ государей и государственныхъ сановниковъ, они имѣли въ рукахъ своихъ весьма сильное орудіе для своихъ цѣлей; своимъ громаднымъ вліяніемъ при дворахъ они пользовались для того, чтобы интриговать и направлять внутреннюю и внѣшнюю политику страны въ интересахъ папства. Но іезуиты не ограничивались только Европою для своей широкой, плодотворной дѣятельности. Они въ качествѣ миссіонеровъ распространялись по всему свѣту, всюду проповѣдуя свои строго католическія воззрѣнія о безграничномъ авторитетѣ папы. Такимъ образомъ проникли они и въ Китай и въ южную Америку, въ Парагвай; не гнушались они заниматься и торговыми предпріятіями и оборотами, всюду внося свою казуистику, свою ложную мораль, основанную на софизмахъ и на схоластической діалектикѣ.

Все это, конечно, возбуждало противъ іезуитскаго ордена всеобщее негодованіе; всеобщая злоба сдерживалась только до поры до времени. Мы видѣли, что и до XVIII ст., были отдѣльныя попытки, клонившіяся къ уменьшенію его вліянія; возникали религіозныя секты для ожесточенной борьбы

съ нимъ, (какъ напр.: около половины XVII ст.—янсениты), но всѣ эти попытки большею частью кончались въ пользу самихъ іезуитовъ, которые всегда успѣвали во время отразить серьезную для нихъ опасность.

Въ XVIII ст. обстоятельства, способствовавшія укрѣпленію и усиленію іезуитскаго ордена, сильно измѣнились, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка; къ тому же само папство въ это время давно уже утратило свое прежнее, средневѣковое значеніе; во главѣ Европы стояли уже теперь протестантскія государства — Австрія уступала свое мѣсто Пруссіи, Испанія и Португалія—Англіи, Франція—въ теченіе вѣковъ ревностная и могущественная защитница папства, къ XVIII ст. потеряла свое прежнее значеніе; возвышалась на политическомъ горизонтѣ совершенно новая держава—Россія. Намъ и слѣдуетъ теперь разобрать удары, нанесенные іезуитскому ордену и католицизму отдѣльно въ каждомъ изъ западно-европейскихъ государствъ, во второмъ періодѣ нашего курса, т. е. послѣ 40-хъ годовъ XVIII ст., начавъ этотъ краткій обзоръ съ Португаліи.

Португалія впервые стала играть выдающуюся роль въ Европѣ въ XV ст., когда она прославилась на время своими морскими открытіями, но за симъ до второй половины XVII ст. она не играетъ никакой политической роли, подпавъ вліянію Англіи. Въ 1580 г. Португалія при Филиппѣ II испанскомъ присоединена къ Испаніи, обратившись въ испанскую провинцію.

Въ 1640 г. Португалія, отдѣлившись отъ Испаніи, начала свою самостоятельную политическую жизнь, съ воцареніемъ династіи Браганца. Положеніе ея политическое и экономическое было тогда не цвѣтущее. Вся ея торговля, какъ въ Европѣ, такъ и въ Америкѣ, находилась въ полной зависимости отъ англичанъ. Всѣ несмѣтныя богатства Португаліи, вывозимыя изъ ея американской колоніи Бразиліи—золото, драгоцѣнные камни, обогащали не Португалію, а Англію, эксплоатировавшую ея торговлю въ свою пользу.

Внутри государства господствовалъ нестерпимый гнетъ католическаго духовенства, подавлявшій всякую свободную мысль, всякое умственное развитіе и державшій намѣренно

народную массу въ крайнемъ невѣжествѣ. Но и въ эту эпоху крайняго политическаго безсилія Португалія не могла оставаться совершенно глухою къ просвѣтительнымъ идеямъ, съ такою быстротою распространявшимся въ западной Европѣ. Она, какъ и всѣ прочія государства въ эту эпоху, не могла оставаться совершенно равнодушною къ новому, всюду проникавшему литературному и философскому движенію. Результатомъ этого движенія было стремленіе Португаліи къ освобожденію отъ политическаго и экономическаго гнета Англіи, и отъ нравственнаго гнета іезуитскаго ордена.

Это стремленіе особенно рельефно выступаетъ при королѣ Іосифѣ Эммануилѣ (1750—1777), сынѣ короля Іоанна V.

Министромъ при немъ былъ знаменитый маркизъ de Pombal, человѣкъ въ высшей степени даровитый, энергическій, но и крайне увлекающійся. Онъ родился въ 1699 г. и былъ сперва секретаремъ посольства въ Лондонѣ, за симъ посломъ въ Вѣнѣ и назначенъ былъ Іосифомъ Эммануиломъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Португаліи и первымъ министромъ, постъ, который онъ занималъ въ теченіе 27 лѣтъ. Вся дѣятельность его сперва направлена была на поправленіе бѣдствій, нанесенныхъ Лиссабону страшнымъ землетрясеніемъ въ 1755 г. Чтобы подорвать торговлю Англіи, парализировавшую совершенно отечественную, Помбаль ввелъ въ Португаліи покровительственную систему торговли, обложилъ огромными пошлинами иностранные товары, запретилъ бразильскимъ купцамъ иностранную торговлю, заставивъ ихъ доставлять всѣ колоніальные продукты въ Португалію, учреждалъ коммерческія компаніи, основывалъ португальскія колоніи въ Америкѣ.

Какъ горячій поклонникъ просвѣтительныхъ идей французской литературы XVIII вѣка, Помбаль сильно способствовалъ распространенію въ Португаліи сочиненій Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ. Но особенно прославился онъ своею антиіезуитскою политикой.

У іезуитовъ постепенно отнята была въ Португаліи цензура, воспитаніе юношества, которыя до тѣхъ поръ находились въ исключительномъ вѣдѣніи іезуитскаго ордена, члены котораго перестали быть духовниками короля и его семей-

ства; онъ даже добился отъ папы Бенедикта XIV (1740—1758) эдикта о мѣрахъ къ преобразованію ордена, на что собранная по этому поводу коммиссія кардиналовъ постановила, что преобразовывать іезуитскій орденъ нельзя, а можно только нѣсколько съузить кругъ его дѣятельности.

На этомъ основаніи отнято было въ нѣкоторыхъ эпархіяхъ у іезуитовъ право исповѣди, церковной проповѣди и право участія въ торговыхъ предпріятіяхъ, ограничивъ ихъ дѣятельность сферою чисто религіозныхъ интересовъ. Но Помбаль на этомъ не успокоился; онъ задумалъ даже изгнать ненавистный ему орденъ изъ предѣловъ Португаліи.

Скоро для этого представился удобный случай. Португальское дворянство, недовольное либеральнымъ правленіемъ Помбаля, его демократическими тенденціями, составило противъ него заговоръ. Помбалю удалось во время раскрыть этотъ заговоръ, имѣвшій въ виду также и покушеніе на жизнь короля и обвинить въ участіи въ немъ іезуитскій орденъ, хотя и съ большими натяжками, По его настоянію Іосифъ-Эммануиль издалъ эдиктъ въ 1759 г., по которому іезуиты изгонялись изъ Португаліи; въ слѣдующемъ 1760 г., они были изгнаны изъ Бразиліи. Чтобы осуществить эту мѣру, Помбаль воспользовался возстаніемъ туземцевъ въ Бразиліи, (въ той части ея, которая отошла отъ Парагвайя), чтобы обвинить и въ этомъ возмущеніи іезуитовъ. Но вліяніе Помбаля продолжалось только до смерти Іосифа-Эммануиля въ 1777 г.

При дочери его, королевѣ Маріи (1777—1816) Помбаль, обвиненный многочисленной партіей своихъ политическихъ противниковъ въ измѣнѣ и атеизмѣ, едва избавился отъ казни и удаленъ былъ въ изгнаніе въ свои помѣстья.

Вся его анти-іезуитская политика не имѣла никакихъ благодѣтельныхъ результатовъ для Португаліи; мѣсто іезуитовъ заняли другіе католическіе монашескіе ордена, преимущественно, доминиканцы и францисканцы.

Прежнія вѣрованія и религіозныя понятія были утрачены народомъ, на мѣсто ихъ остался въ массѣ какой-то хаосъ въ религіозныхъ убѣжденіяхъ и взглядахъ, такъ что вся попытка къ реформамъ принесла скорѣе болѣе вреда, чѣмъ пользы.

Въ этомъ отношеніи Испанія представляетъ намъ совершенно аналогичное явленіе съ Португаліей.

Мы знаемъ, что первый Бурбонъ на испанскомъ престолѣ, внукъ Людовика XIV, Филиппъ V (1700—1746), въ теченіе всего своего правленія постоянно находился подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, то герцогини Орсини, то второй своей жены Елисаветы Фарнезе, то, наконецъ, Альберони. Наслѣдовавшій ему на испанскомъ престолѣ, сынъ его Фердинандъ VI (1746—1759), страдалъ припадками меланхоліи и потому тоже не могъ серьезно заниматься государственными дѣлами. Въ теченіе всего этого времени Испанія положительно прозябала, подъ гнетомъ католическаго духовенства. Преемникъ его, братъ его Карлъ III (1759—1788), до того времени бывшій королемъ въ Неаполѣ, ознаменовалъ свое правленіе рѣзкою перемѣною по отношенію къ церковной политикѣ.

Онъ нашелъ себѣ ревностнаго и талантливаго помощника въ лицѣ своего министра Аранда (1719—1798). Послѣдній началъ, подобно Помбалю въ Португаліи, вводить меркантильную систему въ странѣ, облагать высокими пошлинами иностранные товары, для развитія туземной промышленности, установилъ многочисленныя правительственныя монополіи надъ всѣми, самыми насущными потребностями обыденной жизни, какъ-то: надъ продажею хлѣба, соли и всѣхъ первыхъ необходимыхъ продуктовъ потребленія.

Подобныя распоряженія правительства возбудили, конечно, въ разныхъ частяхъ Испаніи, открытыя возстанія совершенно обнищавшаго народа. Аранда въ этихъ возстаніяхъ обвинялъ католическое духовенство и въ особенности іезуитскій орденъ, который, дѣйствительно, въ то время вмѣшивался во всѣ сферы политической и экономической жизни Испаніи. Ему даже удалось добиться въ 1767 г. отъ Карла III эдикта, изгонявшаго іезуитскій орденъ изъ предѣловъ Испаніи. Все недвижимое имущество ордена, всѣ многочисленные его капиталы были секуляризованы испанскимъ правительствомъ. Съ тѣхъ поръ іезуиты не возвращались въ Испанію до XIX ст.

Кромѣ того Аранда во время управленія министерствомъ значительно ограничилъ гибельное для Испаніи вліяніе всесильной инквизиціи, убивавшей въ ней всякое проявленіе свободной мысли, свободнаго слова.

Послѣ-же его паденія, произошла въ Испаніи реакція въ короткое время уничтожившая даже послѣдніе слѣды его либеральныхъ реформъ. Онъ самъ былъ обвиненъ въ атеизмѣ, преданъ суду и едва спасся отъ казни.

О событіяхъ, сопровождавшихъ изгнаніе іезуитскаго ордена изъ Франціи, мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, когда перейдемъ къ изложенію исторіи Франціи въ концѣ правленія Людовика XV, въ эпоху, предшествовавшую и подготовившую роковой кризисъ конца прошлаго столѣтія. Въ настоящее время, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію того вліянія, которое произвели просвѣтительныя идеи вѣка въ сѣверныхъ, протестантскихъ государствахъ и тѣхъ измѣненій въ политической и общественной жизни, которыя привело тамъ съ собою это новое міровоззрѣніе, мы должны сказать нѣсколько словъ о всеобщемъ броженіи, охватившемъ мелкія итальянскія государства, подъ вліяніемъ просвѣтительной литературы.

Въ половинѣ XVIII столѣтія Парма, Піаченца и Неаполь находились подъ политическимъ и нравственнымъ вліяніемъ Испаніи. Въ Тосканѣ царствовала младшая линія Габсбургскаго дома; Неаполь и Сицилія, по Утрехтскому миру, уступлены были Австріи; по Вѣнскому миру тамъ воцарилась младшая линія испанскихъ Бурбоновъ, (царствовавшихъ тамъ до 1860 г.), въ лицѣ Карла III (1735—1759), сына Филиппа V и Елисаветы Пармской.

Министръ его Tanucci (*) (1698—1783) дѣйствовалъ въ духѣ Помбаля и Аранды. Онъ издалъ новый сводъ законовъ, названный „Codice Carolino“ и всю свою дѣятельность направилъ противъ католическаго духовенства, отъ котораго онъ отбиралъ монастыри и конфисковывалъ имущества.

Когда Карлъ III, какъ мы видѣли, былъ призванъ въ 1759 г. на испанскій престолъ; на неаполитанскій престолъ вступилъ малолѣтній сынъ его Фердинандъ IV (1759 — 1825), которому въ то время было всего восемь лѣтъ. Tanucci воспользовался малолѣтствомъ короля, чтобы до-

---

(*) Извѣстно его сочиненіе „Epistola de Pandectis Pisanis in Amalphitana direptione inventis“, изд. во Флоренціи въ 1731 г., въ 2-хъ томахъ in 4°.

вести до конца свою анти-іезуитскую политику. Въ 1761 г. всѣ іезуиты были изгнаны изъ неаполитанскаго королевства въ папскую область.

Съ Ахенскаго мира 1748 г., въ Пармѣ управляли герцоги изъ третьей вѣтви испанскихъ Бурбоновъ. Политика пармскаго двора не отличалась отъ политики остальныхъ итальянскихъ правительствъ въ эту эпоху; мы замѣчаемъ въ ней ту-же оппозицію противъ папской куріи и ея главнаго защитника—іезуитскаго ордена. Издано было, между прочимъ, правительствомъ два постановленія, сильно парализировавшія вліяніе католическаго духовенства въ Пармѣ, а именно: запрещено было обнародованіе папскихъ буллъ, безъ предварительнаго разрѣшенія правительства и постановлено, что все духовенство должно было состоять исключительно изъ туземныхъ жителей, чѣмъ наносился сильный ударъ іезуитскому ордену.

Въ то время на папскомъ престолѣ возсѣдалъ папа Климентъ XIII (1758—1769), смотрѣвшій на папство глазами еще XIII столѣтія, хотѣвшій возстановить его въ его прежнемъ, средневѣковомъ величіи и блескѣ. Для этой грандіозной цѣли самымъ вѣрнымъ для него оплотомъ служилъ, конечно, іезуитскій орденъ, поэтому всюду является онъ его защитникомъ въ тяжелую для него минуту, когда іезуиты изгонялись одновременно изъ Франціи, Испаніи, Португаліи и Неаполя. Когда-же и маленькая Парма примкнула къ оппозиціи, Климентъ XIII пригрозилъ герцогу отлученіемъ. На сторонѣ Пармы стали европейскіе кабинеты и герцогъ пармскій, поддерживаемый ими, изгналъ іезуитовъ изъ Пармы, а европейскіе кабинеты потребовали даже уничтоженія самаго ордена.

Климентъ XIII не могъ перенести этого удара; онъ опасно заболѣлъ и скоро умеръ.

Послѣ него, подъ вліяніемъ Франціи, избранъ былъ на папскій престолъ Климентъ XIV, изъ фамиліи Ганганелли (1769—1774).

Это былъ человѣкъ совершенно другаго характера, чрезвычайно строгій къ самому себѣ, весьма образованный, даже ученый, но по религіознымъ своимъ убѣжденіямъ—скорѣе склонный къ протестантизму или вѣрнѣе, допускавшій воз-

можность и даже необходимость коренныхъ реформъ въ церкви. Онъ самъ закрылъ много монастырей въ Испаніи и Португаліи. Онъ назначилъ коммиссію изъ кардиналовъ, для пересмотра устава іезуитскаго ордена, но убѣдившись въ невозможности преобразованія ордена на другихъ началахъ, онъ рѣшился его уничтожить въ 1773 г. папскою буллою; при чемъ всѣ имущества его были конфискованы. Онъ умеръ въ слѣдующемъ же году; было подозрѣніе, что его отравили (*). Булла его была признана всѣми государствами, за исключеніемъ Фридриха Великаго и Екатерины II.

Объ остальныхъ итальянскихъ государствахъ упоминать нечего. Генуа находилась подъ вліяніемъ Франціи, Венеція доживала свои послѣдніе годы политической жизни.

Если въ католическихъ странахъ броженіе умовъ, охватившее западно-европейское общество во второй половинѣ XVIII столѣтія, выразилось преимущественно въ анти-церковной оппозиціи, въ оппозиціи противъ главнаго препятствія, стоявшаго на пути умственнаго развитія общества— противъ іезуитскаго ордена, то въ протестантскихъ странахъ, гдѣ этого невыносимаго гнёта не было, броженіе выразилось въ стремленіяхъ къ преобразованіямъ и реформамъ, подъ вліяніемъ новыхъ, провозглашенныхъ французской литературой, принциповъ.

Эти усилія къ внутреннимъ преобразованіямъ государства требовали, конечно, со стороны самихъ государей и ихъ министровъ большихъ политическихъ дарованій и большаго запаса политическаго такта; не всѣ, конечно, государственные люди того времени обладали всѣми нужными данными, для этой трудной политической роли, потому-то и дѣятельность многихъ изъ нихъ проходила безслѣдно для ихъ потомства. Грандіозная личность Фридриха Великаго обаятельно дѣйствовала на его современниковъ, всѣ старались ему подражать, но далеко не всѣмъ это удавалось.

Мы уже видѣли, что всѣ старанія, даже Іосифа II, къ преобразованіямъ не принесли Австріи никакой существенной пользы. Тоже было и со всѣми правительственными ре-

(*) См. Caraccioli—Vie de Clément XIV, Paris, 1775. Его подлинную переписку издалъ Reumont въ 1837 г. См. также соч. P. Theiner—Histoire du pontificat de Clément XIV. 3 т. in 8°. Paris 1853 г.

формами, предпринятыми въ эту эпоху современными государственными людьми въ различныхъ государствахъ южной Европы, за исключеніемъ только анти-іезуитской политики увѣнчавшейся, какъ мы видѣли, почти вездѣ полнымъ успѣхомъ.

Переходя теперь къ обозрѣнію сѣверныхъ европейскихъ государствъ въ эту эпоху, мы начнемъ нашъ краткій обзоръ съ Даніи, гдѣ въ это время царствовалъ король Христіанъ VII (1766—1808), женатый на Каролинѣ-Матильдѣ, сестрѣ англійскаго короля Георга III.

При немъ возвышается его талантливый министръ Struensee (1737—1772). Родился онъ въ Галле въ Пруссіи. Отецъ его былъ богословъ; молодой Струэнзе началъ заниматься медициной, но скоро надѣлавши много долговъ, вслѣдствіе своей безпутной жизни, онъ готовился уже бѣжать въ Индію, когда случайно былъ представленъ королю Христіану VII, которому онъ очень понравился и который назначилъ его своимъ лейбъ-медикомъ.

Ему поручили даже воспитаніе молодаго наслѣдника и онъ скоро сдѣлался совершенно необходимымъ какъ королю, такъ и королевѣ. Въ 1771 г. онъ назначенъ былъ первымъ министромъ и въ этой должности прославилъ себя либеральными реформами, совершенно переродившими Данію. Онъ уравнилъ сословія между собою, отдѣлилъ совершенно королевскую казну отъ государственной, объявилъ свободу печати, облегчилъ безчисленные, лежавшіе на народѣ подати и налоги, сильно ограничилъ въ Даніи вмѣшательство церкви въ государственныя дѣла и наоборотъ, подчинилъ церковное управленіе строгому контролю правительства.

Эти мѣры, какъ бы ни были сами по себѣ хороши, не могли однакожъ принести желаемой пользы потому, что вводились имъ слишкомъ поспѣшно, безъ строго опредѣленнаго плана; своею же демократическою окраскою они, естественно, возбудили противъ него негодованіе высшихъ классовъ датскаго общества и всю сословную ихъ ненависть. Они встрѣчены были ими крайне недружелюбно. Подъ вліяніемъ аристократіи, произошла даже дворцовая революція въ Копенгагенѣ, при участіи гвардіи. Струэнзе объявленъ былъ государственнымъ измѣнникомъ и публично былъ казненъ въ 1772 г. Вмѣстѣ съ нимъ исчезла и большая часть его реформъ.

Еще до выступленія Струэнзе на политическую арену въ Даніи, прославился другой датскій министръ — Bernstorf (1712—1772), назначенный на этотъ постъ королемъ Фридрихомъ V, (1746—1766) отцемъ Христіана VII. Bernstorf создалъ, можно сказать, датскій торговый флотъ и сильно покровительствовалъ въ Даніи наукамъ и искусствамъ.

Переходимъ теперь къ обозрѣнію исторіи Швеціи въ эту эпоху.

Въ предшествующемъ нашемъ обозрѣніи исторіи Швеціи въ первомъ періодѣ нашего настоящаго курса мы остановились на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ вступленіе на престолъ Швеціи сына Адольфа Фридриха—короля Густава III (1771 — 1792). Намъ теперь и предстоитъ сдѣлать краткій обзоръ его правленія, ознаменовавшагося для Швеціи большими волненіями внутри государства и неудачными войнами съ сосѣдями.

Внутренняя политика его отца Адольфа Фридриха подготовила для Густава III, при вступленіи его на престолъ, весьма трудную задачу. Извѣстно, что при Адольфѣ Фридрихѣ королевская власть потеряла въ Швеціи всякій престижъ, всякое реальное значеніе. Король находился фактически въ рукахъ то той, то другой изъ политическихъ партій, направлявшихъ эту политику согласно своимъ партійнымъ интересамъ.

Густавъ III обладалъ совершенно другимъ характеромъ. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ государственныхъ умовъ второй половины XVIII ст., которые стремились на дѣлѣ осуществить идеи и воззрѣнія, выработанныя французскою просвѣтительною литературою, которые постоянно находились подъ вліяніемъ этихъ идей и потому постоянно впадали въ рѣзкое противорѣчіе между этими гуманистическими идеями и тѣми принципами монархическаго абсолютизма, которыхъ они по своему положенію являлись представителями.

Густавъ III, еще будучи наслѣдникомъ престола, ясно сознавалъ насколько низко палъ прежній престижъ королевской власти въ Швеціи и будучи по характеру своему крайне честолюбивъ и рѣшителенъ, задачей своей жизни поставилъ себѣ воскресить прежній, утраченный совершенно блескъ

королевскаго сана въ Швеціи и тѣмъ спасти ее отъ изнурявшихъ ее внутреннихъ раздоровъ. Онъ глубоко вѣрилъ, что только сильная королевская власть можетъ спасти Швецію отъ конечной гибели, отъ грозившаго ей полнаго политическаго ничтожества. Его поддерживала въ этихъ воззрѣніяхъ „партія шляпъ".

Густавъ III находился подъ сильнымъ вліяніемъ Франціи, ея литературы, ея нравовъ и воззрѣній. Онъ предпринялъ даже путешествіе во Францію, въ Парижъ, будучи еще наслѣдникомъ престола, гдѣ онъ успѣлъ сблизиться съ выдающимися дѣятелями той эпохи, и въ особенности съ министромъ Людовика XV, Шуазёлемъ.

При вступленіи своемъ на престолъ, онъ встрѣченъ былъ всеобщимъ восторгомъ. Симпатичная наружность, простота и снисходительность въ обращеніи съ подданными, все это сильно располагало въ его пользу.

Густавъ III хорошо говорилъ по шведски, поэтому народъ видѣлъ въ немъ шведа, тогда какъ предшественники его, не знавшіе шведскаго языка, въ глазахъ народа всегда являлись иностранцами. Онъ сталъ дѣйствовать путемъ интригъ, чтобы возбудить народъ противъ шведской аристократіи и тѣмъ привлечь его на свою сторону, убѣждая его въ крайней необходимости измѣнить государственное уложеніе въ пользу расширенія королевской власти, въ ущербъ прерогативамъ аристократіи. Случившійся въ это время въ Стокгольмѣ голодъ только еще болѣе увеличилъ народное броженіе, которое король намѣренно раздувалъ и направлялъ противъ аристократіи. Густавъ III воспользовался смятеніемъ въ городѣ, чтобы вызвать войска въ столицу; онъ заранѣе заручился его расположеніемъ. Войско, по его приказанію, окружило зданіе „Рейхсрата" и заставило его членовъ согласиться на новую конституцію.

Созванная вслѣдъ за тѣмъ земская дума (Рейхстагъ), также подъ давленіемъ войска, признала новую конституцію въ 1772 г. Эта конституція дѣлала власть короля неограниченною въ Швеціи. Онъ становился неограниченнымъ распорядителемъ войска, флота, государственной казны, назначалъ на всѣ высшія военныя и гражданскія должности, безъ согласія рейхстага, могъ объявлять оборонительную войну, заклю-

чать мирные договоры и союзы съ иностранными державами. Единственное ограниченіе, налагаемое на короля этой конституціей было то, что король, безъ согласія рейхстага, не могъ ни объявлять наступательной войны, ни пользоваться чрезвычайнымъ государственнымъ кредитомъ. Самое созваніе рейхстага вполнѣ зависѣло отъ благоусмотрѣнія короля, за которымъ оставалась вся иниціатива дѣйствій; рейхстагу же предоставлялось только право обсуждать предложенія короля. Онъ такимъ образомъ низведенъ былъ на степень совѣщательнаго собранія.

Подобная коренная реформа во внутреннемъ управленіи Швеціи встрѣчена была народомъ скорѣе сочувственно, благодаря тому, что Густавъ III съумѣлъ своимъ политическимъ тактомъ и личными свойствами своего характера примирить всѣ политическія партіи въ странѣ, не преслѣдовалъ бывшихъ своихъ враговъ и такимъ образомъ скоро привлекъ всѣхъ на свою сторону. Ему дѣйствительно удалось провести много благодѣтельныхъ реформъ на пользу Швеціи. Уничтожена была пытка, произведены были различныя полезныя преобразованія въ администраціи и судопроизводствѣ; торговля и промышленность Швеціи поставлены были въ болѣе правильныя условія для своего развитія. Всѣ эти реформы и могли только осуществиться, благодаря сильной неограниченной власти короля, и были бы немыслимы при антогонизмѣ, господствовавшемъ до Густава III въ Швеціи.

Къ несчастью, у него не хватало выдержки характера и строгой послѣдовательности, что сильно мѣшало прочному утвержденію въ Швеціи благотворныхъ послѣдствій его реформъ, которыя далеко не принесли той пользы, которую отъ нихъ можно было ожидать.

Густавъ III любилъ наружный блескъ и пышность французскаго двора; онъ постарался и у себя ввести его, желая принаровиться къ величію Версальскаго двора, къ безумной его роскоши. Онъ думалъ этимъ придать больше блеска королевской власти. Ошибка его состояла именно въ томъ, что онъ не обращалъ никакого вниманія на нравы и національный характеръ своего народа. Эта чрезмѣрная роскошь возможна была въ Версалѣ, гдѣ дворъ располагалъ огромными средствами и гдѣ самое французское общество

находилось наканунѣ полнаго разложенія. Напротивъ, Швеція была государство молодое, полное силъ, далеко еще не вполнѣ развившихся. Насильная прививка въ Швеціи французскихъ нравовъ и обычаевъ возбуждала только взрывъ національнаго чувства, народнаго негодованія, усиливавшагося отъ чрезмѣрныхъ, непосильныхъ для шведскаго бюджета затратъ и по немногу произвела значительную перемѣну въ симпатіяхъ къ нему шведскаго народа, который такимъ образомъ скоро охладѣлъ къ нему.

Аристократія, давно уже ненавидѣвшая его за чрезмѣрное усиленіе королевской власти, воспользовалась возникавшимъ народнымъ негодованіемъ, для того, чтобы снова захватить власть въ свои руки, ослабивъ предварительно королевскую власть. Съ этой цѣлью она истолковывала каждый шагъ короля въ неблагопріятномъ для него смыслѣ. Такъ напр.: самая поѣздка Густава III въ Парижъ истолкована была, какъ намѣреніе короля вступить въ союзъ съ чужеземною державою противъ своего-же народа. Его стали обвинять даже въ томъ, что онъ хочетъ будто бы ввести католичество въ Швецію. Недовольство народа противъ короля съ годами все росло и поддерживалось нѣкоторыми неумѣлыми его распоряженіями, напр. отдачею винокуренія въ Швеціи на откупъ. Народъ, возмущенный этой монополіей, возсталъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ.

Чтобы отвлечь общественное мнѣніе отъ этихъ экономическихъ вопросовъ, Густавъ III прибѣгнулъ къ давно уже испробованному въ этомъ случаѣ средству — къ внѣшней войнѣ. Онъ объявилъ въ 1788 г. войну Россіи, которая въ то время воевала съ Турціей. Онъ надѣялся при этомъ воспользоваться замѣшательствомъ Россіи, чтобы возвратить Швеціи области, утраченныя ею по Ништадтскому и Абовскому мирамъ.

Но Густавъ III объявилъ войну Россіи, не заручившись предварительно согласіемъ на то рейхстага, а такъ какъ война эта была наступательная, то онъ этимъ самымъ нарушилъ свою же конституцію. Такимъ образомъ, война эта началась съ правонарушенія, а потому общественное мнѣніе въ Швеціи было настроено противъ нея. Она вслѣд-

ствіе этого сдѣлалась въ Швеціи непопулярною и къ тому-же велась неудачно.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе военныхъ событій этого похода, скажемъ только, что Густавъ III перешелъ со своими войсками въ Финляндію и намѣревался уже осадить Кронштадтъ, чтобы овладѣть Петербургомъ, но это ему не удалось. Тогда Густавъ III вернулся въ Стокгольмъ и заставилъ рейхстагъ согласиться и на то, чтобы король имѣлъ право, безъ согласія сословій, начинать и наступательную войну. Это постановленіе окончательно утверждало въ Швеціи самодержавіе; за сословіями оставалось лишь право соглашаться или не соглашаться на выдачу королю чрезвычайнаго государственнаго кредита.

Война между тѣмъ продолжалась, покрывая шведское оружіе позоромъ и истощая въ конецъ государственную казну. Въ концѣ войны, однакожь, шведскій флотъ одержалъ побѣду надъ русскимъ флотомъ въ проливѣ Tuensksund, послѣ чего былъ заключенъ миръ между Швеціей и Россіей въ 1790 году.

Вернувшись въ Стокгольмъ и встрѣченный народомъ и въ особенности шведскою аристократіею весьма холодно, Густавъ III попытался предложить рейхстагу ассигновать новый чрезвычайный кредитъ, для покрытія громадныхъ военныхъ издержекъ, но къ изумленію своему, встрѣтилъ въ членахъ рейхстага сильную оппозицію. Тогда онъ распустилъ рейхстагъ и созвалъ новый составъ его, который послѣ долгихъ преній, подъ сильнымъ давленіемъ со стороны короля, согласился на выдачу кредита.

Все это только еще болѣе возбуждало противъ короля сословія въ Швеціи и въ особенности аристократію, у которой онъ отнялъ всѣ ея прерогативы. Она не остановилась передъ мыслью насильно отстранить его, лишивъ его жизни. Составился изъ выдающихся представителей шведской аристократіи заговоръ на жизнь короля и одному изъ нихъ, Анкарштрему, пришлось привести этотъ заговоръ въ исполненіе. Густавъ III былъ убитъ въ собственномъ своемъ дворцѣ, на придворномъ маскарадѣ въ 1792 году. Предлогомъ послужила, какъ разсказываютъ, любовная исторія, въ которой замѣшанъ былъ Густавъ III, очень любившій, какъ

извѣстно, подражать распутнымъ нравамъ Версальскаго двора. За несовершеннолѣтіемъ сына и наслѣдника его, Густава IV (1792—1809), регентомъ назначенъ былъ его дядя, братъ Густава III, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій. Густаву III обязанъ Стокгольмъ своею академіею (въ 1786 г.) и многими драгоцѣнными коллекціями научными и художественными (*). Въ концѣ его царствованія вспыхнула во Франціи революція. Густавъ III, устрашенный ея быстрыми успѣхами старался, но тщетно, составить противъ нея коалицію въ Европѣ.

Въ 1809 г. произошелъ въ Швеціи переворотъ. Густавъ IV лишенъ былъ престола и на его мѣсто выбранъ бывшій регентъ, герцогъ Карлъ Зюдерманландскій, подъ именемъ Карла XIII (1809—1818). Въ его царствованіе Норвегія окончательно присоединена была къ Швеціи послѣ 1814 года. Низведенный съ престола, Густавъ IV жилъ частнымъ человѣкомъ, преимущественно въ Германіи, подъ именемъ графа Гольштейнъ-Готторбскаго; онъ умеръ въ 1837 г. въ Швейцаріи. Сынъ его, съ титуломъ prince de Wasa, былъ на австрійской службѣ и занималъ въ войскѣ чинъ генералъ-фельдмаршала. Такъ какъ у Карла XIII не было дѣтей, то шведскія сословія заставили его усыновить французскаго маршала Бернадотта, желая этимъ путемъ избѣгнуть всякихъ могущихъ произойти послѣ его смерти внутреннихъ смутъ.

Бернадоттъ дѣйствительно и вступилъ на шведскій престолъ въ 1818 г., по смерти Карла XIII, подъ именемъ Карла XIV (1818—1844). Онъ основалъ династію, царствующую въ Швеціи и до сихъ поръ.

Время его правленія, конечно, не входитъ въ программу нашего настоящаго курса. Наслѣдовалъ ему его сынъ Оскаръ I (1844—1859) (**).

Въ то время, какъ въ Европѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, государи, подъ вліяніемъ новыхъ просвѣтительныхъ идей

(*) Послѣ Густава III сохранилась его обширная переписка и „мемуары“ его, изданныя въ Гамбургѣ въ 1843—46 годахъ. См. также M. Geffroy „Gustave III et sa cour“, 2 m. in 8° 1867.

(**) См. Histoire de Charles XIV par Touchard-Lafosse 1838 et par Sarrans jeune 1845.

вѣка, искали такой государственной формулы, въ которой слились-бы ихъ монархическіе принципы съ либеральными идеями вѣка; такого порядка вещей, въ которомъ могли бы осуществиться великія теоріи гражданской свободы и равенства, въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ происходилъ серьезный политическій переворотъ, къ которому вся западная Европа относилась въ то время сочувственно.

Мы разумѣемъ отпаденіе Сѣверо-американскихъ колоній отъ ихъ метрополіи—Англіи и провозглашеніе ихъ независимости, давшее имъ поводъ къ устройству ихъ политическаго быта на началахъ республиканскихъ. Мы знаемъ, что еще съ открытія Америки югъ новооткрытаго Колумбомъ материка привлекалъ массу европейцевъ-переселенцевъ, искавшихъ въ его неистощимыхъ нѣдрахъ быструю и легкую наживу.

Сѣверная же часть материка, по физическимъ условіямъ страны, требовавшая много усиленнаго труда для ея обработки и эксплоатаціи, много терпѣнія и выдержки со стороны колонистовъ, оставалась по этому самому долгое время невоздѣланною, въ первобытномъ своемъ состояніи. Такъ продолжалось дѣло до конца XVII ст.

Въ 1584 г. англичанинъ Walter Raleigh основалъ въ этой части Америки колонію, названную имъ въ честь королевы Елизаветы—Виргиніей. Но колонія эта скоро запустѣла, вслѣдствіе непосильнаго для колонистовъ труда.

Съ XVII ст. число англійскихъ колоній въ Америкѣ съ каждымъ годомъ увеличивалось. Причиною тому были, главнымъ образомъ, политическія событія, происходившія въ то время въ Англіи и наступившія тамъ религіозныя гоненія.

Преслѣдуемые при Стюартахъ за свои убѣжденія, пуритане и индепенденты искали здѣсь убѣжища, гдѣ бы они могли безпрепятственно отправлять свое богослуженіе. Такимъ образомъ Америка стала скоро для Англіи убѣжищемъ, въ которомъ скрывались всѣ гонимые и угнетаемые за свои политическія и религіозныя убѣжденія. При первыхъ Стюартахъ переселялись сюда пуритане и индепенденты; во время наступившей въ Англіи республики—приверженцы королевской идеи и англиканской церкви. Всѣ оттѣнки политическіе и религіозные имѣли въ американ-

скихъ колоніяхъ своихъ представителей. Въ половинѣ XVIII ст. англійскія колоніи въ Америкѣ состояли уже изъ 13 штатовъ, изъ коихъ назовемъ главнѣйшіе: Массачусетсъ на Атлантическомъ океанѣ съ городомъ Бостономъ, Мериландъ съ Нью-Іоркомъ, Пенсильванія съ Филадельфіей, Виргинія, сѣверная и южная Каролина и др. Различіемъ элементовъ, вошедшихъ въ составъ этихъ англійскихъ колоній, объясняется самое различіе въ характерѣ сѣверныхъ и южныхъ колоній, сохранившееся и до сихъ поръ.

Сѣверные штаты, составленные изъ элементовъ пуританскихъ и индепендентскихъ, сохраняли всегда характеръ демократическій, тогда какъ южные штаты, основанные бѣжавшими туда роялистами, католиками, приверженцами англиканской церкви, всегда сохраняли въ себѣ характеръ аристократическій. Это коренное различіе удержалось въ нихъ и до сихъ поръ.

Этимъ объясняется, что рабство въ сѣверныхъ штатахъ никогда не могло привиться, тогда какъ въ южныхъ штатахъ оно повсемѣстно существовало и весь экономическій строй южныхъ штатовъ основанъ былъ на этомъ рабствѣ. Отсюда—развитіе на югѣ Америки громадныхъ хозяйствъ и плантацій, на сѣверѣ-же—мануфактурной и торговой промышленности.

Этими-же оттѣнками въ характерѣ сѣверныхъ и южныхъ штатовъ объясняется и послѣдняя война, вспыхнувшая между ними въ 1860 г. Ранѣе еще англичанъ проникли въ Америку голландцы, нѣсколько позже ихъ — французы, утвердившіеся въ нынѣшней Канадѣ.

Въ XVII ст. они стали спускаться оттуда по рѣкѣ Миссисипи и поселились у устьевъ ея и вдоль Мексиканскаго залива. Такимъ образомъ къ XVII ст. англичане занимали узкую полосу по берегу Атлантическаго океана отъ рѣки Св. Лаврентія до Флориды, (принадлежавшей въ то время Испаніи); французы-же поселились въ Канадѣ, Акадіи и у истоковъ Миссисипи (область Луизіана).

Всѣхъ англійскихъ штатовъ въ Америкѣ въ концѣ XVIII ст. было, какъ мы сказали, тринадцать; каждый изъ нихъ управлялся отдѣльнымъ губернаторомъ, какъ намѣстникомъ короля, или назначаемымъ метрополіею или выбираемымъ

самой колоніей, въ зависимости отъ большей или меньшей самостоятельности, которою пользовалась колонія по отношенію къ своей метрополіи. Колоніи управлялись собственнымъ своимъ совѣтомъ, независимо отъ метрополіи, внѣ торговыхъ интересовъ, но внутренней связи между ними не было никакой.

Войны, которыя въ теченіе всего XVIII ст. безпрестанно велись на материкѣ, влекли обыкновенно за собою столкновенія и въ колоніяхъ, такъ напр.: во время войны за испанское наслѣдство въ Америкѣ также разыгралась война между французскими и англійскими колоніями.

Извѣстно, что по Утрехтскому миру 1713 г. Франція должна была уступить Англіи Акадію и Новую Шотландію.

Англичане поступали по отношенію къ своимъ колоніямъ большею частью весьма сурово. Они безусловно запрещали имъ напр.: обработывать свои сырые продукты, заставляя продавать ихъ для этой цѣли англійскимъ купцамъ; иностранная торговля тоже была имъ строго воспрещена. Эти стѣсненія, конечно, давали широкій просторъ контрабандѣ, практиковавшейся въ громадныхъ размѣрахъ и на сушѣ и на морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Англичане вселяли въ своихъ колоніяхъ глухую ненависть къ себѣ, съ годами все усиливавшуюся.

Уступленныя Франціей Англіи земли по Утрехтскому миру служили поводомъ къ постояннымъ раздорамъ между обѣими державами. По незнанію мѣстности, границы между ихъ колоніями не могли быть точно опредѣлены, а когда Франція пожелала соединить сѣверную свою колонію Канаду съ южною Луизіаною цѣлою цѣпью крѣпостей, Англія протестовала. Изъ-за этого началась война между Англіей и Франціей въ Америкѣ въ 1754 г., въ которой приняла участіе и Испанія, въ силу извѣстнаго фамильнаго договора дома Бурбоновъ.

Извѣстно, что по Губертсбургскому миру Франція отдала Англіи Канаду, а Испанія — Флориду, такимъ образомъ англичане прочно утвердились въ Сѣверной Америкѣ. Обѣщавъ Канадѣ, до присоединенія ея къ Англіи, различныя льготныя грамоты, англичане не сдержали своего обѣщанія, назначивъ туда, напротивъ, губернатора, облеченнаго неограниченною властью.

Между тѣмъ война съ Франціей совершенно разорила финансы Англіи, государственный долгъ которой возросъ къ тому времени до громадной цифры. Чтобы покрыть ежегодный свой дефицитъ, Англія стала обкладывать свои вновь пріобрѣтенныя колоніи большими налогами въ пользу ихъ метрополіи, стала назначать весьма высокіе тарифы для всѣхъ ввозимыхъ въ Англію товаровъ.

Подобныя мѣры, проводимыя правительствомъ отчасти для уменьшенія сильно увеличивавшейся контрабанды, возбуждали, конечно ропотъ и неудовольствіе въ колоніяхъ.

Въ 1765 г. Англія учредила новый налогъ, тоже падавшій на колоніи—а именно, штемпельный сборъ, т. е. ввела въ употребленіе для писанія оффиціальныхъ актовъ гербовую бумагу различнаго достоинства, что тоже значительно увеличивало государственный доходъ, но за то тяжелымъ бременемъ ложилось на и безъ того отягощенные финансы сѣверо-американскихъ колоній.

Въ самомъ англійскомъ парламентѣ такія крутыя мѣры, предпринятыя метрополіей по отношенію къ ея колоніямъ, находили горячую оппозицію въ лицѣ лучшихъ ея представителей; такъ напр.: знаменитый Вилльямъ Питтъ старшій, лордъ Чаттамъ, открыто выражалъ свое негодованіе и въ блестящихъ своихъ парламентскихъ рѣчахъ громилъ и разбивалъ эгоистическую колоніальную политику англійскаго правительства. Хотя впослѣдствіи колоніи своимъ систематическимъ отказомъ подчиняться стѣснительнымъ финансовымъ мѣрамъ правительства, и добились ихъ отмѣны, тѣмъ не менѣе не устранена была въ будущемъ самая возможность дальнѣйшихъ столкновеній, такъ какъ самый принципъ о правѣ метрополіи налагать новые налоги, безъ предварительнаго на то согласія колоніи, оставался въ полной силѣ.

Въ 1768 г. парламентъ обложилъ пошлиной такіе предметы первой необходимости, какъ напр.: чай, краски, бумагу, стекло. Эти предметы тѣмъ болѣе были необходимы для колоній, что ихъ тамъ не выдѣлывали, между тѣмъ ввозная на нихъ пошлина была увеличена весьма сильно. Купцы въ Бостонѣ рѣшили не впускать въ свою гавань кораблей, нагруженныхъ этими товарами. Парламентъ всетаки не уступалъ. Тогда произошелъ въ Бостонѣ случай, характеризующій намъ

всего лучше степень озлобленія, до которой дошло общественное мнѣніе, подъ вліяніемъ колоніальной политики Англіи. Толпа молодыхъ людей, подъ предлогомъ осмотра англійскаго корабля, только-что пришедшаго въ Бостонскую гавань, нагруженнаго товарами, оплачиваемыми высокими пошлинами, набросилась на товары и побросала ихъ въ воду. На принесенную по этому поводу жалобу капитана ограбленнаго корабля, послѣдовали слѣдующія крутыя распоряженія англійскаго правительства, послужившія непосредственнымъ поводомъ къ вспыхнувшей вскорѣ послѣ этого войнѣ: бостонскій портъ былъ закрытъ для всѣхъ иностранныхъ судовъ; власть губернатора въ штатѣ была сдѣлана почти диктаторскою и границы Канады увеличены были на счетъ сѣверо-американскихъ штатовъ. Общественное мнѣніе въ штатахъ и въ самой Англіи было глубоко возмущено противъ этой несправедливой колоніальной политики, но правительство оставалось глухимъ ко всѣмъ протестамъ, надѣясь, что страсти сами собою уляжутся. Но оно на этотъ разъ горько ошиблось, какъ мы сейчасъ увидимъ.

Въ 1774 г. депутаты отъ 13 сѣверо-американскихъ штатовъ, собравшіеся на конгрессъ въ Филадельфіи, постановили не пропускать ни одного англійскаго коммерческаго корабля въ американскія гавани. что, конечно, совершенно подрывало англійскую торговлю. Сверхъ того на конгрессѣ составлены были три посланія—къ англійскому королю, къ англійскому народу и къ жителямъ Канады.

Въ первомъ изъ нихъ представители Штатовъ въ умѣренной формѣ миролюбиво доказываютъ королю всю несправедливость англійской политики по отношенію къ штатамъ, умоляютъ его не создавать ею непроходимой бездны между колоніями и ихъ метрополіей, соединенныхъ между собою тѣсными связями религіи, языка, національности, а потому ходатайствуютъ объ удовлетвореніи ихъ справедливыхъ петицій.

Во второмъ посланіи они отдаютъ себя подъ защиту благородныхъ чувствъ англійскаго народа и наконецъ, въ третьемъ, они приглашаютъ жителей Канады добиваться съ ними вмѣстѣ правъ на политическую и торговую независимость отъ Англіи.

Посланія эти имѣли громадное вліяніе на все общественное мнѣніе въ Англіи и даже во всей Европѣ, достаточно уже подготовленной всюду уже проникшими идеями просвѣтительной литературы вѣка. Общественное мнѣніе въ данномъ случаѣ съ сочувствіемъ отзывалось на эту борьбу во имя политическихъ правъ, затронутыхъ ею.

Еслибы англійское правительство поняло, что борьба тутъ идетъ о принципѣ, на которомъ основаны были всѣ отношенія къ метрополіи, что тутъ дѣло идетъ о правѣ колоній на дальнѣйшее самостоятельное существованіе и развитіе своихъ силъ, и что поэтому для колоній это была борьба на жизнь или смерть, оно можетъ быть и до сихъ поръ сохранило-бы ихъ за собою. Но оно не поняло серьезности минуты и становилось, напротивъ, на точку зрѣнія оскорбленной въ своихъ правахъ метрополіи, имѣющей право отказывать или даровать зависимымъ отъ нея колоніямъ тѣ или другія права и преимущества.

Исходя изъ этой ложной точки зрѣнія, англійское правительство называло все происходящее въ то время въ штатахъ бунтомъ, объявило штатъ Массачуссетсъ на военномъ положеніи, облекло губернатора диктаторскою властью, строго запретивъ ввозъ туда оружія и военныхъ припасовъ.

Тогда колоніи рѣшились сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ, для защиты своей самостоятельности, захвативъ сперва оружіе во всѣхъ англійскихъ арсеналахъ, находившихся въ штатахъ.

Одинъ изъ такихъ отрядовъ инсургентовъ наткнулся на англійское войско при Лексинтонѣ въ 1775 г., что и послужило началомъ къ открытію военныхъ дѣйствій.

Положеніе возмутившихся штатовъ въ сравненіи съ Англіей было критическое.

У Англіи было регулярное, дисциплинированное войско, тогда какъ американцамъ приходилось еще обучать свое войско во время самаго похода, поэтому и успѣхъ сначала клонился на сторону англичанъ.

Но скоро обстоятельства перемѣнились, съ выступленіемъ на арену военныхъ дѣйствій знаменитаго Вашингтона (1732—1799). Онъ успѣлъ уже отличиться на войнѣ противъ французовъ въ Канадѣ (1754—1760). Впослѣдствіи онъ высту-

пилъ какъ депутатъ отъ штата Виргиніи и въ 1775 г. получилъ командованіе надъ всѣми войсками возставшихъ штатовъ. Ему удалось въ самое короткое время собрать, организовать и воодушевить войско, которое до него, можно сказать, вовсе не существовало. Обладалъ онъ рѣдкою настойчивостью, соединенною съ необыкновеннымъ хладнокровіемъ и выдержкою характера. Въ 1789 г. Вашингтонъ былъ единогласно выбранъ первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, должность которую онъ занималъ въ теченіе 8 лѣтъ (*).

Въ своей патріотической дѣятельности онъ находилъ громадную нравственную поддержку въ своемъ другѣ Веніаминѣ Франклинѣ, уже раньше дѣйствовавшемъ на пользу американскихъ штатовъ.

Веніаминъ Франклинъ родился въ 1706 г. въ Бостонѣ. Онъ былъ сынъ бѣднаго фабриканта мыла и провелъ часть своей молодости въ типографіи, въ качествѣ наборщика.

Благодаря своей неутомимой работѣ и необыкновенной аккуратности въ жизни, онъ скоро накопилъ достаточно денегъ, чтобы пріобрѣсти свою собственную типографію въ Филадельфіи, дававшую ему возможность жить самостоятельнымъ трудомъ. Одновременно занимался онъ и естественными науками и физикой; въ особенности—электричествомъ; ему обязаны открытіемъ громоотвода въ 1752 г. Онъ принималъ вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ управленіи штата Пенсильваніи, организовалъ въ немъ національную милицію, основывалъ училища и больницы. Въ 1757 г. онъ былъ отправленъ депутатомъ въ Англію, чтобы поддерживать тамъ интересы американскихъ колоній.

Вернувшись въ Америку въ 1775 г, онъ сошелся съ Вашингтономъ и сообща стали они подготовлять независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, провозглашенную, какъ извѣстно, въ 1776 г.

Послѣ заключенія Версальскаго мира 1783 г., обезпечивавшаго независимость его родины, онъ былъ избранъ пре-

---

(*) См. капитальный трудъ Cornelis de Witt-Histoire de Washington et de la fondation des Etats-Unis. Paris 1885 г. Интересно также сочиненіе Гизо, основанное на подлинныхъ документахъ—„Vie, correspondance et écrits de Washington“, 1839 г.

зидентомъ штата Пенсильваніи. Въ 1790 г. онъ умеръ восьмидесятичетырехлѣтнимъ старцемъ, оплаканный положительно всѣми гражданами освобожденной имъ Америки.

Франклинъ знаменитъ не только какъ горячій патріотъ, жертвовавшій всѣмъ своей родинѣ и всю жизнь служившій ей безкорыстно, но и какъ моралистъ, въ своей частной жизни показывавшій примѣръ самой безупречной нравственности. Онъ стремился въ своемъ этическомъ ученіи бороться со всѣми пороками, свойственными человѣчеству (*).

Это было время всеобщаго броженія въ Европѣ. Борьба, возникшая въ Америкѣ изъ-за правъ человѣка, изъ-за пріобрѣтенія Сѣверо-Американскими Штатами независимости, электризовала горячія головы молодежи въ Европѣ и заставляла ихъ порываться туда, чтобы принять участіе въ этой борьбѣ за независимость колоній отъ гнета ихъ эгоистической метрополіи.

Нѣкоторые, болѣе отважные патріоты, снаряжали даже на свой счетъ цѣлые отряды. Такъ, изъ Франціи двинулись въ Америку знаменитый позднѣйшій дѣятель французской революціи — Лафайетъ (1757 — 1834), Ларошъ-Фуко; изъ Польши—Пулавскій и Костюшко.

Мы видѣли какъ въ Европѣ, подъ вліяніемъ просвѣтительныхъ идей вѣка, монархи стремились, хотя и не вездѣ удачно, преобразовывать государственный организмъ, согласно этимъ новымъ требованіямъ времени. Это политическое броженіе не оставалось безъ послѣдствій и для Америки, съ той только разницею, что въ Америкѣ это броженіе не выразилось сначала въ сферѣ литературы и философіи, а сразу приняло чисто практическій характеръ.

Въ Америкѣ сразу-же образуется, подъ вліяніемъ этихъ новыхъ государственныхъ принциповъ, новый государствен-

(*) Свои воззрѣнія выразилъ онъ въ многочисленныхъ популярныхъ трактатахъ, изъ которыхъ самый извѣстный — „La science du bonhomme Richard“, Dijon 1795. Тюрго въ одномъ стихотвореніи выразился о Франклинѣ слѣдующимъ образомъ: „Eripuit cœlo fulmen, sceptrumque tyrannis“. Сочиненія Франклина изданы въ Лондонѣ въ 3 том. in 8° 1806 — 1811. Послѣ него сохранились „Mémoires de Franklin“ 1865 и „Correspondance de Franklin“ 1866, переведенныя Laboulaye.

ный организмъ на новыхъ началахъ, о которыхъ Европа въ то время только еще мечтала; а эти событія, съ такою быстротою совершавшіяся въ Америкѣ, въ свою очередь, подѣйствовали, конечно, и на самый ходъ политическихъ событій въ Европѣ и подготовляли во Франціи приближавшійся и неизбѣжный уже тогда кризисъ конца столѣтія.

Въ самой Англіи существовала сильная либеральная партія въ парламентѣ, съ сочувствіемъ относившаяся къ совершавшимся въ то время событіямъ въ штатахъ, которые въ іюлѣ 1776 г. объявили свою независимость отъ Англіи.

Въ первое время послѣ объявленія этой независимости, перевѣсъ естественно былъ на сторонѣ Англіи, имѣвшей въ своемъ распоряженіи многочисленное войско, набранное въ различныхъ нѣмецкихъ провинціяхъ, такъ какъ англійскій король былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и ганноверскимъ курфюрстомъ. Но въ слѣдующемъ же 1777 г., войска Соединенныхъ Штатовъ одержали побѣду надъ англійскимъ войскомъ, осадивъ крѣпость Саратогу, которая должна была сдаться на капитуляцію, что совершенно измѣнило положеніе дѣла.

Въ 1778 г. Франція, благодаря настояніямъ Франклина, признала независимость Штатовъ, т. е. отказалась отъ своего прежняго взгляда на совершавшіяся въ то время въ Америкѣ событія, какъ на бунтъ колоній противъ своей метрополіи, а напротивъ, признавала отнынѣ политическое существованіе Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, независимо отъ Англіи. Черезъ два года послѣ того, въ 1780 г. Франція уже послала войско и флотъ на помощь Штатамъ и такимъ образомъ объявила Англіи войну.

Къ Франціи, въ силу фамильнаго договора, присоединилась и Испанія, локализировавъ войну съ Англіей въ Средиземномъ морѣ.

Все это сильно затрудняло англичанъ, принужденныхъ дробить свои силы и содержать двѣ арміи въ Европѣ и въ Америкѣ, что и понудило ихъ перенести театръ войны въ Америкѣ изъ сѣверныхъ колоній въ южныя, гдѣ они надѣялись найти болѣе благопріятный для себя элементъ въ мѣстномъ населеніи.

О коренномъ различіи между населеніемъ сѣверныхъ и южныхъ колоній въ Америкѣ мы уже говорили, различіи,

происходившемъ отъ самаго климата и отъ совершенно противоположныхъ системъ эксплоатаціи колоній на сѣверѣ и югѣ Америки и отъ различія соціальныхъ и экономическихъ условій.

Но и на югѣ Вашингтонъ продолжалъ одерживать рядъ побѣдъ надъ англичанами, послѣдствіемъ чего была въ 1781 г. смѣна консервативнаго министерства въ Англіи, либеральнымъ министерствомъ Фокса и Шеридана, сочувственно относившихся къ независимости колоній. Осуществилось такимъ образомъ завѣтное желаніе Питта старшаго, не дожившаго, впрочемъ, до торжества своей политики, такъ какъ онъ еще въ 1778 г. умеръ, крайне утомленный политическою борьбою.

Между тѣмъ Англія прибѣгала къ различнымъ недозволеннымъ международнымъ правомъ мѣрамъ, чтобы не допускать въ Америку судовъ съ провіантомъ. Съ этой цѣлью каперы ихъ захватывали безъ разбора всѣ попадавшіеся имъ корабли, даже нейтральныхъ державъ, что, конечно, вредило всей европейской торговлѣ. Испанія вслѣдствіе этого объявила Гибралтарскій проливъ въ блокадномъ положеніи и захватила между прочимъ два русскихъ корабля, нагруженныхъ хлѣбомъ, хотѣвшіе войти въ гавань, не зная еще объ объявленной блокадѣ порта.

Этотъ случай послужилъ поводомъ къ изданію, по иниціативѣ Екатерины Великой, сочиненнаго Панинымъ, международнаго акта, ограждавшаго нейтралитетъ невоюющихъ державъ на морѣ. Этотъ актъ обнародованъ былъ въ февралѣ 1780 г. и получилъ названіе „Акта о вооруженномъ нейтралитетѣ". Въ силу этого акта объявлялся нейтральнымъ всякій корабль, не нагруженный военными снарядами и провіантомъ. Нейтральныя державы могли производить торговлю въ гаваняхъ воюющихъ державъ; для гарантіи же содержалась въ Средиземномъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ постоянная эскадра нейтральныхъ державъ. Этотъ актъ признанъ былъ скоро Даніей, Швеціей, Неаполемъ, Португаліей и Пруссіей; Голландія не могла присоединиться къ нему потому, что Англія въ это время объявила ей войну. Въ этой войнѣ Голландія утратила все свое бывшее значеніе могущественной морской державы. За то французско-испанскій флотъ овла-

дѣлъ въ Средиземномъ морѣ островомъ Миноркомъ и осадилъ уже, но безуспѣшно, англійскую крѣпость, возвышающуюся надъ обоими берегами Гибралтарскаго пролива.

Между тѣмъ представители Американскихъ Штатовъ заключили уже съ англійскимъ министерствомъ предварительныя условія мира (provisional articles), по которымъ Англія признавала независимость колоній и соглашалась на нѣкоторыя измѣненія границъ Канады. Признанная оффиціально независимость Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, представляла для Англіи большую выгоду въ экономическомъ и торговомъ отношеніяхъ, такъ какъ Англія переставала съ этого момента содержать колоніи на свой счетъ, что, конечно, обходилось ей чрезвычайно дорого.

Эти переговоры о мирѣ произвели однако весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ Англіи на народъ и на парламентъ и повлекли за собою новое паденіе министерства.

Вскорѣ послѣ того и Франція и Испанія тоже примкнули къ этимъ переговорамъ и между всѣми воюющими державами былъ заключенъ въ 1783 г. версальскій миръ, по которому независимость сѣверо-американскихъ штатовъ была наконецъ оффиціально признана. Франція получила обратно завоеванныя у нея владѣнія въ Остъ-Индіи, Испанія получила Флориду и островъ Минорку и отказалась отъ притязаній на Гибралтаръ. Одна только Голландія къ этому времени совершенно утратила свое могущество на морѣ.

Такимъ образомъ въ 1783 г. образовалась новая федерація — Соединенные Штаты, въ которыхъ каждый штатъ управлялся совершенно самостоятельно, соединяясь въ одинъ политическій организмъ только для рѣшенія вопросовъ, касающихся внѣшней политики и внѣшней торговли.

Герой освобожденія Штатовъ, Вашингтонъ, завершивъ его, сложилъ съ себя диктаторскую власть и возвратился къ частной жизни и тѣмъ представилъ рѣдкій примѣръ въ исторіи.

Штаты были освобождены; теперь предстояло приступить ко второй задачѣ — придать прочную организацію новому государственному соединенію, сплотить его въ одно неразрывное цѣлое. Эта задача и выполнялась Штатами до 1788 г., когда послѣ продолжительной борьбы партій, выработано

было, наконецъ, для сѣверо-американскихъ Штатовъ республиканское федеративное устройство, дѣйствующее и до сихъ поръ.

Каждый штатъ имѣлъ свое самостоятельное управленіе, свой собственный совѣтъ, на которомъ рѣшались всѣ дѣла штата.

Центральный органъ, управлявшій всѣми дѣлами Соединенныхъ Штатовъ, представлялъ собою конгрессъ, состоявшій изъ сената и палаты представителей или депутатовъ, по два отъ каждаго штата, подъ предсѣдательствомъ вице-президента союза. Право выбора въ депутаты не обусловлено было никакимъ имущественнымъ цензомъ.

Высшею судебною инстанціею въ Штатахъ считался „верховный союзный судъ", вѣдавшій политическіе процессы и всѣ спорныя дѣла союза. Въ каждомъ штатѣ были свои самостоятельные судьи. Конгрессу предоставлено было право издавать законы, обязательные для всего союза, налагать подати, объявлять войну. Во главѣ этого союза находился президентъ, избираемый на четыре года. Онъ состоитъ главнымъ начальникомъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ союза; вице-президентъ предсѣдательствуетъ въ союзномъ сенатѣ.

Первымъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ былъ какъ мы говорили, Вашингтонъ.

Память о герояхъ освобожденія американскихъ колоній— о Вашингтонѣ и Франклинѣ осталась навсегда священной для Америки, которая воздвигла имъ великолѣпные памятники.

Въ то время, какъ англичане утрачивали въ Америкѣ свои богатыя колоніи, въ Остъ-Индіи власть ихъ все болѣе и болѣе расширялась. Въ Остъ-Индіи, послѣ открытія туда морскаго пути въ XV столѣтіи, изъ европейцевъ утвердились прежде всего португальцы и испанцы, за ними голландцы, заводя повсюду свои факторіи, съ торговыми цѣлями. Англичане явились туда послѣдними, учредивъ въ началѣ XVII столѣтія для торговли съ востокомъ знаменитую свою Остъ-Индскую компанію. Такимъ образомъ англичане скоро пріобрѣли у туземцевъ, частью куплею, частью путемъ завоеванія, большіе участки земли, на которыхъ они строили крѣпости и основывали города.

Главными пунктами англійскихъ поселеній были Калькутта, Мадрасъ и Бомбей.

Въ началѣ XV столѣтія туземное индійское населеніе было покорено, причемъ отдѣльныя кочующія монгольскія племена слились въ одно государство „Великаго Могола". Это государство въ теченіе полутора столѣтія было самымъ цвѣтущимъ во всей Азіи, именно съ половины XVI столѣтія до начала XVIII-го, занимая весь Индустанъ и восточную часть нынѣшней Персіи. Мѣстные индійскіе князья обращены были въ данниковъ Великаго Могола; они носили и носятъ до сихъ поръ названіе „раджей". Въ XVIII столѣтіи многіе изъ этихъ раджей сдѣлались независимыми отъ Великаго Могола, но вмѣстѣ съ тѣмъ начались между ними нескончаемыя междоусобія, дававшія возможность пришлымъ колонистамъ—португальцамъ и испанцамъ, вмѣшиваться въ нихъ, эксплоатируя ихъ въ свою пользу. Но особенно удавалось это англичанамъ, которые намѣренно раздували распри между туземцами и колонистами другихъ національностей, пріобрѣтая при этомъ все болѣе вліянія надъ туземцами, и расширяя все болѣе свои владѣнія и такимъ образомъ они дѣлались постепенно къ половинѣ XVIII столѣтія преобладающимъ европейскимъ элементомъ на всемъ побережьѣ.

Въ концѣ же XVIII столѣтія Остъ-Индская компанія, благодаря дарованнымъ ей Англіей льготамъ, сдѣлалась совершенно самостоятельнымъ государствомъ въ Индіи. Компанія получила собственный судъ, свое самостоятельное войско, назначало надъ нимъ главнокомандующаго, объявляло войну туземнымъ раджамъ и заключала миръ, безъ предварительнаго разрѣшенія своего правительства.

Во второй половинѣ XVII столѣтія Франція тоже успѣла утвердиться въ Остъ-Индіи.

При Кольберѣ образовалась тамъ французская Остъ-Индская компанія, которая въ свою очередь основала нѣсколько колоній, изъ которыхъ важнѣйшая была Пондишери. Отсюда возникалъ неизбѣжный антагонизмъ между Англіей и Франціей, изъ-за преобладанія въ Остъ-Индіи.

Къ тому же войны, которыя велись въ то время между Англіей и Франціей въ Европѣ (война за австрійское наслѣдство и семилѣтняя война), велись одновременно и въ Остъ-

Индіи и имѣли результатомъ—постепенное ослабленіе французскаго вліянія въ Индіи. Къ шестидесятымъ годамъ прошлаго столѣтія борьба эта кончилась въ Остъ-Индіи торжествомъ Англіи надъ Франціей, полнымъ развитіемъ широкой, но крайне гибельной для Остъ-Индіи дѣятельности англійской Остъ-Индской компаніи, которая начала совершенно безчеловѣчно эксплоатировать туземное населеніе. Злоупотребленія достигли крайнихъ размѣровъ; они возбуждали даже крайне скандалезные процессы. Туземное населеніе неоднократно возмущалось противъ этихъ насилій со стороны англичанъ: въ отдѣльныхъ мѣстахъ происходили открытыя возстанія, скоро впрочемъ подавляемыя. Это крайне ненормальное положеніе вещей заставило наконецъ англійское правительство обратить серьезное вниманіе на событія, совершавшіяся въ то время въ Остъ-Индіи.

Въ Англіи въ министерство Фокса былъ внесенъ въ парламентъ билль о преобразованіи правленія компаніи, но билль этотъ не прошелъ, что повлекло за собою даже паденіе министерства Фокса.

Послѣ него Вилльямъ Питтъ снова внесъ этотъ билль, только нѣсколько измѣненный и на этотъ разъ удалось ему его провести. По этому послѣднему биллю политическая и военная власть были совершенно изъяты изъ уполномочій правленія компаніи; послѣднему предоставлено было исключительно только веденіе торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ компаніи. Всѣ-же остальныя функціи, входившія прежде въ юрисдикцію правленія компаніи, перешли теперь въ веденіе англійскаго правительства.

Вотъ каково было положеніе дѣлъ въ Остъ-Индіи во второй половинѣ XVIII столѣтія.

Передъ тѣмъ какъ перейти къ обозрѣнію исторіи Франціи при Людовикѣ XVI, въ эпоху непосредственно предшествующую великой революціи конца прошлаго столѣтія, мы остановимся только на весьма короткое время на обозрѣніи исторіи Англіи во второмъ періодѣ нашего курса, т. е. съ сороковыхъ годовъ XVIII столѣтія, въ то время, когда во главѣ управленія Англіей находился геніальный министръ Вилльямъ Питтъ старшій. Обозрѣніемъ-же исторіи Франціи въ на-

чалѣ царствованія Людовика XVI мы и закончимъ настоящій курсъ, доведя его такимъ образомъ до революціи.

Вилльямъ Питтъ родился въ 1708 г. въ правленіе королевы Анны. Онъ по происхожденію своему принадлежалъ не къ аристократіи, а къ сословію, носящему въ Англіи названіе „gentry", (дворянство) давшему ей столь много выдающихся дѣятелей ея исторіи; тѣмъ не менѣе родъ его былъ древній. Очень мало сохранилось у насъ извѣстій о его молодости.

Вилльямъ Питтъ былъ младшій сынъ семейства и воспитывался въ знаменитой до сихъ поръ въ Англіи Итонской школѣ, по окончаніи въ ней курса, онъ перешелъ въ Оксфордскій университетъ. Страдалъ онъ съ молодости сильными припадками подагры, не оставшимися безъ послѣдствій для его нервной, впечатлительной натуры.

Его физическая слабость и постоянные недуги, вѣчные спутники его жизни, препятствовали ему съ молодости предаваться веселой и разгульной жизни среди товарищей и заставляли его, напротивъ, сосредоточиваться въ самомъ себѣ и удѣлять все свое время чтенію и размышленію. Онъ зачитывался древними классиками, проникаясь совершенно духомъ античнаго міра. Особенно привлекалъ его Демосѳенъ, который сталъ для него образцемъ краснорѣчія. Читая его, онъ готовился къ будущей своей дѣятельности парламентскаго оратора. Онъ и выступилъ на политическое поприще въ 1735 г. и сразу сталъ въ ряды оппозиціи, блестящимъ образомъ выступавшей противъ Роберта Вальполя и въ жгучихъ рѣчахъ своихъ разбивавшей его политику.

Между Робертомъ Вальполемъ и Вилльямомъ Питтомъ существовалъ совершенный контрастъ въ характерахъ и въ свойствахъ ихъ индивидуальной личности. Можно сказать, что все, что недоставало Вальполю, съ избыткомъ находилось въ Питтѣ и на оборотъ; ихъ характеры какъ-бы дополняли другъ друга, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляли и рѣзкій контрастъ между собою. Природа какъ-бы создала этихъ двухъ государственныхъ людей естественными антагонистами во всѣхъ вопросахъ внутренней и внѣшней политики. Между Питтомъ и Вальполемъ не могло быть ничего общаго, они были по натурѣ своей слишкомъ различны. Насколько Вальполь отличался хладнокровіемъ, невозмутимостью духа, свя-

занною съ крайнимъ политическимъ тактомъ; настолько, напротивъ, Питтъ легко поддавался увлеченіямъ, вѣчно порывался впередъ, подъ вліяніемъ всецѣло охватывавшаго его грандіознаго политическаго плана, который онъ умѣлъ проводить съ необыкновенною настойчивостью и энергіею, со всѣмъ жаромъ и пыломъ высокаго, недоступнаго никакимъ мелкимъ, тщеславнымъ побужденіямъ патріотическаго чувства. Въ его любви къ родинѣ, въ его желаніи видѣть Англію на апогеи ея политической славы, было нѣчто, напоминавшее любовь древнихъ римлянъ и аѳинянъ къ ихъ отчизнѣ. Это была какая-то исключительная, ревнивая, безпощадная любовь.

Онъ желалъ-бы видѣть Англію самою великою и самою могущественною державою въ мірѣ. Онъ желалъ-бы, чтобы вся Европа трепетала при одномъ ея имени.

Понятно, что человѣкъ, проникнутый такими идеями, не могъ хладнокровно относиться къ той миролюбивой, лишенной всякаго внѣшняго блеска и даже всякаго національнаго достоинства политикѣ, которую проводилъ Вальполь въ послѣдніе годы своего министерства.

Это миролюбіе Вальполя, эта уступчивость съ его стороны казались Питту прямымъ униженіемъ политическаго достоинства Англіи. Къ тому же открыто, какъ мы знаемъ, проводимая Вальполемъ система подкуповъ, внушала Питту глубокое, нисколько не скрываемое имъ отвращеніе. Поэтому при самомъ вступленіи своемъ на политическую арену, онъ съ увлеченіемъ примкнулъ къ противуположному Вальполю лагерю, прямо ему враждебному. Скоро въ самомъ парламентѣ представился Питту случай выступить противъ своего политическаго противника Роберта Вальполя. Этотъ случай имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для Вальполя.

Послѣ одной серьезной стычки въ парламентѣ, Вальполь, чтобы отомстить своему политическому противнику, лишилъ его офицерскаго чина. Но это имѣло послѣдствіемъ только еще большее возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ деспотизма всесильнаго, ненавистнаго большинству министра. Питтъ нашелъ защиту противъ Вальполя въ покровительствѣ, оказываемомъ ему принцемъ Валлійскимъ, который находился въ то время во главѣ оппозиціи виговъ. Онъ потому могъ

продолжать нападать на Вальполя съ такою-же энергіею, но за то еще съ бо̀льшимъ авторитетомъ. Извѣстно, что несчастная война съ Испаніей, которую Вальполь не имѣлъ достаточно гражданскаго мужества остановить, какъ явно гибельную для Англіи и противную его политическимъ убѣжденіямъ, рѣшила его участь. Оппозиція наконецъ достигла той цѣли, къ которой такъ долго и такъ упорно стремилась. Вальполь палъ въ 1742 г., а вмѣстѣ съ нимъ и все его министерство.

Съ паденіемъ Вальполя, установился въ парламентскихъ сферахъ въ Англіи полный разладъ. Каждая изъ многочисленныхъ борющихся партій надѣялась теперь захватить власть въ свои руки, пользуясь общимъ смятеніемъ и отсутствіемъ всякой солидарности во взглядахъ.

Вальполя замѣнилъ давнишній его политическій соперникъ—лордъ Картеретъ, занимавшій должность статсъ-секретаря въ министерствѣ братьевъ Пильгемовъ.

Этотъ лордъ Картеретъ представляетъ собою крайне оригинальную фигуру англійскаго государственнаго человѣка второй половины XVIII столѣтія. Природа щедро надѣлила его умомъ, выдающимися политическими дарованіями, соединенными съ феноменальною памятью и эрудиціей.

Ни одна область человѣческаго знанія не была для него чуждою; и при всемъ томъ онъ не былъ педантомъ; все кипѣло въ немъ жизнью, остроуміемъ и блестящимъ сарказмомъ. Это вѣчно радостное настроеніе духа поддерживалъ онъ обильными возліяніями. Склонность къ эпикуризму и всегдашняя беззаботность, лежавшая въ основѣ его характера, мѣшали ему сдѣлаться дѣйствительно великимъ государственнымъ человѣкомъ Англіи. Къ его несчастью, онъ получилъ портфель перваго министра какъ разъ въ то врем я когда въ Англіи общественное мнѣніе было вполнѣ разочаровано наступившимъ послѣ паденія Вальполя хаосомъ. Оппозиція, возлагавшая блестящія надежды на преемниковъ Вальполя, убѣдилась въ томъ, что она горько ошиблась и потому хотѣла излить на комъ нибудь свое негодованіе.

Въ такіе моменты народный гнѣвъ не разбираетъ. Картеретъ, какъ первый министръ, какъ разъ подвернулся въ это время, чтобы испытать на себѣ взрывъ народнаго неудовольствія. Но непопулярность Картерета проистекала еще отъ

другой, болѣе важной причины. Происходила она отъ того, что новое министерство, во главѣ котораго находился Картеретъ, не только не измѣнило старой, дурной системы управленія страной, не только не прекратило крайнихъ злоупотребленій и всевозможныхъ подкуповъ, существовавшихъ при Вальполѣ, но напротивъ, при преемникахъ его, они стали практиковаться пожалуй даже еще въ большихъ размѣрахъ. И ко всему этому пагубному внутреннему управленію присоединилась еще при Картеретѣ постыдная, антинаціональная, ганноверская политика, столь нравящаяся королю Георгу II, которому съумѣлъ понравиться и сдѣлаться совершенно необходимымъ Картеретъ, угождая его ганноверскимъ пристрастіямъ, въ ущербъ кровнымъ національнымъ интересамъ Англіи.

Къ тому-же Картеретъ увлекался громкою славою на континентѣ; онъ желалъ, чтобы его имя произносилось-бы тамъ съ уваженіемъ и страхомъ, какъ имя министра, выдвинувшаго Англію на степень могущественной европейской державы. Мелочи администраціи, рутинныя занятія внутреннимъ управленіемъ его не занимали; онъ ихъ считалъ недостойными своихъ талантовъ. Онъ предоставлялъ ихъ братьямъ Пильгемамъ, самъ-же исключительно занялся внѣшнею политикой, ища дѣятельности громкой, блестящей, широкой. Онъ первый, можно сказать, положилъ начало этой столь пагубной для Англіи системѣ иностранныхъ субсидій и наемныхъ войскъ, которыя обременяли ея бюджетъ и дискредитировали нравственное ея вліяніе въ Европѣ въ теченіе почти цѣлаго столѣтія. Въ вспыхнувшей на континентѣ войнѣ за австрійское наслѣдство, Георгъ II прежде всего видѣлъ неминуемую опасность со стороны Фридриха II, который пожалуй, вздумаетъ поступить также съ маленькимъ ганноверскимъ курфюршествомъ, какъ онъ это сдѣлалъ съ Силезіей. Поэтому прикрывая свой планъ громкими фразами о политическомъ равновѣсіи, о достоинствѣ Англіи, Георгъ II поспѣшилъ обезпечить Ганноверъ англійскимъ войскомъ и англійскимъ золотомъ и такимъ образомъ примкнулъ къ союзу съ Австріей.

Но не такъ-то легко было обмануть общественное мнѣніе въ Англіи, которое скоро поняло, куда клонится его поли-

тика, что, конечно. только еще болѣе увеличило антипатію англійскаго народа къ первому министру Картерету, поддерживавшему короля въ его антинаціональной политикѣ. Оппозиція вслѣдствіе этого только еще болѣе росла, не смотря на обильные подкупы, производимые правительствомъ въ парламентѣ.

Во главѣ этой оппозиціи противъ министерства Картерета находился Питтъ. Его патріотическая гордость оскорблена была этимъ служеніемъ ганноверскимъ интересамъ; онъ называлъ это безчестіемъ Англіи, которая становилась такимъ образомъ, по его мнѣнію, не болѣе какъ провинціей ничтожнаго курфюршества.

Время его политической борьбы противъ Картерета было одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ жизни Питта. Къ этому времени дарованія его достигли полнаго развитія. На него обращены были взоры всей націи; онъ сталъ самымъ популярнымъ человѣкомъ въ Англіи, такъ какъ открыто въ парламентѣ высказывалъ то, что у всѣхъ было въ мысляхъ и такимъ образомъ являлся настоящимъ истолкователемъ назрѣвшей у всѣхъ антипатіи и даже злобы противъ унизительной, антипатріотической политики кабинета Картерета. Вильгемы поняли, что крайняя непопулярность Картерета переходитъ и на нихъ и потому согласились, наконецъ, пожертвовать Картеретомъ, чтобы самимъ удержаться во главѣ министерства..

Между тѣмъ лордъ Картеретъ своими неумѣлыми и безтактными распоряженіями постоянно увеличивалъ число своихъ враговъ.

Къ тѣмъ, которые обращались къ нему съ ходатайствомъ о полученіи мѣста въ управленіи, Картеретъ отвѣчалъ обыкновенно, что это до него не касается. „Что мнѣ за дѣло", сказалъ онъ между прочимъ главному судьѣ Вилльсу, „кто будетъ судьей и кто епископомъ! Мое призваніе—производить королей и императоровъ и поддерживать равновѣсіе на континентѣ. У меня нѣтъ времени для пустяковъ". „Если такъ", отвѣтилъ ему Вилльсъ, „то вы можете быть увѣрены, что желающіе получить должность, пойдутъ къ тѣмъ, у кого больше времени". Въ концѣ 1744 г. составился противъ Картерета парламентскій заговоръ, душою котораго былъ

Питтъ. На сдѣланное Картеретомъ снова въ парламентѣ предложеніе выдать новую сверхсмѣтную субсидію на содержаніе войска въ Ганноверѣ, онъ къ крайнему своему удивленію, получилъ категорическій отказъ, прошедшій въ парламентѣ единогласно.

Георгъ II, не смотря на всю свою привязанность къ Куртерету, принужденъ былъ, наконецъ, согласиться на желаніе оппозиціи и подписать его отставку. Такъ кончилось министерство Картерета, прозванное шутниками „хмѣльнымъ министерствомъ".

Царствованіе Георга II было моментомъ застоя и перерыва въ безконечной борьбѣ партій въ парламентѣ. Партія виговъ, которая со временъ Карла II сражалась за конституціонный порядокъ въ Англіи, за свободу личности и за свободу слова, завершила свое дѣло и достигла при Ганноверской династіи неоспоримаго господства въ странѣ. Она захватила въ свои руки совершенно всѣ государственныя и церковныя должности. Но это достиженіе цѣли, къ которой стремилась эта партія десятками лѣтъ, имѣло и весьма печальныя послѣдствія для самаго дальнѣйшаго ея существованія. Не сдерживаемая болѣе интересомъ и опасностью борьбы, не опасаясь болѣе за свое существованіе, партія виговъ скоро распалась на отдѣльныя мелкія фракціи и такимъ образомъ совершенно утратила свое единство; на мѣсто прежнихъ великихъ подвиговъ, совершаемыхъ тѣсно сплоченною партіею, возникла теперь игра мелкаго честолюбія и личныхъ эгоистическихъ интересовъ.

Эти отдѣльныя котеріи, находившіяся подъ руководствомъ какого нибудь богатаго и вліятельнаго члена парламента и состоявшія изъ личныхъ его приверженцевъ, носили названіе въ Англіи "conection". Эти котеріи отличалались между собою не политическими началами или убѣжденіями, а только тѣмъ, что во главѣ каждой изъ нихъ стояла какая нибудь аристократическая фамилія, какъ напр.; Ветфорды, Гренвиллы, Пильгемы, наслѣдникъ престола и такъ далѣе.

Естественно, что при отсутствіи всякихъ высшихъ государственныхъ и общественныхъ интересовъ, политическіе дѣятели тогдашней Англіи руководствовались личными симпатіями и антипатіями, а еще чаще—эгоизмомъ и крайнимъ

властолюбіемъ. Все царствованіе Георга II и наполнено вѣчными ссорами аристократическихъ вигскихъ котерій и безпрерывною борьбою за министерскіе портфели. Вся политическая исторія Англіи этого времени и ограничивается исключительно мелкими интригами, въ которыхъ разыгрывались фамильныя страсти.

Этотъ разладъ въ партіи виговъ сильно ее ослаблялъ и грозилъ ей скоро совершеннымъ политическимъ ничтожествомъ. Сознавая это критическое положеніе, братья Пильгемы и рѣшились послѣ паденія Картерета, возстановить сильно пошатнувшееся единство вигской партіи, для осуществленія чего они задумали составить коалиціонное министерство, т. е. такое, въ которомъ имѣли-бы мѣсто представители всѣхъ вигскихъ фракцій и всѣхъ оттѣнковъ оппозиціи.

Георгъ II согласенъ былъ допустить въ министерство всѣхъ вождей разнообразныхъ вигскихъ фракцій, но не хотѣлъ и слышать о Питтѣ, котораго онъ ненавидѣлъ за его язвительные нападки на его ганноверскую политику и, вообще, за его пристрастіе къ возлюбленному Ганноверу.

Чтобы не помѣшать осуществленію политической программы братьевъ Пильгемовъ, которой онъ вполнѣ сочувствовалъ, Питтъ согласился лучше обождать и не принимать пока дѣятельнаго участія въ министерствѣ, въ виду упорной антипатіи, питаемой къ нему Георгомъ II.

Министерство братьевъ Пильгемовъ получило въ Англіи названіе „министерства на широкомъ основаніи“ („broad bottom administration“) оттого, что всѣ оттѣнки вигской партіи нашли въ немъ своихъ представителей. Продолжалось оно цѣлыхъ десять лѣтъ, въ теченіе которыхъ совершенно прекратилась прежняя упорная парламентская война. Это министерство не выставило никакого новаго принципа; все собственно осталось по старому, но честолюбіе всѣхъ представителей значительныхъ вигскихъ фракцій было удовлетворено.

Нація была теперь довольна министерствомъ, такъ какъ обманутая въ своихъ ожиданіяхъ и надеждахъ, послѣ паденія Вальполя, она пришла въ броженіе и должна была обратить свое негодованіе противъ кого нибудь. Жертвою въ этомъ случаѣ явился Картеретъ, послѣ паденія котораго

должна была наступить въ настроеніи націи сильная реакція въ смыслѣ необыкновенной политической апатіи.

Такому спокойному настроенію парламентскихъ сферъ много способствовалъ характеръ обоихъ братьевъ Пильгемовъ. Младшій братъ, Генри Пильгемъ, занималъ должность лорда казначейства. Про него можно сказать, что это была золотая посредственность. Его уступчивость, непритязательность и умѣніе ладить со всѣми и были причиною его долголѣтней власти; своимъ примирительнымъ характеромъ онъ поддерживалъ единство въ вигской партіи. Старшій изъ братьевъ— Томасъ, герцогъ Ньюкэстльскій, занималъ дожность главнаго статсъ-секретаря. Это былъ человѣкъ мелкаго ума и дюжинныхъ способностей и при томъ крайне комичный по своей фигурѣ. Невѣжество его давало поводъ къ безчисленнымъ анекдотамъ. Властолюбіе было въ немъ такъ сильно, что вполнѣ замѣняло собою умъ и природныя дарованія: онъ любилъ власть какою-то ревнивою, ненасытною любовью. Отличался онъ рѣдкимъ по тому времени безкорыстіемъ. Не смотря на всю свою бездарность, онъ обладалъ, такъ сказать, житейскою хитростью, всегда помогавшею ему въ жизни и заставлявшею Вальполя высказать про него—„имя его— вѣроломство“.

Скоро наступившая эпоха войнъ па континентѣ обнаружила всю неспособность Ньюкэстля, онъ долженъ былъ уступить мѣсто другимъ дѣятелямъ. Между тѣмъ Питтъ получилъ должность военнаго генералъ-казначея, на которой онъ показалъ все свое безкорыстіе, такъ какъ эта должность считалась самою доходною въ Англіи. Это качество завоевало ему любовь и симпатію націи, называвшей его „великимъ коммонеромъ“. И при всемъ томъ политическая карьера Питта шла весьма медленно. Это продолжительное политическое затишье внезапно прервалось въ 1754 г., со смертью Генри Пильгема. Послѣ его смерти братъ его, герцогъ Ньюкэстльскій, занялъ мѣсто перваго министра, предложивъ руководство нижней палаты Питту.

На него уже давно указывала вся нація; онъ пріобрѣлъ къ тому времени, главнымъ образомъ благодаря своему характеру и краснорѣчію, огромный авторитетъ въ странѣ. Онъ среди своихъ современниковъ представляетъ намъ от-

радную картину. По примѣру Демосѳена онъ много работалъ надъ выработкою своей дикціи. Настоящимъ его торжествомъ была импровизація, которой онъ предавался съ увлеченіемъ. Онъ поражалъ своихъ противниковъ безпощаднымъ сарказмомъ; но главная причина могучаго вліянія, оказываемаго имъ на слушателей, заключалась въ искренности чувства, въ энергіи его и въ нравственной возвышенности, которыми проникнута была вся его личность.

Между тѣмъ отношенія Ньюкэстля къ Питту были всегда натянутыя, такъ какъ онъ боялся его популярности, поэтому онъ постарался его замѣнить менѣе опасными для него личностями, какъ напр.: Вилльямомъ Морфей и Генри Фоксъ. Питтъ такимъ образомъ постепенно опять перешелъ въ лагерь оппозиціи.

Никогда краснорѣчіе Питта не было такъ блестяще, какъ въ его выдающейся рѣчи, направленной противъ министерства Фокса и Ньюкэстля, которое поддерживало Георга II въ его антинаціональной политикѣ. Въ это время, т. е. въ 1755 г., происходила война между Англіей и Франціей въ Сѣверо-Американскихъ колоніяхъ. Объ этой войнѣ мы уже говорили. Прослѣдивъ кратко состояніе Англіи въ сороковыхъ годахъ XVIII ст., мы теперь можемъ возвратиться къ исторіи Франціи наканунѣ революціи.

Мы въ общихъ чертахъ уже познакомились съ внутреннимъ состояніемъ Франціи, послѣ смерти Людовика XIV, при регентѣ Филиппѣ Орлеанскомъ и въ первые годы правленія Людовика XV. Мы прослѣдили также и ея внѣшнюю политику въ эту эпоху. Мы тогда особенно останавливались на характеристикѣ нравственнаго настроенія французскаго общества во второй половинѣ XVIII ст., что было намъ необходимо, для уразумѣнія литературнаго движенія, охватившаго сначала Францію, а засимъ и всю Европу въ эту эпоху.

Въ настоящее время намъ необходимо нѣсколько подробнѣе остановиться на картинѣ крайне хаотической администраціи, безъ всякаго опредѣленнаго плана и цѣли, этого полнаго хаоса, который Людовикъ XV передалъ своему внуку Людовику XVI. Тогда намъ ясно станетъ, что именно во Франціи, какъ въ странѣ болѣе подготовленной, долженъ былъ неминуемо раньше произойти взрывъ, распространив-

шійся затѣмъ и по всей Европѣ и приведшій ее къ ужасному кризису конца прошлаго столѣтія.

Для этого намъ необходимо сравнить тогдашнее положеніе Франціи съ положеніемъ остальныхъ западно-европейскихъ державъ.

Во Франціи во второй половинѣ XVIII ст. существовала монархія, безправнѣе и произвольнѣе которой не существовало ни одной въ то время въ Европѣ.

Абсолютная монархія въ другихъ государствахъ какъ ни была тяжела, являлась всетаки благодѣтельною для массы, какъ единственная государственная форма, въ которую могъ отлиться государственный организмъ, и въ которой онъ находилъ и защиту отъ средневѣковыхъ, феодальныхъ элементовъ, и надежное средство для развитія органическихъ силъ страны и народа.

Абсолютная монархія поэтому, какъ принципъ, была даже популярна въ Европѣ; никто ее не ненавидѣлъ, а возмущались только противъ отдѣльныхъ личностей, злоупотреблявшихъ этимъ принципомъ.

Потому-то не такъ-то легко было Наполеону впослѣдствіи, уже въ началѣ XIX ст., разрушить эти старыя монархіи, пустившія столь глубокіе корни въ народѣ.

Рядомъ съ этимъ во главѣ монархій въ западной Европѣ находились въ то время личности, болѣе или менѣе глубоко проникнутыя просвѣтительными идеями вѣка, убѣжденныя въ необходимости коренныхъ реформъ во внутреннемъ строѣ государства и старавшіяся на практикѣ приложить эти теоретическія, гуманныя идеи, заимствованныя изъ просвѣтительной литературы и философіи XVIII столѣтія. Таковы были геніальныя личности Екатерины II, Фридриха II, Маріи Терезіи, Іосифа II и другихъ.

Не то было во Франціи. Тамъ въ эту-же эпоху во главѣ управленія Франціей находилась личность, въ которой сосредоточивались всѣ худыя и вредныя качества абсолютизма и отсутствовали всѣ хорошія.

И въ самой Франціи до Людовика XIV были монархи и министры, понимавшіе идею абсолютизма болѣе возвышенно, которые имѣли въ виду благо страны, а не собственное только прославленіе. Таковы были министры Ришелье и Мазарини.

То было время самаго еще зарожденія системы государственной централизаціи, столь благодѣтельной вначалѣ для Франціи и столь пагубной для нея впослѣдствіи, когда эта система выродилась въ деспотизмъ.

Мы уже говорили, что въ этомъ вырожденіи первоначально въ высшей степени полезной и благодѣтельной системы и заключалась капитальная ошибка всего правленія Людовика XIV, все поставившаго въ зависимость отъ своей единой воли, а не отъ основныхъ законовъ страны, построившаго всю сложную систему государственнаго механизма не на прочныхъ, незыблемыхъ учрежденіяхъ, а лишь на личномъ произволѣ и даже не подготовившаго вовсе пути къ созданію этихъ учрежденій.

И въ другихъ государствахъ западной Европы во второй половинѣ XVIII ст. оставались еще многочисленные слѣды средневѣковыхъ феодальныхъ учрежденій, которые съ большимъ трудомъ уступали свое мѣсто новымъ формамъ государственнаго устройства, но нигдѣ не было такъ много этихъ слѣдовъ, какъ во Франціи, хотя они тамъ лишены были всякаго реальнаго значенія, на ряду со всюду проникавшимъ монархическимъ деспотизмомъ. Этотъ монархическій абсолютизмъ XVIII ст., хотя и просвѣщенный и возвышенный по основной своей идеи, хотя и популярный до нѣкоторой степени въ Европѣ, долженъ былъ по законамъ историческаго развитія, неминуемо со временемъ видоизмѣниться.

Неминуемо рано или поздно долженъ былъ наступить моментъ, когда народу надо было дать большій просторъ, снять съ него столѣтіями тяготѣвшій надъ нимъ гнетъ.

Если бы правительства, сознавая неизбѣжность этого переворота, подготовлялись-бы къ нему постепенно, путемъ необходимыхъ коренныхъ реформъ государственнаго и соціальнаго строя, постепенно проводимыхъ, то переворотъ этотъ могъ бы совершиться безъ страшныхъ потрясеній, которыми онъ сопровождался во Франціи. Мы и видѣли, что Фридрихъ II, Іосифъ II и многочисленные государственные люди второй половины XVIII ст. давали себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ въ серьезности переживаемой ими эпохи и стремились путемъ реформъ избѣжать наступавшій кризисъ. Но не такъ было во Франціи въ эту эпоху. Тамъ почва была

заранѣе подготовлена для роковаго кризиса, плодъ созрѣлъ ранѣе, а потому и взрывъ долженъ былъ произойти ранѣе.

Во Франціи, по ходу ея исторіи, нельзя было ожидать мирнаго переворота. Монархическій абсолютизмъ, созданный Людовикомъ XIV и его предшественниками, основался, собственно говоря, на фактическомъ въ то время превосходствѣ силы правительства, все централизировавшаго и регулировавшаго. Но рядомъ съ этою могущественною силою во второй половинѣ XVIII ст.—правительственнымъ организмомъ, продолжали существовать и безчисленныя средневѣковыя корпораціи и формы, не стѣсненныя никакими законами, продолжавшія обладать чрезмѣрными правами и привилегіями. Отсюда — неизбѣжность во Франціи вѣчной колизіи, вѣчной борьбы между монархическимъ принципомъ и отживающимъ свой вѣкъ, но еще далеко не утратившимъ своего значенія средневѣковымъ феодализмомъ. Въ свою очередь монархія стремилась парализировать вліяніе этихъ стѣснявшихъ ее элементовъ, устанавливая вмѣсто нихъ свою неограниченную власть. De jure такимъ образомъ монархія во Франціи была строго ограничена, de facto же — она не допускала надъ собою никакого контроля.

По закону парламенты — états généraux — имѣли опредѣленную законодательную власть, право контроля надъ всѣми дѣйствіями и распоряженіями правительства, въ дѣйствительности-же короли Франціи, начиная съ Людовика XIV, систематично ихъ игнорировали. Etats généraux, которые должны были пользоваться рѣшающимъ голосомъ во внутреннемъ управленіи страны, въ особенности въ вопросахъ финансовыхъ, десятками лѣтъ не созывались.

Въ Пруссіи, когда утвердился абсолютизмъ, правительство поступило гораздо откровеннѣе и прямѣе. Отъ Landstände потребовали, чтобы была ассигнуема сумма на потребности государства, когда-же они отказали ее ассигновать, правительство прямо отняло у Landstände право обсужденія финансовыхъ вопросовъ и само стало сбирать эту сумму, даже увеличивая ее въ случаѣ нужды. Тотъ-же хаосъ господствовалъ во Франціи и въ области права—гражданскаго и уголовнаго, въ отношеніяхъ государства къ многочисленнымъ самостоятельнымъ органамъ управленія и къ частнымъ лицамъ.

Между парламентомъ и королемъ происходятъ постоянныя столкновенія, вслѣдствіе отсутствія всякаго опредѣленнаго, строгаго разграниченія между ихъ функціями. Древнефранцузское право господствуетъ въ концѣ XVIII столѣтія во Франціи на ряду съ римскимъ и съ провинціальнымъ обычнымъ правомъ, постоянно нарушаемыми произвольными королевскими эдиктами. Для каждаго отдѣльнаго класса населенія, каждаго сословія, каждой правительственной или придворной должности существуютъ особыя инстанціи суда, часто діаметрально расходящіяся въ своихъ рѣшеніяхъ; однимъ словомъ, въ органическихъ законахъ судопроизводства страны не существовало никакого единства, отсутствовало всякое объединяющее начало.

Естественны отсюда общія жалобы противъ неправосудія, корыстолюбія судебнаго персонала и нестерпимаго произвола. И при всѣхъ этихъ остаткахъ феодальной разрозненности замѣчается стремленіе правительства провести строгую централизацію.

Управленіе административное тоже отличалось совершеннымъ отсутствіемъ единства дѣйствія. Во главѣ „conseil du roi", состоявшаго изъ министровъ, находился „controleur général". Въ этомъ совѣтѣ на ряду съ важнѣйшими государственными вопросами разсматривались и самые не существенные. Во главѣ провинцій находились губернаторы, принадлежавшіе обыкновенно къ высшей аристократіи, нерѣдко даже принцы крови. Ихъ назначали на эту должность, какъ бы въ вознагражденіе за утраченное ими прежнее политическое значеніе. У губернаторовъ въ рукахъ была исключительно только военная власть, внутреннее-же управленіе провинціей подчинено было такъ называемымъ „intendants". Эти послѣдніе не принадлежали къ высшему сословію; это были люди, вышедшіе преимущественно изъ третьяго сословія, проложившіе себѣ служебную карьеру прилежаніемъ и усердною службою.

Они распредѣляли подати въ провинціяхъ и взимали ее, производили наборъ, творили судъ, управляли полиціею и хозяйствомъ во ввѣренныхъ имъ провинціяхъ. Большинство изъ нихъ злоупотребляло своею властью и такимъ образомъ возбуждало противъ правительства народную ненависть. Между

тѣмъ они были представителями этого правительства, его оффиціальными органами; своими незаконными распоряженіями они подрывали довѣріе народа, населенія отдаленныхъ провинцій къ правительству, которое мало-по-малу стали обвинять во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ. Потому-то впослѣдствіи, во время революціи и раздавались крики—„mort aux intendants", но никогда не кричали „mort aux gouverneurs". Помощники этихъ intendants носили названіе — subdélégués. На обязанности ихъ лежало доводить обо всемъ до свѣдѣнія высшаго начальства, такимъ образомъ всякая мелочь восходила до высшихъ бюрократическихъ инстанцій. Даже починить мостъ или дорогу въ отдаленной провинціи нельзя было, безъ разрѣшенія центральнаго органа управленія, засѣдавшаго въ Парижѣ.

Всякая самодѣятельность въ провинціи была убита, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивались чрезмѣрныя требованія къ правительству, фактически лишенному возможности входить въ разсмотрѣніе всѣхъ безчисленныхъ жалобъ и ходатайствъ, поступавшихъ къ нему изъ провинцій.

Правительство стали обвинять во всѣхъ народныхъ бѣдствіяхъ, обрушивавшихся на народное хозяйство, — въ епизотіяхъ, въ пожарахъ.

Конечно, вслѣдствіе слабости правительства, отъ котораго все ожидали и которое между тѣмъ дѣлало весьма мало для блага Франціи, все болѣе и болѣе усиливалась ненависть къ нему народа.

Эта крайняя централизація, это совершенное убіеніе всякой самодѣятельности провинцій и были главными причинами невозможности для Франціи противостоять приближавшемуся кризису и она, можно сказать, и до сихъ поръ страдаетъ отъ этой анормальности въ своемъ развитіи. Эту централизацію создала еще система Людовика XIV и только къ концу XVIII столѣтія явственно стали давать себя чувствовать всѣ ея невыгоды.

Въ одномъ Парижѣ сосредоточивалась, какъ въ фокусѣ, вся внутренняя жизнь Франціи — вся ея администрація, все высшее образованіе; близость двора привлекала всѣ таланты и дарованія, а провинціи лишались самыхъ необходимыхъ своихъ дѣятелей и рабски подчинялись и подражали во

всемъ Парижу, который становился положительно единственнымъ указателемъ умственнаго настроенія и литературнаго движенія для всей Франціи, но въ тоже время соединялъ въ себѣ и всѣ больные соки государства. Если-бы Парижъ встрѣтилъ хоть нѣкоторый противовѣсъ въ провинціяхъ, можно съ увѣренностью сказать, что никогда событія такъ не разыгрались-бы во время наступившей революціи. Парижъ являлся не только единственнымъ центромъ администраціи, науки, искусствъ и художества, но и главнѣйшимъ центромъ торговли и промышленности для цѣлой Франціи; въ немъ находились самые значительные фабрики и заводы—отсюда развитіе пролетаріата—элемента, крайне опаснаго въ моменты кризиса и потрясеній. Этотъ пролетаріатъ мало по мало захватилъ въ свои руки всю власть, не встрѣчая никакого противодѣйствія со стороны здоровыхъ элементовъ въ провинціяхъ. Мы видимъ, что среди органовъ государственной власти господствовали полнѣйшій хаосъ и крайняя ненормальность въ развитіи всѣхъ ея функцій. И ко всему этому разладу въ правительственныхъ сферахъ присоединялась еще непримиримая ненависть между сословіями.

Матеріальное положеніе французскаго крестьянина было въ сущности лучше положенія крестьянъ въ другихъ странахъ. Ему доступна была мелкая торговля, онъ могъ по желанію переселяться, онъ не былъ прикрѣпленъ къ землѣ и не находился къ крѣпостныхъ отношеніяхъ къ помѣщику. Онъ даже являлся часто мелкимъ собственникомъ и такихъ мелкихъ собственниковъ во Франціи было въ то время не мало. Можно полагать, что треть Франціи находилась въ рукахъ такихъ собственниковъ, но участки эти до того были мелки, что представляли слишкомъ мало для обезпеченія матеріальнаго положенія владѣльца. Отсюда—происхожденіе сельскаго пролетаріата.

Остальныя двѣ трети Франціи находились въ рукахъ дворянства и духовенства, отношенія этихъ помѣщиковъ къ крестьянскому населенію были крайне своеобразныя во Франціи.

Въ другихъ странахъ помѣщики, получая права надъ своими крестьянами, сохраняли за собою и нѣкоторыя обязанности по отношенію къ нимъ. Въ ихъ рукахъ сосредото-

чивались администрація, судъ, сборъ податей и налоговъ. Они являлись такимъ образомъ въ родѣ правительственныхъ чиновниковъ по отношенію къ крестьянскому сословію. Во Франціи, напротивъ, помѣщикъ, прежній феодалъ, всѣ эти обязанности, связанныя съ его правами, утратилъ въ пользу государства, сохранивъ только за собою право насилія и произвола.

Слѣдовательно во Франціи не было и слѣдовъ патріархальныхъ отношеній помѣщика къ своимъ крестьянамъ, сохранившихся отчасти въ другихъ странахъ, при существованіи которыхъ онъ заботился о ихъ имущественномъ положеніи и о матеріальномъ и экономическомъ ихъ бытѣ. Во Франціи помѣщики только сбирали въ свою пользу пошлину со всѣхъ экономическихъ доходныхъ статей, не вступая ни въ какія отношенія къ своимъ плательщикамъ; представителемъ интереса помѣщика являлся его управляющій или арендаторъ, который безжалостно, до послѣдней копѣйки, высасывалъ съ нищаго крестьянскаго сословія все, что только можно было извлечь изъ него, всячески, конечно, его эксплоатируя. Отсюда крайняя нищета крестьянскаго сословія, полный упадокъ земледѣлія. Подати всѣмъ своимъ бременемъ ложились исключительно на крестьянъ, такъ какъ остальныя сословія пользовались различными льготами и привилегіями, чтобы не платить. Изъ промысловъ процвѣтали только тѣ, которые выдѣлывали предметы роскоши, а не насущной потребности. Во Франціи вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ не было въ концѣ XVIII столѣтія здороваго крестьянскаго сословія; обнищавшій и совершенно разоренный крестьянинъ въ непосильномъ, неблагодарномъ трудѣ видѣлъ только вѣчную причину ненавидѣть своего помѣщика, ничего не дѣлавшаго, чтобы его поддержать.

Не было и здороваго дворянскаго сословія, потому, что оно не жило въ своихъ помѣстьяхъ, а проживало всѣ свои доходы въ столицѣ, вѣчно нуждаясь въ деньгахъ; а провинція между тѣмъ лишена была отъ него всякой матеріальной и нравственной помощи. Единственнымъ отраднымъ исключеніемъ представляла въ это время отчасти область Vendée, гдѣ еще сохранились между дворянскимъ и крестьянскимъ сословіемъ нѣкоторыя патріархальныя отношенія.

Ненависть народа къ дворянскому сословію распространялась и на духовенство, но не потому, что масса проникнута была атеистическимъ направленіемъ. Вольтеръ и энциклопедисты могли имѣть вліяніе только на средній и высшій классъ населенія, но не на массу, которая была по большей части безграмотна. Народъ ненавидѣлъ не церковь, а ненавидѣлъ свѣтскую и имущественную власть духовенства, феодальныя права дворянства, всѣмъ своимъ бременемъ ложившіяся на него. Духовная и свѣтская аристократія во Франціи обратилась въ касту, которая жила исключительно на счетъ крестьянскаго сословія, его трудами и его потомъ.

Кастовому раздѣленію въ селахъ соотвѣтствовало такое-же раздѣленіе въ городахъ, основанное на средневѣковомъ цеховомъ устройствѣ.

Промыслы передавались отъ отца къ сыну, никогда не выходя изъ рода; результатомъ было то, что въ одномъ Парижѣ было до 80 тысячъ рабочихъ, остававшихся безъ куска хлѣба и соединявшихся въ тайныя рабочія ассоціаціи; мѣста сборища ихъ находились въ предмѣстьяхъ города — St. Marceau и нынѣшнемъ faubourg St. Antoine.

Тоже кастовое устройство замѣчается и въ войскѣ, въ которомъ высшихъ офицерскихъ должностей могли достигнуть только потомки знатныхъ родовъ Франціи, по крайней мѣрѣ въ четырехъ нисходящихъ поколѣніяхъ. Войско-же всѣми своими симпатіями примыкало къ народу.

Такимъ образомъ во всемъ замѣчался полный разладъ. Общая гармонія въ государственномъ организмѣ была нарушена. И ко всему этому присоединялось вліяніе уже разобранной нами литературы, поражавшей совершеннымъ противорѣчіемъ между словомъ и дѣйствительностью. Литература эта, совершенно игнорируя неприглядную дѣйствительность, парила въ отвлеченномъ мірѣ идеаловъ и развивала въ современномъ обществѣ крайнюю мечтательность. Не она произвела революцію, а напротивъ, революція была вызвана ненормальностью положенія государственнаго и соціальнаго строя, причемъ литература XVIII вѣка рельефно выставила всю эту анормальность и обратила вниманіе современнаго общества на ея крайности.

И въ этомъ крылось глубокое различіе между француз-

скою литературою того времени и современной ей литературою Германіи и преимущественно Англіи. Въ Англіи писатели были вмѣстѣ съ тѣмъ и политическими дѣятелями, министрами, парламентскими ораторами, однимъ словомъ, это были люди практическіе, знакомые съ ходомъ внутреннихъ и внѣшнихъ политическихъ событій, совершавшихся въ то время въ Англіи; отсюда и англійская публистическая литература носила на себѣ чисто практическій характеръ.

Совершенно иное явленіе представляютъ намъ французскіе писатели и философы XVIII вѣка. Они находились совершенно внѣ всякой политической дѣятельности, а потому лишены были всякаго практическаго взгляда на современное имъ положеніе Франціи.

Они ограничиваются тѣмъ, что крайне рѣзко, хотя иногда и талантливо, приводятъ всю несостоятелность стараго порядка вещей и полную неизбѣжность смѣны его новымъ и только очень немногіе изъ нихъ выставляютъ тѣ возвышенные идеалы, изъ-за которыхъ они такъ безпощадно открываютъ глаза своихъ современниковъ на ужасное положеніе, въ которомъ находилась Франція наканунѣ роковаго кризиса.

И во главѣ этой ужасной дисгармоніи, этой глубокой бездны между церковью, государствомъ и обществомъ, между всѣми господствовавшими въ то время идеями и принципами—стоялъ Людовикъ XV, систематически въ теченіе десятковъ лѣтъ, позорившій своею частною жизнью монархическій принципъ, нѣкогда, еще такъ недавно, столь грозный для Франціи. Въ самомъ народѣ мало-по-малу начиналъ колебаться этотъ принципъ; между тѣмъ народъ въ душѣ долго еще продолжалъ оставаться совершенно преданнымъ монархіи, какъ единственной формѣ энергическаго, довѣряющаго самому себѣ правительства, на которое онъ возлагалъ всѣ свои надежды.

При всемъ томъ у Людовика XV не было даже и слѣдовъ ни нравственнаго величія Великаго Людовика, ни его громаднаго авторитета и чрезмѣрнаго престижа, ни, наконецъ даже простаго внѣшняго приличія, связаннаго съ величіемъ королевскаго сана. Открытое распутство, жалкій развратъ и крайній цинизмъ, выступали совершенно открыто и заслоняли собою нѣкогда столь блестящую обстановку Версальскаго двора, такъ ослѣплявшую современниковъ.

Куда дѣвались знаменитые нѣкогда полководцы—Тюрень, Конде, Люксембургъ, Вендомъ, своими блестящими военными подвигами прославившіе Францію и завоевавшіе ей первенствующее мѣсто въ Европѣ? Гдѣ были великіе ораторы и проповѣдники Франціи временъ Людовика XIV — Боссюэтъ, Массильонъ, Бурдалу, Фенелонъ, которыми такъ справедливо гордилась нація?

Современные Людовику XV представители духовенства— аббатъ Sieyès, игравшій такую видную роль нѣсколько позже, во время созыва états généraux и архіепископъ города Autun, впослѣдствіи посланникъ Людовика XVI въ Лондонѣ — Талейранъ (Maurice de Talleyrand-Périgord) были скорѣе дипломаты, чѣмъ духовныя лица и своими политическими убѣжденіями и своею политическою дѣятельностью они шли совершенно въ разрѣзъ съ политикою, преслѣдуемою католическою церковью.

Куда исчезла военная слава французскаго оружія, нѣкогда, еще такъ недавно, гремѣвшая на всю Европу? Одинъ позоръ и стыдъ вынесло это войско изъ послѣднихъ продолжительныхъ войнъ за австрійское наслѣдство и семилѣтней войны. Результатомъ этихъ несчастныхъ для Франціи войнъ было то, что послѣдняя должна была уступить свое первенствующее политическое положеніе въ Европѣ новымъ молодымъ государствамъ—Россіи и Пруссіи.

Французы — этотъ народъ столь впечатлительный, столь привыкшій къ боевой славѣ, даже радовался позору французскаго оружія потому, что это былъ позоръ ненавистнаго всѣмъ правительства.

Французскій флотъ, созданный стараніями Кольбера, былъ къ концу царствованія Людовика XV совершенно уничтоженъ, колоніальная система—тоже; французская дипломатія опозорена и осмѣяна; дѣленіе Польши предпринято, безъ согласія Франціи, какъ будто Франція и не существовала. Повсюду она вмѣшивается, вездѣ ея дипломаты хотятъ имѣть рѣшающій голосъ, вездѣ о французскихъ депешахъ идетъ рѣчь, и повсюду въ это время французская дипломатія выноситъ одинъ только позоръ и какое-то обидное равнодушіе со стороны остальныхъ европейскихъ державъ.

Потому-то весьма трудно сказать что нибудь опредѣленнаго о внутреннемъ или внѣшнемъ управленіи Людовика XV,

такъ какъ онъ въ полномъ смыслѣ слова бездѣйствовалъ и Франція при немъ въ общей европейской политикѣ нисходитъ на степень второстепенной и даже третьестепенной державы, въ то время какъ глава ея—Людовикъ XV, обладавшій недюжиннымъ умомъ и весьма хорошими способностями, утопалъ въ самомъ утонченномъ развратѣ въ обществѣ знаменитыхъ своихъ любовницъ, на которыхъ онъ тратилъ безумныя деньги, нисколько не заботясь о будущемъ, говоря „après nous le déluge".

Изъ болѣе важныхъ мѣръ внутренней политики Людовика XV, предпринятыхъ также скорѣе изъ каприза, изъ частныхъ побужденій, чѣмъ изъ-за серьезныхъ мотивовъ, клонящихся къ пользѣ государства, отмѣтимъ весьма выдающееся событіе, а именно — изгнаніе іезуитскаго ордена изъ Франціи, совершившееся въ 1764 г., причемъ имущество ихъ было конфисковано въ пользу казны, и постановлено было, что іезуиты могутъ остаться во Франціи, только какъ частныя лица, но не какъ члены корпораціи. Этотъ рѣшительный ударъ нанесенъ былъ іезуитскому ордену во Франціи министромъ Людовика XV Шуазелемъ. Предшествовавшія событія весьма способствовали возбужденію противъ нихъ общественнаго мнѣнія. Случившееся въ 1757 году покушеніе на жизнь Людовика XV, совершенное Damiens, объяснено было происками іезуитовъ. На предварительномъ слѣдствіи Damiens, сложившій голову на плахѣ, показалъ, что онъ рѣшился на этотъ шагъ вслѣдствіе крайней испорченности высшихъ классовъ, виновникомъ чего онъ считалъ короля; подстрекали-же его іезуиты. Всемогущая въ то время маркиза Помпадуръ, которая видѣла въ іезуитахъ личныхъ своихъ враговъ, воспользовалась удобнымъ случаемъ очернить ихъ передъ королемъ. Подъ ея вліяніемъ министромъ назначенъ былъ Шуазель. Въ то время поступила къ королю жалоба на одного изъ членовъ іезуитскаго ордена Лавалета. Этотъ Лавалетъ, находясь въ качествѣ миссіонера на островѣ Мартиникѣ, завелъ тамъ обширную торговлю и даже банкирскую контору и сильно разбогатѣлъ отъ удачныхъ биржевыхъ спекуляцій.

Во время вспыхнувшей войны между Англіей и Франціей Лавалетъ оказался несостоятельнымъ и вовлекъ тѣмъ

въ банкротство нѣкоторыхъ Марсельскихъ купцовъ, которые стали требовать себѣ возмѣщенія убытковъ отъ генерала ордена. Когда-же тотъ отказалъ удовлетворить ихъ требованіямъ, дѣло перешло въ парламентъ, состоявшій въ то время преимущественно изъ янсенитовъ, которые конечно сочувствовали бури, поднятой противъ іезуитовъ. По этому поводу парламентъ, присудивъ іезуитскій орденъ къ уплатѣ требуемой суммы, постановилъ пересмотрѣть всѣ статуты ордена и сдѣлать въ нихъ необходимыя измѣненія. Послѣ долгихъ споровъ и продолжительныхъ интригъ, партія министра Шуазеля уговорила слабаго короля, вполнѣ подчиненнаго всемогущей маркизѣ, подписать декретъ объ уничтоженіи ордена іезуитовъ во Франціи въ 1764 году. Іезуиты направили всю свою ненависть противъ своего могущественнаго врага и обвинили его въ смерти самой маркизы Помпадуръ и дофина Франціи въ 1764 году и наконецъ въ 1768 году—королевы Маріи Лещинской.

Конецъ своей жизни Шуазель ознаменовалъ нѣкоторыми важными территоріальными пріобрѣтеніями для Франціи, именно Лотарингіи и Корсики. Отецъ Маріи Лещинской, герцогъ Лотарингскій долженъ былъ по Вѣнскому миру 1736 г. владѣть Лотарингіею пожизненно, послѣ-же его смерти, она переходила къ Франціи, что и случилось въ 1766 году.

Островъ Корсика въ теченіе столѣтій принадлежалъ Генуѣ, которая въ XVI ст. de facto подчинилась вліянію Милана, а въ XVII ст.—Франціи.

Корсика всегда тяготилась зависимостью отъ Генуи, притомъ, топографическое положеніе острова, непроходимая, гористая его мѣстность сильно способствовала развитію духа независимости въ ея жителяхъ. Въ 1755 году вспыхнуло наконецъ возстаніе противъ Генуи, во главѣ котораго находился нѣкій патріотъ Паоли, замѣчательно энергическій человѣкъ. Онъ объявилъ независимость Корсики, но Франція, предвидя, что самостоятельность острова не прочна и опасаясь соперничества Англіи, купила у Генуи владѣніе островомъ и ввела туда свои войска, послѣ чего возстаніе прекратилось и Корсика такимъ образомъ въ 1768 году присоединена была къ Франціи. Патріотъ Паоли долженъ былъ послѣ отчаяннаго сопротивленія сдаться наконецъ французамъ.

Между тѣмъ маркизу Помпадуръ скоро замѣнила другая женщина изъ самаго низшаго слоя общества, благодаря своей ослѣпительной красотѣ и рѣдкому цинизму возвысившаяся до титула maitresse déclarée Людовика XV.

Это была Jeanne Vaubernier, получившая титулъ графини Du Barry. Она употребила свое вліяніе на Людовика, чтобы удалить отъ двора ненавистнаго ей Шуазеля. Его скоро замѣнилъ бездарный Мопу.

Своими безразсудными распоряженіями тогдашнее правительство Франціи только ускоряло революцію. Искусственная борьба правительства съ парламентомъ кончилась преобразованіемъ и совершеннымъ уничтоженіемъ прежняго значенія парламента въ 1771 году; у него отнято было право „d'enregistrer les édits du roi" и оставлено за нимъ лишь значеніе высшей судебной инстанціи. Послѣ уничтоженія значенія парламента, который представлялъ единственный контроль надъ дѣйствіями правительства, общее разложеніе государственнаго организма пошло только еще быстрѣе. Финансы съ каждымъ годомъ ухудшались, дефицитъ увеличивался. Правительство между тѣмъ принимало только палліативныя мѣры—заключало новые займы, произвольно уменьшало проценты государственнаго долга; все это только еще болѣе увеличивало бездну между обнищавшимъ народомъ и безсильнымъ остановить приближавшійся роковой кризисъ—правительствомъ.

Таковъ общій, крайне печальный характеръ послѣднихъ лѣтъ царствованія Людовика XV, который умеръ отъ натуральной оспы въ 1774 году, оставляя своему преемнику-внуку Людовику XVI вполнѣ непосильную для него задачу.

Къ его характеристикѣ и къ описанію бѣдственнаго положенія Франціи при вступленіи его на престолъ мы теперь и переходимъ и такимъ образомъ закончимъ нашъ настоящій курсъ исторіи Западной Европы въ XVIII ст., доведя его до Революціи.

Людовикъ XV, котораго французы когда-то называли „Louis le bienaimé" сошелъ въ могилу, потерявъ не только любовь, но даже уваженіе своихъ подданныхъ. Онъ въ лицѣ своемъ воплотилъ всѣ пороки представителя абсолютизма, безсильнаго руководить событіями, и съ тѣмъ большимъ рвеніемъ отдавшагося своимъ низкимъ страстямъ.

За его роковыя ошибки долженъ былъ поплатиться его внукъ.

Новому королю ясно было, какъ и всѣмъ, что невозможно далѣе сохранить существующій порядокъ вещей. Всѣ одинаково проникнуты были убѣжденіемъ, что государственный механизмъ въ тогдашнемъ его состояніи далѣе функціонировать не могъ; вопросъ заключался лишь въ томъ, возмется-ли само правительство за его полную реорганизацію, или, напротивъ, въ своемъ бездѣйствіи доведетъ анормальности государственнаго и общественнаго строя до того, что за эти реформы примется народъ.

Молодой Людовикъ XVI отдавалъ себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ серьезности переживаемой имъ эпохи, но онъ не обладалъ достаточною силою характера и энергіею, чтобы твердо и неуклонно держаться одного какого нибудь опредѣленнаго плана дѣйствій, который-бы въ состояніи былъ вывести Францію изъ ужаснаго кризиса. Напротивъ, онъ вѣчно кидается отъ одного проэкта къ другому, производитъ разные неудачные опыты реорганизаціи государства, которые продолжаются цѣлыхъ 15 лѣтъ до 1789 года и доводятъ наконецъ Францію до Революціи.

Во всѣхъ его поступкахъ, во всемъ его образѣ дѣйствія видны добрая воля, искреннее желаніе принести пользу Франціи и спасти ее отъ гибели, но вмѣстѣ съ тѣмъ видна и полная неспособность и неумѣлость его приняться за дѣло, видно полное отсутствіе всякой энергіи, всякой привычки къ серьезному умственному труду.

Людовику XVI, вступившему на престолъ 10 мая 1774 года, было всего 20 лѣтъ.

И геніальному человѣку не по силамъ было-бы разобраться въ этомъ хаосѣ.

Правительство Франціи не внушало никакого уваженія въ Европѣ, государство находилось наканунѣ совершеннаго банкротства, внутри страны царствовали полное безправіе и ужасное лихоимство, броженіе умовъ и общее неудовольствіе съ каждымъ годомъ увеличивались. Между тѣмъ Людовикъ XVI при всѣхъ своихъ стремленіяхъ принести пользу Франціи, скорѣе могъ только еще увеличить этотъ хаосъ, чѣмъ его уменьшить. Человѣкъ съ весьма ограниченными способ-

ностями, съ весьма малымъ умственнымъ развитіемъ, съ полною непривычкою къ серьезному труду, Людовикъ XVI, обладая добрымъ и мягкимъ сердцемъ, желая каждому добро, не могъ въ такую критическую минуту ничего сдѣлать для Франціи главнымъ образомъ потому, что у него не хватало твердой воли и рѣшимости довести до конца разъ задуманный имъ планъ. Отсюда мы видимъ въ немъ постоянную нерѣшительность, вѣчныя колебанія, рѣзкій, неожиданный переходъ отъ одного плана реформъ къ совершенно противуположному, полную неспособность отличить хорошій проэктъ отъ дурнаго; ко всему этому еще присоединялось весьма смутное понятіе о дѣлахъ, о положеніи Франціи, что было впрочемъ вполнѣ естественно, при тогдашней пустой придворной жизни, которую исключительно велъ Людовикъ XVI.

Вмѣсто живаго интереса къ дѣламъ Людовикъ XVI ощущалъ къ нимъ скорѣе какое-то непреодолимое отвращеніе. Онъ смотрѣлъ на ежедневныя занятія съ министрами, какъ на тяжелый, докучный трудъ, и какъ дитя, бросающій нелюбимыя школьныя тетради, онъ послѣ этой утомительной работы уѣзжалъ на охоту, или съ увлеченіемъ садился за свой токарный станокъ и черезъ часъ совершенно забывалъ все что ему говорили и все что онъ подписалъ.

Не обладая никакою устойчивостью характера, онъ вѣчно находился подъ чьимъ нибудь вліяніемъ, всего чаще тѣхъ, которыхъ постоянно видѣлъ, предоставляя имъ полную свободу дѣйствій въ управленіи страной и намѣренно отстраняя себя отъ всякой руководящей роли. Онъ былъ крайне вялъ по природѣ, не потому что подобно своимъ современникамъ, былъ нравственно развращенъ блескомъ и роскошью придворной жизни, а по отсутствіи привычки думать, привычки къ умственному труду. Послѣднія минуты его жизни возбуждаютъ въ насъ сочувствіе и состраданіе къ нему. Дѣйствительно, въ эти страшныя минуты у него является какая-то нравственная сила — онъ умираетъ съ достоинствомъ и гордостью мученика за чужіе грѣхи и преступленія, но не съ величіемъ героя, погибающаго за свои убѣжденія.

Рядомъ съ нимъ выступаетъ граціозный, изящный, миловидный и плѣнительный образъ Маріи Антуанетты.

Дочери Маріи Терезіи—Маріи Антуанеттѣ было всего 17

лѣтъ, когда ея мужъ, Людовикъ XVI вступилъ на престолъ Франціи. Отъ природы она была болѣе способна, чѣмъ онъ, къ самостоятельности, къ той роли, которая ее ожидала, какъ королеву Франціи; но она была еще легкомысленный, лишенный всякаго жизненнаго опыта ребенокъ, весело и легко смотрѣвшій на жизнь, которой она не понимала. Едва-ли можно ее обвинять въ тѣхъ порокахъ, которыми клевета запятнала ея память, но и не обладала она также и тѣмъ нравственнымъ величіемъ, которое одно могло еще спасти королевскій престолъ во Франціи; къ тому-же она была тамъ не популярна, ее звали „l'Autrichienne". Она поддерживала эту непопулярность не скрываемою ненавистью и призрѣніемъ къ разврату двора Людовика XV, гордымъ своимъ обращеніемъ съ всесильною тогда графинею Du Barry.

Ей отплачивала французская аристократія за это пренебреженіе ѣдкими нападками и саркастическими сплетнями и клеветою, широко распространявшеюся и легко принимавшеюся современниками на вѣру. Особенно ѣдко выражался о ней правнукъ регента Принцъ Орлеанскій (Egalité).

Въ самой манерѣ себя держать при дворѣ она также возбуждала противъ себя нерасположеніе придворныхъ. Она не хотѣла подчиняться чопорному французскому этикету, который подъ внѣшнею изысканною формою скрывалъ крайній развратъ и хотѣла его замѣнить австрійскимъ этикетомъ, менѣе строгимъ, но болѣе изящнымъ и простымъ, и гораздо болѣе нравственнымъ по своимъ цѣлямъ. Все это подавало поводъ къ злословію. Упрекали ее въ издержкахъ, называли ее „Madame Déficit", а между тѣмъ то, что она тратила на свои прихоти, было ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, что тратилось при Людовикѣ XV непроизводительно на его любовницъ. Но ее не взлюбили, и готовы были всему вѣрить. Оскорбляло французовъ ея пристрастіе ко всему австрійскому и нерасположеніе ко всему французскому, между тѣмъ французы считали себя всегда первою націею въ мірѣ.

И въ такихъ молодыхъ, неопытныхъ рукахъ очутилось управленіе Франціей въ такую критическую минуту! Оба по помысламъ своимъ и по чистотѣ своей семейной жизни выходили изъ ряда окружавшаго ихъ общества; имъ тяжела, невыносима была зачумленная нравственная атмосфера двора

Людовика XV. Они среди деморализованнаго общества конца XVIII столѣтія стояли совершенно изолированными по своимъ нравамъ, по своимъ вкусамъ. Братья короля—comte d'Artois, впослѣдствіи Карлъ X и comte de Provence (будущій король Людовикъ XVIII), затѣмъ еще Людовикъ Филиппъ Egalité были въ то время настоящими представителями этого развращеннаго высшаго французскаго общества. Вотъ какова была обстановка, среди которой приходилось дѣйствовать молодому, неопытному, слабохарактерному Людовику XVI наканунѣ величайшей Революціи съ ея потоками крови, которой онъ уже не въ силахъ былъ остановить.

Первымъ дѣломъ его при вступленіи на престолъ—была отставка ненавистныхъ народу министра послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XV Maupeou и contrôleur général des finances Terray (*).

Въ нихъ видѣлъ народъ олицетвореніе ненавистной ему системы прошлаго царствованія — лихоимства и жестокости администраціи. Народъ ликовалъ, узнавъ объ ихъ отставкѣ. Но первый-же выборъ Людовика XVI былъ неудаченъ. На мѣсто Terray онъ назначилъ Maurepas (**), 73-хъ лѣтняго старца, человѣка крайне ограниченнаго, съумѣвшаго одно время пріобрѣсти себѣ расположеніе общества только тѣмъ, что при Людовикѣ XV поссорился съ Помпадуръ и вышелъ въ отставку.

Это былъ совершенно пустой человѣкъ, настоящій типъ тогдашняго царедворца; онъ первый пріучилъ Людовика XVI къ полумѣрамъ, погубившимъ королевскую Францію, къ непослѣдовательности и къ постояннымъ перемѣнамъ государственной системы. Одною изъ первыхъ его мѣръ при полученіи портфеля было возстановленіе парламента въ 1774 г. въ прежнемъ его значеніи, утраченномъ имъ, какъ мы знаемъ, въ 1771 году. Этой мѣрой Maurepas надѣялся имѣть на своей сторонѣ общественное мнѣніе, такъ какъ парламенты

(*) Интересно изданіе Coquerau—«Mémoires de Terray» представляющіе направленный противъ него памфлетъ, появившійся въ Лондонѣ въ 1776 году.

(**) См. его «Mémoires», изданные его секретаремъ Sallé 1790—1792, 4 тома in 8°.

въ то время были очень популярны, какъ единственный противовѣсъ монархическому деспотизму. Онъ надѣялся этой уступкой общественному мнѣнію прочно утвердиться на своемъ мѣстѣ. Парламентамъ возвращено было право „enregistrement". Maurepas оказалъ однакожъ одну существенную услугу Франціи—указалъ Людовику XVI на нѣсколько способныхъ и талантливыхъ людей на постъ министровъ. Это были Turgot, Malesherbes, St.-Germain.

То было время господства во Франціи экономической системы физіократовъ, о которой мы въ своемъ мѣстѣ говорили. Эти экономисты требовали того-же, что впослѣдствіи отчасти, хотя и не на долго, осуществлено было Революціею. Къ этой школѣ физіократовъ принадлежалъ и Тюрго по своимъ экономическимъ воззрѣніямъ; хотя представленная имъ Людовику XVI програма и не была осуществлена, вслѣдствіе интригъ, направленныхъ противъ него высшимъ сословіемъ, но за нее впослѣдствіи схватилась Революція, которая и успѣла провести нѣкоторыя изъ задуманныхъ имъ реформъ. Можно смѣло сказать, что если-бы его программа была-бы тогда-же осуществлена, Революція во Франціи приняла-бы совсѣмъ другое направленіе.

Тюрго явился къ Людовику XVI съ готовою программою поднятія совершенно упавшаго кредита Франціи и измѣненія крайне печальнаго положенія ея финансовъ, не прибѣгая для этого къ новымъ займамъ и налогамъ. Сущность его финансовой и вмѣстѣ съ тѣмъ его политической системы заключалась въ слѣдующемъ: онъ стремился прежде всего къ уравненію правъ сословій, къ уничтоженію всѣхъ неисчисленныхъ привилегій и имущественныхъ преимуществъ дворянскаго сословія и высшаго духовенскаго надъ обнищавшимъ крестьянскимъ сословіемъ.

Онъ стремился къ уравненію податной системы, которая до тѣхъ поръ вовсе не существовала, такъ какъ дворянское сословіе и духовенство совершенно освобождены были отъ податей, которыя всѣмъ своимъ бременемъ ложились на крестьянъ. Сборъ податей по его программѣ долженъ былъ перейти въ руки самихъ плательщиковъ, а правительство и народъ освобождались отъ хищныхъ „partisans". Онъ хотѣлъ установить правильную организацію труда, уничтожить

стѣсняющее торговлю и промышленность цеховое устройство и возстановить совершенно переставшіе за послѣднее время функціонировать провинціальные сеймы, которые должны были подготовить провинціи къ самоуправленію и положить начало децентрализаціи во Франціи, установленіемъ въ городахъ муниципалитетовъ, а въ волостяхъ—собраній выборныхъ. Онъ хотѣлъ такимъ образомъ подготовить Францію постепенно къ политической свободѣ.

Далѣе проэктировалъ онъ уничтоженіе безчисленныхъ внутреннихъ таможень и заставъ, стѣснявшихъ только свободную перевозку продуктовъ внутри Франціи; между тѣмъ получаемый на этихъ таможняхъ и заставахъ сборъ поступалъ исключительно въ пользу опять-таки дворянскаго сословія. Дорожныя пошлины должны были быть замѣнены поземельною податью. Таковы были первыя мѣры, предложенныя имъ Людовику XVI. Если-бы они удались, онъ хотѣлъ идти еще далѣе на пути реформъ—уничтожить всѣ преимущества и всѣ сохранившіеся еще съ феодальныхъ временъ прерогативы дворянскаго сословія, уничтожить и барщину, установить опредѣленную поземельную подать на основаніи всеобщаго кадастра. Того-же характера были и реформы, предложенныя министромъ юстиціи Мальзербомъ.

Они исходили изъ того-же строго проводимаго принципа равенства. Предлагалось уничтожить lettres de cachet, которыми такъ злоупотребляли предшественники Людовика XVI, отмѣнить пытки во время судопроизводства, преобразовать совершенно судъ, давъ ему въ руководство новое, общее для всей Франціи уложеніе. Предлагалось далѣе допустить свободу совѣсти и печати и съ этой цѣлью Мальзербъ хотѣлъ даже добиться отъ Людовика XVI возстановленія Нантскаго эдикта.

Одновременно съ нимъ военный министръ St. Germain стремился уничтожить столь укоренившуюся въ войскахъ королевской Франціи продажность офицерскихъ дипломовъ.

Если-бы эти столь широко задуманныя реформы Тюрго и его сподвижниковъ тогда-же осуществились, Франція избѣгла-бы многихъ послѣдующихъ бѣдствій; но дворянство и духовенство, видя въ этихъ проэктахъ посягательство на ихъ свободу, на вѣками установившіяся сословныя привиле-

гіи, организовали серьезную оппозицію проэктамъ Тюрго, находя себѣ поддержку въ братьяхъ короля Comte d'Artois, Comte de Provence и Филиппѣ Орлеанскомъ (Egalité). Результатомъ этой ловко поведенной интриги придворной партіи было то, что уже два года послѣ вступленія на престолъ въ 1776 г. слабохарактерный Людовикъ XVI уступилъ давленію аристократіи и со слезами на глазахъ просилъ Тюрго и Мальзерба подать въ отставку, говоря однакожь при этомъ, что онъ убѣжденъ, что они одни могутъ спасти Францію отъ приближавшейся катастрофы.

Тюрго вышелъ въ отставку съ мрачными предчувствіями о дальнѣйшей судьбѣ монархіи. Паденіе его доказало только, что мирнымъ путемъ этотъ Гордіевъ узелъ не могъ быть распутанъ.

Послѣ удаленія Тюрго возстановлена была вновь старая система, состоявшая въ томъ, чтобы прибѣгать постоянно къ новымъ разорительнымъ займамъ для покрытія самыхъ даже необходимыхъ расходовъ. Очевидно, что эта система грозила Франціи неминуемымъ банкротствомъ. Тогда выступилъ Неккеръ. (*) Правительство нуждалось въ наличныхъ капиталахъ и въ постоянномъ кредитѣ. Неккеръ, какъ банкиръ, этимъ требованіямъ вполнѣ удовлетворялъ. Въ 1777 г. начинается его дѣятельность во главѣ французскихъ финансовъ. Неккеръ былъ человѣкъ, проникнутый желаніемъ вывести порученные ему финансы изъ ихъ критическаго положенія. Несчастіе его было то, что онъ вовсе не обладалъ ни финансовымъ, ни государственнымъ умомъ; онъ былъ банкиръ и смотрѣлъ на государство, какъ на банкирскую контору. Къ тому-же это былъ человѣкъ въ высшей степени честолюбивый, его безграничное самообольщеніе развивалось въ его салонѣ, украшеніе котораго составляла его дочь —

(*) Necker родился въ 1732 г. въ Женевѣ и въ 1776 г. былъ призванъ въ управленію финансами, когда уже пріобрѣлъ себѣ громкую извѣстность, какъ глава банкирскаго дома. Всѣ его сочиненія, въ числѣ которыхъ есть и философскія и политическія, собраны въ 17 томахъ in 8° и изданы въ Парижѣ въ 1822 году. Умеръ онъ въ 1804 г. Здѣсь мы касаемся только первыхъ годовъ его службы до отозванія его въ 1781 году.

M-me de Stäel-Holstein, (*) благоговѣвшая передъ нимъ и выставившая его въ своемъ сочиненіи о революціи, величайшимъ человѣкомъ эпохи.

Онъ хотѣлъ прежде всего ввести экономію въ государствѣ, но ему этого не удалось достигнуть, даже при дворѣ.

Онъ сталъ покрывать громадные государственные долги новыми долгами, пользуясь большимъ кредитомъ за границей, вслѣдствіе крупныхъ своихъ банковыхъ операцій. Въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1777 по 1780 г. онъ занялъ громадную сумму — до пятисотъ милліоновъ ливровъ, не открывъ для ихъ покрытія ни одного новаго источника доходовъ. Нѣкоторая, введенная имъ экономія въ администраціи не могла существеннымъ образомъ улучшить общаго бѣдственнаго положенія финансовъ. Въ то время происходила война съ Англіей изъ-за американскихъ колоній. Политическія событія въ Америкѣ сильно волновали общественное мнѣніе во Франціи и поддерживали въ ней воинственное настроеніе, весьма невыгодное для истощенныхъ финансовъ страны. Неккера погубило рѣшеніе представить королю истинное положеніе дѣлъ. Его отчетъ (compte rendu), впервые былъ напечатанъ въ 1781 г.; тогда только выяснилось, что на 1782 г. ожидался дефицитъ въ 125 милліоновъ, а доходы уже забраны впередъ за нѣсколько лѣтъ. Этотъ отпечатанный отчетъ, не смотря на искусную группировку цифръ, ясно для всѣхъ выставлялъ всю расточительность королевскаго двора и всю необходимость прибѣгнуть къ предложеннымъ Тюрго реформамъ. Придворные и аристократія, негодуя на Неккера за эти разоблаченія, успѣли очернить его въ глазахъ Людовика XVI и уговорили его подписать его отставку въ 1781 году. Послѣ него постъ министра поочередно занимали Joly de Fleury и d'Ormesson, при которыхъ финансовая политика Франціи была чисто колебательная.

(*) Stäel-Holstein, баронесса Неккеръ, дочь министра Людовика XVI, род. въ 1766 г. и умерла въ 1817 году. Ея заслуга для французской литературы громадна. Ея сочиненіе о революціи озаглавлено: „Considérations sur la Revolution française", появилось послѣ ея смерти въ 1818 году. „Oeuvres complètes" ея изданы въ 17 том. in 8° въ 1821 году.

Въ 1783 г. вступилъ въ министерство Calonne, бывшій intendant города Лилля, совершенно по своимъ воззрѣніямъ и вкусамъ подходившій къ окружавшей короля придворной сферѣ. Онъ не требовалъ ни экономіи, ни реформъ. Это былъ чисто салонный сановникъ этой развращенной эпохи. Его экономическія воззрѣнія сводились къ тому, что государству необходимъ кредитъ, а чтобы его пріобрѣсти, слѣдовало, по его мнѣнію, государству притворяться богатымъ, жить весьма широко, ни въ чемъ себѣ не отказывая, какъ будто оно обладало неистощимыми средствами. Результатомъ этой системы было конечно еще большій, все усиливавшійся дефицитъ, полное банкротство, такъ какъ государство не въ силахъ было платить громадныхъ процентовъ по всѣмъ заключеннымъ имъ займамъ. Эта система дѣйствительно и лопнула въ 1787 г., обнаруживъ всю свою несостоятельность.

Тогда созвана была assemblée des notables, члены которой назначались правительствомъ, которая не собиралась во Франціи съ первой половины XVII ст. Этой assemblée des notables Calonne представилъ на обсужденіе нѣсколько предложеній, между прочимъ — ввести общую поземельную собственность, уничтожить особенно разорительныя для народа нѣкоторыя пошлины, какъ напримѣръ: la gabelle, отмѣнить внутреннія таможни. Не найдя себѣ сочувствія своимъ планамъ, Calonne подалъ въ отставку.

Между тѣмъ общественное мнѣніе все болѣе и болѣе отшатывалось отъ монархіи и отъ королевскаго двора. Въ 1783 г. кончилась сѣверо-американская война Послѣдствія ея во Франціи были тоже весьма не выгодны для королевской идеи. Возвращающіеся съ войны солдаты, насмотрѣвшись на американскіе порядки, мечтали объ американской свободѣ; они забывали только, что тамъ она создана была строгою пуританскую честностью гражданъ; что американцы были подготовлены къ этой гражданской свободѣ въ теченіе десятковъ лѣтъ.

Между тѣмъ Франція въ эту эпоху была глубоко деморализована. О степени ея деморализаціи ясно свидѣтельствуетъ между прочимъ извѣстный процессъ ожерелья королевы. О немъ мы распространяться не будемъ, такъ какъ содержаніе его хорошо извѣстно.

Послѣ удаленія Calonne, его мѣсто занялъ его главный соперникъ архіепископъ Тулузскій Lamenie de Brienne.

Министры смѣнялись весьма быстро, но государственный долгъ только все увеличивался и этотъ порядокъ вещей возстановлялъ противъ правительства всѣ слои общества. Самые незначительные факты, которые при нормальномъ порядкѣ вещей не обратили-бы на себя никакого вниманія, обращались при этомъ всеобщемъ броженіи общества въ важныя политическія событія вслѣдствіе того, что струны были слишкомъ натянуты.

Такъ было и съ этимъ процессомъ ожерелья королевы, надѣлавшемъ столько шума.

Бріенъ при вступленіи въ должность, хотѣлъ сдѣлать новый заемъ, но ему въ этомъ отказалъ парламентъ. Программа его была таже, которую желалъ провести Тюрго, поэтому ее и ожидала таже неудача. Теперь уже возникала борьба между двумя представителями ancien régime—между монархіей и парламентомъ. Народная масса стояла въ этой борьбѣ на сторонѣ парламента, подкупавшаго народъ громкими фразами, которыя льстили демократическимъ инстинктамъ толпы.

Правительству такимъ образомъ не удавалось проводить самыхъ необходимыхъ реформъ, вслѣдствіе оппозиціи, оказываемой имъ парламентами, которые находили себѣ поддержку въ общественномъ мнѣніи. Для ослабленія вліянія парламента, его на время перевели изъ Парижа въ городъ Troyes. Нѣкоторые члены оппозиціи были даже посажены въ Бастилію; у парламента снова было отнято право enregistrement. Но правительство, чувствуя свою слабость и не находя подъ собою твердой почвы, принуждено было постоянно прибѣгать къ компромиссамъ, которые только еще болѣе увеличивали всеобщее неудовольствіе, такъ какъ не удовлетворяли ни одной изъ борющихся партій. Начались волненія въ народѣ въ Парижѣ, тогда Бріенъ подалъ въ отставку и къ управленію финансами былъ призванъ вторично Неккеръ въ 1788 г.

Его вторичное назначеніе встрѣчено было весьма сочувственно общественнымъ мнѣніемъ, что увеличило въ немъ его и безъ того сильную самоувѣренность. Неккеръ немед-

ленно возстановилъ парламентъ въ прежнемъ его значеніи и уговорилъ Людовика XVI къ 1 Января 1789 г. созвать états-généraux.

Это рѣшеніе въ моментъ такого всеобщаго броженія равносильно было подготовленію неминуемой революціи. Но эта мѣра послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ казалась все-таки правительству самою еще надежною.

Къ несчастью, правительство не позаботилось гарантировать себѣ возможность руководить преніями на собраніяхъ согласно своей программѣ.

Неккеръ льстилъ себя надеждою, что его популярность поможетъ ему удачно выйти изъ крайне затруднительнаго положенія.

Всѣ законодательныя собранія западной Европы, именно: états-généraux во Франціи, парламентъ въ Англіи, рейхстагъ въ Германіи, издавна установили такой порядокъ подачи голосовъ, при которомъ голоса для баллотировки подавались по сословіямъ въ преніяхъ, т. е. такъ какъ на этихъ собраніяхъ участвовали представители трехъ сословій въ государствѣ—дворянства, духовенства и третьяго сословія, то и всѣхъ рѣшающихъ голосовъ было всего три. Результатъ подобной подачи голосовъ былъ тотъ, что ни одна изъ предложенныхъ на обсужденіе реформъ, клонящаяся въ пользу третьяго сословія, въ ущербъ остальнымъ двумъ, не могла, конечно, никогда пройти, такъ какъ ея принятію всегда препятствовало большинство остальныхъ двухъ, заинтересованныхъ въ ея непрохожденіи, голосовъ.

Теперь, когда разнеслась вѣсть по всей Франціи о новомъ созывѣ états-généraux, естественно, немедленно и возникъ вопросъ, отъ разрѣшенія котораго правительствомъ зависѣлъ весь исходъ подлежащихъ въ этомъ собраніи разсмотрѣнію вопросовъ. Вопросъ этотъ касался способа подачи голосовъ на предстоящемъ собраніи. Будутъ-ли голоса подаваться по способу, давно установившемуся и остававшемуся до той поры неизмѣнному на практикѣ, или-же правительство найдетъ нужнымъ установить какой-нибудь новый способъ подачи голосовъ. Этотъ вопросъ волновалъ всѣ слои французскаго общества; онъ сдѣлался положительно современною злобою дня. Между тѣмъ правительство съ своей стороны молчало и ни

единымъ словомъ не обмолвилось въ текстѣ созыва états-généraux относительно желательнаго для него способа подачи голосовъ. Стала появляться во Франціи цѣлая масса брошюръ и памфлетовъ, направленныхъ противъ установившагося издавна способа подачи голосовъ, указывавшихъ на всю его крайнюю несправедливость. Эта публистическая литература сильно волновала общественное мнѣніе и подготовляла его къ новымъ воззрѣніямъ, къ новымъ политическимъ идеаламъ.

Между всѣми этими брошюрами политическаго содержанія, весьма неодинаковаго достоинства, занимаетъ выдающееся мѣсто извѣстная брошюра аббата Сіеса (Sieyès) озаглавленная: „Qu'est-ce que le tiers état".

Аббатъ Сіесъ по образованію своему былъ математикъ. Занятія математикой имѣли весьма благотворное вліяніе на развитіе его ума; они пріучили его къ строгому логическому мышленію. Усвоенную имъ логическую, математически точную дисциплину мышленія старался онъ примѣнить и въ области политическихъ воззрѣній; онъ обладалъ необыкновенной способностью къ сжатой, точной формулировкѣ своихъ мнѣній. Онъ пріобрѣлъ громадную политическую опытность тѣмъ, что принималъ живое участіе, какъ представитель духовнаго сословія, почти во всѣхъ созываемыхъ во время революціи законодательныхъ собраніяхъ и участвовалъ въ составленіи безчисленныхъ проэктовъ и уложеній политическаго характера.

Въ своей знаменитой брошюрѣ, о которой мы только-что упоминали, онъ доказываетъ, что третье сословіе — это весь французскій народъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ только привилегированныхъ лицъ и слѣдовательно его потребности суть потребности всего современнаго ему французскаго народа. Вліяніе этой брошюры на общественное мнѣніе во Франціи было громадное и этому вліянію невольно подчинился и самъ Людовикъ XVI.

Брошюра Сіеса отвѣчала на три задаваемыхъ имъ вопроса. Что такое третье сословіе? спрашивалъ Сіесъ и приходилъ къ выводу, что это — вся современная ему Франція.

Чѣмъ было это третье сословіе до сихъ поръ?—ничѣмъ;

чего оно домогается — „être quelque chose“. Къ этимъ выводамъ приходитъ Сіесъ, опираясь на цифры.

Оказывалось, что въ современной ему Франціи дворянство насчитывало не болѣе 120 тысячъ человѣкъ, духовенство — 80 тысячъ, тогда какъ одно третье сословіе обнимало 25 милліоновъ. Отсюда и выводъ. Это третье сословіе должно имѣть по крайней мѣрѣ вдвое больше представителей въ états généraux, чѣмъ оба остальныя сословія. Голоса-же слѣдуетъ, по мнѣнію Сіеса, подавать не по сословіямъ, какъ это практиковалось до сихъ поръ, а по голосамъ—т. е. „par tête et non par ordre“, дабы принималось бы въ разсчетъ каждое отдѣльное мнѣніе французскаго гражданина. Людовикъ XVI подъ вліяніемъ брошюры Сіеса и по совѣту Неккера, выпустилъ въ Ноябрѣ 1788 г. указъ, въ которомъ провозглашалось, что на предстоящихъ états généraux должны предстать 1200 представителей трехъ сословій, а именно, по 300 отъ дворянъ и духовенства и 600 отъ третьяго сословія; но при этомъ правительство допустило крупную ошибку, не упомянувъ, что рѣшеніе вопросовъ будетъ зависѣть отъ большинства голосовъ, подаваемыхъ par tête, а не, какъ прежде, par ordre; ошибка эта имѣла весьма пагубныя послѣдствія для правительства. Повсюду въ провинціяхъ собирались провинціальные сеймы, для выбора членовъ въ états généraux. Но все обошлось сравнительно довольно еще спокойно. Выбранные члены получили отъ своихъ избирателей инструкціи — cahiers, въ которыхъ излагались требованія сословій. На этихъ инструкціяхъ мы нѣсколько остановимся, такъ какъ въ нихъ выражались pia desiderata сословій во Франціи наканунѣ революціи.

Инструкціи эти, изъ которыхъ большая часть въ настоящее время напечатана, весьма характерны; они вполнѣ рельефно представляютъ намъ картину крайне бѣдственнаго и анормальнаго положенія Франціи въ 1789 году.

Инструкціи эти носятъ на себѣ характеръ аристократическій, или демократическій — смотря по тому, какому сословію они даны — дворянскому или третьему сословію, но общая черта ихъ—твердая рѣшимость достигнуть уничтоженія существовавшей въ то время формы монархіи, хотя нападки

ихъ на монархію исходятъ изъ различныхъ точекъ зрѣнія. Мы здѣсь укажемъ только на главнѣйшіе мотивы недовольствія сословій.

Инструкція, данная представителямъ духовенства, требуетъ полной вѣротерпимости, большей равномѣрности въ распредѣленіи церковныхъ имуществъ, сосредоточенныхъ исключительно въ рукахъ высшаго духовенства, утопавшаго въ роскоши, въ то время какъ нисшее духовенство съ трудомъ находило средства для пропитанія; инструкція возставала противъ установившагося издавна во Франціи обычая „дотаціи" духовнымъ мѣстомъ даже часто свѣтскихъ лицъ, т. е. эти лица пользовались доходами, принадлежавшими духовной каѳедрѣ; для исполненія-же духовныхъ обязанностей, связанныхъ съ этимъ назначеніемъ, они нанимали за ничтожную плату лицъ изъ нисшаго духовенства. Такимъ образомъ бывали примѣры, что подобныя духовныя каѳедры занимали даже драгунскіе офицеры. Конечно, эти стремленія къ реформамъ исходили отъ лица порабощеннаго нисшаго духовенства.

Далѣе инструкціи вообще жалуются на полное отсутствіе во Франціи общаго законодательства, такъ какъ до конца XVIII ст. сохранились еще въ различныхъ частяхъ Франціи слѣды римскаго, германскаго и мѣстныхъ законодательствъ, что, конечно, весьма мѣшало отправленію правосудія. Требуется болѣе правильное распредѣленіе податей между сословіями, такъ какъ до того времени нисшее сословіе одно несло всю тяжесть государственнаго бюджета, тогда какъ дворянство и духовенство совершенно освобождено было отъ платежа податей.

Инструкція третьяго сословія и мелкаго дворянства требовала уничтоженія пустившихъ столь глубокіе корни во Франціи феодальныхъ правъ и различныхъ привилегій высшаго сословія. Мелкое дворянство обложено было, кромѣ государственныхъ податей, цѣлымъ рядомъ еще денежныхъ и натуральныхъ повинностей въ пользу высшаго дворянства, которое обкладывало его совершенно произвольно и кромѣ того постоянно вытравливало посѣвы мелкихъ собственниковъ во время блестящихъ охотъ, устраиваемыхъ высшимъ дворянствомъ въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ.

Инструкція городскаго сословія жалуется на крайнія

стѣсненія, оказываемыя цеховою системою свободѣ ремеслъ и промышленности. Далѣе требовалась серьезная реформа въ бюрократической системѣ, прочно установившейся въ администраціи и въ военномъ производствѣ въ войскахъ, такъ какъ офицерскаго чина могли достигнуть только тѣ, которые могли доказать, что ихъ предки до четвертаго колѣна принадлежали къ дворянскому сословію.

Къ тому-же всѣ высшія должности въ войскахъ занимали исключительно люди богатые; мѣста эти просто покупались и передавались по наслѣдству, при чемъ, конечно, личныя достоинства не играли никакой роли, и на высшихъ постахъ оказывались весьма часто совершенныя бездарности.

На войско тратилось ежегодно до 90 милліоновъ франковъ, изъ которыхъ до 46 милліоновъ шло на содержаніе офицеровъ, солдаты-же были плохо обмундированы и получали весьма плохое содержаніе, отсюда — сильное распространеніе мародерства въ войскахъ.

Вотъ каково было общее положеніе Франціи наканунѣ Революціи, при созывѣ Людовикомъ XVI états généraux, которые и открылись необыкновенно торжественно нѣсколькими мѣсяцами позже, чѣмъ первоначально предполагалось, а именно 5 мая 1789 года въ Версали. Интересны статистическія данныя этого собранія, указывающія намъ на господствовавшій на немъ элементъ. Эти данныя напередъ могли указать на исходъ собранія. Изъ числа 300 представителей духовенства до 200 принадлежало къ нисшему духовенству, это были большею частію сельскіе curés, въ которыхъ конечно сильно развиты были демократическія тенденціи; изъ 300 дворянъ—242 состояли изъ мелкихъ собственниковъ, и слѣдовательно склонные къ реформамъ; наконецъ, въ числѣ 600 представителей третьяго сословія было 212 адвокатовъ, хорошо знакомыхъ съ юридическою практикою, но совершенно непрактичныхъ въ рѣшеніи вопросовъ, касающихся блага всего государства; отсюда понятною становится и вся непрактичность и вся некомпетентность этихъ депутатовъ и какъ слѣдствіе ихъ — неудача собранія, не достигнувшаго первоначально преслѣдуемой имъ цѣли.

На этомъ созывѣ Людовикомъ XVI états généraux 5 мая 1789 года мы должны закончить нашъ настоящій курсъ ис-

торіи Западной Европы въ XVIII ст. въ до-революціонную эпоху. Дальнѣйшія событія относятся уже къ исторіи Французской Революціи, изложеніе которой не входитъ въ программу нашего курса.

Доведя такимъ образомъ исторію Западной Европы XVIII столѣтія до Революціи, я хочу только еще сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ слѣдуетъ понимать это великое событіе, разразившееся во Франціи въ концѣ XVIII столѣтія.

Французскую Революцію конца прошлаго столѣтія обсуждали и представляли весьма различно и даже и до сихъ поръ, какъ извѣстно, она служитъ предметомъ изслѣдованія съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія. Иначе и быть не можетъ, такъ какъ Революція 1789 года произвела слишкомъ глубокое потрясеніе во всемъ старомъ зданіи государственной и соціальной жизни Западной Европы, унаслѣдованномъ ею еще отъ среднихъ вѣковъ.

Менѣе всего могли, конечно, понять это явленіе, отнестись къ нему трезво и безпристрастно, современники его; каждый, занимавшійся изслѣдованіемъ его причинъ, писалъ съ точки зрѣнія своей политической партіи. Всѣ они стояли слишкомъ близко къ самымъ событіямъ, чтобы обнять ихъ въ совокупности, чтобы правильно истолковать себѣ ихъ глубокое внутреннее значеніе. Послѣ реставраціи Бурбоновъ писали о Революціи либо ярые противники всего совершившагося въ послѣдніе годы столѣтія, либо ярые приверженцы новыхъ идей, новаго міровоззрѣнія, однимъ словомъ, писали либо сатиры на Революцію, либо ея апологіи. Оно и естественно-страсти были еще слишкомъ возбуждены.

Только уже въ послѣднее время, когда историки приступили къ изученію Революціи не на основаніи однихъ только современныхъ мемуаровъ и пристрастныхъ отзывовъ, а на основаніи оффиціальныхъ историческихъ документовъ, точно провѣренныхъ и сопоставленныхъ; когда наконецъ стали употреблять строгій историческій методъ, а не искали только именно того, что каждому хотѣлось найти, съ тѣхъ поръ только исторія этой Революціи является въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, лишенномъ совершенно всякой пристрастной окраски. Мы особенно обязаны нѣмецкой исторической наукѣ достиженіемъ этихъ научныхъ результатовъ.

Французская Революція 1789 года была, какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ, однимъ изъ тѣхъ великихъ обще-человѣческихъ кризисовъ, которые въ развитіи человѣчества составляютъ эпохи, настоящій переломъ, послѣ котораго это развитіе идетъ впередъ уже совершенно по иному пути. Это была эпоха, когда все существовавшее до толѣ мировоззрѣніе утратило подъ собою почву и стало искать новыхъ идеаловъ, новыхъ устоевъ.

Подобно тому какъ въ половинѣ XVI ст. великое Реформаціонное движеніе, охватившее всю Западную Европу, обусловило собою дальнѣйшее развитіе человѣчества на нѣсколько столѣтій, такимъ-же образомъ и теперь, въ концѣ XVIII ст., французская Революція имѣла обще-человѣческое значеніе и направила развитіе человѣчества по совершенно новому пути. Принципы, провозглашенные этой Революціей, легли въ основаніе новаго историческаго развитія западно-европейскаго общества. Революція только формулировала, осуществила на дѣлѣ тѣ принципы, которые давно уже провозглашены были французскою „просвѣтительною литературою“.

Но рядомъ съ этимъ обще-человѣческимъ характеромъ Революція конца прошлаго столѣтія заключала въ себѣ и чисто локальный, такъ сказать, характеръ, происходившій какъ отъ особенностей національнаго характера французскаго народа, такъ и отъ глубокихъ предшествовавшихъ причинъ историческаго развитія націи. Эта страстность, это увлеченіе, такъ свойственное народамъ юга, кидала Францію изъ одной крайности въ другую. Крайняя анархія могла только во Франціи скоро смѣниться страшнымъ военнымъ деспотизмомъ Наполеоновскаго режима. Это все черты локальныя. Отъ принциповъ, высказанныхъ французскимъ народомъ въ 1789 году очень еще далеко до событій террора 1793 года и до диктатуры Наполеона. Этими крайностями и объясняется, что Франція, провозгласившая великіе принципы Революціи, сама менѣе всего ими воспользовалась въ эпоху, непосредственно слѣдовавшую за нею.

Намъ слѣдовательно и необходимо строго отдѣлить эти два элемента, несомнѣнно присущіе Революціи. Первый актъ этой революціи 1789—1791 носитъ по преимуществу обще-человѣческій характеръ; послѣдующія-же событія объясня-

ются чисто локальнымъ характеромъ, усвоеннымъ себѣ Революціею. Это необходимо имѣть въ виду при изученіи французской Революціи конца прошлаго столѣтія. На этомъ мы и закончимъ нашъ настоящій курсъ.

LOUIS XIV

et Strasbourg.

par A. LEGRELLE.

3-me edition.

PARIS 1883.

Пріобрѣтеніе Франціей верхняго и нижняго Эльзаса и затѣмъ Страсбурга въ XVII столѣтіи принадлежитъ до сихъ поръ къ числу такихъ историческихъ вопросовъ, при обсужденіи которыхъ невольно и безсознательно вліяетъ національная точка зрѣнія, придавая всякому изслѣдованію этого предмета полемическій характеръ. Можно сказать, что это пріобрѣтеніе положило начало международному процессу между Германіей и Франціей, обсуждавшемуся, въ періоды слабости и изнеможенія обѣихъ сторонъ, въ безчисленныхъ юридическихъ и историческихъ сочиненіяхъ и разрѣшавшемуся, въ періоды силы и могущества одной изъ нихъ, кровопролитными битвами. Особенно съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ Германіи, при подъемѣ національнаго самосознанія, вопросъ о присоединеніи Эльзаса и Страсбурга обсуждался съ затаенною злобою и ожесточеніемъ, которое высказывалось въ разныхъ сочиненіяхъ все рѣзче и рѣзче вплоть до катастрофы 1870 года (*). Даже такіе перворазрядные историки какъ Ранке и Дройзенъ, хотя и сознаютъ, что постановленія Вестфальскаго мира, по своей неопредѣленности, таили въ себѣ зародыши будущихъ войнъ на цѣлыя столѣтія (**), что это зло было естественнымъ и логическимъ послѣдствіемъ разрозненности Германіи, и что Людовикъ XIV, сознавая свою силу и могущество, воспользовался слабостью сосѣда для возвеличенія Франціи,—тѣмъ не менѣе, называютъ присоединеніе Эльзаса и Страсбурга ак-

(*) Напримѣръ: Scherer, Verrath Strassburgs an Frankreich въ Raumer's Histor. Taschenbuch 1843 г.; Adolf Schmidt, Elsass und Lothringen. 1859.

(**) „Einen Frieden von grösserem Unheil-schwangeren hat Deutschland nie geschlossen". Ranke, Französ. Gesch., III (2 Auflage), p. 455. „Es war albern, statt der eigenen Ohnmacht die Gewissenlosigkeit des stolzen Gegners anzuklagen, als hätte man dessen Moral zu verantworten". Droysen, Gesch. d. preuss. Politik, III, 3, pag. 726.

томъ неслыханнаго насилія (*). Дройзенъ, такъ тщательно разбирающій всѣ политическіе мотивы дѣйствій великаго курфюрста, созидавшаго, подобно Людовику XIV, свою монархію, объясняющій всѣ территоріальныя пріобрѣтенія и дипломатическую изворотливость его съ точки зрѣнія высшихъ политическихъ соображеній и цѣлей, тѣмъ не менѣе прилагаетъ къ дѣйствіямъ Людовика XIV совершенно иной масштабъ.

Французскіе писатели слабо и бездоказательно отражали нападки и обвиненія своихъ противниковъ; иногда даже, по нерасположенію къ личности Людовика XIV и ко всей его системѣ, давали имъ въ руки новыя орудія и доказательства, подкрѣплявшія справедливость ихъ точки зрѣнія (**).

Одна изъ причинъ такой полемики и отсутствія въ этомъ вопросѣ строгой исторической критики заключается, безпорно, помимо національныхъ симпатій и антипатій, въ недостаточной и неполной разработкѣ матеріала, хранящагося во французскихъ архивахъ, сравнительно съ разработкою вопроса по архивамъ нѣмецкимъ. По этой причинѣ, появившійся въ 1883 году третьимъ изданіемъ трудъ г. Легрелля будетъ, безъ сомнѣнія, съ радостью привѣтствованъ историками, какъ сочиненіе, пополняющее существующій пробѣлъ въ исторіи второй половины XVII столѣтія драгоцѣнными документами, проливающими свѣтъ на не вполнѣ ясное отношеніе французскаго правительства къ пріобрѣтеніямъ, сдѣланнымъ по Вестфальскому миру.

Уже въ 1878 году г. Легрелль издалъ небольшое изслѣдованіе о томъ же вопросѣ, въ которомъ старался опредѣлить права Франціи на Страсбургъ на основаніи постановленій 1648 г. и доказать неосновательность установившагося мнѣнія о подкупѣ страсбургскихъ властей со стороны Лувуа и Лудовика XIV. Углубляясь съ тѣхъ поръ все болѣе въ изученіе вопроса, не щадя трудовъ къ отысканію новыхъ матеріаловъ, г. Легрелль имѣлъ возможность, въ 1881 году.

(*) „Eine Vergewaltigung—wie es noch nie erfahren". Ranke, 475

(**) Напримѣръ, сочиненіе Coste, Réunion de Strasbourg à la France. 1841 Это единственное сочиненіе, представляющее хотя нѣкоторый архивный матеріалъ, но какъ говоритъ Ранке (p. 474),— doch nicht eigentlich das, was man zu wissen begehrt.

сдѣлать новое, дополненное изданіе своего перваго изслѣдованія и нынѣ представить ученому міру полную исторію присоединенія не только Страсбурга, но и всего нижняго и верхняго Эльзаса.

Для этой работы онъ воспользовался не тронутыми еще до сихъ поръ богатствами архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ и архива военнаго министерства (dépôt de la guerre), гдѣ сохраняется въ цѣлости и полнотѣ переписка Лувуа, отчасти только извѣстная до сихъ поръ историкамъ; не мало матеріаловъ найдено имъ также въ рукописномъ отдѣленіи національной библіотеки и въ другихъ національныхъ архивахъ.

Г. Легрелль не ограничилъ впрочемъ своихъ поисковъ одною Франціею; онъ отыскалъ въ королевской библіотекѣ въ Брюсселѣ цѣлый сборникъ писемъ (rélations véritables) одного страсбургскаго обывателя, корреспондента Брюссельской газеты, описывавшаго почти день за днемъ событія въ городѣ до кануна занятія его Французами, 30-го сентября 1681 года. Въ бытность свою въ Москвѣ, г. Легрелль, получивъ при просвѣщенномъ содѣйствіи барона Ѳ. А. Бюлера доступъ въ главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, думалъ найдти въ статейныхъ спискахъ и посольскихъ дѣлахъ какіе-нибудь отзывы нашихъ пословъ объ этомъ событіи, столь сильно поразившемъ германскія государства; поиски его, однако, остались тщетными. Бутурлинъ и Чаадаевъ, находившіеся въ то время за-границей, вовсе не упоминаютъ объ этомъ событіи, а Потемкинъ отмѣчаетъ занятіе Страсбурга только нѣсколькими словами, не придавая ему, по видимому, никакого значенія (*).

Страсбургскіе архивы, которые могли бы, по видимому, представить автору самый богатый матеріалъ для его изслѣдованія, оказались для него недоступными; однако обстоятельство это не повліяло неблагопріятно на его трудъ. Городскіе страсбургскіе архивы, какъ извѣстно, весьма неполны; отдѣлы, касающіеся событій 1681 г., погибли невозвратно для науки; они сгорѣли въ 1686 году; остальные отдѣлы пострадали не мало во время французской революціи; содер-

(*) См. Памятники дипломатическихъ сношеній, V.

жаніе же документовъ, спасенныхъ во время періодическихъ погромовъ, весьма подробно изложено въ „инвентарѣ“ (Inventaire détaillé), составленномъ по распоряженію правительства Наполеона III и продолжаемомъ въ настоящее время въ Страсбургѣ. Вся же переписка между страсбургскими властями и французскимъ правительствомъ сохраняется въ цѣлости въ архивахъ военнаго министерства и министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, равно какъ и черновые отвѣты на всѣ письма и донесенія Mm. de Strasbourg.

Такимъ образомъ оказывается, что главный матеріалъ по этому вопросу находится въ настоящее время не въ Страсбургѣ, а въ Парижѣ, и что страсбургскіе архивы не могли бы, даже въ случаѣ доступности ихъ, существенно дополнить свѣдѣнія, почерпнутыя изъ парижскихъ. Располагая такимъ разнообразнымъ матеріаломъ, г. Легрелль представилъ въ книгѣ „Louis XIV et Strasbourg“ не только обстоятельное описаніе занятія Страсбурга и подготовительныхъ къ тому мѣръ, но и утвержденія Французовъ въ Эльзасѣ въ силу постановленій Мюнстерскаго договора, такъ что трудъ его является цѣльною и полною исторіей сношеній Эльзаса съ Франціей до окончательной инкорпораціи французскою короною всей области между Вогезами и Рейномъ и до потери ея въ 1870 году.

Такая широкая постановка вопроса вытекала естественнымъ путемъ изъ основной мысли автора, что занятіе Страсбурга было только послѣднимъ звеномъ въ цѣлой цѣпи событій, предшествовавшихъ Мюнстерскому миру и вытекавшихъ изъ постановленій его (*).

Никто, конечно, не будетъ оспаривать вѣрности и научности этой основной мысли; не соглашаться съ авторомъ можно развѣ только относительно развитія основнаго положенія и изложенія поводовъ и причинъ окончательной развязки. Въ этомъ отношеніи г. Легрелль, на нашъ взглядъ, слишкомъ выдвигаетъ впередъ юридическій моментъ предъ политическимъ, вслѣдствіе чего самъ часто впадаетъ въ про-

---

(*) Нѣмецкіе публицисты смотрятъ также на этотъ вопросъ, но называютъ только занятіе Страсбурга: „die Krone der Gewaltthaten Ludwigs d. XIV gegen das Elsass“.

тиворѣчіе. Доказывая, напримѣръ (стр. 244 et passim), что Страсбургъ, принадлежа къ ландграфству Эльзасскому, тѣмъ самымъ долженъ былъ законнымъ путемъ подчиниться Франціи съ остальною областью, авторъ, въ другомъ мѣстѣ (стр. 705), сознается, что занятіе Людовикомъ XIV Страсбурга въ 1681 г. не можетъ быть отправдываемо съ строгой точки зрѣнія международнаго права. Придерживаясь такой исключительно формальной, юридической оцѣнки фактовъ, пришлось бы признавать законными присоединенія нѣкоторыхъ мѣстечекъ, сдѣланныя высшими судами Брейсаха и Меца, на томъ основаніи, что на эти мѣстечки нѣкогда распространялась власть и право защиты Меровинговъ или Пипина Короткаго. Весь споръ между французскими и нѣмецкими историками, при обсужденіи этой эпохи, проистекалъ и проистекаетъ изъ-за такого формальнаго обсужденія вопроса, при чемъ обѣ стороны стараются доказывать законность или незаконность пріобрѣтенія на основаніи актовъ и договоровъ, признаваемыхъ самими-же спорящими неясными, неточными, неопредѣленными, противорѣчивыми, дающихъ посему широкій просторъ субъективнымъ толкованіямъ, къ которымъ, за послѣднее время, сталъ еще примѣшиваться вопросъ о національности, весьма мало вліявшій на государственную жизнь въ XVII столѣтіи.

Территоріальныя пріобрѣтенія, дѣлаемыя въ силу династическихъ интересовъ и претензій, могутъ быть обсуждаемы на основаніи юридическихъ соображеній, но пріобрѣтенія, дѣлаемыя путемъ завоеваній въ интересахъ государства, его безопасности, для достиженія естественныхъ границъ, въ силу, однимъ словомъ, вѣковой національной политики, могутъ быть оцѣниваемы при обсужденіи всего вопроса, не столько юридическими мотивами, опредѣляемыми договорами и трактатами, сколько политическими. Г. Легрелль видимо сознавалъ ложность исключительно юридическаго обсужденія вопроса, но не могъ, однако, вполнѣ отрѣшиться отъ него и потому останавливается на нѣкоторыхъ вопросахъ гораздо долѣе, чѣмъ слѣдовало-бы, касаясь только вскользь весьма существенныхъ.

Характеристическая черта исторіи Франціи со второй половины XV столѣтія есть непрерывная борьба противъ мо-

гущественнаго испанско-габсбургскаго дома, окружавшаго Францію своими владѣніями, какъ на южной границѣ, такъ и на востокѣ и сѣверовостокѣ. Съ Людовика XI, положившаго начало объединенію государства подчиненіемъ феодовъ коронѣ и уничтоженіемъ политической независимости крупныхъ феодаловъ, начинается оборонительная война противъ Габсбурговъ, продолжаемая его преемниками въ теченіе двухъ столѣтій съ небольшими перерывами во время религіозныхъ междоусобій и періодовъ регентства. Національная политика Франціи съ тѣхъ поръ была ясно опредѣлена и послѣдовательно приводилась въ исполненіе: ослабленіе Габсбургскаго дома, расширеніе восточныхъ и южныхъ границъ своихъ, пріобрѣтеніе стратегическихъ пунктовъ для обороны противъ соперника и для обращенія по возможности оборонительнаго своего положенія въ наступательное. Эта политика создана была не геніальностью одного человѣка, а созидалась постепенно самою силою вещей; отклоненіе отъ нея было равносильно самоуничтоженію и потери самостоятельности. Исторія Франціи, начиная съ конца XV столѣтія не можетъ быть вѣрно понимаема и дѣятельность ея государственныхъ людей вѣрно оцѣниваема какъ только на основаніи этой политики; она освѣщаетъ какъ эпохи блеска и могущества Франціи, такъ и эпохи ея слабости и изнеможенія.

Могли ли такіе дѣятели какъ Ришелье, Мазарини, Лудовикъ XIV отклониться отъ этого пути, организуя Францію внутри и созидая ея могущество? Могли ли они не пользоваться слабостью соперника для достиженія цѣли? Взвѣшивая вѣроятіе успѣха, разсчитывая свои силы, государственные люди Франціи осторожно и постепенно подготовляютъ ослабленіе Габсбургскаго дома и по мѣрѣ удачъ своихъ вмѣшиваются въ великую европейскую борьбу, сперва въ союзѣ со Шведами, затѣмъ самостоятельно, пока наконецъ имъ удается захватить руководительство во всѣхъ европейскихъ дѣлахъ и предписать противникамъ и союзникамъ миръ сообразно интересамъ Франціи.

Вся дѣятельность Ришелье, Мазарини, Лудовика XIV была послѣдовательнымъ, систематическимъ возведеніемъ государственнаго зданія, основы котораго положены были еще въ XV вѣкѣ, и называть ихъ территоріальныя пріобрѣтенія,

„неслыханнымъ насиліемъ“ столь же несправедливо, какъ восхвалять геній и величіе курфюрста Фридриха-Вильгельма I или короля Фридриха II, созидавшихъ свою монархію тѣмъ же путемъ и тѣми же средствами. Эта національная политика Франціи, объясняющая всѣ завоеванія и пріобрѣтенія, составляющая основу ея государственнаго роста, по нашему мнѣнію, слишкомъ слабо обрисована въ почтенномъ трудѣ г. Легрелля, полномъ интереса и новизны. Мы желали бы найдти сопоставленными въ болѣе рельефномъ видѣ данныя, разбросанныя по сочиненію, о постепенномъ развитіи мысли у Ришелье и Мазарини относительно присоединенія Эльзаса, какъ результатѣ ихъ послѣдовательной политики; мы желали бы найдти изложеніе не столько самыхъ неопредѣленныхъ постановленій Оснабрюкскаго и Мюнстерскаго договоровъ и юридическихъ толкованій ихъ, сколько изложеніе причинъ этой неопредѣленности, вполнѣ понятной и естественной при тогдашней разрозненности Германіи и разнообразія ея интересовъ. Тогда различное толкованіе параграфовъ договора разъяснилось бы само собою и сдѣлалось бы излишнимъ возобновлять юридическій споръ, который не приводилъ и не приводитъ ни къ какимъ положительнымъ выводамъ.

Подобно политическому и религіозный моментъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ мало выдвигается впередъ въ сочиненіи г. Легрелля; излишне доказывать, какое рѣшающее значеніе имѣли въ то время религіозныя соображенія, особенно въ Германіи, какое отчаяніе и страхъ возбуждалъ въ протестантскихъ земляхъ и городахъ всякій успѣхъ и расширеніе испанскаго могущества, съ которымъ нераздѣльно было представленіе о католической реакціи и инквизиціи. Самъ авторъ въ первой главѣ (стр. 33 и слѣд.) говоритъ объ увеличивающихся сношеніяхъ Страсбурга съ Франціей во времена реформаціонныхъ гоненій въ имперіи, а въ другомъ мѣстѣ (стр. 90) прибавляетъ, что сама протестантская Германія утвердила господство Франціи въ Эльзасѣ.

Политическіе и религіозные мотивы, дѣйствовавшіе въ XVI и XVII столѣтіяхъ въ Европѣ, господство и преобладаніе испанско-нѣмецкаго дома Габсбурговъ и негодованіе большинства государствъ противъ этого гнета—представляетъ исто-

рическій фонъ, на которомъ постепенно возвышается Франція, поддерживаемая недовольными элементами. Безъ этого совокупнаго представленія всѣхъ разнообразныхъ силъ, дѣйствовавшихъ въ одно и то же время, невозможно разсматривать какое-бы то ни было историческое явленіе XVII столѣтія, тѣмъ менѣе столь крупное какъ утвержденіе Франціи на лѣвомъ берегу Рейна. Отсутствіе этого историческаго фона мы считаемъ недостаткомъ въ сочиненіи г. Легрелля, который искупается, однако, сторицею богатствомъ новаго матеріала, имъ сообщаемаго, и мы постараемся дать краткій отчетъ о добытыхъ имъ результатахъ, обрисовывающихъ дѣятельность Лудовикъ XIV въ отношеніи Эльзаса и Страсбурга въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, чѣмъ рисовали намъ ее историки, опиравшіеся болѣе на нѣмецкихъ источникахъ.

Предпославъ въ первой главѣ краткій очеркъ исторіи Страсбурга со временъ учрежденія на берегахъ Илля римскаго поселенія до начала XVII столѣтія, авторъ, во второй главѣ, переходитъ къ описанію положенія Эльзаса во время Тридцатилѣтней войны.

Едва только Ришелье вступаетъ въ государственный совѣтъ (1624 г.) какъ тотчасъ же возобновляетъ вѣковую политику Французскихъ королей, прерванную печальною эпохою регентства Маріи Медичи и господства временщиковъ. Не довѣряя еще своимъ силамъ, при постоянной борьбѣ съ внутренними врагами, онъ медленно и осторожно приближается къ своей цѣли. Сначала онъ является защитникомъ протестантовъ въ Валтелинѣ и Енгадинѣ, занятыхъ войсками Испанцевъ и эрцгерцога Леопольда Тирольскаго, чѣмъ разрываетъ непрерывность владѣній габсбургскихъ, окаймлявшихъ восточную границу Франціи отъ Италіи до Нѣмецкаго моря, и уничтожаетъ возможность легкаго передвиженія войскъ изъ сѣверной Италіи въ Германію и Нидерланды (*); въ 1627 г. онъ является защитникомъ правъ герцога Гонзага-Неверъ на мантуанское престолонаслѣдіе, чрезъ что пріобрѣтаетъ не только вліяніе въ сѣверной Италіи и вѣрнаго къ ней союзника, но и сильную крѣпость Пиньероль — на

(*) Въ 1627 году, впрочемъ, Испанцы снова завладѣли Валтелиномъ.

границахъ Савойи, господствующую надъ проходами въ сѣверную Италію. Въ 1631 г. Ришелье заключаетъ съ Густавомъ-Адольфомъ договоръ, по которому обязывается выплачивать ему ежегодную субсидію въ 400,000 талеровъ на войну противъ императора и поддержку протестантскихъ князей въ имперіи.

Ришелье, однимъ словомъ, стремится къ ослабленію Габсбургскаго дома, къ уничтоженію его вліянія въ Италіи, къ разрушенію непрерывной связи между его италіанскими владѣніями и Нидерландами, къ отстраненію, помощью Шведовъ, всякихъ попытокъ, со стороны обѣихъ линій дома, утвердиться на среднемъ Рейнѣ. На Эльзасъ въ этотъ періодъ времени Ришелье еще не имѣлъ никакихъ опредѣленныхъ видовъ: il ne le „muguettait" pas encore, какъ выражается онъ самъ про себя относительно другихъ пріобрѣтеній. Хотя въ мемуарахъ его и можно отыскать нѣсколько мѣстъ, гдѣ въ политическомъ воображеніи кардинала рисуется уже лѣвый берегъ Рейна какъ будущая граница Франціи, но этимъ неопредѣленнымъ, неяснымъ планамъ мы не можемъ придавать большаго значенія, такъ какъ эти мемуары написаны въ болѣе позднюю эпоху, а переписка, относящаяся къ этому именно времени, указываетъ на совершенно иныя намѣренія.

Отношенія Ришелье къ Эльзасу, преимущественно къ Страсбургу, до конца тридцатыхъ годовъ носили характеръ покровительства и протектората, конечно, не изъ-за особеннаго расположенія къ нимъ, а съ цѣлью удержать ихъ, въ протестантской уніи, то-есть въ числѣ враговъ императора, и тѣмъ обезпечить свою границу отъ нашествія враговъ. Переписка между министрами короля и страсбургскими властями продолжалась непрерывно (г. Легрелль помѣщаетъ въ приложеніи нѣсколько весьма интересныхъ документовъ, относящихся къ этому періоду—№№ 1—10 изъ архива министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ: fond de France); постоянно отправлялись посольства и уполномоченные съ обѣихъ сторонъ; содержались дипломатическіе агенты — все съ тою же цѣлью: тѣснѣе скрѣпить связь противъ взаимнаго врага и поддержать Страсбургъ въ оппозиціи противъ императора, какъ напримѣръ, въ 1629 г. послѣ изданія знаменательнаго Restitutionsedict. Ришелье не оставлялъ Страсбург-

цевъ своими совѣтами, ссужалъ ихъ деньгами (стр. 77), предлагалъ имъ даже вооруженную помощь (стр. 63, 67), отъ которой, впрочемъ, Страсбургцы всегда отказывались подъ предлогомъ „bizarrerie des esprits dans leur conseil" (стр. 67). подъ чѣмъ подразумѣвались, конечно, партіи императорская и испанская. Впрочемъ, подъ преданностью и благодарностью страсбургскихъ властей, причислявшихъ себя къ сторонникамъ „fleurs de lis", высказываемой въ весьма теплыхъ и униженныхъ выраженіяхъ, скрывался самый односторонній, локальный эгоизмъ и даже корыстолюбивый разсчетъ маленькой республики; не высшіе общегерманскіе интересы, не чувство національнаго единства, которое новѣйшіе нѣмецкіе публицисты стараются навязать Страсбургцамъ, а исключительное желаніе сохранить свое республиканское самоуправленіе, протестантское вѣроученіе и полную независимость отъ кого бы то ни было руководило ихъ въ этомъ отношеніи. Они стояли въ XVII в. на той же самой точкѣ зрѣнія, какъ и въ 1458 году, когда отвѣчали императору Фридриху III, на его требованіе уплаты годовой подати наравнѣ съ другими имперскими городами, непосредственно подчиненными ему и имперіи, что Страсбургъ imperatori homagium praestare non tenetur; Imperatori non tenetur ad tributum, sicut aliae Civitates (als gemeiniglich andere Reichstädte thun müssen); in expeditionibus romanis insigne suum Imperii aquilam gerere potest (*).

Страсбургцы искусно охраняли свою независимость равно какъ отъ имперіалистовъ и Лотарингцевъ, такъ и отъ Шведовъ, покупая себѣ нейтралитетъ у враговъ и друзей и опираясь на сильную Францію, искренности которой, впрочемъ, также не довѣряли, при чемъ не упускали удобнаго случая, подъ предлогомъ защиты, распространить свою территорію на счетъ близлежащихъ селъ и мѣстечекъ (стр. 104, 105). Когда послѣ Лейпцигской битвы Густавъ-Адольфъ явился на Майнѣ и среднемъ Рейнѣ и явно обнаруживалъ намѣреніе утвердиться въ Эльзасѣ и Страсбургѣ, даже требовалъ отъ послѣдняго sacramentum non subjectionis sed assecurati-

(*) Ср. Chroniken der deutschen Städte. Strassburg, pag 6; Knipschild—de juribus et privilegiis civitatum imperialium. 1657.

onis tantum (стр. 83), Ришелье, которому столь же нежелательно было видѣть на своихъ восточныхъ границахъ сильнаго Шведа, сколько и сильнаго Габсбурга, употребилъ всѣ дипломатическія пружины, чтобъ удержать Страсбургцевъ отъ подчиненія Шведамъ. Онъ послалъ въ Страсбургъ Ла-Гранжа для противодѣйствія шведскимъ проискамъ и старался воздѣйствовать на узкій республиканскій патріотизмъ членовъ совѣта, заклиная ихъ, какъ давнишнихъ союзниковъ французской короны, de ne soumettre leurs murailles, leur Etat et l'autorité de leur république à autres qu' à eux-mêmes, directement ni indirectement (стр. 82). Хотя Страсбургъ и долженъ былъ уступить требованіямъ Густава-Адольфа и впустить шведскія войска въ свои стѣны съ обязательствомъ ихъ содержанія, но sacramentum никакого не принесъ, и Ришелье, примирившемуся съ фактомъ, оставалось только зорко слѣдить за дальнѣйшими дѣйствіями Шведовъ.

Послѣ Люценской битвы и преждевременной смерти великаго полководца положеніе дѣлъ въ Европѣ внезапно измѣнилось; оно должно было естественно отразиться и на судьбѣ Эльзаса. Шведскія войска стали стягиваться въ Саксонію, и гарнизоны, расположенные около Страсбурга, были вызваны на берега Эльбы; западная Германія предоставлена была своимъ силамъ. А между тѣмъ уже съ юга придвигались испанскія войска подъ начальствомъ Миланскаго губернатора герцога Феріа чрезъ альпійскіе проходы у Борміо, чтобы чрезъ Боденское озеро и долину Рейна вторгнуться у Базеля въ Зундгау и Эльзасъ. Ришелье видѣлъ, слѣдовательно, приближеніе той же опасности, которую онъ предупреждалъ еще въ 1624 году вмѣшательствомъ въ дѣла Валтелины и Граубиндена; Франціи снова угрожало очутиться въ желѣзномъ кольцѣ испанско-габсбургской силы отъ южныхъ границъ до Нидерландъ; ей угрожала опасность погибнуть въ междоусобныхъ войнахъ, поддерживаемыхъ близостью Испанцевъ. Ришелье понялъ, что медленностью и отсутствіемъ энергіи разомъ могутъ разрушиться всѣ его планы внутренней и внѣшней политики; поэтому онъ рѣшилъ быстрымъ занятіемъ Эльзаса, хотя бы только на время, предупредить возможность соединенія испанскихъ южныхъ армій съ сѣверными и попытаться на среднемъ Рейнѣ довер-

шить то, что̀ ему не удалось сдѣлать въ альпійскихъ проходахъ.

Исполненіе этого быстраго рѣшенія облегчено было Ришелье самими Нѣмцами. Смерть Густава-Адольфа, усиленіе императорской партіи встревожили весь протестантскій лагерь, а вѣсть о приближеніи испанской арміи въ самое сердце Германіи и будущее соединеніе ея съ императорскими войсками распространили повсемѣстно страхъ и отчаяніе. Герцогъ Виртембергскій и пфальцграфъ Цвейбрюкенскій посылали въ Парижъ просить короля объявить войну императору; курфюрстъ Бранденбургскій приглашалъ Людовика XIII prendre en main l'oeuvre de protection et de mediation qu'on réclamait de lui et à s'y porter avec une promptitude salutaire (стр. 89). Города на среднемъ Рейнѣ и въ Эльзасѣ, лишенные защиты по выходѣ шведскихъ гарнизоновъ, приглашали Французовъ занять мѣсто послѣднихъ и вскорѣ всѣ крѣпости и пункты, важные въ стратегическомъ отношеніи, добровольно и охотно стали открывать ворота свои для принятія французскихъ войскъ (*).

Одинъ Страсбургъ считалъ себя достаточно сильнымъ противъ всякаго врага—Лотарингцевъ и Габсбурговъ—и упорно отклонялъ всѣ предложенія французскихъ коммисаровъ, облекая свои отказы въ весьма учтивыя и почтительныя формы. Хотя, какъ говоритъ г. Легрелль (стр. 90), — сами протестанты призывали Французовъ въ Эльзасъ и утверждали тамъ ихъ власть, Ришелье, однако, въ то время еще далекъ былъ отъ мысли обратить это временное занятіе въ полное господство, и несправедливо заподозривать въ лукавствѣ и неискренности его завѣренія на счетъ этого, какъ дѣлаютъ нѣкоторые нѣмецкіе историки. Въ Вѣнѣ, Мадридѣ, Копенгагенѣ, Стокгольмѣ, повсюду посланники Людовика XIII въ 1633 и 1634 году повторяютъ одну и ту же мысль, что „le roi ne ferait point de difficulté de remettre les places qui avaient été mises en sa protection, quand par une paix générale le besoin de les garder serait cessé" (стр. 108).

(*) Въ 1633 г. Французы вступили въ Ганау, Ландау, въ началѣ 1634—въ Гагенау, Цабернъ, Филипсбургъ, Мондельяръ, Шлетштадтъ, Колмаръ.

Мысли Ришелье были направлены въ ту пору въ другую сторону. Испанскіе Нидерланды и особенно Лотарингія представляли центръ всѣхъ крамолъ французскихъ вельможъ, недовольныхъ новыми порядками, вводимыми кардиналомъ: дворы въ Нанси и Брюсселѣ составляли сборище всѣхъ политическихъ агитаторовъ; тамъ обсуждались планы и рѣшались предпріятія въ связи съ обще-европейскою войною противъ Людовика XIII и его всемогущаго министра; тамъ искалъ убѣжища Гастонъ Орлеанскій, братъ короля; тамъ состоялась помолвка его съ Маргаритой, сестрой Карла Лотарингскаго; въ Брюсселѣ же нашла радушный пріемъ Марія Медичи, готовая накликать врага на своего сына и на всю Францію для удовлетворенія пустаго тщеславія и жажды мести.

Этотъ оплотъ оппозиціи, парализующій всякую дѣятельность, всѣ предпріятія и реформы внутри государства, этотъ центръ постоянныхъ опасностей и угрозъ со стороны Испаніи, необходимо было уничтожить быстрыми и энергическими мѣрами, до появленія герцога Феріа на среднемъ Рейнѣ и до усиленія численности испанско-габсбургскаго войска на границахъ Франціи. Потому въ 1633 г. король Людовикъ XIII, въ сопровожденіи кардинала и маршала Лафорса, подступивъ къ Нанси, принуждаетъ герцога Карла передать ему эту сильную крѣпость и затѣмъ утверждается въ Лотарингіи; въ томъ же году учреждается парламентъ въ Мецѣ, для прекращенія всякой связи трехъ епископствъ (Мецъ, Туль, Вердюнъ) съ имперіей и зависимости ихъ отъ имперскаго суда, и возобновляется въ Гейлброннѣ союзъ противъ Габсбурговъ не только со Шведами, но и съ четырьмя германскими округами (Швабіей, Франконіей, верхне- и нижне-рейнскимъ): а въ слѣдующемъ году Ришелье начинаетъ переговоры съ Генеральными Штатами относительно завоеванія и раздѣла Испанскихъ Нидерландовъ.

Такимъ образомъ все вниманіе, всѣ усилія Ришелье были направлены въ это время къ утвержденію французскаго господства въ Испанскихъ Нидерландахъ и Лотарингіи, о завоеваніи же Эльзаса онъ вовсе и не помышлялъ, смотря на временное занятіе его какъ на необходимое обезпеченіе своихъ границъ съ востока. Лучшимъ тому доказательствомъ

могутъ служить переговоры, начатые уже въ 1634 году между французскими агентами и Бернгардомъ Веймарскимъ объ уступкѣ ему Эльзаса, переговоры, которые окончились въ октябрѣ 1635 г. признаніемъ за нимъ „le landgraviat d' Alsace, y compris le bailliage d' Haguenau pour en jouir sous le titre de Landgrave d' Alsace, avec tous les droits qui ont appartenu ci-devant à la maison d' Autriche dans le dit pays" (стр. 111; Bibliothèque nationale, fonds français № 3737).

Франція хотѣла этимъ признаніемъ Эльзаса за Бернгардомъ, непримиримымъ врагомъ Габсбурговъ, лишившихъ его родовыхъ земель, пріобрѣсти себѣ „une perpétuelle barrière entre la France et ses ennemis" (*). Поэтому французское правительство не только признавало за нимъ цѣлую область, но и гарантировало ему свою поддержку, обязуясь выплачивать ежегодно извѣстную субсидію (**) для содержанія войска. При переговорахъ по поводу этой передачи между членами Гейлброннскаго союза, французское правительство, повторяя прежнія свои завѣренія на счетъ Эльзаса, тщательно избѣгало разговоровъ о Лотарингіи, и два года спустя, Людовикъ XIII даже категорически заявилъ шведскому уполномоченному, что если Швеція желаетъ сохранить за собою занятую ею Померанію, то и онъ имѣетъ намѣреніе оставить за собою Лотарингію.

Естественно, что усилія и затраты французскаго правительства, платившаго членамъ протестантской уніи субсидіи и содержавшаго, кромѣ армій Тюрена и Конде, все войско Бернгарда Веймарскаго, по мѣрѣ успѣшности результатовъ, должны были расширять какъ самые планы Ришелье, такъ и требованія его относительно вознагражденія. Уже съ 1638 г., со времени взятія Бернгардомъ Брейзаха, столь важнаго въ стратегическомъ отношеніи, и послѣ явно выказаннаго имъ нежеланія предоставить эту крѣпость Французамъ, Ришилье сталъ недовѣрять своему союзнику и подумывать о сохраненіи Эльзаса въ видѣ залога для болѣе выгодныхъ условій при будущихъ переговорахъ о мирѣ съ императоромъ. Мысль эта укрѣпилась въ немъ еще болѣе послѣ смерти Бернгарда

(*) Lettres de Richelieu. Avenel, VI, 408—410.
(**) 5½ мил. ливровъ.

(1639 г.), оставившаго духовное завѣщаніе (*), по которому онъ передавалъ, въ случаѣ отказа братьевъ своихъ (сторонниковъ Габсбурговъ съ 1635 г.), всѣ завоеванныя имъ мѣста и области — Франціи, до всеобщаго замиренія, послѣ чего они должны были быть возвращены имперіи. Случай помогъ и осуществить тотчасъ же эти планы; армія саксонская, лишенная своего вождя, готова была передаться тому, кто предложитъ ей болѣе выгодныя условія; Франція предупредила другихъ и, по выраженію Шерюеля (**), „acheta l'armée et ses conquêtes"; французское знамя развѣваться стало надъ Брейзахомъ и другими городами, занятыми саксенъ-веймарскими войсками.

Мазарини имѣлъ на Эльзасъ уже болѣе опредѣленные виды; судя по его инструкціямъ и приказамъ, онъ смотрѣлъ на него не какъ на залогъ для будущихъ мирныхъ переговоровъ, но скорѣе какъ на справедливое вознагражденіе непомѣрныхъ десятилѣтнихъ усилій и затратъ Франціи, тѣмъ болѣе, что надежды на пріобрѣтеніе Лотарингіи съ 1643 г. все болѣе и болѣе уменьшались. „Quant à l' Alsace", писалъ онъ Тюреню,—„je m' assure que vous la considérerez comme un pays qui n' appartient pas moins au Roi que la Champagne, et, par conséquent, que Vous ménagerez les provisions qui s'y trouvent avec tout l'ordre et toute l'économie possible" (***).

Инструкціи, данныя отправленнымъ въ Мюнстеръ уполномоченнымъ французскимъ графамъ д'Аво (d' Avaux) и Сервіену (Servien de la Roche), настаиваютъ, какъ на крайнемъ минимумѣ требованій Франціи, на полной уступкѣ верхняго и нижняго Эльзаса вмѣстѣ съ Брейзахомъ, разумѣя подъ этимъ весь лѣвый берегъ средняго Рейна, какъ на естественную границу „de séparation à la France et à l'Allemagne" (****).

(*) Bibliothèque nationale № 3737, f. de France.

(**) Introduction à la correspondance de Mazarin.

(***) Lettres de Mazarin, t. II, pag. 580.

(****) Ut cedat Galliae Alsatia inferior et superior, inclusis Sundgoviâ, Brisaco et Brisgoviâ, civitatibus sylvestribus (¹) cum omni causâ omnique jure quo ante praesens bellum possidebantur à principibus domus Austriacae.

(¹) Laufenberg, Rheinfelden, Seckingen, Waldshut.

[illegible] постановленіяхъ Мюнстерскаго мира, состоявшагося [illegible] послѣ семилѣтнихъ сложныхъ переговоровъ 24-го [illegible] 1648 г., четыре параграфа (73, 74, 79, 87) трактуют [illegible] уступкѣ Эльзаса Франціи; неопредѣленность и не[illegible] ихъ изложенія подавала и подаетъ, какъ мы уже [illegible], поводъ къ безчисленнымъ юридическимъ пререка[illegible] не приводящимъ къ положительнымъ результатамъ. [illegible] какъ по смыслу первыхъ трехъ параграфовъ не только императоръ и весь Габсбургскій домъ, но и имперія, отказываются отъ всякихъ правъ на Эльзасъ и передаютъ верховную власть (supremum dominium) всецѣло коронѣ Франціи, упраздняя всѣ прежніе законы и постановленія, противорѣчащіе этой уступкѣ, 87-й параграфъ признаетъ за Франціей только весьма незначительную часть области, сохраняя бо̀льшую въ неразрывной связи съ имперіей (in libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum) и отрицая надъ послѣднею всякую верховную власть короля Франціи (*).

(*) § 73. Imperator..... itemque Imperium cedunt omnibus juribus-proprietatibus, dominiis, possessionibus ac juris dictionibus quae hactenus sibi, Imperio ac familiae Austriacae competebant in oppidum Brisacum, Landgraviatum superioris et inferioris Alsatiae, Sundgoviam, Praefecturamque provincialem decem civitatum imperialium in Alsatia sitarum ..... omnesque pagos et alia quaecumque jura, quae a dicta Praefectura dependent, eaque omnia et singula in Regem Christianissimum regnumque Galliarum transferunt, ...

§ 74. Itemque dictus Landgraviatus utriusque Alsatiae et Sundgoviae, tum etiam Praefectura provincialis in dictas decem Civitates et loca dependentia, itemque omnes vassalli, landsassii, subditi, homines, castra, villae, arces, sylvae, forestae, auri, argenti aliorumque mineralium fodinae, flumina, rivi, pascua, omniaque jura, regalia et appertinentiae abque ulla reservatione cum omnimoda juris dictione et superioritate supremo dominio a modo in perpetuum at Regem Christianissimum Coronamque Galliae pertineant, et dictae Coronae incorporata intelligantur, abque Caesaris, Imperii domusque Austriacae vel cujuscumque alterius contradictione .....

§ 79. Ad majorem supradictarum cessionum et alienationum validitatem, Imperator et Imperium, vigore praesentis transactionis, expresse derogant omnibus et singulis praedecessorum Imperatorum Sanctique Imperii Romani decretis, constitutionibus, statutis et consuetudinibus, etiam juramento firmatis, aut in posterum firmandis, nominatimque Capitulationi Caesareae, quatenus alienatio omnimoda bonorum et jurium Imperii prohibetur .....

Г. Легрелль весьма обстоятельно занимается разборомъ этихъ параграфовъ и старается доказать отсутствіе всякаго противорѣчія и полную въ нихъ гармонію и послѣдовательность; онъ разсматриваетъ 87-й параграфъ какъ дополненіе лишь къ первымъ тремъ, дополненіе, которое касается подробностей, возлагая на Францію обязательство сохранить существовавшую уже прежде автономію въ этихъ городахъ и областяхъ. автономію, которой въ декларацiи придано громкое названіе libertas et immedietas erga Imperium.

Съ подобнымъ толкованіемъ текста нельзя, кажется, согласиться уже потому, что supremum dominium, признаваемое за Франціей, противорѣчитъ понятію immedietatis erga Imperium Romanum, такъ какъ — Is tantum Immediatus Imperii dicitur qui nullius alterius quam Imperatoris jurisdictioni subjectus est — и слѣдовательно нельзя, было въ одно и то же время признавать верховную власть одного государя и высшую юрисдикцію другого.

Мы уже въ началѣ статьи высказали нашъ взглядъ по поводу этого спорнаго вопроса, утверждая, что при обсужденіи его, въ настоящее время, слѣдуетъ обращать болѣе вниманія на историческую, чѣмъ юридическую сторону дѣла, то есть, не столько заниматься разборомъ противорѣчій, сколько разъясненіемъ вообще причинъ возможности существованія ихъ въ международномъ актѣ.

---

§ 87. Teneatur tamen Rex Christianissimus non solum episcopos Argentinensem et Basiliensem, cum civitate Argentinensi, sed etiam reliquos per utramque Alsatiam Romano Imperio immediate subjectos Ordines, Abbates, Abbatissam ..... Monasterium .... Palatinos, Comites, Barones, ... nobilitatem, item praedictas decem civitates imperiales ..... in ea libertate et possessione immedietatis erga Imperium Romanum, qua hactenus gavisae sunt, relinquere: ità ut nullam ulterius in eo regiam superioritatem praetendere possit. sed iis juribus contentus maneat, quaecumque ad domum Austriacam spectabant. et per hunc pacificationis tractatum Coronae Galliae cedun tur. Ita tamen ut praesenti hac declaratione nihil detractum intelligatur de eo omni supremi dominii jure quod supra concessum est.

Maiern, Acta pacis Westphalicae publica. Hannov., 1734. Ghillany. Diplomatisches Handbuch. 1855: I. 1.

Французскіе уполномоченные, графъ д'Аво и Сервіенъ, вели, какъ извѣстно, переговоры въ Мюнстерѣ съ императорскими уполномоченными: графомъ Траутмансдорфомъ—главнымъ коммиссаромъ, графомъ Нассаускимъ и Исаакомъ Фолмаромъ, при посредничествѣ кардинала Фабіо Киджи и венеціанскаго посланника Контарено. Переговоры эти, начавшіеся въ апрѣлѣ 1645 года, окончились лишь чрезъ годъ установленіемъ главныхъ основъ замиренія; императорскіе коммиссары, въ виду необычайныхъ успѣховъ французскаго оружія, должны были наконецъ согласиться на уступку Франціи всего Эльзаса съ Зундгау, то-есть, всего лѣваго берега Рейна, и крѣпостей Брейзаха и Филипсбурга — на правомъ берегу: Ita defugere non poterant Caesarei quin totam Alsatiam annuerent, говоритъ Пуффендорфъ (*). 17-го сентября 1646 года графъ д'Аво торжественно доносилъ регентшѣ-матери Аннѣ Австрійской, „que Sa Majesté avait non seulement étendu les limites de la France jusqu' à ses plus anciennes bornes, mais encore acquis deux places très importantes sur le Rhin".

Впрочемъ главное затрудненіе, при обсужденіи этого вопроса, состояло не столько въ самой уступкѣ, которая уже была почти предрѣшена, сколько въ опредѣленіи будущихъ правъ Франціи на эту территорію. Передать-ли Эльзасъ Франціи въ полную собственность или въ видѣ лена имперіи, какъ это было сдѣлано съ Помераніей, уступаемою Швеціи, что влекло за собою, естественно, участіе короля Французскаго, съ правомъ голоса на имперскихъ земскихъ собраніяхъ.—вотъ вопросъ, который въ теченіе лѣта 1646 г. занималъ уполномоченныхъ. Наконецъ вѣковое соперничество Габсбурговъ, опасеніе и страхъ потерять окончательно вліяніе въ имперіи, при участіи могущественнаго монарха на рейхстагахъ, одержали верхъ, и supremum dominium Франціи было признано.

Но этимъ соглашеніемъ съ императоромъ дѣло еще не кончалось. По германскому уложенію, верховная власть (imperium) принадлежала императору въ совокупности съ имперскими сословіями (Reichstände), и посему необходимо было,

(*) De rebus Suecicis lib. 18, § 74.

для окончательнаго рѣшенія дѣла, получить на подобную территоріальную уступку еще согласіе представителей сословій, находившихся въ Мюнстерѣ же; необходимо было вступить въ переговоры съ элементами, всегда противодѣйствовавшими императору, съ элементами, которыхъ, какъ показывалъ опытъ, никогда нельзя было привести къ единодушію, вслѣдствіе разнообразныхъ и противорѣчивыхъ интересовъ.

Какъ территоріальные владѣтели, такъ и имперскіе города Эльзаса, устрашались мысли войдти въ составъ государства, въ которомъ господствовала полная централизація, гдѣ не было мѣста ни ихъ сословной, ни ихъ общинной автономіи, и гдѣ они должны были исчезнуть какъ атомы въ огромномъ политическомъ организмѣ. Для ихъ мелкихъ локальныхъ интересовъ выгоднѣе было оставаться членами имперіи, что не влекло за собою никакихъ стѣсненій и жертвъ и предоставляло ихъ самимъ себѣ. Не чувство національности, не высшія побужденія руководили представителями сословій, а исключительно соображенія практическаго свойства. Страсбургскія власти, напримѣръ, отправляя уполномоченныхъ въ Мюнстеръ, спросили Мазарини de vouloir bien faire recommander les intérêts de leur ville à mm. les plénipotentiaires de France (*), а интересы эти, по ихъ же собственнымъ словамъ, заключались въ сохраненіи трехъ церквей, въ признаніи за ними различныхъ участковъ, предоставленныхъ Страсбургу Швеціей, и въ подобныхъ матеріальныхъ пріобрѣтеніяхъ (**). Представители Эльзаса требовали, вопреки желанію императора, чтобы связь Эльзаса съ имперіей не была разрушена, чтобы король Франціи, какъ ландграфъ Эльзаса, имѣлъ голосъ на имперскихъ рейхстагахъ, и чтобы выраженіе supremum dominium было уничтожено въ договорѣ.

Не смотря на завѣренія д'Аво и Сервіена, что король гарантируетъ имъ всѣ права и привилегіи, представители сословій стояли на своемъ и переговоры не подвигались

(*) Lettre à Mazarin du 11 mars 1645. Archives des affaires étrangères.

(**) Страсбургцы писали своимъ агентамъ отъ 12-го апрѣля 1646 года, чтобъ il soit obvié et pourvu à la sûreté et conservation de tous nos droits, privilèges, immunités et possessions. (Archives des affaires étrangères).

впередъ до конца 1647 года. Наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій императорскихъ коммиссаровъ придти къ соглашенію, а съ другой стороны, вслѣдствіе желанія самихъ сословій выйдти изъ заколдованнаго круга пререканій и протестовъ и вслѣдствіе желанія французскаго правительства покончить скорѣе дѣло, въ виду начинающагося броженія во Франціи (фронда)—прибѣгли къ мѣрѣ, обыкновенно практиковавшейся въ имперіи. Желанія и условія сословныхъ уполномоченныхъ были формулированы въ особенномъ параграфѣ (87), редакція котораго была только по внѣшней формѣ, а не по существу, согласована съ принятыми императоромъ, уже въ сентябрѣ 1646 г., условіями (73, 74, 79) и въ видѣ декларацiи включены въ instrumentum pacis.

Такой исходъ имѣли обыкновенно съ XV вѣка всѣ веденные переговоры на рейхстагахъ въ имперіи, на которыхъ нельзя было никогда достигнуть соглашенія и единодушія, вслѣдствіе разнообразнѣйшихъ интересовъ, и на которыхъ обыкновенно путемъ компромисовъ и тщательною редакціей, обходившею всѣ существенныя разногласія, составлялся окончательный актъ (Reichsabschied), исполненіе или не исполненіе котораго зависѣло отъ времени, обстоятельствъ и силы вещей и весьма часто отъ преобладанія той или другой партіи. Такъ было, напримѣръ, въ Аугсбургѣ въ 1555 году, когда, такъ искренно и горячо хлопотавшій о религіозномъ мирѣ, Фердинандъ I могъ достичь заключенія его только присоединеніемъ къ каждому параграфу нѣсколькихъ декларацій, исключающихъ и парализирующихъ другъ друга, предоставляя времени и обстоятельствамъ успокоить страсти и самой жизни выработать modus vivendi между религіозно-политическими партіями.

Какъ въ 1555 году, такъ и въ 1647, уполномоченные императора и имперіи вносили въ международный актъ, лишь бы покончить дѣло, завѣдомо противорѣчивыя постановленія, сознавая, что въ нихъ таятся зародыши новыхъ столкновеній и предоставляя времени и преобладанію одной изъ сторонъ истолкованіе этихъ противорѣчій. Посему на параграфы 73, 74, 79 и 87 мы не должны смотрѣть какъ на части одного договора, заключеннаго между двумя государствами, а скорѣе какъ на части двухъ различныхъ договоровъ — между

Франціей и императоромъ и между Франціей и имперіей — сопоставленныхъ только въ одномъ и томъ же актѣ. Самое мѣсто, занимаемое 87-мъ параграфомъ въ ряду всѣхъ прочихъ, доказываетъ справедливость нашего взгляда. §§ 73 и 74 трактуютъ объ инкорпораціи Эльзаса Франціи; § 75 — о сохраненіи католическаго культа въ странѣ; § 76—о содержаніи французскихъ гарнизоновъ въ Филипсбургѣ; § 77 — о правахъ Шпейерскаго епископа на Филипсбургъ; § 78 — объ особомъ актѣ утвержденія Эльзаса за Франціей обѣими линіями Габсбурговъ; § 79 — объ упраздненіи всѣхъ имперскихъ актовъ, противорѣчащихъ этой уступкѣ; затѣмъ §§ 80—86 трактуютъ о разныхъ формальностяхъ, денежныхъ вознагражденіяхъ, уплатахъ долга, возвращеніяхъ отнятыхъ земель, однимъ словомъ—о подробностяхъ, вытекавшихъ изъ основныхъ положеній, и вдругъ въ заключеніе этихъ деталей и предъ постановленіями объ италіанскихъ дѣлахъ является § 87 (называемый декларацией), по важности содержанія своего примыкающій не къ второстепеннымъ вопросамъ, а непосредственно къ §§ 73 и 74. Очевидно, что императорскіе коммиссары самымъ расположеніемъ параграфовъ въ упомянутомъ порядкѣ хотѣли обозначить, что не придаютъ § 87-му особеннаго значенія, а включаютъ въ актъ декларацію сословій лишь для того, чтобъ успокоить ихъ и довести дѣло до конца.

И французскіе уполномоченные не воспротивились включенію этого параграфа въ instrumentum pacis, настоявъ только на присовокупленіи фразы: „Ita tamen ut praesenti h a c d e c l a r a t i o n e nihil detractum intelligatur de eo omni supremi dominii jure quod supra concessum est“, которая парализировала основную мысль всего параграфа и подтверждала постановленное уже въ §§ 73, 74 и 79. Кромѣ того, Сервіенъ при обмѣнѣ ратификацій, 18-го февраля 1649 года, присоединилъ еще протестъ, которымъ всѣ декларацiи и объясненія къ договору объявлялись не имѣющими никакого значенія (*).

Такимъ образомъ при самомъ подписаніи и ратификаціи договора положено было уже начало пререканіямъ, продолжающимся до сихъ поръ и разрѣшаемымъ различно, смотря

(*) Archives des affaires étrangères.

по тому, которой изъ двухъ частей договора дается преимущество.

Императорское правительство оффиціально игнорировало вынужденную у нея декларацію и въ позднѣйшихъ актахъ, служившихъ какъ бы дополненіемъ къ Мюнстерскому договору, оставалось вѣрнымъ смыслу первыхъ трехъ параграфовъ. Такъ напримѣръ, въ актѣ отъ 6-го ноября 1648 г. говорится объ этой уступкѣ Эльзаса въ слѣдующихъ выраженіяхъ: ut omnes et singuli dictorum Episcopatuum provinciarumque vassalli Regi Christianissimo homagia dicant, caeteraque omnia et singula praestent ad quae de jure aut consuetudine Imperio Romano tenebantur, id est mediate vel immediate; и въ другомъ мѣстѣ: supremum dominium juraque superioritatis imperialis aliaque omnia quae imperio competebant, omni meliori modo, abque omni limitatione, restrictione, reservatione, etc.

Параграфъ 61-й Пиринейскаго мира (1659 г.), по которому Испанскій король, какъ представитель старшей линіи Габсбурговъ, отказывался, согласно § 78 Мюнстерскаго договора, отъ правъ своихъ на Эльзасъ,—почти дословно повторяетъ параграфы 73-й и 74-й Мюнстерскаго договора и совершенно умалчиваетъ о 87-омъ.

Тѣмъ не менѣе, французское правительство не скрывало отъ себя возможности будущихъ затрудненій, при приведеніи въ исполненіе Мюнстерскаго трактата, что выразилось отчасти уже въ протестѣ графа Сервіена, и утѣшалось мыслью, что осторожною и обдуманною политикою сопротивленіе Эльзасцевъ можетъ быть со временемъ преодолѣно. Посему почти въ теченіе тридцати лѣтъ правительство, чувствуя свое шаткое положеніе въ странѣ, не принимало никакихъ энергическихъ мѣръ къ утвержденію въ ней своей власти, положивъ въ основу дѣйствій систему, рекомендованную г. Вотортомъ (Vautorte) въ донесеніи Бріэнню, систему „d'une extrême douceur, pour apprivoiser les esprits en laissant reposer le droit".

Къ тому же начавшаяся въ 1648 году фрондская война, это послѣднее судорожное движеніе замиравшаго феодализма, сосредоточила все вниманіе правительства на болѣе важныхъ вопросахъ и отразилась весьма неблагопріятно на сліяніи Эльзаса съ Франціей, угрожая даже полнымъ отпаденіемъ его.

Первый губернаторъ, назначенный правительствомъ въ Эльзасъ, графъ д'Аркуръ (lieutenant-général en haute et basse Alsace, grand bailli de Haguenau), родственникъ Лотарингскаго дома и одинъ изъ самыхъ честолюбивыхъ членовъ партіи „недовольныхъ" (malcontents), замышлялъ, воспользовавшись затруднительнымъ положеніемъ правительства и шаткостью отношеній Эльзаса къ коронѣ, устроить себѣ между Вогезами и Рейномъ самостоятельное княжество, хотя бы и въ ленной зависимости отъ имперіи. Онъ подстрекалъ гарнизоны въ Брейзахѣ и Филипсбургѣ къ возмущенію и поддерживалъ въ Эльзасцахъ мысль о принадлежности къ имперіи; домогался голоса въ верхнерейнскомъ окружномъ собраніи (Kreisverein) и въ имперскомъ собраніи въ Регенсбургѣ; вступилъ даже въ переговоры съ Испаніей, выдавая этими дѣйствіями свое правительство и усиливая въ жителяхъ убѣжденіе, что, при слабости послѣдняго, они могутъ оказывать явное сопротивленіе. Хотя Мазарини и удалось отстранить такого опаснаго и коварнаго слугу коронныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе вліяніе его и интриги продолжались долгое время и много труда и изворотливости ума стоило вновь назначенному (съ 1655 г.) интенданту провинціи Кольберъ-Круаси Colbert-Croissy, братъ извѣстнаго Jean-Baptiste Colbert) и новому губернатору (de la Meilleraye, duc de Mazarin, племянникъ кардинала) уничтожать вредныя послѣдствія честолюбивой политики д'Аркура. Собственно говоря только съ пріѣзда Кольбера (ноябрь 1655 г.) замѣчается нѣкоторая послѣдовательность въ дѣйствіяхъ правительства, послѣдовательность, отличающаяся все тѣмъ же характеромъ мягкости, уступчивости и снисходительности.

Г. Легрелль представилъ въ своей книгѣ весьма полный и интересный сводъ всѣхъ донесеній, инструкцій, всей вообще переписки между центральнымъ правительствомъ и эльзасскими властями, которая знакомитъ насъ во всѣхъ подробностяхъ, съ одной стороны, съ трудностями и препятствіями, представлявшимися агентамъ правительства, съ другой — съ происками Австріи и съ узкимъ, локальнымъ и эгоистическимъ патріотизмомъ Эльзасцевъ.

Не смотря на постоянно повторяемыя завѣренія правительства, что оно не намѣрено нарушать ни прежнихъ правъ,

ни прежняго самоуправленія, ни протестантскаго богослуженія, Эльзасцы — въ особенности нижняго Эльзаса — отстаивали, согласно § 87 Мюнстерскаго договора, свою immedietas erga Imperium и обращались постоянно съ жалобами къ имперскому суду въ Шпейерѣ (Reichskammergericht) или къ имперскому собранію въ Регенсбургѣ за различными разъясненіями Мюнстерскаго договора относительно правъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, они обращались и съ почтительными просьбами въ Парижъ объ отмѣнѣ тѣхъ или другихъ распоряженій касательно податей и налоговъ, въ особенности же касательно постоя и содержанія войскъ, доказывая этою двуличностью, что, въ сущности, стремленія ихъ направлены были лишь къ сохраненію локальной независимости какъ отъ имперіи, такъ и отъ Франціи. Императоръ и рейхстагъ съ своей стороны поддерживали такое настроеніе въ надеждѣ, при удобномъ случаѣ, воротить утраченное еще до укрѣпленія французскаго господства въ странѣ, тѣмъ болѣе, что примирительную систему Людовика XIV въ отношеніи къ Эльзасу объясняли робостью, боязнью и нерѣшительностью. Людовикъ даже заявлялъ въ Регенсбургѣ (1653 г.), что онъ не отказывается, какъ было предлагаемо въ Мюнстерѣ, принять Эльзасъ въ видѣ лена имперіи, лишь бы покончить съ постоянными пререканіями и неудовольствіями; но такое предложеніе, естественно, не принималось императоромъ, опасавшимся за свою власть въ имперіи. Разсмотрѣніе дѣла затягивалось, по обыкновенію, откладывалось отъ одного засѣданія до другого, и нельзя было расчитывать добиться этимъ путемъ благопріятнаго рѣшенія.

Убѣдившись въ нежеланіи императора честно исполнять принятыя однажды на себя обязательства, Людовикъ старался заручиться расположеніемъ и дружбою нѣкоторыхъ членовъ имперіи, чтобъ имѣть въ нихъ опору противъ Габсбургскихъ происковъ, и вступилъ посему въ шведско-германскую „Рейнскую лигу“, направленную исключительно противъ испанско-австрійскаго дома. Между тѣмъ новый интендантъ Эльзаса, Кольберъ-Круаси, съ энергіей, выдержкой и послѣдовательностью, характеризующею обоихъ братьевъ, принялся за устройство и организацію администраціи страны, оставаясь притомъ вѣрнымъ основной политикѣ правительства, пред-

почитавшаго мягкость и снисходительность силѣ и крутымъ мѣрамъ. Прежде всего онъ приступилъ къ изученію, по сохранившимся документамъ и актамъ, всѣхъ правъ, принадлежавшихъ Австріи въ Эльзасѣ и уступленныхъ Франціи, правъ сложныхъ и разнообразныхъ, частью уже не существовавшихъ въ дѣйствительности и вполнѣ неизвѣстныхъ французскому правительству; результатомъ этого изученія была записка, представленная имъ королю подъ заглавіемъ: „Mémoire concernant les pays cedés au Roi en Alsace“ (*), записка, послужившая исходною точкою дальнѣйшихъ его административныхъ мѣръ. Затѣмъ приступлено было къ организаціи судебной части въ странѣ для прекращенія связи съ имперіей и Шпейерскимъ каммергерихтомъ и для поддержанія административной и судебной власти правительства въ странѣ. Въ 1657 г. была возстановлена, существовавшая съ 1431 г., судебная палата въ Энсисгеймѣ подъ названіемъ conseil souverain d'Alsace (**), какъ учрежденіе вполнѣ національное, сохранявшее и прежніе законы, и прежніе обычаи съ равноправностью обоихъ языковъ и съ равнымъ числомъ членовъ отъ обѣихъ національностей.

Указъ объ открытіи палаты (1658 годъ), подтверждавшій верховную власть французской короны надъ всѣмъ Эльзасомъ и предписывавшій обязательное обращеніе тяжущихся сторонъ съ аппеляціями къ этому учрежденію, а не къ какому-либо иному, былъ первымъ оффиціальнымъ актомъ, высказывавшимъ категорически взглядъ правительства на 73-й, 74-й и 79-й параграфы Мюнстерскаго договора. Судебная палата предписала генеральному прокурору и его товарищу посѣтить всѣ города Эльзаса и объявить властямъ о таковомъ указѣ палаты, требуя повсемѣстной записи его въ протоколы и присяги въ исполненіи его. Такое требованіе правительства встрѣчено было не вездѣ съ покорностью; нѣкоторые города, гдѣ преобладалъ или господствовалъ исключительно кальвинистскій элементъ, особенно Кольмаръ — выступили съ протестами противъ подчиненія новой палатѣ, нарушавшаго, будто-бы, ихъ привилегіи и immedietas erga Imperium, и

(*) Dépôt de la Guerre.
(**) Въ 1674 году перевезена была въ Брейзахъ.

просили отсрочки присяги до разъясненія спора Шпейерскимъ имперскимъ судомъ или рейхстагомъ, какъ спора, вытекавшаго изъ различнаго толкованія Мюнстерскаго instrumentum pacis. Подобную же оппозицію, но еще въ гораздо большихъ размѣрахъ, встрѣтили Кольберъ и вновь назначенный губернаторъ (de la Meillerayé, duc de Mazarin), потребовавъ въ 1661 году отъ городовъ присягу вѣрности (homagium—juramentum fidelitatis), для утвержденія новыми патентами каждаго изъ нихъ, какъ во владѣніи землею, такъ и въ правахъ и привилегіяхъ. Долго длились переговоры съ представителями городовъ, собравшимися въ Гагенау, относительно редакціи текста присяги и не приводили къ желаемому соглашенію; юридическими софизмами и тонкостями старались они избѣгнуть всякой присяги, доказывая совершенное излишество ея при исключительномъ правѣ протектората Франціи надъ ними, такъ какъ fidelitatis juramentum non de necessitate et substantia juris protectionis et clintelae esse. Кольберъ и Мазарини, которымъ, при этихъ пререканіяхъ, случалось даже выслушивать весьма оскорбительныя для королевской власти выраженія, уже приходили къ убѣжденію въ необходимости употребить силу, но письма государственнаго секретаря Бріэнна постоянно повторяли одно и то же предписаніе, что „les sentiments du roi étaient d'établir son autorité dans les dites villes avec douceur et de ne point donner sujet aux états voisins d'entrer en défiance de ses desseins". Оставалось послѣ этого только одно средство: прибѣгнуть къ извѣстному divide et impera. Мазарини дѣйствительно рѣшился „séparer les villes, espérant par là les attirer ensuite, ou toutes, ou partie d'elles, dans ses sentiments", что ему и удалось вполнѣ. Уже въ 1662 году города, кромѣ Кольмара и Ландау, принесли требуемую присягу, въ которой, впрочемъ, по возможности исключены были всѣ спорныя слова и выраженія; не присягнувшіе же города обратились, по обыкновенію, къ третейскому суду имперіи, на что Людовикъ далъ свое согласіе, хотя и предвидѣлъ совершенную безплодность такой мѣры.

При такихъ условіяхъ медленно водворялась власть короля въ новозавоеванной провинціи; съ одной стороны, нерѣшительность правительства, избѣгавшаго крутыхъ мѣръ

изъ опасенія возбудить новую войну, съ другой стороны—и интриги Испаніи и императора довели дѣло до того, что Регенсбургскій рейхстагъ, въ началѣ Голландской войны, ободренный затруднительнымъ положеніемъ Людовика XIV, дошелъ до полнаго отрицанія всякихъ правъ Франціи на Эльзасъ. Эльзасскіе города не стѣсняясь подавали аппеляціи въ Шпейрскій имперскій судъ, оффиціальные акты издавались отъ имени „вольныхъ императорскихъ городовъ" и отмѣчались годомъ вступленія императора на престолъ; подданнымъ запрещалось, подъ страхомъ конфискаціи имущества, поступать на службу въ королевскую армію, между тѣмъ какъ императорскіе вербовщики безпрепятственно производили повсемѣстный наборъ; города обращались съ оффиціальными просьбами о помощи къ императору, когда онъ, въ 1673 году, присоединился къ коалиціи противъ Франціи вмѣстѣ съ Испаніей, курфюрстомъ Бранденбургскимъ и герцогомъ Лотарингскимъ, и когда армія Монтекукули расположилась на правомъ берегу Рейна. Конде, возмущенный такимъ успѣхомъ императорской политики, писалъ Лувуа: „je ne puis m'empêcher de Vous dire que l'autorité du roi se va perdant absolument dans l'Alsace et que les dix villes impériales sont presque ennemies", и настаивалъ на необходимости быстрыхъ и энергическихъ мѣръ. Эти мѣры были наконецъ приняты: укрѣпленія десяти городовъ были, въ теченіе 1674 года, срыты въ присутствіи самого короля, и въ нихъ расположены французскіе гарнизоны. Декаполь съ тѣхъ поръ сдѣлался французскою областью.

Во время всего этого продолжительнаго процесса инкорпораціи Франціей декаполя и ландграфства Эльзасскаго, отношенія Страсбурга, столицы всей провинціи, къ коронѣ Франціи оставались вполнѣ неопредѣленными. Хотя Страсбургъ входилъ уже съ древнихъ временъ въ составъ ландграфства, но правительство остерегалось распространять дѣйствіе своихъ распоряженій на него и требовать ихъ исполненія. Какъ указъ объ учрежденіи верховной палаты въ Энсисгеймѣ, такъ и указъ о принесеніи присяги и объ утвержденіи новыми грамотами прежнихъ правъ и привилегій не коснулись Страсбурга, который подчинялся добровольно юрисдикціи верховной палаты только тогда, когда ему это было

выгодно, въ противномъ же случаѣ обращался попрежнему къ заступничеству имперіи.

Французское правительство тщательно избѣгало всѣхъ поводовъ къ ссорѣ, довольствуясь почтительными посланіями и завѣреніями «des très humbles et obeissans serviteurs de Sa Majesté», и дѣлало видъ, будто не замѣчаетъ тайныхъ сношеній и постоянныхъ переговоровъ страсбургскихъ властей съ императоромъ и его агентами и тайнаго противодѣйствія всѣмъ планамъ Франціи, какъ это было, напримѣръ, по случаю избраніи въ санъ епископа Страсбургскаго французскаго кандидата, графа Фюрстенберга. При малѣйшихъ затрудненіяхъ въ политической жизни Франціи, Страсбургцы явно выказывали свои симпатіи имперіи; при самыхъ незначительныхъ передвиженіяхъ войскъ и перевозкѣ артиллерійскихъ снарядовъ, какъ это было, напримѣръ, по случаю открывшейся въ 1667 г. революціонной войны, страсбургскія власти приходили въ смятеніе, опасаясь какихъ-нибудь замысловъ противъ себя, и тотчасъ обращались съ жалобами, протестами и просьбами къ имперіи, хотя въ другихъ случаяхъ отстаивали въ отношеніи къ ней свою самостоятельность, прикрываясь протекторатомъ Франціи и отказываясь, напримѣръ, посему принести присягу вѣрности новому императору Леопольду I (въ 1660 г.), посылавшему для сего въ Страсбургъ спеціальнаго коммиссара—графа Ганау. Однимъ словомъ политика Страсбургской республики оставалась по прежнему чисто локальною, чуждою всякой національности, ей желательно было зависѣть лишь отъ самой себя и, лавируя ловко между Сциллой и Харибдой—Франціей и Австріей,—спасти на возможно долгое время свою независимость.

Голландская война, начавшаяся въ 1672 году, должна была окончательно разрѣшить это тридцатилѣтнее неопредѣленное отношеніе Страсбурга къ Франціи, она должна была убѣдить наконецъ республику въ невозможности сохраненія своей самостоятельности между двумя сильными государствами. Сознавая опасное положеніе между двумя арміями, сосредоточенными на берегахъ верхняго Рейна, Страсбургъ добивался признанія своего нейтралитета со стороны воюющихъ сторонъ и получилъ на то согласіе Людовика XIV; императоръ же Леопольдъ, не смотря на всѣ представленія

сената, не допускалъ возможности нейтралитета и требовалъ точнаго исполненія «всѣхъ обязанностей въ отношеніе къ имперіи».

Хотя французскіе военачальники и доносили Людовику XIV о необходимости занять Страсбургъ, король никакъ не соглашался на подобную мѣру и предписывалъ уважать дарованный нейтралитетъ во всей строгости; на всѣ представленія генераловъ, министры отвѣчали постоянно одними и тѣмъ же: «Sa Majesté désire que vous mainteniez tout ce qui peut rester encore de neutralité à Strasbourg». Не смотря на то, что Конде въ самомъ началѣ войны и успѣлъ разрушить нѣсколько арокъ Кельскаго моста, сообщеніе между обоими берегами было скоро возстановлено и императорскія войска въ теченіе всей компаніи проходили безпрепятственно взадъ и впередъ, сдѣлавъ Страсбургъ главнымъ центромъ своего интендантства, откуда снабжалась армія военными снарядами и жизненными припасами; тогда какъ французамъ сенатъ запрещалъ переходъ чрезъ мостъ и отказывалъ въ разрѣшеніи покупать провіантъ.

На всѣ требованія французскаго правительства, обращенныя къ сенату, о разрушеніи моста, о соблюденіи договореннаго нейтралитета и о недопущеніи нарушенія его, власти отвѣчали извиненіями или софистическими объясненіями, которыми правительство французское съ виду удовлетворялось, не желая прибѣгать къ силѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе убѣждалось въ невозможности сохранить за собою весь Эльзасъ, не имѣя въ рукахъ самаго ключа къ нему—убѣжденіе, которое коротко и ясно формулировано было резидентомъ Франціи въ Страсбургѣ, Лалуберомъ, въ разговорѣ съ однимъ членомъ совѣта XIII: „le Rhin vous apprend votre véritable politique, puisqu'il vous sépare de l'Allemagne et vous laisse du coté du roi".

Наконецъ въ августѣ 1678 г. Страсбургъ принужденъ былъ оффиціально отказаться отъ своего нейтралитета, столь односторонне имъ соблюдаемаго; онъ заключилъ капитуляцію съ герцогомъ Лотарингскимъ, принялъ императорское войско и вступилъ такимъ образомъ въ ряды враговъ Франціи.

Открывшіяся между тѣмъ конференціи въ Нимвегенѣ воспрепятствовали Франціи направить свои дѣйствія противъ

Страсбурга. Осадное положеніе, въ которомъ находился Страсбургъ въ теченіе семи лѣтъ, огромные расходы, разорявшіе обывателей на содержаніе гарнизона и императорскихъ войскъ, находившихся тамъ почти постоянно на постоѣ, прекращеніе торговли и промышленности; наконецъ, суровое отношеніе императора къ республикѣ—все это увеличивало симпатіи къ Франціи и приводило постепенно благоразумныхъ Страсбургцевъ къ убѣжденію, что вопросъ о полномъ подчиненіи французской коронѣ есть только вопросъ времени „Il est ncroyable"—говорится въ одномъ донесеніи резидента — „combien ils sont obligés de contribuer pour toutes les grandes dépenses sous prétexte de conserver leur liberté, et il y en a déjà beaucoup qui en sont rebutés, mais qui sont obligés détouffer leurs véritables sentiments, de peur d'être accablés par la populace". Потому понятно, что сенатъ, при открывшихся конференціяхъ въ Нимвегенѣ, просилъ Людовика XIV принять ихъ уполномоченныхъ подъ свое покровительсто и содѣйствовать имъ въ случаѣ „qu'il se passât quelque chose dans l'assemblée qui allât à la diminution de quelques'uns de leurs privilèges". Страсбургскія власти убѣждены были, что, подъ покровомъ Франціи, онѣ скорѣе спасутъ хотя обломки своей прежней свободы и прежняго самоуправленія, чѣмъ подъ покровомъ императора, который явно высказалъ намѣреніе потребовать отъ Страсбурга homagium et juramentum fidelitatis и не соглашался даже допускать на конгрессъ представителей сословій, желая вести переговоры одинъ, говоря: „qu'un état de l'Empire n'avait besoin nulle part d'une représentation particulière". Положеніе Лудовика XIV, при открывшихся въ 1677 г. оффиціальныхъ переговорахъ въ Нимвегенѣ, было весьма выгодное; не смотря на то, что онъ велъ борьбу противъ всей почти Европы и не могъ быть, естественно, повсюду побѣдителемъ, не коалиція, а онъ предписалъ Европѣ основанія мира. Имѣя уже на своей сторонѣ Англію и Швецію, Людовикъ умѣлъ разъединить союзниковъ и примириться съ ними въ отдѣльности, въ особенности-же расположить къ себѣ Испанію и отвлечь ее такимъ образомъ отъ поддержки императорской политики. 10-го августа 1678 г. былъ подписанъ мирный договоръ между Франціей и Голландскою республикою; 17-го сентября—между Франціей и

Испаніей, въ то время какъ съ императоромъ еще нельзя было достичь соглашенія, и уполномоченные Леопольда, не смотря на изолированное его положеніе, никакъ не хотѣли сдаваться на требованія Франціи. Впрочемъ требованія эти не были чрезмѣрны; Лудовикъ XIV клалъ въ основу переговоровъ не uti possidetis post bellum, а лишь постановленія Мюнстерскаго договора. Въ отношеніи къ Эльзасу онъ сохранялъ по прежнему свою точку зрѣнія и требовалъ полнаго признанія его верховныхъ правъ и власти надъ всею провинціей, какъ было постановлено въ 1648 году, правъ, постоянно оспариваемыхъ у него императоромъ и даже теперь, на конгрессѣ, отрицаемыхъ его послами. При этихъ переговорахъ повторились обычные пріемы и уловки уполномоченныхъ императора, пріемы, практиковавшіеся въ Мюнстерѣ и уже гораздо ранѣе и состоявшіе въ стремленіи уничтожать дѣйствіе одного параграфа другимъ. Видя, однако, непреклонную волю французскихъ пословъ сохранить въ полной силѣ вестфальскій договоръ и не впускаться даже въ пересмотръ верховныхъ правъ Франціи надъ всѣмъ Эльзасомъ, уполномоченные императора должны были, наконецъ, на это согласиться, но предложили присоединить, въ видѣ отдѣльнаго параграфа (8), декларацію (une clause) слѣдующаго содержанія: „une fois la paix conclue on conviendrait des moyens amiables pour terminer les différends de Sa Majesté avec les villes d'Alsace". Но и на включеніе этого примѣчанія, которое послужило бы поводомъ къ новымъ, безконечнымъ пререканіямъ, подобно § 87 мюнстерскаго договора послы не давали своего согласія; они утверждали, что эти „différends" обнаруживались только вслѣдствіе не исполненія постановленій 1648 г., что они прекратятся тотчасъ же, если отстранены будутъ всѣ подстрекательства и поводы къ тому, и угрожали, въ случаѣ включенія этой декларацiи въ договоръ „plutos de déchirer le traité au lieu de le signer", такъ какъ король согласится скорѣе продолжать войну еще 20 лѣтъ, чѣмъ допустить параграфъ, подрывающій его верховную власть, пріобрѣтенную прежними трактатами. Уполномоченнымъ императора пришлось уступить и на этотъ разъ; договоръ былъ подписанъ 3-го февраля 1679 г. безъ включенія предположеннаго 8-го параграфа и безъ упоминанія о

границахъ власти Франціи надъ Эльзасомъ. Но этимъ канцелярскія уловки германскихъ государственныхъ людей не прекратились. Въ тотъ же самый день составленъ былъ ими протестъ противъ только что подписаннаго международнаго акта, въ которомъ они снимали съ себя отвѣтственность въ опущеніи условій третейскаго суда касательно Эльзаса, побуждаемые, будто бы, къ такой уступкѣ желаніемъ не препятствовать заключенію мира столь всѣми желаемаго, приписывая всю вину настойчивости и несговорчивости французскихъ уполномоченныхъ. Этотъ протестъ былъ помѣченъ тѣмъ же числомъ, 3-го февраля, и приложенъ къ оффиціальному акту, какъ бы составляя неотъемлемую его часть.

Рейхстагъ въ Регенсбургѣ, которому въ этомъ видѣ и былъ представленъ договоръ для ратификаціи, принялъ его за нераздѣльный актъ и, утверждая его, присоединялъ со своей стороны просьбу къ императору, въ которой повторялись опять желанія и требованія Мюнстерской декларацiи (§ 87). „Sa Majesté Impériale est encore très humblement priée.... d'employer son zèle et des soins paternels... afin que, comme on voit par les deux pièces qni ont été communiquées... l'immédiateté des dits Etats qui leur a été confirmée par la paix de Münster leur puisse être conservée sans lésion" (*). Такимъ образомъ и на этотъ разъ, какъ и въ 1648 году, императоръ и имперія, заключая договоръ, старались, путемъ присоединенія различныхъ пояснительныхъ декларацій и оговорокъ, сохранить за собою права на уступаемыя территоріи, съ тѣмъ чтобы, при удобномъ случаѣ, возвратить ихъ себѣ какъ законное достояніе.

Но Людовикъ XIV, достигшій Нимвегенскимъ миромъ апогея славы и преобладанія въ Европѣ, не намѣренъ былъ на этотъ разъ дозволить Германіи оспаривать у него и отнимать плоды завоеваній. Онъ достигъ того что Германія, по крайней мѣрѣ оффиціально, согласилась съ его толкованіемъ Мюнстерскаго договора и признавала за нимъ весь Эльзасъ, включая и Страсбургъ. Теперь, слѣдовательно, насталъ моментъ подчиненія маленькой республики, съ которою обращались до тѣхъ поръ съ такою осторожностью и снисходи-

(*) Dépôt de la Guerre—донесеніе французскаго посла.

тельностью и которая сама стала убѣждаться, во время последней войны, что ея самостоятельность посреди сильной монархіи есть пустая химера.

Впрочемъ подобная инкорпорація въ то время не была бы случаемъ чрезвычайнымъ и исключительнымъ: имперскій городъ Безансонъ, уступленный Испаніей Франціи вмѣстѣ съ Франшъ-Конте, подчинился безпрекословно новому своему государю; имперскій городъ Бременъ еще въ 1654 году принужденъ былъ принести Шведскому королю присягу вѣрности и отказаться отъ мнимой immedietas erga Imperium; Брауншвейгъ въ 1671 году вошелъ въ составъ земскихъ городовъ герцоговъ Люнебургскихъ.

Уже въ 1679 году, какъ видно изъ сообщаемыхъ г. Легреллемъ документовъ, сталъ обдумываться планъ инкорпораціи Страсбурга; путешествіе Лувуа по Эльзасу можетъ быть разсматриваемо какъ одна изъ подготовительныхъ мѣръ къ окончательной развязкѣ дѣла. Богатый матеріалъ, собранный г. Легреллемъ доказываетъ, какъ осмотрительно въ этомъ случаѣ дѣйствовало правительство, желая разрѣшить страсбургскій вопросъ по возможности миролюбиво; какъ оно постепенно суживало сферу территоріальной власти республики, налагая, наравнѣ съ прочими мѣстами, подати на всѣ земли, принадлежавшія республикѣ extra muros; какъ оно, изолируя ее все болѣе отъ остальной провинціи, доводило жителей до сознанія собственной слабости и невозможности сохраненія прежней локальной независимости.

Это сознаніе, еще слабо высказываемое во время Голландской войны, когда надежда на спасеніе автономіи поддерживалась присутствіемъ армій и когда во имя ея приносились неимовѣрныя жертвы—теперь все болѣе и болѣе стало проникать въ общественное мнѣніе и даже въ руководящіе кружки патриціевъ, несмотря на то, что для послѣднихъ подчиненіе Франціи было равносильно потерѣ власти своей и господства. Патриціи не могли противодѣйствовать притягательной силѣ, оказываемой французскимъ языкомъ, литературой, утонченными нравами Версаля, не могли задержать невольной и естественной ассимиляціи съ Франціей и развитія французскихъ симпатій по крайней мѣрѣ въ извѣстномъ слоѣ общества. Къ тому же католическое населеніе

всей провинціи и довольно значительный процентъ его въ Страсбургѣ, не говоря уже о членахъ епископскаго капитула и духовенства, стояли на сторонѣ Франціи и довольно открыто заявляли свои симпатіи къ ней. Французскіе агенты при иностранныхъ дворахъ Германіи доносили Лудовику XIV, что за Рейномъ всѣ говорятъ о томъ, что Эльзасъ, не исключая и Страсбурга, желаетъ зависѣть отъ короля лишь бы только онъ далъ общее завѣреніе въ сохраненіи привилегій. Потому постановленія верховной палаты въ Брейзахѣ (conseil supérieur et souverain d'Alsace), изданныя вскорѣ по заключеніи Нимвегенскаго мира, въ августѣ 1680 г., не произвели особеннаго броженія въ странѣ и были приведены въ исполненіе при весьма слабомъ сопротивленіи. Постановленія эти, исходя изъ принципа верховной власти короля надъ всѣмъ Эльзасомъ, требовали присяги вѣрности отъ всего дворянства, какъ вассаловъ короны, и новаго утвержденія владѣній и привилегій королевскими патентами. Хотя въ указахъ палаты имя Страсбурга не упоминалось, но всѣ понимали, что онъ имѣлся въ виду при изданіи ихъ, и ожидали со дня на день распоряженій правительства объ инкорпораціи его. Людовикъ XIV однако медлилъ и на этотъ разъ: онъ опасался сильной оппозиціи и приготовлялся уже къ возможности продолжительной осады города.

Дальнѣйшія мѣропріятія короля, однако, ускорили катастрофу, подготовлявшуюся въ теченіе столькихъ лѣтъ самою силою вещей, и разрѣшили вопросъ гораздо проще и гораздо ранѣе, чѣмъ предполагалось. Эти мѣропріятія состояли въ учрежденіи уже въ октябрѣ 1679 года при Мецкой верховной палатѣ, а затѣмъ и при палатахъ въ Безансонѣ, Турнэ и Брейзахѣ, особыхъ коммиссій (извѣстныхъ подъ названіемъ chambres de réunion) для точнаго изысканія и опредѣленія всѣхъ владѣній, духовныхъ и свѣтскихъ, входящихъ въ составъ леновъ, уступленныхъ Франціи Испаніей и имперіей по Мюнстерскому и Нимвегенскому договорамъ. „Je prétends jouir de tout ce qui m'appartient en conséquence des traités de Münster et de Nimègue..... des tous les droits de ma Couronne"..... puisque à Nimègue „les Imperiaux se sont entièrement rendus à la juste interprétation que mes ambassadeurs ont donné au traité de Münster..... et qu'ils prétendent re-

mettre aujourd'hui en question" писалъ Людовикъ XIV своему представителю въ Регенсбургѣ, доносившему ему о тревогѣ, произведенной въ имперіи присоединеніями.

Такимъ образомъ, вслѣдствіе указовъ, изданныхъ упомянутыми палатами, не только дворянство верхняго и нижняго Эльзаса, какъ выше было сказано, обязывалось принести ленную присягу королю; но и многіе иностранные государи, какъ напримѣръ король Швеціи, герцогъ Вюртембергскій, принцъ Вильгельмъ Оранскій, должны были признать Людовика XIV своимъ сюзереномъ, какъ владѣтели леновъ, уступленныхъ ему епископствъ и областей; король Швеціи по Цвейбрюкену, герцогъ Вюртембергскій по графству Montbelliard въ Франш-Конте, принцъ Оранскій по графству Chiny.

Положивъ въ основу своихъ розысканій весьма широкій принципъ, chambres de réunion включали въ списки, подлежащихъ занятію мѣстностей и обязанныхъ принести ленную присягу королю, между прочимъ и такія, которыя, въ моментъ заключенія Мюнстерскаго договора, уже не входили болѣе въ составъ ленныхъ владѣній того или другаго епископства или графства; такъ напримѣръ были заняты французскими войсками три города: Oberstein, Homburg и Bitsch, принадлежавшіе уже нѣсколько столѣтій архіепископу Трирскому, подъ тѣмъ предлогомъ, что Пипинъ Короткій, приносившій ихъ въ даръ церкви, сохранялъ за собою права высшаго покровителя и защитника. Подобнымъ образомъ пріобрѣтенъ былъ и Луксембургъ. При такого рода присоединеніяхъ правительство руководилось, конечно, не столько историческими и юридическими соображеніями, сколько военными, желая воспользоваться случаемъ, чтобы пріобрѣсти укрѣпленные пункты, важные съ стратегической точки зрѣнія въ отношеніе къ герцогству Лотарингскому и Испанскимъ Нидерландамъ.

Г. Легрелль, говоря о „réunions" въ Эльзасѣ, совершенно не упоминаетъ о присоединеніяхъ внѣ его, можетъ быть и потому, что въ таковыхъ не могъ отыскать строго-юридическихъ основъ; а между тѣмъ онѣ-то болѣе чѣмъ что-либо другое распространили смятеніе и тревогу въ имперіи, подавъ поводъ къ страху, что Людовикъ распространитъ свою власть и на правый берегъ Рейна. „J'entends dire par le

public", доносилъ отъ 22-го февраля 1681 г. посланникъ въ Вѣнѣ—qui si Votre Majesté ne poussait pas ses prétentions au delà du Rhin, on lui accorderait celles qu'Elle a déjà", и отъ 21 мая—„qu'on comptait comme perdu pour l'Empire tout ce qui était au delà dans l'Alsace, et que même on était presque résolu de le céder à Votre Majesté, pourvu qu' Elle en voulût demeurer là et ne pas passer ce fleuve" (Legrelle, 507).

Обыкновенно безжизненный рейхстагъ въ Регенсбургѣ сталъ выказывать необыкновенную дѣятельность и представлять французскому резиденту протестъ за протестомъ; императоръ отправилъ чрезвычайнаго посла въ Парижъ для принесенія жалобъ отъ его имени и имени имперіи на неисполненіе мирныхъ договоровъ (l'inexécution du traité de paix) и на явное нарушеніе ихъ (contraventions à la paix); вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовалъ тайными путями для возбужденія общественнаго мнѣнія противъ Франціи и объявленія новой войны со стороны имперіи, разсчитывая силами послѣдней удержать преобладаніе Франціи, такъ какъ самъ занятъ былъ въ родовыхъ земляхъ борьбою съ Венграми и Турками.

Французскіе уполномоченные и резиденты доносили королю о повсемѣстныхъ усиленныхъ приготовленіяхъ къ войнѣ, дѣлаемыхъ будто бы противъ Турціи, но направленныхъ въ дѣйствительности противъ него; въ Страсбургъ прибылъ баронъ Мерси, посолъ императора (май 1681 г.), который велъ тайную пропаганду и въ самой республикѣ и въ прирейнскихъ областяхъ въ пользу вооруженія противъ Франціи. Резидентъ французскій, донося объ этомъ, присовокуплялъ, что намѣреніе императора занять своими войсками (6 тысячъ) Страсбургъ, этотъ ключъ къ Эльзасу, не составляетъ уже болѣе никакой тайны и явно высказывается въ печати (*); что Страсбургъ приводится въ оборонительное положеніе и готовится къ войнѣ.

О томъ же писалъ королю сторонникъ Франціи, братъ и coadjutor епископа Егона Фюрстенберга, Вильгельмъ, указывая ему на угрожающую опасность, если императорскія войска успѣютъ занять городъ.

(*) Rélations véritables—оффиціальный органъ нѣмецкихъ интересовъ въ Брюсселѣ.

Лудовикъ рѣшился тогда дѣйствовать; желая только выиграть время до окончанія необходимыхъ приготовленій, онъ согласился наконецъ, вслѣдствіе настоятельныхъ требованій австрійскаго посла графа Мансфельда, на открытіе конференцій во Франкфуртѣ для разсмотрѣнія жалобъ и протестовъ, сознавая вполнѣ, что этимъ путемъ не достигнуто будетъ, по обыкновенію, никакого соглашенія.

Тѣмъ временемъ шли приготовленія къ занятію Страсбурга и, уже въ сентябрѣ, король писалъ своимъ уполномоченнымъ, что намѣревается лично отправиться въ Страсбургъ для принятія присяги вѣрности, должной ему по договорамъ, разрѣшая имъ объявить объ этомъ правительствамъ, при которыхъ они аккредитованы.

На конференціяхъ Лудовикъ разсчитывалъ на поддержку курфюрста Бранденбургскаго, который изъ боязни союза Франціи и Швеціи (*) и изъ ненависти къ Габсбургамъ, противодѣйствовавшимъ постоянно, между прочимъ и въ Нимвегенѣ, образованію „eines neuen Königreichs der Vandalen an der Ostee", уже въ 1679 году заключилъ съ Франціей дружественный договоръ, по которому, за извѣстную субсидію, обязался поддерживать интересы ея въ Германіи. Хотя переговоры во Франкфуртѣ открылись уже послѣ взятія Страсбурга (т. е. въ февралѣ 1682 г.) и затягиваясь до безконечности переведены были затѣмъ въ Регенсбургъ, гдѣ окончились лишь въ августѣ 1684 года извѣстнымъ 20-ти-лѣтнимъ перемиріемъ (**), тѣмъ не менѣе услуга, оказанная Франціи курфюрстомъ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, была огромная. Онъ не только задержалъ вступленіе императорскихъ войскъ въ Эльзасъ, но и предупредилъ вообще новую разорительную европейскую войну, доказывая на конференціяхъ, вопреки подстрекательствамъ императора и воинственному настроенію Баваріи, Швеціи и др., что благоразумнѣе, при настоящемъ положеніи имперіи, согласиться на признаніи за Франціею уже ею пріобрѣтеннаго, съ условіемъ, чтобы она этимъ удовлетворилась.

Являясь въ своемъ сочиненіи вообще весьма объектив-

(*) Il redoutait cette union „comme la mort".

(**) Обращеннымъ въ постоянный миръ—въ Рисвикѣ 1697 года.

нымъ изслѣдователемъ, г. Легрелль, въ оцѣнкѣ дѣйствій великаго курфюрста въ отношеніи Франціи, къ сожалѣнію, отклонился на время отъ этой объективности и рисуетъ этого „деспота“, руководимаго только однимъ чувствомъ „жадности“ и „страстью къ пріобрѣтенію“, совершенно въ ложномъ свѣтѣ, забывая, что между Фридрихомъ-Вильгельмомъ и Лудовикомъ XIV весьма много сходства въ способахъ и пріемахъ ихъ къ созиданію государства.

Между тѣмъ какъ дипломація старалась отвратить отъ Страсбурга неминуемый ударъ, Лувуа, со свойственной ему обдуманностью и энергіею дѣлалъ всѣ необходимыя приготовленія, сохраняя при томъ полнѣйшую тайну. Предполагая, что Страсбургъ не безъ боя откажется отъ своей автономіи и предвидя продолжительную осаду, Лувуа стягивалъ войска въ Эльзасъ и располагалъ ихъ такимъ образомъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія, заготовлялъ провіантъ для войска и деньги для оплаты имъ жалованья. Все это дѣлалось съ такою тайной, что даже интендантъ Эльзаса—Лагранжъ ничего объ этомъ не зналъ, и только въ началѣ сентября, секретнымъ путемъ, получилъ изъ Парижа подробныя инструкціи одновременно съ главнокомандующимъ расположенныхъ въ Эльзасѣ войскъ, барономъ Монкларомъ.

Въ ночь съ 27-го на 28-е сентября 1681 года баронъ Асфельдъ съ тремя полками драгунъ занялъ фортъ, охранявшій Страсбургскій мостъ, почти безъ всякаго сопротивленія со стороны ничтожнаго численностью гарнизона. На вопросъ, высланной изъ города депутаціи, онъ отвѣчалъ, что баронъ Монкларъ предписалъ ему занятіе форта въ виду намѣренія императорскаго военачальника переправиться чрезъ рѣку и овладѣть переходомъ, что самъ баронъ Монкларъ не замедлитъ пріѣздомъ и что тогда сенатъ можетъ съ нимъ вести переговоры. 28-го прибылъ Монкларъ и объявилъ имъ требованіе короля принести присягу вѣрности, согласно постановленіямъ верховной палаты, при сохраненіи прежнихъ ихъ привилегій. На слѣдующій день, 29-го сентября, пріѣхалъ и самъ Лувуа, который повторилъ требованіе Монклара и давалъ сенату срокъ до утра обдумать и обсудить предложеніе, угрожая, въ случаѣ отказа, приступить къ осадѣ. Страсбургскія власти хотя и послали тотчасъ гонцовъ къ

императору и въ Регенсбургъ съ извѣщеніемъ о случившемся и съ просьбою о помощи, но сознавали безплодность этихъ мѣръ и старались убѣдить созванныхъ на совѣщаніе гражданъ въ необходимости покориться обстоятельствамъ.

30-го утромъ подписана была сенатомъ капитуляція и въ 4 часа дня французскія войска вступили въ городъ при полномъ спокойствіи народонаселенія. „Il y avait beaucoup de curiosité, un peu d'étonnement, mais point d'indignation ou de colère visibles", говоритъ современное донесеніе. Условія сдачи были не тягостны для Страсбургцевъ: отъ нихъ требовалась присяга вѣрности королю, оставлялись привилегіи, учрежденія, самоуправленіе, разрѣшалась свобода протестантскаго вѣроисповѣданія и культа съ сохраненіемъ всѣхъ протестантскихъ школъ и церквей, за исключеніемъ собора, требовалось для католиковъ возстановленіе тѣхъ правъ, коими они пользовались въ 1624 году.

Патриціи Страсбургскіе, сторонники имперіи и своей автономіи, не находили условія эти чрезмѣрными и легко съ ними примирились; „es verbleibet alles im alten Stand", записано Рейсейзеномъ [1]) въ дневникѣ на другой день капитуляціи,—„und verhoffe ich wir werden ahne Statt (anstatt) der Libertät wiederumb den Flor der Commercien, welche gäntzlich erliegen bekommen"..... „Gott wandte alles zum Besten".

4-го октября была принесена требуемая присяга; 23-го октября самъ Лудовикъ XIV съ принцами королевскаго дома и блестящею свитою посѣтилъ Страсбургъ; „Clausa Germanis Gallia", гласила надпись на вычеканенной по этому случаю медали.

Г. Легрелль весьма убѣдительно доказалъ неосновательность и ложность возникшей еще въ XVII столѣтіи молвы и укоренившагося въ литературѣ мнѣнія, особенно благодаря Вольтеру [2]), что подкупъ былъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ такого легкаго присоединенія Страсбурга; онъ доказалъ, что само французское правительство не старалось противодѣй-

---

(*) Reuss-Reisseisens-Memorial.

(**) Siècle de Louis XIV: „l'or, l'intrigue et la terreur avaient préparé l'entrée de Louvois". За Вольтеромъ то же повторяетъ и Мартенъ.

ствовать такой молвѣ, а скорѣе поддерживало ее, полагая этимъ путемъ заглушить неудовольствіе противъ Франціи по ту сторону Рейна.

Дѣйствительно впечатлѣніе, произведенное въ Германіи событіями въ Эльзасѣ, было весьма тяжелое; посланники доносили Лудовику, что при всѣхъ дворахъ, во всѣхъ высшихъ кружкахъ общества только и говорили о Страсбургскомъ дѣлѣ и относились весьма холодно и сдержанно къ представителямъ Франціи. Общественное мнѣніе высказывалось о капитуляціи въ цѣломъ рядѣ памфлетовъ и брошюръ, частью писанныхъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ минуты, частью появившихся нѣсколько позднѣе и носящихъ потому болѣе спокойный характеръ.

Но что высказывалось во всѣхъ этихъ протестахъ? Выражалась ли въ нихъ затаенная и безпомощная злоба противъ произвола и насилій иностранца; говорило ли въ нихъ чувство оскорбленной національной чести и гордости, какъ стараются обыкновенно въ послѣднее время доказывать нѣмецкіе историки и публицисты?

Г. Легрелль, располагая богатымъ архивнымъ матеріаломъ, имѣлъ полную возможность разъяснить этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ правительственнымъ сферамъ. Основываясь на донесеніяхъ посланниковъ, онъ представляетъ убѣдительныя доказательства тому, что источникомъ всей тревоги и смятенія, произведеннаго при германскихъ дворахъ капитуляціею Страсбурга, былъ у нѣкоторыхъ обманутый разсчетъ, но въ большинствѣ случаевъ страхъ и опасеніе, чтобы Лудовикъ не распространилъ свою власть на правый берегъ Рейна и затѣмъ на всю Германію. „Обыватели Кельна, открывая по утрамъ ворота домовъ, осматривались вокругъ не заняты ли окрестности французскими войсками“; „во Франкфуртѣ разсказывали за достовѣрное, что Вормсъ уже послалъ ключи города Лудовику XIV, а въ Шпейерѣ торопились укладкою архива и дѣлъ имперскаго суда, ожидая скораго прибытія Французовъ... Въ Вѣнѣ опасались преимущественно того, чтобы вся Швабія съ городомъ Ульмомъ во главѣ не вступила бы къ Франціи въ отношеніе зависимости и чтобы Лудовикъ не попытался бы заставить избрать дофина въ Римскіе короли“. Курфюрстъ Бранденбургскій сожа-

лѣлъ, что онъ упустилъ удобный случай продать дорого свои услуги, и утѣшался надеждою, что Франція не воспрепятствуетъ ему теперь броситься на Померанію. На Франкфуртскомъ конгрессѣ, затѣмъ въ Регенсбургѣ, уполномоченные затягивали переговоры до безконечности, что, понятно, не могло бы имѣть мѣста, если бы національное самосознаніе и патріотизмъ воодушевляли и руководили ими.

Лудовикъ XIV въ отвѣтъ на всѣ эти опасенія предписывалъ посланникамъ своимъ категорически заявлять повсюду, что онъ никогда не замышлялъ, не замышляетъ и теперь, расширять своихъ владѣній по эту сторону Рейна и что онъ готовъ даже возвратить имперіи Фрейбургъ, какъ вознагражденіе за Страсбургъ.

То-же чувство страха и опасенія высказывается и въ повременной печати; боятся, чтобы „der Franzos nicht Teutschlands Meister werden sollte", чтобы „der Franzos allen vicinis Gesetz vorschreiben sich unterstehen werde", такъ какъ „contra vim Gallicæ mortis non crescit gramen in Germanicis hortis", потому что разъединенная Германія не въ состояніи будетъ этому воспрепятствовать и тѣмъ менѣе безжизненный и недѣятельный „Sprechsaal des Deutschen Reichs" (т. е. рейхстагъ).

Такимъ образомъ окончился продолжительный процессъ медленнаго поглощенія Франціей богатой Рейнской провинціи, отвоеванной ею у имперіи и оспариваемой у нея въ теченіе тридцати лѣтъ—процессъ, завершенный присоединеніемъ Страсбурга, какъ послѣднимъ звеномъ въ этой цѣпи событій.

Трудъ г. Легрелля представляетъ намъ живую и вѣрную картину этого полнаго интереса періода и, по массѣ неизданнаго до сихъ поръ матеріала, займетъ видное мѣсто въ исторической литературѣ; сочиненіе его, безъ сомнѣнія, не мало будетъ способствовать развитію правильнаго взгляда на эту эпоху, искаженнаго и искажаемаго неумѣстнымъ смѣшеніемъ патріотизма съ требованіями строгой исторической критики и объективности.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

съ

ГЕРМАНСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ

въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій.

Правильныя сношенія Московскаго двора съ Габсбургскимъ домомъ начались въ концѣ XV столѣтія, въ княженіе Іоанна Васильевича III, будучи вызваны обоюдными интересами; вмѣстѣ съ тѣмъ начали накопляться акты и документы, составляющіе нынѣ драгоцѣнный источникъ для изученія исторіи того времени.

Подробныя описанія прибытія, пріема, отпуска, переговоровъ иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ и русскихъ пословъ при дворахъ иностранныхъ, грамоты, наказы и предписанія русскимъ посламъ, отправляемымъ за границу, отчеты ихъ и донесенія о всемъ видѣнномъ и слышанномъ— все это входило въ составъ „посольскихъ дѣлъ, статейныхъ списковъ, посольскихъ книгъ", которые тщательно хранились въ архивѣ посольскаго приказа. Съ первыхъ годовъ княженія Іоанна Васильевича III эти посольскія дѣла тянутся, почти непрерывно, до послѣднихъ лѣтъ царствованія Петра Великаго, и не смотря на пожары и опустошенія, такъ часто разорявшіе Москву, сохранились въ огромномъ количествѣ до нашего времени (*), составляя богатый матеріалъ для изученія какъ западной, такъ и нашей исторіи того времени.

Въ 1851 году по Высочайшему повелѣнію было приступлено къ изданію этихъ матеріаловъ, и въ томъ же году вышелъ первый томъ ихъ (донынѣ всего 9 томовъ) подъ заглавіемъ „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ державами иностранными". Такимъ образомъ изданіе это дало ученому міру возможность познакомиться въ цѣлости съ драгоцѣнными памятниками, содержаніе которыхъ

(*) Въ Московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ.

до того времени было извѣстно частью изъ выписокъ въ сочиненіяхъ кн. М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина, пользовавшихся самими рукописями, частью по небольшимъ отрывкамъ, напечатаннымъ, напримѣръ, въ Древней Вивліоѳикѣ Новикова (тт. IV и XII), въ Прибавленіяхъ къ ней (тт. VII — XI), въ *Запискахъ* Одесскаго общества исторіи (т. II) и во *Временникѣ* Московскаго общества исторіи и древностей (№ 8, 1850 г.). Въ первомъ томѣ „Памятниковъ", въ первомъ отдѣлѣ, помѣщены акты и документы, относящіеся къ сношеніямъ великихъ князей Іоанна Васильевича и Василія Іоанновича съ императорами германскими Фридрихомъ III и Максимиліаномъ I (1489 — 1517 гг.), въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ они хранились въ Московскомъ главномъ архивѣ, въ „посольскихъ дѣлахъ". Изъ этихъ документовъ мы узнаемъ, что сношенія нашего правительства съ германскими императорами начались въ началѣ 1489 года, когда пріѣхалъ къ Іоанну Васильевичу III посолъ отъ Фридриха III съ предложеніями великому князю „дружбы и пріятельства" императора. Великій князь на посольство отвѣчалъ посольствомъ, и такимъ образомъ завязались наши сношенія съ Габсбургскимъ домомъ. Каждая изъ этихъ посольскихъ грамотъ, повторяя рутинныя завѣренія въ дружбѣ и пріятельствѣ, имѣетъ свой отличительный характеръ, объясняемый различными причинами и поводами самого посольства. Въ одной грамотѣ императоръ предлагаетъ быструю взаимную помощь противъ враговъ; въ слѣдующей за нею выказываетъ вялость въ исполненіи обѣщанія или уговариваетъ примириться съ врагами; затѣмъ, чрезъ нѣсколько времени, пишетъ совершенно о другомъ дѣлѣ, ни единымъ словомъ не упоминая о заключенныхъ прежде обязательствахъ, и т. д. Эти перемѣны въ политикѣ, которыя не всегда были ясны и понятны нашему правительству, объясняютъ вполнѣ недовѣрчивую осторожность и осмотрительность въ дѣлахъ съ нашей стороны. Наше правительство понимало, что имъ играли, и потому не очень было расположено къ иностраннымъ державамъ и подозрительно смотрѣло на всѣ ихъ предложенія.

Всѣ эти измѣненія, иногда весьма быстрыя, въ политикѣ иностранныхъ державъ, эти противоположныя предложенія

съ ихъ стороны нашему двору, въ которыхъ мы играли роль орудій или отводовъ, причины и поводы къ посольствамъ, однимъ словомъ, всѣ тайныя побужденія, скрываемыя подъ офиціальною оболочкою грамотъ и дипломатическихъ писемъ, могутъ быть разъяснены въ настоящее время не столько матеріалами русскихъ, сколько иностранныхъ архивовъ; другими словами, комментаріи на нашъ дипломатическій сборникъ могутъ быть отысканы только въ исторіи сосѣднихъ державъ. На разработку архивнаго матеріала начали, какъ извѣстно, обращать особенное вниманіе въ западной Европѣ, преимущественно въ Германіи, съ конца двадцатыхъ годовъ нашего столѣтія, подъ вліяніемъ ученыхъ трудовъ Л. Ранке, составляющихъ эпоху въ литературѣ новой исторіи и образовавшихъ цѣлую историческую школу. Сборники общіе и областные стали появляться одинъ за другимъ и открывать неизвѣстные до того времени факты, бросающіе на событія совершенно новый свѣтъ. Такимъ образомъ и отношенія Германской имперіи, или лучше сказать, Габсбургскаго дома къ восточнымъ сосѣдямъ своимъ—Польшѣ и Венгріи разъясняются все болѣе и болѣе, вслѣдствіе изданія не изданныхъ прежде архивныхъ матеріаловъ. Такъ, напримѣръ, съ конца сороковыхъ годовъ, при Вѣнской академіи наукъ издается сборникъ подъ заглавіемъ „Archiv für Kunde Osterreichischer Geschichts-Quellen“, посвященный исключительно печатанію и разбору матеріаловъ, относящихся къ исторіи областей, входящихъ нынѣ въ составъ Австрійской имперіи; то же самое назначеніе имѣютъ и „Fontes rerum Austriacaram“, издаваемые при той же академіи. Новый матеріалъ, находящійся въ этихъ изданіяхъ и подобныхъ имъ, знакомя насъ во всѣхъ подробностяхъ съ политикою германскихъ императоровъ и дѣйствіями ихъ въ хронологической послѣдовательности, даетъ возможность разъяснить въ настоящее время, какъ самое начало, ходъ и развитіе нашихъ сношеній съ иностранными державами, такъ и множество недоразумѣній, возникающихъ при чтеніи нашего дипломатическаго сборника. Въ настоящей статьѣ мы предложили себѣ задачею прослѣдить и объяснить, на основаніи напечатанныхъ донынѣ документовъ, сношенія великихъ князей Іоанна Васильевича и Василія Іоанновича съ германскими императорами Фридрихомъ

III и Максимиліаномъ I, то-есть, объяснить первый отдѣлъ перваго тома „Памятниковъ дипломатическихъ сношеній древней Россіи съ иностранными державами“.

До второй половины XV столѣтія западъ имѣлъ весьма смутныя понятія о восточной части Европы, не только въ отношеніи къ ея физическимъ и этнографическимъ условіямъ, но и въ отношеніи къ ея политическому строю.

При дворѣ германскаго императора, ближайшемъ по положенію своему къ Россіи, знали, что на востокѣ живетъ славянское племя, что есть Русь, есть великое княжество Литовское, но не имѣли понятія ни о границахъ, ни объ отношеніяхъ племенъ, и воображали себѣ, что вся эта неизвѣстная имъ Русь подвластна польскому королю; при императорскомъ дворѣ, почти до конца XV столѣтія, не знали, что за Литвою, за польскою границею далѣе на сѣверо-востокъ есть еще самостоятельное Русское государство, не только не подвластное Польшѣ, но и находящееся въ постоянной съ нею борьбѣ. Одно обстоятельство вывело императорскій дворъ изъ заблужденія и послужило поводомъ къ новымъ и сложнымъ политическимъ соображеніямъ. Въ 1486 году пріѣхалъ въ Москву дворянинъ Николай Поппель „отъ своего дѣла, желая познати государя великаго, землю его дозрѣти, яко жь и ины короли позналъ и ихъ земель смотрилъ черезъ всѣ христьянскіе земли“ (*). Хотя, какъ видно изъ собственнаго сознанія Поппеля, онъ посѣщалъ отдаленныя страны изъ любопытства, безъ всякихъ политическихъ цѣлей, и хотя онъ имѣлъ при себѣ свидѣтельство отъ римскаго императора Фридриха, его тѣмъ не менѣе недовѣрчиво встрѣтили въ Москвѣ, подозрѣвая въ немъ агента польскаго короля, и слѣдили за нимъ, опасаясь какого-нибудь дурнаго умысла противъ великаго князя (**). Чрезъ нѣсколько времени его однако отпустили безъ задержки.

Поппель, какъ видно, былъ человѣкъ умный, который умѣлъ вникнуть въ отношенія государствъ между собою, и

(*) Пам. дипл. снош., I, стр. 5.
(**) Пам. дипл. снош., I, стр. 5.

не смотря на совершенное незнакомство съ восточною Русью, въ короткое время понялъ, въ какую сторону направлены ея желанія и опасенія, и какую выгоду можно извлечь изъ сношеній съ нею для Габсбургскаго дома, приверженцемъ котораго онъ видимо является.

Въ своихъ рѣчахъ къ великому князю, два года спустя, онъ постоянно отзывается о Польшѣ во враждебномъ духѣ, желая тѣмъ вкрасться въ довѣріе великаго князя и расположить его въ свою пользу. Такъ, напримѣръ, Поппель, между прочимъ, говорилъ, что „король Польскій вельми не хотѣлъ, чтобы папежъ Римскій удѣлалъ великаго князя кралемъ и посылалъ въ тыи часы до папежа съ великими дары, абы того папежъ не удѣлалъ;.... Ляхове того боятся вельми, коли твоя милость кралемъ будешь, ижъ тегды вся Русская земля, что подъ кралемъ Польскимъ, отступитъ отъ него и твоей милости будетъ послушни“ (*). Хотя всѣ старанія Поппеля въ этомъ смыслѣ не увѣнчались большимъ успѣхомъ, и великій князь отвѣчалъ ему милостиво, но съ достоинствомъ и съ сознаніемъ своей силы, тѣмъ не менѣе подобныя рѣчи доказываютъ, что Поппель хорошо понималъ отношенія Россіи къ сосѣдямъ, хотя и не понялъ характера Русскаго государя.

Возвратясь въ началѣ 1487 года въ Германію, Поппель, какъ самъ онъ два года спустя говорилъ великому князю, отправился прямо въ Нюрнбергъ, гдѣ тогда была собрана земская дума (Reichstag), и умѣлъ въ разсказахъ своихъ императору и князьямъ не только возбудить интересъ къ новооткрытой землѣ, но и обратить вниманіе императора на отношенія Руси къ Польшѣ и Литвѣ и на пользу, которую можно извлечь изъ дружественныхъ сношеній съ Москвою. „Коли язъ ѣхалъ отъ великаго князя предъ двѣма годы“— говоритъ Поппель въ началѣ 1489 года—„и пріѣхалъ до царя Римскаго въ Норбергъ, и пыталъ мене царь Римскій и иные княжата много о твоей милости, и напослѣдъ мене пытали, если твоя милость былъ послушенъ кралю Польскому и съ твоею землею, что они первѣе вѣрили;.... и явнѣ предъ всѣми повѣдалъ я, како твоя милость есть великій князь и

(*) Пам. дипл. снош., I, стр. 11.

Фридрихъ, въ теченіе своего 53-лѣтняго правленія, не упускалъ изъ виду своей цѣли и завѣщалъ сыну своему Максимиліану богатый запасъ притязаній на короны и различныя области. Подобная политика не могла не привести его въ столкновеніе съ сильными и могущественными современниками: Людовикъ XI, Георгіемъ Подѣбрадомъ, Матѳеемъ Корвиномъ, а въ послѣдствіи и съ Польшею.

Какъ Франція на западѣ угрожала Габсбургскому дому отнятіемъ богатыхъ Бургундскихъ земель, такъ на востокѣ постоянное усиленіе дома Казиміра Ягелловича и тѣсная связь его съ Богеміей *) и Венгріей угрожали Фридриху опасностью утратить навсегда надежду на пріобрѣтеніе своему дому Венгріи. Для Фридриха этотъ восточный вопросъ, то-есть пріобрѣтеніе Венгріи, былъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ бургундскій на западѣ; какъ тотъ, такъ и другой составляютъ, можно сказать, главнѣйшую заботу всего царствованія его самого и его сына Максимиліана.

Уже въ 1457 году, когда умеръ Владиславъ, король Богеміи и Венгріи (Posthumus, сынъ Албрехта Австрійскаго и Елизаветы, дочери императора Сигизмунда), императоръ Фридрихъ, поддерживаемый незначительною партіей, предъявилъ свои притязанія на корону венгерскую, какъ старшій членъ Австрійско-Габсбургскаго дома, и принялъ титулъ королевскій; но вслѣдствіе стараній національно-аристократической партіи, избранъ былъ Гуніадовъ сынъ Матѳей Корвинъ (1458—1490 гг.) **). Между обоими королями возникла, вслѣдствіе этого, пятилѣтняя война, кончившаяся миромъ въ Оденбургѣ (Oedenburg), заключеннымъ (19-го іюля 1463 г.) стараніями и посредничествомъ папы Пія II ***). По этому миру опредѣлялось, что Фридрихъ признаетъ Матѳея законнымъ королемъ Венгріи; но для того, чтобы признаніе это не могло

(*) По смерти Георгія Подѣбрада въ 1471 г. избранъ былъ на престолъ Владиславъ, старшій сынъ Казиміра.

(**) См. Lichnowsky, Geschichte des Hauses Habsburg, VIII часть, 1 книга. Palacky, Geschichte von Böhmen, IV, 2, стр. 73 и слѣд.

(***) Chmel, Habsburgische Excurse въ Sitzungsberichte der Kais. Ak. zu Wien, 1851. часть VI, стр. 247. Lichnowsky, VII, 1 стр. 74 и слѣд.

показаться отреченіемъ отъ правъ его дома на венгерскую корону, Фридрихъ сохраняетъ пожизненно титулъ короля Венгріи, усыновляетъ Матѳея, и въ случаѣ смерти послѣдняго безъ законнаго мужескаго потомства, на престолъ Венгріи вступаетъ или самъ императоръ, или одинъ изъ его сыновей.

Договоръ этотъ, подписанный императоромъ, Матѳеемъ Корвиномъ и папскимъ нунціемъ, утвержденный венгерскими чинами и папою Піемъ II, былъ, слѣдовательно, не плодомъ личнаго соглашенія двухъ претендентовъ, а актомъ, совершеннымъ законнымъ путемъ и признаннымъ венгерскими сословіями. Но миръ между отцемъ и сыномъ продолжался недолго; скоро между ними возгорѣлась новая война, въ которой императоръ, не имѣя средствъ противиться энергическому Матѳею, терялъ округъ за округомъ, и наконецъ долженъ былъ, въ безсиліи своемъ, допустить сдачу Вѣны (въ іюнѣ 1485 г.) и занятіе Венграми всей нижней Австріи (*). Матѳей не довольствовался этими удачами; онъ замыслилъ уничтожить соперниковъ своихъ Габсбурговъ и совершенно ослабить Германскую имперію. Воспользовавшись раздраженіемъ короля Владислава и всѣхъ Чеховъ противъ императора и имперіи, Матѳей условился съ королемъ Чешскимъ, на свиданіи въ Иглавѣ 1-го сентября 1486 г., дѣйствовать сообща противъ Фридриха, Максимиліана и всей Германской имперіи; привлечь въ свой союзъ Казиміра Польскаго, и какъ кажется, также и Французскаго короля Карла VIII (**). Планъ обширный и смѣлый, удача котораго зависѣла только отъ рѣшительности союзниковъ. Если бы Владиславъ обладалъ такою же энергіей, какъ Матѳей Корвинъ, то Фридрихъ вскорѣ лишился бы всѣхъ своихъ родовыхъ земель. Вялость и нерѣшительность Чешскаго короля спасла Габсбурговъ. Противъ Фридриха такимъ образомъ составлялась сильная коалиція, грозившая не только лишить его правъ на Венгрію, но и всѣхъ его родовыхъ земель. Императоръ между тѣмъ не имѣлъ возможности воспротивиться приближающейся грозѣ; оставав-

---

(*) Lichnowsky, VIII, книга I.

(**) Palacky, VI, 1, стр. 284—290. Lichnowsky, VIII, 2, стр. 117 и слѣд.

СНОШЕНІЯ РОССІИ

съ

ГЕРМАНСКИМИ ИМПЕРАТОРАМИ

въ концѣ XV и началѣ XVI столѣтій.

тивъ Польши, хотя въ рѣчахъ своихъ старался возбудить недовѣріе и непріязнь противъ Казиміра. Фридрихъ, слѣдовательно, оставался и въ этомъ случаѣ вѣренъ своему правилу—связать судьбу своего дома брачными союзами со всѣми государями Европы; онъ этимъ путемъ надѣялся скорѣе пріобрѣсть себѣ помощниковъ и заступниковъ, чѣмъ путемъ оборонительныхъ союзовъ.

Въ отвѣтъ на это посольство, въ томъ же 1489 году, 22-го марта отправленъ былъ (*) Грекъ Юрій Траханіотъ (**) съ завѣреніями императору и сыну его королю Римскому „въ любви и пріятельствѣ"; ему были даны также тайныя наставленія касательно брака великой княжны: но о союзѣ противъ общихъ враговъ и на этотъ разъ ничего не было говорено.

Между тѣмъ съ конца 1488 года событія въ Германіи приняли нѣсколько иной оборотъ (***). Молодой Максимиліанъ, избранный король Римскій, необыкновенно ловкій въ комбинаціяхъ и энергическій, если дѣло касалось интересовъ его дома и его родовыхъ земель, съ жаромъ взялся за дѣло возвращенія отнятыхъ Матѳеемъ австрійскихъ владѣній и зорко слѣдилъ за всѣми событіями въ Венгріи, для обезпеченія себѣ короны венгерской. Матѳей видимо приближался къ смерти; недуги и постоянныя болѣзни возбуждали въ немъ опасенія на счетъ будущности Венгріи и заставляли его подумать о престолонаслѣдіи. Онъ желалъ оставить корону незаконному сыну своему Ивану Корвину, юношѣ и по дарованіямъ, и по энергіи похожему на отца; съ этою цѣлью онъ старался возвысить его въ глазахъ подданныхъ, даруя ему помѣстья, должности и титулы, чтобы Венгры привыкли видѣть въ немъ будущаго наслѣдника престола. Эти стремленія занимали Матѳея въ послѣдніе годы его жизни; въ борьбѣ съ постоянными препятствіями къ осуществленію ихъ, онъ нерѣдко бывалъ вынужденъ измѣнять свою политику и отступать отъ прежде начертанныхъ плановъ и предпріятій. Задуманная

(*) Пам. дипл. снош., I, ст. 14.

(**) Или Трахонита; выѣхалъ къ намъ съ великою княгинею Софіею; см. Карамзина, VI, 5.

(***) См. Lichnowsky, VIII, 2. Palacky, V, 1; 309—330.

противъ Фридриха и Германской имперіи коалиція не состоялась; дружба между Матѳеемъ и королемъ Чешскимъ Владиславомъ превратилась вскорѣ въ явную непріязнь и заставила Матѳея помышлять о союзѣ съ Московскимъ государемъ, для отвлеченія силъ Казиміра Польскаго (*) отъ помощи сыну его Владиславу, и о сближеніи съ Фридрихомъ и Максимиліаномъ, хотя бы посредствомъ уступокъ и потерь. Не менѣе Матѳея, и подданные его были озабочены вопросомъ о будущемъ королѣ, и въ Венгріи нельзя было скрыть общаго броженія и волненія партій.

Максимиліанъ, пріѣхавшій въ половинѣ 1488 года изъ Нидерландъ въ имперію, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за внутренними событіями въ Венгріи и за дѣйствіями партій, не упуская случая пріобрѣтать себѣ приверженцевъ. Изъ письма его къ его намѣстнику въ Нидерландахъ, герцогу Альбрехту Саксонскому, отъ 12-го апрѣля 1489 года (**), видно, какъ хорошо онъ зналъ все, происходившее въ Венгріи, и какъ обстоятельно ему были извѣстны всѣ происки партій. Максимиліанъ сообщаетъ Альбрехту, что существуютъ слѣдующія партіи: немногочисленная партія короля, расположенная въ пользу сына Матѳеева Ивана Корвина; польская партія, расположенная въ пользу Яна-Альбрехта; партія, расположенная въ его собственную пользу, и наконецъ, самая многочисленная партія — чешская, расположенная въ пользу Владислава и соединенія съ Чехіей. Слѣдовательно, для Максимиліана самое главное препятствіе для достиженія короны венгерской, послѣ смерти Владислава, представляла Польша, то-есть, Казиміръ, который во всякомъ случаѣ являлся ему соперникомъ, поддерживалъ ли бы онъ того, или другаго сына.

Въ это-то время раздумья Максимиліана явился Юрій Траханіотъ. Онъ прибылъ въ 1489 году въ іюлѣ мѣсяцѣ во

(*) См. Памят. дипл. снош., 1, стр. 159—173.

(**) Maximilian an Herzog Albrecht von Sachsen über die Parteien in Hungarn und wie der Kg. von Böhmen stark rüste. Langenn, Herzog Albrecht v. Sachsen. стр. 197.

Франкфуртъ (*), гдѣ тогда была собрана земская дума и гдѣ находился король Римскій, съ грамотами отъ великаго князя къ Максимиліану и къ его отцу съ завѣреніями „въ дружбѣ и пріятельствѣ". Конечно, Максимиліанъ ухватился за этотъ случай возбудить въ тылу Польши непріятеля для отвода ея отъ венгерскихъ дѣлъ; отношенія Россіи къ Польшѣ онъ уже зналъ изъ разсказовъ Поппеля; онъ зналъ, что Литва есть предметъ постоянныхъ раздоровъ между ними. Потому-то наше посольство и было принято Максимиліаномъ съ большимъ почетомъ и отличіемъ; „отъ Максиміана короля"—сказано въ донесеніи—„честь была велика; коли къ нимъ Юрья на прихаживалъ, а они сами встрѣчали его, соступивъ съ своего мѣста ступени три, четыре, да руку подавали стоя. А коли Юрья Грекъ впервые былъ у Максиміана, и онъ посадилъ его противъ себя на скамейкѣ близко, а опослѣ того сажалъ его всегды подлѣ себя" (**).

Приводимъ здѣсь описаніе пріема русскихъ пословъ въ торжественномъ собраніи думы (***). „Въ день св. Якова (25-го іюля), предъ собраніемъ явились послы великаго князя Московскаго; одинъ изъ нихъ произнесъ рѣчь на итальянскомъ языкѣ (на ломбардскомъ нарѣчіи). Онъ говорилъ, что государь его, великій князь Іоаннъ Московскій, шлетъ поклонъ королевскому величеству; что слуга императорскаго величества, по имени Николай Поппель, въ бытность свою у государя его, разсказывалъ много хорошаго о его королевскомъ величествѣ и о подвигахъ его, почему великій князь отправилъ своихъ пословъ къ его королевскому величеству для передачи нѣкоторыхъ поминокъ и для заключенія съ нимъ дружбы; что они, кромѣ того, имѣютъ приказаніе говорить съ его королевскимъ величествомъ наединѣ и посему просятъ его назначить для сего время и мѣсто. Послѣ сего послы передали подарки: три драгоцѣнныя шубы—соболью, горностаевую и бѣличью, которыя были милостиво приняты коро-

---

(*) Pontus Heuterus, Rerum austriacarum libri, pag. 173. Fugger-Birken, V. У обоихъ число невѣрно; послѣдній заимствовалъ отъ перваго. Ср. Ranke, Zur Kritik der n. G., стр. 59.

(**) Памятн. дипл. сношеній, I, стр. 25.

(***) Fugger-Birken, V. Speier-Chronik von Lehman, dritte Ausgabe.

лемъ Максимиліаномъ (*), поручившимъ доктору Георгу фонъ-Торну отвѣчать послу, благодарить его, на томъ же италіанскомъ языкѣ, и пригласить его на аудіенцію на слѣдующее утро". Къ сожалѣнію, въ нашихъ посольскихъ дѣлахъ не сохранились донесенія ни объ этой аудіенціи, ни о пріемѣ пословъ императоромъ Фридрихомъ. Мы знаемъ только, что посолъ нашъ „поѣхалъ отъ Максиміана къ цесарю", который „послалъ противъ его встрѣчѣ бояръ своихъ въ суднѣ моремъ верстъ и за пять и за шесть", и „встрѣчалъ его цесарь и садилъ у себя и честь ему чинилъ по тому жь, какъ и сынъ его" (**).

Изъ результатовъ посольства знаемъ мы также, что Максимиліанъ впервые заговорилъ „о союзѣ и прямомъ связаніи" противъ короля Польскаго и его дѣтей. Онъ выставилъ грамоту великому князю, въ которой предлагаетъ, чтобы „дружба не осталась безъ съвръшенія, но укрѣпится, и утвердится и соблюдется правымъ и прямымъ связаніемъ на короля Польского и иныхъ, хотящу ему помѣшати величеству короля Римскаго въ достатьи королевства Угерского, истинного и праведного его отчьства и наслѣдія" (***). Онъ просилъ, чтобы великій князь поднялъ доспѣхъ на Польскаго короля, если король Чешскій помощью отца своего или собою помѣшаетъ кралю Римскому доставать Угорскую корону, или если кто изъ другихъ сыновей Казиміра помѣшаетъ тому же (****). Эти предложенія задабривались просьбой о бракѣ дочери великаго князя съ Максимиліаномъ (*****).

Справить это посольство поручено было Максимиліаномъ тому самому Георгу фонъ-Турну, который, какъ мы уже видѣли, на торжественномъ собраніи земской думы во Франкфуртѣ отвѣчалъ нашему послу Юрію Траханіоту на его привѣтствіе и благодарилъ его, отъ имени Максимиліана, за представленные подарки отъ великаго князя. Георгъ фонъ-Турнъ отправился въ Россію (вѣрющая грамота, отъ 17-го

(*) Это описаніе вполнѣ согласно съ наказомъ, даннымъ посламъ; см. Памятн. дипл. снош., I, 16.

(**) Памятн. дипл. снош., I, стр. 25.

(***) Памятн. дипл. снош., I, 28.

(****) Памятн. дипл. снош., I, 29.

(*****) Памятн. дипл. снош., I, 30.

февраля 1490 г., выдана ему въ городѣ Бебрѣ) (*) вмѣстѣ съ возвращавшимся Юріемъ Траханіотомъ, и прибылъ въ Москву 16-го іюля 1490 года (**). На предложенія Георга

(*) Пам. дипл. снош., I, 27.

(**) Пам. дипл. снош., I, 24. Мы должны обратить вниманіе на небольшую ошибку, вкравшуюся въ описанія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Габсбургскимъ домомъ и постоянно повторяемую. Этотъ Георгъ фонъ-Турнъ, нѣсколько разъ пріѣзжавшій еще послѣ того въ Россію, какъ видно изъ иностранныхъ документовъ, извѣстенъ у насъ подъ именемъ Юрія Делатора; такъ напечатано его имя въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній", такъ называютъ его Карамзинъ, Соловьевъ и др. (Карамзинъ, впрочемъ, въ примѣчаніяхъ высказалъ мнѣніе, что фонъ-Турнъ и Делаторъ одно и то же лицо; см. т. VI, 5 прим. 345). Между тѣмъ изъ сравненія разныхъ грамотъ очевидно, что Делаторъ и Георгъ фонъ-Турнъ одна и та же личность; доказательствомъ могутъ служить слѣдующіе факты 1) Въ „Памятникахъ дипломатическихъ сношеній", I, стр. 70, мы читаемъ: „Лѣто 7000 ноября 20-й день (1491) въ пятницу пріѣхалъ отъ Максиміана короля отъ Римского посолъ его Юрьи Делаторъ".... Онъ явился къ великому князю, говорилъ привѣтствіе передалъ подарки, а послѣ того подалъ грамоту вѣрющую. „А се съ тое грамоты списокъ: Максиміанъ, Божіею ласкою и пр. пр. Наисвѣтлѣйшій и велеможный княже! Приказали есмя нашему вѣрному и милому Георгью Турьяну нашему думцѣ, нѣкоторые рѣчи съ твоею Ласкою говорити да и дѣлати, какъ онъ съ Ласкою Твоею пережъ того дѣлалъ да и сказывалъ и проч. Дана въ Норнбергу, въ другой день іюна мѣсяца, въ лѣто нароженья Христова 1491". Слѣдовательно, этотъ Юрій Делаторъ въ вѣрющей грамотѣ, представленной имъ великому князю, названъ Георгій Турьянъ. 2) Изъ хранящихся въ Вѣнскомъ государственномъ архивѣ грамотъ мы узнаемъ, что 2-го іюня 1491 г. была дѣйствительно подписана въ Нюрнбергѣ Максимиліаномъ вѣрющая грамота Георгу фонъ-Турну, отправляемому по разнымъ дѣламъ въ Швецію, Пруссію, Россію, Лифляндію. См. Lichnowsky, VIII, приложеніе— Verzeichniss der 'Urkunden von 1478—1493 № 1557. 2 Iuni 1491. Nürnberg. K. Maximilian an alle Könige, ferner an alle Kurfürsten und Fürsten des heil. röm. Reichs etc. wie er seinem Rath Georg von Thurn in seinen und des Reichs Angelegenheiten in das Königreich Schweden und von da nach Preussen, Reussen, Liefland etc, zu reiten befohlen und ersucht demselben Geleite etc. zu geben.—Наконецъ, 3) слова въ вѣрющей грамотѣ: „какъ онъ съ Ласкою Твоею прежъ того дѣлалъ" прямо намекаютъ на посольство 1490 года и доказываютъ, что пріѣзжавшій въ 1490 году Делаторъ былъ тотъ же Георгъ фонъ-Турнъ. Но какимъ образомъ могло произойдти такое искаженіе имени? По моему мнѣнію, вышеприведенное описаніе торжествен-

фонъ-Турна, великій князь отвѣчалъ, что хочетъ „съ королемъ Максимиліаномъ любви и братства и единачества, и что хочетъ быть съ нимъ за одинъ на своихъ недруговъ (*), хочетъ чтобъ они другъ другу помогали для доставанья своихъ отчинъ, одинъ Угорскаго королевства, другой Кіевскаго великаго княжества", и просилъ только дать немедленно знать, когда нужно „начати дѣло дѣлати" (**).

Въ этомъ смыслѣ выставлена была великимъ княземъ грамота 16-го августа 1490 года (***), съ которою, для утвержденія ея, для принятія цѣлованья отъ Максимиліана и для переговоровъ о бракѣ его съ великой княжною, были посланы въ Германію тотъ же Грекъ Юрій Траханіотъ и Василій Кулешинъ, выѣхавшіе изъ Москвы вмѣстѣ съ Георгомъ фонъ-Турномъ 19-го августа 1490 года (****). На дорогѣ уже Юрій Траханіотъ и Василій Кулешинъ, узнали о совершившихся между тѣмъ событіяхъ въ Германіи и о перемѣнахъ въ по-

---

наго пріема Юрія Траханіота во Франкфуртѣ въ 1489 году разъясняетъ это недоразумѣніе. Траханіотъ обратился къ Максимиліану съ привѣтствіемъ на италіанскомъ языкѣ и ему отвѣчалъ, по порученію Максимиліана, Георгъ фонъ-Турнъ на томъ же языкѣ; для Траханіота, бесѣдовавшаго съ фонъ-Турномъ, безъ всякаго сомнѣнія, и внѣ аудіенціи, существовалъ, слѣдовательно, не Георгъ фонъ-Турнъ, а Signor della Torn или della Turn; подъ этимъ именемъ Траханіотъ встрѣчалъ его и въ Москвѣ, и имя это вносилось въ столбцы и посольскія книги.

Это объясненіе подтверждается „Сокращеннымъ извѣстіемъ о посольствахъ, перепискахъ и договорахъ между Россійскими монархами и европейскими державами", составленнымъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ по документамъ Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. (Это сочиненіе до сихъ поръ не напечатано; одна рукопись хранится въ Императорской публичной библіотекѣ, другая въ библіотекѣ А. Н. Попова). Здѣсь мы встрѣчаемъ чтеніе де Ла турнъ, де Латуръ, де Ла торнъ которое, очевидно, составляетъ переходъ отъ della Torn или della Turn къ чтенію Делаторъ.

(*) Пам. дипл. снош., I, стр. 33.

(**) Пам. дипл. снош., I, стр. 37—38.

(***) Пам. дипл. снош., I, стр. 37—38. Грамота эта, въ нѣмецкомъ ея переводѣ, хранится въ императорскомъ Вѣнскомъ архивѣ и напечатана въ VIII т. Исторіи Габсбургскаго дома Лихновскаго приложеніе IX.

(****) Пам. дипл. снош., I, ст. 34.

литическомъ мірѣ и обстоятельно донесли обо всемъ своему государю (*). Король Матѳей умеръ 6-го апрѣля 1490 г. внезапно, не успѣвъ рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи. Въ Венгріи запылала междуусобная борьба партій. Самая сильная, чешская, партія успѣла, однако, возвести на престолъ Владислава Чешскаго, провозглашеннаго 15-го іюля 1490 г. королемъ Венгерскимъ и эрцгерцогомъ Австрійскимъ и торжественно вступившаго 9-го августа 1490 г. въ Буду. Новоизбранному королю, не похожему по энергіи на своего предшественника, пришлось отстаивать свой престолъ, только-что имъ занятый, противъ двухъ претендентовъ, изъ коихъ каждый опирался на приверженцевъ въ самой Венгріи. На сѣверѣ стоялъ Янъ-Альбрехтъ съ польскимъ войскомъ; съ запада Максимиліанъ, поддерживаемый нѣкоторыми имперскими князьями, приближался къ столицѣ венгерской; онъ не только возвратилъ все утраченное прежде въ Австріи, но и завладѣлъ всею Венгріей почти до Буды и уже принималъ присягу вѣрности отъ подданныхъ (**).

Таково было положеніе дѣлъ, когда послы наши Юрій Траханіотъ и Кулешинъ 22-го марта 1491 г. явились въ Нюрнбергъ къ Максимиліану, пріѣхавшему туда на собраніе земской думы для испрошенія у сословій помощи къ окончательному завоеванію Венгріи (***). Максимиліанъ принялъ отъ нашихъ пословъ грамоту великаго князя, цѣловалъ крестъ и выставилъ такую же грамоту 22-го апрѣля 1491 года въ томъ же смыслѣ, съ обязательствомъ поддерживать великаго князя „противъ Казиміра и его дѣтей до живота“ (****); эту грамоту онъ и вручилъ Траханіоту для передачи великому князю (*****). О бракѣ великой княжны съ Максимиліаномъ по-

(*) Пам. дип. снош., I, 62—65.

(**) Относящіеся сюда документы напечатаны въ Archiv für Kunde Oesterreichischer Geschichts-Quellen. Band II, 4-tes Heft. Krieg K. Maximilians mit K. Wladislaw von Firnhaber.

(***) Пам. дипл. снош., I, 64.

(****) Пам. дипл. снош., I, 68.

(*****) Подлинная грамота на нѣмецкомъ языкѣ не находится въ нашемъ архивѣ, а есть только списокъ, напечатанный въ Пам. дипл. снош., I, 36—69. Копія съ подлиннаго на нѣмецкомъ языкѣ хранится въ Вѣнскомъ архивѣ и напечатана въ Исторіи Габсбургскаго дома Лихновскаго, VIII, т., приложеніе X.

слы не вступали въ переговоры, такъ какъ „король обручалъ до ихъ пріѣзда у Бретанское кнеини дочерь, такъ что о томъ дѣлѣ и рѣчи не могло быть (1). Послы наши выѣхали изъ Нюрнберга 23-го іюня 1491 г., вмѣстѣ съ Максимиліановымъ посломъ Георгомъ фонъ-Турномъ (2), которому поручено было принять отъ великаго князя Іоанна Васильевича „крестное цѣлованіе къ брату своему кралю Римскому" (3) и просить великаго князя немедленно начать съ Казиміромъ войну для отвлеченія его силъ отъ помощи сыну (4). Юрій Траханіотъ и Кулешинъ ѣхали съ Турномъ вмѣстѣ до Любека, тамъ они разлучились; наши послы уѣхали домой, куда прибыли въ Москву августа 30-го 1491 г.(5), а Георгъ фонъ-Турнъ, судя по заглавіямъ данныхъ ему грамотъ (6), посѣтилъ сперва дворы шведскій, прусскій, Лифляндію, и только въ концѣ года прибылъ въ Москву.

Между тѣмъ, великій князь, узнавъ отъ своихъ пословъ, что король Римскій уже вступилъ въ борьбу съ Владиславомъ изъ-за Венгріи, началъ, согласно данному слову, приготовляться къ войнѣ, какъ вдругъ пришли вѣсти съ разныхъ сторонъ (отъ пріѣзжихъ изъ „Слезскіе земли, изъ Рославля, изъ Любка, изъ Колывани", отъ Мушаты, посла Стефана воеводы Воложскаго) (7), что Максимиліанъ примирился съ Владиславомъ и выступилъ изъ Угорскихъ земель (8). Великій князь „отъ того дѣла и отсталъ", убѣдившись, что на льстивыя завѣренія и громкія слова Максимиліана о „любви, братствѣ и единачествѣ противъ Кази-

---

(1) Пам. дипл. снош., I, 64.
(2) Пам. дипл. снош., I, 65.
(3) Пам. дипл. снош., I, 73.
(4) Тамъ же.
(5) Пам. дипл. снош., I, 65.
(6) Lichnowsky, VIII, Verzeichniss der Urkunden von 1478—1493; № 1557; Nürnberg 2 Iuni 1491 K. Maximilian an alle Könige. ferner an alle Kurfürsten und Fürsten des heiligen röm. Reichs etc, wie er seinem Rath Georg von Thurn in seinen und des Reichs Angelegenheiten in das Königreich Schweden und von da nach Preussen, Reussen, Liefland etc. zu reiten befohlen und ersucht demselben Geleite zu geben etc.
(7) Пам. дипл. снош., I, 90.
(8) Тамъ же, ст. 85.

міра до живота" надѣяться не возможно. Когда слѣдующаго 20-го ноября 1491 г. пріѣхалъ Георгъ фонъ-Турнъ съ грамотою отъ Максимиліана объ общемъ нападеніи на Казиміра, то грамота эта уже не имѣла никакого значенія. Великій князь однако, не отказывался отъ своихъ словъ и подтверждалъ обѣщаніе воевать съ Казиміромъ, прося передать Максимиліану, чтобъ онъ, если хочетъ доставать Угорскаго королевства, то „поотставилъ бы иные свои дѣла и присталъ бы къ тому къ своему дѣлу накрѣпко" (*): тогда и великій князь готовъ помогать ему согласно данному слову.

Фонъ-Турнъ уѣхалъ съ этимъ отвѣтомъ 12-го апрѣля 1492 года. Вслѣдъ за нимъ, 6-го мая 1492 г., великій князь послалъ Юрія Траханіота и Михаила Яропкина къ Максимиліану (**), съ цѣлью объяснить ему, почему помощь со стороны великаго князя не состоялась, и уговорить его поставить всѣ иныя предпріятія и заняться венгерскимъ дѣломъ.

Свѣдѣнія великаго князя Московскаго о событіяхъ на западѣ были совершенно вѣрны. Максимиліанова просьба о помощи противъ королей Французскаго и Чешскаго, на Нюрнбергскомъ съѣздѣ 1491 года, была встрѣчена равнодушно и холодно со стороны имперскихъ князей, не желавшихъ способствовать усиленію Габсбургскаго дома. Получивъ мало денегъ и много обѣщаній, Максимиліанъ, при всемъ томъ, намѣревался продолжать начатое имъ дѣло въ Венгріи, но вскорѣ былъ поставленъ въ такое затруднительное положеніе отъ возмутившагося войска, не получавшаго жалованья, что долженъ былъ постепенно отступать назадъ въ Австрію и наконецъ очистить всю Венгрію (***). Въ такую критическую минуту, онъ съ радостью и готовностью принялъ посланіе отца своего Фридриха, предлагавшаго примирить его съ вялымъ и миролюбивымъ Владиславомъ (****). Въ

(*) Тамъ же, ст. 80.

(**) Пам. дипл. снош., I, 82.

(***) См. Archiv für Kunde Oest. Gesch. Quellen. 1849. Bd. II, стр. 448 Journal de voyage du roy Maximilien en Hongrie, стр. 453; Bericht des Ritters von Ehenheim über den Zug. K. Maximilian's nach Ungarn.

(****) Archiv für Kunde Oest. Gesch., Bd. II, стр. 466.

сентябрѣ начались переговоры, и 7-го ноября 1491 года состоялся знаменитый въ лѣтописяхъ Габсбургскаго дома Пресбургскій миръ (1), на которомъ Габсбурги основываютъ всѣ свои права на Венгрію и который такъ упорно отвергается венгерскими историками (2). По этому миру снова признавалось за Австрійско-Габсбургскимъ домомъ наслѣдство въ Венгріи, по прекращеніи законнаго, мужскаго потомства Владислава (3). Если по смерти Владислава останутся дочери (Людовикъ еще не былъ рожденъ), то король Римскій или его наслѣдники обязывались назначить приличное приданое при вступленіи ихъ въ бракъ (4). Кромѣ того было опредѣлено, чтобы тотчасъ же была созвана земская дума для принятія этого договора и для принесенія присяги въ исполненіи его (5); высшіе сановники королевства Венгерскаго обязывались выставить въ этомъ смыслѣ особыя грамоты, а вновь назначаемые—подтверждать при вступленіи въ должность всѣ Пресбургскія постановленія (6). Договоръ этотъ, какъ неопровержимо доказываютъ напечатанные нынѣ документы, былъ принятъ сословіями in conventu Budensi super ea re indicto и подтвержденъ (7) всѣми высшими сановниками королевства особыми грамотами. Слѣдовательно признаніе правъ Габсбургскаго дома на венгерскую корону было полное и законное (8).

---

(1) Тамъ же, стр. 469—492.

(2) Bonfinius (Ungerische Chronica in Hochdeutsch gebracht, 1581 стр. 365 и 366), и за нимъ другіе.

(3) Instrumentum pacis, § 10, въ Archiv f. K. Oest. Gesch. стр. 476.

(4) § 17, тамъ же, стр. 479.

(5) § 11, тамъ же, стр. 476—477.

(6) §§ 13 и 14, тамъ же, стр. 477—478.

(7) Archiv für K. Oest. G., II, стр. 511—547.

(8) Ср. донесеніе нашихъ пословъ великому князю въ Пам. дипл. сношеній, л. I, ст. 107: „Цѣловалъ король Владиславъ Максимьяну королю, да и всѣ панове Угорскіе и Хорватцкіе, и вся земля Угорская и Хорватцкая, и грамоты промежъ себя поимали на томъ, что послѣ Владислава короля держати Угорская коруна Максимьяну королю или Максимьянову сыну, а не будетъ у Максимьяна сына, ино кто ни будетъ Максимьянова роду, тому держати Угорская коруна“.

Такимъ образомъ Максимиліанъ могъ вполнѣ успокоиться, обезпечивъ за собою, или по крайней мѣрѣ, за своимъ домомъ, венгерскую корону; онъ могъ послѣ этого обратить свои взоры въ другую сторону—на рѣшеніе не менѣе для него важнаго бургундскаго вопроса. Союзъ съ Россіей сдѣлался для него безполезнымъ; заискиваніе у великаго князя чрезъ часто посылаемыхъ пословъ, предложенія о бракѣ, завѣренія „въ дружбѣ и братствѣ до живота", все сдѣлалось излишнимъ, такъ какъ не могло болѣе принести существенной пользы. Послы наши, Траханіотъ и Михаилъ Яропкинъ, отправившіеся къ Максимиліану 6-го мая 1492 г., свидѣлись съ нимъ въ январѣ 1493 г. „на рубежѣ высокой Бургундіи, въ Эльзасѣ, въ городѣ Колмарѣ" (*), были приняты любезно, но получили отъ него весьма холодные и уклончивые отвѣты на предложеніе великаго князя касательно энергическаго дѣйствія для достиженія Угорскаго королевства.

Съ тѣхъ поръ на нѣкоторое время прекратились сношенія Московскихъ государей съ Габсбургскимъ домомъ; Максимиліанъ, занятый на западѣ и обезпеченный со стороны Венгріи и Польши, не думалъ болѣе объ обязательствахъ, данныхъ имъ великому князю Іоанну Васильевичу. Между тѣмъ Іоаннъ Васильевичъ, по смерти Казиміра (1492 г.), началъ воевать съ Литвою; въ 1494 году онъ примирился и выдалъ за Александра Литовскаго дочь свою Елену; въ 1500 году снова началъ борьбу съ Александромъ и Ливонскимъ орденомъ, кончившуюся въ 1503 году перемиріемъ на шесть лѣтъ. Максимиліанъ, однако, не выказывалъ никакого намѣренія помогать намъ. Только въ 1502 году отправилъ онъ къ великому князю посла своего Гартингера (**) (при-

---

(*) Пам. дипл. снош., I, ст. 115: „Короля есмя дошли здорово, мѣсяца генваря въ 15-й день, на рубежѣ высокіе Бергоніи, въ Елзеской землѣ, въ градѣ Колбергѣ". Очевидно, здѣсь ошибка въ рукописи.

(**) Пам. дипл. снош., I, 115. Онъ называется то Юдокъ Кантирьгеръ, то Картингиръ, Гертинге, Гартингеръ. Въ Пам. дипл. снош., стр. 115, говорится, что Гартингеръ прибылъ 2-го іюля 1504 года въ Москву, былъ принятъ великимъ княземъ 16-го мая этого же года (ст. 118) и уѣхалъ изъ Москвы 18 го мая (ст. 125). Очевидно, тутъ ошибка: вмѣсто 2-го іюля надо читать, вѣроятно, 2-го мая.

бывшаго въ Москву въ 1504 году) съ грамотою, въ которой говорилъ, что извѣщенный о столкновеніяхъ великаго князя съ своими сосѣдями, онъ тотчасъ же поспѣшилъ отправить къ нему посла съ просьбою „возвѣстити ему, аще требуетъ великій князь помощи и совѣта противу своихъ недруговъ, чтобы то скорѣе сказати восхотѣлъ и въ коихъ возможетъ онъ, Максимиліанъ, пособляти противу непріятелей, и онъ хочетъ соединити и совокупитися" (*). Великій князь отвѣчалъ Максимиліану подробнымъ описаніемъ коварства короля Польскаго и Ливонцевъ; сообщалъ ему, что непріятельскія дѣйствія съ обѣихъ сторонъ прекратились въ силу заключеннаго на шесть лѣтъ перемирія, и просилъ помощи въ томъ случаѣ, если Максимиліанъ услышитъ, „что снова учинилась валка между Польшею и Москвою" (**).

Въ 1505 году тотъ же Гартингеръ прислалъ, чрезъ Новгородскаго намѣстника, изъ Нарвы великому князю грамоты отъ Максимиліана и сына его Филиппа, съ ходатайствомъ объ освобожденіи плѣнныхъ Ливонцевъ (***) Великій князь отвѣчалъ Максимиліанову послу, какъ и всегда, съ достоинствомъ, но повидимому мало вѣрилъ лестнымъ словамъ Римскаго короля, не намѣревался измѣнять для него свою политику и даже считалъ излишнимъ тратить деньги на безполезныя посольства въ Германію. Однимъ словомъ, сношенія великокняжескаго двора съ имперіей, начавшіяся съ 1489 года, кончились ничѣмъ. Максимиліанъ, обезпеченный относительно Венгріи договоромъ 1491 г. жилъ съ Польшею въ мирѣ и согласіи и потому не нуждался болѣе въ тѣсномъ союзѣ съ Москвою; великій же князь, наученный опытомъ не довѣрялъ болѣе громкимъ словамъ императора, вполнѣ убѣдившись, что Австрія не намѣрена исполнять данныя обязательства.

Равнодушіе, которое Максимиліанъ выказывалъ съ 1491 г. къ союзу съ Москвою, могло вновь обратиться въ тѣсную

(*) Пам. дипл. снош., I, ст. 118. Въ другомъ письмѣ, переданномъ посломъ, Максимиліанъ просилъ у великаго князя присылки бѣлыхъ кречетовъ, ст. 117.

(**) Пам. дипл. снош., I, ст. 121.

(***) Пам. дипл., I, 125.

дружбу въ половинѣ 1506 г., вслѣдствіе новыхъ затрудненій, встрѣченныхъ Римскимъ королемъ въ Венгріи. Антигабсбургская, аристократическая партія въ Венгріи, принужденная силою покориться постановленіямъ Пресбургскаго мира, тѣмъ не менѣе продолжала существовать и не упускала случая затруднять возможность будущаго соединенія съ Австріей и подчиненія Габсбургскому дому (*). Въ 1505 году, этой аристократической партіи представился удобный случай провести свои планы. Созвавъ земскую думу, король Владиславъ опасно занемогъ. Антигабсбургская партія (**), встревоженная близкою возможностью подчиниться Австріи, старалась уговорить Владислава обручить дочь его Анну (Людовикъ еще не былъ рожденъ) съ Іоанномъ Заполья (главою національно-аристократической партіи) и назначить эту чету его преемниками; вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь возбужденнымъ настроеніемъ сейма, національная партія успѣла провести постановленіе о недѣйствительности договора, заключеннаго съ Габсбургскимъ домомъ въ 1491 году. Когда всѣ эти происки аристократической партіи встрѣтили отпоръ со стороны Владислава, то вновь созванный сеймъ опредѣлилъ, что въ случаѣ смерти Владислава безъ мужескаго потомства, иностранные государи, чуждые Венграмъ по языку, обычаямъ и нравамъ, устраняются отъ престола, который передается избранному изъ среды націи королю. Разладъ между королемъ и сословіями, слѣдовательно, былъ полный. Междуусобная война готова была возгорѣться. Максимиліанъ, слѣдившій всегда съ большимъ вниманіемъ за событіями въ Венгріи, очень хорошо понималъ, противъ кого направлено послѣднее постановленіе сейма, и объявилъ королю, что силою принудитъ отмѣнить его. Желая удержать Максимиліана отъ вторженія въ Венгрію, миролюбивый и слабый Владиславъ, самъ находившійся въ разладѣ съ сословіями, поспѣшилъ подтвердить снова прежній договоръ о наслѣдіи Габсбургскаго дома и кромѣ того заключилъ новое условіе о

(*) См. Palacky, Gesch. v. Böhmen, V, 2, глава III.

(**) См. Forschungen zur Deutschen Geschichte, VII томъ, стр. 519 – 521, въ статьѣ Liske: Der Congress zu Wien im Jahre 1515.

брачномъ союзѣ между эрцгерцогомъ Фердинандомъ (вторымъ внукомъ Максимиліана) и принцессой Анной (дочерью Владислава), а въ случаѣ смерти ея, съ принцессою, рожденіе которой ожидалось (королева была беременна); если же королева разрѣшится сыномъ, то условлено было обручить новорожденнаго съ внучкой императора Маріей. Эти условія были подписаны Максимиліаномъ, королемъ и королевою въ мартѣ 1506 г. (*). Но Максимиліанъ этимъ не удовлетворился. Онъ рѣшился на новую борьбу съ Венграми, чтобы принудить сословія къ уничтоженію принятаго рѣшенія. При такомъ положеніи дѣлъ, союзъ съ Россіей вновь дѣлался для него желательнымъ, такъ какъ неизвѣстно еще было, чью сторону въ предстоящей борьбѣ приметъ Польша.

Это обстоятельство, по моему мнѣнію, объясняетъ отправленіе Гартингера въ Москву въ 1506 году (**). Данная ему вѣрющая грамота подписана Максимиліаномъ 25-го мая 1506 г. въ Вѣнѣ, гдѣ онъ тогда находился, готовясь ко вторженію въ Венгрію. Хотя въ грамотахъ, переданныхъ великому князю, и въ устныхъ переговорахъ посла, какъ они записаны въ нашихъ посольскихъ дѣлахъ, идетъ рѣчь только объ освобожденіи плѣнныхъ Ливонцевъ, но безъ всякаго сомнѣнія, у Гартингера было еще какое-нибудь тайное порученіе; иначе трудно было бы объяснить посылку Гартингера въ 1506 г. съ просьбою, которую онъ уже въ 1505 году представлялъ великокняжескому правительству и на которую уже тогда получилъ категорическій отвѣтъ. Это тайное порученіе не записано въ посольскихъ дѣлахъ, вѣроятно, потому что не было исполнено, такъ какъ во время путешествія Гартингера и по прибытіи его въ Москву въ октябрѣ 1506 года обстоятельства на западѣ уже совершенно измѣнились.

Между тѣмъ Максимиліанъ, подкрѣпленный имперскимъ ополченіемъ, быстро перешелъ границы Венгріи съ 20.000 войскомъ и уже занялъ Пресбургъ, Оденбургъ и приближался къ Штульвейсенбургу (***). Владиславъ, встревожен-

(*) Kollar, Auctarium diplomaticum pag. 324, въ приложеніи къ его изданію Ursini Velii de bello pannonico. Vind. 1762.

(**) Пам. дипл. снош., I, стр. 141.

(***) Palacky, G. v. Böhmen V, 2, глава 3, стр. 121.

ный этими успѣхами, выслалъ къ Максимиліану пословъ для переговоровъ отъ своего имени и отъ имени сословій, собранныхъ на земской думѣ въ Штульвейсенбургѣ, и вельможи, недавно еще утвердившіе протестъ противъ Габсбурговъ, дали на это свое согласіе (*). Результатомъ этихъ переговоровъ, ускоренныхъ рожденіемъ (1-го іюля) у Владислава сына Людовика, было прекращеніе войны и заключеніе, 19-го іюля 1506 года, мира съ Максимиліаномъ, по которому подтверждались всѣ постановленія 1491 года (**). Этотъ миръ былъ скрѣпленъ въ слѣдующемъ году новыми условіями, согласно тайному договору 20-го марта 1506 г., о бракѣ между Карломъ или Фердинандомъ (внуками Максимиліана) и принцессой Анной, съ одной стороны, и новорожденнымъ Людовикомъ и эрцгерцогиней Екатериной или Маріей (внучками Максимиліана), съ другой (***). Такимъ образомъ для Максимиліана вторично миновала опасность утратить его права на венгерскую корону; онъ снова обезпечилъ за собою эти права не только договоромъ, утвержденнымъ королемъ и сословіями, но и брачными союзами. Съ тѣхъ поръ отношенія между имъ и Венгріей оставались, по крайней мѣрѣ наружно, дружественными до 1511 года, когда аристократическая партія въ Венгріи снова начала дѣйствовать явно въ антигабсбургскомъ духѣ и успѣла вовлечь даже Польшу въ свои интересы. Между тѣмъ, далеко недружественныя отношенія Россіи къ Литвѣ, предвѣщавшія скорое столкновеніе между ними, заставляли великаго князя Московскаго желать поддержки со стороны Германіи, согласно утвержденнымъ и постоянно подтверждаемымъ грамотамъ о „союзѣ противъ Польши до живота". Перемиріе, заключенное Іоанномъ Васильевичемъ III съ Александромъ Литовскимъ въ 1503 году на шесть лѣтъ и вызванное истощеніемъ обѣихъ сторонъ, не прекратило однако вражды между тестемъ и зятемъ. Холодность, прикрываемая наружною

(*) Kollar, Auctarium dipl., 266, 267, 268, 270; ср. Forschungen z. deut. Gesch., VII, стр. 521.

(**) Kollar, Auct. dipl., 270—275.

(***) Kollar, 276—281. Bucholtz, Gesch. Ferdinands I, т. I, стр. 148—150.

учтивостью, господствовала между Москвой и Вильной и при Сигизмундѣ I (съ 1506 г.) и Василіѣ Іоанновичѣ (съ 1505 г.) до 1507 года, когда переходъ Михаила Глинскаго съ братьями къ великому князю послужилъ поводомъ къ новому военному столкновенію. Возбудивъ войну между Василіемъ Іоанновичемъ и Сигизмундомъ, Глинскій, конечно, старался увеличить затрудненія послѣдняго и вооружить противъ него новыхъ враговъ; долго служившій въ Германіи Максимиліану и Альбрехту Саксонскому (*), онъ хорошо понималъ отношенія государствъ западной Европы между собою и зналъ политическія стремленія и естественныхъ враговъ каждаго. Посему, разсчитывая на постоянныя неудовольствія Максимиліана на Польшу изъ-за венгерскихъ дѣлъ, Глинскій думалъ вооружить Максимиліана на Сигизмунда и успѣлъ уговорить великаго князя (въ августѣ 1503 г.) написать императору о возгорѣвшейся войнѣ съ Сигизмундомъ, и напомнивъ ему о союзѣ, заключенномъ съ Іоанномъ, предложить возобновленіе его для „доставанія своихъ отчинъ“: Максимиліану—Венгерской, Василію—Русской земли (**). Грамоту эту вызвался доставить цесарю онъ самъ чрезъ вѣрнаго человѣка. Неизвѣстно, была ли она доставлена Максимиліану и какой воспослѣдовалъ отвѣтъ. Вѣроятнѣе всего, что она вовсе не была отослана, такъ какъ уже 19-го сентября заключенъ былъ *вѣчный миръ* (***) по которому великій князь

(*) Acta Tomiciana; epistolae, legationes etc. Seren. principis Sigismundi Primi. ed. Dzialynski, I, 15. Commentarius. „Homo audax animo, ingenio sagax, corpore etiam robustus ac ad pericula subeunda promptus; in Germania apud Albertum, ducem Saxoniae, annos plus duodecim in re militari se exercens, clarus evaserat“.

(**) Памяти. дипл. снош., I, стр. 151: „Михайло Глинскій великому князю сказалъ, что Максимиліанъ король ужь на цесарствѣ о Покровѣ Святѣй Богородицы.... и будетъ пригоже послати своа грамота къ цесарю“ и проч. Глинскій, какъ видно изъ этого, получалъ изъ Германіи извѣстія довольно правильно; въ этомъ случаѣ, впрочемъ, онъ имѣлъ не совсѣмъ точныя извѣстія. Максимиліанъ принялъ титулъ избраннаго Римскаго императора безъ посредства папы или его легата, предъ походомъ на Италію въ городѣ Тріентѣ, 4-го февраля 1508 года. См. Forschungen zur deutsch. Gesch, I, стр. 71. Ranke, Deutsche Gesch. 1867, I, стр. 346 и сл.

(***) Въ Acta Tom., I, appendix № 18 помѣщено письмо, отъ 21-го іюня 1508 г., Владислава Венгерскаго къ великому князю Василію

примирился съ Сигизмундомъ. Какъ бы то ни было, но столкновенія Василія Іоанновича съ Сигизмундомъ не могли оставаться тайною для Максимиліана, и только спокойствіе въ Венгріи объясняетъ его нежеланіе вмѣшиваться въ наши споры съ Польшей и вообще прекращеніе переписки и пересылки съ нашимъ дворомъ.

Въ іюнѣ 1509 г., Максимиліанъ писалъ Василію Іоанновичу о выдачѣ захваченныхъ въ Новгородѣ Любскихъ товаровъ, но при этомъ даже не намекалъ на существовавшіе союзные договоры между Габсбургами и Москвою *).

Такимъ образомъ, сношенія, наши съ западомъ, не имѣвшія, впрочемъ, никакихъ положительныхъ результатовъ, казалось, должны были совершенно прекратиться. Но вскорѣ новыя опасности и затрудненія заставили Максимиліана опять искать помощи у Московскаго государя и возобновить прежнюю дружбу. Польша и на этотъ разъ была виновницею сближенія.

Со вступленія дома Ягеллы на престолъ Венгріи Польша, какъ мы уже видѣли, постоянно возбуждала въ Габсбургахъ опасенія относительно ихъ восточной политики, хотя и совершенно напрасно, такъ какъ ни Казиміръ, ни его преемники не были способны къ энергическимъ и послѣдовательнымъ дѣйствіямъ. Въ Сигизмундѣ I Максимиліанъ встрѣтилъ болѣе опаснаго соперника. Поводомъ къ неудовольствіямъ и столкновеніямъ между ними послужила женитьба короля Польскаго, угрожавшая разрушить долголѣтнія притязанія Максимиліана на Венгрію. Сигизмундъ, при вступленіи на престолъ Польши и Литвы, не былъ женатъ. Совѣтники короля, озабоченные мыслью о престолонаслѣдіи, уже съ 1509 года начали подумывать о бракѣ Сигизмунда и прис-

---

Іоанновичу. Король уговариваетъ великаго князя заключить съ Сигизмундомъ миръ, или по крайней мѣрѣ, перемиріе и примкнуть къ предполагаемому общему вооруженію противъ Турокъ. Письмо это не было доставлено по случаю начавшихся переговоровъ о вѣчномъ мирѣ. Владиславъ предполагалъ, кромѣ того, просить папу о посылкѣ нунція къ великому князю для ускоренія мирнаго соглашенія. Acta Tom. I, №№ 14, 15.

(*) Пам. дипл. снош., I, ст. 154.

кивать ему невѣсту *). Выборъ палъ, наконецъ, въ 1511 году, на Варвару, дочь графа Стефана Заполья и сестру Іоанна Заполья, сильнѣйшаго, по смерти отца, магната Венгріи, главы національной, антигабсбургской партіи. Партія эта, существовавшая, какъ мы видѣли, съ самой смерти Матѳея Корвина, постоянно противодѣйствовала планамъ Габсбурговъ и при всякомъ удобномъ случаѣ стремилась предупредить сліяніе Венгріи съ Австріей. Уже въ 1505 году, какъ сказано выше, эта партія, по случаю опасной болѣзни короля, старалась устроить бракъ принцессы Анны съ Іоанномъ Заполья, чтобы такимъ образомъ обезпечить этой четѣ престолъ Венгріи. Хотя эта попытка не удалась, хотя Владиславъ скрѣпилъ притязанія Максимиліана новыми брачными договорами, хотя въ 1506 году у Владислава родился наслѣдникъ престола, тѣмъ не менѣе партія эта не оставляла своихъ плановъ, расчитывала на возможность брака Іоанна съ Анной и надѣялась возвести на престолъ Венгріи національную династію, по прекращеніи прямаго мужескаго колѣна Владислава. Родственная связь Сигизмунда съ сильнѣйшимъ магнатомъ Венгріи устраивалась съ цѣлью поддержать Владислава и его сына, расположивъ венгерскую аристократію, постоянно возмущавшуюся, въ пользу королевской семьи. Такъ говорили въ офиціальныхъ польскихъ кружкахъ **), приписывая мысль объ этомъ бракѣ Владиславу ***); но не подлежитъ сомнѣнію, что въ этомъ случаѣ дѣйствовали другія, тайныя побужденія и расчеты, болѣе выгодные Польшѣ, чѣмъ Венгріи. Постоянно увеличивающееся вліяніе

(*) Act. Tom. I, № 18. Commentarius, стр. 31.

(**) Act. Tom., II, № 1. Commentarius. Комментаріи эти писаны Горскимъ, секретаремъ королевы: „Sed—et id in hoc matrimonio spectabatur, ut haec familia, cujus magna in Hungaria potentia erat, per hanc affinitatem sibi adjuncta, status regis Vladislai et liberorum ejus tutior ac firmior esset in Hungaria, quum plerique Hungarici proceres et inter se ipsos discordes essent et in fide fluxi, nec regi suo obedientes et horum nonnulli ambitu regni laborarent“.

(***) Ibid. „Quae cum singulari naturae indulgentia et corpore pulcherrima esset et sanctis virtutibus ornatissima, digna visa est Vladislao, regi Hungariae, quam fratri suo Sigismundo, regi, conjugii foedere conjungeret“.

Максимиліана при венгерскомъ дворѣ, предполагаемые браки между внуками Максимиліана и дѣтьми Владислава *) и предстоящее, посему, присоединеніе Венгріи и Богеміи къ австрійскимъ родовымъ землямъ,—все это не могло не возбуждать опасеній со стороны Польши. Брачная связь съ сильнѣйшимъ венгерскимъ аристократическимъ родомъ усиливала антигабсбургскую партію и представляла возможность, по пресѣченіи мужескаго потомства Владислава **), перенести корону Венгріи и Богеміи на младшую, польскую, вѣтвь Ягеллоновъ, или по крайней мѣрѣ, возвести на престолъ Венгріи шурина Польскаго короля; въ томъ и другомъ случаяхъ Венгрія дѣлалась вѣрною союзницею Польши, и ослаблялось германское преобладаніе на польской границѣ ***).

Переговоры о бракѣ Сигизмунда съ Варварою начались, по всей вѣроятности, на съѣздѣ въ Бреславлѣ, въ апрѣлѣ 1511 года (****), и были встрѣчены при венгерскомъ дворѣ съ большимъ сочувствіемъ, судя по тому, что даже Владиславъ, всегда преданный интересамъ Габсбурговъ, на этотъ разъ былъ расположенъ въ пользу партіи Заполья и самъ писалъ Сигизмунду, увѣщевая его вступить въ бракъ съ достойною его Варварою Заполья (*****). 2-го декабря 1511 года, вопросъ о бракѣ былъ окончательно рѣшенъ въ Краковѣ между Сигизмундомъ и дядей невѣсты герцогомъ Казиміромъ Тешен-

---

(*) Выше приведенные переговоры о брачныхъ союзахъ, въ силу условій 1506 года, были продолжаемы въ 1510 и 1511 годахъ; см. Cuspiniani diarium sub hoc anno—Fontes rerum Austriacarum, I, отд. 1.

(**) Чего можно было ожидать въ скоромъ времени, такъ какъ сынъ Владислава Людовикъ былъ слабый и хилый ребенокъ.

(***) См. Forschungen zur deut. Gesch., VII, стр. 471.

(****) Act. Tom., I, № 205.

(*****) Act. Tom., II. Commentarius № 1: „Post mortem enim Stephani patris, capto cum ejus vidua matre consilio, ac misso deinde doctore Hanel archipresbytero Budensi, una cum Casimiro duce Thessnensi, avunculo virginis, egit (sc. Vladislaus) apud Sigismundum regem, ut puellam hanc nobilissimam, etiam bene dotatam, sociam sibi vitae regnique sumeret, ex qua genus suum ad posteritatem propagaret, quod fortunante Deo diu ac late regnaret“. Сравн. II стр. 56 и II № 3.

скимъ (*). Какъ ни тайно велись эти переговоры, но скрыть ихъ отъ Максимиліана было невозможно. Императоръ понялъ опасность, угрожавшую ему отъ соединенія партіи Заполья съ Польшей, и рѣшился во что бы то ни стало разстроить предстоящій бракъ; но старанія его были безуспѣшны. Посолъ, отправленный имъ въ Буду и Краковъ, хотя и успѣлъ измѣнить воззрѣнія слабаго Владислава (**), но не могъ убѣдить Сигизмунда (***). 6-го февраля 1512 года было совершено бракосочетаніе, а 8-го коронованіе Варвары (****).

Максимиліанъ получивъ на свое предложеніе отрицательный отвѣтъ Сигизмунда, убѣдился въ намѣреніи короля Польскаго выступить теперь явнымъ противникомъ его въ Венгріи; онъ рѣшился, посему, вовлечь Сигизмунда въ такія затрудненія, которыя бы ослабили его совершенно, сдѣлали бы безсильнымъ вредить императору, или по крайней мѣрѣ, принудили бы согласиться на планы Габсбурговъ относительно Венгріи (*****). Привести въ исполненіе этотъ планъ императору было не трудно. Отношенія Польши къ Тевтонскому ордену и великому князю Московскому были въ то время до того натянуты, что малѣйшая поддержка послѣднихъ со стороны Максимиліана угрожала возжечь упорную и опасную для Польши войну. Продолжительная борьба съ Польшей, въ половинѣ XV столѣтія, надломила силы Тевтонскаго ордена; благодаря разрозненности имперіи и равнодушію къ общему дѣлу въ Германіи, въ этой борьбѣ двухъ племенныхъ элементовъ, побѣда осталась за Славянами. По Торунскому миру (1466 г.), лучшія и плодороднѣйшія области были уступлены Польшѣ, другія оставлены ордену, какъ

(*) Act. Tom., I, № 228: Chronica.

(**) Acta Tom., II, № 45: Legatio a Sigismundo ad Vladislaum, pars secretior.

(***) Acta Tom., II, № 16.

(****) Acta Tom., II, № 21: Chronica.

(*****) Acta Tom., II, № 1. Commentarius: „Acerbe id tulit Maximilianus et hostilem animum adversus Sigismundum regem induit, contra quem Cruciferos de Prussia... instigabat, et cum duce Moscovie fedus iniit an societatem belli Sigismundo regi inferendi". Сравн. выписку изъ рукописнаго сочиненія Фуггера у Ranke, Deutsche Gesch., I стр. 230 (4-е изд.), также Forschungen zur Deutschen Gesch., VII стр. 473.

ленъ польской короны (*). Окруженные со всѣхъ сторонъ польскими владѣніями, не находя поддержки въ Германіи, гроссмейстеры, въ безсиліи своемъ, безпрекословно исполняли условія Торунскаго мира, помогали Польшѣ противъ враговъ ея и приносили Польскому королю требуемую присягу вѣрности. Съ 1498 года характеръ этихъ отношеній измѣнился. Умственное и политическое броженіе въ Германіи пробудило чувство національнаго самосознанія, внесло жизнь и дѣятельность въ земскія думы, развило стремленіе объединить разлагающійся государственный организмъ и общими силами поддержать достоинство имперіи.

При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, паденіе Тевтонскаго ордена, подчиненіе его не-германскому государству и постепенное отчужденіе отъ имперіи не могли не обратить на себя вниманія думы и князей. Пользуясь этимъ настроеніемъ и общимъ сочувствіемъ въ Германіи, Кенигсбергскій капитулъ, съ цѣлью тѣснѣе связать судьбу свою съ интересами имперскихъ князей, по смерти Іоанна фонъ-Тифена, избралъ своимъ гроссмейстеромъ Фридриха, герцога Саксонскаго. Фридрихъ, опираясь на связи съ Германіей и на обѣщанную поддержку со стороны Максимиліана и имперскихъ князей, поставилъ себя относительно Польши гораздо самостоятельнѣе, чѣмъ его предшественники; въ теченіе всего своего управленія (1498—1510 гг.), онъ, подъ разными предлогами, отлагалъ принесеніе присяги королю Польскому, разчитывая вынудить у него пересмотръ и смягченіе Торунскихъ постановленій, или въ крайнемъ случаѣ, съ оружіемъ въ рукахъ, возвратить ордену прежнія земли и значеніе, съ помощью Германской имперіи. Переговоры велись въ теченіе одиннадцати лѣтъ, но не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ: гроссмейстеръ и король Польскій не были въ состояніи дѣйствовать рѣшительно; первый получалъ отъ императора и имперіи только обѣщанія, но не войско; а второй, занятый постоянно на востокѣ, не могъ подкрѣпить своихъ требованій оружіемъ.

(*) См. объ этомъ Voigt, Gesch. Preussens, IX томъ.

Въ концѣ 1510 года умеръ Гроссмейстеръ Фридрихъ, завѣщая своему преемнику трудную задачу разрѣшить этотъ долголѣтній споръ. Кенигсбергскій капитулъ избралъ тогда Альбрехта, маркграфа Бранденбургскаго (Brandenburg-Ansbach), племянника королей Польскаго Сигизмунда и Венгерскаго Владислава, надѣясь этимъ выборомъ расположить въ свою пользу какъ германскихъ князей, такъ и Польшу, и такимъ образомъ возвратить ордену самостоятельность путемъ мирнаго соглашенія (*). Надежды эти однако не сбылись. Сигизмундъ энергически настаивалъ на исполненіи требованій Торунскаго мира; императоръ и князья поддерживали Альбрехта только словами и обѣщаніями, такъ что новый гроссмейстеръ долженъ былъ, подобно предшественнику своему, по необходимости вступить на путь переговоровъ, къ которымъ онъ умѣлъ привлечь не только императора и князей, но и папу, какъ главу ордена. Конечно, эти переговоры только затемняли простыя и ясныя постановленія Торунскаго мира, только раздражали Сигизмунда и ускоряли необходимость военнаго столкновенія. Такой-же исходъ предвѣщали отношенія Польши къ Московскому государю.

Уже вскорѣ послѣ заключенія вѣчнаго мира (1508 года) начались между Польшей и Москвой взаимные упреки, жалобы, обвиненія въ неисполненіи договора, которые не только не отстраняли недоразумѣній, но все болѣе раздражали обѣ стороны. Къ тому же, пребываніе Михаила Глинскаго при дворѣ великаго князя не могло служить ручательствомъ въ сохраненіи мира. Этотъ даровитый честолюбецъ не могъ примириться съ своимъ положеніемъ при Московскомъ дворѣ и употреблялъ всѣ усилія для возбужденія новой войны. Хорошо знакомый съ положеніемъ дѣлъ на западѣ, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за событіями въ Германіи, и при каждомъ новомъ затрудненіи короля Польскаго, старался склонить великаго князя къ начатію непріязненныхъ дѣйствій. Глинскій, кромѣ того, не терялъ надежды привлечь къ союзу противъ Польши императора Максими-

---

(*) См. Droysen, Gesch. d. Preussischen Politik, II, 2 стр. 84.

ліана и нѣкоторыхъ имперскихъ князей и для этой цѣли посылалъ въ Германію, въ качествѣ тайнаго агента, преданнаго ему Христофора Шлейница, подданнаго герцога Саксонскаго.

Въ нашихъ архивныхъ матеріалахъ не сохранилось слѣдовъ тайныхъ сношеній Глинскаго съ западомъ и переписки его съ германскими князьями, веденной съ вѣдома и согласія великаго князя, такъ что мы должны довольствоваться нѣкоторыми общими указаніями, почерпаемыми изъ иностранныхъ источниковъ.

Шлейницъ, какъ видно изъ польскихъ посольскихъ дѣлъ (начала 1511 года) (*), находился въ услуженіи у Глинскаго еще въ Польшѣ, и послѣ перехода князя Михаила съ братьями къ Московскому государю, не только не былъ арестованъ, подобно другимъ приближеннымъ Глинскаго, но вслѣдствіе ходатайства герцога Саксонскаго, получилъ даже отъ Сигизмунда охранную грамоту на проѣздъ въ Данцигъ для устройства частныхъ своихъ дѣлъ. Эта охранная грамота, какъ въ послѣдствіи оказалось, послужила Шлейницу прикрытіемъ для исполненія тайныхъ порученій своего бывшаго господина. Онъ отправился въ Ливонію и Пруссію, затѣмъ ко двору Саксонскаго герцога, повсюду возбуждая противъ Польши вражду и непріязнь, и наконецъ, прибылъ отъ имени Георга Саксонскаго въ Москву, гдѣ, вмѣстѣ съ Глинскимъ, дѣйствовалъ противъ Сигизмунда, стараясь склонить великаго князя къ нарушенію вѣчнаго мира. Чрезъ нѣсколько времени, Шлейницъ отправился обратно къ герцогу Саксонскому съ письмами отъ Глинскаго и съ грамотою великаго князя Московскаго, въ которой былъ обѣщанъ свободный пропускъ въ Россію герцогскимъ посламъ для окончанія переговоровъ, начатыхъ уже Шлейницемъ (**). Эти депеши, брошенныя въ море самимъ Шлейницемъ, который

(*) Atra Tom., I, № 224: Legatio a Sigismundo rege ad Georgium ducem Saxonie, и № 225: Sigismundus rex Casimiro duci Thessnensi.

(**) Acta Tom., I, № 244: „Erant et alie littere ejusdem ducis Moscovie similiter ad Illtem. Vram., quibus dedit salvum conductum oratoribus Vre. Illtis. ad se venturis et tractaturis ea, que ei Schleynicz proposuerat nomine Illtis. vre“.

спасался отъ преслѣдованія польскихъ агентовъ, и прибитыя волною къ берегу, были представлены Сигизмунду; онѣ открыли ему всѣ подробности замышляемаго противъ него союза и вызвали съ его стороны упреки Саксонскому герцогу и жалобы на связь его съ великимъ княземъ „схизматикомъ и варваромъ“ (*).

Шлейницъ, избѣжавъ опасности, не оставилъ однако своихъ плановъ; живя во владѣніяхъ герцога Саксонскаго, онъ продолжалъ дѣйствовать противъ Польши, пользуясь общимъ нерасположеніемъ къ ней въ сѣверовосточныхъ областяхъ Германіи (**). Но въ первое время надежды его и Глинскаго вооружить Германію противъ Польши изъ-за Тевтонскаго ордена были напрасны: князья и императоръ, какъ мы уже сказали выше, поддерживали Гроссмейстера Альбрехта одними словами и обѣщаніями. Но дѣло приняло внезапно другой оборотъ въ 1512 году, когда императоръ Максимиліанъ, негодуя на Сигизмунда и не имѣя силъ вступить съ нимъ въ явную борьбу, вознамѣрился интригами и хитрою политикой принудить его къ подчиненію своимъ планамъ въ Венгріи. Прикрывая, какъ всегда, личные династическіе интересы громкимъ именемъ сохраненія достоинства имперіи, Максимиліанъ явно принялъ сторону Альбрехта и объявилъ, что споръ его съ Польшей можетъ быть рѣшенъ только на имперской думѣ и съ согласія папы (***). Императоръ, конечно, не имѣлъ намѣренія, при своемъ безсиліи, поддерживать Пруссію противъ Польши въ случаѣ войны; онъ желалъ только отвлечь Сигизмунда отъ Венгріи, возбудивъ противъ него врага. Естественно, что при такомъ непріязненномъ настроеніи Максимиліана противъ Польши, происки Шлейница нашли поддержку при императорскомъ дворѣ. Хотя мы и не имѣемъ прямыхъ указаній о переговорахъ, веденныхъ Шлейницемъ, посредственно или непосредственно, съ императоромъ, однако имѣемъ полное право

(*) „Cum illo schismatico ac barbaro principe“. Act. Tom., I, стр. 177.

(**) Acta Tom., II, № 194: Sigismundus rex Georgio duci Saxonie.

(***) Voigt, Gesch. Preussens, IX, глава 3.

предположить, что подобные переговоры дѣйствительно были, такъ какъ уже въ началѣ 1513 года Максимиліанъ отправилъ моремъ изъ Любека въ Москву „отрядъ пѣхоты, орудія и нѣсколько Италіанцевъ и Нѣмцевъ, опытныхъ въ осадѣ крѣпостей“ (*). Шлейницъ, съ своей стороны, вербовалъ для той же цѣли солдатъ въ Германіи, Силезіи, Богеміи (**) и отправлялъ ихъ цѣлыми партіями на сѣверъ чрезъ прусскія и польскія земли (***). Такимъ образомъ, внезапный разрывъ съ Польшею въ концѣ 1512 года и быстрый походъ великаго князя Василія Іоановича на Смоленскъ (19-го декабря) объясняются не столько нападеніемъ сыновей Менгли-Гирея на Украйну и оскорбленіями королевы Елены (****), сколько близкимъ знакомствомъ съ положеніемъ дѣлъ на западѣ. Великій князь, чрезъ Глинскаго и тайнаго его агента, зналъ о спорѣ Сигизмунда съ Тевтонскимъ орденомъ, и будучи подстрекаемъ императоромъ (*****), рѣшился начать войну, въ надеждѣ, что Сигизмундъ не въ состояніи будетъ бороться въ одно и то же время съ двумя врагами.

Возбудивъ великаго князя Василія Іоанновича противъ Сигизмунда, императоръ Максимиліанъ старался ускорить также и разрывъ Польши съ орденомъ. Послѣ того какъ въ концѣ 1512 года, въ Петроковѣ, между уполномоченными гроссмейстера и Сигизмундомъ было постановлено явиться Альбрехту въ слѣдующемъ году въ Познань для принесенія присяги вѣрности королю Польскому (******), Максимиліанъ, опасаясь прекращенія выгодной для него распри, какъ блюститель достоинства и цѣлости имперіи, запретилъ гроссмейстеру исполнить это постановленіе (*******). Вмѣстѣ

(*) Acta Tom., II, № 143. Commentarius: „Auxilia peditum et machinas oppugnandarumque arcium homines peritos atque artifices, Italos ac Germanos, ex Lubeca per mare ad Moscoviam transmisit“.

(**) Act. Tom., II, № 143.

(***) Act. Tom., II, № 178, 179, 180, 181.

(****) Ср. Соловьева, Исторія Россіи, V, 332—334.

(*****) Act. Tom., II, № 143, стр. 142: Bellum..... quod Moscovie dux, instigante Maximiliano Caesare, orditurus erat“.

(******) Acta Tom., II, № 143; Voigt, Gesch. Preuss., IX ст. 440.

(*******) Voigt, G. P. IX, 445 и 454. Acta Tom., II, № 229.

съ тѣмъ, онъ замыслилъ составить противъ Польши коалицію между королемъ Датскимъ (*), орденомъ, великимъ княземъ Московскимъ и нѣкоторыми имперскими князьями, для одновременнаго нападенія со всѣхъ сторонъ на Сигизмунда (**). Для этой цѣли, въ половинѣ августа 1513 года, Максимиліанъ отправилъ совѣтника своего Георгія Шнитценпайнера (Schnitzenpainer) съ вѣрющими грамотами къ нѣкоторымъ имперскимъ князьямъ, затѣмъ къ гроссмейстеру Альбрехту и къ великому князю Василію Іоанновичу (***). Получивъ согласіе на участіе въ предполагаемой коалиціи со стороны курфирста Бранденбургскаго Іоахима, также маркграфа Фридриха Бранденбургскаго, курфирста Фридриха Саксонскаго и герцога Георга Саксонскаго, и условившись съ гроссмейстеромъ Альбрехтомъ во всемъ необходимомъ, Шнитценпайнеръ отправился въ Москву, куда прибылъ 2-го февраля 1514 года.

Посольскія дѣла наши съ имперіей за промежутокъ времени отъ 1510 до 1515 года утрачены, а потому мы и не знаемъ подробностей переговоровъ Шнитценпайнера съ великимъ княземъ; не знаемъ также, достовѣрно ли извѣстіе, что императоръ устраивалъ не только коалицію для одновременнаго нападенія на Польшу, но и приготовилъ уже планъ раздѣла ея между союзниками (****). Мы имѣемъ только краткое лѣтописное извѣстіе о пріѣздѣ Шнитценпайнера въ

(*) Ehestifftung zwischen Kaysers Maximiliani I Enkelin Elisabeth und König Christierno in Dänemark, worinnen zugleich zwischen diesem und dem Kaiser ein Bündniss wider die Feinde des Teutschen Ordens in Preussen abgeredet worden. 29 April Anno 1514: Lünig, Codex Germaniae diplomaticus. 1732. Tom. I, № 87.

(**) Act. Tom., III, № 234.

(***) Voigt, Gesch. Pr., IX, стр. 451 и слѣд. Credenzbrief des Kaisers für seinen Rath Georg Schnitzenpainer.

(****) Acta Tom., III, № 234: Sigismundus rex Ioanni Laski, Archiepiscopo Romae Oratori: „Et ei persuasit (sc. imperator duci Moscoviae) ut a gerendo bello contra nos non desisteret, volens ei auxilia per nepotem suum ferre et nos eodem tempore a pluribus partibus etiam bello tam per magistrum Prussie et Livonie quam per marchionem Brandeburgensem Ioachimum invadere et distrahere. Jamque descripserat divisionem, quid cui cedere debuit dominiorum nostrorum“.

Москву и о заключеніи имъ, отъ имени своего государя, съ великимъ княземъ договора „о любви, братствѣ и вѣчномъ докончаніи" (*), и затѣмъ самую договорную грамоту на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ (**). Договоръ этотъ имѣетъ почти дословно сходство съ предъидущими подобными же договорами, отличаясь отъ нихъ развѣ только тѣмъ, что Максимиліанъ выставлялъ на этотъ разъ цѣлью союза возвращеніе себѣ не венгерской отчины, а прусскихъ земель, захваченныхъ Сигизмундомъ. Такимъ образомъ, посольство Шнитценпайнера и заключенный имъ союзъ завершаютъ рядъ тайныхъ переговоровъ, веденныхъ великимъ княземъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, чрезъ посредство Глинскаго и Шлейница, съ имперскими князьями и самимъ императоромъ. Казалось, что императоръ на этотъ разъ намѣревался дѣйствовать противъ Польши энергически, и великій князь, повидимому, ожидалъ много пользы отъ этой коалиціи и твердо надѣялся на своего союзника. По крайней

(*) Воскрес. лѣтопись въ П. С. Р. Л., VIII, 253—254. Никон. лѣтопись, VI, 195.

(**) Полное собр. гр. и договор. V, № 66 и 67. Договорная грамота о союзѣ съ Максимиліаномъ была переведена въ Москвѣ на нѣмецкій языкъ, и въ ней повсюду слово „царь" передано было словомъ Kayser. Съ этимъ переводомъ Шнитценпайнеръ отправился къ Максимиліану (7-го марта 1514 года) въ сопровожденіи великокняжескихъ пословъ Грека Дмитрія Ласкирева и дьяка Елеазара Сукова. Максимиліанъ утвердилъ договоръ присягою, выставилъ съ своей стороны грамоту (по образцу сдѣланнаго въ Москвѣ перевода съ русскаго подлинника) за собственноручною подписью и золотою печатью и отослалъ ее къ Василію Іоанновичу съ своими послами Яковомъ Ослеромъ и Морицомъ Бургштеллеромъ, которые, вмѣстѣ съ Ласкиревымъ и Суковымъ, прибыли въ Москву 1-го декабря 1514 года. Въ апрѣлѣ 1515 года, Ослеръ и Бургштеллеръ отправились обратно изъ Москвы. Въ Московскомъ архивѣ сохранился нѣмецкій подлинникъ, то-есть, грамота Максимиліанова (подписанная 4-го августа 1514 года въ Гмунденѣ), присланная съ Ослеромъ и составленная по образцу Московскаго перевода. Императоръ Петръ Великій велѣлъ издать ее съ французскимъ и русскимъ переводами (напечатана 10-го мая 1718 года въ Императорской С.-Петербургской типографіи) въ доказательство давности признанія императорскаго титула за русскими государями. Съ этого изданія грамота перепечатана въ 1732 году въ извѣстномъ сборникѣ: Lünig, Codex Germaniae diplomaticus. Tom. I, № 88; см. Памятн. дипл. снош., I, стр. 1502.

мѣрѣ, чрезвычайно почетный пріемъ императорскихъ пословъ Якова Ослера и Морица Бургштеллера, привезшихъ въ концѣ того же 1514 года утвержденную Максимиліаномъ союзную грамоту, служитъ доказательствомъ необыкновеннаго расположенія великаго князя къ императору и желаніи какъ можно яснѣе выказать ему это расположеніе. Послѣдствія однако доказали, что надежды великаго князя были напрасны, и что Максимиліанъ, при составленіи коалиціи противъ Польши, вмѣлъ въ виду, какъ всегда, только свои личные династическіе интересы.

Послѣ пріема Шнитценпайнера, великій князь, 8-го іюня 1514 г. выступилъ въ третій разъ противъ Смоленска. 29-го іюня Смоленскъ сдался, и 1-го августа Василій Іоанновичъ вступилъ торжественно въ городъ. Сдача Смоленска произвела самое тяжелое впечатлѣніе на Сигизмунда, какъ видно изъ письма его къ брату Владиславу Венгерскому (*). Онъ жалуется на предательство и измѣну своихъ воеводъ, отворившихъ ворота непріятелю, жалуется на происки императора Максимиліана, который постоянно возбуждаетъ папу (по поводу прусскаго вопроса) противъ Польши, дѣйствуя на него чрезъ пословъ англійскихъ, датскихъ и испанскихъ, который возбудилъ и Московскую войну, приславъ въ прошлую зиму посла своего къ великому князю договориться объ одновременномъ нападеніи со всѣхъ сторонъ на Польшу. Въ концѣ письма ясно высказывается желаніе Сигизмунда возстановить дружескія отношенія съ императоромъ. Онъ обращается къ брату съ просьбой убѣдить Максимиліана покинуть злобу и раздраженіе противъ Польши и прекратить, по крайней мѣрѣ, преслѣдованія противъ нея, если онъ уже не хочетъ помогать ей противъ враговъ. Императоръ, слѣдовательно, достигъ цѣли. Король Польскій былъ приведенъ къ сознанію, что противиться планамъ императора онъ не въ силахъ и что подчиненіе волѣ императора необходимо. Политика Максимиліанова, основанная на заключеніи брачныхъ союзовъ съ венгерско-богемскимъ королевскимъ домомъ и разстроенная

(*) Acta Tom., III, № 216, datum in castris ad Mynsk, XXX. Iulii 1514.

только оппозиціей венгерскихъ и польскихъ магнатовъ, выразившеюся въ женитьбѣ Сигизмунда на Варварѣ Заполья, одержала верхъ.

Просьба Сигизмунда о посредничествѣ къ примиренію и возстановленію дружескихъ отношеній съ императоромъ была принята Владиславомъ съ готовностью (*), тѣмъ болѣе, что совѣтники его и короля Польскаго (Шидловицкій и Томицкій) были въ пользу этого примиренія и уже давно дѣйствовали въ этомъ направленіи (**); потому-то снова возобновились переговоры о бракѣ (о которомъ условились еще въ 1506 году) между дѣтьми Владислава и внуками Максимиліана, начавшіеся въ 1510 году и прерванные частью происками венгерской антигабсбургской партіи, частью самимъ Владиславомъ, не желавшимъ безъ согласія Сигизмунда покончить дѣло и породниться съ императоромъ, преслѣдовавшимъ брата „незаслуженною ненавистью" (***).

Въ концѣ 1514 года, посолъ императора Куспиніанъ, бургомистръ Вѣнскій, и Христофоръ Шидловицкій, посолъ короля Польскаго, при посредствѣ Владислава, согласились наконецъ послѣ долгихъ совѣщаній въ томъ, чтобы въ началѣ слѣдующаго года императоръ, короли Польскій и Венгерскій, также послы Московскаго государя и Тевтонскаго ордена прибыли на съѣздъ въ Пресбургъ для рѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ (****). Не смотря на явное неудовольствіе

(*) Acta Tom., III, № 229, стр. 166.

(**) Шидловицкій и Томицкій, первоначально приверженцы Заполья и его партіи, устроившіе и бракъ Сигизмунда съ Варварою, по личнымъ причинамъ сдѣлались въ послѣдствіи его злѣйшими врагами; см. Forschungen zur deut. Gesch. VII, ст. 475 и слѣд.

(***) Acta Tom., III, Comentarius. 1515 годъ: „Condicta quidem res erat (sc. matrimonium anno 1506), sed non perfecta pendebat, tum quod pueris istis nondum nubilis etas accesserat, tum quod consiliarii tam Hungari quam Bohemi, eam affinitatem cum cesare ex nullo usu esse censerent..... post aliquantulam intermissionem Maximilianus misit oratores ad Vladislaum, qui de matrimoniis liberorum rem certo tandem fine concluderent, quod tamen Vladislaus sine Sigismundi regis fratris assensu detrectabat: non licere sibi, inquiens, cum eo federa affinitatis jungere, qui fratrem ejus injusto odio et alienis subornatis bellis persequeretur".

(****) Act. Tom., III, commentarius, 1515 годъ, и III, № 229, стр. 166.

антигабсбургской партіи въ Венгріи и въ Польшѣ на это сближеніе съ императоромъ, Владиславъ и Сигизмундъ, однако, были очень обрадованы благопріятнымъ исходомъ совѣщаній, и оба поспѣшили сдѣлать необходимыя приготовленія къ предстоявшему путешествію. Ни успѣхи польскаго оружія въ Литвѣ, ни Оршанская побѣда, ни продолжавшіеся происки Максимиліана не могли поколебать Сигизмунда въ однажды принятомъ намѣреніи сблизиться съ имперіей и императоромъ. Послѣ взятія Смоленска великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ, Сигизмундъ отправилъ изъ Борисова свое войско, подъ начальствомъ Константина Острожскаго, на встрѣчу Московскимъ воеводамъ. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ стычекъ, 8-го сентября 1514 года произошла битва при Оршѣ, кончившаяся совершеннымъ пораженіемъ Московскаго войска (*). Сигизмундъ торжествовалъ; онъ былъ увѣренъ, что послѣ этой побѣды всѣ города и крѣпости, занятые Русскими, и самый Смоленскъ, немедленно сдадутся ему (**); онъ тотчасъ же извѣстилъ о побѣдѣ не только своихъ подданныхъ, но и нѣкоторыхъ иностранныхъ государей (***), отправивъ имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ подарокъ по нѣскольку человѣкъ военноплѣнныхъ, изъ коихъ знатнѣйшіе предназначались папѣ Льву X (****). Вскорѣ, однако, Сигизмундъ убѣдился, что послѣдствія, ожидаемыя имъ отъ Ор-

(*) См. Соловьева, Исторія Россіи, V, стр. 339.

(**) Acta Tom., III, № 231.

(***) Act. Tom., III, № 231, Sigismundes rex Ioanni Konarski, Episcopo Cracoviensi. № 232. Sigismundus rex Leoni pape X. № 233. Sig. r. Cardinalibus. № 234, S. r. Ioanni Laski, Archiepiscopo Rome Oratori. № 236, S. r. duci Venetiarum. № 237, Sig. r. Juliano de Medicis. Въ этихъ письмахъ число убитыхъ Русскихъ опредѣляется въ 30.000, взяты въ плѣнъ octo summi eorum et precipue vojevode, въ другомъ мѣстѣ сказано: „decem summi etc“ и кромѣ того officiales cum aliis supra mille cum quingentis nobilibus capti; въ другомъ письмѣ „supra duo milia“. Настоящее число плѣнныхъ приведено у Соловьева, V, 339.

(****) Королю Венгерскому Act. Tom., III, № 288. Герцогу Казиміру Тешенскому № 301; Іоанну Заполья, № 298; дожу Венеціанскому, № 295; папѣ Льву X № 293, 303, 321. На посланнаго къ папѣ съ военноплѣнными Николая Вольскаго, на дорогѣ, въ цесарскихъ владѣніяхъ, напали неизвѣстныя лица и силой отняли у него плѣнныхъ. Они были возвращены на родину чрезъ Любекъ. Въ этомъ

шанской побѣды, были преувеличены, что возвратить Смоленскъ было невозможно и что продолжать войну съ Московскимъ государемъ значило ослаблять себя самого болѣе, чѣмъ врага (*). Потому то извѣстіе Владислава Венгерскаго о состоявшемся условіи касательно съѣзда въ Пресбургѣ было принято Сигизмундомъ съ радостью. Уже въ февралѣ 1515 года Сигизмундъ прибылъ въ Краковъ, и, устроивъ тамъ дѣла на время своего отсутствія, явился въ Пресбургъ въ концѣ марта мѣсяца (**). Здѣсь короли до іюля мѣсяца ожидали императора, который, подъ разными предлогами, откладывалъ свое путешествіе, и только 17-го іюля (1515 года) трй государя торжественно въѣхали въ Вѣну, гдѣ должны были открыться совѣщанія (***).

Политика Максимиліана увѣнчалась успѣхомъ. Брачные договоры между дѣтьми Владислава и внуками императора были подтверждены не только Владиславомъ, но и Сигизмундомъ, который этимъ явно заявилъ свой переходъ на сторону Габсбургской партіи и отказался отъ поддержки партіи Заполья въ Венгріи (****). Въ благодарность за это Максимиліанъ обѣщалъ Сигизмунду быть посредникомъ въ примиреніи его съ великимъ княземъ Московскимъ и побудить гроссмейстера Тевтонскаго ордена исполнить постановленія Торунскаго мира (*****). Такимъ образомъ, вражда Максимиліана къ Сигизмунду обратилась въ тѣсную дружбу, и подготовленная противъ Польши коалиція не имѣла болѣе значенія. Максимиліанъ отступился отъ Пруссіи, отступился и отъ Москов-

---

обвиняли цесаря или гроссмейстера Тевтонскаго ордена. Act. Tom., III, № 451. Act. Tom., III, № 1. Commentarius. 1514 годъ. Quos (sc. in pugna captos per N. Volski Romam missos) tamen Cesar Maximilianus cum per Austriam ducerentur, ab ipso nuncio eripuit, et, eo libere abire jusso, Moscos vinculis solutos per Lubecam ad ducem. Moscorum transmitti curavit". Срав. Стрыйковскій, II, стр. 384 (Варшава. 1846 г.).

(*) Соловьевъ, Ист. Р. V, 341.

(**) Acta Tom., III, № 433. Commentarius.

(***) X. Liske, Der Congress zu Wien im Jahre 1515 въ Forschungen zur Deutschen Geschichte, VII, стр. 484 и слѣд.

(****) X. Liske, стр. 489, 490—491.

(*****) Acta Tom., III, № 552.

скаго государя, союзъ съ которымъ сдѣлался для него излишнимъ послѣ достиженія желаемой цѣли.

Вскорѣ послѣ Вѣнскаго конгресса явились къ императору послы Московскіе — Алексѣй Григорьевичъ Заболоцкій (*) и дьякъ Алексѣй Малый, сопровождавшіе доктора Ослера и Морица Бургштеллера, и просили отъ имени своего государя, чтобъ императоръ, согласно договорной грамотѣ, поспѣшилъ оказаніемъ помощи противъ Польши. Здѣсь только послы наши узнали о состоявшемся между Сигизмундомъ и Максимиліаномъ перемиріи и о заключенномъ между ними договорѣ.

Когда Заболоцкій и Алексѣй Малый поѣхали обратно, императоръ отправилъ вмѣстѣ съ ними своего посла къ великому князю, предлагая Василію Іоанновичу принять посредничество Датскаго короля въ спорѣ съ Польшей и выслать для этой цѣли своихъ пословъ въ Данію на съѣздъ съ императорскими и польскими уполномоченными (**). Еще до пріема Заболоцкаго, Максимиліанъ отправилъ изъ Вѣны Василію Іоанновичу посла съ предложеніями посредничества своего къ примиренію великаго князя съ королемъ Польскимъ. Посолъ этотъ былъ принятъ въ Москвѣ съ недовѣріемъ; въ немъ подозрѣвали шпіона (***). Великій князь, только за нѣ-

---

(*) „Тоя же весны апрѣля (1516) государь отпустилъ Максимиліанова посла, именемъ Яковъ докторъ да Маврецъ, да съ нимъ послалъ Алексѣя Григорьевича Заболоцкаго да дьяка Алексѣя Малаго". Ник. лѣт., въ П. С. Р. Л., т. VI.

Act. Tom., III, № 593. „Nuncii Moscovite nullum mandatum habuerunt ad pacem faciendam, solum hortati suut Cesarem, ut juxta promissa et inscriptiones suas juvaret dominia eorum contra nos"— писалъ „Petrus Tomicius Ioanni Lubczanczki".

(**) Act. Tom., III, № 592 и 593: (Caesar) „absolvit legatos ducis Moscovie et misit cum eis suum alium, qui ageret, ut negotium et arbitramentum concordie comitteretur regi Danie, ad qnem ut et regia Majestas (sc. Sigismundus) et dux Moscovie nuncios cum plena potestate mitterent".

(***) Jodocus Ludovicus Decius — liber de Sigismundi regis temporibus въ Corpus Polonicae historiae.—Pistorii. Basil. 1582 3 v. fol. dag. 335: „Balthasar Oderus a Maximiliano Caesare ad hoc munus legatus, in Moschoviam Basilium principem adiit. Sed dum is aliud praeter spem et opinionem nuncium Basilio adferret: sed et Maximiliani Caesaris alter orator cum pristinis adhuc mandatis perseveraret, Balthasar a primo legato qui ex primo foedere a Caesare cum Moscho

сколько времени получившій утвержденную Максимиліаномъ договорную грамоту о вѣчномъ союзѣ противъ Польши, не могъ повѣрить этой внезапной перемѣнѣ, происшедшей въ цесарской политикѣ, и убѣдился въ шаткости громкихъ завѣреній и дружескихъ обѣщаній императора только по прибытіи Заболоцкаго и Алексѣя Малаго. На всѣ предложенія Максимиліана великій князь отвѣчалъ готовностью мириться съ Сигизмундомъ подъ условіемъ, чтобы послѣдній „прислалъ бы къ намъ своихъ пословъ по тому жъ, какъ напередъ того присылалъ ихъ“ (*).

Эти посольства и переговоры, о которыхъ въ нашихъ архивахъ не осталось никакихъ извѣстій, составляютъ какъ-бы приготовленіе къ торжественному посольству Герберштейна и объясняютъ намъ, съ одной стороны, позднее его прибытіе, съ другой — нѣкоторые намеки въ его рѣчахъ на предшествующіе переговоры и предложенія, о которыхъ ничего не было извѣстно (**). Предварительные переговоры выяснили твердое намѣреніе великаго князя продолжать, не смотря на заступничество императора, борьбу съ Польшей, если Сигизмундъ не согласится купить миръ цѣною значительныхъ уступокъ. Склонить великаго князя къ болѣе умѣреннымъ требованіямъ и ускорить примиреніе съ нимъ короля Польскаго императоръ поручилъ Сигизмунду Герберштейну, который и прибылъ въ Москву въ апрѣлѣ 1517 года.

---

erat apud Basilium pro exploratore accusatus, parum interfuit, qui inique illi accidisset, adservatus a Basilio Balthasar fuit usque ad dies Aprilis (1516), tandemque infectis negotiis rediit. Maximilianus per hunc atque quos postea submisit, apud Basilium summa cura egit, ut pacem inter Sarmatos ac Moschos nuper perturbatam restitueret vel foedus per inducias conficeret“.

(*) Пам. дипл. снош., I, стр. 204.

(**) Пам. дипл. снош., I, стр. 204: „Ино и напередъ того братъ нашъ, избранный цесарь Римскій, приказывалъ къ намъ съ своими послы и съ посланники и съ гонцы, и въ грамотахъ въ своихъ къ намъ писалъ. чтобъ намъ съ Жигимонтомъ королемъ помиритись“ и пр. Стр. 206: „И государь мой Максимиліянъ напередъ того къ брату своему къ великому государю писалъ и съ посланникомъ приказывалъ, чтобъ великій государь изволилъ пословъ своихъ послати къ Датцкому королю или къ иному христіанскому государю, а Жигимонтъ король пошлетъ своихъ пословъ, а государь мой Максимиліянъ также пошлетъ своихъ

Такимъ образомъ наши сношенія съ императорскимъ Габсбургскимъ домомъ, съ самаго начала ихъ и до 1517 года, не измѣняли своего характера. Императоры смотрѣли на Московское государство единственно какъ на орудіе противъ Польши, для отвода ея отъ вмѣшательства въ венгерскую политику: Фридрихъ и Максимиліанъ, заключая союзъ, никогда не помышляли объ исполненіи данныхъ обязательствъ, и по достиженіи цѣли, тотчасъ же отрекались отъ завѣреній въ вѣчной дружбѣ съ государемъ, „варваромъ и схизматикомъ". Россія отъ союзовъ съ императорами ничего не выигрывала. Ни Фридрихъ, ни Максимиліанъ не выставляли обѣщаннаго войска, не нападали на Польшу одновременно съ великимъ княземъ, даже не объявляли ей офиціально войны и мирились съ ней безъ вѣдома и согласія союзника. Не смотря однако на эту безполезность сношеній Москвы съ Германіей съ точки зрѣнія дипломатической, они имѣли чрезвычайно важныя послѣдствія. Въ Германіи, ознакомившейся нѣсколько съ „Московіей", начинаетъ развиваться интересъ къ Россіи; въ современныхъ хроникахъ, запискахъ, географическихъ описаніяхъ, съ каждымъ годомъ, все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о ней. Великолѣпіе и роскошь нашихъ посольствъ, являвшихся на имперскихъ земскихъ думахъ, богатство подарковъ, представляемыхъ отъ имени великаго князя, разсказы нѣмецкихъ пословъ о могуществѣ и силѣ Московскаго государства, о географическомъ его положеніи (*), объ особенностяхъ нравовъ и обычаевъ, все это измѣняло постепенно невѣрные до того времени взгляды западной Европы на отдаленный востокъ и выдвигало великаго князя Московскаго въ ряды первыхъ монарховъ Европы.

ихъ честныхъ людей, чтобъ межъ великимъ государемъ и Жигимонтомъ королемъ передъ его послы миръ остался; и великому государю то не требе отъ моего государя".

(*) Возвратившійся только-что изъ Москвы Герберштейнъ (въ Аугсбургѣ 1518 г.) разказывалъ любознательному Ульриху Гуттену много о Волгѣ и о томъ, что такъ-называемыхъ Рифэйскихъ и Гиперборэйскихъ горъ вовсе не существуетъ, „quod me audientem (пишетъ Гуттенъ), attonitum prope reddidit, rem adeo hominum opinioni infixam, adeo praeclarissimorum virorum literis decantatam, in fabulas abire, in nugas, et nullam penitus esse, aut si fuerit, desiisse". См. Ulrich v. Hutten v. D. Strauss, I, стр. 304.

ІОАННЪ СЛЕЙДАНЪ

И

ЕГО КОММЕНТАРІИ.

Матеріалы для исторіографіи

XVI столѣтія.

Въ 1824 году вышло въ Лейпцигѣ (издатель Реймеръ) небольшое сочиненіе, въ 200 страницъ, подъ заглавіемъ „Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber", сдѣлавшее эпоху въ наукѣ и въ изученіи исторіи четырехъ послѣднихъ столѣтій. Авторъ этой книжечки, старшій учитель гимназіи въ Франкфуртѣ на Одерѣ, Леопольдъ Ранке, приглашенъ былъ въ Берлинскій университетъ на каѳедру всеобщей исторіи, и съ тѣхъ поръ имя его стоитъ во главѣ цѣлой исторической школы.

Цѣль этого небольшаго сочиненія была троякая: во-первыхъ, авторъ хотѣлъ объяснить методъ, которому онъ слѣдовалъ при пользованіи источниками для своей „Исторіи Романскихъ и Германскихъ народовъ въ исходѣ XV и началѣ XVI столѣтій", появившейся за годъ предъ тѣмъ; во-вторыхъ, онъ хотѣлъ указать каждому, желающему основательно познакомиться съ исторіей XV и XVI столѣтій, на лучшіе источники для подобнаго изученія и наконецъ — и это самое важное,—авторъ имѣлъ чисто научную цѣль: разъяснить достоинство существующихъ источниковъ и оцѣнить ихъ относительную важность.

Авторъ разобралъ въ этой книжечкѣ, или лучше сказать, указалъ путь къ разбору и оцѣнкѣ главныхъ источниковъ для исторіи конца XV и XVI столѣтій, начиная съ важнѣйшихъ изъ нихъ (Guicciardini, Beaucaire, Mariana, Sleidanus, Paulus Jovius), служащихъ основаніемъ современныхъ имъ и позднѣйшихъ писателей, и кончая областными, городскими историками, мемуарами и описаніями отдѣльныхъ событій. Конечно, такая трудная задача не могла быть разрѣшена въ небольшомъ сочиненіи въ 200 страницъ. Ранке и не намѣревался этого сдѣлать; въ предисловіи своемъ онъ со скромностью замѣчаетъ, что желаетъ только содѣйствовать по мѣрѣ

силъ своихъ, разрѣшенію столь важнаго вопроса, что сочиненіе его представляетъ только замѣтки, а не полную систему, что оно не исчерпываетъ вопроса, а составляетъ ничто иное, какъ сводъ разныхъ отрывочныхъ выводовъ. Не смотря однако на „отрывочныя замѣтки" въ разборѣ Ранке, маленькое сочиненіе его произвело переворотъ въ изученіи новой исторіи, внеся научный характеръ въ разработку ея источниковъ.

Въ концѣ сочиненія онъ дѣлаетъ выводъ „о томъ, что̀ еще слѣдуетъ сдѣлать"—von dem, was noch zu thun sei. Мы будемъ ходить въ темнотѣ, говоритъ онъ, до тѣхъ поръ пока будемъ опираться на однихъ лишь извѣстныхъ до сихъ поръ, историковъ общихъ событій, то-есть, на Гвичіардини, Слейдана и др.; необходимо обратить всѣ старанія на отысканіе и напечатаніе несмѣтныхъ богатствъ, хранящихся въ неизвѣстности во всѣхъ архивахъ государственныхъ, городскихъ и семейныхъ, на напечатаніе актовъ, дипломатическихъ переписокъ, донесеній пословъ, отдѣльныхъ жизнеописаній, городскихъ хроникъ и т. д. Тутъ необходимъ, говоритъ Ранке, человѣкъ одаренный крѣпкимъ здоровьемъ, богатымъ запасомъ свѣдѣній, который, обезпеченный матеріально, исходилъ хотя-бъ одну Германію, и перерывъ всѣ сокровищницы, отыскалъ бы многочисленные памятники, уже почти преданнаго забвенію, недавняго прошедшаго, для яснаго и вѣрнаго его возсозданія.

И голосъ скромнаго дѣятеля науки не остался безъ результатовъ. Ранке создалъ цѣлую историческую школу, вызвалъ къ дѣятельности многочисленныхъ учениковъ, которые, по начертанному имъ направленію, бросились изучать исторію своей родины. Это направленіе повѣяло во всей Европѣ: съ тѣхъ поръ съ каждымъ годомъ историческая литература обогащается драгоцѣнными изданіями актовъ, дипломатическихъ переписокъ, частныхъ городскихъ хроникъ, протоколовъ засѣданій и проч.

Въ Германіи оно привилось и развивалось особенно сильно потому, что совпадало съ стремленіемъ, охватившимъ все общество съ конца 30 годовъ, къ государственному объединенію и политическому возрожденію. Исторія Германіи конца XV и всего XVI столѣтія получила особенный интересъ не

только для спеціалистовъ историковъ, но и для каждаго образованнаго человѣка по своей аналогіи съ положеніемъ германскихъ дѣлъ въ XIX столѣтіи, по тождественности вопросовъ, возбужденныхъ, и частью, уже разрѣшенныхъ въ то время.

Теперь, послѣ полувѣковой работы по одному проложенному и начертанному пути, естественно возникаетъ желаніе, подведя итоги совершенному и пріобрѣтенному наукой, отдать себѣ отчетъ въ томъ: дѣйствительно ли ученый міръ шелъ единственно вѣрнымъ и непогрѣшимымъ путемъ въ изученіи источниковъ новой исторіи.

Такъ какъ успѣхи, сдѣланные съ тридцатыхъ годовъ въ изученіи четырехъ послѣднихъ столѣтій, вслѣдствіе обращенія къ новому, малоизвѣстному прежде, роду источниковъ, были результатомъ впечатлѣнія, произведеннаго сочиненіемъ Ранке, то вопросъ о направленіи исторической школы, созданной имъ, о вѣрности этого направленія, господствующаго въ наукѣ, разрѣшить будетъ легко, если мы разберемъ: вполнѣ ли понята была мысль Ранке, высказанная имъ на послѣднихъ страницахъ его небольшаго сочиненія, и неувлекся ли ученый міръ одною стороной его доводовъ, конечно, болѣе важною, упустивъ совершенно изъ виду самую цѣль, съ которой все сочиненіе Ранке было написано.

Если Ранке говоритъ, что мы будемъ ходить въ темнотѣ до тѣхъ поръ, пока въ изложеніи новой исторіи будемъ опираться на однихъ историковъ общихъ событій, то онъ этимъ нисколько не хотѣлъ сказать, что историки эти вовсе не годятся, что ихъ надо совершенно отстранить и построить исторію на новыхъ матеріалахъ. Вникнувъ глубже въ слова его, мы увидимъ, что хотя онъ считалъ извѣстія историковъ недостаточными, и документы, ими приводимые, не всегда достовѣрными, то все-таки признавалъ ихъ достойными изученія; мысль его состояла въ томъ, что писать исторію западной Европы конца XV и XVI столѣтій, положивъ въ основаніе Слейдана, Гвичіардини или Белькарія (Beaucaire), какъ это сдѣлалъ, напримѣръ, Сисмонди въ своей „Исторіи Италіи“,—не вѣрно и не научно; что надо сперва подвергнуть ихъ строгой критикѣ, оцѣнить ихъ извѣстія, опредѣлить ихъ собственные источники, однимъ словомъ—выяснить

ихъ достоинства и недостатки. Но сдѣлать это было бы трудно, не имѣя въ рукахъ другихъ данныхъ, изъ сравненія съ которыми была бы возможна подобная оцѣнка. На эти-то данныя и указывалъ Ранке; онъ ихъ находилъ въ архивахъ, въ дипломатическихъ актахъ, въ письмахъ, донесеніяхъ и т. д.; онъ предлагалъ собрать эти неопровержимые документы, и затѣмъ, чрезъ сравненіе и повѣрку ими историческихъ трудовъ XV и XVI столѣтій, сдѣлать оцѣнку послѣднихъ и опредѣлить ихъ историческую достовѣрность и относительную важность.

Самъ онъ въ своемъ сочиненіи попытался это сдѣлать, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма немного матеріаловъ, и добился значительныхъ результатовъ, но оставилъ еще много не разрѣшенныхъ вопросовъ, для будущей дѣятельности ученыхъ.

Ученики и послѣдователи его съ рвеніемъ принялись за разработку архивнаго матеріала: сборникъ драгоцѣнныхъ документовъ появлялся за сборникомъ; сочиненія о Германіи, Англіи, Франціи, Италіи въ XV, XVI и XVII столѣтіяхъ или объ отдѣльныхъ вопросахъ этого времени, на основаніи новооткрытыхъ данныхъ, обогатили ученую литературу; однимъ словомъ, мысль Ранке о недостаточности прежнихъ источниковъ и о необходимости отысканія новыхъ сдѣлалась общимъ убѣжденіемъ. Всѣ вступили въ эту научную колею, забывъ совершенно, что за этою работою стоитъ на очереди другая, именно: провѣрка и оцѣнка историковъ-современниковъ на основаніи офиціальныхъ, неопровержимыхъ данныхъ; этихъ историковъ какъ-бы забыли, о нихъ вовсе не упоминаютъ, на нихъ рѣдко можно встрѣтить случайную ссылку, хотя въ изложеніи событій ихъ придерживаются, имъ слѣдуютъ, иногда того и не подозрѣвая.

Вторая часть совѣтовъ Ранке, такимъ образомъ, остается до сихъ поръ безъ отвѣта; ученый міръ удовольствовался весьма краткими замѣтками его о нѣкоторыхъ писателяхъ XV и XVI столѣтій и ихъ недостаткахъ, и какъ лишній грузъ, почти совершенно выкинулъ ихъ изъ массы историческаго матеріала. Лучшимъ доказательствомъ полнаго равнодушія къ этимъ писателямъ въ настоящее время можетъ служить перечень ихъ изданій; такъ, напримѣръ, Слейда-

ново сочиненіе „О политическихъ и религіозныхъ дѣлахъ въ царствованіе императора Карла V“ — „De statu religionis et reipublicae, Carolo Quinto Caesare, commentarii“ — послѣ 1786 года (изданіе Am-Ende) вновь не издавалось, такъ что въ настоящее время приходится довольствоваться критическими примѣчаніями, сдѣланными въ концѣ прошлаго столѣтія и имѣющими нынѣ мало значенія; точно также и исторія Гвичіардини издана въ послѣдній разъ во Флоренціи въ 1810 году; большая же часть историковъ XV и XVI столѣтій не издавалось съ начала XVII вѣка. Такимъ образомъ, приступающій къ самостоятельному изученію исторіи западной Европы съ конца XV столѣтія не можетъ воспользоваться никакими пособіями: онъ не имѣетъ ни полнаго перечисленія напечатанныхъ источниковъ, ни критическаго изданія писателей-современниковъ; онъ долженъ довольствоваться—въ большей части случаевъ — ссылками на ненапечатанный еще архивный матеріалъ и на старинныя изданія историковъ, коихъ достовѣрность поколеблена замѣтками Ранке, но коихъ сочиненія далеко еще не оцѣнены по достоинству.

А между тѣмъ, какой огромный интересъ представляютъ эти писатели. Не смотря на ихъ недостатки, часто на недостовѣрность приводимыхъ ими документовъ, на одностороннее и невѣрное иногда изложеніе фактовъ, они все-таки передаютъ намъ настроеніе современнаго общества, взглядъ его на событія, пониманіе и оцѣнку имъ этихъ событій, однимъ словомъ—они знакомятъ насъ съ духомъ общества, дополняютъ и оживляютъ акты, документы и сухую оффиціальную переписку, на которые почти исключительно въ настоящее время обращаютъ вниманіе. Если же дѣйствительно писатели эти не имѣютъ нынѣ, при богатомъ архивномъ матеріалѣ, никакой цѣны, то приговоръ такой мы имѣемъ право произнести только послѣ подробнаго и всесторонняго ихъ разбора.

Нѣкоторые изъ писателей XVI столѣтія, кромѣ общаго интереса, имѣютъ для насъ, Русскихъ, еще особенное значеніе по примыкающимъ къ нимъ продолжателямъ, у которыхъ встрѣчаются довольно подробныя извѣстія о Россіи. Если изъ послѣднихъ мы и не можемъ почерпнуть много

новыхъ фактовъ объ исторіи Россіи, то во всякомъ случаѣ, разборъ ихъ можетъ указать намъ на источники, употребленные при составленіи хроникъ, на матеріалъ, находившійся въ рукахъ авторовъ, и разъяснить намъ такимъ образомъ путь, которымъ проникали въ западную Европу свѣдѣнія о Россіи. Въ настоящемъ трудѣ представленъ разборъ главнѣйшаго изъ историковъ Германіи XVI столѣтія—Слейдана и его продолжателей.

Революціонное броженіе умовъ, которымъ ознаменовался пятнадцатый вѣкъ, коснувшееся главнѣшихъ основъ политическаго, соціальнаго быта и всего средневѣковаго міросозерцанія, имѣло огромное вліяніе на развитіе исторіографіи. Пробужденіе новой силы—общественнаго мнѣнія, вступившей въ ожесточенную борьбу съ іерархіей и всѣмъ церковнымъ устройствомъ, постепенно возрастающее сознаніе народности, общее убѣжденіе въ необходимости переустройства государственнаго организма, вызвало, естественнымъ образомъ, потребность и вкусъ къ историческимъ описаніямъ и изслѣдованіямъ. Открытіе книгопечатанія было могучимъ средствомъ къ удовлетворенію этой потребности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, еще къ большему возбужденію общественнаго мнѣнія противъ существующаго порядка вещей. Памятники родной старины, мало извѣстные до тѣхъ поръ, стали появляться въ печати и дѣлаться достояніемъ всѣхъ; они воскрешали давно прошедшее и вызывали къ сравненіямъ съ неудовлетворительнымъ настоящимъ. Все сильнѣе подымающаяся оппозиція противъ іерархіи и ея духовнаго гнета находила въ этихъ памятникахъ орудія для борьбы и своими розысканіями подготовляла почву для будущаго религіознаго переворота.

Литературныя произведенія классическаго міра, изученіе которыхъ положено было въ основаніе научнаго образованія, служили образцами для писателей и были идеаломъ всѣхъ литературныхъ стремленій. Какъ для поэтовъ Вергилій и Горацій по преимуществу, такъ для историковъ предметомъ изученія и подражанія сдѣлались Цезарь, Титъ-Ливій и Саллюстій, столько же въ отношеніи къ языку, сколько и въ отношеніи къ изложенію. Подъ вліяніемъ древнихъ историковъ писатели испытывали свои силы сперва въ описаніяхъ отдѣльныхъ фактовъ и происшествій современной жизни, а

затѣмъ, съ конца XV столѣтія, но въ особенности въ XVI, когда всѣ западно-европейскія государства вовлечены были въ одинъ общій потокъ политическихъ сплетеній, начали появляться обширные труды (historiae sui temporis), съ цѣлью представить читателю событія за цѣлую эпоху въ ихъ прагматическомъ развитіи.

Хотя эти труды были вызваны повсюду одинаковыми причинами, хотя тѣ же самые классическіе писатели служили образцами для всѣхъ историковъ, тѣмъ не менѣе, однако, въ исторіографіи XVI столѣтія замѣтны два направленія, высказывающіяся въ различномъ способѣ отношенія авторовъ къ источникамъ и къ древнимъ образцамъ: въ однихъ произведеніяхъ преобладаетъ форма, въ другихъ—содержаніе.

Писатели перваго направленія обращаютъ болѣе вниманія на изложеніе, на группировку матеріала, на изящество и увлекательность слога, чѣмъ на достовѣрность сообщаемыхъ фактовъ, на строгую и добросовѣстную провѣрку источниковъ: они смотрятъ, подобно древнимъ Грекамъ и Римлянамъ, на историческое сочиненіе, какъ на произведеніе искусства, которое должно не столько дѣйствовать на разумъ, сколько удовлетворять эстетическимъ требованіямъ читателя. У писателей втораго направленія вліяніе древнихъ замѣтно только въ отношеніи къ языку: они пишутъ отличнымъ латинскимъ слогомъ, но въ отношеніи къ изложенію и группировкѣ фактовъ остаются вѣрными средневѣковой лѣтописной формѣ; они обращаютъ вниманіе не на изящество и увлекательность разсказа, а на достовѣрную передачу документовъ, актовъ, писемъ, изрѣдка вставляя свои собственныя поясненія и комментаріи.

Италіанскіе историки принадлежатъ большею частью къ первой категоріи, и въ числѣ ихъ Франческо Гвичіардини можетъ считаться представителемъ этого направленія; у нѣмецкихъ историковъ преобладаетъ второе направленіе, и представителемъ его является Іоаннъ Слейданъ, который между германскими историками XVI столѣтія заслужилъ наибольшую славу и уваженіе у современниковъ и потомства, и котораго сочиненіе „De statu religionis et reipublicae Carolo Quinto Caesare commentarii“ долгое время было единственнымъ источникомъ для изученія исторіи реформаціи.

Краткіе разборы Слейдановыхъ комментаріевъ можно найдти: у L. Ranke—zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Berlin, 1824, pag. 61—68, F. W. Kampschulte, Ueber Joh. Sleidanus, помѣщ. въ Forschungen zur Deutschen Gesch. IV Band. Высказанное мнѣніе Ранке о риторическомъ характерѣ приводимыхъ Слейданомъ рѣчей, произнесенныхъ при выборѣ Карла V, вызвало нѣсколько опроверженій, напримѣръ, см. Neudecker und Preller — Spalatins historischer Nachlass und Briefe. Jena, 1851. I, pag. 115 n. Droysen—zwei Verzeichnisse Kaiser Karls V Lande въ Abhandlungen der Philolog. hist. Cl. d. K. Sächsischen Ges. d. Wissen. Band III, p. 339. Всѣ эти отзывы о Слейданѣ касаются только нѣкоторыхъ, и притомъ, самыхъ незначительныхъ частей его труда. Подробно и довольно удовлетворительно разобраны комментаріи Слейдана въ сочиненіи Johann Sleidan's Commentare über die Regierungszeit Karl's V von Th. Paur. Leipzig, 1843; кромѣ разбора, здѣсь исчислены всѣ изданія, переводы и продолженія комментаріевъ.

Біографія Слейдана составлена двумя его современниками: Пантелеономъ (Henricus Pantaleon Medicus) и Бейтеромъ (Michael Beuther); послѣдній находился съ Слейданомъ въ дружескихъ отношеніяхъ, и потому сообщаемыя имъ данныя заслуживаютъ полнаго довѣрія (wegen der Freundschaft, so sich zwischen dem Sleidano seligen und mir erhalten, въ предисловіи къ изд. 1558 года); они оба перевели на нѣмецкій языкъ трудъ Слейдана, и Бейтеръ, кромѣ того, продолжалъ комментаріи до 1583 года: Henrikus Pantaleon Medicus—Prosopographiae heroum atque illustrium virorum totius Germaniae pars III. Basil. 1565—1566 pag. 388. Michael Beutherus—vita Sleidani въ изданіи нѣмецкаго перевода Слейдановыхъ комментаріевъ 1568 и 1580 гг. Strassburg.

Всѣ послѣдующіе затѣмъ писатели заимствовали приводимыя ими біографическія данныя о Слейданѣ изъ этихъ двухъ источниковъ, въ особенности изъ болѣе обстоятельнаго очерка Бейтера, дѣлая иногда прибавленія; такъ напримѣръ, присовокупляли отзывы современниковъ о Слейданѣ, о его честности, безпристрастіи и добросовѣстности, или нападки на него со стороны католиковъ; прилагали списокъ изданій, переводовъ, продолженій комментаріевъ и т. п. Изъ этой массы литературнаго матеріала я укажу на два сочиненія, которыми пользовался при составленіи настоящаго біографическаго очерка:

1) Joannes Sleidanus verus et ad nostra tempora usque continuatus, das ist: Wahrhaftige und ordentliche Beschreibung allerlei fürnemer Händel und Geschichten etc. bis auf das 1620 Jahr nach Christi Geburt begeben und zugetragen, wie dieselbige anfänglich von Iohanne Sleidano in lateinischer Sprach verfertigt und hernach verteutscht worden.... jetzmals bis auf unsere Zeit continuirt durch M. Oseam Schadaeum Diaconum der Kirchen zum alten St. Peter in Strassburg. Strassburg 1621. Въ предисловіи помѣщенъ kurtzer jedoch wahrhaftiger Bericht von dem Standt und Leben Johannis Sleidani съ нѣкоторыми прибавленіями противъ редакціи Бейтера.

2) Caspar Sagittarius—Introductio in historia ecclesiastica ed. 1718. Tom I, p. 105. Данныя о жизни Слейдана заимствованы изъ сочиненія Шадеуса; присоединены литературныя указанія объ изданіяхъ, переводахъ и продолженіяхъ комментаріевъ и другаго сочиненія Слейданова „de IV summis imperiis."

Іоаннъ Слейданъ родился въ 1506 году въ нынѣшней прирейнской Пруссіи, въ городкѣ Слейденѣ (Schleiden im Eifelgau), принадлежавшемъ графамъ Мандершейдамъ, вассаламъ архіепископа Трирскаго. Происхожденія онъ былъ незнатнаго, почему, при поступленіи въ школу, принялъ фамилію Филипсонъ (отца его звали Филиппомъ), какъ это обыкновенно дѣлалось въ то время (*).

Вмѣстѣ съ землякомъ и ровесникомъ своимъ Іоанномъ Штурмомъ, въ послѣдствіи извѣстнымъ педагогомъ и ректоромъ Страсбургской гимназіи, посѣщалъ онъ городскую школу въ Слейденѣ; затѣмъ тринадцати лѣтъ отправился для усовершенствованія въ Люттихъ, но спустя три года вызванъ былъ родителями обратно и посланъ въ Кельнъ въ тамошнюю академію. Здѣсь занимался онъ изученіемъ древнихъ языковъ подъ руководствомъ извѣстныхъ въ то время гуманистовъ: Собія (Jacobus Sobius), Цесарія (Johannes Cesarius), Фрисемія (Johannes Phryssemius), Латома (Bartholomaeus Latomus), объяснявшихъ преимущественно Гомера, Ливія, Горація, Плинія. Здѣсь же издалъ онъ сборникъ эпиграммъ, снискавшій ему, какъ отличному латинисту, нѣкоторую извѣстность въ литературныхъ и ученыхъ кружкахъ того времени. Въ этомъ изданіи онъ самъ себя уже называетъ Sleidanus, обративъ въ фамилію прозваніе, приданное ему, вѣроятно, товарищами по академіи. Въ Кельнѣ Слейдана посѣтилъ другъ его I. Штурмъ, и найдя его здоровье разстроеннымъ, уговорилъ его, для излеченія болѣзни, переѣхать въ Лувенъ, гдѣ онъ жилъ самъ, переселившись туда изъ Люттиха вскорѣ послѣ отъѣзда Слейдана въ Кельнъ. Благодаря искусству врачей, Слейданъ вскорѣ выздоровѣлъ и могъ принять предложенное ему графомъ Мандершейдомъ мѣсто наставника

(*) Wie solches bei vielen Leuten in ober und nieder teutschen Landen, in Dännemark, Schweden, Reussen im Brauch ist. Schadaeus.

и воспитателя его сына. Въ 1533 году (*) Слейданъ, оставивъ графское семейство, отправился въ Парижъ, гдѣ прожилъ нѣкоторое время въ кружкѣ своихъ старыхъ друзей и знакомыхъ: Іоанна Штурма, уже съ 1529 года поселившагося тамъ и преподававшаго древніе языки, Варѳоломея Латома, бывшаго учителя своего, и др. Изъ Парижа Слейданъ переѣхалъ въ Орлеанъ для изученія права въ тамошней академіи, гдѣ такъ успѣшно занялся законовѣдѣніемъ, что вскорѣ пріобрѣлъ ученую степень лиценціата, продолжая притомъ изучать, кромѣ латинскаго языка, и французскій. Возвратясь чрезъ три года въ Парижъ (1536—1537) къ другу своему Штурму, онъ по рекомендаціи послѣдняго, отправлявшагося въ Страсбургъ для устройства такъ гимназіи (**), поступилъ, въ качествѣ секретаря, къ извѣстному епископу Парижскому кардиналу дю-Беллэ (Jean du Bellay). Въ этомъ новомъ положеніи, при благопріятной матеріальной обстановкѣ, Слейданъ не только имѣлъ достаточно досуга заниматься своими любимыми предметами, но могъ вмѣстѣ съ тѣмъ, пользуясь дружбой и расположеніемъ своего патрона, ознакомиться ближе съ ходомъ политическихъ событій и вникнуть глубже въ вопросы, волновавшіе современное общество (***).

Въ 1537 году онъ издалъ на латинскомъ языкѣ хронику Фроасарда въ сокращеніи и посвятилъ трудъ свой по обычаю

(*) Dedicatio Sleidani an Herzogen Augusto zu Sachsen — novem iis annis quibus hospitium (Gallia) illa mihi praebuit; въ 1542 году, какъ будетъ показано ниже, Слейданъ переѣхалъ на жительство въ Страсбургъ.

(**) О Штурмѣ см. Ch. Schmidt—La vie et les travaux de Jean Sturm, premier recteur du gymnase de Strasbourg. 1855.

(***) Dedicatio Sleidani. Und hab zwar in neun Jahren welche ich in Frankreich gewesen den mehrerntheil ihrer Geschichten selbst gesehen: dann das Martern und Brennen der Christen darvon hierin gemeldet wird, dessgleichen vilerey Satzungen und wie die Doctores zu Paris gegen etliche Kirchendiener Handlung fürgenommen, auch was für Lehre in Religion Sac en hernach ausgangen, item die Partheyen und zwitrachten am französischen Hofe, haben sich mehrern theils zu meiner Zeit, als ich daselbs gewesen, zugetragen.

того времени, патрону своему кардиналу дю-Беллэ (*). Посвященіе это, или лучше сказать, предисловіе къ труду даетъ намъ возможность познакомиться съ направленіемъ, научными взглядами и убѣжденіями Слейдана въ то время, когда онъ еще и не помышлялъ о комментаріяхъ прославившихъ его въ послѣдствіи.

Юридическія занятія въ Орлеанѣ, отвлекая Слейдана отъ исключительнаго изученія древнихъ писателей, расширили кругъ его воззрѣній и дали его уму болѣе практическое направленіе, которымъ вообще не отличалась школа гуманистовъ, вслѣдствіе чего онъ и на науку смотритъ съ точки зрѣнія утилитарной. Для него знанія человѣческія тѣмъ бо̀льшую имѣютъ важность, чѣмъ болѣе они могутъ противопоставить средствъ затрудненіямъ и несчастіямъ ближняго (**), почему онъ отдаетъ преимущество юридическимъ наукамъ (***), въ соединеніи съ краснорѣчіемъ (****), а затѣмъ исторіи, которая, какъ результатъ опыта предыдущихъ вѣковъ, есть лучшая школа для государственныхъ людей и монарховъ. Онъ совѣтуетъ изучать не только исторію Рима, которая такъ богата примѣрами для подражанія, но и исторію новѣйшихъ временъ, которая ближе къ нашимъ нравамъ, учрежденіямъ, понятіямъ, и потому можетъ дать намъ весьма много полезныхъ указаній, не говоря уже о томъ, что сильнѣе дѣйствуетъ на наше чувство и волю. Какое столѣтіе прибавляетъ онъ, можетъ сравниться съ настоящимъ по важности совершаемыхъ измѣненій, какъ въ политическомъ, такъ и въ религіозномъ отношеніи.

Блистательный дворъ Франциска I, борьба придворныхъ партій, религіозное броженіе умовъ, охватившее въ одинаковой степени почти всѣ слои общества,—все это не могло,

---

(*) Froissardi, nobilissimi scriptoris Gallici, historiarum opus omne, jamprimum et breviter collectum et latino sermone redditum a Iohanne Sleidano. Посвящено: ad reverendissimum in Christo patrem ac dominum Ioannem Bellajum, Episcopum Parisiensem et sanctae Romanae ecclesiae Cardinalem. Помѣчено: 12 го іюля 1537 года.

(**) Allenis difficultatibus malisque remedium possint opponere.

(***) Quae suum cuique tribuunt disciplinae.

(****) Quae judicandi et eloquendi scientiam docent.

конечно, оставаться безъ вліянія на Слейдана, находившагося постоянно въ обществѣ кардинала дю-Беллэ, который игралъ столь видную роль въ ряду окружавшихъ короля царедворцевъ и государственныхъ людей. Живые вопросы дня, возникавшіе, такъ-сказать, на глазахъ Слейдана, естественно приковывали его вниманіе и отвлекали отъ прежнихъ риторическихъ и стилистическихъ упражненій въ подражаніе древнимъ классикамъ.

Эта перемѣна въ воззрѣніяхъ и направленіи Слейдана ясно выказывается въ упомянутомъ предисловіи и въ самомъ выборѣ хроники Фроасарда для перевода. При всемъ томъ, однако, Слейданъ не могъ еще вполнѣ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ ложныхъ сторонъ школы гуманистовъ, напримѣръ, отъ убѣжденія, что только латинскій языкъ есть достойная форма для литературныхъ произведеній, и что поэтому хроника Фроасара должна быть прочитана Французомъ на латинскомъ языкѣ, а не на родномъ французскомъ; далѣе, слѣды космополитизма гуманистовъ, разрушаемаго постепенно религіозною и политическою революціей, еще довольно сильно высказываются въ Слейданѣ въ этомъ періодѣ его развитія. Нѣмецъ родомъ, онъ служитъ секретаремъ у одного изъ вліятельнѣйшихъ лицъ при дворѣ Французскаго короля, который находится въ постоянной борьбѣ съ Германскимъ императоромъ, и именно въ это самое время (1536 г.) началъ новую противъ него войну; онъ поступаетъ даже на службу къ королю, отъ котораго, въ качествѣ переводчика, отправляется вмѣстѣ съ посломъ его (Lazarus Bayfius) на земскій съѣздъ въ Гагенау (іюнь—іюль 1540 года) (*) для тайныхъ переговоровъ съ главами Шмалькальденскаго союза, въ виду предстоящаго разрыва съ императоромъ (**).

Слейданъ говоритъ въ предисловіи къ Фроасару о великомъ значеніи совершающихся событій, но остается при этомъ вполнѣ объективнымъ и нигдѣ не высказываетъ сочувствія

(*) Comment. XIII, стр. 216 bis; я цитую по изд. 1561. Argent.

(**) Въ 1538 году было заключено между Карломъ и Франциской десятилѣтнее перемиріе, но уже скоро начались недоразумѣнія и война возгорѣлась снова въ 1542 году.

какой-либо изъ сторонъ; для него прошелъ какъ-бы безслѣдно первый періодъ реформаціи (1517—1525), когда весь народъ Германскій возсталъ съ такою мощью противъ несостоятельныхъ формъ политическаго и церковнаго быта.

Но на съѣздѣ въ Гагенау въ убѣжденіяхъ Слейдана происходитъ внезапный переворотъ, опредѣлившій характеръ и направленіе дальнѣйшей его дѣятельности. Ни самъ онъ, ни біографы его не передаютъ намъ подробностей о пребываніи Слейдана въ Гагенау, повліявшихъ такъ сильно на его дальнѣйшую судьбу, такъ что мы можемъ говорить объ этомъ только въ общихъ чертахъ, основываясь на его послѣдующихъ сочиненіяхъ и на нѣкоторыхъ другихъ данныхъ.

Земскій съѣздъ въ Гагенау (*), какъ извѣстно, былъ созванъ для переговоровъ о церковныхъ вопросахъ (**) императоромъ Карломъ V, который, въ то время, по политическимъ разчетамъ, стремился къ сближенію съ протестантами и готовъ былъ сдѣлать уступки ихъ требованіямъ. Между государственными людьми и богословами протестантскими, явившимися въ Гагенау въ качествѣ депутатовъ городовъ или уполномоченныхъ представителей князей, особенно выдавались, какъ по учености, такъ и по вліянію и авторитету своему въ средѣ протестантской, Буцеръ, Бренцъ, Блауреръ, Осіандеръ, Писторіусъ, Шнепфъ и др. (***). Цѣлый мѣсяцъ (съ конца іюня до конца іюля 1540 года) продолжались пренія между обѣими сторонами, и въ нихъ, конечно не принимали участія ни посолъ французскій, ни состоящій въ свитѣ его переводчикъ, ограничивавшіеся частными переговорами и внимательнымъ изученіемъ положенія дѣлъ и отношеній партій.

Такимъ образомъ, Слейданъ вступилъ въ среду соотечественниковъ, сосредоточивавшихъ въ себѣ, такъ сказать, все,

(*) Собраніе было назначено въ Шпейерѣ, но вслѣдствіе эпидеміи переведено въ Гагенау. Sleid. Comment. XIII, cap. 7, pag. 216 bis.

(**) „Um die Dinge dahin zu richten, dass der langwierige Zwiespalt der Religion einmal zu christlicher Vergleichung gebracht werde". см. у Ranke Deut. G. IV, pag. 136 изд. 1868 года.

(***) Sleid. Comment.. XIII, pag. 217.

что прожилъ Германскій народъ въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, и проникнутыхъ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла и въ торжество проповѣдуемаго ими ученія. Особенно сильно должно было подѣйствовать на Слейдана свиданіе въ Гагенау съ Кальвиномъ, который, проживая тогда въ Страсбургѣ, пріѣзжалъ неоднократно въ близлежащій Гагенау, чтобы слѣдить за ходомъ религіозныхъ преній и вліять отчасти на политическіе переговоры. Они были знакомы другъ съ другомъ еще съ Парижа, гдѣ, вѣроятно, видались во дворцѣ Маргариты Наварской, у которой собирались и находили покровительство всѣ свободномыслящіе и передовые люди,—и тогда еще завязали дружбу, которая не прекратилась и съ выѣздомъ Кальвина изъ Франціи (1534 г.), но поддерживалась перепискою (*).

Не безслѣдно прошли для Кальвина годы изгнанія; богословскія занятія, дѣятельность его въ Женевѣ, удаленіе оттуда по постановленію совѣта, пребываніе въ богатомъ и вліятельномъ Страсбургѣ, центрѣ религіознаго и политическаго движенія,—все это обогатило его опытностью, расширило кругъ его воззрѣній и подготовило его къ будущей реформатской и законодательной роли. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ онъ за переговорами въ Гагенау; политическая сторона ихъ интересовала его не менѣе, чѣмъ богословская (**). Все еще надѣясь расположить своего короля въ пользу реформаціи, онъ искренно желалъ соединенія германскихъ протестантовъ съ Францискомъ противъ Карла, какъ для болѣе успѣшной пропаганды Евангелія въ самой Франціи, такъ и вообще—для торжества протестантскаго ученія въ Европѣ. Что Кальвинъ дѣйствовалъ въ Гагенау успѣшно для сближенія членовъ Шмалькальденскаго союза съ Франціей, мы можемъ заключить изъ письма къ нему Маргариты На-

(*) Письмо Слейдана къ Кальвину изъ Парижа отъ 22-го мая 1539 года, въ отвѣтъ на письмо къ нему послѣдняго: Sic igitur statuere debes, mi Calvine, te mihi carissimum esse cum propter eruditionem insignem tum vero ab pietatis hoc studium et flagrans in Dei cognitionem desyderium. Рукопись Женевской библіотеки у Kampschulte—Johann Calvin, стр. 332.

(**) Kampschulte, pag. 331, прим. I.

карской, переписывавшейся съ нимъ чрезъ Слейдана, въ которомъ она передаетъ Кальвину благодарность короля за его дѣйствія въ Гагенау и проситъ его оказывать и впредь услуги Франціи (*).

Довольно продолжительное и постоянное сношеніе съ такими людьми не могло, естественно, остаться безъ вліянія на Слейдана; онъ былъ посвященъ ими въ новое ученіе и во всѣ политическіе вопросы, связанные съ нимъ, и съ тѣхъ поръ уже является въ послѣдующихъ своихъ сочиненіяхъ ревностнымъ поборникомъ протестантства.

Состоя все еще на службѣ у Франциска I, Слейданъ изъ Гагенау возвратился въ Парижъ, повидавшись проѣздомъ въ Страсбургѣ съ другомъ своимъ Іоанномъ Штурмомъ, который, безъ сомнѣнія, еще болѣе укрѣпилъ его въ новыхъ идеяхъ, и по словамъ Шадеуса, уговаривалъ его даже оставить Парижъ и возвратиться на жительство въ Германію, въ виду начинающихся религіозныхъ междоусобій во Франціи и преслѣдованій протестантовъ со стороны французскаго правительства (**). Происшедшая скоро перемѣна въ судьбѣ Слейдана замедлила его переѣздъ на два года. Слейданъ, по видимому, произвелъ на представителей протестантскихъ, собравшихся въ Гагенау, весьма благопріятное впечатлѣніе, вслѣдствіе котораго на съѣздѣ членовъ Шмалькальденскаго союза въ Наумбургѣ, въ концѣ года, онъ былъ приглашенъ на два года, по предложенію Филиппа Гессенскаго, на службу къ союзу въ качествѣ исторіографа, переводчика и посланника для защиты интересовъ Шмалькальденцевъ и для продолженія сношеній съ французскимъ правительствомъ (***). Съ этихъ поръ онъ приступилъ къ составленію своихъ коммен-

(*) Письмо ея отъ 25-го іюля 1540 года. „Monsieur Calvyn, j'ay recue vostre lettre par Selidanus, lequel je n'ay eu grand peine de justifier envers le roy, veu les bons tesmoings qu'il a eu de son service, auxquels il a adjousté plus de foy que à tous les rapports faux qu'on lui eust sceu faire. Et entendez que lediet seigneur est merveilleusement satisfaict de bons services que vous et les vôtres lui faictes dar delà, desquels il est bien adverti.... Je vous prie aussi continuer à faire le service au roy que vous avez faict jusques icy". Kampschulte pag. 332.

(**) Schadaeus—vita Sleidani, pag. 2.

(***) Rommel—Philipp der Grossmüthige. 1830. Band II, pag. 439.

таріевъ, или вѣрнѣе сказать, къ собиранію матеріаловъ для нихъ, какъ самъ онъ говоритъ въ своей апологіи (*).

Но рядомъ съ этимъ обширнымъ трудомъ, занимавшимъ его до конца жизни, Слейданъ посвящалъ досуги свои и другимъ историческимъ сочиненіямъ, какъ мы увидимъ ниже, отражающимъ все тотъ же взглядъ ревностнаго протестанта, преданнаго всѣмъ существомъ своимъ новому ученію. Въ 1542 году, еще во время пребыванія въ Парижѣ, онъ напечаталъ подъ псевдонимомъ, на нѣмецкомъ языкѣ, два посланія—германскому императору и нѣмецкимъ князьямъ, въ которыхъ является ярымъ противникомъ папства и горячимъ приверженцемъ политическихъ идей, проводимыхъ протестантами (**).

Въ первомъ посланіи Слейданъ старается убѣдить Карла въ томъ, что его противодѣйствіе распространенію новаго ученія есть противодѣйствіе волѣ Всевышняго. „Ты избранъ былъ въ императоры", говоритъ Слейданъ, — „въ то самое

(*) Sleidani apologia ad Comment. ed. 1561; апологія писана въ 1556 году, equidem admirabile Dei beneficium, huic nostro tempori collatum, ordine ac vere, quantum omnino potui, perscripsi, ad eamque rem annis ab hinc XVI collegi.

(**) Оба посланія переведены имъ были на латинскій языкъ и изданы въ Страсбургѣ въ 1544 году съ предисловіемъ и нѣкоторыми дополненіями: J. Sleidani orationes quaenunc primum excusae, cum praefatione, quae paucis argumentum explicat. Argentinae, 1544; также помѣщены въ J. Sleidani opuscula quaedam, quorum ipse partim auctor, partim interpres, oper. et studio U. Putschii. Hanov. 1608. Кромѣ того, изъ предисловія видно, что посланіе къ императору Слейданъ перевелъ и на французскій языкъ: „quae causa fuit etiam, ut alteram ad Caesarem Gallica lingua perfecerim". Въ предисловіи къ латинскому изданію 1544 года говорится: Scriptae sunt a me lingua Germanica orationes, duae, quae prodierunt sub nomine Baptistae Lasdeni, et prodierunt sub eo nomine, non tam mea quadam sponte, quam sic volentibus amicis, qui putabant meis rationibus ita convenire, quamdiu non essem in Germania, iisque locis haererem, in quibus argumentum hoc minus gratum est atque plausibile. Я привожу здѣсь оба посланія въ сокращеніи, такъ какъ они характеризуютъ воззрѣнія и убѣжденія всей протестантской партіи, коей Слейданъ является только истолкователемъ; доводы, объясненія, доказательства, встрѣчаемые въ обоихъ посланіяхъ, постоянно повторяются въ рѣчахъ протестантовъ на земскихъ собраніяхъ, въ офиціальныхъ актахъ, документахъ и другихъ современныхъ сочиненіяхъ.

время, когда Богъ началъ карать людей за искаженіе святыхъ, евангельскихъ истинъ; тогда же возникло новое ученіе, которое видимо проводится самимъ Богомъ, такъ какъ оно крѣпнетъ постоянно и распространяется, не смотря на всѣ преслѣдованія; всякій разъ, какъ ты, въ союзѣ съ папою, намѣревался употребить силу для искорененія новаго ученія, тебя отвлекали отъ этого войны, и Всевышній направлялъ помыслы твои къ мирному соглашенію съ протестантами. Въ началѣ правленія своего ты былъ еще молодъ и не сознавалъ истинъ новаго ученія, ты руководился совѣтами враговъ Евангелія, которые тебя побудили издать эдиктъ 1521 года (государственная опала, произнесенная надъ Лютеромъ); но теперь, послѣ столькихъ неудачъ въ своихъ предпріятіяхъ, неужели ты не убѣдился еще въ правотѣ дѣла протестантовъ и въ томъ, что самъ Богъ имъ покровительствуетъ"?

Слейданъ уговариваетъ Карла закрыть инквизиціонный судъ въ Испаніи, имѣвшій еще значеніе при Фердинандѣ для искорененія тайныхъ Евреевъ и магометанъ, теперь же преслѣдующій только жаждущихъ истины и ищущихъ Христа; онъ уговариваетъ его прекратить преслѣдованія въ Нидерландахъ, такъ какъ онъ этими мѣрами только увеличиваетъ волненіе въ странѣ, проистекающее не вслѣдствіе новаго ученія, а именно вслѣдствіе издаваемыхъ указовъ.

„Государи поставлены самимъ Богомъ и по волѣ Его имѣютъ въ рукахъ высшій судъ и управленіе, но они должны помнить, что главнѣйшая ихъ обязанность состоитъ въ заботѣ о спасеніи душъ подданныхъ; они не должны пренебрегать волею народа въ дѣлахъ первой важности и выслушивать мнѣніе, честно высказанное представителями его относительно дѣлъ, касающихся общаго спасенія; они не должны забывать, что Богъ разрушилъ уже многія царства за неповиновеніе Его святой волѣ и за упорство въ ложномъ исповѣданіи; они должны всѣми силами стараться угодить Всевышнему и поддерживать истину въ угоду Ему. Богъ сдѣлалъ тебя, Карлъ, сильнѣйшимъ изъ государей для того, чтобы ты водворилъ истину на землѣ, какъ нѣкогда онъ поставилъ Кира для возвращенія свободы Іудеямъ и для возстановленія Іерусалимскаго храма. Но для совершенія этого великаго дѣла необходимо разбить рабскія оковы, наложен-

ныя папами на императоровъ, отказаться отъ подчиненія имъ и отъ унизительной, недостойной императоровъ присяги, вызванной силой отъ тебя и отъ твоихъ предшественниковъ".

Затѣмъ Слейданъ дѣлаетъ краткій очеркъ постепеннаго возвышенія и усиленія папства, обращаетъ особенное вниманіе на извѣстное постановленіе Лудовика Баварскаго (*), ставившее избраніе императора въ полную зависимость отъ папскаго утвержденія, и заканчиваетъ свое посланіе мольбою, чтобы Богъ направилъ помыслы Карла къ искорененію зла и порока, къ уничтоженію причинъ междоусобій, такъ долго волнующихъ Германію, и къ утвержденію всеобщаго мира и спокойствія въ Европѣ.

Въ посланіи къ князьямъ Слейданъ является поборникомъ политическихъ стремленій городовъ, въ особенности протестантскихъ, желавшихъ національной самостоятельности и независимости отъ папства въ внѣшнемъ отношеніи, ослабленія княжеской власти внутри и объединенія Германіи съ императоромъ во главѣ.

„Многіе изъ васъ", говоритъ Слейданъ, —„сознаютъ путь, которымъ можно было бы спасти Германію, но никто не принимается за дѣло энергически; главная помѣха къ возрожденію Германіи есть тѣсная связь ваша съ папой, съ злѣйшимъ врагомъ вашимъ, который причинилъ вамъ много зла, съ этимъ антихристомъ, котораго конецъ уже предвидѣнъ въ пророчествахъ Даніила. Вмѣсто того, чтобъ единодушно дать ему отпоръ и отстоять общее дѣло, вы постоянно враждуете между собою, имѣя въ виду только свои личныя выгоды, а папа, между тѣмъ, поддерживая ваши распри, старается возжечь междоусобную войну, зная хорошо, что, разъединяя васъ, онъ приготовляетъ намъ погибель и спасетъ тѣмъ свое упадающее значеніе и разлагающуюся власть".

Слейданъ обращается затѣмъ къ духовнымъ князьямъ и увѣщеваетъ ихъ не забывать своего высокаго назначенія, оставить земные помыслы свои и безграничное стремленіе къ пріобрѣтеніямъ и обогащенію.

(*) На съѣздѣ курфирстовъ въ г. Рензе — на Рейнѣ, 15-го іюля 1338 года.

„Церковныя имущества, главный поводъ къ постояннымъ распрямъ между вами, вы употребляете не по назначенію, а для своей собственной пользы; съ тѣхъ поръ, какъ благодать Божія открыла намъ истину, вы обратили богатства церкви къ искорененію истиннаго ученія именно потому, что оно открыло ваши злоупотребленія; отсюда постоянныя междоусобія; одна война рождаетъ другую, что̀ служитъ явнымъ доказательствомъ гнѣва Божьяго на насъ. Мы постояно съѣзжаемся на земскія собранія для обсужденія общихъ дѣлъ и для прекращенія споровъ, мы по нѣскольку разъ дѣлаемъ постановленія о томъ же самомъ вопросѣ, но совѣщанія наши ни къ чему не приводятъ и служатъ только предметомъ насмѣшекъ сосѣдей; вмѣсто единодушнаго соединенія всѣхъ къ общему благу Германіи, у насъ образуется множество отдѣльныхъ союзовъ, вслѣдствіе разлада въ мнѣніяхъ и интересахъ. Во всей Европѣ, да и во всемъ извѣстномъ мірѣ, нѣтъ такого политическаго устройства, какъ въ Германіи, гдѣ каждый князь, каждый городъ представляютъ самостоятельное государство, и гдѣ посему каждый имѣетъ въ виду только личный интересъ. Намъ угрожаетъ участь Греціи, которая была непобѣдима и сохраняла свою побѣду, пока была единодушна; но лишь только разъединилась, какъ подпала господству тирановъ. Намъ данъ Богомъ императоръ, котораго вы, князья, должны поддерживать, и оставивъ личные разсчеты и частныя соображенія, радѣть и заботиться вмѣстѣ съ нимъ о выгодѣ и благѣ цѣлой имперіи“.

Сравнивъ эти два посланія съ предисловіемъ Фроасарда 1537 года, мы можемъ видѣть, какое сильное впечатлѣніе произвело на Слейдана новое ученіе и близкое знакомство съ представителями его. Реформація отвлекла его отъ изученія права и приковала къ богословію; прежде онъ оцѣнивалъ науку съ точки зрѣнія практика-юриста, теперь онъ смотритъ на все съ точки зрѣнія богословской; тамъ, гдѣ онъ прежде видѣлъ дѣянія свободной воли человѣка, теперь онъ видитъ только исполненіе давно предсказаннаго въ Священномъ Писаніи и предопредѣленнаго Богомъ; вмѣсто равнодушнаго зрителя совершающихся предъ нимъ событій, мы встрѣчаемъ горячаго поборника интересовъ Германіи и политическаго ея возрожденія.

На этомъ богословскомъ воззрѣніи на міровыя событія и заканчивается, можно сказать, развитіе Слейдана; въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ повторяются тѣ же мысли и убѣжденія, которыя находятъ полное выраженіе свое въ послѣднемъ, предсмертномъ, его сочиненіи „О четырехъ монархіяхъ"—De quatuor summis imperiis.

Въ концѣ 1542 года, вѣроятно по исполненіи порученія, возложеннаго на него Шмалькальденскимъ союзомъ, и вслѣдствіе начавшейся новой войны между Карломъ и Франциской, Слейданъ переселился на жительство въ Страсбургъ, куда его уже и прежде, какъ мы видѣли, приглашалъ Іоаннъ Штурмъ (*). Занялъ ли онъ здѣсь должность преподавателя въ гимназіи Штурма, какъ говорятъ одни біографы (**), или получилъ мѣсто въ магистратурѣ города, по мнѣнію другихъ (***),—рѣшить трудно; достовѣрно только то, что Слейданъ продолжалъ и здѣсь свои литературныя занятія и собиралъ матеріалы для задуманныхъ имъ комментаріевъ.

Кружокъ, въ который онъ былъ введенъ другомъ своимъ Штурмомъ, всѣми любимымъ и уважаемымъ ректоромъ Страсбургской гимназіи, отнесся съ сочувствіемъ къ его предпріятію и оказывалъ ему всевозможное содѣйствіе. Слейданъ познакомился и сблизился съ образованнѣйшими людьми города, въ особенности съ Яковомъ Штурмомъ фонъ-Штурмекъ, занимавшимъ важнѣйшія должности въ Страсбургѣ (****), который въ теченіе 30 лѣтъ дѣйствовалъ на политическомъ поприщѣ (*****), участвовалъ отъ имени города Страсбурга

(*) Слейданъ выѣхалъ изъ Франціи въ сентябрѣ или октябрѣ 1542 года; къ такому заключенію приводитъ изученіе его комментаріевъ, въ которыхъ мельчайшія подробности о событіяхъ въ Парижѣ и Франціи вообще прекращаются съ начала XV книга, то-есть, съ конца августа 1542 года.

(**) Schadaeus vita Sleidani—da er diese namhafte Schule durch seine Weissheit geziert, und die guten Künste sehr befördert.

(***) Paur—J. Sleidan's Commentare, pag. 18, примѣч. 18.

(****) Въ то время должность Stadtmeister—Schadaeus vita Sleidani. О Страсбургѣ и его городовомъ устройствѣ см. Strassburg im XVI Jahrhundert v. Rathgeber. Stuttgart, 1871.

(*****) Dedicatio Sleidani.

въ 90 земскихъ собраніяхъ и другихъ съѣздахъ (*) и заслужилъ во всей Германіи громкое имя по высокимъ качествамъ и образованію своему (**).

Такой человѣкъ былъ болѣе другихъ въ состояніи помогать Слейдану необходимыми указаніями и совѣтами не только вслѣдствіе долгой опытности и участія въ важнѣйшихъ событіяхъ эпохи, но и вслѣдствіе своего высокаго положенія въ Страсбургской общинѣ. Яковъ Штурмъ, какъ говоритъ самъ Слейданъ, передъ смертью своею успѣлъ еще прочитать въ рукописи бо̀льшую часть комментаріевъ и сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія и исправленія (***).

Къ тому же Страсбургъ, по политическому вѣсу своему въ Германской имперіи, по значенію, пріобрѣтенному въ великомъ умственномъ и религіозномъ переворотѣ эпохи, наконецъ, по выгодному географическому положенію, представлялъ всѣ удобства для занятій литературныхъ, въ особенности для собиранія матеріаловъ по современной исторіи, и способствовалъ, какъ нельзя болѣе, къ укрѣпленію Слейдана въ его религіозномъ направленіи. Расположенный на окраинѣ имперіи, на большихъ торговыхъ путяхъ, соединявшихъ Германію, Францію, Швейцарію, Англію, Италію, Страсбургъ естественнымъ образомъ сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ центровъ торговли западной Европы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ умственнаго, религіознаго и политическаго броженія эпохи. Современники называли Страсбургъ Антіохіей новаго времени, а ревностные протестанты—новымъ Іерусалимомъ (****).

Странствующій ученый старался непремѣнно побывать въ Страсбургѣ и завязать здѣсь знакомства и сношенія; преслѣдуемые за вѣру, французскіе, нидерландскіе, англійскіе эмигранты искали въ Страсбургѣ убѣжища и пріюта и нахо-

---

(*) Comment. Sleid XXV, 24. fol. 478; ac plane decus nobilitatis Germaniae propter eximias animi dotes et doctrinam insignem.

(**) Comment. Sleid. XXV, caput XXIV, изд. Schadaeus. Примѣч. издателя.

(***) Dedicatio Sleidani. Штурмъ умеръ 30-го октября 1553 года. Lib. XXV, 24 fol. 478.

(****) Kampschulte. J. Calvin, pag. 322 прим. 2 и 3.

дили радушный пріемъ и покровительство (*). Здѣсь образовалась въ 30-хъ годахъ XVI столѣтія многочисленная французская колонія, первымъ пастыремъ и церковнымъ организаторомъ которой былъ Кальвинъ, проживщій въ этомъ городѣ три года (съ 1538 — 1541 года) передъ вторичнымъ своимъ отправленіемъ въ Женеву (**).

Во время пребыванія Слейдана въ Страсбургѣ, тамъ жили многіе замѣчательные передовые дѣятели эпохи, съ которыми Слейданъ, какъ видно по подробности и часто мелочности сообщаемыхъ о нихъ извѣстій въ комментаріяхъ, находился въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ. Такъ, напримѣръ, кромѣ упомянутыхъ уже выше Іоанна Штурма и Якова Штурма фонъ-Штурмекъ, довольно долго прожили въ Страсбургѣ въ одно время со Слейданомъ Мартинъ Буцеръ, Каспаръ Гедіонъ, Павелъ Фагіусъ, Петръ Вермильи и другія лица, игравшія столь видную роль въ реформаціонномъ движеніи и извѣстныя далеко за предѣлами родины (***).

Такимъ образомъ Слейданъ нашелъ въ Страсбургѣ кружокъ дѣятелей, которые разнообразными связями своими съ передовыми людьми другихъ странъ, разсказами о видѣнныхъ

(*) Comment. Slein. XII, 7, fol. 197. Comment. XXV, 31, fol. 480.

(**) Comment. XII, 7, fol. 197. Kampschulte. J. Calvin, p. 320 et sq.

(***) М. Буцеръ, призванный въ Англію архіепископомъ Краммеромъ, оставилъ Страсбургъ въ 1543 году, и жилъ здѣсь уже съ 1529 года. Онъ умеръ въ Кембриджѣ въ 1551 году. Comment. Sleid. VI, 43, fol. 103; XXI, 25, fol. 386; XXII, 29, fol. 414.—П. Фагіусъ вмѣстѣ съ Буцеромъ отправился въ Англію. XXI, 25, fol. 338. Sleid. Comm.; въ томъ же году умеръ въ Кембриджѣ. Sleid. Comm. XXI, 42, fol. 396—К. Гедіонъ, вмѣстѣ съ Буцеромъ посланъ былъ въ Марбургъ на colloquium, въ 1529 году. Sleid. Comm. VI, 43, fol. 103. Онъ умеръ въ Страсбургѣ въ 1552 году. Sleid. Comm. XXIV, 42, fol. 464.— П. Мартиръ (Pietro Martyr da Vermigli) Флорентинецъ, оставившій Италію вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій, поселился въ Страсбургѣ въ 1542 году. Въ 1547 году онъ переселился, по приглашенію Краммера въ Оксфордъ, гдѣ преподавалъ богословіе; вмѣстѣ съ нимъ переѣхалъ туда и другой Италіанецъ, извѣстный Бернардино Охино (Bernardinus Ochinus), Sleid. Comm. XIX, 41, fol. 353. Оба они оставили Англію въ 1553 году вслѣдствіе начавшейся реакціи; ibid. XXV, 31. fol. 475. П. Мартиръ возвратился въ Страсбургъ; ibid. XXVI, 35, fol. 512. Онъ умеръ въ Цюрихѣ въ 1562 году.

ими событіяхъ и часто сообщеніемъ подлинныхъ документовъ могли чрезвычайно много способствовать ему при собираніи матеріаловъ для комментаріевъ. Разлучаясь съ ними, онъ вступалъ съ ними въ переписку и этимъ путемъ, столь развитымъ въ тотъ вѣкъ за недостаткомъ газетъ и журналовъ, получалъ извѣстія о главнѣйшихъ событіяхъ съ разныхъ концовъ западной Европы. Такъ, положительно извѣстно, что Слейданъ находился въ перепискѣ съ кардиналомъ Іоанномъ дю-Беллэ, епископомъ Парижскимъ, Кальвиномъ, Мартиномъ Буцеромъ, Петромъ Вермильи (Pietro Martyr), Конрадомъ Пеутингеромъ, Лютеромъ, Меланхтономъ, Рожеромъ Ашамомъ (*) и друг.

Чрезъ Страсбургскихъ друзей поддерживались и близкія отношенія Слейдана къ протестантскимъ князьямъ, членамъ Шмалькальденскаго союза, которые ужь имѣли случай оцѣнить его дарованія и преданность реформаціонному дѣлу во время Гагенаускаго съѣзда и посольства въ Парижъ. Представителямъ этого союза, курфирсту Іоанну Фридриху и ландграфу Филиппу Гессенскому, Слейданъ посвятилъ свой переводъ „Исторіи Людовика XI и Карла Бургундскаго“ Комина, на латинскій языкъ, печатанный имъ въ Страсбургѣ въ самомъ началѣ 1545 года (**). Къ переводу десяти книгъ Комина приложены объясненія къ тексту и описаніе Франціи—illustratio rerum et Galliae descriptio (***) въ видѣ письма къ читателю (помѣчено 22-го февраля 1545 г.), затѣмъ въ началѣ книги посвященіе Іоанну Фридриху и ландграфу Филиппу (****). Здѣсь Слейданъ хвалитъ въ особенности правдивость Комина и противопоставляетъ ему современныхъ себѣ историковъ,

(*) Am-Ende — vermischte Anmerkungen über den berühmten Geschichtschreiber J. Sleidan въ Schelhorn—Ergötzlichkeiten aus der Kirchenhistorie. T. II et III: см. Sleidan's Commentare von Th. Paur. Rogeri Aschami Angli epistolarum libri III. Hanoviae 1602.

(**) Philippi Cominaei de rebus gestis dudovici undecimi Galliarum regis et Caroli Burgundiae ducis commentarii, ex Gallica lingua facti latini a Sleidano; Frankfurt A—M, 1578. Wechel.

(***) Ut planior sit et intellectu facilior quaedam paulo altius mihi repetenda sunt.

(****) Illustrissimis principibus Ioanni Frederico Saxoniae duci electori et Philippo landgravio Hessiae. Argentinae. Calendis Januariis. a 1545.

которые въ похвалѣ или порицаніи не знаютъ мѣры и пишутъ, или панегирики, или Филиппики (*); потому, прибавляетъ онъ, великую славу заслужилъ бы тотъ, кто представилъ бы истинное и правдивое повѣствованіе современныхъ событій (**); на курфирстѣ и ландграфѣ лежитъ святая обязанность осуществить это предположеніе, снабдивъ желающаго приступить къ подобному труду необходимыми матеріалами—документами и актами.

Возлагаемая на курфирста и ландграфа, надежда въ поддержкѣ предполагаемаго труда встрѣтила, какъ съ ихъ стороны, такъ и со стороны всѣхъ протестантскихъ членовъ имперіи, полное сочувствіе. На земскомъ собраніи въ Вормсѣ, открытомъ въ мартѣ того же 1545 года (***), протестанты постановили опредѣлить Слейдана вновь на службу къ Шмалькальденскому союзу въ качествѣ исторіографа, какъ это уже было сдѣлано однажды въ 1540 году, и поручить ему описаніе современныхъ политическихъ событій въ связи съ постепеннымъ развитіемъ и распространеніемъ новаго ученія (****).

Приглашеніе это застало Слейдана, какъ можно заключить изъ его собственныхъ словъ (*****), вполнѣ подготовленнымъ къ подобному труду; онъ тотчасъ же принялся приводить въ порядокъ собранный имъ матеріалъ и успѣлъ представить въ рукописи всю первую книгу своихъ комментаріевъ, обнимающую событія съ конца 1517 года до половины 1519 года, еще не разъѣхавшимся изъ Вормса проте-

---

(*) Nimis vel laudatione vel vituperatione modum omnem excedunt, sic ut Panegyricum aut Verrinam aliquam actionem videantur velle conscribere. ..

(**) Ab ipso statim primordio, diligenter et bona fide...

(***) Sleid. comment. XVI, 6, fol. 271. Земское собраніе открыто 24-го марта 1545 года; императоръ прибылъ 15-го мая Ibid. cap. XI, fol. 276. Собраніе было закрыто 4-го августа, Ibid. cap. XX. fol. 279.

(****) Hortleder—Handlungen und Ausschreiben von Rechtmässigkeit des deutschen Krieges etc. Gotha 1645. Вслѣдъ за предисловіемъ помѣщена копія съ письма Слейдана къ ландграфу Филиппу Гессенскому отъ 15-го мая 1546 года изъ Страсбурга... mich vor einem Jahr zum Diener angenommen, nehmlich, dass ich neben andern, die ganze Histori der erneuerten Religion beschreiben möge.

(*****) Посвященіе Августу Саксонскому въ изд. Шадеуса ст. 2. Hortleder l. c.

стантамъ, чрезъ посредство саксонскаго вице-канцлера Буркгарда и Іакова Штурма фонъ-Штурмекъ, своего друга и покровителя. Этотъ образчикъ историческаго изложенія Слейдана произвелъ на Шмалькальденцевъ благопріятное впечатлѣніе; они просили его еще настоятельнѣе продолжать начатый трудъ и обѣщали, по просьбѣ его, доставить ему необходимые матеріалы (*). Здѣсь же въ Вормсѣ рѣшено было отправить отъ протестантскихъ князей посольство къ Французскому и Англійскому королямъ для посредничества къ мирному ихъ соглашенію, въ виду замѣтной готовности съ обѣихъ сторонъ вступить въ переговоры. Для этой цѣли князья избрали нѣсколько лицъ, въ томъ числѣ и Слейдана, которому назначили вмѣстѣ съ Лудвигомъ фонъ-Бамбахомъ вести переговоры съ англійскими уполномоченными (**).

Не достигнувъ цѣли посольства, Слейданъ съ товарищами возвратился въ Франкфуртъ въ началѣ 1546 года, гдѣ тогда былъ съѣздъ членовъ Шмалькальденскаго союза, совѣщавшихся о мѣрахъ къ собственной защитѣ, въ виду все болѣе усиливающихся слуховъ о предстоящей войнѣ императора противъ нихъ (***). Здѣсь Слейданъ видѣлъ ландграфа Филиппа, вице-канцлера саксонскаго и другихъ своихъ покровителей и возобновилъ просьбу о доставленіи ему необходимыхъ документовъ, такъ какъ до тѣхъ поръ, не смотря на данное въ Вормсѣ обѣщаніе, ему еще ничего не было сообщено (****). Но и эта вторичная просьба осталась безъ послѣдствій. Слейданъ, чрезъ нѣсколько времени (*****), писалъ ландграфу Гессенскому, прося его ходатайствовать за него по этому дѣлу предъ курфирстомъ саксонскимъ, въ архивахъ котораго, по всему вѣроятію, находилось большое количество документовъ, такъ какъ Фридрихъ Мудрый и его преемники принимали самое дѣятельное участіе въ главнѣйшихъ событіяхъ эпохи. Онъ изъявлялъ готовность пріѣхать къ ландграфу или курфирсту, въ случаѣ если его присут-

---

(*) Ibid.

(**) Sleid. Comment. XVI, 22, fol. 279. Hortleder l. c.

(***) Sleid. Comment. XVI, 29, fol. 284.

(****) Hortleder l. c.

(*****) 15-го мая 1546 года, ibid.

ствіе сочтено будетъ необходимымъ для разбора архивнаго матеріала.

На ходатайство Филиппа Гессенскаго (*), курфирстъ Іоаннъ Фридрихъ отвѣчалъ (**), что, по наведеннымъ справкамъ, въ его архивахъ оказалось весьма мало матеріаловъ, которыми могъ бы воспользоваться Слейданъ; что въ нихъ, напримѣръ, ничего не найдено касательно такихъ знаменательныхъ земскихъ собраній, какъ Вормское (1521 г.) и Шпейерское (1526 г.); что сохранились только какія-то записи о Нюрнбергскомъ (1522 г.) и Аугсбургскомъ (1530 г.) земскихъ собраніяхъ, которыя и будутъ сообщены Слейдану, если онъ того пожелаетъ.

Начавшаяся вскорѣ послѣ того (осенью 1546 г.), Шмалькальденская война уничтожила послѣднія надежды Слейдана на поддержку предпринятаго имъ труда со стороны представителей протестантской партіи; плѣненіе курфирста Іоанна-Фридриха и ландграфа Филиппа и подчиненіе остальныхъ протестантскихъ членовъ имперіи Карлу V прекратило существованіе Шмалькальденскаго союза и тѣмъ самымъ лишило Слейдана матеріальной помощи съ его стороны. Другъ и покровитель его Яковъ Штурмъ, вліяніемъ своимъ, доставилъ ему мѣсто при магистратурѣ города Страсбурга (*), такъ что Слейданъ поставленъ былъ въ возможность продолжать свои комментаріи, хотя, конечно, ужь не могъ имѣть въ своемъ распоряженіи всю необходимую для него массу матеріаловъ и волею-неволею долженъ былъ ограничиваться Страсбургскимъ архивомъ, частными извѣстіями, памфлетами и разсказами дѣйствующихъ лицъ, въ особенности дѣятельнаго Якова Штурма.

Печальныя для протестантовъ событія 1546 и 1547 годовъ, пораженіе Шмалькальденцевъ, плѣненіе ихъ предводителей, торжество императора и не скрываемое имъ желаніе возстановить католическую церковь, это тревожное время междо-

(*) Hortleder l. c. Письмо отъ 21-го мая 1546 года.
(**) Письмо отъ 10-го іюня 1546 года, ibid.
(***) Schadaeus vita Sleidani.

усобной войны, какъ говоритъ самъ Слейданъ (*), замедлили продолженіе начатаго имъ труда, да и, вѣроятно, охладило въ немъ прежнее рвеніе къ составленію „Исторіи постепеннаго развитія и распространенія новаго ученія". Онъ снова взялся за переводы съ французскаго языка на латинскій, пока измѣнившіяся обстоятельства не привлекли его чрезъ нѣсколько лѣтъ къ прежнимъ занятіямъ.

Въ 1548 году онъ напечаталъ въ Страсбургѣ переводъ на латинскій языкъ исторіи Филиппа Комина о Неаполитанскомъ походѣ Карла VIII (**), затѣмъ переводъ сочиненія Сесселя (Claude de Seyssel) „О французскомъ государствѣ и объ обязанностяхъ королей" (***), и, наконецъ, „Сущность ученія Платона о государствѣ и законахъ" (****). Судя по этимъ сочиненіямъ, Слейданъ находился въ это время въ близкихъ отношеніяхъ къ англійскому правительству, такъ какъ переводъ Комина посвященъ герцогу Сомерсету, регенту и протектору Англіи во время малолѣтства Эдуарда VI (*****), переводъ Сесселя посвященъ Эдуарду VI (******), а сочиненіе

(*) Dedicatio Sleid. ed. Schadaeus pag. 2; erhube sich ein Krieg, welcher nicht allein alle andere Studia und gute Künste verhindert, sondern mir such mein Vorhaben umbgekehrt und verzogen hat.

(**) Philippi Cominæi equitis de Carolo octavo, Galliæ rege, et bello Neapolitano commentarii. libri V, J. Sleidano interprete. Argent. 1548. Предисловіе помѣчено: Majo mense 1548. Часто перепечатано. Я пользовался изд. 1578. fol. Francf. A—M: Tres gallicarum rerum scriptores nobilissimi: Philippus Cominæus, Froissardus, Claudius Sesellius. За текстомъ Комина слѣдуетъ послѣсловіе Слейдана—Sleidanus lectori... quæ sunt in his commentariis obscuriora, paucis explicabimus.

(***) Claudii Sesellii viri patricii de republica Galliæ et regum officiis; libri duo, Sleidano interprete. Предисловіе помѣчено mense Junio a 1548. Adjecta est.

(****) Summa doctrinæ Platonis de republica et legibus. Предисловіе помѣчено mense Junio 1548.

(*****) Illustrissimo Principi, Eduardo, duci Somerseti, Comiti Herfordensi, Gubernatori et regnorum atque ditionum omnium Serenissimi Angliæ regis, protectori, et ejusdem terra marique legato summo.

(******) Serenissimo principi Eduardo, ejus nominis Sexto, Angliæ, Franciæ et Hyberniæ Regi.

о Платонѣ — Пагету, совѣтнику короля Англійскаго (*), что, вѣроятно, и послужило поводомъ къ позднѣйшему извѣстію о пенсіи, которую будто бы получилъ Слейданъ отъ Англіи (**).

Въ посвященіяхъ или предисловіяхъ къ этимъ тремъ сочиненіямъ Слейданъ не высказываетъ никакихъ новыхъ воззрѣній, оставаясь, какъ мы ужь имѣли случай замѣтить, все на той же богословской точкѣ зрѣнія. Онъ хвалитъ Комина за безпристрастіе и правдивость, Сесселя за наблюдательность и твердость убѣжденій (***); совѣтуетъ изучать Платона, въ которомъ воплотилась вся сила человѣческаго ума, еще не просвѣщеннаго откровеніемъ (****); соглашается съ Сесселемъ въ томъ, что монархи, хотя и не подчинены никакой власти на землѣ, не должны однако преступать предѣлы законности и насиловать убѣжденія и совѣсть своихъ подданныхъ (*****), и увѣщеваетъ вообще оставаться твердыми въ принятомъ новомъ ученіи, „ибо врагъ человѣчества бодрствуетъ и измышляетъ разныя хитрости и козни, чтобы не утратить чего-либо изъ своей власти (******).

Окончаніе Шмалькальденской войны, примиреніе, хотя только и внѣшнее, протестантской партіи съ императоромъ,

---

(*) Magnetico et spectabili viro Pageto, serenissimi regis Angliae consiliario, equiti et primario, regiae domus oeconomo.

(**) Le Courayer въ предисловіи къ французскому переводу комментаріевъ Слейдана. 1767. la Haye.

(***) Quod eo tempore tantum et vidit et aususfuit pronunciare.

(****) Plato, Dei quidem cognitionem non habuit, quae nobis ministerio spiritus atque verbi est demonstrata; sed tamen doctrina et ratiocinatione ad summum fastigium et ad metam pervenit, quam humana mens nulla possit excedere... Jam vero, quamquam Christi Philosophia nobis ad omnem virae rationem praelucere debet, tamen quae sunt etiam apud ethnicos, morum atque civilis vitae praecepta, minime sunt aspernanda, cujusmodi sunt Platonis de republica et de legibus libri.

(*****) Et sicut monarchae nullius imperium agnoscunt, ita quoque summam merentur laudem, quando legum vincula, quibus populum coërcent, sibi etiam inducent ipsi; .....tribus autem vinculis complectitur religione, jurisdictione, politia.

(******) Tumultuatur enim humani generis hostis, et omnes artes atque machinas excogitat, ut nequid suae ditionis amittat.

наставшее спокойствіе, впрочемъ недолго продолжашееся, дали возможность Слейдану обратиться съ прежнимъ рвеніемъ къ своему начатому труду—составленію исторіи прожитой имъ эпохи (*). Къ половинѣ 1553 года имъ уже написаны были первые 15 книгъ комментаріевъ, которыя другъ его Яковъ Штурмъ успѣлъ еще прочитать предъ смертью и сдѣлать въ нихъ нѣкоторыя поправки (**).

Одновременно съ этими занятіями Слейданъ былъ снова вызванъ городомъ Страсбургомъ на дипломатическую дѣятельность. Въ 1551 году онъ былъ посланъ отъ Страсбурга и нѣкоторыхъ другихъ имперскихъ городовъ южной Германіи (Швабіи) въ Тридентъ, для веденія переговоровъ, вмѣстѣ съ уполномоченными отъ Виртемберга и Саксоніи, съ членами собора объ условіяхъ допущенія къ преніямъ протестантскихъ богослововъ (***). Здѣсь оставался онъ съ ноября (21-го числа) 1551 года до конца марта 1552 года, тщетно добиваясь, вмѣстѣ съ товарищами своими, официальной аудіенціи въ собраніи (****). Возвратясь домой, онъ вскорѣ снова былъ посланъ съ двумя другими лицами (май 1552) въ Цабернъ (неподалеку отъ Страсбурга), гдѣ стоялъ лагеремъ король

(*) Dedicatio Sleid. ed. Schadaeus, pag. 3, es fiel bald eine jämmerliche Zeit ein... Jedoch und alsobald ich mich von denselbigen hindernissen mögen aussreissen, und sonderlich diese 3 nahest verlauffene Jahre her, hab ich allen möglichen fleis und arbeit daran gewendt und nicht eher nachgelassen bis ich zu gewünschtem Ende kommen. Помѣчено: 23-го марта 1555 года.

(**) Ibid... auf mein Bitt den mehrentheil dieses Buches vor seiner Krankheit, daran er gestorben, überlesen, und mich in denen dingen da es von nöthen gewesen treulich underricht. Примѣч. Шадеуса къ этому мѣсту. Штурмъ умеръ 30-го октября 1553 года.— Comment. Sleid. XXV, 24, fol. 478. Octobris die penultimo, Jacobus Sturmius... e vita decedit Argentorati, cum ex febri quartana per tempus bimestro decubuisset

(***) Comment. Sleid. XXIII, 9, fol. 426.

(****) Изъ Тридента Слейданъ съѣздилъ, въ первой половинѣ февраля 1552 года, съ однимъ изъ саксонскихъ уполномоченныхъ на двѣ недѣли въ Италію и доѣзжалъ до Венеціи. Comment. XXIII, 24, fol. 436 bis. См. также объ этомъ путешествіи письмо Слейдана (отъ 28-го февраля 1552 года) къ другу своему Ашаму—Rogeri Aschami familiarium epistol. libri tres. Hanov. 1602. Сарпи (Istoria del Concilio Tridentino edit. Firenze 1858) описываетъ это время въ IV-й книгѣ

Французскій Генрихъ II, занявшій тогда всю Лотаринвгію и приближавшійся уже къ Страсбургу, для переговоровъ о болѣе умѣренныхъ требованіяхъ относительно снабженія войска провіантомъ (*).

Но съ 1552 года Слейданъ, по собственнымъ словамъ его (**), опять занялся исключительно своими комментаріями и весною 1555 года (***) окончилъ 25-ю книгу, доведя событія до конца февраля 1555 года. Право на изданіе комментаріевъ, какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и въ нѣмецкомъ переводѣ. Слейданъ уступилъ Страсбургской типографской фирмѣ „Рихель" (Wendelinus Rihelius), за которою привиллегія эта была утверждена императоромъ Карломъ V и подтверждаема Фердинандомъ I, Максимиліаномъ II, Рудольфомъ II (****).

Трудъ Слейдана произвелъ на современное общество, какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ, весьма большое впечатлѣніе и раскупался такъ быстро, что самъ авторъ въ томъ же 1555 году приготовилъ къ печатанію четыре изданія, изъ которыхъ второе, имъ нѣсколько исправленное въ отношеніи слога, послужило основаніемъ позднѣйшихъ лучшихъ изданій (*****). Этотъ успѣхъ комментаріевъ былъ причиною, что уже при жизни Слейдана, безъ вѣдома и разрѣшенія его и издателя Рихеля, появился нѣмецкій переводъ, латинская перепечатка и сокращеніе комментаріевъ съ большими ошибками, искажающими смыслъ, что побудило Слей-

своей „Исторіи Тридентскаго собора". Разногласій между нимъ и Слейданомъ нѣтъ; изложеніе послѣдняго значительно короче, такъ какъ авторъ имѣетъ въ виду одни нѣмецкіе интересы; относительно Германіи Слейданъ служитъ главнымъ источникомъ для Сарпи въ этомъ мѣстѣ также, какъ и во всемъ сочиненіи.

(*) Comment. Sleid. XXIV, 10, fol. 449.

(**) См. примѣч. 1 на стр. 41.

(***) Dedicatio помѣчена 23-го марта 1555 г.

(****) Шадеусъ въ предисловіи къ своему изданію и продолженію.

(*****) Объ изданіяхъ Слейдана см. Cas. Sagittarius — introductio in hist. ecles. ed. 1718. Paur, Joh. Sleidan's Commentare. Лучшее и послѣднее доселѣ изданіе есть Am-Ende, Frank. A.-M. 17[85]/[86]. Съ 1555 г. до 1786 г. было всего около 80-ти изданій.

дана присоединить къ послѣдующимъ изданіямъ Рихеля предостереженіе читателю (*).

Весьма естественно, что въ такое время разлада партій и религіозныхъ воззрѣній, трудъ Слейдана встрѣченъ былъ не съ одинаковымъ повсюду сочувствіемъ. Тотчасъ же по появленіи книги, на автора посыпались упреки въ невѣрномъ и пристрастномъ изложеніи, въ преднамѣренномъ упущеніи важныхъ документовъ, въ искаженіи фактовъ и т. п., упреки, не заслуживающіе особеннаго вниманія по несправедливости и мелочности своей (**). Въ защиту отъ подобныхъ пристрастныхъ нападокъ, въ особенности со стороны католиковъ, чувствовавшихъ себя разоблаченными спокойнымъ и документальнымъ разсказомъ автора, Слейданъ написалъ извѣстную апологію, которая и печаталась съ тѣхъ поръ во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ вмѣстѣ съ 26-ю книгою, написанною Слейданомъ передъ самою смертью и переданною друзьямъ въ рукописи.

Вскорѣ за первымъ изданіемъ уже начали появляться съ католической стороны цѣлыя сочиненія въ опроверженіе комментаріевъ; сочиненія эти съ исторической точки зрѣнія не имѣютъ никакой цѣны, такъ какъ въ нихъ, кромѣ брани, клеветы, одностороннихъ, бездоказательныхъ нападокъ и повторенія извѣстныхъ всѣмъ католическихъ аргументовъ, нѣтъ ничего самостоятельнаго и поучительнаго (***). Таковы были

(*) Author lectori; печаталось въ большей части изданій, съ 1556 года начиная. Не дозволенная перепечатка, впрочемъ, продолжалась и послѣ того, иногда съ нѣкоторыми измѣненіями въ текстѣ и пропусками, дѣлаемыми издателями въ угоду католическимъ читателямъ; такъ, напримѣръ, любопытна слѣдующая поправка: Слейданъ пишетъ Comment. XIII, 18, fol. 222: Tecelius inter alia docebat, se tantam habere potestatem a pontifice, ut etiam si quis Virginem Matrem vitiasset et gravidam fecisset, condonare crimen ipse posset interventu pecuniae; поддѣльныя изданія имѣютъ Virginem aut matrem.

(**) См. объ этомъ—Schadaeus vita Sleidani въ изданіи комментаріевъ; Hortleder—Handlungen und Ausschreiben von Rechtmässigkeit d. deutschen Krieges etc. Gotha, 1645, въ предисловіи.

(***) Объ этихъ опроверженіяхъ см. Schadaeus—vita Sleidani и Paur J. Sleidanis Commentare.

напримѣръ, сочиненія Фонтэна (*), Геннепа (**), Сурія (***) и въ XVII столѣтіи сочиненіе іезуита Мембура (****), вызвавшее въ опроверженіе знаменитый трудъ Секендорфа—Commentarius de Lutheranismo. Francf. 1692.

Отпечатавъ первыя 25 книгъ, Слейданъ продолжалъ свою хронику, и умирая, оставилъ друзьямъ своимъ въ рукописи 26-ю книгу, въ которой повѣствованіе доведено до сентября 1556 года (*****).

Одновременно съ составленіемъ комментаріевъ, Слейданъ работалъ послѣдніе годы своей жизни надъ другимъ сочиненіемъ, которое, не менѣе главнаго его труда, прославило его имя у современниковъ и потомства. Сочиненіе это—руководство ко всеобщей исторіи подъ заглавіемъ De quatuor summis Imperiis, написанное имъ для учащагося юношества, представляетъ полное и ясное выраженіе не только міросозерцанія самаго Слейдана, но и всей современной ему протестантской партіи въ особенности педагогическаго протестантскаго міра (******). Слейданъ проводитъ здѣсь мысль, что главнѣйшій историческій источникъ для христіанъ составляетъ Священное Писаніе, которое повѣствуетъ намъ о происхожденіи рода человѣческаго, представляетъ намъ примѣры милосердія и гнѣва

(*) Fontaine—Histoire catholique de notre temps, touchant l'estat de la religion chretienne, contre l'histoire de Jean Sleydan. Anvers, 1558. Переведено было на латинскій и италіанскій языки.

(**) Epitome Warhafftiger Beschreibung der vornembsten Händel, so sich in Geistlichen und Weltlichen Sachen, v. Jahr unseres Herrn 1500 bis in das Iahr 1559 zugetragen und verloffen haben etc. mit Anzeigung, wie offt und vil Sleidanus mehr auss Neigung des Affekts, dan liebe der Wahrheit, etliche Dyng beschriben hat. Cöln 1559. Gennep.

(***) Commentarius brevis rerum in orbe gestarum ab anno salutis 1500 usque in annum 1574. per L. Surium Carthusianum. Colon. 1602.

(****) Histoire du Lutheranisme par S. Maimbourg. Paris, 1680.

(*****) Онъ умеръ 31-го октября 1556 г. Continuatio Sleidani—Schadaeus подъ 1556 г. I tom., 1 lib. Съ 1558 года всѣ изданія имѣютъ уже 26-ю книгу и апологію.

(******) De quatuor summis imperiis—первое изд. Rihel. Argent. 1556. Выписки помѣщены у Putschius—Sleid. opuscula, Hanov. 1608. До 1676 года было всего 55 изданій. См. Wachler—Geschichte der Historischen Forschung und Kunst. Göttin. 1812. I, p. 222. Также

Божьяго, открываетъ намъ волю и предначертанія Всевышняго, такъ какъ все, что происходитъ нынѣ и произойдетъ въ будущемъ, предвидѣно и предсказано задолго впередъ (*). Сообразно съ этимъ основнымъ взглядомъ на развитіе человѣческаго общества, Слейданъ групируетъ факты древней и новой исторіи, излагая сперва исторію царства Вавилонскаго и Персидскаго, затѣмъ Греціи, Римской республики и имперіи, продолженіемъ которой представляетъ священную имперію Германской націи. Съ христіанскихъ временъ изложеніе дѣлается полнѣе и обстоятельнѣе, при чемъ авторъ почти вовсе не останавливается на политическихъ событіяхъ, обращая вниманіе исключительно на вопросы церковные. Здѣсь приводятся декреты, послужившіе основаніемъ папскаго могущества, повѣствуется о постепенномъ увеличеніи папской власти, о хитростяхъ и козняхъ, употребленныхъ Римомъ для подчиненія себѣ императоровъ, о постоянно возникавшей и убиваемой папствомъ оппозиціи, пока наконецъ послѣдняя, при вступленіи на престолъ Карла V, не одержала верхъ и не просвѣтила человѣчества истиннымъ ученіемъ. Затѣмъ авторъ описываетъ печальное положеніе нѣкогда могущественной Германской имперіи, теперь разъединенной и слабой, изчисляетъ понесенныя имперіей территоріальныя утраты и повторяетъ вообще мысли, уже однажды въ (1542 г.) имъ высказанныя въ двухъ посланіяхъ—къ императору и имперскимъ князьямъ, о которыхъ мы говорили выше. Въ заключеніе авторъ даетъ обстоятельное объясненіе сновидѣнія Навуходоносора, на которомъ основана была въ то время вся теорія о четырехъ міровыхъ монархіяхъ, и опираясь на пророчествѣ

Paur—Sleidan's Commentare, pag. 46. Сочиненіе Слейдана посвящено Эбергарду герцогу Виртембергскому.

(*) Apud nos quidem qui Christi nomen profitemur, primum in eo genere locum sibi vindicant Biblica scripta, quae et originem tradunt humani generis et Dei voluntatem ostendunt, et misericordiae simul ac irae divinae plurima nobis documenta subministrant. Ab iis proxime cognosci debet, quidquid de reliquis gentibus memoriae proditum est, nihil enim propemodum evenire possit, cujus non extet, et jam olim aliqua proposita sit effigies.

Даніила, предсказываетъ, что злѣйшіе враги—папа (антихристъ) и Турокъ—будутъ терзать родъ человѣческій до вторичнаго пришествія Спасителя, Утѣшителя всѣхъ притѣсняемыхъ и вѣрующихъ.

КОНЕЦЪ 2-ГО ТОМА.

ОПЕЧАТКИ.

Стран.	Строка.	Напечатано:	Должно читать:
5	5	Лѣдовика	Людовика
9	28	ни	не
14	31	заключавшейся	заключавшійся
26	11	секулизировалъ	секуляризировалъ
45	22	jurien	yurien
87	6	таилось	таилась
109	13	Боргольмъ	Борнгольмъ
116	15	въ	съ
153	11	городамъ	горамъ
191	3	гонноверскою	ганноверскою
217	26	фаворотизмъ	фаворитизмъ
218	28	искуственно	искусственно
219	3 прим.	находилось	находились
222	27	нравственныя	нравственные
232	26	постепенное	постепенно
237	30	своей	свой